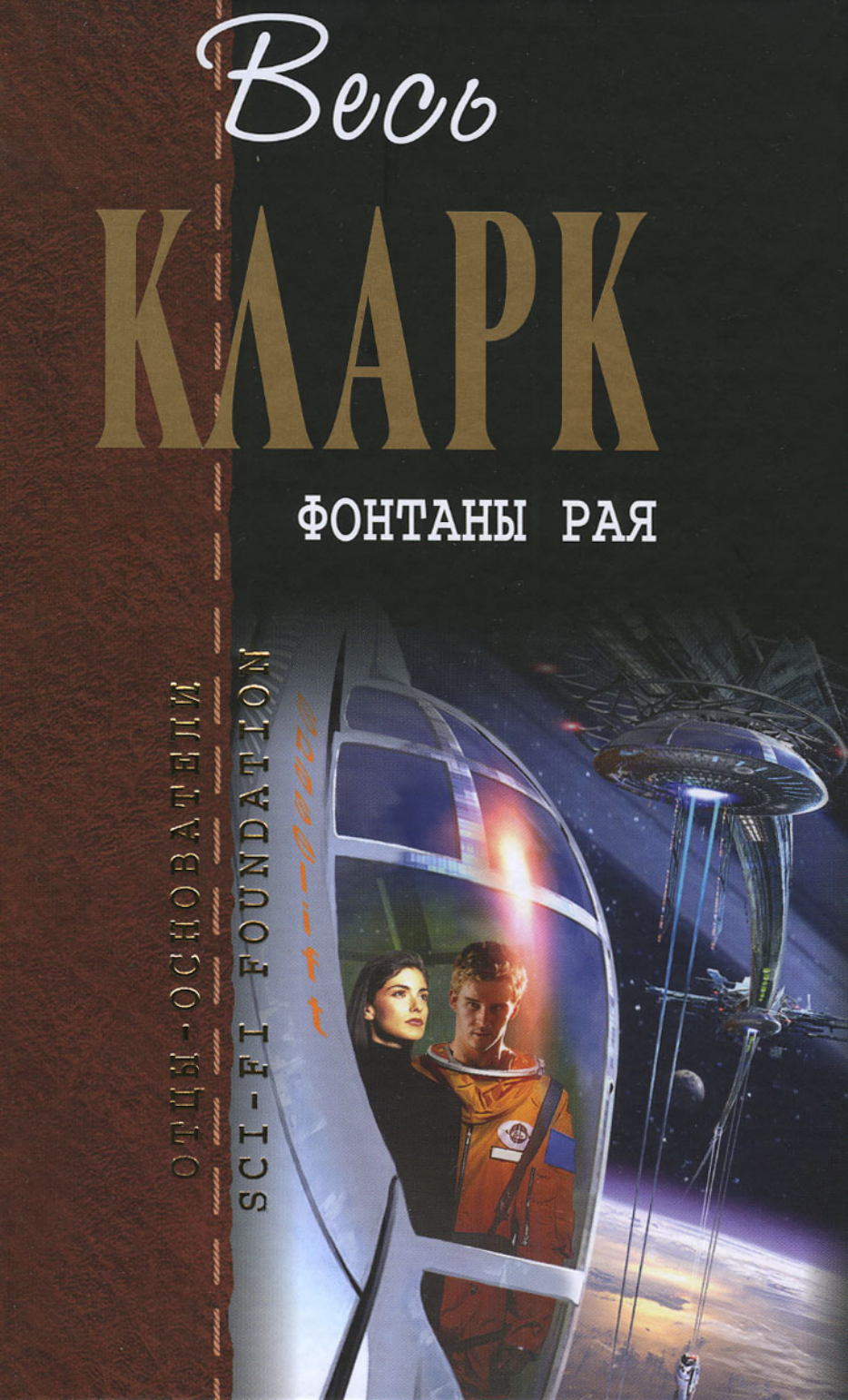
Весь

КЛАРК

ФОНТАНЫ РАЯ



ОТЦЫ-ОСНОВАТЕЛИ

SCI-FI FOUNDATION

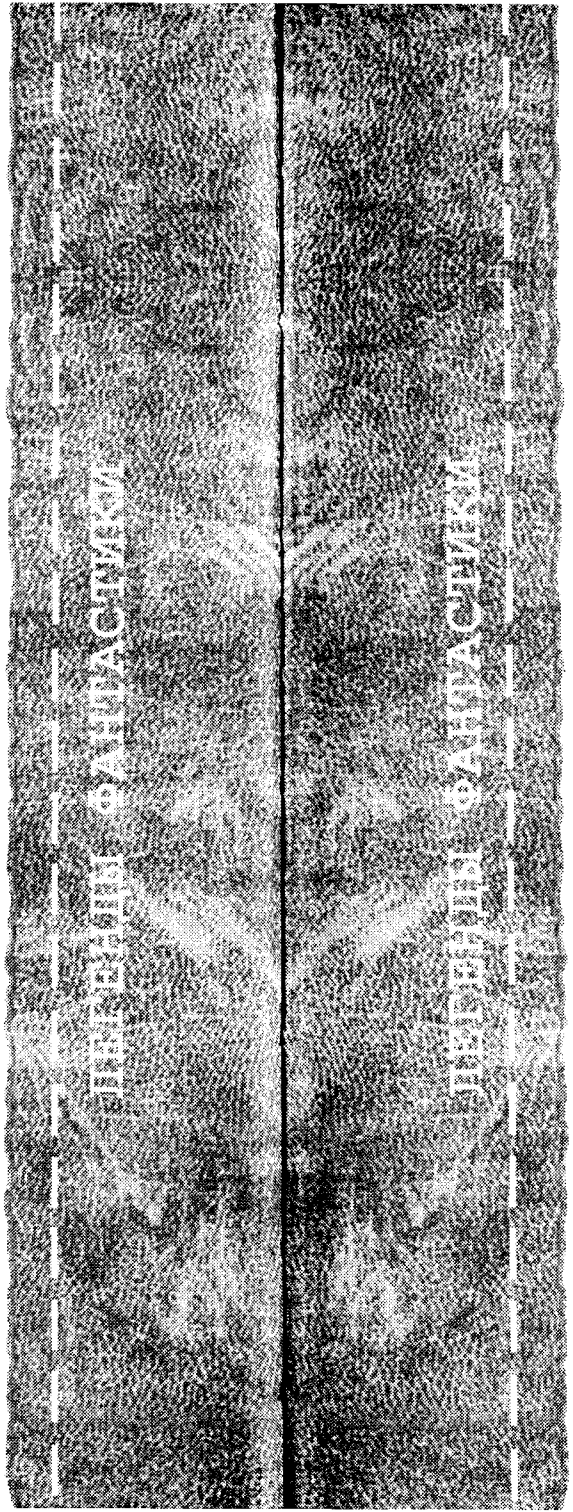
Весь

КЛАРК

Весь

КЛАРК

ПЕСКИ МАРСА
ГОРОД И ЗВЕЗДЫ
ФОНТАНЫ РАЯ



Артур

КЛАРК

ФОНТАНЫ РАЯ

ЭКСМО
Москва
Домино
Санкт-Петербург
2010

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)
К 47

Arthur C. Clarke
IMPERIAL EARTH
© 1975 by Arthur C. Clarke
THE FOUNTAINS OF PARADISE
© 1978 by Arthur C. Clarke
AGAINST THE FALL OF NIGHT
© 1953 by Arthur C. Clarke
This edition published by arrangement with David Higham Associates Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Составитель *А. Жикаренцев*

Оригинал-макет подготовлен ООО «ИД «Домино»

В оформлении переплета использована
иллюстрация *А. Дубовика*

Кларк А.
К 47 Фонтаны рая / Артур Кларк. — М. : Эксмо ; СПб. : Домино, 2010. — 720 с. — (Весь Кларк).

ISBN 978-5-699-42896-0

Невозможно представить себе мировую научную фантастику без такой грандиозной, яркой и оригинальной составляющей, как литературное наследие Артура Кларка. В этот сборник вошли два романа и повесть великого писателя, ученого и футуролога. «Земная Империя» — о возвращении колонистов Титана на «историческую родину». «Фонтаны рая» — о строительстве орбитального лифта в XXII веке. «Да не настанет ночь» — о том, как в невообразимо далеком будущем человечество почти исчезнет с лица земли, но получит шанс возродиться.

Роман «Земная Империя» публикуется на русском языке впервые.

УДК 82(1-87)
ББК 84(7США)

ISBN 978-5-699-42896-0

© О. Битов, И. Иванов, К. Плешков, перевод на русский язык, 2010
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2010

ЗЕМНАЯ ИМПЕРИЯ

Ушедшему другу

Помните их — ведь они были, но не цепляйтесь за воспоминания.

Эрнест Хемингуэй

У всех свои влеченья и дела.

Уильям Шекспир

Часть 1
ТИТАН

Глава 1
КРИК В НОЧИ

Дункану Макензи было десять, когда он наткнулся на этот волшебный номер. Наткнулся по чистой случайности: он собирался позвонить бабушке Элен, но его пальцы по небрежности нажали не те клавиши. Дункан сразу понял, что допустил ошибку; у бабушкиного видди* всегда была двухсекундная пауза, даже в режиме «Авто/Запись». Однако на этот раз соединение установилось мгновенно. Правда, оно не подтвердилось звуковым сигналом, и никакая картинка на экране не появилась. Экран остался непроницаемо черным — ни единого светлого пятнышка от электромагнитных помех. Дункан подумал, что попал в чисто звуковой канал или в канал с отключенной видеокамерой. Во всяком случае, это был явно не бабушкин номер, и мальчик уже собрался нажать кнопку разъединения.

Потом он услышал звук. Поначалу звук напоминал чье-то дыхание в микрофон на другом конце канала, однако Дункан быстро понял, что это не так. Звук был нерегулярным, имел нечеловеческое происхождение и напоминал тихое шуршание. Он произвольно возникал и так же произвольно обрывался.

Неведомый звук все сильнее завораживал Дункана. Он сразу же догадался, что источник звука находится вне преде-

---

© Перевод И. Иванова.

* Так у Кларка именуется вся система видеокоммуникаций. *(Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных случаев.)*

лов его повседневной жизни. Десятилетний мальчишка знал о других мирах и видел их, пусть не воочию, однако этот звук был несопоставим с его прежними впечатлениями. Такое один раз услышишь — и уже никогда не забудешь. Дункан слушал голос ветра, вздыхающего и шепчущего в сотне метров над его головой.

Забыв про бабушку, Дункан включил максимальную громкость. Он лежал на диванчике с закрытыми глазами, пытаясь представить себя в неведомом и враждебном мире, от которого его защищали все устройства и системы безопасности, созданные и усовершенствованные за трехсотлетнюю историю космических технологий. Через несколько лет, пройдя тесты на выживание, он отправится в этот мир и собственными глазами увидит озера, пропасти и низкие оранжевые облака, освещенные скудными лучами далекого солнца. Дункан ждал этого дня, но не с волнением, а с холодной уверенностью. Как и все Макензи, он не был эмоциональным. Но сейчас Дункан испытывал нечто вроде тоски. Так среди песков земной пустыни его сверстник, вдруг нашедший морскую раковину, мог бы зачарованно слушать неумолчный шум далекого недосягаемого моря.

В самом звуке не было ничего загадочного, но вот как он попал в канал связи? Звук мог исходить из любой точки на площади в сотню миллионов квадратных километров: с заброшенной стройки или экспериментальной станции. Словом, оттуда, где для каких-то целей подключили и забыли выключить внешний микрофон. И он исправно передает звуки из леденяще-холодного, ядовитого мира, царящего за пределами искусственного города. Конечно, рано или поздно этот микрофон обнаружат и отключат, а значит, нужно поскорее сохранить странные звуки в памяти компьютера. Дункан сомневался, что сумел бы вновь попасть на эту линию, даже если бы запомнил ошибочно набранный номер.

Количество аудио- и видеозаписей, хранящихся в его компьютере под общим заголовком «Разное», было вполне объ-

яснимым, учитывая любознательность десятилетнего хозяина компьютера, и все равно впечатляло. Этот раздел Дункан назвал так вовсе не потому, что не умел сортировать и упорядочивать информацию. Как раз наоборот: он в полной мере унаследовал отличительную черту всех Макензи — стремление к организованности. Просто интересы Дункана были настолько разносторонними, что он не всегда мог подогнать их под ту или иную категорию. Уже не раз и не два он на собственном опыте убеждался: неправильно классифицированная информация может потеряться, причем безвозвратно.

В напряженных раздумьях прошла минута. Пока тянулись секунды, в теплой, уютной комнатке мальчика рыдал и жаловался ветер, дующий над холодным, безжизненным пространством. Затем пальцы Дункана решительно отстучали по клавишам: «Алфавитный указатель* Звуки ветра* Постоянное хранение #».

Едва его палец ударил по клавише «#», запускающей команду «Выполнить», неведомые звуки стали надежно оседать в памяти компьютера. Теперь, если только странный канал не преподнесет каких-нибудь сюрпризов, Дункан в любое время сможет их услышать, набрав словосочетание «Звуки ветра». Даже если он допустил ошибку и поисковое устройство не сможет найти запись, главное — она осталась в постоянном, нестираемом разделе компьютерной памяти. А значит, всегда есть надежда, что он случайно ее обнаружит, как уже не раз бывало с его записями из «Разного».

Дункан решил продлить запись еще на несколько минут, после чего вновь позвонить бабушке. И только он нажал клавишу «Выполнить», ветер, словно нарочно, стал стихать. В комнате сделалось угнетающе тихо, а дальше... Скорее всего, Дункану просто повезло или удача вознаградила его за терпение. Тишина сменилась новым звуком.

Поначалу далекий и слабый, звук этот тем не менее передавал эмоцию громадной силы. Тонкий, пронзительный крик, он с каждой секундой становился все мощнее, однако не при-

ближался. Под конец звук превратился в демонический громоподобный вопль, после чего стих столь же внезапно, как начался. Он звучал не более тридцати секунд. А затем опять завздыхал и запричитал ветер — еще безнадежнее, чем прежде.

Дункан вдоволь насладился ощущением страха от чего-то, что не несло явной угрозы. Затем мальчик сделал то, что делал всегда, когда сталкивался с чем-то новым или волнующим. Он выстучал номер Карла Хелмера и сказал:

— Послушай-ка вот это.

Карл жил в трех километрах от Дункана, на северной окраине Оазис-Сити. Он молча выслушал странный звук. Как всегда, лицо Карла никак не выдавало его мысли. И как всегда в таких случаях, он сказал:

— Запусти еще раз.

Дункан повторил воспроизведение, уверенный, что загадка вскоре будет разгадана. Карлу было пятнадцать, и он знал все.

Его лучистые синие глаза, такие искренние, но уже полные тайн, глядели прямо на Дункана.

— Неужели ты не узнал? — с подкупающим удивлением спросил Карл.

Дункан мешкал с ответом. У него имелись кое-какие догадки, но, если они окажутся неверными, Карл не преминет посмеяться над ним. Так что лучше держать язык за зубами...

— Не-а,— наконец отозвался Дункан.— А ты?

— Тут и узнавать нечего,— усмехнулся Карл.

В его голосе звучало явное превосходство. Пятнадцатилетний эрудит тоже вдоволь насладился произведенным впечатлением, затем почти вплотную наклонился к видеокамере, заняв своим лицом весь экран.

— Это всего-навсего разъяренный гидрозавр.

Цель была достигнута: на мгновение Дункан поверил словам обманщика Карла, однако, быстро спохватившись, захохотал вместе с другом.

— Не ври, Карл! Выходит, ты тоже не знаешь, откуда этот звук?

Королевский гидрозавр *(Hydrosaurus Rex)* — гигантский, дышащий метаном ящер — был их излюбленной шуткой. Его породило мальчишеское воображение, воодушевленное древней историей Земли и странным миром, существовавшим там в незапамятные времена. В заледенелом мире, который Дункан привык считать своей родиной, единственными живыми существами были люди. Но если дать волю воображению и представить, что гидрозавр действительно существовал, он вполне мог бы издать этот ужасающий боевой клич, напав на какого-нибудь смирного карботерия, барахтающегося в аммиачном озере...

— Знаю я, откуда этот звук,— хитро усмехнулся Карл.— Неужели не догадываешься? Это же плунжерный заправщик цепляет очередную порцию водорода. Можешь позвонить в Службу движения — они тебе скажут, куда он потом двинет.

Карл торжествовал. Конечно, он был прав. Мысль о заправщике тоже приходила Дункану в голову, и все же он надеялся на что-то более романтическое. Пусть не на ящеров, живущих в метановой атмосфере. Но только не заурядный космический корабль. Дункан ощущал себя положенным на обе лопатки и жалел, что опять позволил Карлу разрушить его мечты. Это юный прагматик умел делать мастерски.

Но, как и всякий нормальный десятилетний мальчишка, Дункан не позволял себе распускать нюни. Насмешки Карла не поколебали его восторженного отношения к Вселенной. Хотя жители Земли уже триста лет осваивали Солнечную систему, восхищение космосом ничуть не померкло. Пусть этот звук исходил не от гидрозавра, а от танкера-заправщика, собирающего водород для продажи по всей Солнечной системе,— в нем все равно была неистребимая романтика.

Через несколько часов корабль полетит в сторону Солнца — мимо внешних спутников Сатурна, мимо громадного Юпитера, пока не достигнет одной из заправочных станций,

окружающих ближние планеты. Путь туда может занимать месяцы и даже годы, но заправщику некуда спешить. До тех пор пока по невидимому трубопроводу Солнечной системы течет дешевый водород, ракеты с термоядерными двигателями будут бороздить космическое пространство между планетами, как в древности океанские суда бороздили водные пространства Земли.

Эту истину Дункан понимал куда отчетливее, чем большинство его сверстников. Экономика, ориентированная на добычу и продажу водорода, была неотъемлемой частью жизни его семьи. Это станет главным делом и его жизни, когда он вырастет и начнет играть свою роль в делах колонии на Титане. Почти сто лет назад его дед, Малькольм Макензи, догадался, что Титан является ключом ко всем остальным планетам, и ловко воспользовался своей догадкой на благо человечества. И себе на благо.

Карл давно отключился, а Дункан продолжал слушать записанный звук. Снова и снова он заставлял компьютер воспроизводить этот торжествующий клич силы — и все пытался уловить момент, когда тот достигал кульминации, прежде чем сгинуть в космических просторах... Дункан еще не знал, что «крик гидрозавра» будет несколько лет врываться в его сны. И он будет просыпаться, веря, что звук пробился к нему сквозь толщу скальной породы, защищающей Оазис от враждебной поверхности Титана.

Когда после таких снов Дункан снова засыпал, ему неизменно снилась Земля.

Глава 2
ДИНАСТИЯ

Малькольм Макензи оказался нужным человеком, появившимся в нужное время. На Титан вожделенно поглядывали и до него, но он стал первым, кто занялся детальной инженерной разработкой. Он целиком продумал всю систему до-

бычи, сжатия и доставки водорода на орбитальные заправочные станции; он же спроектировал дешевые одноразовые хранилища, способные с минимальными потерями транспортировать жидкий водород через космическое пространство.

В семидесятые годы двадцать второго века Малькольм был молодым перспективным аэрокосмическим инженером в Порт-Лоуэлле. Тогда он пытался спроектировать транспортный самолет, способный летать в разреженной атмосфере Марса. Изначально его фамилия писалась с двумя «к» — Маккензи. Из-за ошибки компьютера одно «к» навсегда исчезло из нее. Малькольм не знал об этом вплоть до момента эмиграции на Титан. Он впустую потратил пять лет, так и не вернув злополучное второе «к». Наконец он решил сдаться. То была одна из немногих битв, проигранных кланом Макензи, однако теперь они даже гордились столь уникальной фамилией.

Завершив свои расчеты и создав впечатляющую подборку чертежей, ради которых он частенько заставлял чертежный компьютер фирмы работать на себя, молодой Малькольм отправился в отдел планирования марсианского департамента транспорта. Он не предвидел серьезной критики со стороны тамошних бюрократов, поскольку его логическое обоснование, подкрепленное фактами, было безупречным.

Большой космический лайнер с термоядерным двигателем обычно расходовал за рейс десять тысяч тонн водорода, причем девяносто девять процентов этого объема не принимало участия в термоядерной реакции, а просто выбрасывалось из дюз, чтобы обеспечить кораблю нужное ускорение.

Благодаря своим океанам Земля не испытывала недостатка в водороде, однако стоимость доставки одной его мегатонны в космос была просто чудовищной и с каждым годом продолжала расти. Остальные обитаемые миры — Марс, Меркурий, Ганимед и Луна — своего водорода не имели и зависели от земных поставок.

Разумеется, Юпитер и другие «газовые гиганты»* обладали неисчерпаемыми запасами этого жизненно важного элемента, но их гравитационные поля охраняли водород надежнее любого недремлющего дракона. Из всех планет Солнечной системы только Титан оказался странным подарком природы, сочетающим в себе низкую гравитацию и атмосферу, богатую водородом и его производными.

Малькольм был прав: никто не усомнился в его расчетах и в осуществимости проекта. Тем не менее один из менеджеров высшего звена взял на себя труд просветить молодого инженера относительно политических и экономических реалий жизни. Малькольм впервые узнал о кривых роста, форвардных скидках, а также о межпланетных долгах, нормах амортизации и технологическом устаревании оборудования. На той же импровизированной лекции он впервые понял, почему солар — валюта Солнечной системы — обеспечивается не золотом, а киловатт-часами.

— Это давнишняя проблема,— терпеливо втолковывал Малькольму наставник из департамента транспорта.— Фактически она родилась еще в двадцатом веке, вместе с аэронавтикой. Развитие коммерческих полетов сдерживалось вначале отсутствием, а затем слабой оснащенностью внеземных колоний, а они, в свою очередь, не могли развиваться без регулярных коммерческих полетов. В той ситуации можно было рассчитывать лишь на саморазвитие, что давало очень, очень медленный рост, пока количество не перешло в качество. В какой-то момент кривые роста, словно по волшебству, взлетели вверх, и все преобразилось.

Малькольма интересовал не экскурс в историю, а то, какое отношение все это имеет к его проекту.

— Возможно, то же самое ожидает и ваш проект орбитальных заправочных станций, куда вы намерены поставлять водород с Титана. Вы хоть представляете, какой объем

* Так называют Юпитер, Сатурн, Уран и Нептун.

инвестиций потребуется для реализации вашей идеи? Такое себе может позволить разве что Всемирный банк, и то...

— А что вы скажете насчет Банка Селены? — спросил Малькольм.— Кажется, там охотнее идут на риск.

— Не верьте тому, что пишут об этих «гномах Аристарха». По части осторожности они ничем не отличаются от других банков. Они просто обязаны быть осторожными. В случае опрометчивых инвестиций банкам Земли будет ни жарко ни холодно, а они могут потерять очень и очень много...

Но прошло три года, и именно Банк Селены вложил пять мегасолей в первичные исследования осуществимости проекта. Потом проектом заинтересовался Меркурий и, наконец, Марс. К тому времени Малькольм, естественно, уже не был аэрокосмическим инженером. Он приобрел несколько новых профессий: финансового эксперта, советника по связям с общественностью, манипулятора в сфере СМИ и изворотливого политика. В это трудно поверить, но еще через двадцать лет с Титана отправились первые межпланетные водородные танкеры.

Достижения Малькольма были признаны исключительными и необыкновенными; их подробно анализировали в десятках научных работ, авторы которых отзывались о нем с уважением, хотя и не всегда искренним. Самым удивительным и даже уникальным считалось то, как он сумел повернуть свой тяжко завоеванный опыт инженера в русло управления. Процесс шел столь незаметно, что поначалу никто не осознал этой трансформации. Малькольм был не первым инженером, ставшим главой государства. Однако, как с кислой миной констатировали его критики, он стал первым инженером, основавшим династию. Человек меньшего калибра наверняка спасовал бы перед трудностями, но Малькольм двигался к своей цели напролом.

В 2195 году, в возрасте сорока четырех лет, Малькольм женился на Элен Килнер, недавней переселенке с Земли. Их дочь Анитра стала первым ребенком, родившимся в Оазисе — тогда единственной постоянной базе на Титане. Про-

шло несколько лет, прежде чем любящие родители поняли, какую жестокую шутку сыграла с ними природа.

Малышка Анитра была просто очаровательным ребенком, и все говорило за то, что она вырастет избалованной девочкой. Само собой, детских психологов на Титане тогда еще не было, и потому никто не замечал, что дочь Малькольма и Элен слишком уж послушна и покладиста. А еще — необычайно молчалива. К ее четырехлетию родителям стало окончательно ясно: говорить Анитра не будет. Но самое страшное — эта красивая живая кукла лишь внешне была человеком. В ее «начинке» не было ничего человеческого.

Вина целиком лежала на генах Малькольма. Занимаясь реализацией проекта, он постоянно мотался между Марсом и Землей. В один из полетов какой-то зловредный фотон, скитавшийся по Вселенной с момента ее создания, прошел рядом с кораблем и уничтожил надежды Макензи на продолжение рода. Малькольм обследовался у лучших специалистов Солнечной системы в области генетической хирургии. Их вердикты совпадали: его нарушение неизлечимо. Про Анитру эскулапы говорили: «Вам еще с нею повезло. Могло быть несравненно хуже».

Анитра не дожила и до шести лет. Ее смерть вызвала у родителей (и не только у них) смешанные чувства горя и облегчения. Вместе с Анитрой, под аккомпанемент слез и упреков, умер и брак супругов Макензи. Элен с головой погрузилась в работу, а Малькольм отправился в свой, как оказалось, последний визит на Землю. За неполных два года пребывания на бывшей родине он успел многое сделать.

Он укрепил свое политическое положение и задал направление экономическому развитию Титана на предстоящие пятьдесят лет. А еще он приобрел сына, на которого возлагал все надежды.

Человеческое клонирование — создание точной копии индивидуума на основе любой клетки его тела, кроме половых,— появилось еще в начале двадцать первого века. Но и

сейчас, при значительно усовершенствованной технологии, оно не получило широкого распространения отчасти по этическим, отчасти по юридическим соображениям. Закон лишь в некоторых случаях допускал копирование человеком самого себя.

Малькольм не был богачом (богатство начало складываться, когда он перешагнул столетний рубеж), но он не был и бедным. Искусно сочетая деньги, лесть и утонченные способы давления, он добился желаемого. На Титан он вернулся с младенцем, как две капли воды похожим на него. По сути, с братом-близнецом, только на пятьдесят лет моложе.

Колин целиком повторял своего клоноотца в соответствующем возрасте. Особенно внешне. Однако Малькольм не страдал нарциссизмом и не мечтал о точной копии себя самого. Ему был нужен партнер и продолжатель его дела, и потому образование Колина было нацелено на слабые звенья в образовании самого Малькольма. При хорошей общенаучной подготовке, специализацией сына стали история, право и экономика. Если Малькольм был прежде всего инженером, а потом уже администратором, его сын стал прежде всего администратором и уже потом инженером. Когда Колину не было и тридцати, он замещал отца везде, где закон это позволял, а иногда и там, где не позволял. Вместе оба Макензи составляли непобедимую команду. Поиск тонких различий в психологии отца и сына стал любимым развлечением обитателей Титана.

А отличия эти существовали. Колину не пришлось сражаться за осуществление великой цели — она была достигнута еще до его рождения; были определены и направления дальнейшего развития. Возможно, поэтому он отличался более мягким и покладистым характером, нежели отец, а потому пользовался и большей популярностью у сограждан. Макензи-старшего за пределами семьи редко кто называл по имени, зато Колина почти не называли по фамилии. Настоящих врагов у него не было, и все же один человек на Титане

относился к нему с неприязнью. Во всяком случае, так считалось, поскольку бывшая жена Малькольма отказалась признать клонированного ребенка.

Возможно, Элен считала Колина узурпатором, неприемлемой заменой настоящему сыну, которого она могла бы родить. Тем более удивительно, что она души не чаяла в Дункане.

Дункан был клонированным ребенком Колина, появившимся через сорок лет после своего отца. К тому времени Элен пережила вторую трагедию, уже не связанную с Макензи. Дункан всегда воспринимал ее как бабушку Элен, однако сейчас он достаточно вырос, чтобы понять: в его сердце она соединяла два поколения и заполняла пустоту, невероятную и невообразимую для людей прежних эпох.

Если у бабушки и была какая-то настоящая генетическая связь с ним, ее следы потерялись несколько веков назад, в другом мире. И вместе с тем, то ли по воле случая, то ли по особенности характера, Элен стала для Дункана фантомом матери, которой у него никогда не было.

Глава 3
ПРИГЛАШЕНИЕ НА ТОРЖЕСТВА

— И кто же этот Джордж Вашингтон, черт бы его подрал? — спросил Малькольм Макензи.

— Вирджинский фермер среднего возраста. Владеет усадьбой Маунт-Вернон*.

— Ты шутишь?

— И не думаю. Разумеется, он не родня старине Джорджу. Тот был бездетным. Но имя у него настоящее и с родословной все в порядке.

— Надеюсь, ты это проверил через посольство?

* Так называется усадьба настоящего Джорджа Вашингтона, первого президента Соединенных Штатов. Расположена близ города Александрии, штат Вирджиния. Включена в список национальных памятников США.

— А как же. Там мне выдали впечатляющий список в полсотни строк. Его генеалогическое древо. Скажу тебе, список внушительный: там половина американской аристократии последних трехсот лет. Целая куча Кэботов, Дюпонов, Кеннеди и Киссинджеров*. А в самом начале есть даже парочка африканских правителей.

— Тебя, Колин, этот список, быть может, и впечатляет,— вмешался Дункан.— Но мне программа их торжеств кажется немного детской. Взрослые люди, воображающие себя историческими фигурами. Уж не собираются ли они снова выбрасывать чай в Бостонской гавани?

Колин уже раскрыл рот, чтобы ответить сыну, но ему помешал дед Малькольм. Дебаты между тремя Макензи обычно проходили вне пределов слышимости чужих ушей и состояли не из споров, а из череды монологов. Все персоны, участвующие в этих дебатах, отличались друг от друга лишь обстоятельствами происхождения и особенностями образования, поэтому настоящие разногласия им были неведомы. Когда требовалось принять трудное решение и взгляды Дункана и Колина не совпадали, оба излагали свои доводы Малькольму. Тот, как правило, выслушивал их молча, зато движения его бровей были очень красноречивы. Он крайне редко выносил свои суждения; зачастую Дункан и Колин, незаметно для себя, находили компромиссное решение. Но если старший Макензи что-то говорил, его мнение считалось окончательным и не оспаривалось. Великолепный способ, пригодный для управления семьей, да и миром тоже.

— Не знаю насчет чая,— сказал старший Макензи.— Вряд ли они станут выкидывать в воду траву стоимостью пятьдесят соларов за килограмм. Однако вы уж слишком жестко подхо-

* Кэботы — американский клан, называемый также «бостонскими Кэботами» и давший стране видных бизнесменов, политических деятелей и людей творческих профессий. Дюпоны — один из богатейших американских кланов, занимающий лидирующее положение в химической промышленности. Из Киссинджеров пока что мир знает лишь Генри Киссинджера (р. 1923) — известного американского политического деятеля, игравшего заметную роль во внешней политике США 60—70-х гг. прошлого века.

дите к мистеру Вашингтону и его друзьям. Когда история Титанского государства будет насчитывать полтысячи лет, думаю, нас тоже потянет на определенную помпезность и церемониальность. Я их вполне понимаю. Не забывайте: принятие Декларации независимости стало одним из главных исторических событий за последние три тысячи лет земной истории. Не будь ее, мы бы с вами сегодня здесь не сидели. И потом, Фобосское соглашение начинается с тех же слов, что и Декларация: «Когда ход событий приводит к тому, что один из народов вынужден расторгнуть политические узы...»

— Твоя цитата весьма некстати. По большому счету Земля была бы рада-радехонька избавиться от нас,— усмехнулся Колин.

— Совершенно верно, только не вздумай когда-либо сказать это терранцам*.

— Я все равно чего-то не понимаю,— вздохнул Дункан.— Что этому милому генералу нужно от нас? Что даст присутствие грубых колонистов на пышных земных торжествах?

— Во-первых, Вашингтон — не генерал, а профессор,— ответил Колин.— Генералы — вымерший вид, даже на Земле. Мне думается, от нас ждут нескольких умело составленных речей, где проводились бы параллели между нашими историческими ситуациями. И еще — им хочется ощутить экзотический шарм, почувствовать суровый дух мира, где люди по-прежнему живут бок о бок с опасностями. Короче говоря, им нужна обычная варварская мужественность, перед которой не могут устоять деградирующие терранцы обоих полов. И не в последнюю очередь от нас ждут пусть не цветистой, но вполне внятной и искренней благодарности за неожиданный подарок. Ведь Земля полностью оплачивает полет в оба конца и двухмесячное пребывание. Это решит часть наших проблем, и мы действительно должны с благодарностью принять приглашение.

* Автор использует слова «Земля», «земляне», «земной» и так далее, но еще называет нашу планету Террой, а землян — терранцами. Вероятно, это для того, чтобы подчеркнуть независимость жителей Титана от Земли.

— Даже если этот визит поломает наши планы на ближайшие пять лет,— задумчиво произнес Дункан.

— Не поломает, а ускорит их осуществление,— возразил Колин.— Как говорится, выиграть время — все равно что создать его. Напомню еще и твое любимое изречение: «Успех в политике зависит от умения управлять непредвиденными событиями». Приглашение оказалось совершенно непредвиденным, и надо выжать из него максимум пользы. Кстати, мы послали официальную благодарность за приглашение?

— Пока лишь обычное уведомление о получении,— ответил Малькольм.— Я предлагаю, чтобы Дункан дополнил это персональным посланием к президенту... то есть к профессору Вашингтону.

Он перечитал приглашение.

— Впрочем, оба обращения верны. Здесь значится: «Председатель Комитета по празднованию пятисотлетия Соединенных Штатов, президент Вирджинской ассоциации историков». Можешь выбирать, какое тебе больше нравится.

— Нам нужно отнестись к этому очень продуманно, чтобы не выглядеть посмешищем. Приглашение было официальным или персональным?

— К счастью для нас, расходы на себя берет комитет, следовательно, это не межправительственный уровень. Факс адресован «Уважаемому Малькольму Макензи», а не президенту Титана.

Уважаемый Малькольм Макензи, он же президент Титана, был явно рад этому едва заметному различию.

— Уж не приложил ли здесь свою опытную руку твой добрый друг посол Фаррел? — спросил Колин.

— Уверен, что такая мысль даже не приходила ему в голову.

— Я того же мнения. Казалось бы, все вполне законно, наши позиции прочны, однако мы не застрахованы от возражений. Как всегда, начнутся вопли о привилегиях, и нас снова обвинят, что мы управляем Титаном для собственных выгод. Нас уже и так называют «титаническими феодалами».

— Хотел бы я знать, кто пустил эти словечки в ход. Надо будет докопаться.

Колин игнорировал отцовскую реплику. Будучи главным администратором, он каждый день сталкивался с проблемами управления колонией и не мог позволить себе даже малейшей безответственности, какую с недавних пор начал замечать у Малькольма. Нет, дед не впал в старческий маразм — Макензи-старшему было всего лишь сто двадцать четыре года. Но у него появилось безразличие, свойственное человеку, который все повидал, все испытал и удовлетворил все свои амбиции.

— У нас есть два аргумента,— продолжал Колин.— Приглашающая сторона берет расходы на себя, и потому нас не смогут упрекнуть в трате государственных денег. И потом, давайте отбросим ложную скромность. На Земле ожидают не просто посланца Титана, а одного из Макензи. Наше отсутствие на торжествах могут счесть оскорблением. Поскольку единственный, кто может туда отправиться,— это Дункан, вопрос решается сам собой.

— Ты совершенно прав. Но другие расценят это по-своему. Все семьи захотят послать своих младших сыновей и дочерей на торжество.

— И им никто не может в этом помешать,— возразил Дункан.

— А многим ли это по карману? У нас не хватило бы денег.

— Хватило бы, если не замахиваться на кое-какие дополнительные расходы. И у Танака-Смитов хватит, и у Мохадинов, у Шварцев, у Дьюисов...

— Но только не у Хелмеров,— вставил Колин.

Сказано это было с оттенком небрежности, но без улыбки. Воцарилось долгое молчание. Каждый из троих Макензи знал, о чем сейчас думают остальные двое.

— Нельзя недооценивать Карла,— наконец сказал Малькольм, медленно выговаривая слова.— У нас есть власть и мозги. А у него — гениальность, что всегда непредсказуемо.

— Он просто чокнутый,— запротестовал Дункан.— Когда мы в последний раз виделись, Карл пытался меня убедить в существовании разумной жизни на Сатурне.

— И как? Сумел?

— Почти.

— Если он чокнутый, в чем я сомневаюсь, невзирая на тот его период депрессии, тогда он еще опаснее. Особенно для тебя, Дункан.

Дункан не попытался ответить. Мудрые «старшие братья» понимали его чувства, хотя и не до конца их разделяли.

— Есть еще один момент,— вновь заговорил Малькольм.— Он важен для всех нас. Возможно, нам отпущено не больше десяти лет, чтобы полностью изменить основу нашей экономики. Если во время своего пребывания на Земле ты сумеешь найти решение... да что там, даже намек на решение... ты вернешься героем. Любые другие твои действия — официальные или личные — будут вне критики.

— Трудная задачка. Я же не волшебник.

— Тогда поскорее начинай брать уроки. Если корабли, летающие по асимптотической траектории,— это не волшебство, то не знаю, как их еще назвать.

— Постойте! — воскликнул Колин.— Ведь первый такой корабль должен прибыть к нам через несколько недель.

— Второй,— поправил его Дункан.— Первым был грузовой «Фомальгаут». Я побывал у них на борту, но мне ничего не показали. А «Сириус» — пассажирский лайнер — должен причалить на промежуточную орбиту... дней через тридцать.

— Дункан, ты успеешь подготовиться?

— Очень сомневаюсь.

— Обязательно успеешь.

— Я говорю о физиологической подготовке. Даже самая жесткая программа адаптации к тяготению Земли занимает несколько месяцев.

— Хм. Но все так замечательно складывается, что было бы грех упустить столь редкую возможность. И потом, ты же родился на Земле.

— Колин, ты тоже. А сколько времени ты готовился, прежде чем полететь туда с Титана?

Колин вздохнул.

— Мне это казалось вечностью, но с тех пор технология подготовки значительно усовершенствовалась. Ты слышал о нейропрограммировании во время сна?

— Я слышал, что от него снятся разные кошмары. Нет уж, я предпочту хорошенько высыпаться. И потом, что хорошо для Титана...

Ему не надо было заканчивать фразу, придуманную анонимным циником полвека назад. За тридцать лет жизни Дункан ни разу не усомнился в справедливости слов, брошенных когда-то, чтобы уколоть его семью, но фактически ставших семейным девизом: «Что хорошо для Макензи, хорошо и для Титана».

Глава 4
КРАСНАЯ ЛУНА

Из всех известных естественных спутников планет Солнечной системы только Ганимед, главный спутник Юпитера, своими размерами превосходит Титан, да и то совсем ненамного. Зато в другом Титан вне конкуренции. Остальные луны либо вообще не имеют атмосферы, либо имеют слабый намек на нее. А атмосфера Титана настолько густая, что если бы она состояла из кислорода, люди вполне смогли бы дышать таким воздухом. Наличие атмосферы на Титане открыли во второй половине двадцатого века. Для астрономов это открытие явилось настоящей загадкой. Почему небесное тело, величина которого чуть больше абсолютно безвоздушной Луны, способно удерживать атмосферу, и не какую-нибудь, а богатую водородом — самым легким из всех газов? Почему он до сих пор не улетучился в космическое пространство?

Однако это была не единственная загадка, связанная с Титаном. Подобно Луне, почти все естественные спутники представляли собой бесцветные миры, состоящие из скал и

пыли, возникшей в результате тысячелетий метеоритных бомбардировок. А Титан красный, совсем как Марс, чье зловещее сияние напоминает людям о древних кровопролитных войнах.

Первые исследования, проведенные роботами, разгадали часть загадок Титана и... тут же преподнесли кучу новых. Красный цвет вызывают густые низкие облака, состоящие из тех же умопомрачительных органических компонентов, что и Большое красное пятно на Юпитере*. Под облаками скрывался мир, который оказался теплее, чем предсказывали теории земных ученых, на сотню градусов. Когда на Титан высадились люди, выяснилось, что в некоторых областях для прогулок по ее поверхности вполне достаточно кислородной маски и легкого костюма из термофольги. Ко всеобщему удивлению, после Земли Титан оказался самой гостеприимной планетой Солнечной системы.

Часть этого неожиданного тепла была результатом парникового эффекта: атмосфера «захватывает» слабые лучи далекого Солнца. Но в значительной степени тепло давали внутренние процессы. Экваториальный пояс Титана изобиловал тем, что за неимением более точного термина можно назвать холодными вулканами. В редких случаях они извергали настоящую воду.

Вулканическая деятельность, подстегиваемая теплом радиоактивных процессов в недрах Титана, выбрасывала в атмосферу мегатонны водорода. Естественно, какая-то часть уходила в космическое пространство. Любые природные ресурсы исчерпаемы, что доказывали иссякнувшие нефтяные скважины Земли. Геологи подсчитали, что Титан лишится своей водородной атмосферы примерно через два миллиарда лет. Ну а вклад хозяйственной деятельности людей по до-

* Большое красное пятно (БКП) — атмосферное образование на Юпитере, самая заметная особенность на диске планеты, наблюдаемая уже почти 350 лет. БКП было открыто Джованни Кассини в 1665 году. Красный цвет БКП пока еще не нашел однозначного объяснения. Возможно, такой цвет придают пятну химические соединения, включающие фосфор.

быче водорода — на фоне его естественной утечки — был просто ничтожным.

Как и на Земле, на Титане есть времена года, хотя в самое жаркое здешнее лето температура редко поднимается выше минус пятидесяти. А поскольку полный оборот вокруг Солнца Сатурн совершает почти за тридцать лет, каждое из времен года на Титане тоже почти в тридцать раз длиннее земного.

Чтобы пересечь небосклон Титана, крошечному Солнцу требуется восемь дней. Правда, главное светило почти всегда скрывают облака. Из-за них температурные различия между днем и ночью и между полюсами и экватором невелики. Климатических зон на Титане нет, зато есть характерные погодные явления.

Наиболее впечатляющим всегда считался «метановый муссон», который довольно часто, хотя и нерегулярно, наблюдался в Северном полушарии накануне весны. За долгую зиму часть атмосферного метана конденсируется в холодных местах, образуя озера. Они тянутся на сотни квадратных километров, хотя глубина таких озер — всего несколько метров. Их окружают причудливые горы из аммиачного льда, а по поверхности плавают не менее причудливые льдины. Для существования метана в жидком виде нужна температура минус сто шестьдесят градусов и ниже, но даже на полюсах такой холод долго не держится.

Стоило подуть «теплому» ветру или появиться просвету в облаках — и метановые озера мгновенно испаряются. Если бы на Земле один из океанов вдруг испарился, последствия для земной атмосферы были бы катастрофическими. На Титане это тоже не проходит бесследно. Поднимается чудовищный ураган. Скорость ветра достигает пятисот километров в час. Впрочем, скорость никто не регистрировал; ее определяли уже потом, сообразно последствиям. Ураган длится всего несколько минут, но и этого более чем достаточно, чтобы натворить бед. Когда освоение Титана только начиналось, «метановыми муссонами» было уничтожено несколько экспедиций. А предсказывать всплески стихии научились далеко не сразу.

В начале двадцать первого века, еще до первой высадки человека на Титане, некоторые оптимистично настроенные экзобиологи, зная о существовании относительно теплых районов, надеялись найти там жизнь. Эти надежды долго не угасали. Какое-то время их поддерживало открытие странных восковых образований, найденных в знаменитых Хрустальных пещерах. Однако к концу столетия стало ясно: местных форм жизни на Титане нет.

Искать жизнь на других спутниках Сатурна, где условия несравненно суровее, никто не пытался. Только Рея и Япет — оба вдвое меньше Титана — обладают зачатками атмосферы. Остальные спутники либо каменные, либо это ледяные шары, либо то и другое. К середине двадцать третьего века было открыто более сорока спутников Сатурна, большинство из которых не достигали в диаметре и ста километров. Самые дальние, отстоявшие от него на двадцать миллионов километров, двигались по ретроградным орбитам и считались временными визитерами, забредшими сюда из пояса астероидов. Ученые яростно спорили, считать ли этих «гостей» настоящими спутниками Сатурна или нет. Геологические экспедиции побывали лишь на нескольких из них, на некоторые отправили роботов-исследователей, но на бо́льшую часть просто махнули рукой, поскольку не рассчитывали обнаружить там что-либо сенсационное.

Возможно, в будущем, когда Титан станет полностью освоенным, процветающим и немного скучным, новые поколения его жителей обратят свои взоры к этим маленьким мирам. Проекты освоения создавались и сейчас. Находились оптимисты, предлагавшие на планетах, богатых углеродом, создать орбитальные зоопарки, где под лучами термоядерных мини-солнц развивались бы причудливые формы жизни. Другие мечтали сделать их центрами развлечений, курортами или космическими островами для смелых технологических экспериментов. Но пока что все это оставалось на

уровне утопических фантазий. В 2276 году — году пятисотлетия Соединенных Штатов — вся энергия Титана была направлена на то, чтобы справиться с надвигающимся кризисом.

Глава 5
ПОЛИТИКА ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ

Когда между собою говорили двое Макензи, их речь становилась еще более скупой и «телеграфной». Остальное восполнялось интуицией, параллельностью мышления и общим опытом. Посторонние ничего не поняли бы из их разговора.

— Справится? — спросил Малькольм.

— Мы? — вопросом ответил ему Колин.

— Тридцать один? Мальчишка!

В переводе на нормальный английский язык это означало:

— Ты думаешь, он сумеет справиться с работой?

— А мы с тобой, что, не справились бы?

— В тридцать один год? Я не настолько в этом уверен. Он еще мальчишка.

— У нас нет выбора. Бог ли, Вашингтон ли, но нам представилась возможность, которую никак нельзя упустить. Нашему парню придется с головой окунуться в терранские дела и узнать все необходимое о Соединенных Штатах.

— Будь любезен, напомни мне, сколько у них осталось таких соединенных штатов? А то я совсем со счету сбился.

— Сейчас у них сорок пять штатов. Техас, Нью-Мексико, Аляска и Гавайи вернулись в союз... во всяком случае, на год пятисотлетия.

— А что это значит с точки зрения законов?

— Не много. Эти штаты пытаются быть независимыми, хотя наравне со всеми платят глобальные и региональные налоги. Типично терранский компромисс.

Малькольм, помня, откуда он родом, почувствовал необходимость защитить свою родину от подобных циничных нападок.

— Я часто жалею, что нам здесь недостает терранских компромиссов. Было бы чудесно привить некоторые из них кузену Арманду.

На самом деле Арманд Хелмер, занимавший должность управляющего ресурсами, не состоял в прямом родстве с Малькольмом. Он был племянником Элен. Но в замкнутом маленьком мире Титана все, исключая недавних переселенцев, находились с кем-либо в родстве. То, что на Земле понималось под словами «дядя», «тетка», «племянник» или более обширным словом «кузен», здесь утратило прежнюю четкость.

— Кузен Арманд,— не без удовольствия повторил Колин.— Он изрядно огорчится, когда узнает, что Дункан летит на Землю.

— А что он сможет сделать? — тихо спросил Малькольм.

Обоим Макензи понравился этот вопрос, и на какое-то время их мысли заняло нарастающее соперничество между их семьей и Хелмерами. Его причины не были однозначными, и часть из них выглядела вполне банально. Арманд и его сын Карл родились на Терре и через миллиард километров космического пространства притащили сюда раздражающий ореол превосходства — эту отличительную черту колыбели человечества. Кое-кому из переселенцев постепенно удавалось от нее избавиться, хотя и не без трудностей. Малькольму Макензи понадобилось на это целых сто лет плюс его опыт жизни на трех других планетах. Однако Хелмеры даже не пытались расстаться со своим ореолом превосходства, и, хотя Карл покинул Землю в пятилетнем возрасте, все последующие тридцать лет он настойчиво пытался стать бо́льшим терранцем, чем сами терранцы. Вряд ли можно считать совпадением, что и все жены Карла были родом с Земли.

Поначалу такое поведение Хелмеров скорее забавляло, чем раздражало. В детстве Дункан и Карл вообще были не разлей вода. У Макензи не имелось причин конфликтовать с Хелмерами до тех самых пор, пока Арманд, быстро продвигавшийся по ступеням технократической иерархии Титана, не достиг поста, дающего власть. Став управляющим ресур-

сами, он уже не скрывал своих убеждений. Верховная власть на Титане не может и не должна оставаться наследственным правом семьи Макензи. Возможно, и не он был сочинителем крылатой фразы «Что хорошо для Макензи...», однако Арманд не упускал случая ее повторить.

И все же, к чести Арманда, средоточием его амбиций был не он сам, а его единственный сын. Одно это могло бы охладить дружбу между Карлом и Дунканом, но она каким-то образом выдерживала давление с обеих сторон. Пропасть, которая в какой-то момент все же возникла между ними, до сих пор не имела внятного объяснения. Чаще всего ее связывали с психологической травмой, пережитой Карлом пятнадцать лет назад.

Карл не утратил своих блестящих способностей, однако травма заметно изменила его личность. Он блестяще окончил Титанский университет и сразу же занялся научными исследованиями весьма широкого спектра: от измерения галактических радиоволн до изучения магнитных полей вокруг Сатурна. Вся эта работа имела и определенное практическое применение; к тому же Карл играл очень важную роль в создании и поддержании системы связи, от которой напрямую зависела жизнь на Титане. Однако его интересы все же оставались в большей степени теоретическими, нежели практическими, на что он и делал упор всякий раз, когда давнишний спор о «двух культурах» поднимал свою седую голову.

Дебаты эти длились уже два столетия, и обличительных выпадов с обеих сторон накопилось в избытке, но никого так и не удалось убедить, будто ученые культурнее инженеров. (Добавим: каждый вкладывал в слово «культура» свой смысл и понимал его по-своему.) Чистота теоретических знаний была философским заблуждением, и греческие философы, более тысячи лет назад запустившие в мир эту «блестящую игрушку», сегодня наверняка осмеяли бы собственное детище. То, что лучший скульптор Земли начинал свою карьеру конструктором мостов, а лучший скрипач Марса и по сей день продолжал заниматься теорией чисел, вовсе не свидетельствовало в пользу любой из сторон. Но Хелмеры любили поспорить, утверждая, будто настало время перемен. По их мнению, Титаном слишком долго управляли инженеры, и настала пора передать бразды правления ученым, способным внести интеллектуальные перемены в жизнь колонии.

В свои тридцать шесть Карл, на зависть сверстникам, сохранял внешнее обаяние, однако многие считали (к их числу принадлежал и Дункан), что под обаятельной внешностью скрывается жесткая, расчетливая и в чем-то отталкивающая личность. В Карла до сих пор влюблялись, хотя сам он утратил способность любить. Странным было и то, что ни один из его эффектных браков не принес ему детей.

Если Арманд надеялся поколебать власть «режима Макензи», отсутствие у Карла наследников было одной из проблем, но далеко не единственной. Что бы Семь миров ни говорили о своей независимости, центр власти по-прежнему находился на Земле. И как две тысячи лет назад люди отправлялись в Рим в поисках справедливости, славы или знаний, так и сейчас «имперская планета» притягивала своих инопланетных детей. Ни один политик Солнечной системы не мог рассчитывать на признание и поддержку, если не был лично знаком с ключевыми фигурами терранской политики и хотя бы раз не прошел по лабиринтам терранской бюрократии.

Изменились лишь масштабы и расстояния; все остальное было таким же, как во времена римских императоров. Тот же, кто считал по-другому (или делал вид, что так считает), рисковал навсегда получить ярлык политика с колониальным мышлением.

Возможно, если бы скорость света была бесконечной, положение дел в Солнечной системе было бы иным. Однако эта скорость чуть превышает миллиард километров в час, а потому единственной планетой, с которой Земля могла переговариваться в режиме реального времени, была Луна. Глобальная «электронная деревня», какой уже несколько веков являлась сама колыбель человечества, не имела своего продол-

жения в космосе. Все это оборачивалось громадными (и еще не до конца осознанными) политическими и психологическими последствиями.

За несколько поколений земляне привыкли нажатием нескольких кнопок устанавливать мгновенную связь с любым уголком планеты. Спутники связи сделали возможным, а затем и неизбежным создание Всемирного правительства. Оно имело все необходимые атрибуты, кроме имени. На ранних этапах это вызывало множество страхов. Время доказало их необоснованность; Всемирное правительство по-прежнему состояло из людей, а не из машин.

Около тысячи человек являлись ключевыми фигурами этого правительства. Еще десять тысяч играли важную роль в тех или иных сферах. И все эти люди, где бы они ни находились, постоянно общались между собой. Важные решения принимались за считаные минуты, и те, от кого они зависели, видели и слышали друг друга. За триста лет земляне привыкли принимать мгновенность связи как нечто само собой разумеющееся. Телекоммуникации уничтожили такое понятие, как расстояние. Но не навсегда.

Ограничения вернулись с созданием первой базы на Марсе. Земля могла говорить с Красной планетой, но слова доходили туда только через три минуты, и столько же шел ответ. Непосредственное общение вновь стало невозможным, и все контакты осуществлялись преимущественно через телекс и его эквиваленты.

Рассуждая теоретически, это было не так уж плохо. Но порой возникали исключения: печальные, дорогостоящие, а иногда и имеющие фатальные последствия, вызванные «межпланетным недопониманием». Все объяснялось просто: люди на разных концах приемопередающих устройств не были лично знакомы. Зачастую они даже не видели друг друга. В одни и те же понятия они вкладывали разный смысл, поскольку не знали особенностей мышления друг друга.

Во всем, что касалось высших уровней государственной власти и управления, личные контакты были жизненно необходимы. Дипломаты усвоили эту истину еще несколько тысяч лет назад, отчего и возникли миссии, посольства и официальные визиты. И тогда, и сейчас людям требовалось познакомиться, узнать черты характера друг друга. Появлялся взаимный интерес, а с ним — тонкие ростки взаимопонимания. После этого уже не было угрозы быть превратно понятым при общении по телексу.

Без дружеских связей, имевшихся у Малькольма Макензи на Земле, он никогда не стал бы президентом Титана. В свое время ему казалось странным, что личная трагедия привела его к такой власти и возложила на него такую ответственность, о которых в молодости он и не мечтал. Но в отличие от Элен он похоронил свое прошлое, и оно давно перестало его тревожить.

Когда через сорок лет Колин повторил отцовский маневр и вернулся на Титан с маленьким Дунканом, позиции клана необычайно укрепились. У большинства жителей Солнечной системы крупнейший спутник Сатурна напрямую ассоциировался с кланом Макензи. Всякий, желающий оспорить власть клана, вначале должен был создать разветвленную сеть личных контактов не только на Земле, но и везде, где это требовалось. Не столько политические каналы, сколько неформальные отношения позволяли клану добиваться желаемого. Это, пусть и неохотно, признавали даже противники Макензи.

Будущему четвертому поколению предстояло еще более упрочить положение династии. Все знали: рано или поздно такое должно произойти, но никто не ожидал, что это случится так скоро. Ни сами Макензи, ни тем более Хелмеры.

Глава 6
У ПРЕКРАСНЫХ БЕРЕГОВ ОЗЕРА ЛОХ-ХЕЛЛВРЮ

Обычно Дункан ездил к дому бабушки Элен на велосипеде, а если требовалось отвезти ей что-то из вещей, брал электрокар. На этот раз он отправился по двухкилометровому тун-

нелю пешком, неся на себе пятьдесят килограммов тщательно распределенного груза. Учитывая местную гравитацию, увеличение веса Дункана было впятеро меньшим, чем если бы он нес то же самое на Земле. Младший Макензи наверняка проникся бы симпатией к древним контрабандистам, переносившим в изящных жилетах зашитые золотые слитки. Но он ничего не знал о контрабандистах.

Колин презентовал сыну хитроумное сооружение из кармашков и тесемок, которое он называл «упряжью».

— Благодарение Богу, что мне больше никогда не придется надевать эту штуку,— искренне заявил Колин.— Целых два дня разыскивал и все-таки нашел. Правильно говорят, что Макензи никогда ничего не выбрасывают.

Обеими руками и не без труда Дункан снял со стола отцовский подарок. Расстегнув один из многочисленных карманчиков, он обнаружил внутри матовый металлический стержень величиной с карандаш. Стержень оказался на удивление тяжелым.

— Что это за металл? — спросил Дункан.— По-моему, он тяжелее золота.

— Так и есть. Если я правильно помню, это какой-то вольфрамовый суперсплав. Общая масса тренировочного комплекта — семьдесят килограммов, но не пытайся сразу нацепить ее на себя. Я начинал с сорока, ежедневно добавляя по паре килограммов. Здесь очень важно равномерно распределить нагрузку и не допускать, чтобы «упряжь» где-нибудь натирала.

Дункан произвел в уме нехитрые подсчеты и горестно вздохнул. Земная гравитация была в пять раз выше титанской, а дьявольская «упряжь» увеличивала его вес всего вдвое.

— Невозможная затея,— мрачно изрек Дункан.— Я ни за что не смогу ходить по поверхности Земли.

— Я же смог, хотя вначале это было непросто. Советую выполнять все предписания тамошних врачей, даже если они и покажутся тебе глупыми. Как можно больше времени проводи лежа или в ванне. Не стыдись пользоваться колясками и

костылями, во всяком случае, в первые две недели. И ни в коем случае не пытайся бегать.

— Бегать?

— Рано или поздно ты забудешь, что находишься на Земле. Тебе захочется побежать, а кончится это сломанной ногой. Хочешь, заключим пари?

Заключение пари было одной из полезных странностей клана Макензи. Деньги неизменно оставались в семье, а проигравший усваивал ценный урок. Как Дункан ни старался, он не мог вообразить жизнь в условиях жуткой земной гравитации. Однако Колин провел на Земле целый год и не умер. Обдумав все это, Дункан не стал заключать пари.

Он последовал отцовским рекомендациям и увеличивал тяжесть «упряжи» постепенно. Сейчас, пока Дункан двигался по прямой, он почти не ощущал дополнительных килограммов. Однако стоило ему поменять направление, как он сразу же почувствовал себя в тисках неодолимой силы. Не считая земных туристов, Дункан был самым сильным человеком на Титане. Его тело не приобрело новую силу; оно пробуждало дремлющие силы, терпеливо ждавшие момента, когда они понадобятся. Но на это был отпущен определенный срок; еще через несколько лет он вряд ли сумел бы подготовиться к визиту на Землю.

Туннель четырехметровой ширины, по которому шел Дункан, был когда-то пробит лазерным щитом в кромке кратера, окружающего Оазис. Первоначально он служил трубопроводом для транспортировки аммонизированных нефтепродуктов. Их закачивали из озера Лох-Хеллбрю, которое служило основным источником природных ресурсов для региона и вполне оправдывало свое меткое название*. Основная часть содержимого озера пошла на нужды промышленности Титана. В дальнейшем, когда люди добрались до раскаленных недр планеты, то, что еще оставалось в озере, попросту испарилось.

* Английское словосочетание *hellbrew* можно перевести как «адское варево».

Намерение Элен Макензи поселиться на берегу Лох-Хеллбрю вызвало недовольство, хотя и не слишком активное. Однако Департамент ресурсов откачал из туннеля остатки водородно-метанового тумана и наполнил его кислородом. Это ежегодно раздражало аудиторов, заявлявших, что воздух в пустом туннеле — непозволительная роскошь и посягательство на городской воздушный запас. Правда, здесь аудиторы лукавили. Попасть в туннель со стороны города можно было только через шлюз. Вдобавок там стояли еще две перемычки. Считалось, что зашедший за вторую перемычку дальше двигался на свой страх и риск, хотя риск был ничтожный. Туннель находился в толще крепкой скальной породы, давление внутри поддерживалось выше среднего, и потому можно было не опасаться, что сюда прорвется ядовитая атмосфера Титана.

От основного туннеля отходило полдюжины боковых, плотно закрытых. Когда мальчишкой Дункан впервые сюда попал, он убедил себя в существовании разных волшебных чудес, скрывающихся за металлическими дверями штолен. Сказка продержалась недолго: вскоре он узнал, что штольни ведут к заброшенным уравнительным резервуарам. И хотя вся таинственность развеялась, Дункану и сейчас казалось, что в туннеле обитают два призрака: маленькой девочки, которую помнили и любили лишь первые поселенцы, и великана, о гибели которого скорбели миллионы.

Фамилия Роберта Кляйнмана* служила поводом для непрекращающихся шуток, поскольку рост этого атлетически сложенного человека был почти два метра. Под стать его богатырской фигуре были и профессиональные качества Кляйнмана. Уже в тридцать лет он являлся космопилотом высшего класса, хотя и не без труда втискивал свое могучее тело в стандартный скафандр. Дункану он никогда не казался особо симпатичным, однако небольшая армия поклонниц, включавшая и Элен Макензи, придерживалась совсем иного мнения.

* От немецкого *kleinmann* — «маленький человек», «коротышка».

Бабушка познакомилась с капитаном Кляйнманом всего лишь через год после окончательного разрыва с Малькольмом. Возможно, она еще пребывала в состоянии эмоциональной подавленности, чего нельзя было сказать о капитане. Однако после их знакомства Кляйнман перестал обращать внимание на других женщин. Его роман с Элен стал одной из самых ярких любовных историй, о которой знали не только на Титане. Он длился все время, пока велись разработка и подготовка первой экспедиции на Сатурн и пока «Челленджер» достраивали на стационарной орбите Титана. Для Элен Макензи этот роман никогда не кончался; он навечно застыл в тот момент, когда корабль Кляйнмана сгинул в турбулентных потоках Южного умеренного пояса Сатурна. Причины гибели и по сей день оставались неизвестными.

Двигаясь медленнее, чем в начале путешествия, Дункан подошел ко второй перемычке. Накануне столетнего юбилея бабушки младшие члены семьи разрисовали конструкции перемычки яркими светящимися красками. За прошедшие четырнадцать лет краски ничуть не потускнели. Поскольку сама Элен никогда не упоминала о рисунках и вдобавок имела обыкновение не слышать тех вопросов, на которые не желала отвечать, никто не знал, понравился ли ей этот подарок.

— Бабуля, я пришел,— произнес Дункан в микрофон старинного интеркома.

Когда-то давно это переговорное устройство подарил ей неизвестный поклонник. Аппарат был изготовлен в конце двадцатого века, и на его корпусе до сих пор ясно различалась надпись: «Сделано в Гонконге». Однажды эту реликвию даже попытались украсть. Поскольку воровства на Титане не существовало, случившееся посчитали либо детской проказой, либо демаршем какого-нибудь противника Макензи.

Ответа, как обычно, не последовало, но дверь сразу же открылась, и Дункан вошел в крошечную прихожую. Бабушкин электроцикл стоял на своем привычном месте, которого он не покидал годами. Тем не менее Дункан проверил заряд

аккумуляторов и накачку шин (навещая бабушку, он всегда добросовестно проделывал эту процедуру). На сей раз электроциклу не требовалась ни зарядка, ни подкачка. Престарелая дама могла хоть сейчас отправляться в город.

Кухня, представляющая собой кухонный отсек, перенесенный с небольшого орбитального шаттла, выглядела чище обычного. Вероятно, у бабушки недавно побывал кто-то из добровольных помощниц, которые навещали ее каждую неделю. И все же в кухне отчаянно воняло кислятиной из-за скверно работающей системы утилизации пищевых отбросов. Дункан задержал дыхание и поспешил в гостиную. Все его угощение в бабушкином доме ограничивалось чашкой кофе. К стряпне ее пищевого синтезатора он никогда не притрагивался, боясь отравиться. Однако Элен эта пища не причиняла никакого вреда. Похоже, за много лет между нею и ее кухней создалось что-то вроде симбиоза. Фирма, производящая кухонное оборудование, гарантировала — в случае выхода его из строя — «отсутствие опасности для жизни». По-видимому, вонь считалась заведомо безопасной. Хотя вряд ли бабушка замечала, чем и как пахнет на ее кухне. Интересно, что она станет делать, когда в один прекрасный день ее кухня сломается окончательно?

В гостиной ничего не изменилось. Вдоль одной стены тянулись полки с образцами минералов, снабженными аккуратно наклеенными этикетками. Здесь была представлена вся минералогия Титана, а также образцы с других спутников Сатурна и с каждого из его колец. На памяти Дункана, одна полка неизменно оставалась пустой, словно бабушка до сих пор ждала возвращения Кляйнмана.

На противоположной стене было посвободнее. Там располагались информационно-коммуникационное оборудование и стойки с микромодулями. Если заполнить их на весь объем, эти микромодули вместили бы в себя все библиотеки Земли двадцать первого века. Остальную часть гостиной занимала маленькая мастерская. На полу стояли всевозможные станки,

столь восхищавшие Дункана в детстве. С тех пор все эти механизмы невольно ассоциировались у него с бабушкой Элен.

Тут были петрологические микроскопы, приспособления для резки и полировки минералов, ультразвуковые очистители, лазерные ножи и весь остальной сверкающий арсенал инструментов, какими пользуются резчики по камню и ювелиры. Пока Дункан рос, бабушка последовательно и терпеливо рассказывала ему об их устройстве и назначении и даже позволяла попробовать собственные силы. Но способности к обработке камней у Дункана не проявились, не говоря уже о художественном чутье. В отличие от Элен, он им почти не обладал. Куда сильнее сближали Дункана и бабушку ее математические интересы. Здесь ей многие годы верой и правдой служил небольшой компьютер с голографическим дисплеем.

По современным меркам компьютер, как и кухонное оборудование, следовало давным-давно выбросить. Но устройство было полностью автономным и избавляло бабушку от необходимости обращаться к городским хранилищам информации. Память компьютера лишь незначительно превышала память человеческого мозга, но для весьма скромных запросов Элен этого вполне хватало. Увлечение минералами неизбежно привело ее к кристаллографии, а потом и к теории групп. Теория групп развила в ней еще одно вполне безобидное пристрастие, которое скрашивало одинокую жизнь Элен Макензи. Двадцать лет назад, в этой же гостиной, она заразила своим пристрастием и Дункана. «Болезнь» мальчика длилась всего несколько месяцев и ушла, сменившись другими интересами. Но Дункан знал: спорадические рецидивы этой «болезни» будут проявляться у него всю жизнь. Еще не раз его изумит, что из пяти совершенно одинаковых квадратов можно построить вселенную, исследовать которую не под силу ни человеческому мозгу, ни электронным мозгам компьютера...

В последний раз Дункан был у бабушки три недели назад и не нашел никаких перемен. Ему даже показалось, что все это время бабушка неотрывно просидела за рабочим столом, сортируя камни и кристаллы, а дисплей за ее спиной беспрерывно выдавал промежуточные решения проблем, над которыми бился компьютер. Как всегда, бабушка была одета в длинную тогу, придававшую ей некоторое сходство с римской матроной. Правда, Дункан сомневался, что матроны позволяли себе щеголять в таких растрепанных и, по правде говоря, давно не стиранных одеждах. Что ж, бабушкино заботливое и аккуратное обращение со станками и инструментами не распространялось на собственный внешний вид.

Когда Дункан вошел, бабушка не встала, а лишь слегка наклонила голову, подставляя щеку для обычного поцелуя. Выполняя этот ритуал (как всегда, искренне), он заметил кое-какие перемены во внешнем мире за окном.

О виде, открывающемся из бабушкиного венецианского окна, ходили легенды, однако лишь немногие удостаивались привилегии лицезреть это своими глазами. Дом Элен был частично врезан в уступ, глядящий на высохшее озеро Лох-Хеллбрю и окрестный каньон. Таким образом, бабушка могла наслаждаться панорамой едва ли не самого живописного уголка Титана. Когда над горами бушевали бури, сыплющиеся с неба аммиачные кристаллы на несколько часов загораживали вид. Но сегодня погода была ясная, и Дункану открывалась поверхность планеты в радиусе двадцати километров.

— Что там такое? — спросил он.

Поначалу Дункан решил, что видит извержение огненного фонтана. Такие извержения иногда происходили в нестабильных районах и представляли собой изрядную опасность. Нет, это не извержение, иначе службы оповещения Оазиса заблаговременно предупредили бы жителей. Затем он понял: столб яркого, хотя и задымленного света, сияющий над холмом в трех-четырех километрах от бабушкиного дома,— дело человеческих рук.

— Не знаю, что именно они затеяли над Гюйгенсом. Похоже на реакцию синтеза. Могу только сказать: это горит кислород.

— Тогда это один из проектов Арманда. Он тебя раздражает?

— Ни в коем случае. Мне это даже нравится. Смотри, как красиво. И потом, нам нужна вода. Взгляни на дождевые облака. Это же... это настоящий дождь. Я думаю, там появляются зачатки растительности. После того как появилось пламя, цвет окрестных скал начал меняться.

— Вполне возможно. Биоинженеры давно мечтают об этом. Сама не заметишь, как вместо голых скал у тебя за окнами появится лес.

Дункан шутил, и Элен это знала. Растительность на поверхности Титана существовала лишь в нескольких, очень ограниченных местах. Но эксперименты, подобные этому, были лишь началом, и кто знает...

Там, в горах, работал завод. Люди плавили кору Титана, добывая элементы, необходимые для промышленности их маленькой планеты. Кора наполовину состояла из кислорода, а поскольку хозяйство городов строилось на замкнутом цикле, кислород попросту сжигали.

— А знаешь, как точно это пламя символизирует различие между Титаном и Землей? — вдруг спросила бабушка.

— По-моему, жителям Земли не требуется плавить скалы, чтобы добыть нужные им элементы.

— Я имею в виду нечто куда более фундаментальное. Если терранцу нужен огонь, он поджигает поток углеводородов, и те горят в кислороде. Мы делаем прямо противоположное: поджигаем поток кислорода, сжигая его в здешней водородно-метановой атмосфере.

Эта экологическая азбучная истина была настолько банальна, что разочаровала Дункана. Он рассчитывал услышать настоящее откровение. Должно быть, разочарование отразилось и на его лице, но прежде чем он успел раскрыть рот, бабушка заговорила снова.

— Я не собираюсь повторять тебе известные вещи. Я совсем о другом. Возможно, тебе будет не так легко приспособиться к земной жизни, как кажется. Ты знаешь... или думаешь, что знаешь о Земле и ее условиях. Но твои знания не основаны на опыте. В неожиданной ситуации они тебе не помогут. Твои инстинкты сформированы жизнью на Титане и на Земле могут сослужить тебе плохую службу. Так что не торопись и всегда хорошенько обдумывай каждый свой шаг.

— Вряд ли я сумею не торопиться. Мои титанские мышцы не позволят.

— Сколько времени ты намереваешься там провести?

— Около года. Официально меня приглашают на два месяца, но, поскольку мне оплачивают перелет в оба конца, мне хватит средств на более длительное пребывание. Жаль упустить единственную возможность.

Дункан старался, чтобы его голос звучал бодро и оптимистично, однако он прекрасно знал, какие мысли наполняют сейчас голову Элен. Оба сознавали, что, возможно, видятся в последний раз. Сто четырнадцать лет не считалось для женщины преклонным возрастом, но чем бабушке жить дальше? Надеждами увидеть его, когда он вернется с Земли? Дункану хотелось бы так думать...

Была еще одна тема, которой они не касались, но которая служила фоном их мыслям. Бабушка прекрасна знала, какова главная цель полета Дункана на Землю. Знала давно, и даже сейчас, через много лет, это знание, как кинжал, ранило ее сердце. Элен так и не простила Малькольму клонирования и не приняла Колина. Сохранит ли она прежнее отношение к Дункану, когда он вернется с маленьким Малькольмом?

Бабушка открыла один из ящиков стола и принялась там рыться. Дункана поразила неуклюжесть ее движений, обычно таких точных и грациозных.

— Вот тебе на память. Возьмешь с собой.

— Ой, какая красота!

Восклицание не было проявлением вежливости или лести. Подарок Элен действительно удивил Дункана. Плоская коробочка с хрустальной крышкой была высшим образцом геометрического искусства. Вряд ли бабушка могла подобрать более красноречивое напоминание о его детстве и мире, в котором он вырос. И пусть Дункан собирался на время покинуть этот мир, Титан все равно навсегда останется его родным домом.

Он смотрел на мозаику разноцветных камней, заполнивших пространство коробочки. Он приветствовал каждую знакомую фигуру как давнего друга. Глаза Дункана подернулись дымкой, и время покатилось назад. Бабушка ничуть не изменилась, а вот ему тогда было всего десять...

Глава 7
КРЕСТ ИЗ ТИТАНИТА

— Ты уже достаточно большой мальчик, Дункан, и сумеешь понять эту игру... впрочем, она куда больше, чем игра.

Вопреки словам бабушки, игра не впечатлила Дункана. Ну что можно сделать из пяти белых пластмассовых квадратиков?

— Прежде всего,— продолжала бабушка,— тебе нужно проверить, сколько различных узоров ты сумеешь сложить из квадратиков.

— А они при этом должны лежать на столе? — спросил Дункан.

— Да, они должны лежать, соприкасаясь. Перекрывать один квадратик другим нельзя.

Дункан принялся раскладывать квадратики.

— Ну, я могу выложить их все в прямую линию,— начал он.— Вот так... А потом могу переложить две штуки и получить букву L... А если я возьмусь за другой край, то получится буква U...

Мальчик быстро составил полдюжины сочетаний, потом еще и вдруг обнаружил, что они повторяют уже имеющиеся.

— Может, я тупой, но это все.

Дункан упустил самую простую из фигур — крест, для создания которой достаточно было выложить четыре квадратика по сторонам пятого, центрального.

— Большинство людей начинают как раз с креста,— улыбнулась бабушка.— По-моему, ты поторопился объявить себя тупым. Лучше подумай: могут ли быть еще какие-нибудь фигуры?

Сосредоточенно двигая квадратики, Дункан нашел еще три фигуры, после чего прекратил поиски.

— Теперь уже точно все,— уверенно заявил он.

— А что ты скажешь про такую фигуру?

Слегка передвинув квадратики, бабушка сложила из них подобие горбатой буквы F.

— Ого!

— И вот еще одна.

Дункан чувствовал себя последним идиотом, и бабушкины слова легли бальзамом на его смущенную душу:

— Ты просто молодец. Подумаешь, упустил всего две фигуры. А общее число фигур равно двенадцати. Не больше и не меньше. Теперь ты знаешь их все. Ищи хоть целую вечность — больше не найдешь ни одной.

Бабушка смела в угол пять белых квадратиков и выложила на стол дюжину ярких разноцветных пластиковых кусочков. Это были те самые двенадцать фигур, но уже в готовом виде, и каждая состояла из пяти квадратиков. Дункан уже был готов согласиться, что никаких других фигур действительно не существует.

Но раз бабушка выложила эти разноцветные полоски, значит, игра продолжается, и Дункана ждал еще один сюрприз.

— А теперь, Дункан, слушай внимательно. Эти фигуры называются «пентамино». Название произошло от греческого слова «пента», что значит «пять». Все фигуры равны по площади, поскольку каждая состоит из пяти одинаковых квадратиков. Фигур двенадцать, квадратиков — пять, следовательно, общая площадь будет равняться шестидесяти квадратикам. Правильно?

— Мм... да.

— Слушай дальше. Шестьдесят — замечательное круглое число, которое можно составить несколькими способами. Самый легкий — умножить десять на шесть. Такую площадь имеет эта коробочка: по горизонтали в ней умещается десять квадратиков, а по вертикали — шесть. Стало быть, в ней должны уместиться все двенадцать фигур. Просто, как составная картинка-загадка.

Дункан ожидал подвоха. Бабушка обожала словесные и математические парадоксы, и далеко не все они были понятны ее десятилетней жертве. Но на сей раз обошлось без парадоксов. Дно коробки было расчерчено на шестьдесят квадратиков, значит... Стоп! Площадь площадью, но ведь фигуры имеют разные очертания. Попробуй-ка загони их в коробку!

— Оставляю тебе эту задачу для самостоятельного решения,— объявила бабушка, видя, как он уныло двигает пентамино по дну коробки.— Поверь мне, их можно собрать.

Вскоре Дункан начал крепко сомневаться в бабушкиных словах. Ему с легкостью удавалось уложить в коробку десять фигур, а один раз он ухитрился втиснуть и одиннадцатую. Но очертания незаполненного пространства не совпадали с очертаниями двенадцатой фигуры, которую мальчик вертел в руках. Там был крест, а оставшаяся фигура напоминала букву Z...

Еще через полчаса Дункан уже находился на грани отчаяния. Бабушка погрузилась в диалог со своим компьютером, но время от времени заинтересованно поглядывала на него, словно говоря: «Это не так легко, как ты думал».

В свои десять лет Дункан отличался заметным упрямством. Большинство его сверстников давным-давно оставили бы всякие попытки. (Только через несколько лет он понял, что бабушка изящно проводила с ним психологический тест.) Дункан продержался без посторонней помощи почти сорок минут...

Тогда бабушка встала от компьютера и склонилась над головоломкой. Ее пальцы передвинули фигуры U, X и L...

Дно коробки оказалось целиком заполненным! Все куски головоломки заняли нужные места.

— Конечно, ты заранее знала ответ! — обиженно протянул Дункан.

— Ответ? — переспросила бабушка.— А как ты думаешь, сколькими способами можно уложить пентамино в эту коробку?

Вот она, ловушка. Дункан провозился почти час, так и не найдя решения, хотя за это время он перепробовал не меньше сотни вариантов. Он думал, что существует всего один способ. А их может быть... двенадцать? Или больше?

— Так сколько, по-твоему, может быть способов? — снова спросила бабушка.

— Двадцать,— выпалил Дункан, думая, что уж теперь бабушка не будет возражать.

— Попробуй снова.

Дункан почуял опасность. Забава оказалась куда хитрее, чем он думал, и мальчик благоразумно решил не рисковать.

— Вообще-то, я не знаю,— сказал он, мотая головой.

— А ты восприимчивый мальчик,— снова улыбнулась бабушка.— Интуиция — опасный проводник, но порою другого у нас нет. Могу тебя обрадовать: угадать правильный ответ здесь невозможно. Существует более двух тысяч различных способов укладки пентамино в эту коробку. Точнее, две тысячи триста тридцать девять. И что ты на это скажешь?

Вряд ли бабушка его обманывала. Но Дункан был настолько раздавлен своей неспособностью найти решение, что не удержался и выпалил:

— Не верю!

Элен редко выказывала раздражение. Когда Дункан чем-то обижал ее, она просто становилась холодной и отрешенной. Однако сейчас бабушка лишь усмехнулась и что-то выстучала на клавиатуре компьютера.

— Взгляни сюда,— предложила она.

На экране появился набор из двенадцати разноцветных пентамино, заполняющих прямоугольник размером десять

на шесть. Через несколько секунд его сменило другое изображение, где фигуры, скорее всего, располагались уже по-другому (точно сказать Дункан не мог, поскольку не запомнил первую комбинацию). Вскоре изображение опять поменялось, потом еще и еще... Так продолжалось, пока бабушка не остановила программу.

— Даже при большой скорости компьютеру понадобится пять часов, чтобы перебрать все способы,— пояснила бабушка.— Можешь поверить мне на слово: все они разные. Если бы не компьютеры, сомневаюсь, что люди нашли бы все способы обычным перебором вариантов.

Дункан долго глядел на двенадцать обманчиво простых фигур. Он медленно переваривал бабушкины слова. Это было первое в его жизни математическое откровение. То, что он так опрометчиво посчитал обыкновенной детской игрой, вдруг стало разворачивать перед ним бесконечные тропинки и горизонты, хотя даже самый одаренный десятилетний ребенок вряд ли сумел бы ощутить безграничность этой вселенной.

Но тогда восторг и благоговение Дункана были пассивными. Настоящий взрыв интеллектуального наслаждения случился позже, когда он самостоятельно отыскал свой первый способ укладки пентамино. Несколько недель Дункан везде таскал с собой пластмассовую коробочку. Все свободное время он тратил только на пентамино. Фигуры превратились в личных друзей Дункана. Он называл их по буквам, которые те напоминали, хотя в ряде случае сходство было более чем отдаленным. Пять фигур — F, I, L, P, N шли вразнобой, зато остальные семь повторяли последовательность латинского алфавита: T, U, V, W, X, Y, Z.

Однажды, в состоянии не то геометрического транса, не то геометрического экстаза, который больше не повторялся, Дункан менее чем за час нашел пять вариантов укладки. Возможно, даже Ньютон, Эйнштейн или Чэнь-цзы в свои моменты истины не ощущали большего родства с богами математики, чем Дункан Макензи.

Вскоре он сообразил, причем сам, без бабушкиных подсказок, что пентамино можно уложить в прямоугольник с другими размерами сторон. Довольно легко Дункан нашел несколько вариантов для прямоугольников 5 на 12 и 4 на 15. Затем он целую неделю мучился, пытаясь загнать двенадцать фигур в более длинный и узкий прямоугольник 3 на 20. Снова и снова он начинал заполнять коварное пространство и... получал дыры в прямоугольнике и «лишние» фигуры.

Сокрушенный, Дункан наведался к бабушке, где его ждал новый сюрприз.

— Я рада твоим опытам,— сказала Элен.— Ты исследовал все возможности, пытаясь вывести общую закономерность. Так всегда поступают математики. Но ты ошибаешься: решения для прямоугольника три на двадцать все-таки существуют. Их всего два, и если ты найдешь одно, то сумеешь отыскать и второе.

Окрыленный бабушкиной похвалой, Дункан с новыми силами продолжил «охоту на пентамино». Еще через неделю он начал понимать, какой непосильный груз взвалил на свои плечи. Количество способов, которым можно расположить двенадцать фигур, просто ошеломляло Дункана. Более того, ведь каждая фигура имела четыре положения!

И вновь он явился к бабушке, выложив ей все свои затруднения. Если для прямоугольника 3 на 20 существовало только два варианта, сколько же времени понадобится, чтобы их найти?

— Изволь, я тебе отвечу,— сказала бабушка.— Если бы ты действовал как безмозглый компьютер, занимаясь простым перебором комбинаций и тратя на каждую по одной секунде, тебе понадобилось бы...— Здесь она намеренно сделала паузу.— Тебе понадобилось бы более шести миллионов... да, более шести миллионов лет.

Земных или титанских? Этот вопрос мгновенно возник в мозгу Дункана. Впрочем, какая разница?

— Но ты отличаешься от безмозглого компьютера,— продолжала бабушка.— Ты сразу видишь заведомо непригодные

комбинации, и потому тебе не надо тратить время на их проверку. Попробуй еще раз.

Дункан повиновался, уже без энтузиазма и веры в успех. А потом ему в голову пришла блестящая идея.

Карл сразу же заинтересовался пентамино и принял вызов. Он взял у Дункана коробочку с фигурами и исчез на несколько часов.

Когда Карл позвонил ему, вид у друга был несколько расстроенный.

— А ты уверен, что эта задача действительно имеет решение? — спросил он.

— Абсолютно уверен. Их целых два. Неужели ты так и не нашел хотя бы одно? Я-то думал, ты здорово соображаешь в математике.

— Представь себе, соображаю, потому и знаю, каких трудов стоит твоя задачка. Нужно проверить... миллион миллиардов возможных комбинаций.

— А откуда ты узнал, что их столько? — спросил Дункан, довольный тем, что хоть чем-то сумел заставить друга растерянно чесать в затылке.

Карл скосил глаза на лист бумаги, заполненный какими-то схемами и цифрами.

— Если исключить недопустимые комбинации и учесть симметрию и возможность поворота... получается факториал... суммарное число перестановок... ты все равно не поймешь. Я тебе лучше покажу само число.

Он поднес к камере другой лист, на котором была крупно изображена внушительная вереница цифр:

1 004 539 160 000 000.

Дункан ничего не смыслил в факториалах, однако в точности подсчетов Карла не сомневался. Длиннющее число ему очень понравилось.

— Так ты собрался бросить эту задачу? — осторожно спросил Дункан.

— Еще чего! Я просто хотел тебе показать, насколько она трудна.

Лицо Карла выражало мрачную решимость. Произнеся эти слова, он отключился.

На следующий день Дункана ожидало одно из величайших потрясений в его мальчишеской жизни. С экрана на него смотрело осунувшееся, с воспаленными глазами, лицо Карла. Чувствовалось, он провел бессонную ночь.

— Ну вот и все,— усталым, но торжествующим голосом возвестил он.

Дункан едва верил своим глазам. Ему казалось, что шансы на успех ничтожно малы. Он даже убедил себя в этом. И вдруг... Перед ним лежал прямоугольник три на двадцать, заполненный всеми двенадцатью фигурами пентамино.

Потом Карл поменял местами и перевернул фигуры на концах, оставив центральную часть нетронутой. От усталости у него слегка дрожали пальцы.

— Это второе решение,— пояснил он.— А теперь я отправляюсь спать. Так что спокойной ночи или доброго утра — это уж как тебе угодно.

Посрамленный Дункан еще долго глядел в погасший экран. Он не знал, какими путями двигался Карл, нащупывая решение головоломки. Но он знал, что его друг вышел победителем. Наперекор всему.

Он не завидовал победе друга. Дункан слишком любил Карла и всегда радовался его успехам, хотя нередко сам оказывался побежденной стороной. Но в сегодняшнем триумфе друга было что-то иное, что-то почти магическое.

Дункан впервые увидел, какой силой обладает интуиция. Он столкнулся с загадочной способностью разума вырываться за пределы фактов и отбрасывать в сторону мешающую логику. За считаные часы Карл выполнил колоссальную работу, превзойдя самый быстродействующий компьютер.

Впоследствии Дункан узнал, что подобными способностями обладают все люди, но используют они их крайне ред-

ко — возможно, один раз в жизни. У Карла этот дар получил исключительное развитие... С того момента Дункан стал серьезно относиться к рассуждениям друга, даже самым нелепым и возмутительным с точки зрения здравого смысла.

Это было двадцать лет назад. Дункан не помнил, куда делись пластмассовые фигуры пентамино. Возможно, так и остались у Карла.

Бабушкин подарок стал их новым воплощением, теперь уже в виде кусочков разноцветного камня. Удивительный, нежно-розового оттенка гранит был с холмов Галилея, обсидиан — с плато Гюйгенса, а псевдомрамор — с гряды Гершеля. И среди них... сначала Дункан подумал, что ошибся. Нет, так оно и есть: то был самый редкий и загадочный минерал Титана. Крест каменного пентамино бабушка сделала из титанита. Этот иссиня-черный, с золотистыми вкраплениями минерал не спутаешь ни с чем. Таких крупных кусков Дункан еще не видел и мог только догадываться, какова его стоимость.

— Не знаю, что и сказать,— пробормотал он.— Какая красота. Такое я вижу в первый раз.

Он обнял худенькие бабушкины плечи и вдруг почувствовал, что они дрожат и ей никак не унять эту дрожь. Дункан бережно держал ее в своих объятиях, пока плечи не перестали дрожать. В такие мгновения слова не нужны. Отчетливее, чем прежде, Дункан понимал: он последняя любовь в опустошенной жизни Элен Макензи. И теперь он улетает, оставляя ее наедине с воспоминаниями.

Глава 8
ДЕТИ ПОДЗЕМЕЛИЙ

Почти все, чем приходилось заниматься Дункану в эти последние дни, вызывало в нем грусть и ощущение чего-то безвозвратно уходящего. Иногда он удивлялся самому себе. Каза-

лось бы, он должен находиться в радостном ожидании, предвкушая великое путешествие, доступное лишь очень немногим его согражданам. До сих пор он никогда не расставался с семьей и друзьями больше чем на несколько часов. А тут — целый год. Дункан был уверен, что время пролетит очень быстро — ведь на Земле его ждет столько чудесного и необычного.

Тогда откуда эта меланхолия? Если он и расставался с миром, в котором вырос, то лишь на время. Когда он вернется, родная планета покажется ему еще милее...

Когда он вернется. Вот она, причина. То-то и оно, что нынешний Дункан Макензи, покидающий Титан, не вернется уже никогда. Как и Колин тридцать лет назад, а еще сорока годами раньше — Малькольм, он отправлялся за знаниями, властью, зрелостью. И прежде всего — за наследником, которого Дункан мог обрести только на Земле. Будучи клоном Малькольма, он унаследовал и страшный ген деда.

Раньше, чем он думал, ему пришлось готовить свою семью к появлению нового члена. После обычных юношеских увлечений и нескольких романов, четыре года назад Дункан женился на Мириссе. Ее дочерей он любил как родных. Клайд исполнилось шесть, а Карлине было только три. Постепенно и они привязались к нему и полюбили не меньше, чем своих настоящих отцов, которые теперь считались почетными членами клана Макензи. Примерно так же было и в поколении Колина. С Малькольмом дело обстояло несколько иначе. Расставшись с Элен, дед не стал связывать себя узами нового брака. Но это не означало, что старший Макензи обрек себя на одиночество. Только компьютер мог бы упомнить всех, кто появлялся на периферии клана. Не зря говорилось, что большая часть жителей Титана состоит в перекрестном родстве. Это обстоятельство заставляло Дункана ломать голову, соображая, кого он может смертельно обидеть, если не нанесет прощального визита. Разумеется, все это требовало времени, а его у младшего Макензи было почти в обрез.

Помимо нехватки времени у Дункана имелись и другие основания свести прощальные визиты к минимуму. Каждый из его родственников и друзей (не говоря уже о совсем посторонних согражданах) обращался к нему с какой-нибудь просьбой или поручением, которое Дункан непременно должен был выполнить, оказавшись на Земле. Но что еще хуже — каждый просил его что-нибудь привезти из «колыбели человечества», сопровождая это стандартной фразой: «Надеюсь, тебя не затруднит...» Просьб набралось столько, что для их выполнения ему пришлось бы нанимать отдельный грузовой корабль.

Все ближайшие дела Дункан разделил на две категории: неотложные, которые нужно закончить еще на Титане, и те, которыми он займется на борту корабля. К последним относилось знакомство с нынешним состоянием дел на Земле. Невзирая на отчаянные старания Колина оставаться в курсе земной жизни, многое ускользало от его внимания.

Не так-то просто Дункану было отойти и от официальных обязанностей. Он еще раз убедился, насколько своевременно это приглашение: приди оно через несколько лет, дела не отпустили бы его с Титана. Дункан был причастен ко многим сторонам деловой и социальной жизни планеты, и причина заключалась не в его чрезмерной амбициозности, а в целенаправленной политике клана Макензи. Он не раз жаловался, что его должность специального помощника при главном администраторе лишь налагает обязанности, не давая никакой власти. На его жалобы главный администратор Колин неизменно отвечал:

— Ты знаешь, что такое власть в нашем обществе? Отдавать распоряжения людям, которые их выполняют... Если захотят.

Конечно же, это была клевета на титанскую бюрократию, которая работала удивительно слаженно. Ключевые руководители прекрасно знали друг друга, и основная часть проблем решалась через личные контакты. Переселенцев на Титан отбирали по деловым и интеллектуальным качествам. Им сра-

зу же объявляли: жизнь колонии зависит от сотрудничества. Тем, кто пренебрегал своими обязанностями, недвусмысленно советовали научиться жить на стоградусном морозе и дышать метаном.

И все же от одного прощального визита Дункана освободили сложившиеся обстоятельства. Он не мог улететь, не простившись с закадычным другом детства. Но Карла как нельзя более кстати не было на Титане. Несколько месяцев назад он влился в состав терранской экспедиции, исследующей внешние спутники Сатурна. Тогда Дункан завидовал Карлу: он увидит иные миры. Однако судьба сделала неожиданный зигзаг, и теперь Карл наверняка позавидовал бы ему.

Дункан зримо представлял, как опечалится Хелмер-младший, узнав, что он держит путь к Земле. Мысль эта не вызывала в Дункане торжества, но лишь добавляла грусти. При всех своих недостатках, клан Макензи не был мстительным. Думая о Карле, Дункан вспоминал, сколько полумечтательных-полубредовых его состояний были связаны с Землей. Следом вспомнилось одно событие пятнадцатилетней давности.

Дункану было шестнадцать, Карлу — двадцать один, когда круизный лайнер «Ментор» совершил свой первый и, как оказалось, единственный заход на Титан. В прошлом «Ментор» исправно возил грузы, пока ему не поменяли судьбу. Корабль был тихоходным, но экономичным. Правда, его экономичность требовала пополнения запасов водорода на орбитальных заправочных станциях.

Титан был последней заправочной станцией и последним пунктом большого космического путешествия, включавшего остановки на Марсе, Ганимеде, Европе, Палладе, Япете и прохождение вблизи Меркурия и Эроса. К моменту постановки на промежуточную орбиту измученной командой «Ментора» владела безумная мечта: заправиться и вылететь на Землю кратчайшим путем, оставив всех пассажиров на Титане.

Этот круиз консорциум терранских университетов задумал несколькими годами раньше, и тогда он представлялся замечательной идеей: сделать необычный подарок самым успешным и талантливым выпускникам. Но когда «Ментор» с его преждевременно поседевшим капитаном встал на промежуточную орбиту Титана, замечательная идея уже выглядела как стихийное бедствие первой величины.

Планируя круиз, его организаторы упустили из виду существенный вопрос: как и чем развлекать и сдерживать в течение полугода ораву молодежи численностью в пятьсот человек, чтобы их забавы не перехлестнули опасную черту? Ведь даже при своих громадных размерах «Ментор» оставался замкнутым пространством. Профессор пра́ва, исполнявший на борту обязанности командира корабельной полиции, потом горько сожалел об отсутствии специальных ружей, стреляющих снотворным, и газа, временно парализующего буянов. Правда, за время круиза никто не погиб и серьезно не покалечился. Единственную беременность удалось выявить на ранней стадии. Зато пассажиры «Ментора» приобрели разнообразные знания, хотя и не в тех отраслях, на которые рассчитывали устроители круиза. Так, первые несколько недель все поголовно экспериментировали с сексом в условиях невесомости. Напрасно им пытались втолковать, что у них может развиться опасная психологическая зависимость от подобного вида удовольствий, неосуществимых в условиях нормальной гравитации.

Другие виды развлечений были куда опаснее. Например, курение табака. Оно не запрещалось законом, но считалось весьма предосудительным и вызывающим поведением, особенно на борту космического корабля. Еще тревожнее были постоянные слухи о том, будто кто-то сумел пронести на борт «Ментора» усилитель эмоций. Эти усилители, называемые «машинами радости», применялись только в сугубо медицинских целях; их свободное использование было запрещено на всех планетах. Однако всегда находились те, кому реальность казалась пресной и кто жаждал острых ощущений.

Эти ужасные истории передавались по радио со всех планет, где побывал «Ментор». На Титане о них тоже знали и тем

не менее с энтузиазмом ожидали молодых посланцев Земли. Их появление обещало придать местной жизни новый колорит и привлекало возможностью завязать полезные контакты с Матерью-Землей. И потом, это всего одна неделя.

Никто и не предполагал, что пребывание землян растянется на два месяца. Экипаж «Ментора» был тут ни при чем. Вся вина лежала на Титане.

К моменту, когда круизный лайнер встал на промежуточную орбиту, Титан в очередной раз пререкался с Землей о ценах на поставляемый водород. Титанцы предлагали повысить их на пятнадцать процентов. Земля возмущенно отвечала, что такое повышение подорвет межпланетную коммерцию, и соглашалась лишь на половину заявленной величины. Это вызывало негодование титанцев, заявлявших, что планета вскоре обанкротится и уже не сможет импортировать дорогостоящие товары, которые Земля упорно стремилась продавать своим колониям. Любому историку межпланетной экономики подобные разногласия знакомы своим удручающим однообразием.

Заправлять «Ментор» по существующим ценам титанцы не хотели, и он висел на орбите с пустыми танками. Поначалу капитан и команда не слишком горевали. Рейсами шаттлов всех пассажиров переправили на Титан, и капитан лишь усмехался, представляя, как толпа землян баламутит ровное течение жизни на тихой планете. Так прошла неделя, две, три, месяц. К этому времени Титан уже был готов согласиться на любые условия, выставляемые Землей. Но «Ментор», как назло, упустил момент оптимальной траектории. Следующее «окошко» для старта ожидалось только через месяц. А тем временем пятьсот гостей наслаждались жизнью на Титане, получая куда больше удовольствия, чем их хозяева

Однако для титанской молодежи прибытие «Ментора» стало волнующим временем, которое они запомнили на всю жизнь. В небольшой мир, где все друг друга знали, влились пять сотен уроженцев Земли. Они принесли с собой удивительные рассказы о родной планете (к тому же большинство рассказов были вполне правдивыми). Молодые титанцы широко раскрытыми глазами взирали на своих сверстников и сверстниц, которые видели леса, прерии и громадные пространства океанов, которые могли без всяких защитных костюмов гулять под небом, ощущая на своей коже тепло и даже жар Солнца...

Разительный контраст в навыках и привычках таил в себе опасность. Титанцы не могли позволить гостям разгуливать самостоятельно не только по поверхности планеты, но даже внутри городов. Им давали сопровождающих; обычно — их же сверстников, которые внимательно следили, чтобы земляне случайно не покалечились сами и не покалечили своих хозяев.

Естественно, такой порядок нравился не всем. Бывали случаи, когда пассажиры «Ментора» пренебрежительно вели себя с эскортом и даже пытались вырваться из-под опеки. Одной группе это удалось. К счастью, их контакт с обжигающими аммиачными облачками длился считаные минуты. Травмы были настолько незначительными, что глупым авантюристам потребовалась лишь заурядная трансплантация легких. Однако после этого «подвига» земляне присмирели.

Появление такого количества гостей создало и другие проблемы. Общество, живущее в достаточно спартанских условиях, где удобства до сих пор не выходили за пределы необходимого минимума, было просто не в состоянии устроить с комфортом полтысячи землян. Поначалу их разместили в нескольких бывших штольнях, наспех переоборудованных под общежития. Правда, «детьми подземелий» они оставались недолго. Вскоре их начали распределять по жилищам титанцев, имевших возможность и желание принять у себя гостей. Недостатка в желающих не было. Одной из таких пар стали Колин и Шила Макензи.

Их квартира пустовала. Глин — псевдосестра Дункана — работала на другом краю Титана. Юрий, сын Шилы, уже де-

сять лет жил самостоятельно. По терранским стандартам квартира 402 на Втором уровне Меридиен-парка вряд ли считалась просторной, и все же помощник администратора (такой пост занимал тогда Колин Макензи) решил, что земной девушке в их жилище будет лучше, чем в штольне.

Так в жизни Дункана и в жизни Карла появилась Калинди.

Глава 9
РОКОВОЙ ДАР

Свой двадцать первый день рождения Катрин Линден Эллерман отпраздновала еще до того, как «Ментор» достиг окрестностей Сатурна. Торжество прошло с размахом, добавив седины капитану лайнера. На Калинди и ее красоте это никак не отразилось. В самой гуще хаоса — в данном случае, ею же созданного — она осталась средоточием спокойствия. Не по годам хладнокровная и умеющая владеть собой, она показалась юному Дункану истинным воплощением терранской культуры и изысканности. Конечно, спустя пятнадцать лет он мог лишь улыбнуться своей мальчишеской наивности, и все же... Что ни говори, Калинди была яркой личностью.

Дункан и до этого знал, что все терранцы богаты. (Да и могло ли быть иначе, если в роду каждого из них насчитывалось сто тысяч поколений?) Тем не менее его буквально околдовала ее коллекция драгоценностей и нарядов. Мальчишка так и не понял тогда: и то и другое было достаточно ограниченным. Безграничными были фантазия и изобретательность Калинди, виртуозно умевшей менять свой облик. Самым впечатляющим шестнадцатилетнему парню казалась накидка из золотистого меха норки. Такого на Титане еще не видели. Это было очень в духе Калинди. Ну кто еще додумался бы взять в космическое путешествие меховую накидку?! Злые языки утверждали: Калинди это сделала, узнав, что в окрестностях Сатурна очень холодно. Нет, Калинди вовсе не была очаровательной дурочкой и всегда знала, что делает.

Меховую накидку она взяла с собой не ради тепла, а из-за ее красоты.

В те дни глаза Дункана были застланы туманом обожания, отчего впоследствии ему никак не удавалось мысленно воссоздать лицо Калинди. Когда он думал о ней и пытался представить ее облик, то видел не настоящую девушку, а ее копию, навсегда запечатленную в стереопузыре. Стереопузыри появились в середине двадцать третьего века и быстро завоевали популярность.

Тысячи раз Дункан брал в руки этот прочный невесомый шар и осторожно встряхивал его, чтобы на пять секунд пробудить изображение. Точнее, он пробуждал молекулы газа, и те, подчиняясь инженерной магии, испускали кванты света. Они-то и воссоздавали лицо Калинди. Оно возникало среди тумана — маленькое, но совершенное по форме и цвету. Вначале Калинди показывалась в профиль, затем начинала поворачиваться, и вдруг на ее губах появлялась легкая улыбка, запечатлеть которую было бы под силу только древнему волшебнику Леонардо. Сколько Дункан ни старался, он так и не мог уловить миг появления улыбки. Казалось, что Калинди улыбается не ему, а кому-то другому, стоящему у него за спиной. Впечатление было настолько сильным, что однажды Дункан не выдержал и обернулся.

Затем облик Калинди тускнел, пузырь подергивался молочной дымкой, и, чтобы волшебство повторилось, нужно было подождать пять минут. Но Дункану достаточно было закрыть глаза — и он снова видел совершенный овал ее лица, нежную кожу цвета слоновой кости, блестящие черные волосы, изящно убранные и скрепленные серебряным гребнем. Гребень был намного старше Соединенных Штатов. Калинди рассказывала, что его носила одна испанская принцесса в те времена, когда Колумб был еще ребенком. Калинди обожала разыгрывать роли, и роль Кармен была в числе ее любимых.

Но вначале, когда Калинди только появилась в жилище Макензи, она избрала другую роль — аристократки в изгна-

нии, благосклонно принявшей гостеприимство простодушных провинциалов. Увы, ей удалось захватить с собой лишь ничтожную часть фамильных богатств; остальное разграбили бесчинствующие мятежники. Поскольку эта роль не впечатлила никого, кроме Дункана, Калинди быстро превратилась в пытливого антрополога, собирающего материал для своей диссертации о странных нравах примитивных обществ. Эта роль была отчасти искренней: гостью с Земли действительно интересовали различия в образе жизни, а население Титана вполне подходило под категорию примитивного или, по крайней мере, малоразвитого общества.

Сильнее всего терранцев потрясли не стесненные условия жизни на Титане. Гости были просто шокированы, увидев семьи с тремя и даже четырьмя детьми. В конце двадцатого века последствия бесконтрольной рождаемости на Земле приняли угрожающие размеры. Страны с наивысшим приростом населения были просто не в состоянии его прокормить. Мир обходили ужасающие кадры детей-скелетов, которые ни разу в жизни не ели досыта. Доводы экономистов и демографов разбивались о вековые религиозные традиции. Не обходилось без крайностей. Экстремисты призывали кастрировать и стерилизовать тех, кто «плодится, как кролики», подкрепляя свои призывы действиями. Ватикан, продолжавший твердить о «греховности абортов», впервые за всю свою историю узнал, что такое погромы и пожары. Все это оставило глубокие шрамы в психике землян.

Дункан до сих пор помнил состояние Калинди, когда она увидела семью, где было шестеро детей. Даже воспитание и хорошие манеры не помогли скрыть ужас, который охватил терранскую гостью. Тогда он со всем юношеским пылом принялся ей объяснять, что земной принцип «нулевого роста» для Титана просто губителен. Чтобы выжить, население планеты каждые пятьдесят лет должно удваиваться. В конце концов Калинди согласилась с этой точкой зрения. Логически, но не эмоционально. А эмоции были главной движущей силой в жизни Калинди; ее воля, красота и разум являлись лишь слугами эмоций.

Естественно, эмоциональной была и интимная жизнь терранки. Правда, Калинди не отличалась неразборчивостью. Как-то она рассказала Дункану, что у нее одновременно никогда не бывало более двух любовников. Он ей поверил. К великому огорчению парня, на Титане у Калинди был только один любовник.

Даже если бы между Макензи и Хелмерами не существовало родства через бабушку Элен, рано или поздно Калинди все равно встретилась бы с Карлом на одном из нескончаемых приемов, концертов и танцевальных вечеров, устраиваемых в честь пассажиров «Ментора». Дункан напрасно корил себя за то, что познакомил их. Просто ему нравилось так думать.

Карлу тогда было двадцать два. Почти на год старше Калинди; он заметно уступал ей по части любовного опыта. Своим мускулистым телом он больше напоминал терранца, но двигался намного грациознее, чем уроженцы Титана. Похоже, он владел секретом, как быть сильным без угловатости.

Карл и впрямь олицетворял представителя золотой молодежи своего поколения. Правда, внешне он всячески показывал, что терпеть не может эпитет, которым его наградили в подростковые годы: «Мальчик с волосами цвета солнца». Но Дункан знал: втайне Карл гордился этими словами. Придумать их мог только кто-то из землян; для титанцев Солнце было просто холодной звездочкой. Но все соглашались и говорили, что сравнение очень точное.

Иногда боги, желая развлечься, наделяют мужчину роковым даром красоты. Одной из их жертв был Карл Хелмер.

Только через несколько лет и отчасти благодаря Колину Дункан начал понимать нюансы романа между Калинди и Карлом. Вернувшись на Землю, она ежегодно присылала семье Макензи открытки, поздравляя со Звездным днем. По-

следняя открытка пришла от нее вскоре после того, как Дункану исполнилось двадцать три.

— До сих пор не знаю, может, я тогда сделал ошибку,— невесело произнес Колин.

Он вертел в руках ее открытку — традиционный прямоугольник из тонкого картона с такими же традиционными словами, написанными за миллиард километров от Титана.

— Тогда мне это казалось хорошей затеей,— добавил средний Макензи.

— Во всяком случае, особых бед твоя затея не принесла,— сказал Дункан.

Колин удивленно поглядел на него.

— Не знаю. Все получилось не так, как я ожидал.

— А чего ты ожидал?

Иметь отца, по сути являющегося твоим братом-близнецом, только на сорок лет старше,— это великое преимущество, но не всегда и не во всем. Колин знал все ошибки Дункана, которые тот еще готовился совершить, поскольку в том же возрасте совершал их сам. От такого отца было невозможно что-либо скрыть, поскольку они оба думали одинаково. В таких ситуациях единственным разумным способом поведения являлась предельная честность.

— Я толком и сам не знаю, чего я ожидал,— признался Колин.— Когда я пришел в старую штольню, где их разместили, и увидел Калинди... Среди убогих каменных стен она сверкала, как сверхновая. Мне захотелось узнать больше об этой девушке... захотелось сделать ее частью своей жизни. Думаю, ты понимаешь, о чем я говорю.

Дункану оставалось лишь молча кивать.

— Я же не какой-нибудь «похититель младенцев». Переговорил с Шилой. Она согласилась. Твои мысли были заняты Карлом. Мы оба надеялись, что Калинди даст тебе новую пищу для размышления.

— Она и дала. Я потом долго расхлебывал эту новую пищу.

Колин сочувственно усмехнулся.

— Представляю. Карл всегда умел понравиться. В те годы половина Титана была в него влюблена... наверное, и сейчас не меньше. Поэтому мы и стараемся держать его подальше от политики. Напомни, чтобы я как-нибудь рассказал тебе об Алкивиаде.

— Кто это такой?

— Древнегреческий полководец. Был слишком умен и обаятелен на свою голову, да и на чужие тоже.

— Ценю твою заботу,— с легким сарказмом сказал Дункан.— Но тогда все это лишь вдвое усложнило мне жизнь. Калинди без обиняков заявила, что я для нее чересчур мал. Единственным предметом ее интересов был Карл. Самое скверное — они даже не возражали, чтобы я лежал рядом и смотрел, как они занимаются любовью. Главное — чтобы им не мешал.

— В самом деле?

Дункан помрачнел. Странно, как он раньше не додумался до столь очевидных вещей!

— Да, черт побери! Они не возражали. Им даже нравилось, что я рядом и меня можно подразнить! Во всяком случае, Карл с удовольствием меня дразнил.

Это признание должно было бы повергнуть Дункана в шок, но почему-то задело его куда меньше, чем он ожидал. Он уже давно замечал в характере Карла черты жестокости, только не хотел верить своим наблюдениям. В интимных отношениях Карл вел себя как грубый равнодушный самец. То, что он проделывал с Калинди, пугало Дункана, вызывая омерзение к сексу. И это — у шестнадцатилетнего парня, в котором бурлили все соки! Потом, задним числом, Дункан удивлялся, как он тогда не стал импотентом.

— Я рад, что ты перестал смотреть на Карла сквозь розовые очки,— угрюмо произнес Колин.— Но разобраться в нем ты должен был сам. Нам бы ты все равно не поверил. Что бы Карл ни сделал, он наверняка за это расплатился. Его срыв... это был не просто упадок сил. И не верю я врачам, что он полностью выздоровел.

Слова отца вернули Дункана к мыслям о срыве, пережитом Карлом. История эта до сих пор оставалась тайной, которую семья Хелмера не желала ни с кем обсуждать. Для романтических натур все объяснялось просто: расставание с Калинди разбило Карлу сердце. Дункан в этом сильно сомневался. Карл ничуть не напоминал чувствительных героев старинных мелодрам. Да и с чего бы Хелмеру-младшему горевать — ведь у него не было недостатка в утешительницах. Однако срыв случился через пару недель после отлета «Ментора».

Как бы то ни было, но личность Карла круто изменилась. Встречаясь с ним, Дункан едва узнавал своего некогда закадычного друга.

Внешне Карл остался таким же красивым и обаятельным. Возможно, даже более обаятельным — он возмужал. И вел он себя вполне дружелюбно, хотя мог без всякой причины вдруг умолкнуть и погрузиться в собственные мысли. Но прежняя непринужденность в общении исчезла. А может, ее никогда и не было...

Нет, нельзя так думать. Это несправедливо. У них были прекрасные моменты настоящей искренности и открытости... пока в их жизни не появилась Калинди. И был лишь один такой момент после ее отлета.

Даже сейчас, когда Дункан вспоминал день прощания, в его душе поднималась волна грусти. А тогда... тогда горечь расставания была неимоверной. Они прощались в зале терминала шаттлов, набитом провожающими. Каждого землянина окружала группа опечаленных титанцев. Многие не скрывали слез. Люди и не подозревали, что им будет так жалко расставаться с экстравагантными гостями: титанцы успели к ним привыкнуть.

Горе Дункана усугублялось завистью. Карл ухитрился полететь на шаттле вместе с Калинди, чтобы окончательно проститься с нею на борту «Ментора». Когда она в последний раз помахала Дункану из-за карантинного барьера, Карл стоял рядом с ней. Еще мгновение — и Калинди перейдет в мир

воспоминаний и несбыточных мечтаний. Иного Дункан тогда и представить не мог.

Карл вернулся через пять часов, с последним шаттлом. Бледный, понурый, непохожий сам на себя. Он молча протянул Дункану небольшой сверток из цветной бумаги с крупной размашистой надписью: ОТ КАЛИНДИ С ЛЮБОВЬЮ.

Трясущимися пальцами Дункан развернул радужную бумагу. Внутри был стереопузырь. Глаза застилали слезы, и он далеко не сразу увидел ее облик.

Связанные общим горем, они несколько часов не проронили ни слова. И только потом Дункан задал другу вполне очевидный вопрос:

— Карл, а тебе она что подарила?

Карл почему-то перестал дышать и отпрянул. Он сделал это инстинктивно, вряд ли даже сам заметил.

— Это... это секрет. Ничего особенного. Как-нибудь я тебе расскажу,— напряженно, словно защищаясь, ответил он.

Нет, не расскажет. Дункан это сразу понял. Что-то подсказывало ему: больше они с Карлом уже никогда не будут сидеть так, как сейчас.

Глава 10
КОНЕЦ СВЕТА

На планетах с низкой гравитацией и плотной атмосферой вездеходы на воздушной подушке — весьма привлекательный вид транспорта, хотя и не безупречный. В особенности это касается перемещения по равнинам, покрытым рыхлым снегом. Когда вездеход достигает крейсерской скорости двести километров в час, позади клубится метель, препятствующая всякому движению. Зато передний обзор остается превосходным.

Однако их вездеход перехлестывал крейсерскую скорость и шел на трехстах. Дункан уже начинал жалеть, что не остался дома. Эта поездка вовсе не требовала его участия, и было бы крайне глупо сломать шею за пару дней до отлета на Землю.

Впрочем, ничто не предвещало опасности. Аммиачный снег, над которым они летели, лежал ровным слоем. Трещины и разломы в этих местах отсутствовали, так что движение на предельной скорости было вполне оправданным. Этой возможности Дункан дожидался несколько лет и не хотел ее упускать. Еще никому не удавалось наблюдать «воскового червя» в активной фазе всего в восьмидесяти километрах от Оазиса. Сейсмографы засекли характерные признаки этого феномена, и компьютер мгновенно выдал сигнал оповещения. Еще через десять минут вездеход покинул шлюз и помчался над снежной равниной.

Сейчас они приближались к низким склонам горы Шеклтон — небольшого смирного вулкана. Первые поселенцы, исследовав его характер, причислили вулкан к добрым соседям и рискнули строить город менее чем в сотне километров от него. «Восковые черви» почти всегда были связаны с вулканами, а некоторые порождались ими. По меткому замечанию одного из пионеров освоения Титана, это напоминало «взрыв на фабрике спагетти». Неудивительно, что открытие «червей» наделало столько шума в научном мире: сверху они были здорово похожи на защитные туннели вроде тех, что на Земле прорывали термиты и другие общественные насекомые.

Но к великому огорчению экзобиологов, происхождение здешних туннелей оказалось природным явлением, аналогичным земным лавовым трубкам, только с гораздо меньшей температурой. Судя по показаниям сейсмографов, голова «воскового червя» двигалась со скоростью до пятидесяти километров в час, выбирая склоны не круче десяти градусов. Когда давление (а именно оно служило движущей силой) было достаточно высоким, «черви» могли ненадолго подняться и на более крутой склон. «Голова», состоящая из горячих нефтепродуктов, оставляла за собой туннель диаметром около пяти метров. «Восковые черви» считались благословенным природным даром; они не только служили ценным источником сырья, но и создавали помещения под склады и хранилища.

Туннели годились даже под временное жилье, если, конечно, людям удавалось приспособиться к стойкой гамме весьма специфических запахов.

У водителя вездехода была и другая причина для спешки — сезон затмений. Дважды в течение сатурнианского года, накануне равноденствий, Солнце почти на шесть часов скрывалось за невидимой громадой Сатурна. В отличие от Земли, дневной свет исчезал не постепенно, а с шокирующей внезапностью. Гигантская тень Сатурна накрывала Титан, наказывая беспечных путешественников, забывших взглянуть на календарь.

Сегодняшнее затмение должно было начаться через час. Если дальнейший путь не преподнесет никаких сюрпризов, у них вполне хватит времени добраться до «червя». Вездеход несся над поверхностью узкой долины, окаймленной удивительно красивыми аммиачными скалами. Здесь присутствовали все оттенки синего: от нежнейшего сапфира до глубокого, насыщенного индиго. По богатству красок Титан занимал первое место среди планет Солнечной системы, соперничая даже с Землей. Будь солнечный свет поярче, разноцветье Титана ошеломляло бы еще больше. Хотя в палитре планеты доминировали красные и оранжевые тона, в каком-то уголке обязательно можно было увидеть и другие краски спектра; правда, лишь ненадолго. Метановые бури и аммиачные дожди постоянно меняли облик и цвет ландшафта.

— Вызываю вездеход номер три,— раздался голос оператора станции слежения в Оазис-Сити.— До конца долины остается пять километров. На вашей нынешней скорости вы пройдете это расстояние менее чем за две минуты. Затем вам предстоит десятикилометровый подъем на глетчер Амундсена. Оттуда вы сможете наблюдать «червя». Но, думаю, вы опоздали: он почти достиг Конца Света.

— Черт! — выругался геолог, мастерски управлявший вездеходом.— Так я и думал! Неужели я никогда не застану движущегося «червя»?

Он резко сбросил скорость — и снежная пелена свела видимость к нулю. Несколько минут геолог ориентировался только по радару, ведя машину сквозь сверкающий белый туман. Окна переднего обзора начало облеплять комками углеводородной слякоти. Водителю пришлось срочно включить ультразвуковые очистители. Их работа сопровождалась пронзительным звуком, похожим на визг. Толстые пластиковые окна затрясло в ультразвуковой лихорадке. Снежные хлопья послушно начали выстраиваться в красивые стоячие волны, чтобы затем распасться.

Наконец вездеход выбрался из этого маленького шторма. На горизонте виднелась блестящая черная стена глетчера Амундсена. Через несколько столетий ползучая гора подберется к самому Оазису, и будущим поколениям жителей придется думать, как спасти город. В годы сатурнианского лета вязкость пропитанных нефтью масел и воска делалась исключительно низкой, и тогда глетчер двигался с впечатляющей скоростью — несколько сантиметров в час. Однако зимой он намертво застывал.

Еще давным-давно тепло титанских недр растопило часть глетчера, образовав озеро, названное переселенцами Туонела. Его воды, черные, как сам глетчер, перемежались более светлыми вихрями и полосами. Потом озеро замерзло. Тот, кто впервые видел с воздуха этот феномен, непременно восклицал:

— Совсем как чашка кофе, в которую добавили сливок!

И почему-то каждый думал, будто это сравнение пришло в голову только ему.

Вездеход двигался над ледяным зеркалом озера. Вихри и полосы казались прожилками внутри большого самоцвета. Вскоре начался новый склон, густо усеянный валунами. Чтобы не задеть их, водителю пришлось включить дополнительную вертикальную тягу. Это, в свою очередь, снизило скорость до ста километров в час. Вездеход двигался зигзагами. Геолог чертыхался и без конца смотрел на часы.

— Вон он! — крикнул Дункан.

Впереди, в нескольких километрах, из тумана, постоянно клубившегося над горой Шеклтон, проступала белая полоса, напоминающая кусок веревки. Она тянулась вниз, уходя за горизонт. Водитель развернул вездеход, намереваясь догнать «голову». Но Дункан чувствовал: они опоздали. Главной цели им уже не достичь. Сейчас они находились неподалеку от места с впечатляющим названием Конец Света.

Еще через несколько минут вездеход остановился на почтительном расстоянии от Конца Света.

— Ближе нельзя, иначе нас может сдуть,— пояснил водитель.— Кто-нибудь хочет выйти наружу? У нас еще есть полчаса светлого времени.

— А снаружи холодно? — спросил кто-то из пассажиров вездехода.

— Тепло. Всего минус пятьдесят. Вам вполне хватит однослойных костюмов.

Дункан несколько месяцев подряд не выбирался за пределы Оазиса. Но в нем с раннего детства укоренились навыки, которые ни один житель Титана не имел права забыть. Дункан проверил давление кислорода, исправность запасного баллона, рацию, плотность прилегания маски. От всех этих мелочей зависела надежда благополучно дожить до старости.

Предстоящий выход считался комфортным: стометровая полоса безопасности, рядом — другие люди, всегда готовые прийти на помощь. Тем не менее Дункан не позволял себе ни малейшей беспечности.

Исследователи космоса, привыкшие к более суровым условиям, недооценивали Титан — и жестоко просчитывались. Да, на его поверхности не требовался прочный скафандр; достаточно было легкого, не стесняющего движения костюма. Здесь даже титанской ночью можно было не опасаться замерзнуть. Если термокостюм не имел повреждений, ста пятидесяти ватт тепла, вырабатываемых телом, вполне хватало, чтобы неограниченное время поддерживать внутри костюма нормальную температуру.

Все эти особенности порою создавали иллюзию безопасности. В скафандре любые повреждения сразу же обнаруживались и устранялись. Порванный же термокостюм воспринимался просто как некоторое неудобство. На него не обращали внимания, пока... пока отмороженные пальцы рук или ног не отваливались сами. Казалось бы, кто осмелится игнорировать предупреждение, что кислород на исходе? Кто отважится уйти за точку невозврата? Но случалось и такое. А отравление аммиаком — далеко не самый приятный способ умереть.

Дункан не позволял тревожным фактам завладевать сознанием, но они всегда маячили где-то на заднем плане. И пока он шел к «червю», давя ногами тонкую кромку, похожую на застывший свечной воск, он автоматически отслеживал местонахождение своих ближайших спутников.

Над ним нависала призрачно-белая, покрытая чешуйками цилиндрическая стена «червя». Чешуйки медленно отслаивались и падали вниз. Дункан стянул рукавицу и голой ладонью коснулся лавовой трубки. Поверхность была тепловатой и слегка вибрировала. Внутри все еще пульсировала горячая жидкость, словно кровь в громадной артерии. Однако сам «червь», находящийся во власти сил поверхностного напряжения и гравитации, уже совершил самоубийство.

Пока его спутники были поглощены измерениями, снимками и сбором образцов, Дункан направился к Концу Света. Он не впервые приезжал сюда, но захватывающее зрелище не утратило своего великолепия.

Почти у самых ног Дункана начинался отвесный склон, уходящий вниз более чем на тысячу метров. Туда упала «голова червя», а обезглавленное «тело» нависло над пропастью, роняя восковые чешуйки. Они исчезали в густом слое облаков. Облака создавали иллюзию твердой поверхности, хотя до настоящей поверхности оставался еще целый километр.

А небо над головой Дункана было удивительно ясным. Даже легкие этиловые облачка не заслоняли яркого (по титанским меркам) солнца. На севере, километрах в тридцати, плавал в дымке конус горы Шеклтон.

— Поторопитесь со снимками,— напомнила ожившая рация.— У вас остается менее пяти минут.

Невидимая громада Сатурна уже надвигалась на Солнце. Дункан благоразумно отошел от края пропасти, не переставая наблюдать за небом. Солнечный свет уходил... И вдруг исчез вовсе. Как всегда, ночь обрушилась на Титан внезапно.

Дункан задрал голову, рассчитывая хотя бы на секунду увидеть знаменитую солнечную корону, но так и не увидел. Мелькнул щербатый край Сатурна. Гигант неумолимо заслонял собой небо. А вдалеке, за Сатурном, виднелась неяркая звездочка, которая вскоре тоже исчезла.

— Затмение продлится двенадцать минут,— сообщил водитель вездехода.— Напоминаю: в темноте легко потерять ориентацию. Поэтому всех, кто не собирается возвращаться на вездеход, прошу как можно дальше отойти от края пропасти.

Дункан едва слышал его слова. У него перехватило горло, словно порвалась маска и он глотнул обжигающего аммиака. Несколько коротких секунд, пока Сатурн не заслонил собой далекую звездочку, Дункан поедал ее глазами. Он продолжал смотреть и потом, когда небо стало совсем черным.

Так впервые в жизни Дункан Макензи увидел Землю.

Часть 2
ПОЛЕТ

Глава 11
«СИРИУС»

После трехсот лет строительства космических кораблей, где почти все внутреннее пространство занимали топливные отсеки, «Сириус» представлялся чем-то невероятным. Поражало обилие иллюминаторов, а также люков, расположенных в самых неожиданных частях корабля. Некоторые из них и сейчас оставались открытыми: шла погрузка. «Значит, они все-таки пополняют запасы водорода»,— язвительно подумал Дункан. Возможность полета в оба конца без дозаправки многими титанцами воспринималась как пощечина экономике их родной планеты. Правда, ходили слухи, что «Сириус» обладает такой возможностью, но тогда время полета до Земли увеличивается вдвое.

Дункану почти не верилось, что этот, слегка похожий на старинный бочонок, цилиндр с массивным блестящим зонтом радиационного экрана вокруг двигательного отсека — один из самых быстроходных космических кораблей, построенных человечеством. Только беспилотные галактические зонды, рассчитанные на многовековые исследования просторов Вселенной, были способны превзойти максимальную теоретическую скорость «Сириуса» — около одного процента скорости света. В действительности корабль едва достигал и половины процента световой скорости; ведь он нес большой запас топлива, что увеличивало массу и соответственно снижало скорость. Тем не менее путь от Сатурна до Земли занимал двадцать дней, включая небольшой крюк, чтобы обогнуть

пояс астероидов. Последнее делалось не столько по астронавигационной необходимости, сколько по причинам психологического характера.

Сорокаминутный перелет до промежуточной орбиты, на которой находился «Сириус», был не первым космическим путешествием Дункана. На этом же шаттле он совершил несколько коротких полетов на ближайшие спутники. Пассажирский флот Титана состоял всего из пяти таких «челноков», и ни на одном из них не было такой роскоши, как искусственная гравитация. Пассажиры пристегивались ремнями безопасности и в таком состоянии находились до конца полета. Любой пассажир, которому захотелось бы поплавать в невесомости, мог это сделать и на борту «Сириуса». Искусственная гравитация устанавливалась лишь после старта и включения двигателя. А до старта оставалось еще около двух часов. Хотя Дункан прекрасно переносил невесомость, он позволил члену экипажа протолкнуть его, словно грузовой пакет, через шлюз.

Было бы чрезмерным ожидать, что юбилейный комитет обеспечит Дункана одноместной каютой. Таких на «Сириусе» имелось всего четыре. Дункан знал, что ему предстоит путешествовать в двухместной. Каюта под номером Л-3 оказалась тесным отсеком с двумя складными койками, двумя шкафчиками, двумя стульями (тоже складными) и экраном обзора, заменяющим иллюминатор. В информационном буклете подробно объяснялось, почему в каютах нет настоящих иллюминаторов. Все объяснения сводились к требованиям безопасности и желанию «предупредить любые случайности, могущие иметь катастрофические последствия». Дункан поморщился. Он не поверил ни единому слову. Может, конструкторы корабля боялись, что пассажиры в припадке клаустрофобии начнут голыми руками разбивать иллюминаторы, пытаясь выбраться наружу?

Туалетный блок помещался не в каюте, а в отдельном отсеке и обслуживал четыре каюты. Не слишком удобно, но ведь это всего на три недели...

Буклет содержал подробную красочную схему корабля, и от ее разглядывания настроение у Дункана несколько улучшилось. Хотя в космосе не существовало ни верха, ни низа, устройство «Сириуса» становилось более понятным, когда корабль изображался в виде круглой десятиэтажной башни. На борту было пятьдесят пассажирских кают, занимающих шестой и седьмой этажи. На пятом этаже располагались салоны, зал отдыха и столовая.

Все остальное пространство корабля было запретным для пассажиров. Восьмой этаж занимали системы жизнеобеспечения, девятый — каюты экипажа, а на десятом находилась командирская рубка, имеющая круговой обзор (там-то иллюминаторы были настоящие). Четвертый этаж занимали кухня и подсобные помещения, третий — склады, второй — танки с топливом. В самом низу помещался двигательный отсек. Устройство корабля представлялось вполне логичным и продуманным, пока Дункан не обнаружил, что помещение для дежурной смены почему-то находится рядом с кухней, врачебный кабинет — на грузовом этаже, а спортивный зал — на этаже систем жизнеобеспечения. Библиотеку и вовсе втиснули в аварийный шлюз между шестым и седьмым этажом.

Обследуя свой временный дом, Дункан встретился с десятком пассажиров, занятых тем же. Он ограничился сдержанным официальным приветствием. Дункан знал: вскоре с кем-то из них он познакомится даже ближе, чем хотелось бы. Пробежав глазами список пассажиров, он нашел фамилии нескольких титанцев, с которыми был немного знаком. Его соседкой по каюте оказалась некая доктор Луиза Чан. Что ему какая-то Луиза, когда в его душе еще не улеглась грусть расставания с Мириссой?

Вернувшись в каюту, Дункан мысленно усмехнулся. Доктор Чан оказалась приятной маленькой старушкой ста с лишним лет. Она с рассеянной учтивостью приветствовала соседа. Эта вежливая дистанция сохранялась на всем протя-

жении полета. Вскоре Дункан узнал, что доктор Чан — выдающийся специалист в области математической физики и признанный авторитет во всем, что связано с явлениями резонанса. В течение последних пятидесяти лет она пыталась понять и объяснить, почему разрывы на кольцах Сатурна располагаются совсем не в тех местах, которые им отводили самые передовые теории.

Предстартовое время, казавшееся бесконечным, вдруг потекло быстрее, потом еще быстрее, и в динамиках зазвучали давно ожидаемые слова:

— Говорит командир корабля Иванов. До старта осталось пять минут. Всем членам экипажа — занять свои штатные и резервные места. Всем пассажирам — пристегнуть ремни безопасности. Первичное ускорение составит одну сотую земного тяготения: десять сантиметров в секунду за секунду. Повторяю: одну сотую земного тяготения. Эта величина будет сохраняться в течение десяти минут, пока система двигателей проходит все необходимые штатные проверки.

«А если она не пройдет эти проверки? — мысленно спросил себя Дункан.— Вдруг даже теоретики не знают, как поведет себя в случае сбоя двигатель корабля, летающего по асимптотической траектории?» Такие мысли не предвещали ничего хорошего, и Дункан поспешил выбросить их из головы.

— Осталось четыре минуты. Членам экипажа — проверить, все ли пассажиры надежно пристегнулись.

Это распоряжение было вряд ли выполнимо. На борту «Сириуса» находилось триста двадцать пять пассажиров; половина из них — в своих каютах, а вторая половина — в двух залах отдыха. Вряд ли десяток членов экипажа, у которых и так забот по горло, сумеют проверить, кто как пристегнут. За полчаса до старта они совершили первую проверку, а когда была объявлена десятиминутная готовность,— вторую. Пассажирам, которые самовольно ослабили ремни, останется лишь пенять на себя. По мнению Дункана, если при старте с таким ускорением кто-то пострадает, то вполне заслуженно.

Им покажется, будто их отшлепали большой мокрой губкой. Именно так ощущались удары при ускорении в одну сотую земной гравитации.

— Осталось три минуты. Все системы работают нормально. Пассажиры в зале Б увидят восход Сатурна.

Дункан позволил себе самодовольно усмехнуться. Не зря он так стремился в зал Б, хотя и не обошлось без препирательства с одним из членов экипажа. Поскольку ориентация Титана по отношению к Сатурну всегда оставалась одинаковой, с его обитаемой поверхности даже в самые ясные дни было невозможно увидеть гигантский шар, повисший над горизонтом.

Вдобавок небо над Титаном очень часто заволакивали углеводородные облака. Сейчас они находились в тысяче километров от корабля, защищая поверхность планеты от космического холода. Восхода Сатурна ждали, и все равно золотистый гигант появился совершенно внезапно.

Во всем разведанном и заселенном людьми космосе едва ли нашлось бы зрелище, сравнимое с тем, которое наблюдал сейчас Дункан. Размерами своими Сатурн раз в сто превосходит скромную Луну. Желтый шар, больше похожий на диск, висел в небе, словно громадное наглядное пособие в кабинете планетарной метеорологии. Сплетения сатурнианских облаков находились в постоянном движении, чуть ли не ежечасно меняя свой вид. А под облаками, на дне водородно-метанового океана, происходили извержения, природа которых неизвестна. Из недр вырывались горячие пузыри величиной с земные континенты. Эти пузыри ширились, поднимаясь вверх, и достигали границ атмосферы, где Сатурн своим вращением яростно сминал их, добавляя к кольцам новые разноцветные полосы.

Дункан невольно содрогнулся, вспомнив, что семьдесят лет назад в сатурнианских пучинах исчез исследовательский корабль капитана Кляйнмана, а вместе с ним умерла и часть души бабушки Элен. За все эти годы люди не осмелились на-

нести Сатурну второй визит. Наряду с венерианским пеклом золотисто-желтый гигант оставался незавершенным проектом человечества.

Кольца Сатурна выглядели сейчас настолько невыразительно, что их можно было попросту не заметить. По космической иронии корабль находился сейчас в одной плоскости с кольцами, и потому кольца лишь чуть-чуть выступали за зубчатые края планеты. Но сумеречная тень, отбрасываемая ими на сатурнианский экватор, была весьма широкой.

Через несколько часов, когда «Сириус» поднимется над орбитой Титана, кольца развернутся во всем своем великолепии. Одного этого, по мысли Дункана, было бы достаточно, чтобы отправиться в путешествие.

— Осталась одна минута...

Он так засмотрелся на Сатурн и облака, что пропустил два сообщения! Через шестьдесят секунд начнется заключительный этап мистерии, именуемой «старт». В двигательном отсеке пробудятся силы, вообразить которые могут лишь очень немногие, а до конца понять — вообще никто. Они яростно вырвут «Сириус» из оков сатурнианского притяжения и понесут к далекой Земле.

— ...десять секунд... пять секунд... зажигание!

Удивительно, насколько живучим оказался этот термин! Технологически он устарел еще двести лет назад, однако успел перекочевать в жаргон астронавтики. Дункан едва успел подумать, как ускорение нанесло ему первый удар. Из совсем невесомого его тело потяжелело до одного килограмма. Этого вполне хватило, чтобы в подушке, над которой он плавал, появилась вмятина. Сам Дункан ощутил изменение веса по уменьшившемуся давлению поясного ремня.

Остальные проявления были почти столь же драматичными. Изменился тембр звуков. Их точное происхождение оставалось для Дункана непонятным, но чувствовалось: эти звуки будут жить, пока бьется механическое сердце корабля. Ему даже показалось, что он слышит слабое шипение. Впрочем, за это Дункан бы не поручился.

Зато он ясно видел: «Сириус» покинул орбиту Титана и теперь делает облет планеты. Корабль вошел в слабеющие солнечные лучи, затем в полосу ночи, а вслед за ней — в утро нового титанского дня. Это был прощальный привет от родной планеты Дункана. «Сириус» начинал удаляться от нее. За кораблем, набирающим скорость, на целых сто километров тянулся светящийся плазменный шлейф, направленный в сторону красных облаков Титана. В древности силу света измеряли в свечах. Невозможно сказать, сколько квинтиллионов свечей было заключено в этой живой пульсирующей плазме. А «Сириус» держал путь к Солнцу, и сияние позади его дюз затмевало собой солнечное.

— Прошло десять минут с момента зажигания. Все штатные проверки завершены. Ускорение продолжит возрастать, пока не достигнет крейсерского уровня в двести сантиметров в секунду за секунду.

«Сириус» впервые показывал, на что он способен. Нарастание веса происходило плавно и за короткое время возросло в двадцать раз, после чего больше не менялось. Свечение облаков за иллюминаторами сделалось нестерпимо ярким. Дункан невольно бросил взгляд на диск восходящего Сатурна — нет ли и там отблеска нового, рукотворного солнца. Отныне и до самого конца полета всю жизнь на корабле будет сопровождать негромкий, напоминающий свист звук. Что это за звук — Дункан уже знал из брошюры. Возможно, лишь по чистому совпадению звук работающего асимптотического двигателя был похож на звук двигателей старинных химических ракет, впервые давших человеку свободу космоплавания. Скорость плазмы, покидающей корабельный реактор, в тысячи раз превышала скорость реактивной струи любой ракеты, даже имеющей ядерный двигатель. Но почему реактор производил столь знакомый звук, оставалось загадкой, неразрешимой для наивной механической интуиции.

— Корабль достиг штатного ускорения, дающего одну пятую земного тяготения. Пассажиры могут отстегнуть ремни и свободно перемещаться в установленных пределах. Однако просим соблюдать осторожность, пока вы полностью не приспособитесь.

«Ну, мне-то особенно и приспосабливаться не надо»,— подумал Дункан, отстегивая ремни. Корабельное ускорение создавало ту же гравитацию, что и на Титане. Для жителей Луны она тоже была вполне привычной, а вот терранцы и марсиане чувствовали себя гораздо легковеснее, чем на своих планетах.

Чтобы не мешать пассажирам любоваться восходящим Сатурном, свет в зале притушили. Теперь же он постепенно возвращался к нормальному уровню, отчего несколько звезд первой величины стали невидимыми. Диск Сатурна тоже побледнел, потеряв всю свою красочность. Иллюминаторы помещались в нишах, и при желании можно было задернуть черную штору, чтобы и дальше наслаждаться космическими пейзажами. Дункан уже собирался это сделать, когда корабельная трансляция снова ожила. Вслед за мелодичным сигналом послышался голос, на сей раз не капитана. Этот голос был выше по тону и звучал довольно апатично:

— Говорит старший стюард. Прошу уважаемых пассажиров принять к сведению, что первая смена приглашается на ланч в двенадцать часов, вторая — в тринадцать и третья — в четырнадцать. Убедительно прошу не пытаться самостоятельно менять вашу очередность, не переговорив об этом со мной. Благодарю за внимание.

Еще один мелодичный сигнал, более короткий и тихий, означал конец сообщения.

Дункан мгновенно почувствовал, что от созерцания красот Вселенной он изрядно проголодался. Часы показывали половину двенадцатого, и он искренне обрадовался своей первой смене. Наверняка аппетит разыгрался не у него одного, и особо голодные пассажиры спешили к старшему стюарду, пытаясь выговорить себе время пораньше.

Опять-таки из брошюры Дункан узнал, что этот уровень искусственной гравитации сохранится в течение ближайших десяти дней. Лучшего трудно было и желать. Возле закрытых

дверей столовой уже выстраивалась очередь. Дункан поспешил примкнуть к ней.

Тридцать лет его жизни на Титане теперь принадлежали к совсем другому измерению.

Глава 12
ПОСЛЕДНИЕ СЛОВА

Какое-то мгновение экран еще удерживал до боли знакомую картину. Позади Мириссы и девочек виднелась небольшая гостиная с двумя креслами, фотографией деда (даже на снимке он глядел чуть искоса), крышкой люка системы доставки пищи, дверью в родительскую спальню и книжным шкафом с немногими бесценными сокровищами, пережившими два века космических странствий... Все это было вселенной Дункана Макензи, местом, которое он любил и теперь покинул. По сути, оно уже принадлежало прошлому.

Это место находилось всего в трех секундах коммуникационного запаздывания, но Дункану хватало и трех секунд, чтобы ощутить разительную перемену. За десять часов корабль пролетел не более миллиона километров, но чувство отделенности от привычного мира было почти полным. Три секунды вопрос мчался до Титана, три секунды оттуда возвращался ответ, и это превращало разговор в пытку. И Дункан, и Мирисса успевали забыть, о чем спрашивали друг друга. Все чаще они обрывали фразы на полуслове... пока не умолкли вовсе, с нескрываемым отчаянием глядя друг на друга... Когда сеанс связи кончился, Дункан облегченно вздохнул.

Вплоть до недавнего разговора знания о расстояниях в космосе оставались для него теорией. Вспоминая растерянное лицо Мириссы, Дункан впервые задумался о вполне очевидных вещах. Солнечная система явно создавалась не под запросы человека, и попытки этого дерзкого самоуверенного существа приспособить ее к своим потребностям часто наталкивались на непреодолимые препятствия. В космосе действовали законы, над которыми человек был не властен. До

сих пор Дункан мог мгновенно связаться с любым жителем Титана. Он привык принимать это как должное. А теперь? «Сириус» даже не вышел за пределы внешних спутников Сатурна, а мгновенность связи уже исчезла. На целых двадцать дней весь круг общения Дункана Макензи ограничился пассажирами корабля.

К счастью, чувство оторванности недолго мучило Дункана. В его вынужденной изоляции были свои приятные стороны, включая и свободу от привычного. Дункан не позволял себе забыть, что такая возможность выпадает редким счастливчикам. И пусть время в пути тянется монотонно, без ярких событий, многие его сограждане, не задумываясь, поменялись бы с ним местами. Дункану вспоминалась знаменитая фраза Малькольма. Хотя дед произносил ее совсем по другим поводам, она годилась практически для любой ситуации: «Когда совсем ничего не можете сделать, расслабьтесь и постарайтесь получить удовольствие». Дункан твердо решил получить максимум удовольствия от своего полета на Землю.

И все же усталость сморила его, заставив вернуться в каюту и лечь. Он был не столько утомлен физически, сколько опустошен эмоционально нескончаемыми прощаниями своего последнего дня на Титане. Мозг будоражили вопросы. Все ли неотложные дела он успел завершить? Все ли нужные вещи взял с собой? Весь ли его багаж погружен и надежно размещен? Не забыл ли он кого-нибудь из тех, с кем обязательно должен был попрощаться? Конечно, глупо беспокоиться о подобных вещах, когда корабль стремительно удаляется от родной планеты и скорость удаления каждый час возрастает на двадцать пять тысяч километров. Однако физическая усталость не могла заставить мозг Дункана сбросить бешеные обороты.

Нужно быть настоящим злым гением, чтобы сконструировать койку, на которой невозможно спать в условиях пониженной (с точки зрения землян) гравитации. К счастью, создатели корабля не имели намерений превратить приспособление для сна в орудие пытки. Дункан растянулся на кой-

ке. Через полчаса ему удалось расслабиться и существенно замедлить бег мыслей. Он похвалил себя за умение засыпать без вспомогательных средств. Хорошо бы вообще обходиться без электронаркоза. Штука хотя и безопасная, но мешающая утром быстро и окончательно проснуться.

«Ты засыпаешь,— мысленно твердил себе Дункан.— Ты заснешь и будешь спать до самого завтрака. Тебе будут сниться только хорошие сны...»

Увы! Все усилия последних десяти минут пошли насмарку из-за звука, напоминавшего извержение маленького вулкана. Сна как не бывало. Дункан сел на койке. Откуда этот звук? Может, с кораблем что-то случилось? Вскоре он догадался о происхождении звука. Все обстояло куда прозаичнее: какой-то эгоистичный пассажир, которому плевать на чужой сон, решил навестить примыкающий к каюте туалет.

Чертыхаясь, Дункан снова лег и попытался вернуться в прежнее состояние приятной дремы. Напрасные усилия! Его уши наполнились мириадами различных звуков. Похоже, он утратил контроль за частью мозга, занимающейся отсеиванием звуков, и та торопилась собрать их все.

Самым знакомым в этой какофонии было посвистывание работающего двигателя. С ним Дункан сжился еще несколько часов назад. Каждую секунду «Сириус» исторгал сто граммов водорода со скоростью в одну треть световой. Ничтожная, неощутимая потеря массы и вместе с тем — выброс в пространство миллионов гигаватт энергии. В первые века индустриальной революции суммарная мощность всех заводов и фабрик Земли уступала мощности «Сириуса».

Звук корабельного двигателя был достаточно приглушенным и не особо раздражающим. Но его сопровождал целый хор других, куда более назойливых звуков. Откуда исходят все эти «дз-зз», перемежающиеся щелчками, шлепающие «бум-бум-бум» и свистяще-булькающие «буль-буль-пс-ссс»? Наконец, откуда берутся сводящие с ума всхлипывания: «уи-уи-уи-уи»?

Дункан ворочался с боку на бок. Не помогало. Пытался накрываться подушками. Никакого результата. Часть высоких звуков подушки еще как-то гасили, низкие же становились лишь сильнее. Вдобавок Дункан обнаружил, что его койка тоже покачивается с частотой десять колебаний в секунду. Идеальный ритм, чтобы вместо сна вызвать эпилептический припадок!

Через какое-то время к уже знакомым звукам добавился новый. Дункану он чем-то напомнил уроки истории техники, где им рассказывали о двигателях внутреннего сгорания, иллюстрируя рассказ отрывками из старинных фильмов. Но так чихать и фыркать мог лишь мотор, который вот-вот развалится. И потом, откуда в современном космическом корабле взяться двигателю внутреннего сгорания?

Дункан перевернулся на другой бок, и тут его левая щека ощутила воздушную струю, исходящую от вентилятора. Струя была лишь немногим прохладнее воздуха в каюте. Не обрати он на вентилятор внимания, тот благополучно перекочевал бы на уровень подсознания. Нет, Дункан буквально зацепился сознанием за этот проклятый вентилятор, добавив себе раздражения.

За стенкой вновь ожил туалет, огласив пространство бульканьем (правда, не особо громким). Дункан понял: где-то в трубах образовался воздушный пузырь, и теперь даже самый искусный корабельный механик не изгонит его до самого конца полета.

А это еще что? Новый звук заставил Дункана начисто забыть о воздушным пузыре. Хриплый присвист раздавался через неравные промежутки времени, следовательно... Дункан замер в темноте, пытаясь найти объяснение. Раздражение незаметно переросло в тревогу. Может, ему следует связаться с дежурным и сообщить о странных звуках?

Дункан все еще крутил в мозгу эту мысль, когда внезапное изменение тональности и громкости звука наконец подсказало ему источник его происхождения. Выругавшись сквозь

зубы, Макензи-младший приготовился к новым терзаниям бессонной ночи.

На соседней койке храпела доктор Чан...

Его осторожно трясли за плечо.

— Дай поспать,— проворчал Дункан, забыв, что находится не дома.

Но внутренняя сила вытолкнула его из сна. Дункан открыл глаза, щурясь по сторонам.

— Советую поторопиться, иначе вы опоздаете на завтрак,— сказала ему доктор Чан.

Глава 13
САМОЕ ДЛИННОЕ ПУТЕШЕСТВИЕ

— Говорит капитан корабля. В течение ближайших пятнадцати минут наш корабль будет производить окончательную регулировку скорости вне плоскости эклиптики. Это позволит вам в последний раз полюбоваться Сатурном. Мы ориентируем корабль таким образом, что планета будет видна в иллюминаторы зала Б. Спасибо за внимание.

«И тебе спасибо»,— мысленно поблагодарил капитана Дункан. Пройдя в зал Б, он решил, что поторопился с благодарностью. На этот раз (вероятно, не без подсказки со стороны экипажа) там собралось слишком много пассажиров. Дункан все же сумел занять неплохое место, хотя и стоячее.

Путешествие только началось, а Сатурн уже вчетверо уменьшился в размерах и сейчас был лишь в два раза крупнее Луны, наблюдаемой с Земли. Но зато теперь его можно было наблюдать во всем великолепии. «Сириус» находился на несколько градусов выше планетарного экватора, что позволяло увидеть все кольца Сатурна. Концентрический ряд тонких серебристых колец казался искусственным образованием. Даже не верилось, что их строил сам Космос и строительными материалами ему служили миры. При беглом взгляде кольца казались плотными, однако, присмотревшись, Дункан заме-

тил, как сквозь них просвечивает поверхность Сатурна. Желтоватый свет гигантской планеты резко отличался от безупречной белизны колец. От экватора Сатурна до колец было примерно сто тысяч километров, и их тень, покрывающая экватор, могла скорее показаться грядой необычайно темных облаков, нежели тенью, имеющей космическое происхождение.

Сосредоточившись, Дункан различил помимо двух основных колец не менее дюжины других, чьи границы определялись по резким перепадам яркости между соседними частями. Кольца Сатурна открыли еще в семнадцатом веке*. С тех пор коллеги доктора Чан пытались выяснить их строение. Было известно, что кольца образованы миллиардами космических частиц, удерживаемых притяжением многочисленных спутников Сатурна, однако подробности этого явления до сих пор оставались невыясненными.

Но даже основные кольца не были однородными. Например, на внешнем кольце наблюдалась некоторая пятнистость, а на восточной оконечности ясно просматривалась светлая область. Что это? Новый спутник, который вот-вот родится, или последние остатки существовавшего когда-то?

Эти вопросы Дункан в самых вежливых выражениях задал своей соседке по каюте.

— Ученые рассматривают обе гипотезы,— ответила доктор Чан.— Мои исследования говорят в пользу первой. При удачном стечении обстоятельств через несколько тысяч лет у Сатурна появится новый спутник.

— Не могу согласиться с вашим утверждением, доктор,— вступил в разговор другой пассажир.— Это всего лишь стати-

* В 1659 г. голландский астроном и математик Христиан Гюйгенс, используя мощный (для того времени) телескоп, выяснил, что «компаньон» Сатурна на самом деле является тонким плоским кольцом, опоясывающим планету, но не касающимся ее. Гюйгенс также открыл самый крупный спутник Сатурна — Титан. Начиная с 1675 г. изучением планеты занимался итало-французский астроном Джованни Кассини. Он заметил, что кольцо состоит из двух колец, четко разделенных видимым зазором — так называемой щелью Кассини, а также открыл еще несколько крупных спутников Сатурна.

стическая флуктуация плотности частиц. Довольно распространенное явление, которое редко длится больше нескольких лет.

— Сказанное вами справедливо для объектов меньшей величины. Но здесь нарастание концентрации протекает слишком интенсивно. И — учтите это — вблизи края кольца Б.

— Вы забыли об анализе проблем Януса, сделанном Вандерпласом...

Ученая перепалка почему-то напомнила Дункану сцену из старинного вестерна. Правда, вместо револьверов доктор Чан и ее оппонент схватились за портативные компьютеры и, бормоча математические термины, отошли в дальний конец зала. То, что они вряд ли когда-нибудь снова окажутся в окрестностях Сатурна, их не волновало. Научная истина была важнее.

— Говорит капитан корабля. Мы завершили регулировку скорости и сейчас проводим переориентацию корабля относительно плоскости эклиптики. Надеюсь, вы не упустили возможность полюбоваться Сатурном. Когда вы вновь увидите эту планету, корабль будет уже очень далеко от Сатурна.

Переориентация не сопровождалась никакими ощутимыми проявлениями. Сатурн и его кольца начали опускаться вниз. Пассажиры, находившиеся возле самых иллюминаторов, вытянули шеи, стремясь в последний раз насладиться удивительным зрелищем. Вскоре послышались разочарованные возгласы: Сатурн ушел из поля видимости, скрывшись за «зонтом», защищающим корабль от случайных боковых выбросов радиации. Свет от этих выбросов был нестерпимо ярким, сравнимым со вспышкой сверхновой. Долей секунды хватило бы, чтобы навсегда лишить человека зрения, а несколько секунд соприкосновения с радиацией такого уровня вызывали смерть.

Теперь «Сириус» держал путь к центру Солнечной системы. Никакой аппаратуры заднего обзора на корабле не существовало. Капитан был прав: когда им снова доведется наблюдать Сатурн, далеко не все пассажиры сумеют найти планету среди сверкающих звездных точек.

Еще через день, двигаясь со скоростью трехсот километров в секунду, «Сириус» миновал последний сатурнианский «верстовой столб» — Мнемозину. Ее гравитационное поле уже не могло увести корабль с орбиты. Диаметр самого дальнего спутника Сатурна всего пятнадцать километров, однако Мнемозине принадлежат два скромных рекорда. У нее самый долгий период обращения вокруг Сатурна — 1139 дней, при среднем расстоянии в двадцать один миллион километров. Второй рекорд Мнемозины — самый длинный день, продолжающийся 1143 земных дня. Хотя очевидно, что оба факта как-то связаны, приемлемого объяснения для этой связи не найдено.

По чистой случайности «Сириус» прошел менее чем в миллионе километров от крошечной Мнемозины. Вначале даже в мощном корабельном телескопе она была не больше светящейся точки. Затем Мнемозина выросла до размеров земного полумесяца; появились различимые полосы света и тени, обозначились кратеры. Вид был вполне типичным для каменных спутников «меркурианского» типа — в отличие от ледяных шаров вроде Мимаса, Энцелада и Тефии. Дункана эта планетка интересовала не только как последний «верстовой столб» на дороге к Земле.

Уже несколько месяцев на Мнемозине находился Карл. Он влился в состав Совместной службы по изучению внешних спутников (ССИВС). Группа ученых Земли и Титана работала долгие годы, методично обследуя один спутник за другим. Общая исследованная площадь приближалась к миллиону квадратных километров. Поначалу ССИВС критиковали за высокую стоимость работ, однако у ученых был веский контраргумент: одно тщательное обследование обходится гораздо дешевле, чем несколько фрагментарных. ССИВС обещала, что после их работы дополнительных экспедиций не понадобится. Фраза звучала красиво и убедительно, хотя Дункан сомневался в выполнимости этого обещания.

Полумесяц Мнемозины превратился в полную луну, затем, как и Сатурн, стал сползать вниз. Может, послать Карлу короткое приветственное сообщение? Подумав, Дункан решил этого не делать. Скорее всего, его искреннее намерение Карл счел бы издевкой.

Через несколько дней Дункан вполне освоился с корабельным распорядком, который вначале казался ему весьма запутанным. Позже он убедился: никакой путаницы нет. Просто столовая (так гордо именовали помещение, примыкающее к кафетерию) могла одновременно вместить лишь треть пассажиров. Поэтому ежедневно в течение девяти часов сто пассажиров ели в столовой, а остальные двести либо думали о предстоящей еде, либо ворчали насчет качества уже съеденной пищи. Это серьезно осложняло жизнь корабельного эконома, отвечавшего по совместительству за устройство коллективных развлечений. Не помогало и то обстоятельство, что большинство пассажиров не были настроены развлекаться.

К числу прочих событий, разнообразящих скуку корабельной жизни, относились получасовые выпуски новостей с Земли. Их передавали в восемь утра с повторением в десять. Вечерний выпуск начинался в семь и повторялся в девять. В начале полета новости приходили с полуторачасовым опозданием, но постепенно разрыв сокращался. Когда корабль выйдет на промежуточную орбиту в тысяче километров от Земли, разрыв исчезнет совсем, и тогда по сигналам точного времени можно будет смело проверять часы. Пассажиры, привыкшие не обращать внимания на эти сигналы, рисковали пропустить свою очередь в столовой.

Крошечная корабельная библиотека насчитывала миллионы томов художественной и специальной литературы, большинство музыкальных шедевров всех эпох и направлений, а также внушительную подборку фильмов. Но ее теснота! Если усадить всех вплотную, помещалось всего десять человек. Правда, не все пассажиры туда и стремились. Тесноту библиотеки отчасти компенсировали два ежевечерних

киносеанса, проводившихся в главном зале. Старший эконом, ведавший просмотрами, клятвенно утверждал, что выбор фильмов производится самым демократическим образом — на основе тайного голосования. Фильмотека корабля содержала почти все шедевры киноискусства, начиная со времен создания кинематографа. Впервые в жизни Дункан увидел чаплиновские «Новые времена», мультфильмы знаменитого Диснея, «Гамлета» с Лоуренсом Оливье, «Песню дороги» Рея*, «Наполеона Бонапарта» Стэнли Кубрика, «Моби Дика» Шимановского** и много других старинных фильмов, которые не знал даже по названиям. Но особой популярностью у пассажиров пользовался сборник «Если сегодня вторник, значит — мы на Марсе». Туда входили отрывки из фантастических фильмов, созданных задолго до начала освоения космоса. От смеха пассажиры сползали со стульев. Трудно было поверить, что в свое время этот сборник запретили показывать на борту космических кораблей. Какой-то бюрократ, начисто лишенный чувства юмора, решил, что сюжеты с ошибочной посадкой не на ту планету могут испугать особо чувствительных пассажиров. В действительности реакция была прямо противоположной: люди смеялись до упаду.

Но Дункан вовсе не собирался проводить дни полета в безделье и поисках развлечений. Как и все Макензи, он отличался повышенным чувством ответственности и потому уже на второй день решил заняться делом.

Занятий у него было три: одно физическое и два умственных. Первое выполнялось под строгим надзором корабельного врача. Дункан решил максимально приспособиться к земному тяготению. Далее, он поставил себе целью как можно больше узнать о жизни на современной Земле, чтобы по

* Сатьяджит Рей (1921–1992) — индийский режиссер. Упомянутый фильм (его второе название «Патер Панчали») создан под впечатлением традиций итальянского неореализма в кино.

** Скорее всего, режиссер Шимановский придуман автором. На момент написания романа (1975) существовало две экранизации «Моби Дика», созданных в 1930 и 1956 гг., и ни в одной из них не фигурирует фамилия Шимановского.

прибытии туда не выглядеть «деревенским родственником». Третьим занятием была подготовка его благодарственной речи или, по крайней мере, ее детальных тезисов, которые, если понадобится, он потом сможет подкорректировать.

Адаптироваться к земному тяготению помогали традиционная центрифуга и сравнительно новое устройство, называемое гоночной дорожкой. Два ежедневных сеанса вращения на центрифуге длились по пятнадцать минут каждый. Эту процедуру не любил никто: даже самая лучшая музыка не могла скрасить скуку вращения в маленькой кабинке, где руки и ноги лежащего постепенно наливались свинцом. Зато гоночная дорожка так нравилась пассажирам, что действовала круглосуточно, и некоторые энтузиасты старались получить дополнительное время.

Пассажиров, конечно же, привлекала новизна этого вида тренировки. Ну кто ожидал увидеть в космосе велосипед? Дорожка представляла собой узкий туннель вокруг корабля. Чем-то этот туннель напоминал старинный ускоритель элементарных частиц, но только внешне. Здесь живые «частицы» разгонялись самостоятельно.

Каждый вечер перед сном Дункан садился на один из четырех велосипедов и начинал свой путь по шестидесятиметровому туннелю. Поначалу он не спешил, проезжая все расстояние за полминуты, а затем постепенно увеличивал скорость. Велосипед все выше и выше поднимался по стене туннеля, пока, достигнув максимальной скорости, не оказывался почти под прямым углом к полу. Одновременно Дункан чувствовал, как возрастает вес его тела. Велосипедный спидометр имел двойную градуировку, показывая не только скорость, но и доли земного тяготения. Скорость в сорок километров в час (десять кругов в минуту) была эквивалентна единице земной гравитации. После нескольких дней тренировок Дункан уже мог без особых усилий выдерживать такую скорость в течение десяти минут. К концу полета он должен научиться ездить с этой скоростью неограниченное время. Дункан по-

стоянно напоминал себе, что на Земле ему придется жить в условиях такого тяготения.

Гонки по туннелю становились еще увлекательнее, когда Дункан был там не один, и в особенности — когда велосипедисты двигались на разных скоростях. Хотя правила строго запрещали обгон, Дункан не мог отказать себе в этом волнующем удовольствии. Помимо достигнутых результатов он получил и небольшой сувенир в виде средневекового пергаментного свитка, где в старинной витиеватой манере было написано: СИМ УДОСТОВЕРЯЕТСЯ, ЧТО Я, ДУНКАН МАКЕНЗИ, ЖИТЕЛЬ ГОРОДА ОАЗИС-СИТИ НА ПЛАНЕТЕ ТИТАН, ПРОЕХАЛ НА ВЕЛОСИПЕДЕ ОТ САТУРНА ДО ЗЕМЛИ СО СРЕДНЕЙ СКОРОСТЬЮ 217 420 КИЛОМЕТРОВ В ЧАС.

Интеллектуальная подготовка к жизни на Земле занимала у Дункана гораздо больше времени, хотя и не была столь утомительной. Он неплохо знал терранскую историю, географию и текущее положение дел. Однако до сих пор все эти знания представляли лишь теоретический интерес и почти не касались его лично. Земля была слишком далека от Титана не только астрономически, но и психологически. Теперь «колыбель человечества» приближалась со скоростью пятьдесят миллионов километров в сутки.

Даже на «Сириусе» преобладали терранцы — пассажиров с Титана было всего семеро. Сам того не желая, Дункан постоянно находился под влиянием и воздействием иной культуры. Он поймал себя на том, что стал все чаще использовать чисто терранские фразы и обороты речи, произнося их слегка нараспев. Такая интонация сейчас господствовала на Земле, что объяснялось большим количеством слов китайского происхождения. И все же Дункана беспокоило, что его родной мир становился для него все более и более нереальным. Если так будет продолжаться, он еще до конца полета станет наполовину терранцем.

Дункан смотрел множество фильмов о разных уголках Земли, слушал выступления и дебаты наиболее известных политиков, пытался понять основные тенденции в современной культуре и искусстве. Словом, делал все, чтобы не выглядеть дремучим варваром с задворков Солнечной системы. Устав сидеть перед экраном, Дункан принимался листать объемистый путеводитель карманного формата, оптимистично озаглавленный «Земля за десять дней». Ему очень нравилось проверять почерпнутые оттуда знания на пассажирах «Сириуса», следя за их реакцией. Иногда Дункану отвечали недоуменным взглядом, порою — чуть снисходительной улыбкой. Но все, кого он спрашивал, были с ним очень вежливы. До сих пор утверждения о врожденной вежливости терранцев Дункан считал одним из старинных стереотипов. Теперь он убеждался: этот стереотип складывался не на пустом месте.

Конечно, было бы абсурдно мерить одной меркой полмиллиарда жителей Земли. Даже три сотни пассажиров «Сириуса» во многом различались. И тем не менее часть теоретических представлений Дункана (и даже некоторые из его предрассудков) вполне подтвердились. Большинство терранцев, сами того не сознавая, действительно обладали чувством превосходства. Поначалу Дункана это раздражало, однако, поразмыслив, он пришел к выводу, что несколько тысячелетий исторического и культурного развития вполне оправдывают такое чувство.

Пока было слишком рано пытаться ответить на вопрос, не дававший покоя другим планетам Солнечной системы: «Находится ли Земля в состоянии упадка?» В манерах и поведении пассажиров корабля не наблюдалось и следов изнеженной чувствительности, в которой так часто обвиняли терранцев. Правда, по этим людям вряд ли можно было судить обо всех терранцах. В столь дорогие путешествия отправлялись либо ученые, за которых платили университеты и научные центры, либо люди состоятельные. Иными словами — не самые заурядные личности.

Дункан решил не торопиться с выводами. Сначала нужно добраться до Земли и познакомиться с ее жителями. Исследование обещало стать весьма интересным, если, конечно, у Дункана хватит времени и средств.

Глава 14
ПЕСНИ ИМПЕРИИ

«Такие встречи бывают только случайными»,— думал Дункан. Как ни старайся, их и за сто лет не подготовишь. Вот уж действительно — «умелое использование непредвиденных обстоятельств»!

Колин бы им гордился...

Все и впрямь произошло по чистой случайности. Узнав, что фамилия главного корабельного инженера имеет на одно «к» больше — Маккензи, Дункан испытал естественное желание познакомиться с этим человеком и сравнить генеалогические древа... Первые секунды знакомства показали ему, что сходство весьма отдаленное. Уоррен Маккензи, доктор астротехнологии (специализация: двигатели), был веснушчатым и рыжим.

Тем не менее главный инженер обрадовался знакомству и беседе. Они успели подружиться задолго до того, как Дункан решил воспользоваться преимуществами дружбы.

— Иногда я ощущаю себя живой банальностью,— полушутя жаловался Уоррен.— Вы слышали о временах, когда все корабельные инженеры были шотландцами? Их так и звали — «Мак-как-там-тебя».

— Честно сказать, не слышал,— признался Дункан.— А почему не немцы и не русские? По-моему, это с них все началось.

— Как у нас говорят, вы настроились не на ту волну. Я говорю о кораблях, которые плавали по воде. Пар толкал поршни их двигателей, а вместо гребного винта у них были лопастные колеса. Да, такими были пароходы девятнадцатого века.

Вы, наверное, знаете, что индустриальная революция началась в Англии, а первый паровой двигатель, годный для практических нужд, сделал шотландец. Когда пароходы начали бороздить земные моря и океаны, корабельными механиками на них плавали Маки. Никто лучше шотландцев не разбирался в сложных механизмах.

— Это паровые-то машины сложные? Уоррен, вы, наверное, шутите.

— А вы их когда-нибудь видели? Они не так просты, как может показаться. И потом, нам разобраться в их устройстве куда легче, чем нашим предкам... Эпоха паровых двигателей была недолгой: каких-нибудь сто лет. Но пока существовали пароходы, механиками на них служили шотландцы. Я даже придумал себе забаву — находить параллели между тем временем и нашим. Знаете ли, множество удивительных и совершенно неожиданных параллелей.

— Не откажусь удивиться. Пожалуйста, продолжайте.

— Смотрите: старые пароходы двигались очень медленно. Десять километров в час — эта была обычная скорость грузовых судов. Путь занимал многие недели. Совсем как нынешние космические полеты.

— Понимаю вашу аналогию. В те годы расстояние между странами Земли было сравнимо с расстоянием между планетами.

— Между некоторыми — да. И лучшей аналогией здесь служит Британское Содружество наций — первая мировая империя. Она же стала последней. В течение почти ста лет все сообщение между Англией и такими странами, как Канада, Индия, Австралия, целиком зависело от пароходов. Путь в один конец занимал месяц, а то и больше и для многих был единственным в их жизни длительным путешествием. Как и сейчас, люди путешествовали либо по делам, либо имея достаточно средств. А вот вам еще одна впечатляющая аналогия. Жители колоний не могли даже переговариваться с метрополией. Они жили почти в полной психологической изоляции.

— А разве у них не было телефонов?

— Только для местной связи, и то далеко не везде и не у всех. Не забывайте, я говорю о начале двадцатого века. Связь в масштабе всей планеты появилась лишь к концу столетия.

— Мне думается, эта аналогия слегка притянута за уши,— возразил Дункан.

Слова главного инженера звучали не слишком убедительно. Дункану хотелось услышать доводы рыжеволосого Маккензи. Однако спорить о том, в чем сам почти не разбирался, он не хотел.

— Что ж, я готов представить вам доказательства. Вы слышали о Редьярде Киплинге?

— Слышать слышал, но не читал. Он ведь был писателем? Англо-американским. Время его творчества приходится на период между Мелвиллом и Хемингуэем. Для меня английская литература — почти незнакомая территория. Жизнь и так слишком коротка.

— Увы, это так. Но, невзирая на краткость жизни, Киплинга я все-таки читал. Он был первым поэтом эры машин. Некоторые считают его лучшим мастером рассказа того времени. Об этом, естественно, я не в состоянии судить. Но Киплинг очень точно описал время, о котором я говорю. Взять хотя бы его «Гимн Мак-Эндрю». В этом стихотворении старый инженер размышляет о поршнях, паровых котлах и коленчатых валах, несущих его корабль по океанским волнам. Возьму на себя смелость утверждать, что эта технология имела свою... свою религию. Вот уже триста лет как нет ни той технологии, ни той религии, а дух остался и продолжает жить и поныне.

Дункан подумал, что ему, пожалуй, стоит познакомиться с поэзией Киплинга.

— Он писал стихи и рассказы о далеких местах. Для многих современников Киплинга они были столь же далеки, как для нас планеты, а иногда — гораздо экзотичнее! Я очень люблю его «Песню городов». Сознаюсь, что половину авторских намеков и иносказаний я просто не понимаю. Но его упо-

минания Бомбея, Сингапура, Рангуна, Сиднея, Окленда... заставляют меня думать о Луне, Меркурии, Марсе, Титане.

Маккензи умолк. На его лице появилось смущение.

— Знаете, я и сам пытался написать что-нибудь подобное... Не бойтесь, я не стану мучить вас своими стихами.

Дункан произнес несколько ободряющих междометий, поскольку знал, что главный инженер «Сириуса» ждет его реакции. Он не сомневался: еще до конца полета Уоррен обязательно попросит его высказать свои критические замечания, что в переводе с дипломатического означало — похвалить литературные старания Маккензи.

Пока что Дункану удалось дипломатично отговориться ссылкой на дела. Время в полете пройдет незаметно, и потому лучше приняться за работу без раскачки.

Ровно десять минут. Столько времени Джордж Вашингтон отвел Дункану на приветственную речь. Даже президенту будет отпущено только пятнадцать, а посланцам всех планет — по десять минут и ни секундой больше. С момента входа в Капитолий и вплоть до начала приема в Белом доме на всю церемонию неумолимый протокол отпускал лишь два с половиной часа.

И все равно Дункану казалось немного абсурдным лететь в такую даль, чтобы произнести десятиминутную речь, пусть даже и на столь уникальном празднестве, как пятисотлетие Соединенных Штатов. Все вежливые формальности Дункан собирался свести к жесткому минимуму. Здесь он был целиком согласен с дедом: искренность благодарственной речи обратно пропорциональна ее длине.

Отчасти для развлечения, но в основном чтобы получше запомнить имена других участников, Дункан стал набрасывать черновик официальной части речи. Он руководствовался списком гостей, который прислал профессор Вашингтон. Речь начиналась так: «Госпожа президент, господин вице-президент, уважаемый председатель Верховного суда, уважаемый председатель Сената, уважаемый председатель Пала-

ты представителей, ваши превосходительства послы Луны, Марса, Меркурия, Ганимеда и Титана...— здесь он сделает легкий поклон в сторону посла Фаррела, если, конечно, сумеет разглядеть его на переполненной галерее,— высокочтимые гости из Албании, Австралии, Кипра, Богемии, Франции, Кхмерии, Палестины, Калинги, Зимбабве, Эйре...» Тут Дункан сообразил: если он возьмется перечислять все пятьдесят или шестьдесят стран, которые до сих пор сохраняли остатки государственности, на это уйдет четверть отпущенного ему времени. Полнейшая ерунда! Дункан не сомневался, что другие ораторы были бы здесь целиком солидарны с ним. Протокол протоколом, а он предпочтет благородную краткость.

Лучше начать с простого и ясного обращения: «Жители Земли!» Такое обращение включает в себя всю территорию, в пять раз превосходящую территорию Титана (эту впечатляющую статистику Дункан знал наизусть). А как обратиться к инопланетным гостям? Может, «друзья из других миров»? Нет. Такое обращение звучало слишком претенциозно; ведь он почти никого не знал. Возможно, лучше сказать так: «Госпожа президент, уважаемые высокие гости, дорогие знакомые и незнакомые друзья с других планет...» Этот вариант понравился Дункану больше, хотя и в нем чего-то недоставало.

Вскоре он убедился: приветственная речь — это нечто большее, чем пища для глаз и звуки для ушей. Конечно, можно было бы обратиться за помощью к другим, и многие охотно ему помогли бы. Но Дункан упрямо следовал старой, проверенной временем традиции Макензи: прежде чем просить о помощи, до конца используй собственные возможности. Где-то он читал: лучший способ научить человека плавать — это сбросить его с лодки на глубоком месте. Плавать Дункан не умел, поскольку на Титане было попросту негде плавать. Но ему понравилась эта аналогия. Его дебют в межпланетной политике будет подобен прыжку в воду на глазах у миллионов.

Нельзя сказать, чтобы Дункан нервничал. Ему доводилось выступать в Ассамблее Титана, когда там шли дебаты по весьма важным техническим проблемам. Дункан проявил себя опытным арбитром, рассматривая все «за» и «против» разработки аммиачных ледников на горе Нансен. Даже Арманд Хелмер поблагодарил его за выступление, хотя их позиции были противоположными. В ходе дебатов решалось будущее экономики Титана. На плечах Дункана лежал груз нешуточной ответственности. Если бы тогда он позволил сбить себя с толку, с его карьерой было бы покончено.

Его терранская аудитория, возможно, будет в тысячу раз большей, зато куда менее критически настроенной. Скорее всего, слушатели вполне благосклонно отнесутся к его речи, если только он не совершит непростительный грех, заставив их скучать.

А вот этого Дункан гарантировать не мог. Он и сам пока не представлял, как распорядится десятью самыми важными минутами своей жизни.

Глава 15
УЗЕЛ

У мореплавателей Земли этот момент назывался пересечением экватора. Когда корабль переходил из одного полушария в другое, на его борту устраивали веселые празднества. Тех, кто пересекал экватор впервые, бог морей Нептун и его свита бесцеремонно подвергали ритуалу «морского крещения».

С появлением космических кораблей торжество перекочевало в межпланетные просторы, претерпев не слишком много изменений. Земной экватор был условной линией, которую никто не видел. Так и в космосе только бортовой компьютер мог засечь момент, когда корабль, условно говоря, выходил из зоны притяжения одной планеты и попадал под действие притяжения другой. Но с появлением двигателей постоянного ускорения срединные, или «поворотные», точки стали физически ощутимыми и приобрели повышенное

психологическое значение. За несколько дней пути пассажиры «Сириуса» привыкли к искусственной гравитации на борту. Теперь их ожидали несколько часов невесомости — внушительное напоминание о межпланетном пространстве.

Медленное вращение звездного неба в иллюминаторах и на экранах обзора свидетельствовало о том, что корабль разворачивается на сто восемьдесят градусов, меняя направление полета. Пассажиры могли тешить себя мыслью, что сейчас они движутся быстрее, чем кто-либо из людей. Существовала и другая, не менее волнующая перспектива: если с корабельным двигателем вдруг случится неполадка, «Сириус» уйдет за пределы Солнечной системы и всего за какую-нибудь тысячу лет достигнет ближайших звезд.

Но кроме мыслей у пассажиров корабля имелись и определенные физиологические потребности, и многих они волновали гораздо сильнее путешествия к звездам. Для них это был единственный шанс по-настоящему насладиться состоянием невесомости. Неудивительно, что в последние дни самой популярной книгой в корабельной библиотеке стала «NASA-сутра» — довольно старая книга, с большим юмором рассказывающая о телесных утехах в условиях невесомости. Правда, сейчас ее читали не из желания посмеяться, а как практическое пособие.

Капитан Иванов утверждал, что предстоящий маневр необходим и отнюдь не является потаканием низшим инстинктам некоторых пассажиров. Лицо капитана выражало сдержанное, но вполне убедительное негодование. Вопрос этот ему задали за день до «поворотной точки». Ответы капитана звучали вполне правдоподобно.

— Это единственный отрезок времени, когда остановка двигателя наиболее логична,— сказал капитан.— С полуночи до четырех часов утра по корабельному времени все пассажиры будут находиться в своих каютах и... надеюсь, будут спать. Следовательно, остановка доставит им минимум неудобств. Останавливать двигатель днем нельзя: кухни и туалеты не могут работать в условиях невесомости. Прошу это

помнить! Накануне мы сделаем еще одно напоминание, однако, простите за резкость, всегда найдутся непрошибаемо самонадеянные идиоты. Кто-то вольет в себя излишек жидкости, кто-то не удосужится прочесть инструкции на пластиковых мешочках, которыми мы снабдим все ваши каюты.

Дункан был тоже не прочь поддаться искушению «забав в невесомости». Образ Мириссы тускнел в его памяти, а пассажирки корабля ему явно симпатизировали. Дункан получал недвусмысленные намеки от жительниц разных планет. К счастью, судьба спасла его от трудного выбора.

За неделю полета между Дунканом и Уорреном Маккензи установились вполне дружеские отношения. Когда до «поворотной точки» оставалось три дня, Дункан намекнул главному инженеру, что хотел бы побывать в тех частях корабля, куда пассажиров не допускают. Уоррен не ответил категоричным отказом. Вероятно, ему требовалось время на обдумывание и поиск возможностей. Свой ответ рыжеволосый шотландец дал всего за двенадцать часов до грядущей остановки двигателя.

— Не хочу драматизировать ситуацию и говорить, что меня за это выгонят с работы,— начал Уоррен.— Но и по головке не погладят, в этом можете не сомневаться.

— Иными словами, для вас это хлопотно,— сказал Дункан, не любивший туманных фраз.

— Дайте мне договорить. Вы ведь не просто любопытствующий пассажир. Вы — один из клана Макензи и занимаете достаточно высокий пост специального помощника главного администратора Титана. Если случится худшее... впрочем, я надеюсь, что все пройдет благополучно... мы скажем, что ваша просьба носила официальный характер.

— Конечно. Я вас отлично понимаю и очень ценю ваши усилия. И ни в коем случае вас не выдам,— пообещал Дункан.

— Осталось выбрать время. Если все наши игры с двигателем пройдут гладко... тут у меня нет причин думать по-иному... я сумею управиться за два часа, после чего отпущу всех

своих помощников. Они умчатся со скоростью метеоров. Можете не сомневаться: ребятам тоже хочется насладиться невесомостью, и есть с кем... Вы меня поняли? Так что нам никто не помешает. Я позвоню вам в два часа ночи или около того — как только освобожусь.

— Надеюсь, мое предложение не нарушит ваших... личных планов? — осторожно спросил Дункан.

— Представьте себе, нет. Для меня невесомость уже потеряла свою новизну... Чему вы улыбаетесь?

— Да так, забавная мысль пришла в голову. Если кто-то и застанет нас в два часа ночи, у нас будет превосходное алиби...

И все же Дункан испытывал легкое чувство вины, плывя по коридорам вслед за Уорреном Маккензи. Хотя в «ночь невесомости» на корабле мало кто спал, нижние этажи «Сириуса» были пусты.

Дункан чувствовал себя виноватым вовсе не потому, что подбил Уоррена на эту экскурсию. Он воспользовался дружбой с главным инженером для своих тайных целей, замаскировав их интересом к устройству асимптотического двигателя. Казалось бы, вполне понятный интерес у человека, получившего инженерное образование. Однако вряд ли Уоррен столь наивен. Скорее всего, рыжий шотландец догадывался, какую угрозу экономике Титана несут двигатели нового поколения. Быть может, даже хотел тактично помочь Дункану.

— Возможно, увиденное вас разочарует,— сказал главный инженер, когда они проходили через шлюз между третьим и вторым этажами.— Там особо не на что смотреть. Но чувствительных натур такое зрелище может наградить стойкими кошмарами, потому мы и не пускаем туда посторонних.

«Причина понятная, хотя и не самая главная»,— подумал Дункан. Устройство асимптотических двигателей не было секретным. Существовало великое множество литературы: от узкоспециальной, изобилующей математическими выкладками, до популярной. Дункану встречались даже сравнения

с надеванием ботинок: зашнуровал и пошел. Однако все это касалось теоретической стороны. Стоило завести речь о практических подробностях, как земное Управление межпланетного транспорта проявляло редкостную уклончивость. На астероид, где собирались асимптотические двигатели, допускался только персонал управления. Дункану приходилось видеть размытые фотографии астероида № 4587, сделанные с большого расстояния. На них можно было различить две цилиндрические конструкции длиной более тысячи километров каждая. Астероид казался песчинкой, зажатой между ними. Цилиндрические конструкции назывались ускорителями. Они с бешеной скоростью сплющивали материю, создавая в сердце двигателя некий узел или что-то подобное. И это были все сведения, известные за пределами УМТ.

Дункан плыл в нескольких метрах позади Уоррена Маккензи. Они двигались по коридору, стены которого были густо обвиты трубами и кабелями разного диаметра. Ничего впечатляющего; за триста лет такую картину видело не одно поколение инженеров и механиков. Только большое количество поручней и толстый слой мягкой обивки свидетельствовали о том, что это космический корабль, где не всегда действует искусственная гравитация.

— Видите ту трубку? — спросил главный инженер.— Вон там: небольшая, красного цвета.

— Вижу. И чем она интересна?

Если бы не вопрос Уоррена, Дункан едва бы обратил внимание на заурядную трубку толщиной не больше карандаша.

— Вы не поверите, но это и есть главный трубопровод, по которому поступает водород. Сто граммов в секунду, восемь тонн в день, чтобы нестись со скоростью, которая прежде считалась немыслимой.

Интересно, что подумали бы создатели старинных ракет, глядя на этот миниатюрный трубопровод? Дункан мысленно представил толстенные трубопроводы первых кораблей, доставивших землян на Луну. Сколько топлива поглощали эти монстры? Они ведь были чрезвычайно расточительны-

ми: за секунду сжигали больше, чем «Сириус» за целые сутки полета. Хорошее сравнение: наглядно понимаешь, куда шагнул прогресс за минувшие триста лет. А куда он шагнет еще через триста?..

— Не ударьтесь головой об отклоняющие катушки,— предостерег Уоррен.— Мы не доверяем сверхпроводникам, работающим при комнатной температуре. Предпочитаем старую добрую криотехнологию.

— Отклоняющие катушки? А они еще зачем?

— Знаете, мне даже в мыслях страшно представить, что будет, если поток случайно соприкоснется с какой-нибудь частью корабля. Катушки центрируют его и обеспечивают нам векторное управление.

Главный инженер остановился возле небольшого цилиндра. Он любил сравнения с техникой прошлого и сказал, что по диаметру этот цилиндр не превышает ствол пушки на военном корабле двадцатого века.

— А вы, наверное, думали, что реакционная камера занимает пол-этажа? — усмехнулся Маккензи.

Реакционная камера. Глядя на нее, Дункан невольно ощущал благоговейный трепет. Внешне — обычный цилиндр, который легко обхватить руками, но внутри скрыто... если теории верны, там скрывалось нечто, равное целой вселенной. Сингулярность...*

В длину реакционная камера не превышала пяти метров. В средней ее части фрагмент металлического кожуха был заменен стеклом. К стеклу примыкала поворотная консоль с небольшим микроскопом, направленным внутрь реакционной камеры.

Уоррен пристегнулся к фиксаторам, заглянул в окуляр микроскопа и слегка подкрутил микрометрический винт, перемещающий тубус.

---

* Сингулярность — в некоторых астрофизических теориях о происхождении Вселенной точка с почти большой массой и температурой и почти нулевым объемом.

— Взгляните,— предложил он Дункану.

Дункан тоже пристегнулся, однако не с таким проворством. Он не представлял, что именно должен увидеть, зато хорошо помнил особенность человеческого зрения. Глаза передают в мозг только те изображения, которые ему знакомы. Незнакомое оказывается невидимым.

Дункан не увидел ничего необычного: решетка из пересекающихся под прямым углом волосяных линий. Такие решетки широко применялись для оптических измерений. Поле обзора было ярко освещено, однако Дункану казалось, что он смотрит на пустой лист миллиметровки.

— Нужно смотреть в самый центр,— подсказал ему Уоррен.— Слева от вас регулятор. Поверните его, только очень медленно. Пол-оборота в любую сторону вполне достаточно.

Дункан послушался, но опять ничего не увидел. Потом он заметил крошечное вздутие. Казалось, он смотрит на перекрестье нитей через стекло, в котором есть дефект — совсем маленький пузырек.

— Теперь видите? — спросил главный инженер.

— Наконец увидел. Похоже на крошечную линзочку. Без решетки ни за что бы ее не заметил.

— Крошечная линзочка, говорите? Вы очень преувеличиваете. Сейчас вы смотрите на то, что мы называем узлом. Он меньше атомного ядра. Фактически вы видите не сам узел, а производимое им искривление пространства.

— Однако в этом малыше сконцентрированы тысячи тонн материи. Так ведь?

— Одна-две тысячи,— весьма уклончиво ответил Уоррен.— Эта крошка совершила десяток полетов и почти достигла предела насыщения. Скоро нам придется заменить ее новой. Естественно, она еще способна поглощать водород, но нам избыток паразитной массы ни к чему. Падает коэффициент полезного действия. Опять не могу не привести аналогию со старинными морскими судами. Их днище быстро обрастало ракушками и требовало регулярной очистки, иначе корабли теряли скорость.

— А куда девают отработанные узлы, когда они становятся чересчур тяжелыми? Это правда, что их направляют к Солнцу?

— Зачем? Узел способен пролететь Солнце насквозь и вылететь с другой стороны. По правде говоря, я не знаю, что делают с отработанными узлами. Возможно, они сбиваются вместе, словно снежный ком. Получается сверхузел размером меньше нейтрона, а весом в несколько миллионов тонн.

В голове Дункана вертелись десятки других вопросов. Например, как управлять этими миниатюрными, но сверхтяжелыми крупицами? Сейчас «Сириус» находился в свободном падении, и узел спокойно плавал на своем месте. А когда начнется ускорение? Что удержит его тогда, не позволяя вырваться из реакционной камеры? Скорее всего, мощные электромагнитные поля. Они же передают его энергию кораблю.

— А что случится, если я попытаюсь дотронуться до узла? — поинтересовался Дункан.

— Знаете, этот вопрос задают буквально все.

— Неудивительно. Человеческое любопытство за века не изменилось. И что вы отвечаете?

— Сперва вам бы пришлось снять вакуумную печать. А потом... потом начался бы ад кромешный.

— Тогда бы я сделал по-другому. Надел бы скафандр, вполз в двигательный отсек и просунул в камеру палец.

— Очень предусмотрительно с вашей стороны! — засмеялся главный инженер.— Так вот: если бы ваш палец проник внутрь всего на миллиметр, туда устремились бы гравитационные силы. Стоило первым атомам оказаться в поле, они бы мгновенно отдали свою массу и энергию. Вы бы подумали, что у вас перед носом взорвалась маленькая водородная бомба. Хотя вы вряд ли успели бы подумать. Вырвавшаяся сила попросту распылила бы вас.

Дункан тоже засмеялся, но — нервно.

— Эту игрушку не украдешь. И охраны не надо. Скажите, Уоррен, а вам не бывает страшно находиться рядом с такой стихией?

— Нет. Это инструмент. Я научился им пользоваться. Если хотите, изучил его повадки. Я вот не понимаю, как люди управляются с мощными лазерами. Вот те игрушки меня действительно пугают. Между прочим, старина Киплинг все гениально объяснил. Помните, я говорил вам о нем?

— Помню.

— Он написал стихотворение «Тайна машин». Когда мне приходится здесь что-то делать, я часто повторяю строчки из его стихотворения:

Мы послушны человеку, но заметь:
Нам чужда ошибка или ложь.
Ни прощать мы не умеем, ни жалеть —
За один случайный промах ты умрешь!*

Эти слова справедливы для всех машин и для всех сил природы, которые мы обуздали. Между пещерным костром первобытного человека и узлом в сердце асимптотического двигателя разница совсем невелика.

Еще через час Дункан ворочался на своей койке и ждал, когда оживет двигатель «Сириуса» и корабль начнет десятидневное торможение по пути к Земле. Перед его глазами и сейчас стоял крохотный пузырек, увиденный в микроскоп. Дункан знал: эта картина останется с ним навсегда. Уоррен Маккензи сводил его в двигательный отсек, однако не выдал никаких секретов. Все, что говорил ему шотландец, многократно публиковалось. Тем не менее никакие слова и никакие снимки не вызвали бы того потрясения, которое Дункан уже испытал.

Ему в тело впились невидимые пальчики — на «Сириус» возвращалась гравитация. Издалека, словно из бесконечности, донесся негромкий стон двигателя. Дункан говорил себе, что слышит предсмертный крик материи. Она покидала знакомую вселенную и в момент исчезновения отдавала кораб-

* Перевод С. Я. Маршака.

лю всю энергию своей массы. Каждую минуту крошечный, но ненасытный вихрь затягивал в себя несколько килограммов водорода. Бездонная пропасть, которую невозможно залатать.

Дункан сумел заснуть, но спал плохо. Ему снилось, что он без конца падает в вихрь, а тот затягивает его глубже и глубже. Его сплющивало до молекул, до атомов и, наконец, до субъядерных размеров. Еще немного — и все кончится. Он просто исчезнет в сияющей вспышке.

Но этот момент не наступал. Наряду со сжимающимся пространством растягивалось время. Секунды становились все длиннее... длиннее... длиннее, пока он не оказался пленником вечности.

Глава 16
ПОРТ ВАН АЛЛЕН

Когда Дункан в последний раз укладывался спать на корабельную койку, до Земли оставалось еще пять миллионов километров. Сейчас же «колыбель человечества» заполняла собой почти все небо, точь-в-точь напоминая свои многочисленные снимки. Кое-кто из пассажиров успел достаточно попутешествовать в межпланетных просторах. Они говорили Дункану, что его удивит поразительное сходство реальной планеты с ее снимками. Тогда он только смеялся, а сейчас искренне удивлялся... своему удивлению.

Корабль подошел к Земле со стороны Солнца, поэтому часть планеты была ярко освещена. Дункан надеялся увидеть земные континенты, а увидел континенты белых облаков, плотно закрывавших поверхность. Иногда в разрывах мелькали участки суши, но распознать их без карты было невозможно. Зато Дункан смог вдоволь насладиться ослепительным сиянием полярной шапки Антарктиды. От сияния веяло холодом, но в сравнении с его родным миром Антарктида была просто тропиками.

Красивая планета, очень красивая. И в то же время — чужая. Дункан поймал себя на мысли, что белые и голубые краски Земли не согревают ему сердце. Как ни парадоксально, но оранжевые облака Титана выглядели из космоса куда гостеприимнее.

Дункан находился в зале Б. Он наблюдал за приближающейся Землей, одновременно прощаясь со своими попутчиками. За это время орбитальный порт Ван Аллен из ослепительной звездочки превратился в сверкающее кольцо и, наконец,— в громадное, медленно вращающееся колесо. Асимптотический двигатель «Сириуса» был выключен; положение корабля регулировалось лишь эпизодически включавшимися тормозными двигателями. Уровень искусственной гравитации довольно быстро понизился до нуля.

А орбитальная станция становилась все внушительнее. Это был настоящий город в космосе, который начали строить около трехсот лет назад. Сейчас гигантское колесо заслоняло собой всю Землю.

Причаливание было почти незаметным. Корабль слегка качнуло — и в следующее мгновение он уже стоял в доке орбитальной станции. Через несколько секунд капитан это подтвердил.

— Добро пожаловать в порт Ван Аллен — ворота Земли. Экипажу нашего корабля было приятно провести вместе с вами эти двадцать дней. Я надеюсь, что и вы получили удовольствие от полета. Прошу выполнять распоряжения членов экипажа, а также проверить, не осталось ли в каютах забытых вами вещей. С сожалением вынужден напомнить, что трое пассажиров до сих пор не произвели окончательный расчет. Наш старший эконом будет ожидать их у выхода...

Сообщение было встречено приветственными и насмешливыми возгласами, которые быстро потонули в общем шуме. Люди торопились покинуть свой временный дом. Во время процедуры высадки действовали четкие правила, однако сейчас возобладал хаос. Пассажиры путали проверочные отсеки, а служба оповещения, в свою очередь, путала имена,

называя несуществующие. Прошло более часа, прежде чем Дункан оказался возле узких входных ворот космопорта, прозванных «бутылочным горлышком». Спросив о своем багаже, он узнал, что багаж отправляют специальными грузовыми шаттлами и все свои вещи он получит уже на Земле.

Суета стихала. Пассажиры протискивались сквозь шлюз причального отсека и расходились по соответствующим уровням орбитальной станции. Дункану было некуда торопиться. Он скрупулезно выполнил все пункты замысловатой инструкции. Теперь вместе с другими пассажирами, чьи фамилии начинались на букву М, он должен был пройти карантинный контроль. Все прочие документальные формальности были улажены по каналам связи еще несколько часов назад, на подлете к орбитальной станции. Но карантинный контроль никогда не считался формальностью. Для некоторых пассажиров он становился непреодолимой преградой. Зная об этом, Дункан не без внутреннего волнения встал перед человеком в форме Карантинной службы.

— К нам редко прилетают гости с Титана, поэтому вы проходите по лунной категории с уровнем гравитации менее четверти земного,— пояснил ему служащий.— Ваша первая неделя на Земле может быть очень тяжелой, но вы еще молоды и сумеете адаптироваться. Особенно если оба ваших родителя появились на свет...

Карантинный медик заглянул в идентификационный сертификат Дункана и осекся: в графе «мать» стоял жирный прочерк. Далее шли сведения об отце и обстоятельства появления Макензи-младшего. Дункан давно привык к подобной реакции, и она его больше не задевала. Ему даже нравилось видеть удивленные лица тех, кто впервые узнавал о его статусе. К счастью, у карантинного медика хватило ума и такта не задать один глупый вопрос, на который Дункан уже давно выработал автоматический ответ: «Естественно, у меня есть пупок. Самый лучший, какой только можно получить за деньги». Другой распространенный миф, будто клонированные мужчины обладают необычайной смелостью, поскольку не

получили «ничего женского», Дункан предпочитал не обсуждать и не оспаривать. Иногда это заблуждение неплохо ему помогало.

Чувствовалось, что в карантинном медике проснулось чисто научное любопытство, однако за Дунканом стояли еще шестеро. Это заставило служащего воздержаться от дальнейших вопросов и отправить Дункана «наверх» — в ту часть космопорта, где поддерживался уровень земной гравитации. Лифт долго полз по «спице» громадного, медленно вращающегося колеса. Стоя в кабине, посланец Титана ощущал, как с каждым метром немилосердно тяжелеет его тело.

Когда лифт наконец остановился, Дункан на негнущихся ногах покинул кабину. Хотя Земля находилась от него в тысяче километров и новообретенный вес был вызван искусственным тяготением, он чувствовал железную хватку бело-голубой планеты. Земля словно вцепилась в него и тянула вниз. Дункан знал: если он провалит испытание, его бесцеремонно отправят обратно на Титан.

Правда, на орбитальной станции существовало нечто вроде ускоренного курса адаптационных тренировок для жителей Луны. Однако этот курс был рассчитан на тех, кто провел детство на Земле, а для Дункана мог оказаться опасным.

Но все страхи забылись, когда он вышел в просторный зал и вновь увидел Землю. Она занимала половину неба, двигаясь мимо широких окон, представляющих собой настоящий шедевр строительства космических сооружений. Дункану не хотелось подсчитывать, сколько тонн воздуха давит на каждый квадратный сантиметр их поверхности. Он встал возле самого окна. Стекло выглядело пугающе тонким. Трудно верилось, что оно — единственная перегородка между воздухом и космическим вакуумом. Стоя перед ним, Дункан испытывал смешанное чувство ликования и тревоги.

Карантинный врач вручил ему контрольный список вопросов, и Дункан со всегдашней своей добросовестностью собирался просмотреть их и дать ответы. Но панорама Земли заставила его забыть об анкете. Дункан так и стоял, переминаясь с ноги на ногу (от непривычной тяжести мышцы ног быстро уставали).

Оборот вокруг Земли порт Ван Аллен делал за два часа, а вокруг своей оси — за три минуты. Через какое-то время Дункан перестал реагировать на эти трехминутные обороты. Для его сознания они стали привычным фоном, как то бывает со звуками или запахами. Потом Дункан дал волю фантазии, представив себя живым спутником, облетающим Землю по орбите. Планета становилась все больше; он двигался, опережая наступающий день.

Увы, облачность и сейчас мешала Дункану рассматривать поверхность Земли. К счастью, в облаках попадались просветы. С такой громадной высоты было невозможно разглядеть какие-либо признаки жизни на планете. И под этим облачным покровом человечество жило тысячелетиями! Трудно поверить, что впервые люди увидели свою планету из космоса лишь триста лет назад.

Дункан продолжал искать следы разумной жизни на Земле, а ее диск постепенно превращался в полумесяц. Его поиски были прерваны системой оповещения: пассажирам, намеревавшимся лететь на Землю, предлагалось собраться у терминала шаттлов, воспользовавшись лифтами номер два и три.

Ему еще хватило времени навестить «Последний шанс» — так называли здесь туалеты, знаменитые не менее, чем обзорные окна. Затем Дункан снова шагнул в кабину лифта и поехал к центру «колеса», где царила невесомость и где пассажиров ждали «челноки», курсирующие между станцией и Землей.

Иллюминаторов в салоне шаттла не было, зато имелись обзорные экраны, вмонтированные в спинки кресел. Экраны позволяли выбирать передний или задний обзор. Выбор между тем не всегда зависел от желания пассажиров, но об этом предпочитали не упоминать. В частности, бортовой компьютер блокировал сцены взлета и посадки, поскольку некоторых пассажиров они шокировали.

Было приятно вновь оказаться в невесомости, пусть всего на пятьдесят минут, пока шаттл не достигнет границ атмосферы. Земля из планеты постепенно становилась целым миром. Дугообразная линия горизонта все более выпрямлялась. Среди облаков мелькнул океанский простор, два или три острова, над которыми бушевал беззвучный шторм.

Дункан ощущал себя школьником, стремящимся найти на глобусе хоть что-то знакомое. Наконец-то! Узкая полоса суши, слева океан, справа — такой же узкий залив. Да это же Калифорнийский полуостров! Шаттл вынырнул из облаков над Тихим океаном и понесся навстречу североамериканскому континенту.

Они летели над горами, которые казались совсем плоскими. Горы сменились пересекающимися каньонами, более похожими на марсианские, чем на земные. «Наверное, Колорадо»,— подумал Дункан.

А вот и гравитация! Дункан почувствовал, как его вдавливает в кресло. Дискомфорт был минимальным: устройство кресла и его особо мягкая обивка позволяли равномерно распределить вес тела. Но с появлением гравитации стало трудно дышать. Дункан вспомнил о «Советах пассажирам», находящихся справа от обзорного экрана. «Не пытайтесь дышать глубоко. Делайте короткие, но резкие вздохи; это уменьшит напряжение на грудные мышцы». Дункан последовал совету. Дышать сразу стало легче.

Шаттл несколько раз слегка качнуло. Послышался негромкий рокот, по обзорному экрану разлилось пламя. Компьютер тут же переключил «шокирующее» изображение на задний обзор. Там виднелись быстро удаляющиеся каньоны и пустыни. Их сменили озера явно искусственного происхождения. На водной глади белели пятнышки парусных лодок. Дункан сумел разглядеть след от более крупного судна, идущего на большой скорости. Скорее всего, оно не плыло, а неслось над поверхностью озера, хотя с такой высоты казалось неподвижным.

Очередная смена пейзажа была столь внезапной, что застала Дункана врасплох. Наверное, шаттл снова летел над океаном. Однако нет, вода выглядела совсем по-другому. Дункан не сразу понял, что сейчас они летят над лесными массивами центральной части американского Запада.

Вот оно — убедительнейшее доказательство жизни на Земле, да еще в невообразимых для титанца масштабах. Дункан сразу вспомнил про растительность Титана. На всей его родной планете было менее сотни деревьев, которых берегли и холили. А здесь деревья исчислялись миллионами.

В мозгу мелькнули вычитанные где-то слова: «первозданные леса». Должно быть, так в древности выглядела Земля, пока человек огнем и топором не стал уничтожать деревья, освобождая место для пашен и пастбищ. Теперь, после недолгого периода, который окрестили «сельскохозяйственной эрой», бóльшая часть планеты возвращалась к своему изначальному состоянию.

Дункан прекрасно знал, хотя и с трудом верил, что эти «первозданные леса» лишь немногим старше его деда. Всего двести лет назад здесь простирались поля и стояли дома фермеров. А осенью эти поля расцвечивались золотом созревших пшеничных колосьев. (Смена времен года была еще одной местной реальностью, почти не поддававшейся его пониманию...) На Земле и сейчас хватало фермерских хозяйств. Часть из них принадлежала чудаковатым любителям природы, остальные — биологическим исследовательским центрам. Но катастрофы двадцатого века крепко научили людей в отношениях с природой никогда более не полагаться на силу технологии, когда за ничтожную эффективность приходилось платить слишком высокую цену.

Из-за скорости шаттла солнце опускалось за горизонт гораздо быстрее. На несколько секунд оно замерло — и исчезло. Еще через минуту мир внизу погрузился в темноту.

Однако темнота не была кромешной. Ее пронизывала паутина светящихся нитей, простирающихся до горизонта. Иногда три-четыре линии сходились в один светящийся узел; кое-

где светились островки, никак не связанные с общей сетью. Вот и еще одно убедительное доказательство существования разумной жизни. Дункан и не предполагал, что «первозданные леса» окажутся столь населенными. Впрочем, нынешняя иллюминация была более чем скромной. В середине двадцатого века электрическое сияние покрывало миллионы квадратных километров, превращая ночь в день и заслоняя звездное небо.

Где-то в левом углу экрана Дункан вдруг заметил цепочку движущихся огней. Они перемещались не вдоль «паутины», а поверх нее. «Аэроплан»,— догадался Дункан. Пассажирский или грузовой, он летел не быстрее облака. На Титане так не полетаешь. Дункан решил при первой же возможности прокатиться на аэроплане.

А потом внизу появился город. Довольно большой. Наверное, жителей в нем было тысяч сто, никак не меньше. Шаттл летел совсем низко. На обзорном экране проплывали дома, дороги, парки, чаша ярко освещенного стадиона. Должно быть, там сейчас шло какое-то состязание. Вскоре город остался позади. Экран заволокло серым туманом, в котором вспыхивали красноватые молнии. Они летели сквозь грозу — по меркам Титана, весьма заурядную. Раскатов грома слышно не было; внешние звуки не проникали в салон шаттла. Зато в пении двигателей появились новые ноты. Дункан почувствовал, что шаттл быстро снижается. Он не представлял, чем должно сопровождаться приземление. А приземление оказалось почти незаметным: легкий толчок — и на экране появился мокрый бетон, залитый разноцветными огнями. Неподалеку стояли какие-то машины. «Автобусы»,— догадался Дункан. Рядом с ними сновали юркие машинки технической службы, рассекая фарами дождевые струи.

Через тридцать лет Дункан Макензи вернулся в мир, в котором он появился на свет.

Часть 3
ТЕРРА

Глава 17
ВАШИНГТОН, ОКРУГ КОЛУМБИЯ

— Жаль, погода подкачала,— сказал Джордж Вашингтон.— Раньше мы применяли местное управление климатом, но потом решили отказаться.

— Почему? — спросил Дункан.

— Эта система преподнесла нам сюрприз: однажды на День независимости повалил снег. Пришлось даже отменить парад.

Дункан вежливо рассмеялся, не зная, было ли так на самом деле или землянин шутит.

— Ничего страшного,— сказал он Вашингтону.— Для меня это новое ощущение. Я никогда не видел дождя.

Сказанное было почти правдой. Перемещаясь по поверхности родной планеты на вездеходе, он часто попадал в бурю. По внешней стороне ветрового стекла, всего в нескольких сантиметрах от глаз, хлестали ядовитые аммиачные струи. Но здесь с неба струилась безопасная... нет, благословенная вода — источник жизни и на Земле, и на Титане. Там случайно открывшаяся дверца вездехода означала бы мучительную смерть, а здесь... Здесь если он вылезет из машины, то всего лишь промокнет. Однако инстинкты родного мира были сильнее разума. Дункан знал: чтобы выбраться из-под защиты лимузина, он должен сделать над собой усилие.

Да, его везли в настоящем лимузине! Еще один совершенно новый опыт. Дункан впервые путешествовал в таких тепличных условиях, когда спереди от тебя коммуникационная

панель, а сзади — плотно заполненный бар. Поймав его восхищенный взгляд, Вашингтон спросил:

— Впечатляет, правда? Таких машин больше не делают. Это была любимая машина президента Бернстайна.

Нельзя сказать, чтобы Дункан помнил даты жизни всех девяноста пяти президентов, но кое-какое представление о времени правления Бернстайна он имел. Он прикинул возраст машины — и не поверил своим подсчетам.

— Получается, этому лимузину... больше полутораста лет!

— Да, и он прослужит еще столько же. Конечно, кое-что приходится менять. Например, обивку сидений. Ее обновляют каждые двадцать лет. Кстати, это натуральная кожа. Если бы сиденья могли говорить, они бы поведали о разных секретах. В общем-то, они так и делали. Но даю вам честное слово: сейчас все подобные устройства сняты. Все до единого.

— Все до единого? А-а, понимаю, о чем вы,— догадался Дункан.— Но у меня нет никаких секретов.

— Поживете у нас — появятся. Секреты — это наша, так сказать, «местная промышленность». Нехиреющая отрасль.

Пока роскошная старинная машина, повинуясь автоматике, почти беззвучно двигалась по шоссе, Дункан пытался разглядеть места, мимо которых они ехали. Поскольку бесшумных шаттлов еще не изобрели, космопорт находился в пятидесяти километрах от города. Движение на четырехполосном шоссе было на удивление оживленным. Дункан насчитал не менее двадцати машин различных типов и моделей; и хотя все они двигались в одном направлении, шоссе произвело на него тревожное впечатление.

— Надеюсь, все остальные машины тоже снабжены устройствами автоматического управления? — спросил он, не скрывая беспокойства.

Вашингтон недоуменно посмотрел на него.

— Разумеется. У нас уже лет сто как на общественных магистралях запретили ручное управление. Это считается уго-

ловно наказуемым преступлением. Но — увы! Находятся психопаты, которые сами калечатся и калечат других.

Такое признание заинтересовало Дункана. Значит, Земля разрешила не все свои проблемы. В технологическом обществе одной из величайших угроз стал непредсказуемый безумец, переносящий свое подавленное или агрессивное состояние на окружающую технику. Сознательно или неосознанно — это дела не меняло. История последних столетий хранила память об ужасающих техногенных катастрофах, самой известной из которых было разрушение Гондванского реактора, произошедшее в начале двадцать первого века. Поскольку Титан в этом отношении был значительно уязвимее Земли, тема заинтересовала Дункана. Он был бы не прочь продолжить разговор о вопросах технологической безопасности, но не хотел показаться бестактным. Ведь с момента его приземления прошел всего час.

Но даже если бы он и совершил такой faux pas*, его хозяин не показал бы ни малейшего смущения, а плавно перевел бы беседу на другую тему. За короткое время, прошедшее с момента их знакомства, Дункан понял, что Джордж Вашингтон — опытный дипломат. Уверенность, с какой он держался, не была результатом самовоспитания. Недаром его генеалогическое древо уходило на несколько столетий вглубь. Но чего Дункан никак не мог понять, так это внешнего облика землянина. Смуглокожий, элегантно и дорого одетый, Джордж Вашингтон был невысокого роста, лысый и довольно полный. Больше всего Дункана удивляли его лысина и полнота. В двадцать третьем веке и то и другое легко исправлялось. Правда, эти особенности существенно отличали его от остальных людей. Наверное, причина скрывалась в желании Вашингтона выглядеть не так, как все. Эта тема была еще деликатнее вопросов безопасности на дорогах. Дункан понял, что

* Ложный шаг, проступок *(фр.)*.

ее лучше не касаться, пока он как следует не познакомится с Вашингтоном. Возможно, ее лучше не касаться вовсе.

Лимузин ехал по изящному мосту, перекинутому через широкую и довольно грязную реку. Дункан еще никогда не видел настоящих рек с настоящей водой. Однако в дождливый вечер вода показалась ему отталкивающе-холодной.

— Потомак,— пояснил Вашингтон.— Сейчас вам вряд ли понравится эта река. Но в солнечный день, после того как весь ил уйдет вниз по течению... Тогда ее воды сияют голубизной. Даже не верится, что на возрождение Потомака понадобилось двести лет... А это «Уотергейт»*. Не настоящий, конечно. Тот снесли в последние годы двадцатого века, хотя демократы требовали сохранить отель как национальный памятник... Зато Центр Кеннеди** сохранился в более или менее первоначальном виде. В прошлом находились архитекторы, предлагавшие свои проекты реставрации Центра. Но потом это стало считаться дурным вкусом. Зачем подновлять историю?

Они ехали по Вашингтону, все еще купающемуся в лучах былой славы (хотя дождливая погода несколько портила впечатление). Дункан читал, что за триста лет город мало изменился. Так оно и было. Большинство правительственных и общественных зданий бережно сохранялись, поэтому, как утверждали критики, Вашингтон представлял собой крупнейший в мире «жилой музей».

Вскоре машина свернула в проезд между красивыми, тщательно ухоженными лужайками. С приборной панели лимузина донеслось негромкое «бип-бип», а под рулевым колесом вспыхнул сигнал: «ПЕРЕЙТИ НА РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ». Джордж Вашингтон опустил руки на руль. Скорость

* «Уотергейт» — комплекс деловых и гостиничных зданий, построенный в 1967 г. Приобрел всемирную известность в связи с политическим скандалом, разразившимся в 1973–1974 гг. и повлекшим импичмент тогдашнего президента Ричарда Никсона.

** Центр Кеннеди — расположенный неподалеку от «Уотергейта» центр сценического и музыкального искусства. Построен в 1971 г.

понизилась до двадцати километров в час. Машина неспешно катилась мимо цветочных клумб и замысловато подстриженных кустов. Проехав еще немного, Вашингтон затормозил у крыльца старинного здания, которое было слишком велико для частного дома и слишком мало для отеля. Тем не менее это был отель, о чем свидетельствовала замысловатая надпись, выполненная старинными, трудночитаемыми буквами на фронтоне крыльца: «ОТЕЛЬ “СТОЛЕТИЕ”».

Похоже, профессор Вашингтон обладал сверхъестественной способностью предупреждать вопросы.

— Это здание построил в конце девятнадцатого века один железнодорожный король. Казалось бы, забота о Конгрессе. Здесь останавливались конгрессмены и высокопоставленные гости. Но эта забота принесла королю железных дорог несколько тысяч процентов прибыли. На время торжеств наш комитет снял все здание. Большинство официальных гостей мы разместим здесь.

Здесь Дункан в очередной раз был удивлен, даже ошеломлен. На Титане детей с ранних лет учили все делать самостоятельно. Обслуживанием занимались сервомеханизмы, но никак не люди, и слово «слуга» Дункан привык считать достоянием истории. И вдруг к нему подбежали двое чернокожих людей в вычурных старинных одеждах. Они взялись нести его скромный багаж. Один из швейцаров (в памяти Дункана всплыло другое старинное слово) обратился к нему на приятном, мелодичном языке. Дункан не понял ни единого слова.

— По-моему, вы переигрываете, Генри,— с легким упреком заметил ему профессор Вашингтон.— Возможно, вы прекрасно владеете условным языком рабов, но какой от него толк, если ваши слова понимает лишь горстка историков лингвистики? Кстати, где вы раздобыли этот грим? Думаю, мне он тоже понадобится.

Человек, которого звали Генри, что-то ответил, но Дункан опять ничего не разобрал. Пока они с Вашингтоном под-

нимались в кабинке лифта, похожей на золоченую птичью клетку, тот сказал:

— Боюсь, профессор Мерчисон слишком глубоко проникся духом тысяча семьсот семьдесят шестого года. Однако это свидетельствует об очевидном прогрессе. Если бы лет двести назад ему предложили сыграть роль своего бесправного предка — пусть всего лишь на время торжеств,— он бы расшиб вам голову. А сейчас — сейчас он просто наслаждается своей ролью, и мы бы ни за что не смогли уговорить его вернуться в аудитории Джорджтаунского университета.

Вашингтон взглянул на свою пухлую шоколадно-коричневую руку и вздохнул.

— Становится все труднее и труднее найти человека с настоящей черной кожей. Поверьте, я вовсе не расовый сноб,— поспешно добавил он,— но мне будет грустно, когда у всех нас окажется одинаковая темноватая кожа. Думаю, вы сознаете свое неоспоримое преимущество.

От удивления Дункан едва не раскрыл рот. Цвет собственной кожи заботил его не больше, чем цвет собственных волос. Просто никто и никогда не заострял внимания ни на том ни на другом. Дункан вообще не думал о себе как о чернокожем. Только сейчас он заметил (не без удовольствия), что кожа у него темнее, чем кожа Джорджа Вашингтона, потомка африканских правителей.

Когда Вашингтон распрощался и оставил его в гостиничном номере, Дункан облегченно вздохнул. Теперь можно не заботиться об учтивом выражении лица и не думать над каждой фразой. А главное — не делать вид, что бодро держишься, когда в действительности едва стоишь на ногах. Дункан рухнул в одно из невообразимо мягких кресел. Спинка кресла покорно откинулась назад, словно эта мебель была специально сконструирована для обитателей планет с пониженной гравитацией. Вашингтон оказался заботливым и предусмотрительным хозяином. Но Дункан знал: пройдет немало времени, прежде чем он освоится в этом мире.

Гравитация, конечно же, была самым убедительным напоминанием, что он не на Титане. Однако существовали и десятки других, ощущаемых не столь резко. Взять хотя бы величину этой комнаты. По титанским меркам она была просто огромной, а такую роскошную мебель Дункан видел только в исторических пьесах. Впрочем, он и сам сейчас находился в гуще истории. Здание отеля строили во времена, когда не то что ракеты — самолеты считались техническим курьезом. И в убранстве номера господствовали вещи той эпохи. Шкафы, полные изящной стеклянной посуды, живописные полотна, старомодные фотографии чопорных, давно забытых знаменитостей. Возможно, среди них были и снимки того, настоящего Вашингтона... Нет, здесь он хватил через край. Фотография появилась уже после смерти первого президента Соединенных Штатов. Дункан разглядывал тяжелые портьеры. Конечно, на Титане ничего подобного не было и быть не могло. Даже на уровне голографических изображений, хранящихся в Центральной библиотеке.

Коммуникационная консоль была значительно моложе шкафов и портьер, но и ее возраст насчитывал не менее ста лет. Она состояла из знакомых Дункану элементов: серого экрана, буквенно-цифровой клавиатуры, видеокамеры и звуковых колонок. Старомодный вид выдавал их возраст. Почувствовав, что ему хватит сил добраться до консоли, Дункан поднялся, осторожно ступая, прошел туда и плюхнулся в менее мягкое и удобное кресло.

Тип устройства и серийные номера, как обычно, находились сбоку. Вот и дата: 2183 год. Значит, он правильно угадал: консоли почти сто лет. Дункан оглядел консоль. Никаких следов изношенности, если не считать слегка стертой поверхности на клавишах букв Е и А. Впрочем, откуда взяться износу, если во всем устройстве ни одной движущейся части?

Коммуникационная консоль стала для Дункана еще одним ощутимым напоминанием, что Земля — древний мир и

здесь умеют сохранять прошлое. И всегда умели, если не считать нескольких столетий неразумного потребления, когда главным критерием была новизна вещей. Но времена подобного расточительства давно миновали. Сейчас, если устройство работало нормально, его не торопились менять только из-за устаревшего внешнего вида. Другое дело, если оно ломалось или если появлялось кардинально новое поколение устройств. Конфигурация консоли (особенно ее домашнего варианта) сложилась еще в начале двадцать первого века. Дункан был готов держать пари, что на Земле есть консоли, исправно работающие более двухсот лет.

Более двухсот лет. А ведь это даже меньше, чем десятая часть мировой истории. Впервые в жизни на Дункана навалилось сознание собственной никчемности. До сих пор он скорее в шутку думал, что терранцы сочтут его варваром с задворок Солнечной системы. Сейчас же он с горечью признавался себе, что в этой шутке есть солидная доля правды.

Глава 18
ПОСОЛЬСТВО

Мини-секретарь, или просто минисек,— портативный компьютер — был прощальным подарком Колина. Дункан еще не успел познакомиться со всеми функциями этой маленькой, но чрезвычайно удобной и полезной штучки. Минисек был старым, но работал исправно, и Колин не без некоторого сожаления расстался со своим верным помощником. Он сопровождал Макензи-среднего повсюду. Вполне естественно, что с годами футляр минисека несколько обтрепался и кое-где покрылся пятнами. По меркам Земли отцовский подарок был недостаточно элегантен — это Дункан понял в первый же день.

Минисек имел стандартные размеры и легко умещался на ладони взрослого человека. Если не особо присматриваться, внешне компьютер мало чем отличался от старинных элек-

тронных калькуляторов, появившихся в последнюю треть двадцатого века. Но это только внешне. Минисек на много порядков превосходил их по своим возможностям и быстродействию и был гораздо удобнее. Дункан вообще не представлял себе жизнь без таких помощников.

Поскольку человеческие пальцы за три века не стали тоньше и изящнее, клавиши минисека имели те же размеры, что и его далекие предки. Клавиш было пятьдесят, зато функций — практически неограниченное количество. Минисек мог работать в нескольких режимах, и обозначения на каждой клавише менялись сообразно выбранному режиму. Если был выбран буквенно-цифровой режим, на двадцати шести клавишах появлялись буквы латинского алфавита, а на десяти других — цифры от нуля до девяти. Стоило переключиться на математический режим, и буквы исчезали, а вместо них появлялись знаки «×», «+», «÷», «−», «=» и знаки всех стандартных математических функций.

Следующим режимом был словарь. Минисек хранил в своей памяти свыше ста тысяч слов. Экран превращался в страницу словаря, имеющую традиционные три столбца. Для поиска и перелистывания существовали особые кнопки. Часы/календарь тоже отображали свои данные на миниатюрном дисплее. Однако объемы информации бывали настолько велики, что порою требовался экран бóльших размеров — вплоть до экрана коммуникационной консоли. Для этого у минисека имелся оптический интерфейс — крошечный приемно-передающий глазок. Он работал на длинных волнах ультрафиолетового диапазона, и пока он и сенсорное устройство консоли «видели» друг друга, между ними происходил обмен информацией со скоростью несколько мегабайт в секунду. Это предохраняло память минисека от переполнения; в любое время что-то можно было перебросить на стандартную консоль и надежно сохранить. Если же на минисеке требовалось выполнить определенный вид работы, для нее с консоли загружалась вся необходимая информация.

Сейчас Дункан использовал минисек для простейшей работы — записи речи, что для такого могучего малыша было почти оскорблением. Младший Макензи был один на громадной, незнакомой и, что скрывать, чужой ему Земле. Даже неуклюжие тезисы приветственной речи, которые он собирался наговорить, не должны стать достоянием других людей. А уж тем более — его звуковой дневник. Здесь ему понадобится то, чем на Титане он почти не пользовался,— установление пароля для доступа к информации.

Лучшим паролем будет какое-нибудь простое слово, которого нет в памяти минисека. У него есть такое слово! Слово, которое он знает очень давно и которого не было и не могло быть в памяти его умной игрушки.

Дункан быстро набрал: «KALINDY», намеренно сделав ошибку и написав это слово через «К», а не через «С», как оно в действительности писалось. Следуя инструкции, он ввел слово еще раз и получил подтверждение, что пароль сохранен. Затем он прикрепил себе на рубашку миниатюрный микрофон, произнес несколько проверочных слов и убедился, что минисек воспроизводит запись только после набранного пароля.

На Титане Дункан никогда не вел дневник, будь то звуковой или традиционный, на бумаге. Но здесь все обстояло иначе. Вскоре он начнет встречаться с разными людьми и ездить по разным местам. За несколько недель он увидит, услышит и узнает больше, чем за все годы своей жизни. Если не сохранить впечатления, они быстро потускнеют и изгладятся из памяти. Дункан твердо решил записывать все, что только сможет. В будущем эти записи станут его бесценным сокровищем. Он даже представил себе, как в возрасте Малькольма сидит и слушает слова, доносящиеся из далекой молодости...

«Двенадцатое июня две тысячи двести семьдесят шестого года. Я все еще приспосабливаюсь к земной гравитации. Сомневаюсь, что сумею полностью адаптироваться к земным условиям. Я уже могу провести на ногах целый час, не испытывая особой боли в ногах. Вчера я видел прыгающего человека. Я не поверил своим глазам...»

«Джордж — он чертовски предупредителен — нашел мне массажиста. Не знаю, поможет ли мне массаж, но ощущения очень интересные».

Дункан остановил запись, уловив в своих словах некоторую недосказанность. На Титане ручной массаж был редкостной роскошью, и Дункан знал о нем лишь понаслышке. Массажист Берни Патрас оказался приятным молодым человеком. Он держался с Дунканом просто и естественно, не выказывая ни малейшего превосходства. Патрас прекрасно знал физиологию человека. Он специализировался на работе с жителями других планет и дал Дункану несколько ценных советов по поводу адаптации к земному тяготению. Все «недуги гравитации» лечились одним универсальным средством.

— Постарайтесь хотя бы один час в день проводить в ванне,— посоветовал ему Берни.— Особенно это важно в первый месяц вашего земного пребывания. Я представляю, насколько плотным будет ваш график, но ни в коем случае не пренебрегайте ванной. И потом, там ведь тоже можно работать. Например, читать или что-то надиктовывать. Посол Луны даже брифинги проводит, едва высовывая нос из воды. Говорил мне, что так ему лучше думается...

Наверное, описанное зрелище было весьма недипломатичным. Единственным в своем роде даже для этого города, который чего только не видел...

«Я уже целых три дня как на Земле, но только сегодня у меня появились силы, намерение и возможность упорядочить свои мысли. Клянусь: с этого дня я буду делать записи ежедневно...»

«На следующее утро после моего прилета Джордж — его все зовут здесь только так — отвез меня в наше посольство. Оно находится в нескольких сотнях метров от отеля. Посол Роберт Фаррел извинился, что не смог встретить меня в космопорту. "Если вы попали в руки к Джорджу,— сказал он,—

мне не о чем беспокоиться. Профессор Вашингтон — просто гений организованности". Вскоре Джордж покинул нас, и мы долго говорили с глазу на глаз».

«С Бобом Фаррелом мы встречались три года назад, когда он прилетал на Титан. Посол хорошо меня помнит. Так это или нет, но говорил он вполне убедительно. Возможно, умение производить нужное впечатление — неотъемлемое искусство каждого дипломата. Фаррел держался очень дружелюбно, всем своим видом выражая готовность помочь. Тем не менее мне показалось, что он что-то недоговаривает и исподволь старается что-то от меня узнать. Я понимаю двойственность его положения: будучи терранцем, представлять интересы другой планеты. Когда-нибудь у нас из-за этого могут возникнуть трудности, но пока что заменить Фаррела некем. Никто из титанцев не смог бы постоянно жить на Земле...»

«К счастью, никаких острых неотложных проблем пока не вырисовывается. До начала восьмидесятых годов "Соглашение о поставках водорода" пересматриваться не будет. Но есть десятки мелких вопросов, список которых я передал Фаррелу. Например: можем ли мы быстрее получать заказываемое оборудование; как можно оптимизировать графики поставок; почему буксует новый обмен студентами — и так далее. Фаррел пообещал свести меня с нужными людьми, способными разрешить эти проблемы. Но я намекнул ему, что хотел уделить какое-то время знакомству с Землей. И потом, он ведь не только наш человек в Вашингтоне, но и полномочный представитель на всей планете...»

«Похоже, Фаррел изрядно удивился, узнав, что я намереваюсь провести здесь около года. Думаю, пока лучше не раскрывать ему главной причины. Впрочем, наверное, он и так догадается. Когда он тактично поинтересовался моим бюджетом, я сообщил ему о любезности, оказанной мне Комитетом по празднованию пятисотлетия Соединенных Штатов, а также добавил, что на счету Макензи во Всемирном банке имеется определенная сумма, которой я намерен воспользоваться. "Понимаю,— сказал Фаррел.— Старине Малькольму сейчас должно быть больше ста двадцати. Даже на Земле люди стараются понадежнее упрятать денежки, чтобы Общественному фонду досталось как можно меньше". Я не совсем понял, о чем речь, но расспрашивать не стал. Затем Боб (правда, без особого энтузиазма) сообщил, что любой персональный счет можно на законных основаниях завещать посольству для оплаты его текущих расходов. Я дипломатично ответил, что мысль интересная и что я обязательно ее запомню...»

«Фаррел вызвался помогать мне во всем, что касается составления приветственной речи. Очень любезно с его стороны. Я сообщил ему, что продолжаю работать над речью. По словам Фаррела, окончательный проект желательно завершить к концу июня, чтобы у всех влиятельных комментаторов было время заранее с ним ознакомиться. В противном случае моя речь рискует потонуть в словесных потоках великого июльского дня. Очень ценный совет, сам бы я не догадался. Потом я спросил: "А разве другие гости не поступят аналогичным образом?" — "Конечно,— ответил наш посол.— Но у меня есть хорошие друзья во всех средствах массовой информации. К тому же Земля проявляет большой интерес к Титану. Вы и по сей день остаетесь бесстрашными первопроходцами, прорубающими путь человеческой цивилизации в дальнем уголке Солнечной системы. По правде говоря, на Земле мало кто горит желанием влиться в ваши ряды. Но нам нравится слушать рассказы первопроходцев". Мне показалось, что мы неплохо понимаем друг друга, и я рискнул спросить Фаррела: "А что, Земля действительно приходит в упадок?" На мой вопрос он усмехнулся и быстро ответил: "Нет, *мы* не в упадке". Затем помолчал и добавил: "Но со следующим поколением на Землю придет упадок". Знать бы, какова доля правды в его шутке...»

«Потом мы минут десять говорили об общих друзьях. Он вспомнил Хелмеров, Вонгов, Морганов и Ли. Похоже, он хо-

рошо знает всех влиятельных людей Титана. Наконец Фаррел спросил меня о бабушке Элен, и я ответил, что она такая же, как всегда. Он правильно понял мой ответ... На этом наша беседа с послом окончилась. Вернулся Джордж и повез меня на свою ферму... Я впервые увидел местность, по которой можно ходить без кислородной маски и специального костюма. Это впечатление я перевариваю до сих пор...»

Глава 19
МАУНТ-ВЕРНОН

— Не стоит слишком уж всерьез относиться к программе торжеств,— посоветовал Дункану Джордж Вашингтон.— Ее до сих пор окончательно не утрясли. Чуть ли не каждый день какие-нибудь изменения. Но ваши основные встречи — я их пометил — меняться не будут. Особенно четвертого июля.

Дункан перелистал небольшой буклет, врученный ему Джорджем в салоне лимузина. Ему стало не по себе. Страницы изобиловали именами, адресами и датами всевозможных торжественных встреч, приемов, балов и концертов. Похоже, в начале июля люди будут спать лишь урывками. Понимая, сколько обязательных церемоний выпадает на долю Клэр Хансен, он искренне посочувствовал нынешнему президенту Соединенных Штатов.

Как ему объяснил Джордж, госпожа Хансен удостоилась в этом году особой чести быть президентом не только Соединенных Штатов, но и президентом Земли. Разумеется, сама она ни о том ни о другом не просила. Если бы она предложила свою кандидатуру... точнее, если бы ее лишь заподозрили в этом, политическая карьера Клэр Хансен тут же закончилась бы раз и навсегда. В течение последних ста лет практически все политические руководители высшего ранга избирались не людьми, а компьютером. Составлялся список кандидатур, пригодных для той или иной должности. Выбор, сделанный электронными мозгами, был произвольным и совершенно беспристрастным. Людям же понадобилось несколько тысяч лет, чтобы убедиться: есть должности, где категорически не должны работать люди, стремящиеся к подобному виду деятельности. В особенности если они проявляют излишний энтузиазм. Один проницательный политический комментатор как-то остроумно сказал об этом: «Нам нужен президент, которого придется чуть ли не палкой загонять в Белый дом, но который будет прекрасно справляться со своими обязанностями и даже получит дополнительный отпуск за свое усердие».

Дункан отложил буклет. У него еще будет время прочитать эту книжицу от корки до корки. А сейчас он должен, так сказать, весь обратиться в зрение, чтобы впитывать и запоминать просторы планеты Земля, одновременно наслаждаясь ясным солнечным днем.

Но вместо наслаждения Дункан столкнулся с новой проблемой. Он еще никогда не видел столь яркого солнечного света. Нестерпимое сияние его ошеломило и даже испугало. Теоретически Дункан знал, что на Земле яркость солнечного света раз в сто выше, чем на Титане. Но он слишком привык видеть скромную далекую звездочку, и то в редкие ясные дни. Пока лимузин неслышно несся через предместья Вашингтона, Дункан нацепил специальные очки и подобрал себе комфортный уровень затемнения.

Здесь он был как новорожденный младенец, впервые увидевший окружающий мир. Многих предметов, попадавших в поле зрения, он просто не знал; иные узнавал, пробудив в памяти прочитанное и увиденное. Впечатления напирали на него со всех сторон, не давая передохнуть. Дункан был близок к отчаянию и уже собирался просто закрыть глаза, когда явилась спасительная мысль: эту лавину образов нужно упорядочить. Сосредоточиться на какой-то одной категории предметов, а все остальные игнорировать, как бы они ни пытались завладеть его вниманием.

Он решил сосредоточиться на деревьях. Опять-таки теоретически Дункан знал: на Земле растут миллионы деревьев.

Но тогда они были для него чем-то отвлеченным, не более чем картинками из учебника ботаники. А здесь — такое разнообразие пород, и все они отличаются видом, размерами и цветом листьев. Каждая порода имела свое название, которого он не знал. Дункан со стыдом подумал, что не знает названий даже тех нескольких деревьев, что росли в его родном Меридиен-парке. Здесь же перед ним разворачивалась целая древесная вселенная. С незапамятных времен она сопровождала земное человечество. Увы, он мог лишь очумело молчать, поскольку в его языке не хватало нужных слов.

Еще одним потрясением стали цветы. Вначале Дункан не мог понять, что это за пестрые пятна, затем догадался. Цветы росли и в искусственных городах Титана, но скромными клумбочками. Как и деревья, они были очень дорогими и требовали к себе постоянного внимания. А в окрестностях Вашингтона цветы росли сами по себе, поражая еще бóльшим разнообразием, чем деревья. И снова ему оставалось только глазеть, ведь он не знал названия ни одного цветка. Окружающий мир был полон невыразимых красот. Невыразимых в полном смысле этого слова. Летя сюда, Дункан считал, что земные впечатления вызовут в нем если не восторг и удивление, то хотя бы тихую, спокойную радость. Но подавленности от впечатлений он никак не ожидал...

— А это что? — вдруг воскликнул Дункан.

Вашингтон торопливо повернулся и увидел рыжий комочек, проскочивший через дорогу.

— Белка. Их в окрестных лесах полно. Обожают перебегать дорогу. А машину, сами понимаете, мгновенно не остановишь. Сколько ни бьемся, ничего пока не придумали.

Он помолчал и негромко спросил:

— Вы, наверное, никогда не видели белок?

Дункан невесело рассмеялся.

— Я вообще не видел никаких животных, кроме человека.

— Так значит, у вас на Титане нет даже зоопарка?

— Нет. Разговоры о его создании тянутся годами, но возможные последствия всегда перевешивают. И если уж совсем откровенно, многие боятся, не случилось бы беды. Вы, наверное, знаете, как в одном из лунных городов расплодились крысы?

Вашингтон кивнул.

— У нас это излюбленный довод противников устройства зоопарка. Но еще сильнее у нас боятся насекомых. Если бы обнаружилось, что какой-нибудь блохе удалось миновать карантинный контроль, Титан охватила бы настоящая паника. Мы привыкли жить в чистом, стерильном мире и хотим, чтобы он и дальше оставался таким.

Профессор хмыкнул.

— Тогда вам будет непросто привыкнуть к нашему грязному миру, где в довершение полно разных микроорганизмов. Но самое смешное — последние сто лет все чаще раздаются жалобы, что Земля стала слишком чистой и опрятной. Глупость, конечно. Сейчас у нас гораздо больше дикой природы, чем тысячу лет назад.

Машина въехала на вершину пологого холма, и Дункан впервые увидел земные просторы во всей их широте. Он прикинул расстояние до линии горизонта: никак не меньше двадцати километров. Пространствами его было не удивить; он привык к ним на Титане. И величественностью зрелища — тоже. Но любая прогулка по поверхности Титана всегда была выходом во враждебный мир и требовала надежных средств защиты. А тут... можно идти километр за километром и свободно дышать, не опасаясь, что аммиак сожжет твои легкие. От неожиданной свободы у Дункана закружилась голова.

Но еще большее головокружение испытывал он, поднимая глаза к небу. Никакого сравнения с низкими малиново-красными небесами Титана. Странно: он пролетел половину Солнечной системы, однако космос не давал такого ощущения безграничности, какое он испытывал сейчас, глядя на белые облака, плывущие по голубому океану. Вот где насто-

ящая безграничность! Сколько бы Дункан ни твердил себе, что до облаков всего каких-то десять километров: для космического корабля это даже не миг, а миг мига,— тем не менее безграничность звездных полей Млечного Пути меркла перед безграничностью воздушной бездны.

Дункан Макензи, родившийся на Земле, впервые видел ее леса и поля под голубым куполом. Легче всего было постичь необозримость ее пространств, взяв за единицу измерения самого человека. Дункан никак не ожидал, что именно здесь вдруг поймет смысл загадочных слов Роберта Кляйнмана, которые тот произнес незадолго до полета на Сатурн: «Космическое пространство невелико, вот планеты — они большие».

— Попади вы сюда лет триста назад, вас бы постигло разочарование,— церемонно и с нескрываемым удовольствием произнес профессор Вашингтон.— Восемьдесят процентов земель занимали дома и автомагистрали. Сейчас эта цифра понизилась до десяти процентов, хотя мы находимся в одном из самых индустриально развитых регионов континента! Нам понадобилось немало времени, но мы все-таки разгребли помойку, оставленную в наследство двадцатым веком. Правда, не целиком: кое-что решили сохранить в назидание потомкам. В Пенсильвании есть парочка типичных «стальных городов». Советую там побывать. Получите сильное отталкивающее впечатление. Обычно дважды туда не ездит никто.

Дункан силился вспомнить все, что он знал о загрязнении окружающей среды на Земле. Джордж между тем продолжал свой монолог.

— Мне не впервые приходится общаться с жителями других планет. И знаете, какую общую закономерность я обнаружил? — с некоторой грустью спросил он.— Я подробно рассказываю гостям о том, что они прекрасно знают и сами, но не подают виду и из вежливости слушают меня. Пару лет назад я вез по этой дороге специалиста по статистике из лунного города в Море Спокойствия. Прочитал ему целую лекцию

об изменениях в динамике народонаселения, происходивших в нескольких здешних штатах на протяжении последних трехсот лет. Мне казалось, ему будет интересно. И действительно, он слушал, показывая живейший интерес. А потом... Как правило, я предварительно стараюсь узнать, чем занимается мой потенциальный гость. Чем, так сказать, он знаменит. Я называю это «домашним заданием». Но тогда я позволил себе поступить как классический школяр древности. Я махнул рукой на «домашнее задание», за что и поплатился. Мой лунный гость детально занимался динамикой народонаселения и написал блестящую работу. Потом он прислал мне свою книгу, снабдив ее весьма остроумным посвящением.

Подумав над услышанным, Дункан решил, что «домашнее задание» по нему профессор Вашингтон приготовил добросовестно.

— Я совершенно ничего не смыслю ни в динамике народонаселения, ни в проблемах защиты окружающей среды,— признался он своему гостеприимному хозяину.— Но, думаю, кое-что из наших технологий могло бы найти применение и на Земле. Например, добыча полезных ископаемых способом плазменного расплава.

— Здесь уже я ничего не смыслю, но, возможно, вы правы. Правда, есть один момент. Вам на Титане приходится жить в совершенно иных условиях. Каждый кубический метр пространства имеет ценность. Пустоты, остающиеся после разработок, вы умело приспосабливаете под свои нужды. Что-то выбрасываете на поверхность, поскольку ценности для жизни она все равно не имеет. Знаете, к концу двадцатого века человечество настолько загадило Землю, что стало строить подземные дома. Не удивляйтесь, комфортабельные подземелья ценились выше обычных домов. Чистота, кондиционированный воздух, а вместо окон — обзорные экраны. К счастью, это помрачение ума прошло.

Лимузин начал сбрасывать скорость. С широкой, обсаженной деревьями дороги он свернул на другую, не столь широкую. Здесь скорость опять возросла. Вскоре дорога превра-

тилась в едва заметную колею среди травы. На приборной доске зажглась надпись: «РУЧНОЕ УПРАВЛЕНИЕ». К тому времени руки Вашингтона уже лежали на рулевом колесе.

— У меня было несколько причин везти вас на ферму,— вновь заговорил Джордж.— Скоро начнут съезжаться гости, и в жизни каждого из нас станет больше суеты. Возможно, здесь у нас будет единственная возможность спокойно обсудить программу вашего визита. Вторая причина: на ферме вы больше узнаете о земной жизни и быстрее адаптируетесь к ней. И третья: простите мое тщеславие, но я очень горжусь этим местом и всегда с удовольствием показываю его инопланетным гостям.

Машина подъехала к каменной стене, протянувшейся на несколько сотен метров. Скорее всего, ее выкладывали вручную. Дункан смотрел на массивные камни, прикидывая, сколько времени могла занять такая работа. Результат подсчета его ошеломил, и он решил, что где-то допустил ошибку.

Ворота в стене были сделаны из настоящего некрашеного дерева. Дункана поразила фактура древесины. Створки ворот автоматически раскрылись, но он успел прочитать надпись на табличке.

— Но я думал...— растерянно начал Дункан.

Джордж Вашингтон слегка смутился.

— Простите, это моя маленькая шутка,— сознался он.— Настоящий Маунт-Вермонт находится в пятидесяти километрах к юго-востоку отсюда. Вам обязательно нужно там побывать.

«Вам обязательно нужно там побывать». Дункан догадывался, что эту фразу он будет слышать, пока не настанет время возвращаться на Титан.

За воротами дорога вновь обрела твердое гравийное покрытие. По обе стороны тянулись ровные прямоугольники полей. Часть из них была вспахана. На одном поле работал трактор, управляемый не автоматикой, а человеком. Дункану показалось, что он переместился на триста лет назад.

— Можете сказать, что здесь растет? — спросил профессор.

— Увы, нет. Для меня это просто трава.

— В определенном смысле злаки и есть трава. Мы здесь выращиваем ячмень, кукурузу, пшеницу, овес. Только риса нет. Ему нужны иные условия.

— Но зачем вам это? Для научных целей? — недоумевал Дункан.— Реконструкция прошлого? А эффективность такого хозяйства? Наверное, чтобы прокормить одного человека, нужен квадратный километр полей.

— Можете считать, что это дань Сатурну, но не планете, а богу древних. Он у них являлся покровителем земледелия. Насчет эффективности вы ошиблись. Если бы понадобилось, эта небольшая ферма легко смогла бы прокормить пятьдесят человек. Правда, их диета была бы весьма однообразной.

Но Дункан уже забыл про ферму и поля.

— Бог мой, а это что?

— Не пытайтесь меня уверить, что не знаете этого зверя!

— Знаю, конечно. Это лошадь. Но чтобы такая громадная...

— Отлично понимаю ваши чувства. Насчет громадности... подождите, пока увидите настоящего слона. Однако в чем-то вы правы. Пожалуй, Шарлемань — самый крупный из нынешних коней. Он из породы першеронов и весит больше тонны. Его предки носили на себе рыцарей в полном боевом облачении. Хотите с ним познакомиться?

Дункан собрался ответить: «Не сейчас», но было поздно. Джордж остановил машину, и массивный конь медленно направился в сторону лимузина.

До этого момента они ехали с закрытыми окнами и работающим кондиционером. Но теперь окна опустились, и в ноздри Дункану ударил терпкий воздух «первозданной Земли».

Профессор Вашингтон перегнулся через своего струхнувшего гостя и выставил в окно ладонь, на которой, как по волшебству, появились два больших куска сахара. Нежно, слов-

но это был девичий поцелуй, губы коня коснулись профессорской руки, и лакомство исчезло в пасти Шарлеманя. Большущий глаз (Дункану он показался величиной с кулак) спокойно и даже ласково уставился на гостя. Убедившись, что сахара больше не будет, конь отошел. Дункана разобрал нервный смех.

— Чему вы смеетесь? — удивился профессор.

— А вы взгляните на ситуацию моими глазами. Я только что встретился с чудовищем-из-внешнего-мира. Слава богу, дружественно настроенным.

Глава 20
ВКУС МЕДА

— Надеюсь, вы хорошо выспались? — спросил Джордж Вашингтон, когда они с Дунканом вышли на утреннюю прогулку.

— Вполне, благодарю вас,— вежливо соврал Дункан, подавляя зевоту.

На самом деле его ночь в усадьбе Вашингтона здорово напоминала первую ночь на борту «Сириуса». Единственная разница — на корабле все звуки были механического происхождения. Здешняя гамма звуков принадлежала неизвестным Дункану живым существам.

Он допустил большую ошибку, не закрыв на ночь окно. Но откуда он знал, что будет так? Тем более накануне Джордж сказал ему:

— В это время года мы не нуждаемся в кондиционерах. Признаться, у нас на ферме их и нет. Раньше люди великолепно обходились без кондиционеров. Скажу вам больше: здешние фермеры отличались изрядным консерватизмом. Кое-кто унаследовал их привычки. У меня есть соседи, семейство Риджентов. Их дому четыреста лет. Они почти не пользуются даже электричеством, потому что оно нарушает «дух дома». Если ночью вы вдруг замерзнете, в шкафу лежат дополнительные одеяла. Способ примитивный, но вполне надежный.

Дункан не замерз. Ночь была теплой. Но звуки...

Первым он услышал приглушенный топот. Должно быть, Шарлеманю не спалось, и он носил свою тонну мускулов по окрестным полям. Затем совсем рядом, буквально за окном, что-то зашуршало. Раздался писк и вдруг оборвался на высокой ноте. Скорее всего, какой-то маленький зверек встретил свой преждевременный конец, послужив кому-то поздним ужином.

Наконец Дункану удалось задремать, а потом... На «Сириусе» его вышиб из дремы шум туалета. Здешнее ощущение было куда страшнее. Дункан замер от ужаса: в темном пространстве спальни кто-то летал!

Неизвестное существо двигалось почти бесшумно и с удивительной скоростью. Легкое шуршание крыльев сопровождалось едва слышимым писком. Все это было настолько невероятно, что Дункан засомневался в реальности происходящего. А может, ему почудилось? Еще через несколько минут он убедился: не почудилось. По спальне действительно летало какое-то существо. Но как оно ухитряется не натыкаться в темноте на мебель?

Размышления притушили его страхи, хотя не настолько, чтобы встать и включить свет. Вместо этого Дункан поступил так, как поступает любой здравомыслящий человек: он спрятался под одеялом и стал ждать. Сделав еще несколько кругов по комнате, существо вылетело в окно. Собравшись с духом, Дункан выбрался из кровати и захлопнул окно. Но еще не один час успокаивались его взбудораженные нервы.

При ярком утреннем солнце все ночные страхи показались ему глупыми и пустыми (наверное, такими они и были), и он решил не рассказывать Джорджу о ночном визитере. Должно быть, какая-то ночная птица или крупное насекомое. И чего он испугался? Он ведь знал, что на Земле не осталось опасных животных. Исключение составляли несколько специальных, тщательно охраняемых заповедников.

Однако те существа, что паслись на ближайшем лугу, выглядели не особо дружелюбно. И в отличие от Шарлеманя природа снабдила их «встроенным» оружием — рогами.

— А этих милашек узнаёте? — с некоторым сомнением спросил у него Джордж.

— Я не особо силен в терранской зоологии. Дайте вспомнить. Четвероногие, копытные, но с рогами. Стало быть, это... коровы?

— Это действительно коровы. Но, должен вам заметить, не у всех коров бывают рога. И по части лошадей вы не совсем правы. Водились когда-то однорогие лошади. Очень своенравные. Справиться с ними могли только девы из какого-то загадочного племени. Потом девы исчезли — а с ними исчезли и рогатые лошади.

Дункану показалось, что это не более чем шутка, умело замаскированная под исторический факт. В следующее мгновение он начисто забыл и про дев, и про рогатых лошадей. Его вниманием завладело удивительное летающее создание.

Размах крыльев этого чуда не превышал десяти сантиметров. Оно летало без всякой видимой цели. Казалось, оно вот-вот опустится на кустик или на траву, но в последнюю секунду странное существо меняло свое решение и снова взмывало в воздух. Существо сверкало всеми цветами радуги, словно летающий драгоценный камень. Его красота заворожила Дункана. Следом явилось недоумение: ради чего природа наделила это создание такой яркой, вызывающей красотой?

— Что это? — спросил Дункан, не сводя глаз с порхающего феномена.

— Обыкновенная бабочка.

Но Дункан почти не слышал ответа. Радужное создание заставило его позабыть о коварстве земного тяготения, пленником которого он являлся. Дункан побежал за бабочкой и... случилось неминуемое.

К счастью, он упал в густую траву.

Через полчаса, чувствуя себя вполне сносно, хотя и несколько одураченным, Дункан сидел в старинном фермерском доме. Правая нога с повязкой на лодыжке покоилась на старинном табурете. Дункан смотрел, как миссис Вашингтон и двое ее младших дочерей готовят ланч. Его, словно воина, раненного на поле битвы, принесли сюда двое дюжих фермеров. Инопланетный гость не был для них тяжелой ношей. От фермеров исходили разнообразные незнакомые запахи. Впрочем, один запах он узнал — слабый, но ощутимый запах конского пота.

«Как они живут в этом музее?» — думал он, разглядывая убранство гостиной. Тут только и следи, чтобы не сломать какую-нибудь бесценную реликвию вроде старинной деревянной прялки. Миссис Вашингтон показала Дункану, как на ней прядут... И в то же время Джордж был прав. Понять прошлое Земли можно, лишь погрузившись в быт минувших веков. Как ни странно, многим людям и сейчас нравился такой образ жизни. Во всяком случае, два десятка фермерских работников жили здесь постоянно. Честно говоря, Дункану было трудно представить этих людей в другой среде, даже если их отмыть и переодеть.

Однако, при всей незатейливости здешней жизни, на фермерской кухне царила безукоризненная чистота. Оттуда удивительно вкусно пахло. Один аромат был особо дразнящим, хотя и совершенно незнакомым Дункану. Но от запаха пекущегося хлеба у него в буквальном смысле слова потекли слюнки.

«Все будет замечательно»,— ободрял он свой боязливый желудок. Что ж, придется закрыть глаза на очевидное происхождение большинства продуктов. Они не были синтезированы из чистых компонентов в стерильном цеху пищевой фабрики, а выросли на почве, удобренной навозом. Но именно так и кормился род людской на протяжении почти всей своей истории. Давно ли появилось альтернативное питание?

Дункана особенно пугало, что за столом ему могут предложить настоящее мясо животных. К счастью, Джордж раз-

веял его страх. Попутно он рассказал, что мясо не запрещено законом и желающие могут свободно его купить. Попытки ввести такой запрет исчислялись десятками. Но и у противников запрета были аргументы. История показывает, говорили они, что любые попытки принудительно изменить моральные нормы общества были не только бесплодными, но и давали прямо противоположные результаты. Если на мясо наложат запрет, его начнут есть даже те, кто никогда не ел раньше. Запретный плод, как известно, сладок, и вред, нанесенный здоровью людей, значительно перевесит пользу от подобного закона. В конце концов, поедание мяса — меньшее зло, чем курение табака или употребление спиртных напитков. Сторонники запрета, в свою очередь, говорили о злодейском убийстве невинных животных и о том, что благодаря потреблению мяса до сих пор существует отвратительная профессия мясника, мало чем отличающаяся от ремесла палача... Джордж сказал, что дебаты продолжаются и по сей день.

Кое-как Дункан убедил свой желудок, что тому нечего опасаться. Ланч — это время сюрпризов, а не изощренных пыток. Дункан добросовестно старался «расслабиться и получить удовольствие». Во всяком случае, он пробовал все, что ему предлагали. От трети кушаний он деликатно отказался, еще треть была вполне терпимой, а последняя — на редкость вкусной. Честно говоря, ему не попалось ни одного кушанья, которое было бы противно взять в рот. Просто некоторые из них содержали непривычные специи или имели весьма своеобразный вкус. Например, сыр. Его на столе было шесть сортов. Дункан послушно попробовал все. Два сорта ему даже понравились. Пожалуй, он бы к ним быстро привык. Дункан даже подумал: а не организовать ли производство сыра на пищевых фабриках Титана? Сделать это, конечно, можно, но сколько времени уйдет на уламывание тамошних химиков? Они не менее консервативны, чем фермеры, противящиеся электричеству.

Кое-что из еды было ему знакомо. Например, картофель и помидоры. Их вкус почти не отличался от вкуса их далеких собратьев, выращенных на гидропонике. И то и другое Дункан уже пробовал на Титане, но считал дорогостоящим лакомством, без которого вполне можно обойтись.

Основное блюдо имело странное название: пирог с мясом и почками. Возможно, название и помешало Дункану насладиться пирогом. Вашингтон уверял его, что в начинке нет ни грамма настоящего мяса. Она сделана из высокобелковой сои. Хозяин добавил, что соя — одна из немногих культур, которую они не выращивают у себя на ферме, поскольку это требует особой технологии.

Меньше всего проблем было с десертом. Он состоял из разнообразных фруктов. Большинство названий Дункан даже не слышал. Одни фрукты были слишком терпкими или приторными, другие просто таяли во рту. Но главное — они не несли угрозы его желудку. Вкуснее всего оказалась клубника. Хозяева ели ее со сливками. Тактично расспросив, откуда берутся сливки, Дункан последовал их примеру.

Он чувствовал себя вполне сытым, когда миссис Вашингтон преподнесла завершающий сюрприз ланча — деревянный ящичек с восковыми сотами. Само слово «соты» было хорошо знакомо Дункану. Так назывались легкие, но прочные строительные конструкции. Значит, люди не придумали их, а... заимствовали у земных насекомых? Соты стали очередным переворотом в его представлениях.

— Мы совсем недавно завели пасеку,— рассказал ему профессор.— Пчелы — удивительные создания, хотя мы с женой сомневаемся, стоит ли эта затея затраченных усилий. Думаю, вам понравится мед. Особенно со свежим хлебом.

Хозяева с некоторым волнением смотрели, как их гость намазывает на хлеб тягучую янтарную жидкость. Гостю эта жидкость напоминала смазочное масло. Дункан искренне надеялся, что вкус у меда все же другой, хотя внутренне приготовился к любым неожиданностям.

Хозяева молчали. Дункан осторожно откусил маленький кусочек. Потом второй, третий...

— Ну и как? — не выдержал Джордж.

— Просто потрясающе. Ничего вкуснее я в жизни не пробовал.

— Я очень рада,— улыбнулась миссис Вашингтон.— Джордж, обязательно пошли хорошую порцию меда в отель, где остановился мистер Макензи.

А мистер Макензи неторопливо жевал хлеб с медом. На его лице застыла несколько отрешенная улыбка, которую польщенные хозяева наверняка сочли признаком истинного гастрономического наслаждения. Но едва ли они догадывались, почему он улыбается.

В еде Дункан всегда был весьма неприхотлив. У него не возникало желания попробовать что-нибудь редкостное из импортируемых на Титан деликатесов. В тех редких случаях, когда это все же приходилось делать, пищевые изыски не доставляли ему особого удовольствия. Он до сих пор с содроганием вспоминал, как попробовал черную икру. А ведь те же Хелмеры с ума сходили по ней. Что касается меда — этот земной продукт ни разу ему не встречался.

Тем не менее, оказавшись в гостях у Вашингтона, он сразу узнал мед. Но это было лишь половиной загадки. Словно имя, которое вертится на кончике языка, но ускользает от любых попыток его вспомнить, где-то в подсознании лежала память об ином, куда более раннем знакомстве с медом. Очень, очень давнем. Но когда и где это могло быть? На мгновение он почти поверил в перевоплощение. Он, Дункан Макензи, в одной из своих прежних земных жизней был пасечником...

Возможно, он ошибается, думая, что ему знаком вкус меда. Возможно, эту ассоциацию спровоцировала «утечка сигнала» из другой мозговой цепи. Вряд ли вообще это имеет хоть какой-нибудь смысл.

Нет, имеет! Со вкусом меда связано что-то очень важное. Оставалось вспомнить, что именно.

Глава 21
КАЛИНДИ

Посылку доставили в номер, когда Дункан находился на одной из запланированных встреч. Небольшой, аккуратно упакованный цилиндр высотой пятнадцать, диаметром десять сантиметров. Что же там внутри?

Дункан покачал цилиндр на ладони. Тяжеловат, но явно не металлический. Тот был бы тяжелее. Дункан постучал по бумаге. Внутренности цилиндра отозвались глухим, быстро гаснущим звуком.

Хватит пустых гаданий! Он вскрыл конверт, обернутый вокруг странной посылки.

Ферма Маунт-Вернон

Дорогой Дункан!

Просим извинить за вынужденную задержку. У нас произошел небольшой казус. Нашего Шарлеманя ночью занесло на пасеку. К счастью или нет (это зависит от точки зрения), наши пчелы не жалятся. Однако соты пострадали серьезно.

Помня, как вам понравился наш мед, мы с Кларой внимательно осмотрели то, что удалось спасти, и собрали эту посылочку.

С наилучшими пожеланиями,

Джордж

Дункан мысленно поблагодарил чету Вашингтонов и стал снимать упаковку. Внутри оказалась прозрачная пластиковая банка, полная золотистой жидкости. Крышка имела довольно хитрый запор: вначале ее нужно было нажать, после чего раздавался щелчок, и она послушно отвинчивалась. Невзирая на объяснение, Дункан промучился несколько минут, прежде чем крышка соизволила открыться.

По номеру расплылся восхитительный запах меда. И вновь Дункан ощутил что-то пронзительно знакомое. Как мальчиш-

ка, он ткнул в мед палец, а затем принялся слизывать янтарное лакомство.

И тут в его памяти включилась цепь, бездействовавшая долгие годы. Она пробудила самое примитивное и могущественное из чувств, каким наделен человек.

Тело вспомнило быстрее разума. Дункана обдало теплой, блаженной волной желания. Сильного, почти животного желания. И он вспомнил, вспомнил мгновенно и отчетливо.

Мед имел вкус... Калинди.

Рано или поздно он все равно нашел бы ее координаты. Но ему требовалось время, чтобы хоть немного приспособиться к земной жизни и освоиться на Земле (в той мере, в какой это возможно). Так Дункан говорил себе. Однако это была не единственная причина.

Логическая часть его разума не желала, чтобы он снова нырнул в пучину, где уже побывал подростком и едва не захлебнулся. Но в сердечных делах логика всегда оказывалась побежденной стороной. В конечном итоге ей оставалось лишь твердить: «Я тебя предупреждала». Но к тому времени все самое неприятное или непоправимое уже случалось.

Тогда он познал тело Калинди, но был слишком молод, чтобы познать ее любовь. Теперь он — мужчина, и ни Карл, ни кто-либо другой не сможет ему помешать.

Но прежде всего требовалось найти Калинди. Дункану было досадно, что она сама не откликнулась, ведь о его прибытии на Землю сообщалось очень широко. Может, ей все равно? А может, ошеломлена? Такое тоже нельзя сбрасывать со счетов.

Хватит ждать! Он найдет Калинди немедленно, прямо сейчас.

Дункан подошел к коммуникационной консоли и включил устройство. Экран ожил. Коммуникационная консоль превосходила самые дерзкие мечтания мыслителей и поэтов минувших эпох. Она была той самой «волшебной шкатулкой» из сказок, умеющей показывать любые страны, моря и города. Через это окно человек получал доступ ко всей рукотворной вселенной, к любым бесценным шедеврам, спасенным от неумолимого Времени. Экран мог показать любую книгу из любой библиотеки мира, репродукцию любой картины, голограмму любой скульптуры. И такие «волшебные шкатулки» исчислялись миллионами. Даже самые прозаически настроенные люди испытывали волнение при мысли, что можно провести у экрана тысячу жизней и все равно познакомиться лишь с ничтожной частью информации, хранящейся в земных банках памяти. Во избежание случайностей любая информация обязательно хранилась в трех экземплярах. Сами банки памяти располагались в подземных помещениях, расположенных далеко друг от друга, и охранялись надежнее, чем золотой запас. По иронии судьбы два таких подземных хранилища когда-то строились как центры управления ядерными ракетами.

Но сейчас Дункана не интересовало наследие человечества. Его запросы были гораздо скромнее. Он набрал на клавиатуре ИНФОРМ. Экран мгновенно преобразился:

ВЫБЕРИТЕ КАТЕГОРИЮ ПОИСКА

01 Общий раздел
02 Наука
03 История
04 Искусства
05 Отдых
06 География
07 Жители Земли
08 Жители Луны
09 Жители других планет

Категорий было более трех десятков. Дункан быстро набрал 07. А дальше — дальше произошла странная заминка. Категории поиска были почти такими же, как на Титане, од-

нако устройство терранской клавиатуры слегка отличалось от титанской. Клавиша «Пуск» находилась не в правой, а в левой части, поэтому Дункан попросту забыл ее нажать. Пять секунд на экране ничего не происходило, затем появилось лицо миловидной девушки, и ее голос, который Дункан мог бы слушать бесконечно, произнес: «Судя по всему, у вас возникли сложности. Для начала проверьте, не забыли ли вы нажать клавишу "Пуск"».

Дункан вперился в экран. Лицо девушки начало таять и исчезло. Осталась лишь ее ослепительная улыбка. Дункану сразу вспомнилась книжка его детства со старинной историей про Чеширского кота, оставлявшего свою улыбку. На самом деле улыбка девушки осталась в его памяти, а не на экране. Дункану захотелось снова увидеть ее лицо, и он намеренно допустил ту же ошибку... Пять раз он «забывал» нажать клавишу «Пуск», и пять раз ему напоминала об этом новая девушка с другим голосом и улыбкой. Кто знает, сколько лет этим сообщениям. Возможно, самих девушек уже давно нет в живых. Эта мысль заставила Дункана прекратить эксперименты и продолжить поиск.

Когда на экране появилась заставка «ЖИТЕЛИ ЗЕМЛИ», его попросили ввести данные в соответствующие категории: Фамилия, Имя (или Имена), Личный номер и Последний известный адрес. Адрес включал в себя подкатегории: Регион, Страна, Провинция, Почтовый индекс. Дункан почесал затылок. Калинди вот уже пять лет не подавала о себе никаких вестей, и ее личного номера он не знал. Даже ее фамилию он вспомнил с трудом. Будь у Калинди более распространенная фамилия, затея найти предмет его юношеского обожания оказалась бы безнадежной.

Дункан набрал: «ЭЛЛЕРМАН, КАТРИН ЛИНДЕН», а во всех остальных графах поставил «НЕ ЗНАЮ». Поисковое устройство отнеслось к этому благосклонно и спросило: «КАКУЮ ИНФОРМАЦИЮ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ПОЛУЧИТЬ?»

Дункан ответил: «АДРЕС И НОМЕР ВИДДИ», после чего нажал «Пуск».

А что, если Калинди сменила фамилию? Эту мысль Дункан тут же отмел. Калинди не из тех женщин, которые позволят мужчине верховодить даже в случае долгосрочных отношений. Уж скорее влюбившийся в нее мужчина сменит фамилию, чем наоборот.

Дункан едва успел закончить эту мысль, как экран (к немалому его удивлению) выдал:

ЭЛЛЕРМАН, КАТРИН ЛИНДЕН
Северная Атлантика
Нью-Йорк
Личный номер: 373:496:000:000
Видди: 99:373:496:000:000

Скорость, с которой поисковая система нашла Калинди, настолько ошеломила Дункана, что его мозг не сразу отметил еще два не менее поразительных факта.

Во-первых, Калинди сумела заполучить столь хорошо запоминающийся личный номер, который выпадает один раз на миллион человек. Во-вторых, она сумела добиться номера видди, совпадающего с ее личным номером. Дункан всегда считал это невыполнимой задачей. Карл пытался сделать себе аналогичный номер, но даже он не сумел. Дункан помнил, какой фантастической силой убеждения обладала Калинди. Но ему было трудно представить, что эта сила поистине не имеет границ.

Итак, Калинди не только продолжала жить на Земле, но и никуда не уехала с американского континента. Сейчас их разделяют всего пятьсот километров. Достаточно набрать ее номер — и он вновь увидит знакомые глаза. Но это будут глаза настоящей Калинди, а не изображения в стереопузыре.

Дункан знал, что обязательно позвонит ей. Иначе и быть не могло. Однако сейчас он медлил. Возможно, он просто оттягивал время, предвкушая момент их встречи — хоть и на

электронных экранах. Или он еще не решил, какие слова произнесет, увидев изображение Калинди. Потом совершенно инстинктивно он выстучал четырнадцать цифр и открыл дорогу в прошлое.

Нет, где-нибудь на улице он ни за что бы ее не узнал. Дункан забыл, что́ могут сделать с человеком годы земной гравитации. Секунды тянулись, а он смотрел на экран, будучи не в силах раскрыть рот. Калинди первой нарушила молчание.

— Я вас слушаю. Говорите,— с нотками нетерпения произнесла она.

Дункан глотнул воздуха и только потом спросил:

— Калинди, ты меня помнишь?

В глазах (все так же лучистых, но — уже других) что-то мелькнуло. На лице появилась тень улыбки, довольно настороженной. «А ты думал, она тебя мгновенно узнает? Через пятнадцать лет?» — мысленно урезонил он себя. Сколько тысяч людей она успела встретить за эти годы в своем шумном земном мире? (А сколько любовников у нее было после Карла?)

Но, как и раньше, Калинди удивила его.

— Конечно помню, Дункан. Я очень рада тебя видеть. Я знала, что ты на Земле, и все ждала, когда же ты позвонишь.

Эти слова несколько ошеломили его. Вероятно, так и было ею задумано.

— Прости, что не позвонил раньше,— промямлил он.— Я с первого дня постоянно занят. Сама знаешь, сколько шума с приготовлениями к пятисотлетию.

Постепенно незнакомка на экране начинала обретать знакомые черты. Годы не так сильно сказались на Калинди. Просто она кое-что поменяла в своем облике. Прежде всего, цвет волос. Из черных ее волосы стали темно-коричневыми, с золотистыми вкраплениями. Овал лица остался прежним, как и безупречная кожа цвета слоновой кости. Когда Дункан окончательно прогнал образ, навязанный стереопузырем, он увидел прежнюю Калинди. Более зрелую и даже более желанную.

Она находилась в людном офисе. В поле зрения камеры то и дело попадали чьи-то тени. Чьи-то руки передавали ей папки с бумагами. Калинди — деловая женщина? Неужели ей нравится руководить этой офисной суетой? Но если она нашла здесь себя, то, скорее всего, добилась изрядных успехов. Одно было очевидным: офис — неподходящее место для долгих интимных бесед. Лучшее, на что можно рассчитывать,— это договориться о скорой встрече.

После перелета с Титана на Землю полтысячи километров между Вашингтоном и Нью-Йорком казались пустяком. Он мог бы хоть сейчас отправиться в Нью-Йорк. Однако Калинди вовсе не жаждала немедленной встречи. Ее расписание было не менее плотным, чем его. Она перелистала страницы персонального календаря, предложив на выбор несколько дат. Кажется, она даже испытала легкое облегчение, когда Дункан сообщил, что эти дни у него заняты.

От его радостного волнения не осталось и следа. Зря он не послушал свою интуицию и не перенес звонок к ней на более поздний срок.

— Постой, а следующая пятница у тебя свободна? — вдруг спросила Калинди.

— Думаю, что да. Во всяком случае, я сумею ее освободить.

Пятница. Почти неделя ожиданий. Что ж, придется ждать.

— Замечательно.

На ее лице появилась такая знакомая озорная улыбка. На мгновение перед ним оказалась прежняя Калинди.

— Великолепно... и очень кстати... Все устроилось само собой. Лучшего и придумать невозможно.

— Устроилось? Что... устроилось? — допытывался Дункан.

— Видишь номер на экране? Позвони ван Хайеттам. Они живут в пригороде Вашингтона. Сделай все, что они тебе скажут. А им передай, что «Энигма» просила взять тебя с собой в качестве моего личного гостя. Они милые люди, тебе понра-

вятся. А сейчас я вынуждена отключиться. Увидимся на следующей неделе.

Но Калинди не отключилась. Она приблизилась к камере и негромко добавила, тщательно выговаривая слова:

— Сразу хочу тебя предупредить. Я и там буду очень занята и не смогу уделить тебе слишком много времени. Но обещаю: тебе там очень понравится.

Дункан недоверчиво глядел на Калинди. Невзирая на ее заверения, эта затея его насторожила. Он терпеть не мог участвовать в делах, где все управляющие нити были в чужих руках. Как и все Макензи, Дункан привык сам что-то устраивать для других. Разумеется, ради их же блага (даже если облагодетельствованные жертвы не всегда с этим соглашались). Ему вовсе не улыбалось самому превратиться в жертву неведомой затеи Калинди.

— Я приеду,— решительно произнес Дункан.— Но хотя бы скажи, что это за встреча. И вообще, что там намечается?

На лице Калинди появилась столь памятная ему упрямая гримаса.

— Нет,— отчеканила она.— Я не имею права нарушать девиз нашей компании. Этого не позволено даже вице-президенту.

— Какой компании?

— Так ты ничего знаешь? — с искренним удовольствием спросила Калинди.— Я думала, что «Энигма» известна и на других планетах. Впрочем, это даже к лучшему. На Земле наш девиз знают все...

Она наклонилась, чтобы принять очередную порцию документов.

— До свидания, Дункан. У меня нет больше ни минутки. Скоро увидимся.

— Какой у вас девиз? — почти закричал он.

Калинди послала с экрана воздушный поцелуй.

— Спроси у ван Хайеттов. До встречи!

Экран погас.

Дункан не стал сразу же звонить ван Хайеттам. Он выждал несколько минут, пока улягутся эмоции, затем позвонил Вашингтону, своему главному советнику в земных делах.

— Джордж, вам знакома компания «Энигма»?

— Разумеется. А почему вы спрашиваете?

— Вы знаете их девиз? — задал новый вопрос Дункан.

— «Мы изумляем».

— Как?

Вашингтон медленно, чуть ли не по слогам, повторил девиз «Энигмы».

— Я вполне изумлен. Но что означают эти слова?

— В этой компании работают опытнейшие устроители хитроумных развлечений. Их отличает сугубо индивидуальный подход к каждому клиенту. Обычно в «Энигму» обращаются, когда все вокруг наскучило и хочется новизны. Вдумайтесь в их девиз. Главный упор они делают на неожиданность и непредсказуемость... А где вы услышали про «Энигму»? Надеюсь, вам-то еще не наскучило пребывание на Земле?

Дункан засмеялся.

— У меня нет времени на подобную роскошь. Просто я только что звонил своей давней знакомой. Оказалось, она вице-президент «Энигмы». Пригласила меня куда-то на следующую пятницу, но куда — не сказала. Что вы мне посоветуете?

— «Энигма» умеет изумлять без малейшего риска для жизни и здоровья. Так что, какой бы ни была программа следующей пятницы, можете не опасаться.

— Спасибо, Джордж. Именно это я и хотел узнать.

Затем Дункан связался с четой ван Хайетт. Представившись, он объяснил причину своего звонка. Супруги говорили с ним дружелюбно, но держались весьма натянуто. Судя по лицам, им было около семидесяти. «Вряд ли люди такого возраста согласились на что-то рискованное»,— подумал Дункан.

— Нам велели собраться на берегу Гудзона и надеть старую одежду,— сообщил ему Билл ван Хайетт.— Еще говори-

ли, что, когда понадобится, нам выдадут защитные каски. Просто ума не приложу, что они могли затеять!

Дункан быстро договорился о месте и времени встречи, после чего распрощался с ван Хайеттами и уставился в пустой экран, спрашивая себя, правильно ли он поступил, дав согласие.

Затем он стал вспоминать свой разговор с Калинди. Странно, она даже не спросила про Карла. Почему? Ответа Дункан не знал, но забывчивость Калинди почему-то огорчила его.

Глава 22
ПРИЗРАКИ ПУЧИНЫ

Берег Гудзона плотно облепили небольшие виллы, рестораны, магазинчики. Между ними помещались десятки причалов для прогулочных судов. Как вид транспорта корабли исчезли более двухсот лет назад, однако вода по-прежнему обладала неизъяснимой притягательностью для очень и очень многих жителей Земли. Вот и сейчас вдоль противоположного берега неторопливо цлепал колесами ярко раскрашенный пароходик. Дункан не разобрал: то ли это реликт давней эпохи «угля и пара», то ли современная копия.

В сопровождении Хайеттов он подошел к странному сооружению, похожему на прозрачный полуцилиндр. Дункан мысленно прикинул его длину: метров триста, не меньше. Полуцилиндр явно не был постоянной частью окрестного пейзажа, но был сделан добротно и со вкусом.

Вместе с другими людьми — тоже гостями «Энигмы» — Дункан и супруги Хайетт вошли в тесный домик, похожий на шлюзовую камеру. В домике хранилось то, что принято называть спецснаряжением: непромокаемые плащи, резиновые сапоги и защитные каски, столь будоражившие воображение Билла ван Хайетта. Обменявшись растерянными улыбками, приглашенные молча облачились, надели каски и через внутреннюю дверь отправились дальше.

Еще в Вашингтоне, услышав про берег Гудзона, Дункан подумал, что сюрприз Калинди каким-то образом связан с кораблем. Он угадал. Однако его по-настоящему изумили размеры судна. Оно занимало почти все внутреннее пространство полуцилиндра. Дункан знал о громадных нефтеналивных танкерах, которые строили в конце эпохи мореплавания. Но он даже не подозревал о существовании гигантских пассажирских лайнеров. Несколько палуб и обилие иллюминаторов безошибочно свидетельствовали о том, что этот корабль перевозил не грузы, а пассажиров.

Они стояли на обзорной платформе, расположенной на уровне главной палубы, чуть выше капитанского мостика. Справа виднелась мачта: громадная, как и все на этом судне, но покосившаяся. За ней, до самого корабельного носа, тянулся лабиринт подъемных кранов, лебедок, овальных вентиляционных решеток и других устройств, назначения которых Дункан не понимал. Слева к невидимой корме уходила монолитная стальная стена, усеянная сотнями иллюминаторов. А выше, почти касаясь пластикового потолка, чернели три массивные дымовые трубы. Судя по расстоянию между ними, изначально труб было четыре.

Следы повреждений были повсюду: разбитые стекла иллюминаторов, покореженные участки палубы. Взглянув вниз, Дункан увидел колоссальную металлическую заплатку. Она находилась под ватерлинией и тянулась метров на сто.

Только теперь все куски головоломки встали на свои места... Хотя в те дни центром его вселенной была Калинди, он все же запомнил выпуск новостей с Земли, где говорилось, что пассажирский лайнер «Титаник» через триста пятьдесят лет все же завершил свое первое плавание и достиг Нью-Йорка.

Из невидимых динамиков звучал ровный, поставленный голос экскурсовода:

— Люди больше не построили ни одного корабля, подобного «Титанику». Он стал символом конца целой эпохи —

эпохи богатства, роскоши, изящества. Через два года разразилась Первая мировая война, очень сильно изменившая многое в жизни двадцатого века. Разумеется, люди не перестали строить пассажирские корабли. Были суда, превосходившие «Титаник» и размерами, и скоростью. Но ни один корабль так и не превзошел его своей роскошью. Можно без преувеличения сказать: гибель «Титаника» разбила множество сердец.

Дункан до сих пор не верил, что это не сон. Гранд-салон поражал обилием зеркал от пола до потолка, золотом колонн и необычайно мягкими коврами, в которых утопали ноги. Изящный диван почти заставил его позабыть о земном тяготении. Но самое удивительное, во что отказывался верить разум,— все это великолепие целых триста пятьдесят лет покоилось на дне Атлантики.

Оказывается, в морских пучинах, как и в космосе, время перестает существовать. Дункан думал об этом, слушая продолжение рассказа:

— С момента выхода корабля не прошло и недели. Пятнадцатого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года, на рассвете, «Титаник» столкнулся с айсбергом. Ледяной конус пропорол стальную обшивку правого борта. Через два с половиной часа корабль затонул. Погружение было почти вертикальным и началось с носовой части. Все, что не было закреплено, падало, гнулось и ломалось. Что-то выскальзывало из иллюминаторов и вентиляционных труб, что-то наталкивалось на преграду и разбивалось о нее. Просто чудо, что все три судовых двигателя остались на своих местах. Это лишний раз говорит о высоком инженерном искусстве создателей «Титаника». Трудно даже представить, какой дополнительный ущерб был бы причинен корпусу корабля, если бы на него обрушилась еще и тяжесть этих могучих машин.

Дункан слушал, затаив дыхание. Ему вдруг вспомнился рыжий Уоррен Маккензи, влюбленный в паровые машины. А ведь «Титаник» проектировали и строили люди, у которых

не было ни вычислительных машин, ни чертежных компьютеров!

— Корабль затонул на глубине трех километров*. Можно сказать, что он попал в идеальные условия хранения. Вода там имеет температуру, близкую к точке замерзания,— всего плюс два градуса. Сочетание холода и давления предохраняет от гниения. Металлические части ржавеют гораздо медленнее, чем на воздухе. Вы не поверите, но мясо, загруженное в холодильные камеры десятого апреля тысяча девятьсот двенадцатого года, осталось свежим. Все уцелевшие консервы, все напитки превосходно сохранились.

Нам понадобился почти год, чтобы залатать все дыры в обшивке и укрепить все слабые места. Следующей задачей было удалить воду из внутреннего пространства «Титаника». Для этого мы применили особые динамические ракеты, разработанные для спасения в глубоководных условиях. Успех подъема судна во многом зависел от погоды. Но погода оказалась на нашей стороне: прогноз на 15 апреля 2262 года был просто идеальным. Итак, ровно через триста пятьдесят лет «Титаник» всплыл из морской пучины. Как и в то роковое утро, был мертвый штиль, туман и почти нулевая температура. Вы не поверите, но при буксировке «Титаника» мы едва не столкнулись с айсбергом!

Наконец мы привели корабль в Нью-Йорк, заполнили его помещения азотом, чтобы уберечь от ржавчины, после чего постепенно начали сушить. Здесь нам уже было легче. Кстати, подводные археологи умеют реставрировать корабли вдесятеро старше «Титаника». Но его размеры!.. Нетрудно посчитать, что мы уже четырнадцать лет занимаемся реставрацией. Чтобы довести ее до конца, нам понадобится еще не менее десяти. Мебель, которую вы здесь видите, в буквальном смысле собрана из обломков. Но остаются еще десятки

* 1 сентября 1985 г. экспедиция под руководством Роберта Балларда обнаружила «Титаник» на дне Атлантического океана на глубине 3750 метров.

тысяч таких же обломков, которые нужно рассортировать и превратить в столы, стулья и диваны. До сих пор из угольных трюмов удалена лишь часть угля. А там сотни тонн, и каждый кусок приходится извлекать вручную.

Иногда нас спрашивают: «Зачем вы это делаете? Зачем тратите годы жизни и миллионы соларов на спасение прошлого?» Как ни странно, наши цели вполне практические. «Титаник» является частью нашей истории. Изучая ее, мы лучше понимаем самих себя и нашу цивилизацию. Кто-то однажды назвал затонувший корабль «капсулой времени», где все сохраняется в том виде, в каком существовало на момент катастрофы. Затонувшие корабли гораздо красноречивее расскажут о повседневной жизни, чем экспозиции сухопутных музеев. А «Титаник» — это срез всего общества, каким оно было накануне страшной мировой войны.

Мы восстановили роскошную многокомнатную каюту, которую занимал Джон Джекоб Астор. Вы увидите личные вещи и предметы роскоши, сопровождавшие одного из богатейших людей своего времени в его путешествии из Лондона в Нью-Йорк. Чтобы нагляднее представить, каким состоянием владел этот человек, достаточно сказать, что он мог бы купить дюжину таких кораблей, как «Титаник». А наряду с этим царством роскоши мы можем показать вам потертый сундучок с инструментами. Они принадлежали ирландскому ремесленнику Пату О'Коннору, севшему на корабль в Квинстауне. Подобно многим своим соотечественникам, он решил искать лучшую долю в Америке, но так и не увидел ее берегов. Мы даже нашли пять золотых соверенов, которые О'Коннор сумел скопить за годы непосильного труда.

Двое этих людей — полярные точки, между которыми пролегло множество социальных слоев. «Титаник» — настоящая сокровищница для историков, экономистов, художников и инженеров. Но помимо всего, о чем было сказано, «Титаник» обладает своей особой магией. Недаром его история не забывается и не тускнеет даже сегодня. И ее нужно рассказывать

каждому новому поколению, чтобы люди помнили о том, как судьба умеет наносить удары и как цепь случайностей становится неотвратимой бедой.

Дункана так захватил рассказ, что он не сразу узнал женщину, которая вошла в Гранд-салон и встала у белой с позолотой двери.

Даже в защитной каске и бесформенном плаще, закрывающем ее от шеи до колен, Калинди выглядела на редкость элегантно.

Игнорируя удивленные взгляды ван Хайеттов, Дункан встал и пошел прямо к ней. Подойдя, он молча обнял Калинди и поцеловал в губы. Пятнадцать лет назад она казалась ему высокой, а теперь, чтобы поцеловать ее, Дункану пришлось нагнуться.

— И это — через пятнадцать лет! — воскликнула Калинди, высвобождаясь из его объятий.

— Ты ничуть не изменилась.

— Лжец! Надеюсь, что все-таки изменилась. В двадцать один год я была безответственной хвастуньей.

Стремительно начавшийся разговор застопорился. Они смотрели друг на друга, ощущая, что взгляды собравшихся тоже устремлены на них. «Все, наверное, решили, что мы давние любовники,— подумал Дункан и мысленно усмехнулся.— Если бы!»

— Дункан, дорогой... Прости, но здесь меня почему-то всегда тянет говорить церемонным языком начала двадцатого века... Мистер Макензи, я вынуждена на несколько минут вас оставить, дабы уделить внимание и другим гостям. А потом мы вместе продолжим экскурсию по кораблю.

Дункан смотрел, как Калинди грациозно движется по Гранд-салону, ненадолго задерживаясь возле каждой группы собравшихся. Наверное, так и должен себя вести опытный администратор, которому необходимо убедиться, что все идет по плану. Интересно, сейчас она тоже играет одну из

своих ролей? Или перед ним настоящая Калинди? И существует ли вообще настоящая Калинди?

Через пять минут она вернулась, но не одна, а со свитой помощников.

— Дункан, хочу тебя познакомить с капитаном Иннесом. Он знает о «Титанике» больше, чем строители корабля. Капитан будет нашим экскурсоводом.

Они пожали руки. Дункан узнал его голос.

— Мне очень понравился ваш рассказ, капитан. Сразу чувствуется, когда встречаешь настоящего энтузиаста.

Целый час они путешествовали по палубам и трюмам «Титаника». Защитная одежда оказалась как нельзя кстати. Палубу G, находившуюся почти в самом низу, все еще покрывала грязь вперемешку с мазутом и угольной крошкой. Несколько раз Дункан натыкался на металлические лестницы и вентиляционные трубы, ударяясь о них головой. Но он не роптал: только недра корабля давали настоящее представление об инженерном гении строителей этого плавучего города. Эти люди бросили вызов природной стихии, однако стихия оказалась сильнее. Дункан даже содрогнулся, увидев в носовой части вывернутые внутрь куски толстой стальной обшивки (их нарочно оставили нетронутыми, наложив заплатки снаружи). Жутковато было стоять возле них и думать, что когда-то сюда под бешеным напором хлестала ледяная вода.

Когда Дункан «повторил алфавит в обратном порядке», поднявшись с палубы G до палубы A, он уже едва держался на ногах (капитан Иннес обещал, что вскоре починят и пустят корабельные лифты). Ланч, поданный в курительном салоне первого класса, был весьма кстати.

Улучив момент, он сказал Калинди, что хотел бы встретиться с нею там, где им никто не будет мешать. И вновь Дункана поразила ее непонятная уклончивость. Нет, она держалась с ним очень дружелюбно; похоже, она была искренне рада его видеть. И все же что-то ее настораживало. Дункан ощущал, что Калинди держит его на расстоянии, словно он был носителем титанских микробов, опасных для землян.

— Так мы еще увидимся или нет? — не выдержал Дункан.

— Я позвоню, как только кончится сезон,— ответила Калинди.

Опять расплывчатая фраза! Какой сезон? И когда он кончится?

«Энигма Ассошиэйтс» не разочаровала Дункана, зато вице-президент компании... Ему стало грустно. Все тридцать минут пути в вагоне пневматического метро, связывающего Нью-Йорк с Вашингтоном, Дункан пытался найти хоть какое-то объяснение странному поведению Калинди. Слава богу, ван Хайетты задержались в Нью-Йорке. Меньше всего Дункан был сейчас настроен вести вежливую беседу ни о чем.

Наконец он решил, что лобовая атака бесполезна. Если он, как обезумевший от любви юнец, будет донимать Калинди, то сделает еще хуже. Есть проблемы, для разрешения которых требуется время (если они вообще решаются).

У него на Земле множество дел, и они помогут забыть Калинди... Постепенно, по часу в день.

Глава 23
ЭХНАТОН И КЛЕОПАТРА

Сэр Мортимер Кейнс сидел в кресле у себя в кабинете на Харли-стрит* и с чисто клиническим интересом смотрел на Дункана Макензи. Точнее, на экран коммуникационной консоли, поскольку сам Дункан Макензи находился сейчас по другую сторону Атлантики.

— Стало быть, вы — последний из рода знаменитых Макензи. И вы не хотите оказаться самым последним.

Это было утверждение, а не вопрос. Дункан не стал отвечать. Он продолжал молча разглядывать человека, который почти в буквальном смысле был его творцом.

* Харли-стрит — улица в Лондоне, где расположены кабинеты преуспевающих врачей.

Мортимеру Кейнсу было под девяносто. Обликом своим он напоминал косматого старого льва. В нем ощущалась властность, но — смешанная с усталостью и отрешенностью. Полвека он был ведущим генетическим хирургом Земли и давно уже не ждал, что жизнь преподнесет ему какой-нибудь сюрприз. Однако Кейнс пока не утратил интереса к человеческой комедии.

— Скажите, а зачем вы проделали такой далекий путь? — спросил хирург.— Не проще ли было прислать соответствующие образцы вашего биотипа?

— У меня на Земле есть кое-какие дела,— ответил Дункан.— Кроме того, я получил официальное приглашение от Комитета по празднованию пятисотлетия Соединенных Штатов. Как видите, редкая возможность, которую грех было бы упустить.

— И все равно вы могли бы прислать образцы заранее. А теперь вам придется ждать девять месяцев. Это в том случае, если вы хотите взять сына с собой.

— Видите ли, доктор, приглашение было для всех нас полной неожиданностью. Пришлось собираться второпях. Но в любом случае эти девять месяцев позволят мне получше узнать Землю. И потом, это был мой единственный шанс. Еще через десять лет мне было бы уже не приспособиться к земной гравитации.

— А почему вам так важно произвести на свет еще одного гарантированного стопроцентного Макензи?

В свое время Колин наверняка подробно объяснил генетическому хирургу все причины, заставляющие династию Макензи идти на клонирование. Но за тридцать лет практики доктор Кейнс повидал столько клонов и выслушал столько объяснений, что мог и забыть аргументы Колина. Но у него, конечно же, хранились все необходимые записи. Чувствовалось, сейчас он их просматривает на своем настольном дисплее.

— Чтобы ответить на ваш вопрос, доктор,— медленно начал Дункан,— мне сперва пришлось бы изложить вам историю планеты Титан за последние семьдесят лет.

— Вряд ли это так уж необходимо,— перебил его хирург, глаза которого быстро скользили по невидимому дисплею.— На самом деле этой истории несравненно больше семидесяти лет. Меняются лишь детали, сообразно эпохе. Скажите, вы слышали об Эхнатоне?

— Простите, о ком?

— Значит, не слышали. А о Клеопатре?

— Разумеется. Она была египетской царицей. Я правильно ответил?

— Не совсем. Она была царицей Египта, но не была египтянкой. Любовница Антония и Цезаря. Самая великая и последняя правительница из династии Птолемеев.

«А я-то тут при чем?» — не без раздражения подумал Дункан. Уже не в первый раз (и явно не в последний) он ощущал давление всей тяжести запутанной терранской истории. Колин, с его знанием прошлого и интересом к истории, сразу догадался бы, куда клонит сэр Мортимер, но Дункану оставалось лишь недоумевать.

— Я имею в виду проблемы наследования. Можете ли вы быть уверенным, что после вашей смерти ваша династия продолжится в желаемом для вас направлении? Такой гарантии нет ни у кого, но можно исправить положение и избегнуть случайностей, оставив миру точную копию себя...

Некоторое время, словно забыв о разговоре, генетический хирург что-то листал на своем дисплее.

— Египетские фараоны предпринимали героические попытки оставить точные копии самих себя. Они добились максимума того, что можно сделать без науки такого уровня, которым располагаем мы сейчас. Поскольку они считали себя богами, а боги не имеют права жениться и выходить замуж за смертных, они брали себе в мужья и жены своих братьев и се-

стер. Иногда потомство оказывалось гениальным, иногда несло в себе то, что мы бы сейчас назвали признаками генетического вырождения. Фараон Эхнатон, о котором я упомянул, унаследовал и то и другое. Однако фараоны упрямо продолжали следовать своей традиции еще более тысячи лет... пока — во времена Клеопатры — все не кончилось бесповоротно.

Если бы фараоны умели клонировать себя, они обязательно пошли бы по этому пути. Он стал бы лучшим способом сохранения чистоты династии и помог бы им избежать кровосмешения. Однако и клонирование — способ не идеальный. В нем отсутствует смешение генов. Эволюционные часы останавливаются, а это означает конец биологического прогресса.

«К чему все эти длинные рассуждения?» — без конца спрашивал себя Дункан. С первой минуты их разговор с Кейнсом пошел совсем не так, как он ожидал. Он рассчитывал быстро обсудить технические детали и договориться о времени. Надеялся, что все произойдет так, как было тридцать лет назад у Колина и семьдесят лет назад у Малькольма. А теперь знаменитый хирург, сотворивший больше клонов, чем кто-либо на Земле, пытается отговорить его от этой затеи. Внутреннее раздражение становилось все ощутимее.

— Я не против клонирования, когда оно помогает устранить генетический дефект,— продолжал хирург.— Но в вашем случае такое невозможно. Думаю, вы об этом прекрасно знаете. Когда вас клонировали из клеток Колина, это было всего лишь попыткой продолжить вашу династию. Ни о каком лечении не было и речи — только политические амбиции и личное тщеславие. Ваши, так сказать, предшественники были убеждены: они делают это ради блага Титана. Не мне судить; возможно, они были абсолютно правы. Мне очень жаль, мистер Макензи, но я больше не берусь играть роль Бога... Это все, что я могу вам сказать. Надеюсь, ваш визит на Землю доставит вам массу приятных впечатлений. Прощайте.

Дункан сидел с раскрытым ртом, уставившись в погасший экран. Мортимер Кейнс отключился столь резко, что он даже не успел попрощаться, а главное — передать привет от Колина. Отец всегда с большим уважением отзывался об этом человеке. Неудивительно: ведь Кейнс создал их обоих.

Дункан все еще не мог прийти в себя. Разговор с Кейнсом больно его задел. Разумеется, можно найти других специалистов, однако до сих пор такое даже не приходило ему в голову. Сейчас же он чувствовал себя сыном, от которого только что отрекся собственный отец.

Что-то тут не так. И вдруг Дункана осенило. Он говорил не с тем, прежним Кейнсом. Сэр Мортимер клонировал себя, и клон оказался неудачным.

Гипотеза Дункана была оригинальной и в поэтическом смысле верной. Жаль, что во всех остальных смыслах она никуда не годилась.

Глава 24
ИГРЫ ЗЕМЛЯН

К счастью для Дункана, он испытывал все меньше благоговейного трепета, попадая в знаменитые центры терранской культуры. Они продолжали удивлять и восхищать его, но колониальный комплекс неполноценности уже не властвовал над ним так, как в первые дни. Дункан мысленно похвалил себя за быструю адаптацию: десять дней назад на этом приеме ему было бы очень неуютно.

Он успел побывать на нескольких встречах, но нынешняя заметно превосходила их своим размахом. Кажется, ее устраивало Национальное географическое общество... Нет, та встреча будет только завтра. Устроителем сегодняшней был какой-то Фонд Конгресса, собравший в мраморных залах не менее тысячи приглашенных.

— Если на нас вдруг рухнет крыша, Земля будет метаться, точно обезглавленная курица,— подслушал он чью-то вскользь брошенную фразу.

Впрочем, наверное, это была просто шутка. Национальная галерея искусств стояла уже более трехсот лет, а многие из собранных там шедевров имели и вовсе почтенный возраст. Ценность этих скульптур и картин вообще не поддавалась исчислению... «Жиневра де Бенчи» кисти Леонардо, «Давид» Микеланджело, «Вилли Моэм, эсквайр» Пикассо*, «Марсианский рассвет» Левинского были, пожалуй, самыми знаменитыми сокровищами музея. Голограммы этих произведений были доступны на любой планете Солнечной системы и позволяли рассматривать их в мельчайших деталях. Но никакие, даже самые технически совершенные копии не могли сравниться с подлинниками. Казалось, рядом с полотнами и скульптурами незримо витают души их давно умерших творцов. По возвращении домой Дункан теперь мог бы хвастаться друзьям:

— Представляете, я стоял всего в метре от подлинника Леонардо.

Дункана поражало, что здесь он может разгуливать среди такой толпы, оставаясь неузнанным. На Титане это было бы просто невозможно. А в залах Галереи искусств едва ли найдется десять человек, которым знакомо его лицо. По меткому замечанию Джорджа Вашингтона, Дункан оставался одной из главных неизвестных знаменитостей Земли. Исключая непредвиденные события, такое положение сохранится до самого дня четвертого июля, когда он обратится к миру с приветственной речью. Наверное, оно сохранится и после торжеств, ведь лица и имена быстро забываются.

Однако Дункан не собирался скрывать, кто он и откуда. К его одежде был прикреплен специальный жетон с надписью: «ДУНКАН МАККЕНЗИ, ТИТАН». Крупные буквы хорошо читались даже издалека. Дункан посчитал невежливым поднимать шум из-за «подаренного» ему второго К. Подобно

* Вероятно, эта картина — плод авторского воображения. В виртуальном каталоге Национальной галереи искусств, в разделе, посвященном произведениям Пикассо, такая картина не значится.

деду, он давно утратил желание спорить по поводу написания их фамилии.

На Титане такие жетоны были бы излишними; здесь же они являлись абсолютной необходимостью. Развитие микроэлектроники сделало достоянием истории две проблемы, которые вплоть до конца двадцатого века оставались неразрешимыми. Простые идентификационные жетоны можно было ввести гораздо раньше, но тому мешали старинные правила приличия. Вторая проблема решалась сложнее: даже если знаешь, что нужный тебе человек находится среди приглашенных, как найти его в многочисленных залах и коридорах?

Назвав себя и получив жетон, Дункан остановился перед большой электронной доской с сотнями фамилий. Это был своеобразный «список гостей» — точнее, тех из них, кто пожелал публично заявить о своем присутствии. Несколько минут Дункан провел около доски и выбрал пять или шесть человек, с которыми стоило пообщаться. Естественно, в списке были Джордж Вашингтон и посол Фаррел, но с ними Дункан и так виделся практически ежедневно.

Против каждой ячейки с фамилией была кнопка и маленький светоиндикатор. Доска служила своеобразным передатчиком: стоило нажать кнопку с выбранной фамилией, как жетон того человека начинал издавать легкое гудение, а индикатор — мигать. У получившего вызов были две возможности.

Он мог, извинившись перед теми, с кем вел беседу, отправиться в «зал встреч». Однако путь туда занимал от минуты до получаса и зависел не столько от расстояния, сколько от случайных встреч. Когда вызванный добирался до «зала встреч», он мог застать, а мог и не застать того, кто его вызвал (терпение у всех разное).

Если же вызванный не хотел прерывать разговор, он нажимал кнопку на своем жетоне. Тогда индикатор на доске против его фамилии переставал мигать и загорался ровным

светом. Только очень назойливые или плохо воспитанные люди могли игнорировать этот намек и сделать повторный вызов.

Хотя некоторые устроители многолюдных приемов (в особенности женщины) находили эту систему механической, бездушной и ни за что не желали ею пользоваться, в ее устройство намеренно были заложены кое-какие несовершенства. Любой, кто не хотел афишировать свое появление, мог не взять жетон или не включить его; это давало основание думать, что такой-то гость попросту не пришел. Помимо этого, существовал широкий выбор псевдожетонов. Связанные с ними «правила игры» были хорошо известны. Если вы видели знакомое лицо, а надпись на жетоне утверждала, что это «ДЖОН ДОУ» или «МЕРИ СМИТ», дальнейшие расспросы были неуместны. А надпись «ИИСУС ХРИСТОС» или «ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ», напротив, приглашала к беседе со «знаменитой персоной».

Дункан не нуждался в анонимности; наоборот, он был рад встретиться с каждым, кто пожелает встретиться с ним. Включив жетон, он навестил буфет, ломящийся от всевозможных блюд и напитков. Выбрав себе угощение, Дункан присел за столик. Он достаточно приспособился к земному тяготению и теперь с улыбкой вспоминал свои прежние страхи. И все же он старался не нарушать рекомендации врачей и излишне не нагружать ноги. Он заметил, что практически все терранцы едят сидя. Только отдельные виртуозы ухитрялись есть стоя, а иногда и на ходу, держа в руках несколько тарелок и бокал.

Дункан пришел одним из первых (за все время пребывания на Земле он так и не смог одолеть привычку приходить рано). К тому времени, когда он управился с незнакомыми деликатесами, главный зал был уже достаточно полон. Дункану не хотелось производить впечатление одиночки с задворок Солнечной системы, а потому он решил побродить по залу, придав себе несколько скучающий вид.

Привычки подслушивать чужие разговоры он не имел. Но все Макензи отличались удивительно тонким слухом, а терранцы, казалось, нарочно старались говорить так, чтобы их слышали не только собеседники. Подобно свободному электрону в полупроводнике, Дункан бродил между группок приглашенных. Иногда кто-то его узнавал и здоровался. Он отвечал и, перебросившись обычными в таких случаях фразами, шел дальше. Дункану вполне нравилась роль пассивного наблюдателя. Девяносто процентов услышанных им обрывков разговоров были бессмысленными и скучными. Но не все...

«Ненавижу подобные сборища! А вы?»

«Говорят, это единственный сохранившийся набор старинной надувной мебели. Показать ее вам покажут, но уж позволить посидеть на ней...»

«Покупать за пятьдесят, продавать за восемьдесят. Неужели вы верите, что взрослые люди способны заниматься этим целую жизнь?»

«К двумстам годам ревнивая женушка выбьет из Билла все его амбиции...»

«Ну и как поживает ваша революция? Кстати, если вам понадобятся дополнительные средства от бюджетной комиссии, свяжитесь со мной...»

«Пища должна быть в таблетках. Так задумано Богом. Вспомните манну небесную...»

«А найдется ли в этом зале хоть один, с кем она не переспала? Возможно, лишь статуя Зевса!»

«Я намерен ходатайствовать о принятии закона по охране лунной природы...»

«Думаю, это был пояс Ван Аллена...»

«Говорю вам, это случилось в прошлом году...»

Неожиданно жетон Дункана стал издавать легкое жужжание. Дункан остановился. Только сейчас он спохватился, что даже не знает, где находится «зал встреч». Потолкавшись, он

нашел указатель, а потом и сам зал. Чтобы избежать хаоса, возле стен имелись небольшие таблички с начальными буквами фамилий. Буква М находилась в дальнем конце. В этом зале, как и повсюду, было исключительно людно (здесь собирались не только ожидающие встреч). Дункану понадобилось целых пять минут, чтобы добраться до своей буквы.

Ожидавших под буквой М было пять или шесть. Никого из них Дункан не знал. Он внимательно вглядывался в лица. *Нет, никого из этих людей он не видел даже мельком.*

— Мистер Макензи! Как хорошо, что вы откликнулись. Я отниму у вас всего несколько минут.

Дункан уже имел печальную возможность убедиться, что последняя фраза — не более чем хитрая терранская уловка. Услышав эти слова, он настороженно поглядел на незнакомца, пытаясь угадать, что это за человек и чем занимается. Вид пригласившего не внушал опасений: исключительно аккуратный щуплый человек с козлиной бородкой, одетый в шервани — традиционный индокитайский наряд — и застегнутый на все пуговицы. Обликом своим он не походил на зануду или фанатика. Впрочем, фанатики могут выглядеть как угодно.

— Хорошо, мистер... Мандельштам. Чем могу быть вам полезен?

— Я намеревался связаться с вами. Редкая удача: увидел вашу фамилию в списке гостей. Я знал, что только у одного Макензи имя может начинаться с буквы Д. Дональд, Дуглас, Дэвид...

— Дункан.

— Ах да. У меня не слишком хорошая память на имена. Если не возражаете, давайте перейдем вот туда и сядем. Мне нравится эта картина. Это «Попутный ветер» Уинслоу Хомера*. Возможно, манера письма грубовата, но все равно: вы буквально ощущаете запах рыбы, трепыхающейся в лодке. Кстати, любопытное совпадение: этой картине ровно четыреста лет! Вы не находите, что в совпадениях есть какое-то особое очарование? Я, знаете ли, всю свою жизнь коллекционирую совпадения.

* Уинслоу Хомер (1836–1910) — американский живописец и график, основоположник американской реалистической живописи.

— Я как-то не задумывался об этом,— ответил Дункан, ощущая внезапную нехватку воздуха.

Еще немного — и он сам начнет говорить в такой же скачущей манере. Что этому человеку от него нужно? Попробуй угадай намерения собеседника со столь импульсивной речью!

Правда, когда они сели на изящный диванчик, поведение мистера Мандельштама заметно изменилось. Он заговорщически огляделся по сторонам — не подслушивает ли кто (рыбаки с полотна Уинслоу Хомера не в счет), затем заговорил уже совсем иным тоном:

— Я обещал отнять у вас всего несколько минут. Вот моя визитная карточка. Там есть все необходимые координаты. Да, я именую себя торговцем антиквариатом, но это слишком общее название. Мой основной интерес — драгоценные камни. Я владею одной из крупнейших частных коллекций. *Вероятно, вы уже догадались, почему я так стремился увидеться с вами.*

— Пока нет.

— Из-за титанита, мистер Макензи. На всей Земле едва ли найдется дюжина образцов этого камня. Пять из них находятся в разных музеях. Представляете, даже Смитсоновский музей не имеет ни кусочка титанита в своих коллекциях! Хранитель отдела драгоценных камней — кстати, вот тот долговязый мужчина он и есть — страшно переживает по этому поводу. Полагаю, вы знаете, что титанит — один из немногих материалов, которые невозможно синтезировать.

— Да, мне это известно.

Настороженность Дункана только возросла. Свои интересы мистер Мандельштам обозначил. Но что насчет его намерений?

— Скажу вам откровенно — и надеюсь, вы меня поймете. Если бы из клубов дыма передо мной вдруг возник один

рогатый джентльмен и предложил контракт: несколько граммов титанита в обмен на мою подпись кровью, я бы расписался, даже не заглянув в текст контракта.

Дункан не понял, о каком «рогатом джентльмене» речь, но общий смысл уловил и ответил неопределенным кивком.

— Так вот, нечто подобное имело место чуть более трех месяцев назад. Естественно, не при столь драматических обстоятельствах. Некто, соблюдая всяческую предосторожность, сообщил мне, что располагает титанитом для продажи. Лоты вплоть до десяти граммов. Что вы скажете на это?

— Я бы с большим подозрением отнесся к таким утверждениям. Возможно, вам пытались предложить подделку.

— Титанит нельзя подделать.

— Ну а если синтетический? Вдруг кто-то нашел способ?

— Я уже думал об этом. Мысль, конечно, интересная. Но синтез титанита немыслим без новой, революционной технологии. А это — ошеломляющие научные открытия, которые невозможно держать в тайне. Учтите трудоемкость задачи! Это вам не искусственные алмазы производить. И потом, никто не знает, как получить титанит. Существует по меньшей мере четыре теории, опровергающие возможность его синтеза.

— А вам самому приходилось видеть титанит?

— Разумеется. Один образец в Нью-Йоркском музее естественной истории и еще один — удивительный, надо сказать, образец — в Геологическом музее Южного Кенсингтона.

Дункан не сказал мистеру Мандельштаму, что еще более удивительный образец титанита находится менее чем в десяти километрах отсюда, в номере отеля «Столетие». Пока в этой загадочной истории не появится ясность и пока он поподробнее не разузнает о мистере Мандельштаме, лучше держать язык за зубами. Вряд ли кто-то отважится вломиться в номер и похитить крест из титанита, но к чему понапрасну рисковать?

— Честно говоря, я не совсем понимаю, чем я могу вам помочь, мистер Мандельштам. Если вы уверены, что титанит

настоящий и не был добыт нелегальным путем, тогда в чем проблема?

— Попытаюсь объяснить. Не все редкое обязательно ценится, однако все ценное является редким. Если бы кто-то нашел самородок титанита весом в несколько килограммов, титанит занял бы свое место среди распространенных камней вроде сапфира, опала или рубина. Я не хочу инвестировать большие средства, если существует опасность, что цена вдруг стремительно начнет падать.

Заметив недоуменный взгляд Дункана, ювелир поспешно добавил:

— Поймите меня правильно, мистер Макензи. Прибыль меня давно не волнует. Этот интерес во мне угас. Скажем, я занимаюсь этим из любопытства. Но рисковать своей репутацией не хочу.

— Понимаю. В случае крупной находки я бы обязательно о ней услышал. Наше правительство получило бы соответствующий доклад.

Брови мистера Мандельштама изогнулись.

— Возможно, да. А возможно, и нет. Особенно если титанит был найден вне пределов вашей планеты. Разумеется, это лишь предположение. Любой студент-геолог знает, что титанит встречается только на Титане.

«А он хорошо информирован,— подумал Дункан.— И наверняка знает про титанит гораздо больше моего».

— Если я правильно вас понял, вы предполагаете, что на других спутниках Сатурна тоже могут существовать титанитовые прожилки?

— Да. Кстати, его следы обнаружены на Япете.

— Я впервые об этом слышу. Но следы — еще не сам титанит. Повторяю: о крупной находке я бы обязательно знал. А вы ведь подозреваете именно это?

— Среди прочего.

Дункан умолк, мысленно анализируя услышанное. Вряд ли Мандельштам умышленно лжет. Если все, что сказал зем-

лянин,— правда, тогда Дункан, будучи частью правительства Титана, должен заняться расследованием. Но сейчас ему меньше всего хотелось взваливать себе на плечи дополнительную работу. Появятся новые сложности, и еще неизвестно, сколько их будет. Если какой-нибудь проныра служащий организовал нелегальную продажу титанита, Дункан предпочитал сохранять блаженное неведение. У него есть дела поважнее.

Скорее всего, Мандельштам понял причину его замешательства.

— Речь может идти о весьма крупных суммах,— тихо добавил ювелир.— Меня деньги не интересуют, но государственные структуры всегда бывают весьма благодарны, когда кто-то помогает им найти причину утечки их доходов. Если я смогу помочь вам заработать такую благодарность, я буду очень рад.

«Понимаю,— думал Дункан.— Пытается меня завлечь личной выгодой».

Дункан не знал, есть ли в законодательстве Титана какие-либо положения, говорящие о награде за подобные услуги. Даже если вознаграждение действительно существовало, со стороны специального помощника главного администратора требование награды было бы не очень-то тактичным шагом. С другой стороны... пока он на Земле, ему может понадобиться больше денег, чем он думал. Особенно после отказа Кейнса.

— Я сделаю вот что,— сказал он Мандельштаму.— Завтра же я отправлю на Титан запрос и попрошу начать расследование. Разумеется, очень осторожное, чтобы возможный виновник ничего не заподозрил. Если я что-то узнаю, сразу же свяжусь с вами. Но многого не обещаю. Может быть и так, что мне будет нечего вам сообщить.

Тем не менее Мандельштам обрадовался. Он принялся горячо благодарить Дункана, после чего откланялся и растворился в толпе.

Два часа, проведенные на ногах, возмутили все кости и позвонки, которые теперь требовали, чтобы он немедленно

вернулся в номер и лег. Пробираясь к выходу, Дункан повсюду высматривал Джорджа Вашингтона и сумел найти его без помощи доски с кнопками.

— Вам понравилось? — спросил Джордж.

— Да. Мне здесь было очень интересно. Я встретил одного... забавного человека. Называет себя экспертом по драгоценным камням.

— Вероятно, это был Айвор Мандельштам?

Дункан кивнул.

— И что же этому старому лису понадобилось от вас?

— Кое-какие сведения. Он ведь коллекционирует камни. Я искренне пытался ему помочь, но камни — не моя специализация. Странный человек этот Мандельштам. Скажите, его стоит принимать всерьез? И вообще, ему можно доверять?

— Айвор — один из крупнейших мировых экспертов по драгоценным камням. А это такой род деятельности, где даже малейшие подозрения недопустимы. Так что вполне можете ему доверять.

— Благодарю. Это все, что я хотел знать.

Через полчаса, вернувшись к себе в номер, Дункан достал шкатулочку с бабушкиными пентамино. С момента прилета на Землю он еще не притрагивался к ее подарку. Открыв шкатулочку, Дункан извлек титанитовый крест и поднес к свету...

Впервые он увидел титанит у бабушки Элен. Но не в детстве, а в свои шестнадцать, когда на Титане находились гости с Земли. К бабушке он пришел вместе с Калинди. Сейчас Дункан уже и не помнил, как сумел уговорить нелюдимую Элен, которая не желала видеть даже родственников. Должно быть, пустил в ход всю свою дипломатию. К его удивлению, бабушка согласилась. Калинди чуть ли не прыгала от радости: после рассказов Дункана ей не терпелось познакомиться со знаменитой женщиной. Но когда Калинди заикнулась о нескольких друзьях, которых она намеревалась взять с собой, Дункан решительно замотал головой. Только они вдвоем.

Они навестили Элен в один из редких дней, когда система ее внутренних координат совпадала с координатами внешнего мира. Бабушка весьма гостеприимно встретила Калинди. Казалось, она по-настоящему рада видеть земную гостью. Впрочем, бабушкино дружелюбие в значительной мере объяснялось еще и ее недавним приобретением. Элен вдруг захотелось поделиться своей радостью с другими.

Тот кусочек титанита был не самым первым из найденных на планете. Возможно, вторым или третьим. Но тогда он считался самым крупным по размерам и по весу — почти пятнадцать граммов. Обломок неправильной формы. Вероятно, из него бабушка и вырезала потом крест для пентамино. Пятнадцать лет назад титанит не считался драгоценным камнем. Его скорее относили к минералогическим курьезам.

Бабушка отполировала кружочек в несколько квадратных миллиметров. Когда они с Калинди пришли, титанит лежал на предметном столике бинокулярного микроскопа, освещенный неестественно белым светом трихроматического лазера. Основной свет был выключен; гостиная мерцала и переливалась многочисленными точками так называемого рефракционного освещения. Синие, красные, зеленые огоньки таинственно перемигивались со стен и потолка. Бабушкина гостиная напоминала сейчас келью средневекового чародея или алхимика. В те времена Элен Макензи наверняка сочли бы ведьмой.

Калинди надолго припала к окулярам микроскопа. Дункан терпеливо ждал. Наконец она подняла глаза.

— Потрясающе! Я такого еще не видела! — прошептала земная гостья, с явной неохотой отрываясь от микроскопа.

Шестиугольный коридор света уходил прямо в бесконечность, освещенный миллионами крошечных точек. Их геометрический порядок был безупречен. Меняя фокус, Дункан мог бы часами перемещаться по этому коридору и все равно не достичь его конца. Невероятно, чтобы камешек толщиной всего в миллиметр хранил внутри целую вселенную!

Однако стоило чуть сместить сам предметный столик, как шестиугольный коридор исчез. Это чудо зависело от освещенности и ориентации кристалла. Даже умелые бабушкины руки не сразу сумели вернуть его.

— Уникальное зрелище! — воскликнула Элен. (Дункан впервые видел ее такой возбужденной.) — И никаких мыслимых объяснений. Только предположения. Я даже не уверена, видим ли мы его настоящую структуру или это некий трехмерный муаровый узор, если такое возможно.

За пятнадцать лет появились и были отвергнуты сотни теорий происхождения титанита. Ученые соглашались лишь в одном: редкое совершенство кристаллический решетки титанита обусловлено крайне низкими температурами и почти полным отсутствием гравитации. Если эта теория была верна, титанит мог появиться только на весьма удаленных от Солнца планетах. Кое-кто из сторонников неподтвержденной теории тут же заговорил о рождении новой науки — межзвездной кристаллографии.

Высказывались и более экстравагантные предположения. Разумеется, своя гипотеза имелась и у Карла.

— Не верю я в естественность его происхождения,— однажды заявил он Дункану.— Такой материал не может возникнуть в природных условиях. Титанит создала иная цивилизация, куда более развитая, чем наша.

Тогда его слова произвели на Дункана сильное впечатление. Ученые единодушно отвергали подобные гипотезы, называя их полнейшим бредом. Однако Карл был не единственным, в чьей голове родилось столь безумное предположение. Каждый год кто-то вновь поднимал вопрос об инопланетном происхождении титанита. А потом, как часто бывает, людям надоело это обсуждать. Только минералоги, кристаллографы и ювелиры не переставали восхищаться титанитом. Одним из таких чудаков был Мандельштам.

Если Макензи что-то обещали, даже по пустякам, они всегда стремились выполнить свое обещание. Дункан решил не

торопиться. Завтра утром он отправит послание Колину, и, возможно, на этом все и кончится.

Титанитовый крест вернулся на свое место между фигурами F, N, U и V. «Надо будет зарисовать их расположение,— подумал Дункан.— А то ведь опять провожусь несколько часов».

Глава 25
СОПЕРНИКИ

Разговор с Мортимером Кейнсом все-таки выбил Дункана из колеи. Несколько дней он в тишине и одиночестве зализывал раны. Обсуждать подобные темы с Джорджем Вашингтоном и послом Фаррелом он не был настроен. Здесь бы очень пригодилась помощь Калинди, но Дункан избегал звонить и ей. Он в большей степени прислушивался к голосу интуиции, нежели к голосу логики, а интуиция предостерегала его против такого шага. Заглядывая в сердце, Дункан с грустью обнаруживал, что по-прежнему желает Калинди и, возможно, даже любит ее. Однако доверия к ней у него не было.

Не помог ему и раздел «Объявления», найденный через информационную систему консоли. Десятки имен, появившиеся на экране, ничего ему не говорили. Кейнса среди них не было. На персональный запрос относительно сэра Мортимера информационная система коротко ответила: «Отошел от врачебной практики». Очень жаль, что Дункан не догадался навести справки раньше. Но откуда ему было знать?

Как часто бывает, вопрос разрешился весьма неожиданным образом. Во время очередного сеанса массажа, когда умелые руки Берни Патраса немилосердно терзали его мышцы, заставляя стонать, он вдруг подумал: «А почему бы не спросить у этого эскулапа?»

Он вполне может довериться Берни. За эти дни между Дунканом и массажистом установились вполне дружеские отношения. Оба беззлобно подшучивали друг над другом; в чем-то

их взгляды совпадали, в чем-то расходились. Но Дункан ни разу не усомнился в профессионализме Берни. Золотые руки Патраса помогали ему все увереннее передвигаться в условиях земного тяготения. Дункан замечал, как с каждым днем становится сильнее.

Берни, словно губка, впитывал в себя множество историй своих пациентов, в том числе и весьма скандальных. Однако, рассказывая о них, он никогда не называл имен и держался на почтительном расстоянии от журналистов. Берни любил поговорить, но вовсе не был безответственным болтуном, которому ничего нельзя доверить. К тому же он вращался в среде медиков. Дункан чувствовал, что вполне может рассчитывать на помощь массажиста.

— Берни, у меня к вам одна просьба,— начал Дункан.

— Рад вам услужить, наш дорогой титанский гость. Кого желаете? Парней? Девушек? Или тех и других? В каком количестве? Да, не забудьте назвать желаемую комплекцию и темперамент. Все будет в точности учтено.

— Я не шучу, Берни. Вопрос серьезный. Вы ведь знаете, что я — клон?

— Да.

Дункан так и думал. Подобные сведения не принадлежали к числу тщательно охраняемых секретов.

— О-о-ой! Пожалейте мою спину!.. Вы слышали о Мортимере Кейнсе?

— Конечно. Знаменитый генетический хирург.

— Так вот: я — творение Кейнса. Он создал меня тридцать лет назад. На днях я ему позвонил... хотелось просто поговорить. Знаете, он как-то очень странно вел себя. Я бы даже сказал — грубо.

— Вы случайно не обращались к нему «доктор»? Хирурги терпеть не могут это слово.

— Сейчас не помню. Возможно, и обращался. Я же не знаю ваших терранских тонкостей. В общем-то, его грубость не была направлена на меня. Он пытался мне объяснить, что

клонирование — недостойное занятие и что теперь он против такого способа размножения. Впору было извиняться перед ним за свое существование!

— Вполне понимаю ваши чувства, Дункан. Теперь вы жаждете мести и изыскиваете изощренный способ убийства этого старого негодяя. Но если вы собрались нанять меня, учтите: вам это будет стоить очень дорого. Зато с гарантией.

— Прежде чем пойти на такую крайность, я бы просил разузнать у ваших коллег-медиков вот что. Меня удивляет, почему сэр Мортимер резко изменил взгляды на клонирование. Ведь должна же быть какая-то причина.

— Ну, эту просьбу мне выполнить легче, хотя и на нее может уйти несколько дней. Так что наберитесь терпения.

Берни недооценил свои способности. На следующее же утро он позвонил Дункану.

— Все оказалось куда проще, чем я думал. История очень известная. Ее многие помнят. Включите вашу консоль на запись. Я вам сейчас перекину статьи из «Уорлд таймс».

Пятнадцать лет назад эту трагикомедию смаковали все крупные терранские средства массовой информации. Несколько месяцев они следили за развитием событий. Потом история начала забываться, но ее отзвуки еще долго сотрясали бумажные и электронные страницы газет и появлялись в выпусках новостей. Что касается причины — она оказалась столь же древней, как история человечества; менялись только внешние формы. Пробежав глазами всего несколько абзацев, Дункан получил довольно целостную картину.

У одного блестящего, но стареющего хирурга был молодой и не менее блестящий ученик, которому со временем предстояло занять место своего учителя. Вместе они проходили через триумфы и невзгоды и настолько сблизились, что мир привык воспринимать их как одно целое.

А потом между ними начались разногласия из-за методов, разработанных учеником. Тот утверждал: раз весь процесс клонирования протекает под контролем, незачем ждать пресловутые девять месяцев между зачатием и рождением. Если

принять необходимые меры для охраны здоровья суррогатной матери, носящей в себе оплодотворенную яйцеклетку, срок беременности вполне можно сократить до двух-трех месяцев.

Естественно, такое заявление сразу же привлекло широчайшее внимание и вызвало не менее широкий резонанс. Заговорили, хотя и в шутку, о «мгновенном клонировании». Мортимер Кейнс в обсуждении теорий своих коллег не участвовал, однако яростно возражал против новых методов. Со свойственным ему консерватизмом, который многим казался совершенно неуместным, престарелый хирург заявлял: у Природы имелись веские основания положить между зачатием и родами отрезок в девять месяцев, и человечество не имеет права нарушать этот вечный закон.

Учитывая вред, который клонирование наносило нормальному процессу размножения, позиция Кейнса вызывала недоумение, о чем сразу же поспешили заявить его оппоненты. Однако их критика лишь сделала сэра Мортимера еще упрямее. Читая между строк, Дункан понял: почтенным хирургом двигало вовсе не желание встать на защиту незыблемости природных законов. За его возражениями скрывалось что-то еще. По каким-то неведомым причинам, о которых мир вряд ли когда-нибудь узнает, Кейнс вдруг начал испытывать угрызения совести. В действительности он возражал не против сокращения сроков, а против самого клонирования.

Естественно, ученик Кейнса стоял на своем. Их споры становились все более ожесточенными и приобретали все бóльшую огласку. Средства массовой информации, которым всегда нужна «хорошая драчка», искусно раздували этот конфликт. После неудачной попытки примирения Кейнс и его ученик разошлись навсегда, прекратив всякое общение друг с другом. С тех пор устроители медицинских конгрессов и симпозиумов тщательно следили за тем, чтобы противники ни в коем случае не оказались на одном заседании.

На этом хирургическая карьера Мортимера Кейнса закончилась. Знаменитая клиника, созданная им, была закрыта.

Правда, он сохранил свою приемную на Харли-стрит, где изредка проводил консультации. А бывший партнер сэра Мортимера, вдобавок обладавший способностью получать государственные и частные средства на свои эксперименты, быстро создал свою клинику и продолжил исследования.

Дункан с волнением и любопытством дочитывал присланные Берни материалы. Бывший ученик сэра Мортимера — вот кто ему нужен. Дункан еще не решил, воспользуется ли он преимуществом ускоренного клонирования. Ему было просто приятно узнать, что подобная возможность существует и если он изберет этот способ, то сможет вернуться на Титан на несколько месяцев раньше.

Оставалось лишь найти этого человека. К счастью для Дункана, ему не пришлось обращаться к разделу «Жители Земли» (заглянув туда, он обнаружил сотни тысяч людей с аналогичным именем). Он снова вызвал раздел «Объявления» и в считаные секунды нашел того, кто ему нужен.

Доктор Эль Хадж Иегуди бен Мохаммед жил и работал на небольшом острове возле восточного побережья Африки.

•

Дункан еще не успел толком узнать, как ему добраться до Занзибара, когда с Титана пришло сообщение. Такие письма в шутку называли «бомбами замедленного действия». Идентификационный номер принадлежал Колину, однако сам текст представлял собой редкостную бессмыслицу. Дункан не сразу догадался, что отец применил двойное шифрование: вначале цифровым, а затем личным кодом Макензи. Даже после двух расшифровок, возложенных на электронные мозги минисека, послание оставалось весьма запутанным:

СРОЧНОСТЬ ААА КЛАСС ЗАЩИТЫ ААА

ОТСУТСТВИЕ ЗАРЕГИСТРИРОВАННЫХ БЮРО РЕСУРСОВ ПОСТАВОК ТИТАНИТА ПОСЛЕДНИЕ ДВА ГОДА СЛУЧАЕ ЧАСТНОЙ ПРОДАЖИ ЗА КОНВЕРТИРОВАННЫЕ СОЛАРЫ БЕЗ ВИЗЫ ТИТАНСКОГО БАНКА

НАРУШЕНИЕ ЗАКОНА СТОЙКИЕ СЛУХИ КРУПНОМ ОТКРЫТИИ УДАЛЕННОМ СПУТНИКЕ ЗАПРАШИВАЮ ХЕЛМЕРА ПРОВЕРКЕ СООБЩУ НЕЗАМЕДЛИТЕЛЬНО КОЛИН

Дункан несколько раз перечитал отцовскую абракадабру. Постепенно куски головоломки начали собираться в более или менее осмысленную картину. Чем яснее она становилась, тем меньше нравилась Дункану.

Естественно, отцу придется обращаться к Арманду Хелмеру. Экспорт минералов относился к юрисдикции управляющего ресурсами. Более того, по образованию Арманд был геологом. Он лично нашел один из образцов титанита, чем необычайно гордился.

А вдруг тут замешан сам Арманд? Дункан тут же отбросил эту мысль как абсурдную. Он с детства знал Арманда. Между ними существовало немало разногласий и в политике, и в иных сферах, однако Дункан даже на мгновение отказывался верить, чтобы управляющий ресурсами замарал себя чем-то незаконным, и притом — в своем же бюро! Зачем ему это? Чтобы положить несколько тысяч соларов на счет в каком-нибудь земном банке? Арманд был слишком стар; перемена гравитации явилась бы для него губительной. Ни о каком возвращении на Землю не могло быть и речи. При всех своих недостатках Арманд был не из тех людей, кто нарушит закон ради столь ничтожной цели, как импорт терранских предметов роскоши. Рано или поздно такие приобретения всегда обнаруживались из-за неистребимого человеческого свойства — желания похвастаться перед другими. Если подобное случалось, скудные коллекции Титанского музея пополнялись новыми экспонатами, а виновный на целый месяц (иногда и дольше) лишался доступа во все лучшие места.

Нет, Арманда можно исключить. А его сына? Чем больше Дункан обдумывал возможную причастность Карла, тем правдоподобнее она выглядела. Доказательств у него не было, но все факты вели в одном направлении.

Начать с того, что Карл обладал безрассудно-смелым, авантюрным характером. Он обожал рисковать, особенно если на то имелись веские основания. Еще мальчишкой он любил развлекаться, нарушая различные правила, кроме, конечно, основных правил выживания, которые ни одному здравомыслящему жителю Титана и в голову не придет нарушить.

Если на одном из внешних спутников нашли титанит, у Карла отличные шансы воспользоваться открытием в своих целях. За последние три года он участвовал в пяти или шести совместных экспедициях. Карл был редким счастливчиком, сумевшим побывать на Энцеладе, Тефии, Дионе, Рее, Гиперионе, Япете, Фебе, Хроносе, Прометее. А сейчас он находился на далекой Мнемозине.

Дункан мысленно набросал возможную цепь событий, соблазнявшую своей убедительностью. Карл мог и сам открыть эти залежи. Либо их открыл кто-то другой, но Карл просматривал все образцы, доставляемые на исследовательский корабль. Воспользовавшись своим обаянием, Карл легко повернул ход событий в нужном ему направлении. Возможно, тот, кто нашел титанит, не придал этому значения. В естественных условиях камень видели лишь немногие, а необработанный титанит очень сильно отличается от обработанного.

А дальше Карлу оставалось лишь отправить небольшую посылку с одним из кораблей, которые доставляли экспедиции продовольствие и оборудование. Обычно они даже не заходили на Титан.

Допустим, Карл отправил свою посылку. Было ли это нарушением законодательства? Вопрос каверзный. Под юрисдикцией Титана находились лишь постоянные спутники Сатурна. Относить ли сюда и временных гостей вроде Фебы и некоторых других — с этим до сих пор не было ясности. Возможно, Карл вообще не нарушал никаких законов...

И все равно логичная цепь событий, построенная в мозгу Дункана, пока оставалась лишь его умозрительными рассуждениями. Никакими доказательствами он не располагал. И почему вообще он приплел сюда Карла?

Дункан перечитал текст отцовского послания, остававшегося на экране консоли. «КРУПНОМ ОТКРЫТИИ УДАЛЕННОМ СПУТНИКЕ ЗАПРАШИВАЮ ХЕЛМЕРА...» Вот что заставило его подумать о Карле! Виновность, подсказанная ассоциацией. Сопоставление могло оказаться случайным. Случайным ли? Макензи отлично понимали ход мыслей друг друга. И такие слова Колин выбрал не случайно. Для общей информации ему вовсе не требовалось упоминать Хелмера. Отец хотел заблаговременно предупредить Дункана.

Глупо, конечно, предаваться бездоказательным рассуждениям, однако Дункан все же позволил себе сделать еще один шаг. Если Карл действительно причастен к истории с титанитом, зачем ему это понадобилось?

Да, Карл любил рисковать. Возможно, он действительно был замешан в мелких нарушениях закона, но ведь у него явно имелись какие-то цели. Но если... здесь по-прежнему существовало большое жирное «если»... если Карл решил обзавестись накоплениями на Земле, у него есть какая-то долгосрочная цель. Значит, он строит себе стартовую площадку. Здесь они с Дунканом действуют одинаково.

Тогда у Карла наверняка должен быть свой агент на Земле — человек, которому он безоговорочно доверяет. Найти подобного человека ему не составило труда — ведь Карл знаком с сотнями терранцев.

— Боже мой,— прошептал Дункан.— Это все объясняет...

Может, отложить поездку на Занзибар? Нет, поездка туда очень важна; она даже важнее его приветственной речи, ради которой он прилетел за миллиард километров. Надо подождать новых вестей от отца и тогда решать, что делать дальше.

Его рассуждения строились на сплошных предположениях, без единого атома доказательств. Однако на сердце у Дункана было холодно и муторно. Ему вдруг вспомнился одино-

кий айсберг, гонимый подводным течением на юг, навстречу неотступной судьбе. И с чего эта мысль забрела ему в голову?

Глава 26
ОСТРОВ ДОКТОРА МОХАММЕДА

Доктор Тодд, заместитель Эль Хаджа, был одним из тех врачей, которые постоянно излучают уверенность (даже там, где этого не требуется). Еще достаточно молодой, он держался искренне и открыто. Дункан так и не узнал, почему коллеги дали Тодду прозвище Суини*.

— Мне очень жаль, но на этот раз вы не сможете встретиться с доктором Эль Хаджем,— развел руками Тодд.— Ему пришлось вылететь на Гавайи. Неотложная операция.

— И это в наши дни? А как же телеоперации?

— Обычно так и происходит. Но Гавайи от нас слишком далеко, на другом краю планеты. Сигнал идет через два спутника. А во время телеопераций даже малейшая задержка во времени может оказаться критической.

Значит, и на Земле они страдают от запаздывания радиоволн. Пауза в полсекунды совсем незаметна в разговоре, но разница в полсекунды между глазом хирурга и его рукой может стоить пациенту жизни.

— Раньше здесь помещалась знаменитая лаборатория морских исследований,— продолжал доктор Тодд.— От них нам досталось немало полезного, включая и уединенность.

— Неужели это так необходимо? — спросил Дункан.

Его удивляло, почему доктор Эль Хадж создал свою клинику не в каком-нибудь крупном городе, а в этом захолустье.

— Наша работа вызывает громадный эмоциональный интерес, поэтому мы вынуждены следить за посетителями.

* Вероятно, потому, что Суини Тоддом звали героя романа и фильма ужасов («Суини Тодд — дьявольский брадобрей с Флит-стрит», 1936 г.). Само слово *sweeney* происходит от гэльского *suibhne*, означающего «красивый, приятный». Получается нечто вроде Красавчик Тодд.

Согласитесь, на острове это куда проще, чем на материке. И прежде всего мы обязаны защищать наших матерей. Возможно, они не отличаются особым умом, но они восприимчивы и не любят, чтобы посторонние глазели на них.

— Я пока что не видел ни одной матери.

— А вы действительно хотите их увидеть?

Непростой вопрос. Все чувства Дункана говорили «нет». Должно быть, тридцать один год назад и он появился на свет в таком же месте, хотя и не столь живописном. Срок созревания плода, скорее всего, тогда был девять месяцев. Это значит, что какая-то неизвестная женщина носила Дункана в своем чреве не менее восьми месяцев после имплантации яйцеклетки. Жива ли эта женщина? Сохранилось ли где-нибудь ее имя? Или только номер в компьютерном файле? Возможно, даже номера не осталось, поскольку личность суррогатной матери не имела никакого биологического значения. Ученые и конструкторы вполне могли бы создать искусственное чрево — своеобразный инкубатор для «высиживания» людей. Но, видимо, сочли это нецелесообразным. И потом, природное работает надежнее и требует меньше хлопот. В мире с жестко ограниченной рождаемостью было более чем достаточно желающих стать суррогатными матерями; требовалось лишь отобрать наиболее подходящих.

У Дункана не сохранилось даже обрывков воспоминаний о своей суррогатной матери и о первых месяцах после рождения, которые он провел на Земле. Любая попытка проникнуть за туманную завесу, окружавшую его раннее детство, кончалась неудачей. Он не знал: то ли так и должно быть, то ли ему намеренно заблокировали память о начале жизни. Дункан подозревал второе, поскольку ему и самому не особенно хотелось заниматься поисками и расспросами.

Его представление о матери было связано с женой Колина Шилой. Ее лицо, протянутые к нему руки, ее любовь, к которой затем добавилась любовь бабушки Элен. Колин учел ошибки Малькольма и спутницу жизни выбирал очень тщательно.

Шила относилась к Дункану как к своим родным детям, и он привык считать Юрия и Глин своими старшими братом и сестрой. Дункан уже не помнил, когда он впервые узнал, что Колин им не отец и вообще никак генетически с ними не связан. Но это знание практически ничего не изменило в его жизни.

Став взрослым, Дункан понял, сколько незаметных сил потратили Колин и Шила, чтобы создать сплоченную семью. Такое было бы просто немыслимо в прежние века с их ограниченными взглядами на брак и сексуальным подчинением. Даже сегодня далеко не все семьи были дружными и счастливыми. Дункан искренне надеялся, что им с Мириссой повезет и что Клайд и Карлина примут Малькольма с той же радостью и любовью, как Юрий и Глин когда-то приняли его самого...

— Простите, доктор,— спохватился Дункан.— Замечтался, глядя по сторонам.

— Вполне понимаю вас. Место и в самом деле чертовски красивое. Когда мне нужно работать, я вынужден задергивать шторы.

Скорее всего, Тодд не шутил. Ощущение красоты не покидало Дункана с той самой минуты, когда он приземлился на Занзибаре. Однако это чувство не было безмятежным. К нему подспудно примешивался страх, имевший вполне определенную причину.

В десятке метров от них начиналась голубая гладь океана, уходящая к самому горизонту. Океан завораживал и пугал. Столько воды! Одно дело, когда сидишь в кабине шаттла и смотришь на обзорный экран. Оттуда не оценить настоящих размеров земных океанов. Высота скрадывает расстояния; десять минут полета — и океан пересечен.

Предки ошиблись с именем планеты: ее следовало бы назвать Океаном, а не Землей. Дункан быстро произвел необходимые подсчеты (невзирая на засилье компьютеров, Макензи не разучились считать в уме). Радиус Земли примерно

шесть тысяч километров, его глаза находятся метрах в шести над уровнем моря... шесть умножить на корень из двух... Получается — чуть больше восьми километров. Всего восемь! Уму непостижимо, а кажется, что до горизонта не менее сотни километров. В поле его зрения попадало не больше одного процента расстояния до другого берега.

Совсем рядом плескался чужой, неведомый мир, кишащий странными существами, готовыми проглотить все, что попадалось им на пути. Голубое пространство океана представлялось Дункану куда более опасным, чем просторы космоса. Даже опасности Титана меркли перед теми, что таились в океанских глубинах.

Но может, это его восприятие? На мелководье вовсю плескались дети. Они плавали и ныряли. Прикинув, сколько времени они проводят под водой, Дункан невольно содрогнулся. Один мальчишка провел там больше минуты.

— А это не опасно? — спросил Дункан, кивая в сторону лагуны.

— Мы не подпускаем детей к воде, пока они не научатся хорошенько плавать и нырять. И уж если где тонуть, так лучше всего здесь,— усмехнулся доктор Тодд.— Врачи и мощнейший арсенал средств — рядом. За пятнадцать лет у нас был только один смертный случай. Тело утонувшего мы и тогда могли бы спасти, но часовое нахождение в воде непоправимо повредило мозг.

— Но ведь в океане водятся акулы и другие большие хищные рыбы,— не унимался Дункан.

— Внутри лагуны не было ни одного случая нападения акул. Да и во внешних водах — всего один. Согласитесь, это весьма скромная плата за доступ в волшебную страну. Завтра мы собирались поплавать на большом тримаране. Не хотите составить нам компанию?

— Я подумаю,— уклончиво ответил Дункан.

— А что тут думать? Уверен, вы еще никогда не бывали под водой.

— Я и на воде-то не был. Плавательный бассейн — не в счет.

— Вы ничем не рискуете. Хотя полный тест занимает сорок восемь часов, я уверен: в случае чего мы успешно клонируем вас из доставленных вами генотипов. Так что бессмертие вам гарантировано.

— Благодарю вас,— сухо ответил Дункан.— Это в корне меняет дело.

Он смотрел на резвящихся детей. Они ничуть не боялись воды. Их не надо было туда загонять, скорее, наоборот. Совсем маленькие, они бросали вызов ему, взрослому мужчине. Дункан почувствовал, что на карту поставлена гордость династии Макензи. Он угрюмо оглядел водную гладь и решил, что не имеет права спасовать перед незнакомой стихией. И лучше всего это сделать здесь, на острове.

Никогда еще все его существо так не противилось задуманному.

В вечернем небе перемигивались яркие крупные звезды. На Титане таких звезд никогда не увидишь. Часы показывали девятнадцать ноль-ноль; до ужина еще далеко, не говоря уже о времени сна. Сумерек здесь не существовало, и не успело солнце зайти, как сказочный мир окутала не менее сказочная тьма. В ней земными звездами светились огни зданий и цепочка фонарей вдоль старого кораллового рифа.

Из темноты донеслась музыка. Ритмично били барабаны. Чувствовалось, что у барабанщиков больше упоения, чем умения. Иногда сквозь их дробь прорывались обрывки песен, а также голоса женщин, окликавших друг друга. Слушая эти голоса, Дункан вдруг ощутил одиночество и затосковал по далекому дому. Он свернул на узкую тропку и пошел на звуки.

Тропка ветвилась. Несколько раз он выбирал не тот отрезок и оказывался в зарослях. В одном таком месте он спугнул уютно устроившуюся парочку и, рассыпаясь в извинениях, спешно ретировался. Наконец за деревьями мелькнуло

пламя костра. Дункан вышел на поляну, где и происходило непонятное ему торжество.

Там горел большой костер. Языки пламени затмевали звезды, отправляя к ним клубы густого дыма. Вокруг костра плясали два десятка женщин, которые напоминали жриц какого-то древнего культа.

Присмотревшись, Дункан понял, что эти женщины не столько танцуют, сколько просто вразвалку ходят вокруг костра. Их движения были далеки от грациозности. У многих большие животы свидетельствовали о приличных сроках беременности. Однако двигаться женщинам они не мешали. Скорее всего, будущим матерям даже предписывались в меру активные движения.

Зрелище было довольно гротескным и в то же время трогательным. В Дункане оно вызвало смешанное чувство жалости и нежности. Даже любви, но безличностной и не окрашенной в эротические тона. Нежность была вполне объяснима. Многие мужчины испытывают схожее чувство, глядя на большие животы беременных женщин, откуда скоро должна родиться новая жизнь, и попутно вспоминая свое появление на свет. Причина жалости была иной.

На Титане Дункан видел очень мало людей с безобразными или уродливыми телами. Еще меньше их было на Земле. Телесные нарушения почти всегда поддавались исправлению. Почти, но не всегда. И танцующие беременные женщины доказывали это своими телами.

Большинство из них были просто некрасивы, нескольких Дункан назвал бы отталкивающими, и еще от нескольких ему хотелось отвернуться. Среди толпы мелькнуло два или три достаточно миловидных лица. Однако, приглядевшись, Дункан сразу же понял, что эти женщины страдают умственной отсталостью. Если бы его «тетка» Анитра дожила до взрослого возраста, то, наверное, неплохо бы вписалась в этот круг.

Танцевать нравилось не всем. Несколько беременных женщин предпочитали колотить в барабаны, а другие «пилили»

на скрипках (играть они совершенно не умели). Если бы не искренность чувств, с какой и танцующие, и музыканты отдавались этому действу, зрелище было бы весьма уродливым. И все же увиденное не стало для Дункана полной неожиданностью.

Он знал, как выбирают суррогатных матерей. Основным требованием, естественно, было гинекологическое здоровье. Здесь проблем почти не возникало, зато существовали психологические сложности, решить которые в прежние века, когда не существовало компьютерного контроля за численностью населения, было бы вообще невозможно.

В мире всегда были женщины, которые страстно мечтали иметь детей, но по разным причинам не могли осуществить свое желание. Минувшие эпохи с их строгой регламентацией брачных отношений и религиозными предрассудками обрекали таких женщин на унылую жизнь старых дев. Даже сейчас, в 2276 году, когда земное общество давно отошло от представлений, что главное предназначение женщины — быть женой и матерью, эта проблема оставалась. Женщин, желающих испытать радости материнства, оказывалось больше численной планки, установленной программой контроля рождаемости. Кому-то удавалось помочь психологическими методами, а наиболее отчаявшимся предоставлялся шанс стать суррогатными матерями. Проигравшие в лотерею судьбы получали «утешительный приз» — несколько месяцев счастья, которое в ином случае было бы им недоступно.

Таким образом, компьютерная программа, определявшая уровень рождаемости, становилась «орудием милосердия». Этот аргумент сильнее, чем остальные, заставил умолкнуть противников клонирования.

Однако проблемы все равно оставались. Даже самые умственно ограниченные женщины понимали: рано или поздно им придется расстаться с ребенком, которого они месяцами носили в своем чреве. Это была трагедия, которую не в

состоянии понять ни один мужчина. Но женщины сильнее мужчин; многие из них преодолевали свое горе, становясь суррогатными матерями еще раз.

Дункан оставался в тени. Он не хотел, чтобы женщины его увидели, и еще меньше был склонен влиться в их празднество. Особенно темпераментные вполне могли защипать и затискать его. Подойдя чуть ближе, он заметил и нескольких мужчин, вероятно, санитаров клиники. Те с не меньшим энтузиазмом участвовали в танце.

Очевидно, персонал клиники тоже проходил соответствующий психологический отбор. Во всяком случае, некоторые мужчины были весьма женоподобными, а к своим партнершам по танцу относились даже не с братским, а с сестринским вниманием. Судя по всему, между ними и этими женщинами существовала нежная дружба. И никаких иных отношений.

Дункан насмешливо улыбнулся, вспомнив эпизод из своей жизни, о котором не вспоминал годами. Когда ему было лет семнадцать или восемнадцать, в него влюбился один парень. Трудно, конечно, оттолкнуть человека, буквально ходящего за тобой по пятам. И хотя Дункан, по добродушию своему, несколько раз поддавался на льстивые уговоры Никки (так звали того парня), он все же сумел охладить пыл своего воздыхателя. Они расстались, невзирая на реки слез, пролитых Никки. Жалость — не лучшая основа для любых отношений. Дункан вообще плохо представлял себе длительные интимные отношения с мужчинами. Вот Карл — тот не делал особых различий между девушками и парнями. Во всяком случае, до встречи с Калинди...

Неожиданно всплывшие воспоминания заставили Дункана задуматься об эмоциональных бурях, которые наверняка бушуют на этом благословенном острове. Следом ему вспомнился неприятный разговор, точнее, монолог сэра Мортимера Кейнса.

До сих пор он считал само собой разумеющимся, что он поступит так же, как Малькольм и Колин, и обзаведется клонированным потомком. И вот сейчас, теплым тропическим вечером, он вдруг понял: за все нужно платить. Прежде чем окончательно подписывать контракт, он должен тщательно обдумать последствия своего шага.

Само по себе клонирование ни хорошо, ни плохо. Важно, с какой целью люди к нему прибегают. И эта цель ни в коем случае не должна оказаться тривиальной или корыстной.

Глава 27
ЗОЛОТОЙ РИФ

Ярко-зеленая лента пальм и сверкающий белый песок пляжа, что изогнулся безупречным полумесяцем, удалились более чем на километр, в дальний конец барьерного рифа. Даже сквозь стекла темных очков, которые Дункан не осмеливался снять ни на мгновение, окружающий мир был невероятно ярким. Он допустил оплошность — позволил себе взглянуть в сторону солнца и... почти ослеп от бликов на воде. Пустяк, конечно. Скоро зрение вернется в нормальное состояние. Но и этих мгновений ему хватило, чтобы почувствовать свою беспомощность. Его спутники тоже были в темных очках, однако надевали их скорее для удобства, чем по необходимости. Вопреки своим земным генам, Дункан так и не мог приспособиться к «здешнему» солнцу.

Прозрачная вода под корпусом плавно скользящего тримарана лишь усиливала тревожные ощущения Дункана. Казалось, судно висит в воздухе, в нескольких метрах от морского дна. Странно, почему это его так волнует? Ведь он видел Землю с орбиты, когда до нее были сотни километров.

Новое происшествие заставило Дункана позабыть о морском дне. Случившееся никак не вязалось с идиллией утра. Вдалеке произошел... взрыв. Дункан быстро обернулся на звук и увидел водяной столб, который теперь медленно осе-

дал. Ему сразу вспомнился старинный фильм о войне, где вот так же взорвалась подводная лодка. Но это было давно. Возможно, у землян еще остались подводные лодки для научных целей. Неужели они не оснащены надежной системой безопасности?

Косая струя пара, вырвавшаяся из морской глубины, едва успела повиснуть в воздухе, как ее тут же поглотило беспощадное солнце.

Дункан подумал, что этим все и кончится, но ошибся...

Медленно и торжественно, словно новый континент, поднимающийся из морских глубин, на поверхности воды появилась серая стена. Затем мелькнули две белые вспышки — это гигантские плавники ударили по воде, опять подняв фонтаны брызг. А стена все поднималась, словно бросала вызов законам тяготения. На мгновение огромное животное показалось из воды целиком, после чего столь же медленно скрылось в родной стихии, метнув на прощание гейзер. Шум от него донесся с изрядным запозданием.

Такого зрелища Дункан никак не ожидал, однако сейчас ему не требовались никакие объяснения. Да, он читал «Моби Дика», но терранская классика, описывающая незнакомый ему мир, воспринималась как фантастическая литература. Теперь Дункан понял, какие чувства, должно быть, испытывал Герман Мелвилл, когда увидел вздыбившееся море и спину кита, похожую на опрокинутый корабль. Неудивительно, что легендарный белый кит стал у писателя символом природных сил, лежащих в основе Вселенной.

Дункан терпеливо ждал — не всплывет ли кит еще раз. Нет. Кит удалялся от них, о чем свидетельствовали короткие струи воды. Они становились все меньше и тоньше, пока не исчезли совсем.

— Зачем он это сделал? — почти шепотом спросил он доктора Тодда.

Величественность зрелища не позволяла ему говорить в полный голос.

— Трудно сказать. Мы же не морские биологи. Может, просто радуется жизни. Или решил покрасоваться перед своей подругой. Возможна и совсем прозаическая причина: захотел сбросить с себя паразитов. К китам кто только не липнет: ракушки, миноги, прочая мелочь.

Ответ разочаровал Дункана. Властелин морей, одолеваемый паразитами. Несовместимые понятия; все равно что бог, которого заели вши.

Тримаран сбросил скорость. Дункана захватила красота подводного царства. Он даже забыл, что тримаран значительно удалился от суши. Среди причудливых коралловых стен сновали юркие разноцветные рыбки. Земля преподносила Дункану сюрприз за сюрпризом. Не успел он привыкнуть в разнообразию жизни на суше, как оказалось, что морские воды еще населеннее.

Неторопливо помахивая пятнистыми плавниками-крыльями, двигалась большая рыбина, похожая на старинный самолет. Никто из мелких рыбешек даже не обратил на нее внимания. А когда-то на уроках зоологии ему рассказывали, что в мире природы идет постоянная и жестокая борьба за существование, где слабые служат пищей сильным. Но то, что он видел сейчас внизу, больше напоминало мирный аквариум. Если отдельные рыбы и отгоняли других, то, вероятно, просто для защиты своей территории. Тогда откуда же взялись кровожадные сцены, описанные в книгах и воспроизведенные в фильмах? Конечно, он увидел лишь крохотный уголок моря. Возможно, где-то действительно царят иные отношения. Но здесь, на коралловом рифе, он видел скорее сотрудничество, нежели соперничество.

Тримаран остановился. Рулевой бросил якорь. Почти сразу же на воду спустили три надувные лодки, куда погрузили какое-то снаряжение. Следом с тримарана в воду спрыгнули четверо врачей и пятеро медсестер. К немалому удивлению Дункана, поездка и место остановки были выбраны заранее, а пловцы вели себя совсем не так, как дети на мелководье.

Они разделились на три группы по три человека. Каждая группа толкала свою лодку к определенному месту, которое, скорее всего, тоже было выбрано заранее.

Тримаран почти опустел. На его борту остался лишь рулевой, который немедленно уснул, механик (тот спустился в каюту) и доктор Тодд с Дунканом.

— Если под водой так безопасно, зачем же ваши коллеги вооружились ножами и чем-то вроде маленьких копий? — спросил Дункан.

— Это не оружие, а огородные инструменты,— ответил врач.

— Представляю, какие свирепые там растения, если для них нужны ножи и копья.

— Отчасти вы правы. Кое с кем придется повоевать. А почему бы вам самому не взглянуть? Потом жалеть будете, что упустили такой шанс.

Доктор Тодд был прав, однако Дункан колебался. Тримаран плавно покачивался на мелководье. Здесь было ничуть не глубже, чем в бассейне отеля «Столетие».

— Я отправлюсь вместе с вами. Пока не освоитесь с маской и трубкой, будете держаться вблизи лестницы. Но раз вы привыкли к скафандру, трудностей быть не должно.

Дункан не сказал врачу, что ни разу в жизни не надевал скафандра. Но его, как и любого титанца, тщательно учили пользоваться системой жизнеобеспечения, а это, что ни говори, было основательной тренировкой. И потом, что может случиться на таком мелком месте? Кое-где глубина была ему всего по шею. Суини Тодд прав: такой шанс нельзя упустить.

Через десять минут Дункан уже плескался на поверхности, привыкая к маске и трубке. Тодд заставил его облачиться в специальный эластичный костюм, не стесняющий движений. Дункан нехотя подчинился, хотя смысла в этом не видел. Зачем в теплой воде еще что-то нацеплять на себя?

— Вы можете случайно уколоться о коралл. Опасности для жизни нет, но день себе вы испортите. Особенно если у вас аллергия.

— Это все инструкции? — не слишком вежливо спросил Дункан, словно мальчишка, которого взрослые заставили тепло одеться.

— В общем-то, да. Наблюдайте за мной. Если захотите отдохнуть, возьмитесь рукой за край лодки.

С каждой минутой Дункан все увереннее чувствовал себя в воде. Ему нравилось плавать. И в самом деле: какие тут могут быть опасности? Лодка рядом, он держится за канат. Тут же — только руку протяни — плавает доктор Тодд. Совсем как в бассейне. Даже если из глубин вдруг вынырнет акула, он в считаные секунды сумеет запрыгнуть в лодку. И земное тяготение не помешает.

Дункан научился уверенно дышать через трубку и теперь держал голову в воде. Затем он отважился несколько раз нырнуть, правда неглубоко. Однако морская панорама была настолько захватывающей, что он забыл про воздух. Пришлось спешно и шумно выныривать.

На глубине пяти метров светились желтые буквы предупреждающего знака: «ДАЛЬШЕ ТОЛЬКО ПО СПЕЦИАЛЬНОМУ РАЗРЕШЕНИЮ!» Дункану встретилось и второе предупреждение. Метрах в трех от поверхности мигала надпись на голографическом экране: «РИФ НАХОДИТСЯ ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ». Источников света он так и не увидел, они были хитроумно спрятаны. Мигающие буквы отпугивали любопытных, не умеющих читать рыб.

Тодд махнул рукой вперед. Там работали ныряльщики. Врач не шутил: они действительно собирали какие-то морские травы. Каждого сборщика окружала стайка разноцветных рыбешек. Вероятно, что-то перепадало и им.

Дункану показалось, что коралловые образования изменили форму. Даже для его неопытных глаз они выглядели странно, если не сказать уродливо. Вроде те же очертания: ветвистые рога, лабиринты, напоминающие полушария мозга, грибы диаметром в несколько метров. И все-таки здешние кораллы чем-то отличались от увиденных по пути сюда.

Потом он увидел, как в одном месте блеснул металл. Следом еще и еще. Подплыв ближе, Дункан понял, почему этот риф так берегут и охраняют. Везде, куда ни посмотри, блестело и переливалось золото.

Двести лет назад это считалось триумфом биоинженерной технологии. Создатели метода прославились на весь мир. Но по странной иронии успех пришел тогда, когда нужда в методе отпала. То, что задумывалось как дерзкое решение насущных проблем, превратилось в технологический тупик.

Ученые уже давно знали об умении обитателей моря извлекать из морской воды все необходимое для жизни, в том числе и химические элементы, содержащиеся там в весьма малых концентрациях. Если морские губки, устрицы и другие низшие виды могли накапливать в своих организмах йод и ванадий, почему бы не научить их накоплению более ценных для человека элементов? В двадцать втором веке этот вопрос будоражил умы многих биологов, и после жарких дебатов было решено начать «обучение».

«Учениками» сделали колонии кораллов. После героических усилий, предпринятых генетиками, люди сумели заставить кораллы сделаться золотодобытчиками. Наиболее успешные виды заменяли до десяти процентов своего известкового скелета на драгоценный металл. Однако успех измерялся лишь мерками и потребностями людей. Поскольку золото, как правило, не участвует в биохимических реакциях, для самих кораллов последствия человеческого вмешательства оказались катастрофическими. Способность добывать золото губила здоровье самих кораллов. Теперь их приходилось оберегать от болезней и хищников.

Человечество не успело добыть и нескольких сотен тонн «кораллового» золота, как промышленная трансмутация металлов сделала этот вид добычи неэкономичным. Ядерные печи производили золото по цене обычных металлов. Какое-то время наиболее впечатляющие золотоносные рифы со-

храняли для туристов, но охотники за сувенирами быстро их разрушили. Остался всего один, и персонал клиники доктора Мохаммеда был решительно настроен сохранить его.

Помимо основной работы врачи и медсестры выполняли еще одну: регулярно отправлялись к золотоносному рифу и усердно помогали ему выжить. Они вводили кораллам специальные удобрения и антибиотики, а также вели войну против злейших врагов кораллов: морских звезд породы «терновый венец» и их сородичей помельче — игольчатых морских ежей.

Дункан наслаждался плаванием в теплой воде, лениво перемещаясь так, чтобы оставаться в тени резиновой лодки. Теперь он понимал, зачем людям понадобились ножи и копья. Противники, с которыми им приходилось сражаться, тоже были вооружены.

Внизу, в нескольких метрах от Дункана, одна из ныряльщиц атаковала маленькие черные шары, густо усеянные острыми иглами. Под ударами копья очередной шар раскалывался, и к нему сразу же устремлялась стайка рыбок — полакомиться белыми кусками мяса убитого морского ежа. Без помощи человека рыбки вряд ли когда-нибудь попробовали бы такое лакомство. Дункан не представлял, кто из обитателей подводного царства отважился бы напасть на морского ежа.

Заметив, что за нею наблюдают, медсестра помахала в воде рукой, приглашая Дункана опуститься поглубже. Золотоносные кораллы, черные ежи и радужные рыбешки настолько заворожили его, что он почти инстинктивно согласился. Сделав несколько глубоких вдохов, Дункан задержал в легких часть воздуха, после чего стал опускаться, перебирая руками якорный канат резиновой лодки.

До дна оказалось не три метра, а больше (он забыл, что вода преломляет свет, скрадывая расстояние). Где-то посередине у него защелкало в левом ухе, однако доктор Тодд заблаговременно рассказал ему о подобных щелчках, и Дункан решил не останавливаться. Вскоре он подплыл к небольшому лодочному якорю. Дункана охватила гордость. Он стал глубоководным ныряльщиком! Он сумел опуститься на глубину пяти метров! Ну если не на пять, но уж на четыре с половиной — наверняка...

Вокруг блестели тысячи крупинок золота. Каждая была размером не больше песчинки, но они покрывали собой весь риф. Дункану почудилось, будто он плавает возле творения какого-нибудь сумасшедшего ювелира, решившего любой ценой воссоздать шедевр эпохи барокко. Однако все это сделали не человеческие руки, а безмозглые полипы. Правда, при косвенном участии человеческого разума.

Ощущая первые признаки удушья, Дункан нехотя поднялся на поверхность. Всплывать оказалось даже легче, чем погружаться. Дункан уже стыдился своих недавних страхов. На Титане он недоумевал: почему туристы с Земли и других планет так часто отказываются совершить короткую экскурсию по поверхности его родной планеты? Дункан пообещал себе впредь терпимее относиться к их отказам.

— Как называются эти черные твари? — спросил он у доктора Тодда, бдительно наблюдавшего за каждым его движением.

— Мы их зовем длинноигольчатыми морскими ежами. Латинское название — *Diadema*... дальше не помню. Если их слишком много — это верный признак загрязнения, нарушения экологического равновесия. Правда, в отличие от морских звезд, они не вредят рифу, но они просто противные и небезопасны для человека. Если вы случайно уколетесь, игла уйдет под кожу и ее будет целый месяц не вытащить... Так как, хотите еще нырять?

— Да.

— Прекрасно. Только не переусердствуйте. И остерегайтесь игл!

Держась за канат, Дункан вновь погрузился туда, где находилась ныряльщица (у нее был акваланг). Медсестра передала ему свой грозного вида нож и указала на скопление морских ежей. Дункан кивнул, взялся за рукоять ножа и принялся неумело тыкать его длинным тонким лезвием в черные шарики, стараясь не задеть иголки.

Лишь сейчас он с немалым удивлением обнаружил, что эти примитивные твари чуют его присутствие и не собираются ограничиваться пассивной обороной. Длинные иголки обратились в его сторону — туда, откуда исходила максимальная угроза. Возможно, это было безусловным рефлексом, но такое поведение морских ежей насторожило Дункана. Он вдруг подумал, что опасность подхлестывает их развитие и у них появляются зачатки сознания.

Лезвие ножа было длиннее иголок. Дункан вновь стал наносить удары по панцирям морских ежей. Наконец он сумел пробить один из них. Обнажилось кремово-белое мясо, на которое тут же набросились прожорливые рыбешки.

Но его жертва не умирала беззвучно. Вначале Дункан решил, что ему почудилось. Рядом негромко клацал якорь, ударяясь о камни. Издали доносились звуки сражения, которое другие ныряльщики вели с морскими ежами. И вдруг, совсем близко, Дункан услышал странный скрежет. Звук был неприятный. Дункан представил себе тысячи крошечных зубов, скрежещущих от боли и ярости. Мысль, конечно, была смехотворной. Но будоражащий звук — он существовал. Он исходил от изуродованного умирающего морского ежа.

Дункан оторопел. Он прекратил свои атаки и молча глядел на черные шары. Он забыл о потребности в воздухе. Точнее, сознательная часть его мозга игнорировала эту потребность. Но бессознательная часть, отвечающая за жизнеобеспечение, взбунтовалась. Чувствуя, что начинает задыхаться, Дункан поспешно всплыл.

Все так же ярко светило солнце. Вокруг лениво плескалось море. Но Дункан перестал замечать эти красоты. Его обожгла мысль: он только что убил живое существо. Вплоть

до этого момента он не подозревал, что способен на убийство.

Вряд ли стоило терзаться угрызениями совести из-за убийства какого-то морского ежа. Оберегая Золотой риф, врачи и медсестры убивали их десятками. И тем не менее... Он, Дункан Макензи, впервые в жизни стал убийцей.

Глава 28
РАССЛЕДОВАНИЕ

Когда Дункан вернулся в Вашингтон, его ожидала вторая «бомба замедленного действия» от Колина. Как и первая, она была тщательно зашифрована: посторонний человек, ухитрись он даже расшифровать послание, все равно бы ничего не понял.

НЕЛЕГАЛЬНОМ СЧЕТУ 65842 ТВОЕГО ДАВНЕГО ДРУГА ЖЕНЕВСКОМ ОТДЕЛЕНИИ ПЕРВОГО БАНКА АРИСТАРХА НЕСКОЛЬКО ДЕСЯТКОВ ТЫСЯЧ СОЛАРОВ НЕРАЗГЛАШАЕМО ЛЮБЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ ПРЕДПОЛАГАЮ ПРОДАЖИ ТИТАНИТА ЗАПРОСЫ МНЕМОЗИНЕ БУДЬ НАЧЕКУ НАИЛУЧШИМИ КОЛИН

Дункан отлично понимал, почему эта информация «неразглашаема при любых обстоятельствах». Лунные банки зорко оберегали свои секреты; только звезды знали, какие чудеса убеждения или откровенного шантажа пришлось совершить Колину, чтобы добыть номер счета Карла. Точную сумму денег ему не назвали, однако и упоминание о нескольких десятках тысяч соларов наводило на серьезные размышления. Десяти тысяч соларов с лихвой хватило бы на покупку терранских предметов роскоши. Эта сумма в несколько раз превосходила ту, что лежала на абсолютно легальных счетах Макензи. А тут — несколько десятков тысяч. Такая масса денег вызывала не только зависть. Она вызывала понятную тревогу, в особенности если деньги предназначались для какой-то тайной цели.

Дункан позволил себе немного помечтать. Будь у него двадцать или тридцать тысяч соларов, он бы... Затем он решительно тряхнул головой, прогоняя мысленные соблазны, и сосредоточился на ситуации. Пока замешанность Карла оставалась на уровне неясных подозрений, Дункан не тратил время, пытаясь детально анализировать все «как», «когда» и, прежде чего, «зачем». Но сейчас, когда подозрения более чем прояснились, нужно было действовать.

Вопрос в том, как именно. Найти номер Первого банка Аристарха можно за несколько секунд. Но не станешь же звонить им и просить данные по счету номер 65842! Такой запрос не могло бы сделать даже Всемирное правительство; исключение составляли преступления и случаи мошенничества, в которых не было и тени сомнения. Самые тонкие и деликатные попытки выудить сведения вызвали бы взрыв негодования. Кого-то наверняка уволили бы, да и сам Колин оказался бы в весьма незавидном положении.

Кто-то из античных философов сказал: в жизни есть лишь одна настоящая сложность — понять, что делать дальше. Обратиться за помощью к Калинди? Нет, только не к ней. Все это походило на пошлый старинный детектив, и Дункану вовсе не улыбалось играть в нем главную роль. Да он пока и не начинал. У Колина это, несомненно, получилось бы гораздо лучше. Из троих Макензи только он умел юлить, врать и секретничать. Должно быть, сейчас ему очень нравилось играть в «титанского шерифа». Тем более что Колин всегда недолюбливал Карла — тот единственный был невосприимчив к его обаянию.

Однако, при всех своих замечательных качествах, Колин находился в миллиарде километров от Земли. Послания оттуда шли долго и стоили достаточно дорого. А на Земле не было никого, кому Дункан мог бы довериться. Дело это являлось сугубо титанским. Возможно, оно вообще окажется бурей в стакане воды. А если не окажется? Тогда чем меньше людей знают о нем, тем лучше.

Переговорить с Фаррелом? Дункан отбросил и эту мысль. Возможно, Фаррела придется поставить в известность, но не сейчас. Дункана не особо впечатлила тогдашняя встреча и разговор с Бобом Фаррелом. К тому же не стоит забывать, что их посол — терранец. Более того, если посольство узнает о кругленькой сумме бесхозных денег, плавающих в непосредственной близости от Земли, начнется перетягивание каната. Дункан понимал заботы посольства: аренда здания на Вайоминг-авеню стоила дорого. Но сейчас речь шла об интересах Титана.

Впрочем, одному терранцу Дункан все же мог бы кое-что рассказать. К тому же этот человек первым поднял вопрос о титаните и не меньше, чем он, был заинтересован докопаться до сути. Визитную карточку торговца антиквариатом Дункан куда-то задевал и потому набирал его фамилию по памяти.

— Здравствуйте, мистер Мандельштам,— сказал он, когда экран осветился.— Это Дункан Макензи. У меня есть для вас новости. Где мы сможем встретиться для конфиденциального разговора?

— А вы абсолютно уверены, что нас никто не подслушивает? — спросил Дункан, беспокойно озираясь по сторонам.

— Должно быть, мистер Макензи, вы насмотрелись исторических фильмов. Сейчас не двадцатый век. Только полицейское государство могло бы позволить себе роскошь ставить «жучки» на все развалюхи вроде этой прогулочной машины. Я всегда провожу свои конфиденциальные встречи, катаясь по Эспланаде. Можете не опасаться.

— Хорошо. Крайне важно, чтобы нас никто не услышал. Я могу с достаточной долей уверенности сказать, что знаю происхождение предложенного вам титанита. Скажу вам больше: есть терранский агент продавца, который уже провернул весьма солидную сделку.

— Я это тоже знаю,— угрюмо сообщил Мандельштам.— Насколько солидна сделка?

— Несколько десятков тысяч соларов.

К удивлению Дункана, лицо ювелира просияло.

— И всего-то? — воскликнул он.— Я подозревал худшее. Можете вы мне назвать имя этого агента? Я действую через посредника. Надежный человек. Скорее умрет, чем что-то выболтает.

Дункан мешкал.

— Надеюсь, при этом вы не нарушаете никаких терранских законов?

— Все законно. Импорт драгоценных камней с других планет не облагается пошлиной. Так что тот, кто доставил их на Землю, не нарушил никаких законов... Если только титанит не украден и агент не является сообщником.

— Уверен, никакой кражи не было. Я помню, мистер Мандельштам, что вы коллекционируете совпадения. Но это не такое уж особое совпадение. Словом, агент... он принадлежит к числу моих друзей.

— Я вполне понимаю особую щекотливость этой проблемы для вас,— сочувственно улыбнулся ювелир.

«Ничего ты не понимаешь»,— мысленно ответил ему Дункан. Ситуация значительно усложнялась. Теперь понятно, почему Калинди избегала его. Скорее всего, Карл предупредил ее о его прилете на Землю и посоветовал держаться подальше. Сейчас его бывший закадычный друг сидит на крошке Мнемозине и очень волнуется, как бы Дункан случайно не прознал о его делишках.

Главное — ничем себя не выдать. У Калинди на его счет не должно возникнуть даже тени подозрения. Значит, она связывалась с Мандельштамом через своего неразговорчивого посредника. Вряд ли ей придет в голову, что Дункан тоже познакомился с ювелиром.

И все же Дункан выжидал, как опытный шахматист перед решительным ходом. Он анализировал свои мотивы, свою совесть. В этом деле его личные и профессиональные интересы переплетались теснейшим образом.

Дункану очень хотелось разузнать, чем занимается Карл, и разрушить его как всегда блестяще продуманные планы. Ему хотелось уличить Калинди в обмане, ошеломить ее и, возможно, обратить ее замешательство себе на пользу. (Надежда была довольно шаткой: ошеломить Калинди не так-то просто, если вообще возможно...) И конечно же, Дункан хотел помочь Титану и клану Макензи. Слишком разные, не очень-то совпадающие цели. Лучше бы люди вообще никогда не находили титанит. Вместе с тем перед ним открывалась блестящая возможность. Если только ему хватит ума делать правильные ходы.

Прогулочная машина, арендованная Мандельштамом, лениво каталась между Капитолием и библиотекой Конгресса. Вид обоих зданий напомнил Дункану о его приветственной речи. Июнь кончался, а речь до сих пор оставалась на стадии нескольких листов с тезисами. Макензи привыкли подготавливаться заранее, с хорошим запасом времени. «Все смочь в последнюю ночь» — этот принцип был совершенно чужд их натуре. А тут еще история с титанитом. В мозгу Дункана начинали звучать первые, пока еще слабые сигналы паники.

Простая, в общем-то, задача: произнести десятиминутную речь. Приветственную — когда не надо отстаивать свою точку зрения. Однако Дункан до сих пор не решил, о чем он будет говорить. Хотя Джордж Вашингтон и намекал ему: любые слова, произнесенные представителем Титана, аудитория воспримет намного живее, чем традиционные речи своих сограждан.

Машина ехала мимо точной копии орбитальной станции «Сатурн-5» — на месте бывшей штаб-квартиры НАСА.

— Мистер Макензи, мы хоть и не в двадцатом веке, но если весь день кружить по центру Вашингтона, это вызовет подозрения,— сказал Айвор Мандельштам.

Дункан вдохнул. Он был бы не прочь покататься еще.

— Мистер Мандельштам, вы можете обещать, что мое имя ни при каких обстоятельствах не будет упомянуто?

— Да.

— А этот... агент серьезно рискует?

— Не могу гарантировать, что он совсем не потеряет своих денег. Но осложнений с законом у него не будет. Во всяком случае, с терранским законодательством.

— Не у него, а у нее. Детали расследования оставляю вам, но очень прошу действовать осторожно и с предельным тактом. Агентом является вице-президент компании «Энигма Ассошиэйтс» Катрин Линден Эллерман.

Глава 29
ЗВЕЗДНЫЙ ДЕНЬ

Как Дункан ни пытался убедить себя, что поступил правильно, единственно возможным в этой ситуации образом, ему было немного стыдно. В глубине души он ощущал вину за предательство давней дружбы. Хорошо, что интуиция удержала его и он не назвал имени Карла. Какая-то часть сознания Дункана все еще надеялась на ошибочность обвинений и желала, чтобы и Мандельштам, и Колин уперлись в глухую стену, а все расследование попросту рассыпалось.

Однако были и другие дела. Было много такого, что он непременно хотел увидеть, и все это, завладевая сознанием Дункана, надолго избавляло его от угрызений совести. Он не раз ощущал себя в дурацком положении: проделать такой путь до Земли, чтобы в прекрасную погоду часами сидеть в номере возле коммуникационной консоли и выполнять многочисленные поручения.

Увы! Всякий раз, когда Дункан думал, что наконец-то справился с очередным поручением и может о нем забыть, обнаруживалась маленькая, до сих пор не замеченная приписка. В ней скрывалось еще несколько «пустяков» и утверждалось, что он выполнит их играючи. Его официальные обязанности и так поглощали достаточно времени, а он еще вынужден был возиться с просьбами родственников, друзей и совершенно

чужих людей! Почему-то все они думали, что на Земле Дункан только и будет заниматься восстановлением их дружеских контактов, выискивать снимки домов, в которых жили их предки, охотиться за редкими книгами, зарываться с головой в терранскую генеалогию и возиться еще с сотней аналогичных дел. Кто-то жаждал получить голографическую копию картины или скульптуры, толком не зная ни ее названия, ни местонахождения. Титанские гении почему-то считали, что Дункан просто обязан быть их литературным или художественным агентом, устроителем их бесплатных путешествий на Землю и пребывания там. А иные спохватывались, что до сих пор не ответили на поздравительные открытки по случаю Звездного дня, полученные десять лет назад, и просили Дункана поблагодарить отправителей.

А очередная годовщина Звездного дня, между прочим, была совсем близко. Почему бы и ему не отправить несколько открыток? Поздравить посла Фаррела, чету Вашингтонов, Калинди, Берни Патраса и еще нескольких терранцев? Все эти люди получат открытки вовремя. А насчет титанцев можно не спешить. Даже если поздравления для них будут странствовать полгода, там очень обрадуются красочным открыткам с потрясающими юбилейными марками (золотистые листья, каждая — по пять соларов, и это — за отправку вторым классом Межпланетной почты!).

Но среди нескончаемых дел Дункан все же находил время для отдыха. Он совершил телепутешествия по Лондону, Риму и Афинам, которые почти не отличались от настоящих экскурсий. Оборудование, установленное в тесной просмотровой кабине, обеспечивало круговой обзор с высоким качеством изображения и звука. Дункану легко верилось, что он на самом деле шагает по улицам этих древних городов. Он мог задать любой вопрос невидимому гиду — своему *alter ego*, мог заговорить с любым прохожим и пристальнее рассмотреть что-то интересное. Недоставало лишь запахов и возможности своими руками потрогать камни стены или металл решет-

ки. Впрочем, телеэкскурсия предлагала и это — разумеется, за дополнительную плату. Однако Дункан решил не тратиться на запредельную роскошь. С него хватит того, что он видел.

Берни Патрас был искренне готов помочь инопланетному гостю и устроил для Дункана несколько интересных и приятных встреч. Массажист познакомил его с одной юной особой без комплексов, якобы интимной подружкой самого Берни. Расписывая ее достоинства, Берни подчеркнул, что она «делает *это* только с теми, кто ей по-настоящему интересен». Юная особа и впрямь проявила живейший интерес к далекому Титану и тамошней жизни, но когда Берни намекнул, что им будет неплохо и втроем, Дункан довольно эгоистично выставил массажиста за порог.

Все это происходило перед его второй встречей с Айвором Мандельштамом. А после нее Дункану стало уже не до вечеринок и юных особ.

На этот раз они катались в районе Дюпон-серкл*.

— У меня есть для вас интересные новости,— сообщил ювелир, когда они свернули в какой-то тихий проезд.— Мне они пока ни о чем не говорят. Надеюсь, вам они будут понятнее и вы удостоите меня объяснениями.

— Постараюсь,— коротко ответил Дункан.

— Не хочу преувеличивать свои возможности или, упаси боже, хвалиться ими. Но я действительно могу практически мгновенно найти доступ к любому жителю Земли. Иногда мне достаточно сделать один шаг, но порою осторожность требует двух шагов. Именно так я и поступил в отношении мисс Эллерман. Я никогда не имел с ней никаких дел... по крайней мере, я так думал, пока вы не убедили меня в обратном. Но у нас есть общие друзья. Одного из них, кому можно безоговорочно доверять, я попросил позвонить ей... Скажите, вы сами не звонили ей в последнее время?

* Дюпон-серкл — район в нескольких кварталах от Белого дома, застроенный особняками начала XX в.

— Нет. За минувшую неделю — ни разу. Я решил держаться вне ее поля зрения. Мало ли что...

Его объяснение звучало вполне убедительно. Дункан лишь не сказал, что ему было бы стыдно смотреть Калинди в глаза.

— Так вот, мистер Макензи. Она ответила на звонок моего друга, но видди на своей консоли не включила.

Странность, ничего не скажешь. Правила хорошего тона требовали не выключать видеокамеру, чтобы звонящий мог видеть, с кем говорит. Естественно, существовали и определенные исключения из правил (на этом строились многие современные комедии). Однако социальный протокол все же требовал назвать собеседнику причину. Видеокамеры отличались высокой надежностью, и словам об испортившемся видди обычно не верили, хотя подобное иногда случалось.

— И чем же мисс Эллерман объяснила темный экран? — спросил Дункан.

— Объяснение вполне правдоподобное. Сказала, что упала и не хочет показывать синяк на лице.

— Надеюсь, ничего серьезного?

— Я тоже на это надеюсь. Правда, голос у нее был несколько подавленный. Мой друг беседовал с нею совсем недолго и затронул вопрос о Титане. Не опасайтесь, ничего такого, что могло бы вызвать подозрения. Он сказал, что знает о ее давнишнем путешествии на Титан, и поинтересовался, не сможет ли она познакомить его с кем-нибудь из титанцев, которые сейчас находятся на Земле. Мой друг объяснил мисс Эллерман, что интересуется возможностью экспорта терранских товаров на вашу планету.

— Это не самая лучшая выдумка,— нахмурился Дункан.— Все подобные сделки проходят через торговый отдел титанского посольства. Если ваш друг действительно намерен заняться экспортом, ему следовало бы обратиться туда.

— Дорогой мистер Макензи, извините, что говорю вам это, но вам еще нужно многое узнать об особенностях жизни на Земле. Я могу назвать вам с десяток вполне убедительных

причин, почему не следует обращаться в ваше посольство. Во всяком случае, на начальном этапе. Мой друг это знает, и мисс Эллерман — тоже. Тут можете не сомневаться.

— Не буду с вами спорить, мистер Мандельштам. Как-никак, вы у себя дома. И что же мисс Эллерман ответила вашему другу?

— Боюсь, ее ответ вас разочарует. Она сказала, что у нее действительно есть хороший знакомый, способный помочь в этом деле, и что он как раз недавно прилетел с Титана для участия в юбилейных торжествах и сейчас находится в Вашингтоне.

Дункан облегченно засмеялся.

— Выходит, ваш друг только напрасно потерял время. Мы вернулись туда, откуда начинали.

— На первый взгляд, это так. Но не торопитесь с выводами, мистер Макензи. Я ведь еще не все вам рассказал.

— Хорошо. Я слушаю.

Конечно, ошибки допускают все, но прежнее доверие к ювелиру было поколеблено. Возможно, он переоценил этого человека.

— Эта линия ничего нам не дала. Я воспользовался еще несколькими, но и там не было никаких результатов. Я даже подумал: а не позвонить ли мне ей и не сказать напрямую, что мне известно, кто стоит за переговорами по титаниту? Разумеется, я не собирался обвинять мисс Эллерман ни в чем.

— Рад, что вы удержались от этого звонка.

— Я тоже, хотя тогда это казалось мне вполне разумным шагом. Думаю, она не удивилась бы. Но у меня был замысел получше. Жаль, что я сразу не воспользовался им. Я проверил список ее гостей за последний месяц.

— Что? — удивленно воскликнул Дункан.— Как вам это удалось?

— С помощью уловки, старой как мир. Вы когда-нибудь смотрели французские детективные фильмы двадцатого века? Чувствую, что нет. Так вот: я сделал то же, что в тех фильмах сплошь и рядом делали французские сыщики. Я спросил у консьержа.

— Простите, у кого?

— У консьержа. А разве у вас на Титане их нет?

— Я даже не представляю, о ком вы говорите.

— Возможно, вашей планете повезло. А здесь они — дань традиции, от которой никак не избавиться. Но иногда бывают полезны. Думаю, вы знаете, что мисс Эллерман живет в невероятно роскошном подземном комплексе «Подземелье-десять». Это совсем рядом с Рокфеллеровским центром. Ее апартаменты занимают весь нижний этаж. Мне никогда не понять желания жить под землей. Наверное, я подвержен клаустрофобии: чем глубже опускаюсь, тем неуютнее себя чувствую. Так вот, любой крупный жилой комплекс имеет в вестибюле специального служащего. Этот человек сообщает жильцам, кто пришел и кто ушел, принимает письма и посылки. Если вас пригласили в гости, он свяжется с нужной квартирой и осведомится, действительно ли там ждут гостей, а после объяснит вам, как туда добраться. Такой человек и называется консьержем.

— И вы получили доступ к банку памяти его компьютера?

Мандельштам изобразил легкое удивление.

— Вы даже не представляете, каких результатов можно добиться, если знать нужных людей. Только, пожалуйста, поймите меня правильно. Я не прибегал ни к каким незаконным способам, но о деталях предпочту умолчать.

— У нас на Титане очень не любят вторжения в частную жизнь.

— У нас на Земле тоже. Но тот, кто захочет это сделать, легко сможет обойти консьержа. Предполагаю, что у мисс Эллерман нет оснований терзаться угрызениями совести или что-то скрывать. Но скажите, мистер Макензи, разве вы не знали, что у нее останавливался гость с Титана?

Дункан разинул рот, однако быстро совладал с собой. Скорее всего, у Карла есть кто-то из близких друзей, ставший его

курьером. Должно быть, это было очень давно. Последний пассажирский корабль отправился с Титана за полтора месяца до прилета «Сириуса». И тем не менее...

Ладно, это обождет. Вначале нужно выяснить одну маленькую деталь.

— Вы сказали, «останавливался». Значит, этот человек покинул ее жилище?

— Да. Всего два дня назад.

Это объясняло все или почти все. Вот почему Калинди его избегала! Новость опечалила Дункана, вызвала волну ревности, но в то же время она оправдывала его собственные действия.

— И кто же этот титанец? — мрачным тоном спросил Дункан.— Возможно, я его и не знаю.

— Вот это-то и интересует меня больше всего. Его зовут Карл Хелмер.

Глава 30
ПОСЛАНИЕ С ТИТАНА

— Быть этого не может,— прошептал Дункан, оправившись после первичного шока.— Когда я покидал Титан, Хелмер находился на одном из спутников Сатурна. Я прибыл сюда на самом быстром корабле Солнечной системы. Он не мог меня опередить.

Мандельштам выразительно пожал плечами.

— В таком случае кому-то было выгодно назваться этим именем, выдав себя за другого. Консьерж в доме мисс Эллерман не отличается острым умом... впрочем, все консьержи несколько туповаты. Но нам повезло. Мы успели к банку памяти его компьютера раньше, чем электронные мозги уничтожили всю информацию за месяц. Это делается регулярно. Применив метод визуального кодирования, мы сумели получить нечто вроде портрета человека, гостившего у мисс Эллерман. Прошу взглянуть.

Мандельштам подал Дункану лист. Портрет был грубый, однако вполне узнаваемый. Карл.

— Надо полагать, вы знаете этого человека,— сказал ювелир.

— Знаю, и очень хорошо,— не своим голосом ответил Дункан.

Его мозг вертелся на бешеных оборотах. Часть его сознания отказывалась верить очевидному факту. Этой части было мало увиденного глазами; ей требовалось время, чтобы перебрать все вероятные и невероятные аргументы и только потом прийти к окончательному выводу.

— Вы сказали, что у Ка... у мисс Эллерман его больше нет. А где он может находиться сейчас — вы знаете?

— Увы, нет. Надеюсь на ваши догадки. Сейчас мы знаем его имя. Это уже немало. Я попытаюсь найти его следы, хотя мгновенного результата не обещаю. На поиски понадобится время.

«И, скорее всего, деньги»,— подумал Дункан.

— Скажите, мистер Мандельштам, а вам-то зачем влезать в эту историю? Честное слово, не понимаю, какую выгоду вы стараетесь извлечь.

— Не понимаете? Я уже сам не очень-то понимаю. Я начал это дело, обуреваемый страстным желанием заполучить титанит; надеялся, что мои усилия принесут заслуженные плоды. Но сейчас события приобрели иной характер. Знаете, мистер Макензи, есть нечто более ценное, чем камни и произведения искусства. Возможность поразвлечься. И маленькая авантюра, куда мы так успешно вляпались, гораздо интереснее стряпни, которой нас потчует видди.

Дункану было далеко не весело, однако слова ювелира заставили его улыбнуться. До сих пор он весьма настороженно относился к Мандельштаму. Но сейчас его отношение поменялось; торговец антиквариатом вдруг сделался ему симпатичен. Да, Мандельштам — опытный делец. Жесткий, возможно, кое в чем коварный. И сделка с покупкой титанита

наверняка была бы жесткой. Но все же прав оказался Джордж Вашингтон: в любых серьезных делах Мандельштаму можно безоговорочно доверять.

— Вы могли бы оказать мне скромную услугу? — вдруг спросил ювелир.

— Разумеется.

— Почему бы вам теперь не позвонить мисс Эллерман? По-моему, самое время. Скажете ей, что получили сообщение с Титана. Оказывается, ваш общий друг мистер Хелмер сейчас тоже на Земле. Порадуетесь редкому совпадению... да, опять совпадения!.. и ненароком спросите, не знает ли она, где его можно найти.

Только ошарашенное состояние, в каком все еще находился Дункан, помешало этой мысли самостоятельно забрести к нему в голову. Ничего удивительного; он и сейчас не до конца освоился с новыми реалиями. Но вся история перестала напоминать отвлеченную шахматную партию. Он должен без обиняков поговорить с Калинди. Ради собственного спокойствия. Ради уважения к себе.

— Вы правы,— сказал он Мандельштаму.— У меня больше нет оснований оттягивать свой звонок к мисс Эллерман. Я позвоню ей сразу же, как только вернусь в отель. Остановите возле Юнион-стейшн*. Оттуда я доберусь на экспрессе.

Наверное, экспрессом этот поезд называли лишь из уважения к традиции. Дункану понадобилось целых двадцать минут, чтобы добраться до отеля. А в номере его ждал очередной сюрприз — второй за этот день. Таких длиннющих «бомб замедленного действия» Колин еще не посылал.

Быстро расшифровав послание, Дункан пробежал его глазами. «Сейчас я нахожусь на один шаг впереди»,— подумал он и тут же встряхнул головой. Отцовское послание покинуло Титан чуть более двух часов назад. Стало быть, они шли вровень.

* Юнион-стейшн — единственный железнодорожный вокзал Вашингтона.

СРОЧНОСТЬ ААА КЛАСС ЗАЩИТЫ ААА

РАССЛЕДОВАНИЯ МНЕМОЗИНЕ ОБНАРУЖИЛОСЬ КАРЛ УЛЕТЕЛ ЗЕМЛЮ НЕЗАПЛАНИРОВАННЫМ РЕЙСОМ И ПРИБЫЛ ПРИМЕРНО ДВЕ НЕДЕЛИ ПЕРЕД ТОБОЙ АРМАНД УДИВЛЕН УТВЕРЖДАЕТ ЕМУ НИЧЕГО НЕИЗВЕСТНО ВОЗМОЖНО ГОВОРИТ ПРАВДУ ТЕБЕ КРАЙНЕ ВАЖНО НАЙТИ КАРЛА ВЫЯСНИТЬ ЧЕМ ОН ЗАНИМАЕТСЯ И ЕСЛИ ПОНАДОБИТСЯ ПРЕДУПРЕДИТЬ О ПОСЛЕДСТВИЯХ ДЕЙСТВУЙ КРАЙНЕ ОСТОРОЖНО ТЩАТЕЛЬНО ИЗБЕГАЙ ОГЛАСКИ И ВОЗМОЖНЫХ МЕЖПЛАНЕТНЫХ ОСЛОЖНЕНИЙ СИТУАЦИЯ МОЖЕТ БЫТЬ НАМ НА РУКУ НО НЕОБХОДИМА ОСМОТРИТЕЛЬНОСТЬ ПОЛАГАЕМ КАЛИНДИ МОЖЕТ ЗНАТЬ ГДЕ ОН КОЛИН И МАЛЬКОЛЬМ

Дункан перечитал послание снова, уже медленнее, обращая внимание на нюансы. Ничего такого, чего бы он не знал или о чем не догадывался. Но ему не понравился бескомпромиссный тон. За подписью Колина и Малькольма послание становилось прямым приказом, к чему Макензи очень редко прибегали в своих делах. Возможно, для этого имелись основания. Между строк сквозило удовлетворение. Дункан поморщился. «Старшие братья» сейчас напоминали парочку грифов, почуявших добычу.

Дункан не без злорадства отметил, что Колин набрасывал текст послания в лихорадочной спешке и забыл выбросить лишние слова, нарушив принцип минимальной достаточности — один из незыблемых принципов их клана.

Поразмыслив еще, Дункан пришел к выводу: скорее всего, он не годится для карьеры политика. Махинации не увлекали его, а лишь разочаровывали. При генетической общности всех Макензи существовали и отличия. Наверное, Дункан был менее жестким и амбициозным, чем его предшественники.

Во всяком случае, его первый ход был очевиден и вполне согласовывался с советами «старших братьев». Каким станет второй ход, выяснится очень скоро.

Экран консоли оставался темным — Калинди не включила свою видеокамеру. Сидя перед темным экраном, Дункан вдруг понял оправданность установленных правил общения. Калинди обладала неоспоримым преимуществом: она его видела. Голос не передает все оттенки чувств; выражение глаз нередко противоречит произносимым словам. А глаза и лицо Калинди сейчас были от него скрыты.

— Что случилось, Калинди? Почему ты не показываешься на экране? — спросил он, разыгрывая удивление.

Дункан был готов искренне посочувствовать ей, если она действительно упала и ударилась, но пока... пока лучше не спешить с выводами.

— Прости меня великодушно, Дункан. Мне сейчас совестно показываться. Я упала и ударилась. У меня под глазом большущий синяк. Выгляжу жутко. Ты не беспокойся: через несколько дней от него и следов не останется.

— Да, печальная новость. Я не знал, а то не стал бы тебя беспокоить.

Он ждал, надеясь, что Калинди сумеет прочесть на его лице старательно изображаемую обеспокоенность.

— Не волнуйся. Как всегда, продолжаю работать. Пришлось только отменить еженедельный визит в офис. Зато не отхожу от консоли.

— Рад слышать. А у меня для тебя тоже есть новость. Мне сообщили, что Карл сейчас на Земле.

Калинди долго не отвечала. Когда прозвучал ее ответ, Дункан, к своему великому огорчению, понял: она не числит его в своих союзниках. Калинди можно было перехитрить, но ненадолго.

— Дункан, неужели ты действительно не знал, что Карл останавливался у меня? — устало спросила она.

Дункан изо всех сил постарался изобразить на лице недоверие, шок и обиду — именно в такой последовательности.

— Почему ты не сказала мне раньше? — воскликнул он.

— Потому что он просил меня молчать. Я оказалась в дурацком положении, но что мне оставалось делать? Карл сказал, что между вами давно нет прежних отношений... и потом, он прилетел со строго конфиденциальной целью.

Возможно, сейчас Калинди говорила сущую правду — если такое понятие применимо к Карлу. Его раздражение стало испаряться, но не исчезло полностью.

— Знаешь, меня все это очень обижает и огорчает. Я привык думать, что ты мне доверяешь. Но хватит уловок. Теперь я знаю, что Карл на Земле. У меня есть для него неотложное послание. Это очень серьезно. Скажи, где я могу его найти?

Между вопросом Дункана и ответом Калинди снова пролегла достаточно длинная пауза.

— Я не знаю, где он. Уехал внезапно и даже не сказал куда. Быть может, решил вернуться на Титан.

— Улететь, не простившись? Вряд ли. И потом, ближайший корабль с Земли отправится только через месяц.

— Значит, он по-прежнему на Земле. Или на Луне. Честное слово, я не знаю.

Как ни странно, Дункан ей поверил. Голос Калинди звучал правдиво, хотя, если надо, она вполне могла соврать правдивым голосом.

— Что ж, придется разыскивать его иными способами. Мне крайне необходимо с ним встретиться.

— Я бы тебе не советовала с ним встречаться.

— Это еще почему?

— Он очень сердит на тебя.

— Не понимаю, из-за чего,— натянуто усмехнулся Дункан, хотя мог бы с ходу назвать несколько причин.

В голосе Калинди звучала такая искренняя тревога, что Дункану даже захотелось в это поверить. Но сейчас ему было не до подобных игр. Он не стал тратить время и спорить с Калинди. Изобразив целую гамму эмоций, он выразил надежду на ее скорейшее выздоровление и отключился. Возможно, Калинди посчитает, что он расстроен и зол, и это ее проймет.

Следующий звонок Дункан сделал послу Фаррелу. К счастью, экран мгновенно включился, что позволяло следить за реакцией собеседника.

— Вы знали о прилете Карла Хелмера на Землю?

Его превосходительство господин посол Фаррел растерянно заморгал.

— Нет. Откуда мне знать? Он не соизволил известить меня о своем прибытии. Возможно, в канцелярии знают.

Он нажал несколько кнопок на своем интеркоме. Как видно, безрезультатно.

— Весьма печально, что посольство не может себе позволить установку новых интеркомов,— с упреком, не скрывая раздражения, сказал посол.— Они стоили бы ничтожную часть валового национального продукта планеты Титан.

Дункан благоразумно пропустил эти слова мимо ушей. Вторая попытка связаться с канцелярией оказалась успешной. Фаррел задал несколько вопросов (Дункану они были не слышны), выслушал ответы и покачал головой.

— Никаких следов. Нет даже терранского адреса для посланий с Титана. Это удивляет меня больше всего.

— Иными словами — беспрецедентный случай?

— Да, пожалуй, так. Я еще не слышал, чтобы кто-то из граждан Титана не уведомил посольство о своем прибытии. Обычно мы и так заблаговременно узнаем о прилетающих на Землю. Обязательного закона нет. Это просто жест вежливости. И потом, вашим гражданам самим же удобнее, когда мы в курсе.

— Я тоже так думаю. Если вы что-то о нем узнаете, вас не затруднит сообщить мне?

Некоторое время посол глядел на него, улыбаясь самым загадочным образом.

— Интересно, а что по этому поводу думают Малькольм и Колин? Наверное, подозревают Карла Хелмера в тайной покупке оружия для устройства государственного переворота на Титане.

Дункан не сразу распознал шутку. У посла Фаррела было своеобразное чувство юмора.

— Даже Карл не настолько безумен. Знаете, я сам ошеломлен, но настроен его разыскать. Хоть на Земле и живут пятьсот миллионов человек, он вряд ли сумеет затеряться бесследно. Прошу держать меня в курсе. До свидания, мистер Фаррел.

Два холостых выстрела. Что ж, остается еще один патрон. Снова к Айвору Мандельштаму, который сам взвалил на себя незавидную роль частного детектива.

Он набрал номер Айвора, но экран не зажегся. Из динамиков раздался голос автоинформатора: «Абонент просил не беспокоить. Пожалуйста, оставьте ваше сообщение».

Дункан раздраженно поморщился. Ему не терпелось сообщить ювелиру последние новости. Но не доверять же их автоответчику! Пришлось ограничиться просьбой перезвонить как можно раньше.

Ожидание растянулось на два часа. Дункан пробовал заняться другой работой, но ни на чем не мог сосредоточиться. Когда же Мандельштам наконец перезвонил, то несколько минут рассыпался в извинениях.

— Я пытался стрелять по удаленным целям,— объяснил ювелир.— Решил проверить, не покупал ли он в Нью-Йорке что-нибудь по кредитной карточке. Центральный счетный компьютер битый час ворошил данные... Увы! Должно быть, этот ваш Карл расплачивался наличными. Не преступление федерального масштаба, но лишняя головная боль нам, честным ищейкам.

Дункан рассмеялся.

— Хорошая мысль. Мне повезло немногим больше. По крайней мере, отсек ему некоторые пути.

Дункан вкратце пересказал Мандельштаму содержание своих разговоров с Калинди и Фаррелом, затем спросил:

— Ну и куда теперь мы направим острие наших поисков?

— Пока не знаю. Но не волнуйтесь. Я что-нибудь придумаю.

Дункан принял его слова всерьез. Сейчас он почти беспрекословно верил в гениальные способности Мандельштама находить нужные тропки и открывать нужные двери. Если кто и способен найти Карла, исключая полицию и объявление в «Уорлд таймс», так это Мандельштам.

И Мандельштам нашел Карла. Правда, не сразу, а через полтора дня.

Глава 31
«ОКО АЛЛАХА»

— Я нашел его,— сообщил Мандельштам.

Вид у ювелира был усталый, но торжествующий.

— Я знал, что вам это удастся,— с искренним восхищением ответил Дункан.— Где он сейчас?

— Не торопитесь, мистер Макензи. Не отбирайте у меня невинное развлечение. Как-никак я это заработал.

— И какого консьержа вам пришлось обводить вокруг пальца на этот раз?

Мандельштам слегка поморщился.

— Представьте себе, никакого. Вначале я решил поискать вашего приятеля Хелмера в таком замечательном издании, как «Межпланетный Кто-есть-Кто». Решил, что он обязательно должен там значиться, и не ошибся. Отыскал мистера Хелмера в первой сотне. Кстати, заодно посмотрел и вас. Может, вам будет приятно узнать, что вы там входите в первую полусотню.

— Я это знаю, мистер Мандельштам,— ответил Дункан с максимальной выдержкой, на какую сейчас был способен.— Пожалуйста, продолжайте.

— А дальше я решил посмотреть, не указаны ли там какие-нибудь терранские контакты мистера Хелмера или сфера его интересов. И снова удача мне улыбнулась. У него есть почетное членство в Институте электронной инженерии, Королевском астрономическом обществе, Институте физики, Институте астронавтики, а также в ряде научных учреждений Титана. Я узнал, что им написано несколько самостоятельных научных работ и еще несколько — в соавторстве. На всякий случай я даже выписал их названия. Вот: «Ионосфера Сатурна», «Источники электромагнитного излучения в ультрадлинноволновом диапазоне»... ну и прочие, не менее захватывающие названия, от которых нам с вами нет никакого толку.

Дункан стиснул подлокотники кресла, напоминая себе, что пять лишних минут роли не играют.

— Астрономы гнездятся в Лондоне. Традиция такая. А вот все физики, инженеры и астронавты имеют свою Мекку — Нью-Йорк. Вот я и подумал: не общался ли мистер Хелмер с кем-нибудь из них? У меня есть еще один полезный друг. Ученый, притом весьма известный. Он может открыть любые двери, не вызвав при этом ни малейших подозрений. Согласитесь: коллега, прилетевший с далекого Титана,— явление редкое и привлекающее внимание... Я не ошибся.

Мандельштам позволил себе очередную паузу, явно сознавая, чего это стоит Дункану.

— И тут я натолкнулся на очередную загадку. У вашего друга какая-то... выборочная скрытность. Кроме того, что он не сообщил о себе посольству и велел мисс Эллерман держать рот на замке,— никаких иных мер предосторожности. Когда человеку есть что скрывать, он не станет так себя вести.

Дункан искренне надеялся: эта пауза наверняка будет последней.

— А дальше, мистер Макензи, все было до скучного просто. Электронщики охотно вызвались помочь. Ваш друг покинул североамериканский континент, и теперь связь с ним идет через главного инженера отдела «Ц» в штаб-квартире «Уорлд комьюникейшенс». Далековато отсюда: Тегеран. Весьма неподходящий адрес для нелегального сбыта драгоценных камней и межпланетных афер.

— Но мы не знаем, сколько времени он там пробудет,— возразил Дункан.

— Пару дней — это наверняка. Согласитесь, теперь у нас есть хоть какая-то зацепка. Учитывая круг его интересов...

— Даже в детстве, когда мы дружили, я до конца не знал круг его интересов. А потом мы виделись от силы раз в год.

— В отделе «Ц» работают ребята, связанные с проектом «Циклопы». Неужели вы никогда не слышали об этом проекте? С трудом верю. Даже я слышал о нем.

Проект этот возник на заре космической эры. Именно тогда появились первые расчеты и чертежи самого крупного, необычайно дорогостоящего, но весьма многообещающего инструмента науки. С его помощью предполагалось решать разнообразные задачи, но самой грандиозной среди них был поиск разумной жизни во Вселенной.

О «братьях по разуму» человечество мечтало давно, но только во второй половине двадцатого века, когда появилась радиоастрономия, мечты получили шанс стать реальностью. Не прошло и двух десятилетий, как объединенные усилия ученых и инженеров позволили начать прощупывание межзвездных пространств.

Первые маломощные радиотелескопы имели диаметр зеркала всего в несколько метров. Вопреки броским заголовкам газет и надеждам людей, далеких от науки, ученые не особо верили в успех этих поисков — и оказались правы. Гипотезы о распределении разума во Вселенной приводили к очевидным выводам: чтобы поймать радиосигналы высокоразвитой цивилизации, нужны телескопы с диаметром зеркала не в десятки метров, а в километры.

О строительстве крупных радиотелескопов в космосе тогда и не мечтали. А на поверхности Земли эта задача решалась единственным способом. Но не строительством сверхгигантских зеркал. Аналогичного результата можно было добиться, создав сеть из нескольких сотен сравнительно небольших радиотелескопов. «Циклопы» представляли собой антенную

«ферму» из телескопов со стометровыми зеркалами, расставленными по кругу диаметром свыше пяти километров. Слабые сигналы, улавливаемые каждым телескопом, сливались воедино и обрабатывались специальной компьютерной программой, способной распознавать среди потоков космического шума проблески инопланетного разума.

Стоимость проекта «Циклопы» была примерно такой же, как первоначальная стоимость программы «Аполлон», но в отличие от нее сеть радиотелескопов могла годами и десятками лет разрастаться. Достаточно было поставить несколько антенн, и «Циклопы» смогли бы начать работать, сделавшись необычайно ценным инструментом для радиоастрономов. Постепенно диаметр круга охвата расширялся бы, пока не были бы достигнуты запланированные размеры. Вместе с этим возрастала бы и мощность «Циклопов», позволяя все глубже проникать во Вселенную.

Так вкратце формулировалась эта возвышенная идея. Кто-то боялся, что она потерпит неудачу; кто-то, наоборот, боялся ее успеха. Однако в конце двадцатого века человечеству стало не до поисков внеземного разума. Планету одолевали земные беды, требовавшие незамедлительного решения. О проекте забыли почти на сто лет, пока не наступило время политической и финансовой стабильности и человечество снова не вспомнило о «братьях по разуму».

Дитя короткого, но яркого «мусульманского ренессанса», проект вобрал в себя значительные богатства, накопленные арабскими странами в «нефтяную эпоху». Миллионы тонн металла, необходимого для осуществления проекта, были добыты из недр Восточно-Африканской рифтовой долины. Там, где земная кора в буквальном смысле слова расходилась по швам вместе с медленно разделявшимися континентами, были обнаружены такие залежи минералов и металлической руды, что страхи о нехватке сырья отодвинулись на многие века.

Идеальным местом для постройки «Циклопов» был бы экватор. Тогда радиозеркала смогли бы охватить небеса от полю-

са до полюса. Среди других требований значились: благоприятный климат, отсутствие землетрясений и прочих природных катаклизмов. Весьма желательно, чтобы вокруг избранного места располагалась горная цепь для защиты от эфирных помех. Но идеального места не существовало, и потому пришлось пойти на компромиссы политического, географического и инженерного характера. После нескольких десятилетий дебатов (зачастую весьма ожесточенных) была выбрана саудоаравийская часть пустыни Руб-эль-Хали*. Впервые этим бесплодным пескам нашлось применение.

Все необходимые конструкции было решено изготавливать на заводах, специально построенных вдоль побережья Красного моря. Для доставки пришлось срочно прокладывать дороги из грубых бетонных блоков, способных выдержать большегрузные автомобили. В дальнейшем, посчитав такой вид доставки экономически невыгодным, решили перевозить грузы специальными транспортными самолетами.

На первой стадии было установлено шестьдесят параболических антенн. Их поставили в виде креста, сориентировав пятикилометровые «перекладины» с севера на юг и с востока на запад. Кое-кто́ из правоверных мусульман стал возражать против символа чужой религии, но им терпеливо объяснили, что это временно. Когда строительство «Ока Аллаха» завершится, оскорбительный символ полностью растворится среди семисот зеркальных тарелок радиотелескопов. Общая площадь покрытия должна была составить восемьдесят квадратных километров.

Однако к концу двадцать первого века сумели установить лишь половину радиотелескопов. Двести штук образовали нечто вроде центрального ядра, а остальные расположились по окружности. Такое уменьшение первоначальных размеров позволило сэкономить миллиарды соларов; при этом мощность системы лишь немногим уступала первоначально заду-

* Руб-эль-Хали — обширная песчаная пустыня, занимающая треть Аравийского полуострова. В переводе с арабского означает «пустое место».

манной. Благодаря развитию техники «Циклопы» воплотили в себе практически все замыслы конструкторов. Система произвела такой же переворот в астрономии двадцать второго века, какой в двадцатом произвели телескопы-рефлекторы обсерваторий Маунт-Вильсон и Паломарской. Однако к концу века «Циклопы» столкнулись с проблемой, в которой не были повинны ни строители системы, ни обслуживающие ее инженеры, ни работающие на ней ученые.

«Циклопы» не могли соперничать с более современными системами, построенными на невидимой стороне Луны и защищенными от земных помех километрами твердых скальных пород. Десятки лет земная и лунная системы работали как единое целое. На базовой линии Земля — Луна действовал интерферометр, способный детально исследовать планетные системы, находящиеся за сотни световых лет. Но затем радиотелескопы появились и на Марсе. Сотрудничество лунной и марсианской обсерваторий в научном плане было гораздо выгоднее. Их базовая линия простиралась на двести миллионов километров и могла исследовать окрестные звезды с точностью, какая прежде и не снилась астрономам.

О «Циклопах» все чаще говорили со снисходительной улыбкой. Система более не считалась перспективной, и научно-технические новшества обходили ее стороной. Вдобавок к середине двадцать третьего века она столкнулась с еще одной проблемой, угрожающей самому существованию системы. «Пустое место» перестало быть пустыней.

Когда «Циклопы» только строились, в тех краях дождь выпадал не чаще одного раза в пять лет. В песках лежали метеориты, упавшие с небес еще во времена Пророка, и на них до сих пор не было ни малейших следов ржавчины. Но искусственный климат и лесопосадки неузнаваемо изменили облик пустыни. Пески начали отступать. Сейчас в районе «Пустого места» за несколько дней выпадало больше осадков, чем прежде за несколько лет.

Такого создатели «Циклопов» не предполагали. Их проект был рассчитан на жаркий, сухой климат. Теперь обслужи-

вающий персонал вел постоянную войну с коррозией. Влажность разъедала коаксиальные кабели, плесень вызывала короткие замыкания в сетях высокого напряжения. Природа вела неустанное наступление на электронное оборудование системы и наносила удары везде, где только возможно. Некоторые из стометровых антенн насквозь проржавели. Их поворотные механизмы не действовали, и потому антенны пришлось просто отключить от общей сети. Вот уже двадцать лет эффективность «Циклопов» неуклонно снижалась. В трехстороннем споре администраторы, инженеры и ученые стояли на своих точках зрения, и каждая из сторон была не в состоянии убедить две другие. А вопрос был один: стоит ли вкладывать миллиарды соларов в реконструкцию системы? Или целесообразнее потратить эти деньги на развитие лунной радиоастрономической обсерватории? Принять какое-то однозначное решение было весьма трудно; ценность научных исследований далеко не всегда выражалась в соларах.

Но даже сейчас «Циклопы» представляли собой впечатляющее зрелище. Система этих антенн помогла человечеству кардинально изменить представления о Вселенной, и случилось это не один раз. Она неизмеримо раздвинула границы познания — вплоть до микросекунды после Большого взрыва. Улавливаемые ею волны путешествовали по Вселенной с начала творения. «Циклопы» исследовали поверхность далеких звезд, находили возле них планеты, открывали столь странные явления, как нейтринные солнца, антитахионы*, гравитационные линзы**, космотрясения, и такие умопомрачительные явления, которые иначе как призраками назвать было невозможно. Наконец, «Циклопы» обнаружили многочисленные «пятна» антиматерии.

* Тахион (от *греч.* tachys — «быстрый») — гипотетическая частица, способная двигаться быстрее скорости света.

** Гравитационная линза — массивное тело (планета, звезда) или система тел (галактика, галактическое скопление), искривляющая своим гравитационным полем направление распространения излучений (по аналогии с обычной линзой, искривляющей свет).

Но главного, ради чего строились «Циклопы», достигнуто так и не было. Невзирая на десятки случаев «ложной тревоги», ученые не зарегистрировали ни единого сигнала, происхождение которого указывало бы на «братьев по разуму». Либо человек был один во Вселенной, либо высокоразвитые цивилизации уже не пользовались радиоволнами. Однако и то и другое представлялось неправдоподобным.

Глава 32
ВСТРЕЧА У «ЦИКЛОПОВ»

Дункан знал, что он здесь увидит (или так ему казалось), однако реальность резко отличалась от его ожиданий. Он почувствовал себя мальчишкой, попавшим в гигантский металлический лес. Лес был густым и тянулся во все стороны. Он состоял из совершенно одинаковых деревьев. Пятидесятиметровый ствол каждого из них был слегка наклонен. Стволы опоясывали винтовые лестницы, каждая вела к платформе поворотного механизма. Кроной каждого дерева служила массивная, но удивительно изящная стометровая чаша антенны, устремленная к небу. Казалось, она вслушивается в сигналы из космических глубин.

Антенна 005 находилась почти в самом центре системы, но внешне это было незаметно. Куда ни глянь — ряды таких же антенн, уходящие вдаль до тех пор, пока они не сливались в одну сплошную металлическую стену.

«Циклопы» были шедевром инженерной точности. Ничего похожего на Земле попросту не существовало. Особо важные компоненты изготавливались в космосе: например, металлическая пена и кристаллические волокна, придающие параболическим рефлекторам силу и легкость. Этого можно было добиться лишь на орбитальных заводах, работающих в условиях невесомости. «Циклопы» в равной степени принадлежали Земле и космосу.

В отличие от настоящего леса здесь повсюду были проложены дорожки. По одной из них сопровождающий вез сей-

час Дункана на небольшом скутере с водородным мотором (электрические двигатели создавали бы помехи).

— Я никого не вижу,— посетовал Дункан.— Вы уверены, что он здесь?

— Час назад я привез его сюда. Он должен находиться в секции предварительного усиления. Это там, на платформе. Вам придется кричать. Сами понимаете, никакими передатчиками пользоваться здесь нельзя.

Дункан улыбнулся очередному примеру фанатичных мер предосторожности, которые предпринимались здесь в борьбе с эфирными помехами. Его даже попросили снять часы, чтобы их слабые электронные импульсы не приняли по ошибке за сигналы иной цивилизации, находящейся за сотни световых лет от Земли. Часы на руке сопровождающего были механическими и действовали от пружины.

Дункан сложил ладони чашей, поднес ко рту, задрал голову и громко крикнул:

— Карл!

Почти сразу же часть звука отразилась от соседней антенны и слабеющим эхом вернулась от тех, что подальше. После этого крика тишина показалась Дункану еще более глубокой, и он не посмел потревожить ее вторично.

Но этого и не понадобилось. Наверху, в пятидесяти метрах от земли, к перилам площадки подошел человек. Мелькнула знакомая золотистая копна волос.

— Кто здесь?

«А как ты думаешь, кто?» — мысленно спросил его Дункан. Сам он стоял так, что Карлу было не разглядеть его с высоты, а металлические конструкции искажали голос до нечеловеческого тембра.

— Это Дункан.

Пауза, показавшаяся ему минутной, на самом деле длилась всего несколько секунд. Должно быть, Карл уже догадался, что Дункан знает о его прилете на Землю.

— У меня тут полно работы. Если хочешь, поднимайся сам.

Сказанное не было похоже на любезное приглашение, но в словах Карла не чувствовалось и враждебности. В них звучала усталость и... покорность судьбе. Впрочем, последнее Дункан отнес на счет своего воображения.

Карл снова исчез из виду, вернувшись к прерванной работе. Дункан задумчиво глядел на винтовую лестницу, обвивающую круглый ствол антенной опоры. Подняться на пятьдесят метров в условиях земной гравитации? Это было равносильно двумстам пятидесяти метрам на Титане. Там он еще ни разу не взбирался на такую высоту пешком.

Карлу, естественно, было проще — ведь он до пяти лет жил на Земле. Его мышцы смогли восстановить значительную часть своей прежней силы. Карлу действительно не оторваться от работы или он намеренно бросает Дункану вызов? Что ж, такое вполне в его характере. Но сейчас у Дункана не было выбора.

Дункан поставил ногу на первую из бесчисленных дырчатых ступенек, уходящих вверх.

— На платформе довольно тесно,— убедительным тоном произнес сопровождающий.— Если моя помощь не требуется, я лучше подожду вас здесь.

Дункан умел распознавать лентяев, но сейчас он даже обрадовался такому предлогу. Лучше, если при их разговоре с Карлом посторонних не будет. Дункан дорого бы дал, чтобы вовсе не встречаться с Карлом Хелмером, однако он был не вправе перепоручить это дело кому-то другому, даже если бы указания от Колина и Малькольма разрешали такой вариант.

Подъем оказался легче, чем он думал, зато состояние лестницы его насторожило. Во многих местах ограждающие перила держались на честном слове. Кое-где они настолько проржавели, что к ним было опасно прикасаться. Да и ступеньки не внушали доверия. Основание этой антенны, как, наверное, и всех остальных, находилось в угрожающем состоянии.

Без серьезного ремонта, который нужно начинать немедленно, «Циклопы» вряд ли встретят двадцать четвертый век.

Дункан одолел первый круг, когда снизу его окликнул сопровождающий:

— Забыл вас предупредить. Минут через пять начнется поворот зеркал на новый участок неба. Не пугайтесь!

Дункан задрал голову. Громада параболической антенны заслоняла собой небо. Видеть, как многотонная махина поворачивается над твоей головой, было бы не слишком приятно. Хорошо, что этот ленивец удосужился его предупредить.

Вероятно, сопровождающий догадался об опасениях Дункана.

— Вы не бойтесь, эта антенна не повернется. Она уже лет десять как выключена из цепи. Поворотный механизм напрочь проржавел, да и остальные части не в лучшем состоянии. Чинить бесполезно.

Это лишь подтвердило опасения Дункана, которые прежде он отнес на счет оптической иллюзии. Парабола над его головой имела несколько иной угол наклона, чем соседние. Она перестала быть активным звеном системы «Циклопов» и теперь невидящим глазом по привычке глядела в небо. Потеря одной или даже десятка таких точек почти не отражалась на работе системы, и все-таки... Значит, правы были те, кто говорил ему, что звездный час «Циклопов» миновал.

Еще один круг, и он достигнет платформы. Дункан сделал очередную краткую остановку, успокаивая дыхание. Он поднимался очень медленно, и все же его ноги противились непривычному упражнению. Карл совсем затих. Интересно, что он делает здесь, в этом месте былых триумфов и неосуществившихся надежд?

Но Дункана сейчас волновали не столько научные изыскания Карла, сколько предстоящий разговор с бывшим закадычным другом и возможное столкновение. Раньше он как-то не подумал: узкая платформа в полусотне метров над земле

лей — не лучшее место для подобных споров. Дункан встряхнул головой, прогоняя угрожающее видение. Нет, каким бы острым ни был их разговор, он не допускал, что Карл решится на насилие. Такое просто немыслимо.

А впрочем, немыслимо ли? Если эта мысль забрела в его голову, где гарантия, что она не посетила голову Карла?

Он почти добрался до платформы. Как и ступеньки, она не была монолитной (вероятно, для уменьшения веса). Узкой площадки едва хватало для квадратного отверстия люка, которым оканчивалась лестница. Дункан облегченно вздохнул. Руками, запачканными в ржавчине, он взялся за поручни и одолел последние несколько ступенек, выбравшись на платформу. Он стоял среди громадных шестеренок, давно молчащих гидравлических движителей, сплетения кабелей, развороченных трубопроводов и тонких, почти невесомых металлических ребер каркаса, который поддерживал ослепшее стометровое параболическое зеркало.

Карл по-прежнему не издавал никаких звуков. Опасливо ступая, Дункан двинулся по платформе. Проход был почти двухметровой ширины, перила оканчивались на высоте пояса. Казалось бы, никакой реальной опасности. И все же Дункан старался держаться подальше от края и не смотреть вниз.

Он прошел менее половины круга, когда ожили и басовито заурчали двигатели соседних антенн. Им ответили высокие недовольные голоса шестеренок и скрежет подшипников, которым вовсе не хотелось нарушать свой покой.

Чаши соседних антенн начали поворачиваться к югу. Только эта оставалась неподвижной, будто слепой глаз, не реагирующий на свет. Вся эта «симфония металла» была отнюдь не благозвучной и длилась несколько минут. Затем все столь же внезапно стихло. «Циклопы» нацелились на новый участок космического пространства.

— Привет, Дункан! — вдруг послышалось сверху.— Добро пожаловать на Землю.

Дункан не сразу понял, откуда раздается голос. Карл вылез из кабинки под параболой и стал спускаться по довольно шаткой лесенке. Дункан невольно поежился, видя, что его бывший друг держится за перила только одной рукой, а в другой сжимает толстый альбом для зарисовок. Карл спрыгнул в нескольких метрах от него, и только теперь Дункан облегченно глотнул воздуха. Карл не делал попыток подойти ближе. Как всегда, его лицо оставалось бесстрастным. Ни дружеской улыбки, ни сердитой гримасы.

Потянулись тягостные секунды. Никто из двоих не хотел начинать разговор первым, каждый ждал, когда заговорит другой. В этой тишине Дункан впервые обратил внимание на слабое гудение, доносящееся со всех сторон. Это синхронно работали двигатели слежения. Движения самих антенн разглядеть было невозможно, но шум свидетельствовал, что они вращаются со скоростью несколько миллиметров в секунду. Этим вращением глаза «Циклопов» уравновешивали вращение самой Земли.

До чего же глупо двоим взрослым людям, находясь в этом «храме космоса», вести себя, точно они мальчишки, играющие в гляделки. Дункан понимал: он ничего не потеряет, если заговорит первым. Но сразу начинать с главного не стоит, так он лишь рассердит Карла. Лучше всего начать с какой-нибудь невинной банальной темы. Только не с погоды! Дункан удивлялся, сколько времени терранцы тратят на разговоры о погоде. Нет, лучше выбрать иную тему.

— Пожалуй, я еще ни разу не задавал своим ногам такую работенку,— сказал он.— А это всего пятьдесят метров. Трудно поверить, что терранцы взбираются на свои горы.

Карл мгновенно проанализировал этот гамбит — нет ли скрытых ловушек. Вроде нет.

— Самая высокая гора Земли почти в двести раз выше этой опоры. Тем не менее каждый год кто-то туда обязательно забирается.

Итак, лед был сломан. Дункан позволил себе вздох облегчения, который едва не сменился возгласом удивления.

Внешне Карл сильно изменился. Его золотистые волосы поредели и местами превратились в серебристые. Дункану показалось, что Карл постарел лет на десять. И это всего за какой-то год, что они не виделись. Глаза окружали беспокойные морщинки; вдобавок у него появилась привычка постоянно морщить лоб. Дункану также показалось, что его бывший друг стал ниже ростом. Последствия земного тяготения? Вряд ли только они. На Титане, разговаривая с Карлом, Дункан был вынужден задирать голову. Сейчас, когда они стояли лицом к лицу, их глаза были на одном уровне.

Карл старался не смотреть ему в глаза. Сжимая в руке альбом, он расхаживал взад-вперед, а затем подошел к самому краю платформы и наклонился вниз, беспечно привалившись к перилам.

— Карл, перестань! — крикнул Дункан.— Ты же знаешь, что здесь все ржавое. Мне даже страшно смотреть.

Возможно, Карл на это и рассчитывал.

— А тебе-то что за забота?

Грубый ответ не рассердил Дункана. Наоборот, ему вдруг стало очень грустно.

— Если ты действительно не знаешь, слишком поздно что-то объяснять,— только и ответил он.

— Понимаю, ты сюда явился не с визитом вежливости. Наверное, уже успел встретиться с Калинди.

— Да, я виделся с нею.

— И что вам всем от меня надо?

— Что надо Калинди — это ты спросишь у нее. Кстати, она даже не знает, что я здесь.

— А что клану Макензи понадобилось от меня? Очередная ваша авантюра для блага Титана?

Дункан решил не ввязываться в спор. Он даже не рассердился на эту спланированную провокацию.

— Я всего-навсего пытаюсь избежать скандала... если его еще можно избежать.

— Не понимаю, о чем ты.

— Прекрасно понимаешь. Кто санкционировал тебе этот полет на Землю? Кто оплатил расходы?

Дункан думал, что Карл хотя бы смутится, но ошибся.

— У меня здесь друзья. И вообще, я не припомню, чтобы Макензи были столь щепетильными по поводу соблюдения законов. Тебе напомнить, как Малькольм получил свой контракт на первую заправочную станцию на орбите Луны?

— Это было сто лет назад. Экономика Титана только-только начинала складываться. Но сейчас другие времена, и былые нарушения финансового законодательства уже не считаются оправданием. Особенно когда закон нарушается в сугубо личных целях.

Разумеется, это был выстрел наугад, но Дункан не промахнулся. Впервые за все время их разговора Карл рассердился.

— Ты даже не понимаешь, о чем говоришь! — резко бросил он Дункану.— Когда-нибудь Титан...

Он осекся. За разговором они оба забыли о постоянном движении других антенн. Вплоть до последнего мгновения платформа антенны 005 находилась в тени перевернутого зонтика соседней антенны. Но теперь парабола сдвинулась. Искусственное затмение окончилось, и на них хлынули лучи яркого тропического солнца.

Дункан закрыл глаза, выжидая, пока пластик его темных очков приспособится к этому ослепительному сиянию. Когда же он снова открыл глаза, то оказался в мире, четко разделенном на день и ночь. На одной стороне он ясно видел каждую мелочь, а на другой граница зрения составляла лишь несколько сантиметров. Очки усиливали контраст между светом и тьмой, и Дункану даже почудилось, что он находится в безвоздушном пространстве Луны.

Вдобавок лучи Солнца немилосердно жгли. Для титанцев здешняя жара была особенно тяжелой.

— Если не возражаешь, давай перейдем на затененную сторону,— сказал Дункан, стараясь держаться предельно вежливо.

Он почти не сомневался, что Карл откажется: либо просто из упрямства, либо из желания и здесь продемонстрировать свое превосходство. У него даже не было темных очков; глаза он прикрывал своим альбомом.

К немалому удивлению Дункана, Карл послушно двинулся за ним в желанную тень северного края башни. Заурядная перемена освещенности почему-то выбила его из колеи.

— Я пытался объяснить тебе, что хочу всеми силами избежать лишней шумихи и на Земле, и на Титане,— продолжал Дункан, когда они выбрали место и остановились.— Поверь мне: у меня нет никаких личных интересов. Если бы я мог, то с радостью поручил бы эту миссию кому-нибудь другому.

Карл ответил не сразу. Выбрав наименее заржавленный участок прохода, он осторожно положил туда альбом. Это простое действие очень живо напомнило Дункану давние времена их дружбы. Вещи в руках Карла всегда сковывали его, мешая свободно выражать эмоции. Привычка сохранялась до сих пор. Чувствовалось, альбом был ему помехой.

— Слушай внимательно, Дункан,— начал Карл.— Что бы Калинди тебе ни наговорила...

— Она вообще мне ничего не сказала.

— Не верю. Это она помогла тебе меня найти. Больше некому.

— Говорю тебе, Карл, ты ошибаешься. Калинди даже не знает, что я здесь.

— Я тебе не верю,— повторил Карл.

Дункан молча пожал плечами. Кажется, его стратегия работала. Намекая, что ему известно гораздо больше (хотя в действительности он почти ничего не знал), он рассчитывал смутить Карла, сбить с него самоуверенность и услышать более или менее подробный рассказ о случившемся. Но как заставить Карла это сделать? Оставалось лишь полагаться на любимый принцип Колина — успешное управление непредвиденными обстоятельствами.

Карл вдруг начал возбужденно расхаживать взад-вперед. Это насторожило и даже испугало Дункана. Ему сразу вспомнилось предостережение Калинди. Да, здесь крайне неподходящее место для выяснения отношений. Особенно если у твоего противника поколеблено душевное равновесие.

Похоже, Карл принял решение. Он остановился и круто обернулся к Дункану, заставив того невольно отпрянуть. Руки Карла были протянуты к нему, но жест скорее выражал мольбу, чем угрозу. Это успокоило и в то же время удивило Дункана.

— Дункан,— совсем чужим, незнакомым голосом произнес Карл.— Ты можешь мне помочь. Я расскажу тебе, зачем все это...

И вдруг... Дункану показалось, что где-то рядом взорвалось маленькое солнце. Он зажал руками глаза, стремясь защититься от нестерпимого сияния. Рядом послышался крик Карла. Через секунду Карл налетел на него. Ржавый металл отозвался глухим эхом.

Вспышка длилась всего мгновение. Что это было? Молния? Тогда где же гром? При разрядах такой силы раскаты приходят почти сразу.

Дункан открыл глаза. Окружающий мир был подернут красноватой дымкой. Но Карл вообще ничего не видел! Он слепо кружил на одном месте, плотно зажав глаза руками. А гром все запаздывал...

Шок наполовину парализовал Дункана. Он не сразу обрел способность действовать и только наблюдал за происходящим. Время странным образом замедлилось. Все события последующих секунд напоминали кадры старинного фильма или сон наяву.

Носком ботинка Карл поддел свой драгоценный альбом, и тот белой птицей взмыл в воздух. Карл не видел этого, но почувствовал. Он протянул руки, хватая воздух, и сделал шаг в сторону, ударившись о перила. Когда Дункан бросился к нему, было слишком поздно.

Где-нибудь в другом месте все бы обошлось. Но на этом участке годы и ржавчина сделали свое коварное дело. Перила треснули, и Карл вылетел в пролом.

Дункану показалось, что в последние секунды жизни Карл окликнул его по имени. Возможно, только показалось.

Глава 33
СЛУШАТЕЛИ

— Это беседа, а не допрос, на который вас вызывают официально,— пояснил ему посол Фаррел.— Если хотите, я могу потребовать для вас дипломатической неприкосновенности. Но это было бы опрометчивым шагом и привело бы к различным... осложнениям. В любом случае, беседа, на которую вас пригласили, проводится в интересах всех сторон. Мы ничуть не меньше, чем они, хотим разобраться в случившемся.

— А кого вы называете «они»?

— Даже если бы я знал имена этих людей, я был бы не вправе их назвать. В общем, это терранская служба безопасности.

— Неужели у вас еще сохраняется этот реликт? Я думал, шпионы и тайные агенты вымерли лет двести назад.

— Бюрократические структуры имеют тенденцию к самосохранению. Уж вам-то это должно быть известно. Где-то я вычитал забавную фразу: «Цивилизация всегда найдет повод чего-то опасаться». Хотя здесь, как и у вас на Титане, большинство дел расследуется полицией, есть случаи, требующие к себе, скажем так, особого внимания. Кстати, меня просили разъяснить вам: ничто из сказанного вами не будет использовано против вас. Без вашего согласия не опубликуют ни одну вашу фразу. Если желаете, я отправлюсь вместе с вами для моральной поддержки и возможных советов.

Даже сейчас Дункан толком не понимал, какую сторону представляет посол. Но предложение Фаррела звучало вполне разумно, и он согласился. Частная встреча не таила угро-

зы. Так или иначе, гибель Карла требовала официального расследования, и чем меньше огласки, тем лучше.

Он был почти уверен, что его повезут в машине с зашторенными окнами куда-нибудь в Вирджинию или Мэриленд, что путь туда займет много времени и окончится в громадном подземном бункере. Дункан даже испытал нечто вроде разочарования, когда Фаррел привел его к старому зданию Государственного департамента. Там их встретил первый заместитель Государственного секретаря, назвавшийся Джоном Смитом (впоследствии Дункан убедился, что это его настоящие имя и фамилия). Смит провел их в комнатку, где на первый взгляд не было ничего, кроме стола и трех мягких стульев. Вскоре Дункан понял: простота обстановки лишь кажущаяся.

Его подозрения относительно громадного зеркала, занимающего почти всю стену, быстро подтвердились. Смит, выполнявший роль хозяина (или следователя, если придерживаться языка старинных шпионских мелодрам), перехватил его взгляд и искренне улыбнулся.

— С вашего позволения, мистер Макензи, мы хотели бы произвести запись этой беседы. За нею наблюдают и несколько других участников. Время от времени они будут задавать вам вопросы. Думаю, вы не станете возражать, если я воздержусь от оглашения их имен.

Дункан учтиво кивнул в сторону зеркала.

— Против записи я не возражаю,— сказал он.— Могу ли и я воспользоваться своим минисеком?

Воцарилась тягостная пауза, нарушенная лишь негромким смешком Фаррела.

— Этого мы просим вас не делать,— наконец ответил Смит.— Мы обязательно снабдим вас текстом беседы. Обещаю, что он будет достаточно точным.

Дункан не стал настаивать. Возможно, участники опасались, что их голоса могут узнать. Он удовлетворится текстом, который прочтет по горячим следам, чтобы сразу отыскать ошибки и сокращения.

— Рад, что мы смогли так легко договориться об условиях,— удовлетворенно произнес Смит.— Тогда начнем.

В пространстве комнаты что-то резко изменилось. Она вдруг... значительно расширилась. Внешне комната осталась прежней, но Дункан безошибочно ощутил присутствие невидимых слушателей. Невозможно сказать, где они находились — в Вашингтоне или на другом конце Земли. Дункану стало не по себе. У него даже появилось дурацкое ощущение, будто он сидит перед ними совсем голым.

Вскоре из-под потолка раздался негромкий голос:

— Здравствуйте, мистер Макензи. Спасибо, что согласились уделить нам часть своего времени и прийти сюда. Пожалуйста, простите нас за эту скрытность. Если вам это напоминает шпионские мелодрамы двадцатого века, опять-таки, приносим наши извинения. В девяносто девяти случаях из ста подобные предосторожности совершенно излишни, но никогда не знаешь, какой случай окажется сотым.

Голос был низкий. Он отдавался в углах комнаты. Голос принадлежал волевому человеку, настроенному дружески. И все же в интонациях улавливалась какая-то искусственность. Компьютерный синтезатор речи? Вполне вероятно. Техника синтеза речи достигла такого развития, что электронный голос почти не отличался от человеческого. Специальная программа, добавлявшая в «правильную» машинную речь разговорные слова-паразиты и типичные для людей грамматические погрешности, снижала неловкость, возникающую у человека при общении с «говорящей пустотой». Но сейчас с Дунканом вряд ли говорило электронное устройство. Скорее всего, это был человек, пользующийся компьютерным маскировщиком речи.

Пока Дункан соображал, надо ли отвечать на приветственные слова, в разговор включился еще один собеседник. Его голос Дункан услышал в полуметре от своего левого уха.

— Мистер Макензи, мы считаем необходимым заверить вас в следующем. Наша встреча не нарушает никаких зако-

нов Земли. Мы собрались здесь не для расследования преступления. Нами движет желание разгадать загадку, найти причину трагедии. Если случившееся затрагивает какие-либо законы Титана, мы к этому непричастны. Надеюсь, это вам понятно.

— Я вас понимаю,— ответил Дункан.— Таким я и представлял характер нашей беседы, однако я рад услышать от вас подтверждение.

Впрочем, расслабляться было рано. Возможно, говоривший подразумевал именно то, о чем говорил,— дружеское приглашение к сотрудничеству. Но успокаивающие фразы могли оказаться и ловушкой.

Следующей в разговор включилась женщина. Ее голос раздавался сзади, и Дункан поборол инстинктивное желание обернуться и посмотреть. Интересно, они нарочно смещают фокус, чтобы дезориентировать его? Или эти люди принимают Дункана за провинциального простака?

— Чтобы понапрасну не тратить время всех собравшихся, сообщаю вам, мистер Макензи, что нам известны обстоятельства жизни мистера Хелмера.

«И моей тоже»,— подумал Дункан.

— Ваше правительство снабдило нас всей необходимой информацией, но вы, быть может, знаете что-то еще, чего не знаем мы. Ведь вы были одним из ближайших друзей погибшего.

Дункан ограничился кивком. К чему тратить слова? Эти люди наверняка знают почти все об их с Карлом дружбе и о ее конце.

Словно повинуясь тайному сигналу, мистер Смит раскрыл свой портфель и выложил на стол небольшой предмет.

— Думаем, вам наверняка знаком этот предмет,— продолжала невидимая женщина.— Семья Хелмера просила передать вам его на хранение вместе с другими личными вещами погибшего.

Минисек Карла! Такой же, как его собственный! Почему-то эта схожесть настолько шокировала Дункана, что последние слова он пропустил мимо ушей.

— Пожалуйста, повторите то, что вы сказали,— попросил он.

Пауза была на удивление долгой. Уж не на Луне ли находится эта женщина? К концу беседы Дункан был в этом почти уверен. Если диалог между ним и остальными участниками происходил без задержек, слова женщины всегда запаздывали.

— Семья Хелмеров просила вас взять на хранение личные вещи их сына, пока родные не решат, что с ними делать дальше.

Это был жест примирения, рука протянутая над могилой всех надежд семьи Хелмеров. У Дункана защипало глаза (интересно, видят ли они сейчас его слезы?). Он посмотрел на минисек, ощущая стойкое нежелание даже прикасаться к собственности Карла. Там хранились все секреты его бывшего друга. Если бы Хелмерам было что скрывать, разве они бы попросили Дункана взять микрокомпьютер? Впрочем, здесь не все так просто. Он не сомневался: у Карла наверняка были свои секреты, неизвестные близким. Возможно, в минисеке хранилось много такого, что не предназначалось для чужих глаз и ушей. Каждый файл наверняка был защищен хитроумным паролем, а некоторые и вовсе уничтожались при малейшей попытке несанкционированного доступа.

— Нас, естественно, очень интересует информация, хранящаяся в этом минисеке,— продолжала «женщина с Луны».— Особенно списки земных контактов мистера Хелмера: адреса или персональные номера.

«Понимаю,— подумал Дункан.— Сумей вы это узнать — сейчас допрашивали бы не меня, а своих сограждан. Но вы боитесь, как бы сведения бесследно не погибли, и хотите испробовать другие возможности».

Минисек мирно лежал на столе. Дисплей и многофункциональные клавиши оставались темными. Пятьсот лет назад эту коробочку посчитали бы орудием Сатаны (никак не иначе, ведь Бог таких подарков не преподносит!). На самом деле минисек был всего лишь подобием человеческого мозга. Его атомные цепи хранили миллиарды бит информации. Правильный пароль открывал к ней доступ, а неправильный угрожал навсегда стереть бесценные сведения. Сейчас минисек напоминал крепко спящего человека. Просто инертный кусок пластмассы с микроэлектронной начинкой. Нет, не совсем инертный. Календарь и часы продолжали действовать, отсчитывая секунды и минуты. Время без Карла.

— Мы запросили мистера Арманда Хелмера, не оставил ли ему сын паролей к своему минисеку,— заговорил мужской голос справа.— Это общепринятая практика. Возможно, вскоре мы сумеем сообщить вам пароли. Пока что мы воздержимся от попыток извлечь из минисека какие-либо сведения. С вашего разрешения мы на время оставим микрокомпьютер у себя.

Дункана уже начинали утомлять решения, принимаемые за него. Кажется, Хелмеры недвусмысленно заявили, что все личные вещи Карла переходят к нему. Спорить с невидимыми собеседниками было бессмысленно. Если он скажет хоть слово, они тут же назовут ему какие-нибудь законы, позволявшие им оставить минисек у себя.

Мистер Смит снова полез в портфель.

— Надеюсь, этот предмет вам тоже знаком.

— Да. Сколько помню, Карл всегда носил с собой альбом для зарисовок. И этот был с ним тогда, когда он...

— Вы правы. А сейчас мы просим вас пролистать этот альбом. Вдруг вы заметите что-то необычное, что имеет отношение к предмету нашего разговора. Любой пустяк, любая банальность... Если что-то привлечет ваше внимание, обязательно скажите нам.

Два предмета, принадлежавшие Карлу Хелмеру. Между ними — пропасть во времени. Минисек был гордостью «эпохи неоэлектроники». А альбом для зарисовок вряд ли сильно изменился с того времени, когда люди научились делать бумагу. Да и карандаш, воткнутый во внутренний кармашек, претерпел не так уж много изменений. Правильно сказал кто-то из философов: человечество никогда полностью не отказывается от своих древних орудий. На Титане многие считали, что Карл просто оригинальничает. Зачем ему альбом? Он еще мог умело нарисовать технический эскиз, но талантом художника никогда не блистал.

Дункан медленно переворачивал страницы, болезненно остро ощущая взгляды наблюдающих за ним людей. Прежде чем показать ему альбом Карла, эти люди наверняка тщательно скопировали каждую страницу, применив особую технологию, позволявшую восстанавливать стертые рисунки и записи. Если Карл делал невидимые пометки, она обнаружит и их. Вряд ли, просмотрев альбом, Дункан сможет что-то прибавить к уже известному.

Альбом служил Карлу для всего. Он заносил туда все, что его интересовало. Альбом был местом диалога с собой, местом выражения своих чувств. Там встречались слова, написанные мелким четким почерком, колонки цифр, фрагменты расчетов и уравнений, математические чертежи...

Были и космические пейзажи — торопливо и неумело набросанные зарисовки, сделанные на спутниках Сатурна. В небе всегда висел его диск, опоясанный кольцами. От этих рисунков веяло схематичностью...

...Принципиальные схемы каких-то устройств, снова уравнения, полные греческих букв и векторных значков. Смысл расчетов был Дункану совершенно непонятен... И вдруг, после холодных цифр и грубых эскизов,— любовно нарисованный портрет Калинди. Рисунок дышал жизнью и был сделан умело, как будто Карл на время превратился в художника.

Дункан сразу узнал Калинди, и все же рисунок его удивил. На портрете была не нынешняя Калинди. Карл нарисовал ее такой, какой она запомнилась ему и Дункану,— девушкой,

навечно поселившейся в стереопузыре. Эта Калинди была недосягаема для времени.

Дункан несколько минут смотрел на портрет, не решаясь перевернуть страницу. Откуда такое мастерство? И сколько раз Карл рисовал Калинди в своих ранних альбомах?

Его невидимые собеседники терпеливо ждали, не мешая ему думать. Наконец Дункан перевернул страницу.

...Опять расчеты... узор шестиугольников, уходящий в бесконечность. Где-то уже он это видел!..

— Здесь нарисована кристаллическая решетка титанита. А номер вверху ничего мне не говорит. Похоже на номер терранского видди.

— Вы правы. Мы проверили этот номер. Он принадлежит одному вашингтонскому эксперту по драгоценным камням. Нет, не Айвору Мандельштаму, если вы подумали о нем. Владелец номера утверждает, что мистер Хелмер никогда ему не звонил. Мы склонны верить этому человеку. Скорее всего, ваш друг где-то узнал номер, записал на всякий случай, но так и не позвонил.

...Снова расчеты, теперь с множеством частотных характеристик и углов фазового сдвига. Скорее всего, это относилось к сетям коммуникаций — основной работе Карла...

...Геометрические узоры, в основе которых лежит шестиугольник. Нарисовано машинально, словно Карл находился на каком-то тягучем заседании и пытался скоротать время...

...Снова Калинди... на этот раз беглый набросок, не имеющий ничего общего с детальностью того портрета...

...Рисунок, напоминающий соты. Маленькие кружки, нарисованные прямо и под углом. Только несколько из них Карл нарисовал относительно подробно. Вероятно, общее число таких элементов равнялось нескольким сотням. Хоть здесь ничего загадочного.

— На этой странице Карл нарисовал схему «Циклопов». Видите? Здесь указано число элементов и габаритные размеры.

— Как по-вашему, почему мистера Хелмера так заинтересовали «Циклопы»?

— Это вполне понятно: крупнейший и самый знаменитый радиотелескоп Земли. Он часто говорил со мной о «Циклопах».

— Он выражал намерение посетить радиотелескоп?

— Возможно. Сейчас не помню. Это было много лет назад.

Торопливые наброски на следующих страницах изображали детали облучателя антенн «Циклопов», поворотных механизмов, куски электрических цепей. Все это перемежалось формулами. Один набросок был едва начат. Дункан печально вздохнул и перевернул страницу. Дальше шли чистые листы.

— Мне жаль вас разочаровывать, но я не увидел здесь ничего необычного,— сказал Дункан, кладя альбом на стол.— Сферой работы Карла... мистера Хелмера были коммуникации. Он занимался линиями связи между Титаном и другими планетами Солнечной системы. Его интерес к «Циклопам» тоже вполне понятен: смежная область. Повторяю, ничего необычного.

— Возможно, мистер Макензи. Но вы еще не все видели.

Дункан удивленно поднял глаза к потолку. Джон Смит кивком указал на альбом.

— Посмотрите альбом с другого конца,— мягко, как мудрый учитель торопливому подростку, подсказал он.

Вряд ли это была шутка. Дункан снова взял альбом и послушно открыл с другого конца. Так и есть: Карл использовал альбом с обеих сторон!

Внутренняя сторона обложки оставалось чистой, а на первой странице было крупно выведено: «АРГУС». Дункану это слово ничего не говорило, хотя где-то встречалось. Вроде в учебнике истории. Наверное, какой-нибудь древний ученый или полководец.

На следующей странице его поджидало настоящее потрясение.

Дункан вперился в рисунок, занимающий практически весь лист. Он не верил своим глазам. Рисунок вдруг перенес его на Золотой риф. Но ведь Карл никогда не интересовался земной зоологией, не говоря уже об обитателях морских глубин. Для титанца это немыслимо даже на уровне хобби.

И тем не менее перед Дунканом был тщательный, с соблюдением законов перспективы, рисунок длинноигольчатого морского ежа породы Diadema. Легкими штрихами Карл набросал и три координатные оси. Он изобразил лишь десяток игл, хотя из рисунка было ясно, что их у ежа несколько сотен и они торчат с каждого квадратного миллиметра панциря.

Уже сам по себе рисунок вызывал восхищение. Но Дункана больше удивляло другое: на свой шедевр Карл явно потратил несколько часов усердной работы. Час за часом рисовать заурядное беспозвоночное, причем с таким же мастерством и вдохновением, с каким он рисовал портрет Калинди? Ради чего?

Они вышли на залитую солнцем Вирджиния-авеню и направились к остановке общественных шаттлов. Судя по расписанию, ближайший шаттл должен был подойти минут через пять. Дункан огляделся по сторонам. На остановке они были вдвоем.

— Вам что-нибудь говорит это слово — «Аргус»?

Дункан буквально выплеснул на Фаррела свой вопрос, не дававший ему покоя.

— В общем-то, да, хотя я и не знаю, в каком контексте его употребил Карл Хелмер. Мое поколение еще застало остатки классического образования. Нам преподавали мифологию. Если не ошибаюсь, Аргусом звали старого сторожевого пса, верно служившего Одиссею. Когда после двадцати лет странствий Одиссей вернулся в Итаку, пес узнал его, после чего испустил дух.

Дункан выслушал ответ и удивленно пожал плечами.

— Вы правы. Древний миф ничего не объясняет. Мне хочется знать другое: почему тех, кто незримо беседовал со мной, так заинтересовал Карл? Они же с самого начала заявили, что он не нарушил никаких ваших законов. Что касается титанских законов — возможно нарушение отдельных норм, но не более того.

— Постойте! — воскликнул посол.— Ваши слова мне кое-что напомнили.

Его лицо исказила мелодраматическая гримаса (Дункан едва удержался, чтобы не засмеяться), потом оно снова разгладилось. Фаррел тоже огляделся по сторонам, затем бросил взгляд на указатель времени. До шаттла оставалось еще три минуты.

— Пожалуй, я кое-что могу вам объяснить. Только, пожалуйста, нигде не говорите, что слышали это от меня. Возможно, это просто моя разыгравшаяся фантазия... Каждый организм обладает защитными механизмами. С одним вы только что познакомились: это часть системы безопасности Земли. Не берусь гадать, каков круг обязанностей тех, кто с вами беседовал, но эта группа весьма малочисленна и состоит из весьма влиятельных людей. Возможно, кое-кого из них я даже знаю. Например, один голос... впрочем, это к делу не относится. Можете считать, что этот комитет выполняет функции сторожевого пса. Естественно, он как-то должен называться. И естественно, имя держится в строжайшей тайне. По роду своей деятельности я иногда слышу о подобных вещах, но тут же стараюсь поскорее о них забыть...

— Так вы...— начал догадываться Дункан.

— Я всего лишь выдвигаю сумасшедшую гипотезу. Итак, мифического сторожевого пса звали Аргусом. Чем не имя для такого комитета? Мистер Макензи, я еще раз говорю: я ничего не утверждаю. Но представьте, что должны испытывать члены подобного комитета, когда они вдруг видят свое сверхсекретное имя написанным крупными буквами на странице

альбома? Добавьте к этому прочие, не менее загадочные обстоятельства.

Что ж, гипотеза вполне правдоподобная, и Фаррел не стал бы делиться ею без достаточных на то оснований. Но ничего конкретного посол не сказал.

— Любопытная аналогия. Я даже готов принять вашу... гипотезу. Но при чем тут рисунок морского ежа? Он-то чем так насторожил этот комитет?

Бесшумно подкативший шаттл распахнул двери. Фаррел кивком пригласил Дункана внутрь.

— Не знаю, Дункан, утешат ли вас мои слова, однако вы оказались в замечательной компании. Я бы отдал изрядную долю своей скромной пенсии, чтобы услышать, о чем сейчас говорят мистер Смит и его невидимые друзья.

Глава 34
ДОЛГ И СТРАСТЬ

Дункан стоял возле окна в апартаментах Калинди и смотрел на запруженную машинами Пятьдесят седьмую улицу. В холодном воздухе зимнего вечера кружились снежинки, кружились и таяли, едва достигнув тротуаров с подогревом... Но сейчас лето, а не зима. И машины, что беззвучно несутся сотней метров ниже, годятся лимузину президента Бернстайна в прадедушки.

Дункан смотрел в прошлое. Возможно, эту голограмму сделали в конце двадцатого века. Умом он понимал, что находится не над, а под землей, но его чувства больше верили реальности картины за окном, чем доводам разума.

Наконец-то они с Калинди были наедине. Обстоятельства, что свели их, несколько дней назад показались бы Дункану плодом воспаленного воображения. Судьба посмеялась над ним: его желание едва теплилось.

— Что это? — настороженно спросил Дункан, принимая от Калинди узкий хрустальный бокал с кроваво-красной жидкостью.

— Название тебе все равно ничего не скажет, а если я назову тебе стоимость, ты, чего доброго, и пить не станешь. Это пьют медленно, смакуя каждый глоток. Пей. Вряд ли тебе когда-нибудь представится шанс попробовать это снова. Пей, не бойся. Тебе понравится.

Вино (вероятно, это было вино) и впрямь было замечательное: мягкое, сладковатое и, скорее всего, с хорошей дозой успокоительного. Как ему и советовали, Дункан смаковал каждый глоток, наблюдая за Калинди.

Ее жилище поразило его. Предельно простое по убранству, но просторное и разумно спланированное. Стены с окраской крыльев дикого голубя, голубой сводчатый потолок, похожий на небесный купол, и зеленый ковер — иллюзия лужайки. Мебели было совсем немного: четыре мягких стула, письменный стол в виде старинного бюро, шкаф со стеклянными дверцами, полный изящных фарфоровых вещиц, низкий столик, на котором лежали какая-то коробочка и альбом примитивной живописи двадцать второго века. И конечно же, коммуникационная консоль. На экране консоли беспрерывно сменялись хитроумные абстрактные композиции.

Даже без вездесущей силы тяготения все здесь напоминало Дункану, что он на Земле. Он не знал, как выглядят квартиры жителей Луны или Марса, но в этом подземелье он бы точно не согласился жить. Все здесь несло на себе оттенок избыточного совершенства и маниакальной приверженности терранцев к прошлому. Дункану вдруг вспомнились слова посла Фаррела: «Мы не в упадке. Но со следующим поколением на Землю придет упадок». Следующее — это поколение Калинди. Возможно, посол был прав...

Дункан отпил еще глоток, продолжая следить, как Калинди бесцельно бродит по своему просторному жилищу. Подойдя к одному из стульев, она зачем-то его сдвинула. Затем без всякой надобности поправила картину на стене. Потом Калинди вернулась к дивану и села на некотором расстоянии от Дункана. Посидев молча, она взяла со стола коробочку.

— Ты когда-нибудь видел такое? — спросила она, открывая крышку

В бархатном «гнездышке» лежало серебряное яйцо. Оно было вдвое крупнее куриных яиц, которые Дункан попробовал в ресторане отеля «Столетие».

— Что это? Старинный предмет искусства? — спросил Дункан.

— Возьми в руки. Только осторожнее, не урони.

Невзирая на предостережение, Дункан едва не выронил яйцо. Оно не было тяжелым. Оно было... живым. Дункану показалось, что странное яйцо извивается на его ладони, хотя внешне оно оставалось неподвижным. Приглядевшись, Дункан заметил тонкие перламутровые нити. Они появлялись, вились по поверхности яйца и снова исчезали. Они напоминали волны тепла, но поверхность оставалась прохладной.

— Возьми его обеими руками и закрой глаза,— велела Калинди.

Дункан повиновался вопреки сильному любопытству и желанию увидеть, что же будет происходить с таинственным яйцом дальше. Осязание — чувство, которое надежнее всего рассказывает об окружающем мире, на этот раз подвело его.

Фактура яйца постоянно менялась. Оно уже не казалось Дункану металлическим. Невероятно, но он сейчас держал в руках меховой комочек — маленького пушистого зверька вроде котенка, которому пара недель от роду... Через несколько секунд ощущение мягкости и пушистости напрочь исчезло. Яйцо затвердело и стало шершавым, как наждачная бумага, способная содрать кожу пальцев до крови... И опять — удивительная шелковистая мягкость. Дункан едва подавил желание погладить шелковое яйцо, как вдруг оно сделалось... желеобразным. Казалось, оно вот-вот проскользнет сквозь пальцы. Ощущение было довольно противным, и Дункан усилием воли заставил себя не швырнуть коварную игрушку на ковер. Только мысль о том, что это всего лишь его ощущения, позволяла ему владеть собой... А теперь — дерево. Пальцы скользили вдоль волокон, пока... Пока яйцо не обросло колючей щетиной, больно уколовшей Дункану пальцы...

Были ощущения, которым в его языке не находилось слов; были ощущения приятные, нейтральные и на редкость отталкивающие (здесь Дункану вновь понадобилась вся его воля). Когда же его пальцы безошибочно ощутили ни с чем не сравнимое прикосновение человеческой кожи, любопытство взяло вверх. Он открыл глаза. На его ладони по-прежнему лежало серебристое яйцо, только сейчас оно казалось сделанным из мыла.

— Ты можешь объяснить, что это за штука? — спросил Дункан.

— Не надо кричать. С тобой же ничего не случилось. Это всего-навсего тактоид. Слышал про них?

— Нет.

— Забавная штучка. Своеобразный калейдоскоп осязания. Только не спрашивай меня, по какому принципу она действует. Что-то связанное с управляемой электрической стимуляцией. Больше я ничего не запомнила.

— А для чего их используют?

— Ну неужели все обязательно должно иметь практическое применение? Тактоид — просто игрушка. Новая игрушка. Но у меня была веская причина тебе ее показать.

— Конечно. «Последняя земная новинка!»

Калинди грустно улыбнулась, вспомнив свою давнюю излюбленную фразу. Обоим вспомнились далекие дни там, на Титане. Но это было целую эпоху тому назад.

— Дункан, ты думаешь, это я во всем виновата? — едва слышно, почти шепотом спросила Калинди.

Их разделяло два метра диванного пространства. Дункан повернулся лицом к Калинди. Перед ним сидела вовсе не та успешная и самоуверенная деловая дама, которую он встретил на «Титанике», а сбитая с толку несчастная девчонка.

Сколько времени будет длиться ее раскаяние? Но сейчас, похоже, Калинди не играла.

— Ты меня спрашиваешь, а я у меня нет ответа,— сказал Дункан.— Я до сих пор брожу впотьмах. До сих пор не знаю, что же Карл делал на Земле и зачем вообще он сюда прилетел.

— И он тебе за все эти пятнадцать лет так и не рассказал?

Во взгляде Калинди сквозило удивление.

— О чем?

— О том, что произошло в тот прощальный вечер на борту «Ментора».

— Нет. Он никогда об этом не говорил,— медленно, будто каждое произносимое слово причиняло ему боль, ответил Дункан.

Молчание Карла (иногда Дункан расценивал его как предательство) так и осталось горьким воспоминанием прошлого. Умом он понимал: с какой стати двое обезумевших от скорого расставания людей будут делиться своими чувствами с ним — мальчишкой-подростком, в равной степени обожавшим их обоих? Дункан не винил их за это, однако в глубине души так и не простил.

— И ты не знал, что мы тогда пользовались «машиной радости»?

— Откуда мне знать?

— Да, конечно. Затея была вовсе не моя. Карл настаивал, и я согласилась. По крайней мере, мне хватило мозгов самой не воспользоваться этой штукой. Точнее, только совсем на малой мощности...

— Слушай, но ведь даже тогда «машины радости» находились под запретом. Как эта игрушка оказалась на борту «Ментора»?

— На борту «Ментора» было много такого, о чем команда даже не подозревала.

— Не удивляюсь. И что же произошло... у вас?

Калинди вскочила с дивана и опять принялась расхаживать по зелени ковра. Она старалась не встречаться с Дунканом глазами.

— Мне даже сейчас страшно и противно вспоминать об этом. Но я понимаю, отчего люди становятся рабами «машины радости». Тактоид — всего лишь безобидная игрушка, однако он способен подарить тебе такие осязательные ощущения, которых ты и за всю жизнь не встретишь. «Машина радости» куда страшнее. После нее реальная жизнь кажется бледной и пресной. Я тебе говорила: Карл включил «машину» на полную мощность. Я предупреждала его, просила этого не делать, но он только смеялся. Он был уверен, что справится с нею...

«Что ж, это вполне в духе Карла»,— подумал Дункан. Сам он никогда не видел «усилитель эмоций», но знал, что такое устройство есть в Центральной больнице Оазис-Сити. Усилитель применялся в психиатрии и считался очень эффективным средством. «Машиной радости» называли портативную модель усилителя. В середине двадцать третьего века эти опасные игрушки, словно чума, распространились по всем обитаемым мирам Солнечной системы. Никто не знал, сколько незрелых юных умов они успели безвозвратно погубить. «Выжигание мозгов» стало настоящей эпидемией шестидесятых годов. Потом, как и всякая эпидемия, она пошла на спад, оставив после себя сотни эмоциональных трупов. Карл был одним из немногих счастливчиков, сумевших выкарабкаться...

Но «машина радости» и на нем оставила свою отметину. Это-то и было истинной причиной его «нервного срыва» и изменения личности. Дункан вдруг ощутил, как в нем нарастает холодная ярость к Калинди. Она не знала? Пусть не разыгрывает из себя невинную! Наверняка знала — даже тогда, при всей своей взбалмошности. Дункан попробовал отстраниться от владеющего им чувства. Сейчас в нем говорят моральные принципы. Он обвиняет Калинди просто потому,

что она жива, а Карл лежит в холодильнике Аденского морга, словно прекрасная мраморная статуя, сохраняемая со всеми повреждениями, нанесенными ей безжалостным временем. Теперь Дункану придется ждать, пока не будут улажены все юридические процедуры, связанные с выдачей тела инопланетного гражданина, погибшего на Земле. Еще одна обязанность, свалившаяся на Дункана. Он выполнил все необходимые формальности, прежде чем проститься с другом, которого потерял задолго до гибели.

— Я представляю, о чем речь,— сказал Дункан, и его резкий тон заставил Калинди остановиться.— Я хочу знать остальное. Что было потом?

— Карл посылал мне длиннейшие и совершенно безумные письма. Всегда экспресс-почтой, тщательно запечатанные. Писал, что никогда не полюбит другую женщину. Я отвечала ему. Убеждала не делать глупостей. Просила забыть меня как можно скорее, потому что мы больше никогда не встретимся. Что еще я могла ему сказать? Тогда я не понимала всю нелепость своих советов. Это все равно что посоветовать кому-то перестать дышать. Мне было стыдно его расспрашивать. Я только через несколько лет узнала, какой вред наносит мозгу «машина радости».

Дункан не знал, слышит ли он сейчас правду или является зрителем еще одной умело разыгрываемой сцены.

— Понимаешь, он писал мне сущую правду, когда утверждал, что больше никогда никого не полюбит. «Машины радости» усиливают в мозгу участки наслаждения. Создают постоянную, почти не разрушаемую цепь желаний. Психологи называют это электроимпринтингом. Наверное, сейчас это лечат, но пятнадцать лет назад таких методов не было даже на Земле, не говоря уже о Титане.

Калинди вновь стала кружить по зеленому ковру.

— Через какое-то время я перестала отвечать на его письма. Мне было нечего ему сказать. Но Карл продолжал мне писать. Его письма приходили несколько раз в год. Он клят-

венно обещал, что рано или поздно обязательно прилетит на Землю и мы снова встретимся. Я не принимала его слова всерьез.

«Может, и не принимала, но тебе это нравилось. Должно быть, тебе льстило держать в своих руках душу такого яркого и талантливого человека, как Карл, даже если это машина сделала его твоим рабом, а не ты сама...»

Ничего удивительного, что все последующие увлечения Карла и его браки рушились с таким треском. Они были обречены с самого начала. Между Карлом и возможным счастьем всегда вставала Калинди — недосягаемый идеал. Как же одиноко было Карлу! Если бы Дункан тогда знал, что на самом деле творится с его другом... Возможно, они сохранили бы дружбу.

Хотя вряд ли. Да и что толку впустую вздыхать об упущенных возможностях? Кто из древних философов сказал: «Род людской никогда не познает счастья, пока не отучится произносить "Если бы..."»?

— Значит, появление Карла оказалось для тебя полной неожиданностью? — спросил Дункан.

— Не совсем. В последних письмах он все время намекал на это. У меня целый год было ощущение, что он может появиться. А потом он вдруг позвонил с орбитального порта Ван Аллен. Сказал, что прилетел специальным рейсом, и пообещал встретиться со мной, как только адаптируется к земной гравитации.

— Что это еще за «специальный рейс»?

— Это был грузовой корабль терранской экспедиции, исследующей спутники Сатурна. Он летел на Землю пустым и с максимальной скоростью. И все равно полет занял пятьдесят дней.

«Представляю,— подумал Дункан.— Провести почти два месяца на грузовом корабле, где минимум удобств». Он вспомнил свое путешествие на «Сириусе», затем мысли вновь вернулись к полету Карла. Космические инструкции строжайше

запрещали брать пассажиров на борт грузовых кораблей. Оставалось лишь надеяться, что это нарушение не скажется на дальнейшей карьере пилотов, поддавшихся обаянию Карла.

Калинди прекратила ходить и села рядом с Дунканом.

— Я не знала, хочу ли его видеть. Все-таки прошло пятнадцать лет и я далеко ушла от той Калинди. Но он был очень упрям. Я понимала: отговаривать его бесполезно. Можешь считать, что я выбрала линию наименьшего сопротивления.

Она вымученно улыбнулась и продолжала:

— Это не помогло. Я должна была бы догадаться с самого начала. А вскоре мы увидели в новостях, что ты тоже прилетел на Землю.

— Представляю, как это шокировало Карла! Что он говорил?

— Почти ничего. Но я видела, что новость удивила и расстроила его.

— И все-таки вряд ли он ограничился общими фразами.

— Карл потребовал, чтобы я ни в коем случае не рассказывала тебе, что он на Земле. Тогда я впервые заподозрила неладное и начала волноваться насчет титанита, который он попросил меня продать.

— А-а, обычная уловка Карла. Забудь о ней. Один из его многочисленных способов добиться желаемой цели. Ты лучше скажи: когда я впервые тебе позвонил, он еще жил у тебя?

Молчание Калинди уже наполовину являлось ответом. Потом она ответила и даже с некоторым вызовом:

— Естественно. И он очень рассердился, когда я сказала, что встречусь с тобой. Мы тогда сильно поссорились. Увы, не в первый раз.

Она вздохнула. Жест получился немного театральным.

— Но к тому времени даже Карл сообразил, что со мной так себя вести нельзя. Давить на меня — занятие безнадежное. Сколько раз я его предупреждала — он не верил. Он отказывался признать очевидный факт: Калинди, которую он

знал пятнадцать лет назад и которая впечаталась в его мозг, больше не существует.

Дункан и не подозревал, что увидит в ее глазах слезы. Только по кому они? По Карлу или по своей прошедшей юности?

Дункану хотелось смотреть на все это холодно и цинично. Может, какой-то частью своего существа Калинди и играла. Но другая ее часть вела себя вполне искренне, и она-то затронула его душу. Дункан с удивлением обнаружил, что испытывает к Калинди не только сострадание. Неужели горе способно возбуждать влечение?

Дункан ни в коем случае не собирался заглушать в себе вспыхнувшее желание, но и не торопил события. Было слишком много такого, что он мог узнать только от Калинди.

— Наши занятия любовью всегда разочаровывали его,— всхлипывая, призналась она,— хотя поначалу он и пытался это скрывать. Когда видишь такое, поневоле начинаешь думать о собственной неполноценности. Но теперь-то я кое-что знаю об импринтинге. И Карл прекрасно знал, в чем его беда. Его случай не исключение.

Калинди вытерла глаза ладонью.

— Он становился все более подавленным и... все более жестоким. Иногда он даже пугал меня. Ты знаешь, каким сильным он был. Вот, посмотри.

Калинди сделала еще один театральный жест, приспустив платье и обнажив левое плечо, а заодно и левую грудь.

— Он ударил меня вот сюда, так сильно, что остался большой синяк. До сих пор еще виден.

Сколько Дункан ни старался, никакого синяка он не видел. Только молочно-белая, гладкая, шелковистая кожа. Тем не менее жест Калинди не оставил его равнодушным.

— И потому ты выключила видди,— сочувственно произнес Дункан, придвигаясь ближе.

— Да. Мне как раз позвонил друг Айвора и стал расспрашивать про Титан. Мне это показалось очень странным совпадением... Знаешь, Дункан, это все-таки был жестокий трюк.

В голосе Калинди было больше грусти, чем злости. Она не делала попыток отодвинуться от Дункана. Они сидели почти рядом.

— А потом события посыпались одно за другим. Ты знаешь, что терранская Служба безопасности присылала ко мне двух своих агентов?

— Нет, но это меня не удивляет. И что же ты им рассказала?

— Все, что знала. Они вели себя очень по-доброму и сочувствовали мне.

— Еще бы! Им же надо было сгладить свою неуклюжесть! — с горечью воскликнул Дункан.

— Пойми, Дункан, это был несчастный случай! Ты входишь в число важных гостей, и они должны были тебя защищать. Случись что с тобою, представляешь, какой межпланетный скандал разгорелся бы накануне юбилейных торжеств? Тебе ни в коем случае нельзя было отправляться в «Циклопы». И уж тем более — лезть на платформу к Карлу. Это было очень опасно.

— Ничего опасного. Мы вели вполне дружеский разговор. Откуда мне было знать, что на соседней башне прячется безответственный идиот, который сначала нажимает кнопку, а потом думает, зачем это сделал?

— Не будь строг к этому человеку. Он всего-навсего агент, выполнявший приказ. Ему приказали защищать тебя любой ценой. А тебя, кстати, предупредили насчет приступов жестокости у Карла. Агенту показалось, что вы вот-вот подеретесь. Лазерная вспышка только временно ослепила Карла. Через несколько часов к нему бы полностью вернулось зрение. Говорю тебе: произошел ужасный, чудовищный несчастный случай. Тут никто не виноват.

Пройдет еще немало времени, прежде чем Дункан сможет бесстрастно воспроизводить в памяти всю цепочку событий. Если и существовала вина, она тонким слоем лежала на двух

мирах — земном и титанском. Подобно большинству человеческих трагедий, эта стала следствием не злых умыслов, а ошибочных суждений и превратного понимания...

Если бы Малькольм и Колин не настаивали на «очной ставке» Дункана с Карлом и не требовали предъявить тому «неопровержимые факты»... Если бы самому Дункану так не хотелось добиться от Карла доказательств его невиновности. Как он стремился дать своему бывшему другу шанс оправдаться... Настолько стремился, что фактически очутился в его власти. Пусть бессознательно, но ведь так оно и было, и сейчас Дункан отчетливо это понимал. Возможно, Карл и в самом деле был опасен; просто Дункан не все знал.

Похоже, они оба запутались в цепкой паутине судьбы, из которой было не выбраться. Дункану вдруг вспомнилась история гибели «Титаника». Конечно, масштабы той трагедии были несоизмеримо выше и любые сравнения выглядели смехотворно и нелепо, но он все же рискнул мысленно провести параллели. Казалось, сами боги сговорились против гигантского корабля и решили погубить его, нанизывая один пустяк на другой. Сплошные случайности. Если бы предостерегающие радиограммы не потерялись под грудой частных поздравлений и деловых депеш... Если бы айсберг не пропорол одновременно все водонепроницаемые переборки... Если бы радист корабля, находившегося в двадцати километрах от места катастрофы, не покинул рубку, когда с борта «Титаника» в холод и мрак понеслись первые сигналы бедствия... Если бы спасательных шлюпок хватило на всех... Казалось, судьба, одну за другой, обрубала все возможности спасения, пока проклятая цепь случайностей не кончилась катастрофой.

— Наверное, ты права,— сказал Дункан, желая утешить не только Калинди, но и себя.— Я никого и не виню. Даже Карла.

— Бедный Карл. Он ведь действительно любил меня. Проделать такой путь до Земли...

Дункан промолчал, хотя его так и подмывало возразить. Неужели Калинди сама верила, что любовь к ней — един-

ственная причина, заставившая Карла отправиться на Землю? Даже человек с электроимпринтингом, оставленным дьявольской «машиной радости», не может жить под властью одной-единственной страсти. Главная цель Карла была такой пугающе неизвестной, что Дункан почти не надеялся прояснить картину с помощью альбома и надежно охраняемых разделов в памяти минисека.

У Карла была мечта — или кошмарное наваждение,— и Дункан единственный из всех мог хотя бы отчасти ее понять. Какую же настороженность должны испытывать члены комитета «Аргус»! Эта мысль давала Дункану пьянящее чувство силы и власти, хотя временами он мечтал, чтобы знания пришли к нему иным, менее тягостным путем или не приходили вовсе.

Власть и счастье почти никогда не совмещались. Карл достиг и того и другого, но все утекло у него сквозь пальцы. Дункан пока не знал, какой полезный урок сможет извлечь из случившегося. Одно несомненно: этот урок останется с ним на всю жизнь.

Может, счастье и недостижимо. А наслаждение? Имеет ли он право на какое-то время забыть о государственных делах и повернуться спиной к загадке, изумляющей сильнее, чем все неожиданности, которые фирма Калинди предлагала своим клиентам?

Как странно. Колесо сделало полный оборот. Пятнадцать лет назад они с Карлом вот так же сидели, оплакивая живую Калинди. Теперь он и Калинди скорбят по мертвому Карлу.

Пусть это будет лишь бледная тень того ненасытного голода, что он испытывал шестнадцатилетним парнем. Пусть это принесет разочарование и ему. Что бы сейчас ни случилось, прошлое все равно не воскресить.

Дункан не обманулся в своих надеждах: все было почти так, как он и представлял. Недоставало только одного... Вкус Калинди больше не был вкусом меда.

Глава 35
АРГУС ВСЕВИДЯЩИЙ

Итак, Аргус, да не тот. В другое время Дункан бы расхохотался, но сейчас ему было не до смеха.

Намек на это пришел с очередным посланием Колина. К тому вернулось чувство минимальной достаточности, и потому послание было скупым:

«О КАКОМ АРГУСЕ РЕЧЬ? ИХ БЫЛО ТРИ».

Дункан почувствовал себя нерадивым школьником. И как он сам не догадался проверить?

Через пару минут консоль подтвердила, что Аргусов действительно было три. Один из них — упомянутый Фарреломверный сторожевой пес Одиссея, узнавший хозяина после его длительных странствий. Вполне подходящее имя для тайного следственного комитета. Но когда Дункан стал наводить о них справки, оказалось, что «Аргус» не настолько секретен, как хотелось бы его членам. Берни Патрас знал об их существовании, равно как и Джордж Вашингтон.

— Да, они расспрашивали меня,— с некоторым смущением признался профессор.— Но вам не о чем беспокоиться.

Айвор Мандельштам ответил прямее и с долей сарказма:

— Я в своем бизнесе привык к секретности и мог бы кое-чему поучить этих людей. Попади они в руки к какой-нибудь службе безопасности двадцатого века, им бы не выдержать и пяти минут допроса. Тогда применялись менее щепетильные методы. Но мне думается, такие люди необходимы. Общество всегда будет нуждаться в «системе оповещения», чтобы выявлять бунтовщиков раньше, чем те сумеют наделать бед. Я только сомневаюсь, сумеет ли подобная система вовремя сработать.

Вторым Аргусом был кораблестроитель, построивший Язону мифический (а может, и не мифический) корабль «Арго». Дункан впервые узнал о золотом руне, и древнегреческий

миф буквально заворожил его. «Арго» — это было бы неплохое имя для космического корабля. Однако даже эта ассоциация не имела ничего общего с записями Карла.

Ничего удивительного, что Карл натолкнулся на третьего Аргуса. Его пытливый ум не признавал проторенных дорог, предпочитая нехоженые, и с научной точностью всегда соседствовали самые буйные фантазии. Дункан отлично понимал, почему проект, всецело занимавший Карла в последние годы, мог называться только так. Карл назвал свое детище именем Аргуса Паноптеса — Всевидящего Аргуса, многоглазого бога, способного видеть во всех направлениях сразу. Этим бог разительно отличался от мифических одноглазых циклопов.

Дункану пришлось ждать больше суток, пока юридический компьютер на Титане проверит завещание Карла. Затем Арманд Хелмер сообщил ему о получении списка кодовых слов. Скорее всего, они и являлись паролями к личным записям в минисеке.

Арманд уже собирался выслать список, но Дункан сумел его остановить. Благодаря опыту, полученному за несколько недель пребывания на Земле, наивный молодой Макензи обзавелся легкой формой паранойи. Он надеялся, что она не разовьется до такой степени, как у Колина. Но в данном случае Колин был прав, и он послушался отцовского совета. Только после того, как комитет «Аргус» с некоторой неохотой передал ему минисек Карла, Дункан попросил Арманда прислать кодовые слова. Даже в случае перехвата кодов это ничего не меняло; воспользоваться ими сейчас мог только он.

Дункан получил десяток комбинаций одинакового формата. Каждая начиналась с аббревиатуры «G/T» — «перейти к», после чего следовали цифры двоичного кода: «101000». Возможно, это был и произвольный номер, хотя, скорее всего, он имел какую-то мнемоническую ассоциацию. Обычно люди брали число или год своего рождения. Карл родился в сороковом; это число Дункан и получил, переведя двоичную

систему в десятеричную. Выбрать такой простенький шифр для столь масштабного проекта? Очень непохоже на Карла, любившего заковыристые комбинации.

В целом пароли были достаточно надежными. После цифр шло слово, практически никак не связанное с представлениями терранцев. Так что ассоциативные ходы здесь ничего не давали. Перебор вариантов мог растянуться на сотни лет; любой хитроумной машине требовалась зацепка. И хотя выбранные Карлом слова легко запоминались (во всяком случае, титанцами), земляне вряд ли додумались бы до них. К тому же слова были написаны задом наперед — старый, но вполне эффективный трюк.

Список начинался с «G/T 101000 САМИМ». Далее шли «G/T 101000 ЯИФЕТ», «G/T 101000 СУНЯ», «G/T 101000 АНОИД», «G/T 101000 АБЕФ». Видно, потом Карлу надоели имена спутников Сатурна. Дункан не удивился, встретив в списке «G/T 101000 ДНАМРА». А вот и персональное послание, зашифрованное «G/T 101000 ИДНИЛАК»...

Пароль «G/T 101000 НАКНУД» отсутствовал. Глупо было даже рассчитывать увидеть его здесь, и все-таки Дункану стало чуть-чуть грустно.

Дальше шли другие знакомые имена, но Дункан едва обратил на них внимание. Замыкал список пароль «G/T 101000 СУГРА». Вот и конец поискам.

Но разгаданные пароли — еще не все. Возможно, существовал дополнительный барьер. У многих людей есть тайны, которые даже после смерти они не хотели бы делать чужим достоянием. Возможно, неправильное введение пароля автоматически вызывает команду «удалить».

Конечно, такая возможность существует. Но Карла никто не заставлял включать пароли в свое завещание. Если он не хотел, чтобы его записи прочли другие, что стоило утаить пароли?

Может, стоит отправить запрос Арманду? Вдруг Карл оставил еще какие-то распоряжения, ускользнувшие от внима-

ния его убитого горем отца? Нет, это не выход. Он впустую прождет несколько часов, чтобы получить отрицательный ответ Арманда. Надо искать самому. Нельзя исключать и того, что «101000» как раз и запускает команду удаления. Голые умопостроения могли продолжаться до бесконечности и ничего не дать.

Ни один из паролей не оканчивался знаком «#», включавшим команду «выполнить». Опять-таки, это еще ничего не доказывало. Только отчаянные педанты считали необходимым писать столь очевидные вещи; в девяти случаях из десяти знак опускали.

Существовали распространенные способы не дать роковой команде исполниться. Например, дважды нажать клавишу «выполнить» — сразу или через определенный промежуток времени. Может, Карл хотел подразнить тех, кто попытается открыть его записи? Сообщить пароли, но последний шаг оставить за собой?

Ответ Дункану подсказал не разум, а эмоции. Устав мысленно перебирать все возможные способы, он выстучал на клавишах «G/T 101000 ИНДИЛАК» и, чуть помедлив, нажал «#».

Если он допустил ошибку, Калинди все равно не узнает об адресованном ей послании, зато это убережет остальные записи Карла.

Страхи Дункана оказались беспочвенными. Из крошечного динамика минисека послышалось: «Привет, Калинди! Когда ты услышишь эти слова, я буду...» Дункан тут же нажал клавишу «стоп», и минисек вновь погрузился в спячку. Нет, не сейчас. У него есть другие дела, ради которых он и прилетел на Землю. Потом, когда появится время... Все попытки уговорить себя выглядели неубедительно. Слишком уж велико было искушение.

С внешней стороны двери Дункан повесил старомодную табличку «ПРОСЬБА НЕ БЕСПОКОИТЬ», включил автоинформатор консоли и торопливо набрал на минисеке «G/T 101000 СУГРА #». На целых два дня он отменил все встречи, а еду попросил доставлять прямо в номер. Иногда Дункан

обращался к консоли, чтобы прояснить кое-какие технические детали, но бóльшую часть времени он провел, общаясь с покойным Карлом.

Наконец он был готов снова встретиться с комитетом «Аргус», но уже на своих условиях. Он понял все... Кроме главной загадки.

Как бы обрадовался Карл, узнай он о Золотом рифе.

Беседа происходила в той же комнатке. Вероятно, и его невидимые слушатели собрались в том же составе. Но от прежнего, робеющего Дункана Макензи, который всего несколько дней назад сидел здесь, подумывая о статусе дипломатической неприкосновенности, не осталось и следа.

Члены комитета без возражений выслушали его рассказ о трех Аргусах, хотя их вряд ли впечатлило знание древней мифологии, внезапно приобретенное Дунканом. Вскоре он понял: люди из «Аргуса» чем-то не то недовольны, не то расстроены. Может, их работа и впрямь была не слишком эффективной и им приходилось искать аргументы, доказывающие необходимость такого комитета? Неужели на Земле действительно существуют бунтовщики и заговорщики или это просто шутка? Конечно, сейчас не время задавать подобные вопросы, но Дункана разбирало сильное любопытство.

Что ж, в этой комнатке тоже существовал заговор, и обе стороны соблюдали правила игры. Члены комитета решили, что теперь Дункан отлично понимает значение «Аргуса» для терранской безопасности, а также необходимость сохранять это имя в тайне. Дункан же дал понять собеседникам, что так оно и есть. После дипломатических реверансов можно было переходить к делу.

— Так что же собой представляет «Аргус» мистера Хелмера? — спросила «женщина с Луны».— И можете ли вы объяснить странное поведение вашего покойного друга?

Дункан раскрыл альбом для зарисовок (задняя сторона обложки была в ржавых пятнах). Рисунок и сейчас потрясал

его воображение. Ему было не отделаться от мысли, что здесь нарисован морской еж. Но Diadema едва ли превышала тридцать-сорок сантиметров в диаметре, а «Аргус», если Карл не ошибся в расчетах, должен был иметь диаметр не менее тысячи километров. В этом Дункан не сомневался, хотя не мог привести никаких подкрепляющих доводов.

— У Карла Хелмера было... назовем это виде́нием,— начал он.— Постараюсь рассказать, как я это представляю. Кажется, я уже говорил: то, чем занимался мистер Хелмер,— совсем не моя сфера знаний. Но поскольку я в какой-то мере знал его характер и направление мыслей, я попытаюсь, насколько смогу, объяснить, чем он занимался.

«Не знаю, убедят ли вас мои слова,— мысленно добавил он.— Можете с ходу отмести все это, посчитав безумной гипотезой безумного ученого. Но тогда вы будете не правы. Идеи Карла куда серьезнее какого-нибудь мелкого заговора, угрожающего вашей чисто вылизанной планете».

— Карл всю жизнь надеялся совершить великое открытие, но так и не совершил. У него было сильно развито воображение, и в то же время даже самые необузданные его фантазии имели под собой реальную основу. Вдобавок Карл был честолюбив...

— «Коль это правда, это тяжкий грех,— раздался чей-то тихий незнакомый голос.— За это Цезарь тяжко поплатился»*. Простите, что вмешался. Пожалуйста, продолжайте.

Слова эти были незнакомы Дункану, и он намеренно сделал паузу, показывая свое недовольство тем, что его прерывают.

— Карла интересовало все... или очень и очень многое. Но его главной научной страстью всегда оставалась проблема, которую человечество пока так и не смогло разрешить,— установление контактов с внеземным разумом. В детстве мы часами спорили с ним на эту тему. Я не всегда знал, когда Карл

* Фраза из трагедии Шекспира «Юлий Цезарь».

говорит серьезно, а когда шутит... у него было своеобразное чувство юмора. Но я сейчас говорю вполне серьезно.

Почему мы до сих пор так и не поймали радиосигналов от высокоразвитых цивилизаций? Наивно было бы в двадцать третьем веке считать, что земная цивилизация — единственная разумная цивилизация Вселенной. У Карла было много теорий на этот счет, но в конце концов он отбросил замысловатые и остановился на одной из самых простых. Уверен, вам она знакома.

Наша цивилизация наполняла пространство радиосигналами менее ста лет. Грубо говоря — на протяжении двадцатого века. Но на рубеже двадцать первого мы все больше стали переходить на оптоволоконную, кабельную и лазерную спутниковую связь. Наши передачи сделались направленными. Мы отказались от расточительной траты энергии, которая прежде уходила в космос и терялась в его глубинах. Скорее всего, по такому пути пошли и другие цивилизации, сравнимые с нашей. Всего век или два цивилизация загрязняет Вселенную хаосом своих радиоволн. Для их истории это ничтожный миг.

Больше его никто не прерывал.

— Если в нашей Галактике есть миллионы высокоразвитых цивилизаций, из них лишь горстка ведет себя так, как мы триста лет назад, посылая радиоволны во всех направлениях. Вероятность того, что какая-то из них окажется в пределах досягаемости наших приемных устройств, крайне мала. Такие цивилизации могут отстоять от нас на тысячи световых лет.

Может быть, человечеству вообще стоит отказаться от поисков «братьев по разуму»? Думаю, вам лучше, чем мне, известны доводы противников этой идеи. Но прежде чем прекратить или на неопределенное время отложить поиски инопланетных цивилизаций, необходимо исследовать все возможности, включая те, на которые по разным причинам не обращали внимания. Триста лет мы изучаем радиоволны в сантиметровом и метровом диапазонах. Однако мы почти никогда всерь-

ез не занимались сверхдлинными волнами, чьи длины достигают десятков и сотен километров.

Долгое время исследование этого диапазона не проводилось по вполне понятным причинам, и прежде всего — из-за невозможности изучать сверхдлинные волны на Земле. Они не проникают сквозь ионосферу. Для изучения этих волн нужно переместиться в космическое пространство.

Однако и перемещение в космос не устраняет все преграды для исследования сверхдлинных волн. Орбитальные станции или обсерватория «Циклопы-2» на невидимой стороне Луны имеют свои недостатки. Необходимо сделать следующий шаг — удалиться от Солнца. Подобно Земле, оно тоже обладает ионосферой, которая в миллиарды раз крупнее и мощнее, чем земная. Ионосфера Солнца поглощает все волны, длина которых превышает десять — двадцать километров. Только в районе орбиты Сатурна солнечная ионосфера слабеет настолько, что уже не мешает прохождению сверхдлинных волн.

Есть результаты наблюдений этих волн. К сожалению, их очень немного. Около сорока лет назад их засекла одна из совместных экспедиций. Экспедиция имела другую цель — измерение магнитных полей между Юпитером и Сатурном. Приборы зафиксировали пульсации, вызванные, скорее всего, радиоизлучением на частоте пятнадцать килогерц, что соответствует длине волны примерно в двадцать километров. Поначалу их источником сочли Юпитер, до сих преподносящий немало электромагнитных сюрпризов. Потом стало ясно, что волны имеют иное происхождение. Какое — неизвестно до сих пор.

Потом было еще несколько случаев регистрации сверхдлинных волн, и опять — не специально, а в процессе совсем других исследований. Непосредственно сверхдлинными волнами никто не занимался, и вы сейчас поймете почему.

Наиболее показательным было наблюдение десятилетней давности, проведенное учеными, исследовавшими Япет. Они сделали достаточно продолжительную запись волн с частотой девять килогерц; это соответствует длине в тридцать три километра. Мне думается, вам будет интересно услышать эту запись...

Дункан подвинул к себе листок и неторопливо набрал на минисеке длинный ряд букв и цифр. В помещении, где стены гасили малейшее эхо, зазвучал энергичный, по-деловому суховатый голос мертвого Карла: «Здесь представлена вся запись в демодулированном виде и с увеличением скорости в шестьдесят четыре раза. Таким образом, два часа ужимаются до двух минут. Пускаю запись...»

Дункану вдруг вспомнилось событие, случившееся еще раньше — двадцать лет назад. Как-то вечером в его видди непонятным образом ворвался странный звук. Крик из глубин космоса. Десятилетнему Дункану очень хотелось думать, что это крик некоего космического чудовища. Но он усомнился в своей фантазии еще раньше, чем ее высмеял Карл... И вот теперь фантазия возвращалась, обретя новую силу.

В изначальной модуляции это был инфразвук, находящийся ниже порога частот, воспринимаемых человеческим ухом. Демодулированный и ускоренный, он напоминал медленное биение гигантского сердца или удары невообразимо громадного колокола — такого, что у него внутри мог поместиться целый собор. А может — рокот волн, с одинаковым ритмом накатывающих на пустынный берег в каком-то древнем-предревнем мире, где Время еще существует, а все перемены давно умерли...

Дункан не впервые слушал эту запись, и каждый раз у него по спине ползли мурашки. Вместе с неведомыми звуками всплыло совсем недавнее воспоминание — могучий кит, которого он видел в окрестностях Золотого рифа. А вдруг в межзвездных пространствах водятся космические бестии невообразимой величины и люди для них — что блохи на теле кита?

Дункан облегченно вздохнул, когда звук стих и из минисека вновь раздался бесстрастный голос Карла: «Стоит обратить внимание на удивительно постоянную частоту. Ее изначаль-

ный период — сто тридцать две секунды, причем периоды несущих колебаний не достигают и десятой доли процента от этой величины. Это дает основание предполагать на редкость высокий уровень Q, величина которого...»

— *Дальше идут технические подробности,*— пояснил Дункан, выключая запись.— Мне просто хотелось, чтобы вы услышали эту запись, привезенную учеными с Япета. Чтобы зафиксировать такие волны, нужно было оказаться за пределами орбиты Сатурна.

— Но ведь все это — довольно старые материалы, знакомые всем, кто занимается сверхдлинными волнами,— послышалось сзади.

Обладателя молодого, самоуверенного голоса Дункан слышал впервые.

— Зандеман и Коральский установили, что эти сигналы почти наверняка являются релаксационными колебаниями плазменного облака вблизи одного из «троянских астероидов» Сатурна.

Фасад скороспело приобретенных Дунканом знаний рушился у него на глазах. И почему он не учел, что среди невидимых слушателей может оказаться кто-то, кто знает этот вопрос несравненно лучше, чем он, и, скорее всего, лучше, чем знал Карл?

— Я не настолько компетентен, чтобы вести дискуссию,— ответил Дункан.— Я всего лишь излагаю вам рассуждения мистера Хелмера. Он считал, что за всем этим скрывается новая область науки, ждущая, когда ее начнут разрабатывать. Исследование каждого диапазона частот приводило к поразительным открытиям, о которых даже не подозревали. Хелмер был убежден, что такое случится и со сверхдлинными волнами.

Диапазон сверхдлинных волн в миллионы раз превосходит длины волн, наблюдаемых в классической радиоастрономии. Для изучения таких гигантских волн требуются гигантские антенные системы. Во-первых, чтобы собирать сверхдлинные волны, поскольку они очень слабы. А во-вторых, чтобы определять направления, откуда они приходят.

Для этого Карл Хелмер и создавал свой «Аргус». Его записи и рисунки содержат немало расчетов и иных технических деталей. Что касается практической осуществимости — об этом судить не мне, а специалистам.

«Аргус» был бы способен просматривать, вернее, прослушивать космос по всем направлениям. В этом он похож на крупные противоракетные радарные комплексы двадцатого столетия. Он явился бы трехмерным продолжением «Циклопов», только в сотни раз крупнее. Диаметр «Аргуса» должен составить не менее тысячи километров. А еще лучше — десять тысяч километров. Это позволит воспринимать ультранизкие частоты с хорошей разрешающей способностью.

Вместе с тем для постройки «Аргуса» понадобилось бы значительно меньше материалов, чем ушло на создание «Циклопов». Здесь космическое пространство и невесомость являются нашими союзниками. Местом базирования станции Хелмер избрал Мнемозину — самый дальний спутник Сатурна. Весьма логичный и фактически единственный выбор...

Мнемозина удалена от Сатурна на двадцать миллионов километров, и слабая ионосфера гиганта на нее практически не действует, равно как и его силы притяжения. Но самое главное — Мнемозина имеет почти нулевое вращение. С помощью незначительной реактивной силы вращение можно полностью остановить. Тогда бы эта планетка стала единственным небесным телом Вселенной, которое не вращается вокруг своей оси. Хелмер считал Мнемозину идеальным местом для проведения различных космологических исследований.

— Например, проверка принципа Маха*,— перебил Дункана все тот же самоуверенный голос.

* Принцип Маха — утверждение, согласно которому инертные свойства каждого физического тела определяются всеми остальными физическими телами во Вселенной.

— Да,— согласился Дункан, начиная восхищаться своим невидимым оппонентом.— Хелмер упоминает об этом. Но вернемся к «Аргусу»...

Мнемозина могла бы стать сердцевиной или ядром всей гигантской системы. А от нее, подобно иглам морского ежа, отходили бы тысячи принимающих элементов. Это позволило бы прочесывать всю Вселенную в поисках сигнала. Температура в окрестностях Мнемозины настолько низкая, что можно использовать дешевые сверхпроводники и тем самым значительно увеличить эффективность системы.

Не стану вдаваться в детали фазировки и переключения антенных «игл». Скажу лишь, что за счет электрических переключений «Аргус», оставаясь неподвижным, имел бы возможность концентрироваться на любом участке космического пространства. Все это и многое другое есть в записках Хелмера. Он усовершенствовал технологию, применяемую на «Циклопах» и других радиотелескопах.

Возможно, вы спросите: а каким образом Карл Хелмер надеялся осуществить свой грандиозный проект? Я не раз задавался этим вопросом, пока не натолкнулся на ответ. Хелмер задумал провести простой и наглядный опыт, подтверждающий справедливость его теории.

Он намеревался взять две саморазматывающиеся кабельные катушки, одинаковые по весу, с несколькими сотнями километров тонкой проволоки на каждой. Доставив их в космос, Хелмер собирался отправить катушки в противоположном направлении. Размотав всю проволоку, пустые катушки отцепили бы. Получилась бы простая дипольная антенна длиной в тысячу километров. Карл Хелмер надеялся убедить соответствующие научные структуры провести этот эксперимент, продемонстрировав его дешевизну и результативность. Затем эксперимент предполагалось усложнить: отправить уже четыре катушки под прямыми углами. Далее намечались еще более внушительные опыты...

Думаю, я рассказал вам достаточно. Об остальном судить вам самим. Я успел перенести на бумагу лишь малую часть

того, что почерпнул из... из наследия Карла Хелмера. Надеюсь на ваше терпение и предлагаю вам подождать хотя бы до окончания юбилейных торжеств. Как вы знаете, именно этому событию я и обязан своим пребыванием на Земле. Теперь, с вашего позволения, я вплотную займусь подготовкой...

— Спасибо вам, Боб, за моральную поддержку,— сказал Дункан, когда они с послом вышли на Вирджиния-авеню. Как и в прошлый раз, улица была залита ярким солнечным светом.

— По-моему, я не произнес ни слова. Сидел и слушал, затаив дыхание. Я все время надеялся, что кто-то задаст вопрос, который и сейчас не дает мне покоя.

— Что за вопрос? — с подозрением спросил Дункан.

— Как Хелмер мыслил вывернуться из всей мешанины, которую сам же сотворил?

— А-а, вот вы о чем,— разочарованно протянул Дункан. Его даже удивило, что посла могут сейчас волновать такие пустяки.— Кажется, я понимаю стратегию Карла. Четыре года назад мы отклонили его проект довольно простой системы для приема сверхдлинных волн. Для Титана это было непозволительной роскошью. Хелмер не стал возражать. Лишь пожал плечами и ушел. Мы и предполагать тогда не могли, что он задумал отправиться на Землю и убедить ведущих ученых. Заручившись их поддержкой, он рассчитывал собрать необходимые средства. Видимо, он считал, что победителей не судят; когда его теория будет признана, ему простятся все мелкие нарушения законов. Карл наверняка знал, что рискует, но был готов рисковать во имя своей идеи.

Фаррел недоверчиво хмыкнул. Похоже, слова Дункана его не убедили.

— Я понимаю: Хелмер был вашим другом. Я не хочу говорить о нем резко. Возможно, вы считаете его научным гением. Но не будет ли справедливым называть его также и криминальным психопатом?

Слова Фаррела резанули слух Дункану, хотя доля правды в них была. Триста лет профессионалы пытались бороться с термином «психопат», но тот оказался живучим, и люди, далекие от психиатрии, продолжали так говорить. Одна из характерных особенностей психопата — моральная слепота ко всему, кроме собственных интересов. Конечно же, у Карла имелся очень убедительный аргумент, доказывающий, что его интересы направлены на всеобщее благо. Дункан не без внутреннего смущения был вынужден признать, что Макензи тоже частенько пользовались этим аргументом.

— Если в поведении Карла и были странности, в какой-то мере они — следствия морального кризиса, пережитого им пятнадцать лет назад. Однако слом не сказался на его научном мышлении. Все, о чем я рассказывал «невидимкам», подтверждает реалистичность его проекта «Аргус».

— Не сомневаюсь,— дипломатично улыбнулся Фаррел.— Но почему этот проект так важен?

— Я-то надеялся, что привел нашим невидимым друзьям вполне веские доводы,— стараясь не раздражаться, ответил ему Дункан.

«И надеюсь, что хотя бы одного из "невидимок" я убедил»,— мысленно добавил он. Самый дотошный из его собеседников наверняка был ведущим терранским радиоастрономом. Этот обязательно поймет. Пока достаточно нескольких надежных союзников. Дункан не сомневался: с этим человеком он еще встретится. С глазу на глаз. И оба будут старательно делать вид, что видятся впервые.

— Боб, я приведу вам еще один довод в пользу «Аргуса». Я не назвал его членам комитета. Сомневаюсь, чтобы и Карл задумался об этом. Он был поглощен исключительно своими делами. Представляете, чем для экономики Титана может стать этот проект? Он принесет нам миллиарды соларов и сделает нас научным центром Солнечной системы. В долгосрочной перспективе он мог бы решить наши финансовые проблемы, когда лет через пятнадцать спрос на водород начнет падать.

— Я это вполне понимаю,— сухо ответил Фаррел.— Приятно будет знать, куда утекают твои налоги. Но никакие личные преграды не должны мешать победоносному маршу науки. Кажется, так изъясняются газетчики?

Дункан понимающе засмеялся. Ему нравился Боб Фаррел: доброжелательный, всегда готовый помочь и тактично объяснить те или иные особенности жизни на Земле. Однако Дункан все меньше и меньше был уверен в преданности посла интересам Титана. Возможно, скоро им придется искать замену Фаррелу. К сожалению, новым послом опять станет терранец, но с этим им придется смириться. Ни один обитатель Титана не выдержит здешней жуткой гравитации.

Дункан умолчал еще об одной особенности детища Карла, которая делала проект «Аргус» жизненно важным для рода человеческого. О ней он не сказал ни Фаррелу, ни тем более членам комитета. К счастью, все соображения хранились в минисеке (Карл не доверил их своему альбому). Сделать их достоянием гласности можно будет лишь через много лет, когда проект станет научной реальностью.

В прошлом Карл нередко оказывался прав, находя ответы за пределами логики и разума. Возможно, и это его жутковатое предвидение подтвердится. А возможно, правда окажется еще необычнее и страшнее. Но в любом случае человечество обязано ее знать (не сейчас, в свое время). Такое знание способно опрокинуть все прежние представления, однако неведение еще хуже. Ибо платой за неведение может оказаться гибель человеческой цивилизации.

Стоя на улице прекрасного старинного города, купающегося в солнечных лучах и лучах исторической славы, трудно было всерьез принять рассуждения Карла, касавшиеся происхождения тех загадочных волн. Наверняка даже он до конца не принимал всерьез мысли, которые надиктовывал в свой минисек по пути на Землю...

Но и здесь его рассуждения были построены с дьявольской убедительностью, несокрушимой логикой и обладали особой

силой. Даже если он и не верил в собственные умопостроения, его пророчества могут сбыться.

Голос Карла звучал под аккомпанемент корабельных шумов; иногда слышались шаги членов экипажа. Дункан представил, с каким трудом его бывший друг выискивал на грузовом корабле хотя бы относительно укромный уголок... «Одной из причин ограниченного распространения сверхдлинных волн является межзвездное поглощение. Они не смогли бы перемещаться от звезды к звезде, если бы плазменные облака не служили им своеобразными проводниками или каналами, перемещая их на большие расстояния. Следовательно, происхождение сверхдлинных волн должно быть сродни происхождению Солнечной системы...»

«Все мои расчеты указывают на источник (или источники), находящийся на расстоянии одной десятой светового года от Солнца. Это всего лишь сороковая часть пути до ближайшей от нас звезды — альфы Центавра. И тем не менее это расстояние в двести раз превышает расстояние от Солнца до Плутона... ничейное пространство, межзвездные дебри. Но именно там, в огро́мной невидимой скорлупе, окружающей Солнечную систему, рождаются кометы. Там хватает строительного материала для миллиона миллионов подобных странных объектов, вращающихся в холодных глубинах космоса...»

«Так что же происходит внутри гигантских облаков, состоящих из водорода, гелия и других элементов? Вряд ли там присутствуют громадные запасы энергии, но ее и требуется не так уж и много. А там, где есть материя, энергия и время, рано или поздно возникает нечто организованное...»

«Соблазнительно назвать их Звездными Бестиями. Но разве они живые? Нет, такое название лишено точности. Правильнее назвать их "организованными системами". Их размеры могут составлять от сотен до тысяч километров. Они способны жить — точнее, сохранять индивидуальную тождественность — в течение миллионов лет...»

«Только что пришла мысль. Что, если кометы, которые мы наблюдаем,— это тела умерших Звездных Бестий, отправленные к Солнцу на кремацию? А может, это тела казненных преступников? Мои рассуждения здесь до смешного антропоморфны, что ж, ничего удивительного, учитывая мою принадлежность к человечеству...»

«Наделены ли они разумом? Вначале нужно определить само значение слова "разум". Разумны ли муравьи? А клетки человеческого тела? Еще вопрос, достойный сумасшедшего: а вдруг все Звездные Бестии, окружающие Солнечную систему, образуют некую... Сверхбестию? Интересно, знает ли она о нас? И есть ли ей дело до нас?..»

«Возможно, Солнце является для них сдерживающим фактором, как в древние времена костер отпугивал волков и саблезубых тигров. Но мы уже достаточно удалились от Солнца. Рано или поздно мы столкнемся с этими Бестиями, и чем больше мы будем знать, тем лучше...»

«И еще вопрос, о котором я даже боюсь думать. Являются ли они богами? Или же они — пожиратели богов?»

Глава 36
ДЕНЬ НЕЗАВИСИМОСТИ

ФРАГМЕНТ ИЗ БЮЛЛЕТЕНЯ КОНГРЕССА ОТ 4 ИЮЛЯ 2276 ГОДА

Обращение почетного гостя Дункана Макензи, специального помощника президента республики Титан

Уважаемый господин спикер!
Уважаемые члены Конгресса и гости!

Прежде всего позвольте мне выразить глубокую благодарность Комитету по празднованию пятисотлетней годовщины Соединенных Штатов, щедрость которого сделала возможным мой прилет на Землю, а также правительству нынешних

Соединенных Штатов. Я искренне приветствую всех вас от имени правительства и жителей Титана — крупнейшего из спутников Сатурна и самого удаленного из обитаемых миров.

Наш мир часто называют пограничным. Пятьсот лет назад здесь тоже пролегала граница — и не только географическая, но и политическая. Ваши предки, от которых вас отделяет менее двадцати поколений, создали первую в мире демократическую конституцию, которая с самого начала была реально действующей. Она продолжает действовать и поныне — не только на Земле, но на других заселенных людьми планетах. Такое создатели Конституции Соединенных Штатов вряд ли представляли себе даже в самых дерзких мечтах.

Здесь звучало немало слов о наследии, которое отцы-основатели Соединенных Штатов пятьсот лет назад оставили нам в день четвертого июля. Но не стоит забывать и о четырех предыдущих столетних годовщинах. Мне бы хотелось вкратце остановиться на каждой из них и понять, какие уроки мы можем извлечь из тех эпох.

Свое первое столетие Соединенные Штаты отмечали в 1876 году. Страна все еще залечивала раны, нанесенные разрушительной Гражданской войной. Но одновременно в тогдашней Америке закладывались основы технологической революции, которой вскоре предстояло разительно изменить Землю. И вовсе не случайно, что в год своего столетия Соединенные Штаты подарили миру изобретение, с которого по-настоящему началось завоевание пространства, вначале земного, а затем и космического.

В 1876 году Александер Грэм Белл создал первую модель телефона, пригодную для практического использования. Мы настолько привыкли принимать электронные средства связи как нечто само собой разумеющееся, что уже не в состоянии представить жизнь без них. Они стали продолжением наших чувств. Отними их у нас — и мы в буквальном смысле оглохнем и онемеем. С появлением телефона начали исчезать расстояния.

Еще через сто лет, в 1976 году, земное пространство было завоевано и начались первые шаги по завоеванию космоса. Используя крайне примитивную, по нашим представлениям, технологию, первые астронавты высадились на Луне. Хотя сейчас все историки сходятся во мнении, что проект «Аполлон»*, считавшийся величайшим научно-техническим достижением Соединенных Штатов, был инспирирован политическими мотивами, современным людям такое кажется смехотворным и уму непостижимым. То, что полеты по программе «Аполлон» оказались технологическим тупиком, вовсе не умаляет смелых и талантливых разработок тогдашних ученых и инженеров и подвига астронавтов-первопроходцев. Однако эпоха космических полетов началась только через несколько десятилетий, когда появились более совершенные корабли с более совершенными двигателями.

Спустя еще сто лет, в 2076 году, человечество располагало всем необходимым для космических путешествий и исследования других планет. Были созданы корабли, рассчитанные на длительные полеты, усовершенствована система жизнеобеспечения. После ряда катастроф удалось создать надежный и безопасный термоядерный двигатель. Однако в то время все силы человечества были направлены на глобальную перестройку планеты, последовавшую за временем, которое историки потом назвали «эпохой потрясений». К тому же численность населения Земли значительно сократилась. Неудивительно, что колонизация других планет вызывала тогда мало энтузиазма.

* Проект «Аполлон» — программа пилотируемых космических полетов НАСА, принятая в 1961 г. с целью осуществления первой пилотируемой высадки на Луну и завершенная в 1975 г. Президент Джон Ф. Кеннеди поставил эту задачу в 1961 г., и она была решена 20 июля 1969 г. Нейлом Армстронгом и Баззом Олдрином в ходе миссии «Аполлон-11». В ходе пяти других проектов по программе «Аполлон» были также совершены успешные высадки астронавтов на Луну, последняя из которых состоялась в 1972 г. Эти шесть полетов пока остаются единственными фактами высадки людей на другом астрономическом объекте.

И тем не менее человечество уже неотвратимо вступило на дорогу, ведущую к звездам. В двадцать первом веке поселение на Луне перешло на самообеспечение; была основана колония на Марсе и переброшен мост к Меркурию. Правда, Венера и «газовые гиганты» до сих пор сопротивляются нам, но исследовательские экспедиции посетили все крупные спутники и астероиды Солнечной системы.

К 2176 году, всего сто лет назад, значительная часть людей уже родилась не на Земле. Впервые у нас появилась гарантия: что бы ни случилось с «колыбелью человечества», наше культурное и научно-техническое наследие сохранится. Оно будет сохраняться вплоть до гибели Солнца, а возможно, и потом...

Минувшее столетие можно назвать скорее временем консолидации, чем временем новых открытий. Я горд тем, что моя родная планета играла и играет в этом процессе главную роль. Без легкодоступного водорода, добываемого из атмосферы Титана, межпланетные путешествия были бы крайне дорогостоящими.

Но перед человечеством вновь встает давний вопрос: куда теперь? Звезды по-прежнему остаются недосягаемо далекими. Наши первые межзвездные зонды, запущенные к ближайшей соседке Солнца — Проксиме Центавра, за двести лет путешествия все еще не достигли окрестностей этой звезды. Радиоастрономия существенно раздвинула границы наблюдаемой Вселенной, но пока еще ни один человек не побывал за пределами Плутона. Мы так и не высадились на далекой Персефоне, хотя в минувшее столетие располагали всем необходимым для полета туда.

Многие считают, что граница вновь закрыта. Так ли это? Подобные мнения появлялись и раньше — и всегда оказывались неверными. Сейчас мы можем лишь смеяться над пессимистами начала двадцатого века, которые сетовали, что не осталось новых миров для открытий. А в это время Годдард, Королев и фон Браун уже возились со своими первыми примитивными ракетами. И еще раньше, до открытия Колумбом пути в Новый Свет, жителям Европы казалось, что будущее никогда не сравнится по своему блеску и величию с прошлым.

Я не верю, что мы подошли к концу нашей космической истории и теперь нам остается лишь развивать и усовершенствовать жизнь на освоенных планетах. Тем не менее такая точка зрения является широко распространенной, и ее влияние ощущается повсюду. Существуют нездоровое благоговение перед прошлым и попытки воссоздать или возродить его. Сразу же добавлю: это не значит, что нужно повернуться к прошлому спиной, и наши сегодняшние торжества — лучшее тому доказательство.

Мы должны уважать прошлое, но не делать его предметом поклонения. Оглядываясь назад и вспоминая четыре столетние годовщины, стоит мысленно перенестись и вперед, представив себе торжества будущих юбилеев. Какими они будут в 2376-м, 2476-м... наконец, в 2776-м, когда человечество будет праздновать тысячелетие Соединенных Штатов? По каким исторических вехам люди тех далеких дней будут вспоминать нас? Мы вспоминаем Соединенные Штаты прошлого по телефону Белла и проекту «Аполлон». Оставим ли мы своим потомкам нечто столь же значимое?

На всех наших планетах еще остаются проблемы, требующие решения. По-прежнему в нашем обществе существуют несчастье, болезни и даже бедность. Мы по-прежнему далеки от идеальной средневековой Утопии. Возможно, мы вообще ее не достигнем. Однако мы знаем: все эти проблемы решаемы, причем теми средствами, которыми мы уже располагаем. Никаких новых открытий и исследований нам для этого не потребуется. Но после того как мы справимся с последними бедами, доставшимися нам от прошлого, мы сможем с чистой совестью устремиться к новым задачам, которые способны бросить вызов нашему разуму и вдохновить дух.

Цивилизации нужны долгосрочные цели. Вплоть до последнего времени мы находили их внутри Солнечной систе-

мы. Теперь пора заглянуть за ее пределы. Я не говорю о пилотируемых полетах к звездам. Возможно, их время наступит лишь через несколько веков. Я имею в виду поиск внеземных цивилизаций. Какие громадные надежды возлагало на него человечество триста лет назад, когда он только начинался. Но и поныне этот поиск не дал результатов.

Все вы знаете о «Циклопах» — крупнейшем радиотелескопе Земли. Он как раз и создавался с расчетом на поиск высокоразвитых цивилизаций. «Циклопы» произвели настоящий переворот в астрономии, однако не уловили ни одного разумного послания со звезд. С каждой ложной тревогой все больше таяли наши надежды. После неудачных попыток найти «братьев по разуму» люди переставали думать о глубинах Вселенной, ограничив усилия Солнечной системой крохотным островком разумной жизни.

Так может, мы просто ищем не в тех местах? Точнее — не в тех диапазонах электромагнитных волн?

Все наши телескопы исследовали пространство в коротковолновых диапазонах: сантиметровом, метровом. А как насчет длинных и сверхдлинных волн, насчитывающих километры и даже сотни километров между своими максимумами? Частоты этих радиоволн настолько низки, что они звучали бы для нас как музыка, если бы наши уши были способны их воспринять.

Мы знаем о существовании сверхдлинных волн, однако на Земле их исследовать невозможно. В границах Солнечной системы им преграждают доступ вихри электронов, непрерывно вырывающихся с поверхности Солнца. Вселенная разговаривает с нами языком этих громадных медленных волн, но, чтобы понять ее послания, нам необходимо строить радиотелескопы за пределами влияния солнечной ионосферы, а оно по-настоящему ослабевает лишь в окрестностях Сатурна. Впервые в истории человечества такое становится возможным. Впервые появились реальные предпосылки для осуществления этого гигантского замысла.

Мы привыкли оценивать Вселенную по своим, человеческим меркам и по своим представлениям о времени. Для нас естественно иметь дело с волнами, которые не превышают размаха наших рук или кончиков пальцев. Но космос создан по иным меркам, равно как и высокоразвитые цивилизации, контакта с которыми мы ищем.

Гигантские радиоволны более сопоставимы с размерами Млечного Пути, а их вибрации, кажущиеся нам замедленными, лучше измерять по Галактическому году*. Они могут многое нам рассказать — надо лишь научиться расшифровывать их послания.

Представляю, с каким энтузиазмом к этому проекту отнеслись бы Франклин и Джефферсон**, сочетавшие в себе государственных деятелей и ученых! Возможно, они не поняли бы очень многих технологических особенностей, зато сумели бы по достоинству оценить его размах. Эти люди живо интересовались всеми направлениями науки, существовавшими между небом и землей.

Перед нами никогда уже не встанут проблемы, с которыми они сталкивались пятьсот лет назад. Времена конфликтов между народами навсегда остались позади. Жизнь бросает нам новые вызовы, которые, как и у наших предков, потребуют полного напряжения сил. Поблагодарим же Вселенную за то, что она всегда ставит перед нами великие цели

* Галактический год — промежуток времени, за который Солнечная система совершает один оборот вокруг центра нашей Галактики. Точное значение этого года неизвестно (оно зависит от знания скорости движения нашей системы, размеров Галактики). Галактический год составляет, по разным оценкам, от 180 до 250 млн лет. Эта мера времени обычно употребляется в научно-популярной, а не в научной литературе, поскольку значение ее пока известно неточно.

** Бенджамин Франклин (1706–1790) — американский ученый, журналист, издатель и политический деятель. Один из вдохновителей Войны за независимость США. Первый американец, ставший иностранным членом Российской академии наук. Томас Джефферсон (1743–1826) — видный деятель Первой американской буржуазной революции, автор Декларации независимости (1776), один из отцов-основателей Соединенных Штатов, третий президент, дипломат и философ эпохи Просвещения.

и преподносит нам задачи, достойные того, чтобы посвятить им жизнь и не жалеть средств для их осуществления. Это — вопрос чести для современного человечества.

Дункан закрыл роскошно изданную книгу — настоящий шедевр печатного искусства. Ничего похожего Земля уже очень давно не видела и вряд ли когда-нибудь увидит снова. Было напечатано ровно пятьсот экземпляров этой книги — по числу лет, исполнившихся Соединенным Штатам. Свой подарок он с гордостью привезет на Титан, где будет хранить как самое драгоценное сокровище.

Многие поздравляли его с блестящей речью, запечатленной на страницах подарочного раритета, а также в информационных банках всех библиотек Солнечной системы. И все же, принимая поздравления, Дункан ощущал определенную неловкость. В глубине сердца он знал, что не заслужил их. Всего пару недель назад он еще ломал голову, не зная, о чем будет говорить. Он явился не более чем посредником, передавшим человечеству послание погибшего Карла Хелмера. Слова были его собственными, но мысли принадлежали Карлу.

Он представлял себе удивленные, даже ошеломленные лица своих титанских друзей, смотревших трансляцию церемонии. Может быть, кто-то упрекнет его в нескромности: использовать такое редчайшее событие в истории человечества, чтобы покрасоваться да еще и обратиться к человечеству, от имени всех жителей Титана! И все же совесть Дункана была чиста. Пока что он не услышал ни одного упрека в свой адрес. Даже те, кого его выступление откровенно сбило с толку, были благодарны за свежее дуновение, привнесенное им в рутинную церемонию.

Пусть через несколько дней многие забудут, о чем он говорил. Его слова не пропадут бесследно. Он бросил зерно, и через какое-то время оно взойдет на бесплодной каменистой Мнемозине.

Оставалась небольшая сложность чисто практического свойства. Подарочный экземпляр, одетый в роскошный переплет из бархата и тисненой кожи, весил около пяти килограммов. Макензи терпеть не могли показной шик и напрасную трату денег. Конечно, приятно было бы привезти книгу с собой. Но в рейсе на Титан за каждый дополнительный килограмм багажа требовалось выложить сто соларов...

Ничего страшного, если книга отправится на грузовом корабле, снабженная пометкой: «СОПРОВОЖДЕНИЯ НЕ ТРЕБУЕТ. МОЖЕТ ХРАНИТЬСЯ В ВАКУУМЕ».

Глава 37
ЗЕРКАЛО МОРЯ

Доктор Иегуди бен Мохаммед казался осколком прошлого, невесть как попавшим в современную больницу с перемигивающимися огоньками приборов, следящих за жизненными функциями, экранами коммуникационных консолей, голосами из невидимых динамиков и асептической технологией жизни и смерти. В своем белоснежном одеянии, с двойным золотым обручем, стягивающим волосы, он должен был бы не заниматься генетической хирургией, а держать военный совет в каком-нибудь пустынном шатре или восседать на верблюде, обводя глазами горизонт — не покажется ли долгожданный оазис.

Когда Дункан приезжал сюда в первый раз, кто-то из молодых врачей сказал:

— Иногда мне думается, что Эль Хадж верит, будто он — одновременное воплощение Саладина* и Лоуренса Аравийского**.

* Саладин (Салах-ад-Дин) (1138–1193) — султан Египта и Сирии, полководец, мусульманский лидер XII века. Основатель династии Айюбидов, которая в период своего расцвета правила Египтом, Сирией, Ираком, Хиджазом и Йеменом. В Европе известен как Саладин, хотя это даже не имя. Салах-ад-Дин — это лакаб, почетное прозвище, означающее «правота веры». Собственное имя этого правителя — Юсуф, сын Айюба.

** Томас Эдвард Лоуренс, известный также как Лоуренс Аравийский (1888–1935) — британский археолог и писатель, участник военных действий между арабскими племенами и турецкой регулярной армией. Лоуренса считали героем как в Англии, так и в ряде стран Ближнего Востока.

Хотя он тогда и не понял смысла этих слов, он почувствовал, что сказаны они с оттенком восхищения, а не критики. Сейчас его занимал другой вопрос: неужели доктор Эль Хадж и оперирует в таком наряде? Впрочем, эта одежда не вносила диссонанса в окружающую обстановку и ничуть не скрадывала кошачью грациозность движений хирурга.

— Я рад, что вы наконец приняли решение,— сказал Дункану доктор Иегуди.

Он сидел за прихотливо инкрустированным столом, поигрывая кинжальчиком, рукоять которого была усыпана драгоценными камнями. Все остальное в его кабинете принадлежало к реалиям двадцать третьего века.

— Задержка вызвала кое-какие проблемы, но мы с ними справились. Сейчас мы располагаем четырьмя жизнеспособными эмбрионами, и первый из них будет трансплантирован через неделю. Остальные мы сохраним как резервные копии на случай отторжения, хотя сейчас такие случаи очень редки.

«А что будет с тремя ненужными?» — мысленно спросил себя Дункан — и тут же постарался оттородиться от этой мысли. Главное — на свет появится его наследник, который во всех иных случаях никогда не родился бы. Нужно думать о позитивной стороне и поскорее забыть о трех призраках, на краткий миг приблизившихся к границам реальности. И все равно, трудно оставаться холодно логичным, когда думаешь о таком. Дункан разглядывал затейливый узор стола. Интересно, каких представлений придерживается хозяин этого кабинета — уравновешенный, элегантный доктор Эль Хадж, через искусные руки которого прошло столько судеб? В их маленьком мире и сравнительно узком жизненном круге Макензи тоже играли в богов. Но хирург играл несравненно крупнее, и его ходы лежали далеко за пределами понимания Дункана.

Разумеется, всегда можно найти утешение, вспомнив о математическом, холодном отношении самой матушки-природы к размножению. Ей решительно наплевать на этику и чувства людей. За свою жизнь каждый мужчина производит столько сперматозоидов, что их хватило бы на многократное

заселение всей Солнечной системы. А свой шанс получают лишь два или три; вся остальная масса обречена на гибель. И разве кто-то сходит с ума, зная, что каждое семяизвержение состоит из ста миллионов убийств? Впрочем, кого-то это волновало. Недаром приверженцы некоторых древних религий отказывались смотреть в микроскоп.

Если вдуматься, каждый поступок включает в себя моральные обязательства, приправленные изрядной долей неуверенности и сомнений. В конечном счете человеку остается лишь следовать подсказкам загадочной сущности, именуемой совестью, и надеяться, что результат тех или иных его действий не будет слишком разрушительным. Да и кто возьмется предугадывать конечные результаты?

Странно, думал о себе Дункан, как ему удалось разогнать сомнения, охватившие его еще тогда, в первый приезд на остров. Он научился смотреть на вещи шире и вплетать надежды и чаяния клана Макензи в общий контекст событий. Наконец, он воочию увидел опасности всепоглощающих амбиций, однако урок, преподнесенный судьбой Карла, не был однозначным. Дункан знал, что над загадками личности своего погибшего друга он будет думать всю жизнь.

Словно очнувшись от забытья, Дункан вдруг обнаружил (и испытал при этом легкий шок), что он уже подписал все необходимые документы и теперь передает бумаги доктору Иегуди. Он достаточно изучил их прежде, чтобы перечитывать сейчас... «Я, Дункан Макензи, житель спутника Титан, вращающегося в настоящее время вокруг планеты Сатурн (неужели юристы опасаются, что Титан вдруг возьмет и сбежит на другую орбиту?)... настоящим принимаю на себя всю ответственность за клонированного ребенка мужского пола, идентифицированного по прилагаемой хромосомной карте, и приложу все силы к тому, чтобы...» Жаль, что родители детей, зачатых обычным способом, не подписывают таких же контрактов. Тогда мир наверняка был бы лучше, нежели сейчас. Только кто знает, сколько веков, сколько миллиардов рождений тому назад надо было вводить такие контракты?

Хирург встал во весь свой двухметровый рост и величественным жестом дал понять, что более не задерживает Дункана. При иных обстоятельствах это показалось бы проявлением невежливости, но для Эль Хаджа время значило очень много. Даже разговаривая с Дунканом, хирург ни на секунду не отрывался от показаний многочисленных дисплеев, занимающих почти целую стену его кабинета.

В главном зале административного корпуса Дункан задержался перед большим, медленно вращающимся макетом спирали ДНК. Его глаза путешествовали по всем изгибам ее «лестницы», наглядно показывающей почти бесконечное количество возможных сочетаний хромосом. Дункану вспомнились фигуры пентамино. Как тогда его потрясли слова бабушки Элен, сказавшей, что всей жизни Вселенной не хватит, чтобы исчерпать возможности их сочетаний. А ведь фигурок только двенадцать. Здесь же — миллиарды миллиардов ячеек, которые можно заполнить буквами генетического кода. Про общее число комбинаций даже не скажешь, что оно потрясает воображение, поскольку разум просто не в состоянии вообразить такое (наверное, срабатывают защитные механизмы). Даже количество электронов, необходимых для заполнения Вселенной, ничтожно в сравнении с числом комбинаций генетического кода!

Дункан вышел из здания и, как всегда, прикрыл глаза, ожидая, пока темные очки приспособятся к яркому солнечному свету. До его шаттла было больше четырех часов. Дункан отправился на поиски доктора Тодда. Оставалось последнее дело, которое он должен успеть сделать перед отъездом с острова.

— К счастью, сегодня нам не нужно плыть к Золотому рифу,— радостно сообщил ему Суини Тодд.

Узнав о желании Дункана еще раз взглянуть на морских ежей, врач искренне удивился.

— Представить не могу, чем вас так заинтересовали эти отвратительные твари. Кстати, они живут не только на рифе. В конце волнолома есть несколько кусков мертвых кораллов.

Там можете вдоволь налюбоваться на морских ежей. Уважающие себя рыбы там не живут. Глубина всего метр, так что вам даже ласты не понадобятся. Достаточно будет крепких ботинок. Босиком гулять не советую. Если ненароком наступите на бородавчатку*, вопите во все горло, чтобы мы успели прибежать и спасти вашу жизнь. Впрочем, надеюсь, что обойдется без крайностей.

Слова Тодда не слишком располагали к прогулке по мелководью, однако уже через десять минут Дункан входил в воду, нацепив одолженную маску.

Здесь ему не встретилось такой красоты, как на пути к Золотому рифу. Под метровым слоем прозрачной воды лежало пустынное морское дно. Белый песок с обломками кораллов, похожих на скелеты мелкой живности. Вокруг плавали желтоватые и коричневатые рыбешки. Некоторые из них зарылись в песок и провожали его настороженными, беспокойными взглядами. Лишь однажды к нему подплыло блестящее существо ярко-голубого цвета, похожее на плоского угря. Неведомое создание приветственно укусило Дункана за ногу и унеслось. Боль была несильной, а все мысли о возможном заражении крови он поспешно отогнал и побрел дальше.

Бетонный волнолом — часть островной системы противоэрозионных сооружений — вдавался в море на сто метров, а затем скрывался под водой. С его внешней стороны Дункан наткнулся на груду камней. Скорее всего, когда-то давно их прибило сюда штормом. Ракушки плотно затянули щели между ними. В расселинах и нишах Дункан нашел тех, кого искал.

Каждый морской еж занимал отдельную нишу и лежал, наполовину зарывшись в песок и выставив вовне черные колышущиеся иглы. Кроме человека, им здесь никто не угрожал. Однако Дункан не собирался ни тревожить морских ежей, ни

* Бородавчатка *(Synanceia verrucosa)* — рыба семейства *Synanceidae*. Обитает в тропиках Индийского и Тихого океанов и в Красном море. В основании колючих лучей спинного плавника имеются парные ядовитые кожные железы. Укол колючками крайне опасен, иногда смертелен. Мясо употребляют в пищу.

тем более причинять им вред. На этот раз он не взял даже нож. Смертей с него довольно. К морским ежам Дункана привело единственное желание: подтвердить или отбросить ощущение, не дававшее ему покоя с тех пор, как он увидел рисунок в альбоме Карла.

Как и тогда, длинные черные иглы начали медленно поворачиваться в сторону его тени. Эти примитивные твари, не имеющие органов чувств, все-таки знали о его присутствии и реагировали на вторжение в их мир. Они следили за своей маленькой вселенной, как «Аргус» мог бы следить за космическим пространством...

Разумеется, сравнение не было буквальным. Антеннам «Аргуса» не требовалось вращаться, да и едва ли хрупкие сооружения, растянувшиеся на тысячи километров, могли бы совершать какие-либо повороты. Однако их электронное «прочесывание» космоса непостижимым образом перекликалось с защитной реакцией морских ежей. Если бы некое космическое чудовище размером с планету, использующее для своего зрения сверхдлинные волны, увидело «Аргус» в работе... Чем бы он показался Космической Бестии? Наверное, тем же, чем сейчас самому Дункану казался морской еж.

На мгновение он вообразил себя космическим чудовищем. Он увидел силуэт «Аргуса» на фоне галактического радиозарева. Сотни тонких черных линий, исходящих из центрального узла; большинство из них неподвижны, но некоторые медленно раскачиваются взад-вперед, словно в ответ на тени от звезд.

Даже если «Аргус» и построят, человеческий глаз будет не в состоянии увидеть этого гиганта целиком. «Аргус» окажется невидимкой. Карл предусмотрел и это. В своих записках он предложил снабдить «Аргус» системой сигнальных огней, расположенных по окружности и шести основным осям. Общая площадь радиотелескопа исчислялась миллионами квадратных километров. Гигантская гирлянда. Фантастическое зрелище, если смотреть с приближающегося космического

корабля. Нескончаемое празднование Звездного дня. Или — и это сравнение уместнее — игрушка, выброшенная с игровой площадки детского сада богов.

Остаток времени до отлета шаттла, связывающего остров с материком, Дункан провел в укромном уголке ресторанчика с видом на лагуну. Он сидел, погруженный в собственные мысли, и неторопливо потягивал терранский напиток со странным названием «Том Коллинс»*. С одной стороны, глупо было приобретать привычки, которые придется оставить на Земле, поскольку в условиях Титана они просто не имели продолжения. А с другой — глупо не попробовать земных удовольствий, даже если вскоре от них останутся лишь воспоминания.

Дункану не надоедало любоваться игрой ветра с водной поверхностью, отгороженной от моря внутренним рифом. В некоторых местах ветра словно не было, и там в зеркальной глади отражалось голубое, но уже начинающее темнеть предвечернее небо. Зато в других местах ветер не давал воде ни мгновения покоя, без конца сминая ее в складки бесчисленных маленьких волн. Дункан задумался о природе этого явления. Скорее всего, дело тут в разной глубине лагуны и скорости ветра. Потом ему надоело доискиваться объяснений. Это просто красиво — и все. Особенно в сочетании с бесконечными солнечными зайчиками, танцующими на волнах. Создавалось полное ощущение, что они несутся вместе с ветром, и в то же время ветер уносился дальше, а солнечные блики оставались.

Дункан ни разу в жизни не подвергался гипнозу. Из девяти состояний сознания между полным бодрствованием и глубоким сном он обычно испытывал всего несколько. Его нынешнее состояние, скорее всего, было вызвано гипнотиче-

* «Том Коллинс» — коктейль из джина или вермута с лимонным соком, разбавляемый содовой.

ским влиянием переливающихся солнечных бликов, а алкоголь лишь снял защитные барьеры. Однако Дункан не погрузился в состояние блаженного полусна. Наоборот, его мозг работал с необычайной остротой. Но сейчас над Дунканом не довлели законы логики, всегда управлявшие его жизнью. Он как будто находился в удивительном сне, где любые события принимаются такими, какие они есть.

Он знал, что соприкасается сейчас с чем-то таинственным, напрочь противоречащим практичному, трезвомыслящему миру Макензи. Этого не объяснишь ни Колину, ни Малькольму. Они не стали бы смеяться над ним (во всяком случае, Дункан так думал), но всерьез его слов не приняли бы, решив, что он «перебрал терранских впечатлений».

Таинственное и в то же время совсем тривиальное. Дункан вовсе не ощущал себя древним пророком, получившим божественное откровение, способное потрясти мир. Если вдуматься, что особенного случилось? Ну увидел один и тот же образ в двух совершенно непохожих контекстах. Это могло быть обыкновенным совпадением. Или самообманом. Простой, логичный ответ, который наверняка удовлетворил бы всех.

Всех, но не Дункана. Он испытал потрясение, какое не объяснишь словами. Такое человек испытывает лишь раз в жизни, когда оказывается рядом с чем-то сверхъестественным и привычный мир с привычной философией начинает уходить из-под ног.

Увидев мастерский рисунок в альбоме Карла, Дункан сразу узнал, что там нарисовано. Однако сейчас ему казалось, что узнавание пришло не только из прошлого, но и из будущего. Он словно поймал в зеркале времени отблеск того, чего еще нет. И это что-то было чертовски важным, поскольку грядущему событию предстояло перевернуть весь ход причинности.

Проект «Аргус» — часть судьбы человечества. В этом Дункан теперь был свято убежден, и ему не требовались никакие рациональные аргументы. Другой вопрос: принесет ли «Аргус» благо человечеству? Знание — это всегда обоюдоострый

меч. Может так случиться, что какие-то послания со звезд вовсе не понравятся людям. Дункану вспомнились предсмертные крики морского ежа, убитого им на Золотом рифе. Был ли тот слабый, но зловещий треск полной бессмыслицей, неким «побочным продуктом»? Или в бессильном скрежете погибающей твари содержалось что-то важное, полное глубокого смысла? Интуиция Дункана молчала.

Но Дункан знал другое: нельзя трусливо отворачиваться от правды, какой бы она ни была и куда бы ни вела. Если для человечества настает время столкнуться с силами межзвездных пространств, да будет так. В этом Дункан ни на мгновение не сомневался. Им сейчас владело странное спокойствие. Возможно, это — спокойствие в центре циклона, но Дункан был доволен результатами своего визита на Землю.

Постепенно солнечные блики на воде стали оранжевыми, потом малиново-красными. Солнце медленно клонилось к горизонту невидимого африканского берега. Теперь блики на волнах лагуны виделись Дункану сигнальными огнями «Аргуса». Лагуна была моделью того, что займет миллиарды кубических километров безвоздушного пространства и потребует пятидесяти, а то и ста лет для своего осуществления...

На глазах у Дункана солнце соприкоснулось с горизонтом и малиновым колоколом разлилось по воде. Зрелище чем-то напомнило ему кадры древнего фильма об атомном взрыве, прокрученные в обратном порядке, когда ад, готовый вырваться в мир, тихо исчезает в океане. Последняя дуга солнечного диска озарила далекие джунгли и сама на мгновение стала зеленой.

Сколько бы лет ему ни было отпущено, такую красоту он вряд ли когда-нибудь увидит снова. Это мгновение станет его памятью об острове, где он принял главное в своей жизни решение и где была открыта новая глава в истории далеких миров.

Часть 4
ТИТАН

Глава 38
ВОЗВРАЩЕНИЕ ДОМОЙ

Дункан распрощался с членами экипажа, с пассажирами, выполнил все необходимые формальности. Весь его багаж двигался по конвейерной ленте. Весь, за исключением самого дорогого подарка.

Достаточно пройти через широкие двери с надписью «ГРАЖДАНЕ ТИТАНА» — и он окажется дома. Далеко в прошлом осталось и чудовищное земное тяготение, и многое другое, связанное с Землей. Его родина здесь; здесь ему жить и работать дальше. Это был его первый и последний полет на Землю, хотя еще не раз красоты «колыбели человечества» будут терзать его сердце сладостной болью.

Родные совсем рядом, в зале ожидания. Но сейчас, когда до встречи с кланом Макензи оставались считаные секунды, Дункан почему-то медлил. Он пропустил вперед всех пассажиров и стоял с драгоценным свертком в руках, испытывая странную нерешительность и пытаясь собрать все свое мужество. Затем он шагнул вперед, миновал арку и стал спускаться по пандусу в зал ожидания.

Как их много! Малькольм и Колин, конечно же, стояли впереди. За ними Мирисса, более прекрасная и желанная, чем в его беспокойных снах, навсегда освободившихся от Калинди. Неужели Клайд и Карлина за короткое время успели так подрасти? За близкими толпились два десятка племянников и племянниц, имена которых Дункан всегда прекрасно помнил, а тут вдруг забыл.

А там, в стороне? Неужели ему почудилось? Нет, это была она, стоящая поодаль от всех и тяжело опирающаяся на свою трость. Во всем остальном она ничуть не изменилась со дня их последней встречи в доме на берегу Лох-Хеллбрю. Зато многое изменилось вокруг, если впервые за полвека бабушка Элен появилась в Оазисе.

Заметив удивленный взгляд Дункана, она едва заметно улыбнулась. Это было больше чем приветственный жест. Это был жест ободрения. «Она уже знает,— подумал Дункан.— Знает и одобряет. Когда вся ярость клана Макензи обрушится на мою голову, я могу рассчитывать на бабушку Элен...»

В памяти мелькнула старая терранская фраза, происхождение которой Дункан давно забыл: «момент истины». Что ж, такой момент настал.

Все возбужденно сгрудились вокруг него, когда он стал разворачивать покрывало. Может, стоило их предупредить заранее? Нет, так будет даже лучше. Теперь его родня поймет, что он больше не игрушка в руках отца и деда, а взрослый мужчина, способный принимать самостоятельные решения. Он многим обязан клану, он был и остается частью клана, но за себя будет решать сам.

Ребенок продолжал спать, теперь уже обычным сном, свободным от электронного транса, оберегавшего его в долгом путешествии с Земли. Неожиданно малыш протянул пухлую ручонку, и крошечные пальчики с удивительной силой схватили руку Дункана. На фоне темно-коричневой кожи отца они казались белыми щупальцами актинии.

Маленькая головка пока еще не умела мечтать, и лицо пока не обрело ни форму, ни выражение, что вполне нормально для малыша, которому всего месяц от роду. Но на гладкой розовой коже уже появились первые волосики. Золотистые волосики, которые вскоре засияют на Титане подобно далекому Солнцу.

Как и многие свихнувшиеся на математических головоломках, я познакомился с полимино благодаря книге Мартина Гарднера* «Математические головоломки и развлечения», где автор, проявляя дьявольское коварство, воздерживается раскрывать решение прямоугольника 20×3. Милосерднее поступает Соломон В. Голомб**: в своей бесподобной книге «Полимино» он приводит заветную комбинацию. Чтобы уберечь читателей от возможных нервных срывов, я последую его примеру. Вот эта комбинация:

U X P I L N F T W Y Z V.

Каждый, кому захочется составить этот прямоугольник из двенадцати фигурок пентамино, легко отождествит их с буквами, которые они напоминают (иногда весьма отдаленно). Легко заметить, что второе из двух единственно возможных решений прямоугольника 20×3 можно получить путем вращения центральной части элемента F.

Кстати, в пентамино можно играть как в шахматы, причем число дебютов превышает шахматные. В ранней версии

* Мартин Гарднер (р. 1914) — американский математик, писатель, популяризатор науки. Ведущий рубрики математических игр и развлечений журнала «Scientific American».

** Соломон Вольф Голомб (р. 1932) — американский математик, инженер, профессор электротехники в Южно-Калифорнийском университете. Широкой публике и поклонникам математических игр известен прежде всего как изобретатель полимино, которое вдохновило российского программиста А. Л. Пажитнова на создание компьютерной игры «Тетрис». В честь ученого была названа «линейка Голомба», применяющаяся в радиосвязи, астрономии и шифровании данных.

экранизации моего романа «Космическая одиссея 2001»*, снятой Стэнли Кубриком, есть эпизод, где бортовой компьютер HAL играет с астронавтами в пентамино.

Выражаю признательность доктору Роберту Форварду** из «Научно-исследовательских лабораторий Хьюджес», познакомившему меня с изумительной концепцией черных миндыр. Он столь одобрительно отзывался о моих идеях, связанных с устройством двигателя космического корабля «Сириус», что я почти готов запатентовать двигатель.

Доктор Гроте Ребер, «отец радиоастрономии», построивший первый в мире радиотелескоп, заставил меня задуматься о гелиосфере*** и ее возможных последствиях. Я благодарен ему за его комментарии относительно срезанных частот, но Ребер не несет никакой ответственности за мои весьма смелые «экстраполяции» его идей. Доктор Адриан Уэбстер из Маллардовской радиоастрономической обсерватории, снабдивший меня обширными и ценными сведениями, также не повинен в том, как я с ними обошелся.

Я в особом долгу перед доктором Бернардом Оливером, вице-президентом и руководителем исследовательской группы компании «Хьюлет-Паккард», не только за его гостеприимство в Пало-Альто, но и за сигнальный экземпляр книги «Проект "Циклопы"»****. Надеюсь, Барни простит мне предположение, которое я и сам считаю весьма маловероятным,— что за двести лет работы «Циклопы» так и не сумеют засечь ни одного послания от «братьев по разуму».

* Имеется в виду фильм 1968 г.

** Роберт Форвард (1932–2002) — американский физик и автор научно-фантастических произведений, отличающихся высокой степенью научной достоверности. В 1987 г. Форвард оставил работу в «Хьюджес» и сосредоточился на деятельности писателя и научного консультанта. В число его клиентов входили НАСА и ВВС США.

*** Гелиосфера — область пространства вокруг Солнца, заполненная солнечным ветром и солнечными магнитными полями.

**** «Проект "Циклопы"» — книга Джона Биллингэма и Бернарда Оливера о разработанной НАСА в 1971 г. программе поиска внеземных разумов. *(Прим. ред.)*

Негодующим конструкторам антенн, сомневающимся в работоспособности «Аргуса», советую внимательно ознакомиться с поисковыми РЛС фирмы АВМ и основательно подумать. В свое оправдание скажу лишь, что элементы антенн «Аргуса» должны быть сделаны из активных сверхпроводников и разделены на множество переключаемых подсекций с возможными перекрестными соединениями между «хребтами». Мелкие научные подробности (как и те, что связаны с устройством «асимптотического двигателя») оставляю в качестве упражнения для ума.

Я глубоко благодарен своему давнему другу Уильяму Макквитти*, режиссеру фильма «Незабываемая ночь», за обширный материал, связанный с «Титаником».

Возможно, кое-кому из читателей покажется, что совпадения или «соответствия», играющие ключевую роль в моем романе, не могут считаться достоверным объяснением событий. Однако они были подсказаны еще более невероятными событиями из моей собственной жизни. Тем, кто сомневается, что подобное может происходить, я предлагаю прочесть книгу Артура Кёстлера «Корни совпадения»**. Я прочитал эту захватывающую книгу вскоре после окончания работы над «Земной империей». Факт, который мне самому временами кажется невероятным.

Причудливые звуки, издаваемые морскими ежами вида *Diadema setosum*, я сам слышал на рифе Унаватуна, на южном

* Уильям Макквитти (1905–2004) — английский кинорежиссер, писатель и фотограф. Его фильм «Незабываемая ночь», вышедший в 1958 г., был основан на одноименном документальном романе американского писателя Уолтера Лорда.

** Артур Кёстлер (1905–1983) — английский писатель и журналист, родившийся в Венгрии. В России наиболее известен по роману «Слепящая тьма» (1940) об эпохе «большого террора» в СССР в 30-х годах прошлого века. Книга «Корни совпадения» (1972) посвящена парапсихологии, включая экстрасенсорику и психокинез. Автор постулирует связь между элементами квантовой механики (например, поведением нейтронов и их взаимодействием со временем) и паранормальными явлениями. Книга была навеяна юнгианской концепцией синхронности.

побережье Шри-Ланки. До сих пор ничего подобного в записи я не слышал, поэтому свои записи, произведенные в том месте, смело могу считать личным вкладом в морскую биологию.

И наконец, мои рассуждения о природных условиях на Титане были инициированы рядом материалов, любезно присланных мне доктором Карлом Саганом*, не говоря уже о многих вдохновляющих идеях Карла. Любой уважающей себя и надлежащим образом устроенной Вселенной было бы глупо игнорировать его идеи. В таких случаях обычно говорят: «Если это и неправда, зато какая блестящая выдумка...»

Артур Кларк
Синнамон-Гарденс, Коломбо
Январь 1974 — январь 1975

* Карл Эдвард Саган (1934–1996) — американский астроном и талантливый популяризатор науки. Был пионером в области экзобиологии и дал ощутимый толчок развитию проекта поиска внеземного разума (SETI). Мировую известность Сагану принесли его научно-популярные книги и телевизионный мини-сериал «Космос: персональное путешествие».

Некоторые читатели, профессионально знакомые с генетикой, обвинили меня в серьезной ошибке, которую я допустил, утверждая, что Малькольм передал всем последующим клонированным Макензи дефект своих генов. Хотя я знал о существовании этой проблемы (и старался избежать ее, намеренно ограничиваясь общими рассуждениями), я все же подошел к ней не так серьезно, как следовало бы. Я искренне надеюсь, что какой-нибудь генетический гений сумеет найти решение; сомневаюсь только, что оно будет доступно моему пониманию.

А в отношении особо непримиримых биологов я могу применить лишь то, что в нашей среде называют «защитой Брэдбери»:

«Ко мне подбежал какой-то жуткий зануда и спросил:

— Это вы написали "Марсианские хроники"?

— Я.

— Там на девяносто второй странице у вас сказано, что спутники Марса восходят на востоке.

— Да, а что?

— Вранье все это!

И тогда я его ударил».

Коломбо, июнь 1976

ФОНТАНЫ РАЯ

Посвящаю нетленной памяти Лесли Эканаяке (13 июля 1947 — 4 июля 1977), единственного настоящего друга всей моей жизни, в коей удивительно сочетались Преданность, Разум и Сострадание. Когда твой лучезарный и любящий дух исчезнет из этого мира, померкнет свет многих судеб.

NIRVĀNA PRĀPTO BHŪYĀT

(Да пребудешь в нирване)

Политика и религия устарели; пришло время одухотворенности, время науки.

Джавахарлал Неру. Послание
Цейлонскому обществу распространения науки.
Коломбо, 15 октября 1962 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ

От райских кущ до Тапробана каких-нибудь сорок лье: замри — и услышишь плеск Фонтанов рая.

Автор неизвестен. Приведено в записках странствующего монаха Мариньолли (1335 г.)

Страны́, которую я назвал Тапробаном, строго говоря, не существует, и тем не менее на девять десятых это остров Цейлон (ныне Шри-Ланка). Из послесловия читателю станет ясно, какие географические объекты, исторические события и герои взяты из жизни,— а пока убедительно прошу поверить мне на слово: чем неправдоподобнее рассказ, тем ближе он к действительности.

Название «Тапробан» нередко произносится «Тапробейн», как если бы оно рифмовалось с «Рейн». Между тем еще Мильтон в 4-й книге «Возвращенного рая» писал о сокровищах «Индии, золотого Херсонеса и самого дальнего из индийских островов — Тапробана...».

© Перевод О. Битова.

I

ДВОРЕЦ

1

КАЛИДАСА

С каждым прожитым годом корона становилась все тяжелее. Когда преподобный Бодхидхарма Маханаяке Тхеро впервые опустил ее — с такой неохотой! — ему на голову, принц Калидаса поразился тому, что корона почти ничего не весит. Теперь, двадцать лет спустя, король Калидаса с радостью снимал усыпанный драгоценностями золотой обруч, как только позволял этикет.

Впрочем, здесь, на открытой всем ветрам вершине, этикет был почти не нужен: немногие послы или ходатаи испрашивали королевской аудиенции в этой неприступной скальной крепости. Даже те, кто уже проделал путешествие в Яккагалу, нередко поворачивали обратно от самого подножия верхней лестницы — она вела прямо в пасть льва, который, казалось, вот-вот бросится на вас с утеса. Старый король так и не смог подняться сюда, на этот трон, вознесенный под небеса. Когда-нибудь и Калидаса, быть может, станет слишком немощен, чтобы добраться до собственного дворца. Однако в глубине души он сомневался, что доживет до такого дня: многочисленные враги позаботятся о том, чтобы избавить его от унижений преклонного возраста.

Враги не дремали, враги копили силы. Он бросил взгляд на север, словно уже различал там армии сводного брата, который возвращается в надежде занять запятнанный кровью трон Тапробана. Но нет, армии были еще далеко, за морями, за муссонами; хотя Калидаса куда больше доверял шпионам,

чем астрологам, было утешительно знать, что в этом сходятся и те и другие.

Сводный брат, Мальгара, вот уже без малого двадцать лет ждал своего часа, строя козни и домогаясь поддержки заморских властителей. Другой враг, еще более вкрадчивый и терпеливый, затаился гораздо ближе, неустанно наблюдая за Калидасой с юга. До безупречного конуса священной Шри Канды сегодня, кажется, рукой подать. С начала времен гора, вознесшаяся над центральной равниной, внушала благоговение каждому, чьи глаза мерили ее высоту. Калидаса при всем желании не мог забыть об этом гнетущем конусе, о силе, которую он олицетворял собой.

А ведь у Маханаяке Тхеро не было армий, не было трубящих боевых слонов с окованными медью бивнями, способных решить исход любой битвы. Первосвященник был всего-навсего стариком в оранжевой тоге, единственной собственностью которого оставались чаша для подаяний да пальмовый лист, защищающий его от солнца. Пока монахи и послушники низшего ранга, окружающие старика, распевали гимны, он просто сидел в молчании, скрестив ноги,— и повелевал судьбами королей. И это было странно, очень странно...

Воздух сегодня был настолько прозрачен, что Калидаса без труда различил монастырь — с такого расстояния обитель казалась наконечником стрелы, заброшенной на самую вершину Шри Канды. Обитель вообще не походила на творение человеческих рук и живо напомнила королю о тех, еще более могучих горах, какие он созерцал в дни юности, когда жил на правах полугостя-полузаложника при дворе Махинды Великого. Исполины, охранявшие империю Махинды, все до одного были увенчаны белоснежными шапками, сложенными из сверкающего прозрачного вещества, для которого не было слова в языке Тапробана. Индусы верили, что это вода, только заколдованная, но Калидаса смеялся над их наивными предрассудками.

От монастырских стен его отделяли сейчас всего три дня пути — день по королевской дороге, через леса и рисовые поля, а потом два дня вверх, по бесконечной извилистой лестнице, по которой ему уже не суждено больше взойти: ведь она ведет к единственному врагу, какого он по-настоящему страшится, к единственному, кого никогда не сумеет победить. Подчас он завидовал паломникам, чьи факелы в сумерках сливались в тонкую огненную нить, вьющуюся по склону. Последний нищий мог встретить рассвет на священной вершине и получить благословение богов,— последний нищий, но не он, властитель всего Тапробана.

Правда, и у него оставались свои, пусть преходящие, радости. За крепостными валами и рвами сверкали на солнце бассейны, струились фонтаны, манили прохладой Сады наслаждений — недаром он отдал за эти сады все достояние своего королевства. А когда сады надоедали, к его услугам были женщины скал — живые, из плоти и крови, правда, он звал их все реже и реже, и бессмертные, верные ему навсегда, с которыми он делился своими думами,— ведь кроме них он не доверял никому.

Где-то на западе прогремел гром. Калидаса повернулся спиной к священной горе и исходящей от нее угрозе, лицом к смутному предвестью дождя. Муссоны в этом году запаздывали, искусственные озера, питающие сложную ирригационную систему острова, почти пересохли. В такую пору даже отсюда, с утеса, следовало бы видеть, как мерцает вода в самом крупном из них, в том, которое его дерзкие подданные так и не отучились называть — ему-то это было известно! — по имени его отца, Паравана Самудра, морем Параваны. Строительство завершили всего тридцать лет назад, после многих десятилетий тяжкого труда. То были счастливые дни: юный принц Калидаса гордо стоял подле своего отца, когда створки шлюзов наконец распахнулись и животворная вода хлынула на истомленную жаждой землю. Трудно найти зрелище отраднее, чем огромное, покрытое легкой рябью зеркало озе-

ра, созданного человеком; зеркало отражало купола и шпили Ранапуры, Золотого города — древней столицы острова, которую он забросил ради осуществления своей мечты.

По небу вновь прокатился гром, но Калидаса уже понял, что надежды напрасны. Даже здесь, на вершине Скалы демонов, воздух был по-прежнему тих и безжизнен, не ощущалось и намека на внезапные, беспорядочные порывы ветра, предвещающие начало муссонов. Прежде чем придут дожди, к его заботам, того и гляди, прибавится голод.

— Ваше величество,— прозвучал позади вкрадчивый голос церемониймейстера,— послы готовы в путь. Они хотели бы засвидетельствовать вам свое почтение...

Ах да, эти двое с восковой кожей, которые прибыли из-за западного океана! Жаль отпускать их: чудовищно коверкая тапробанские слова, они поведали ему о многих чудесах света, хотя и признали, что ни одно из них не может соперничать с его дворцом-крепостью в поднебесье.

Калидаса отвернулся от увенчанной белой шапкой горы и иссушенных, дрожащих в мареве равнин и стал спускаться по гранитным ступеням к залу приемов. Казначей королевского двора и его подручные несли за Калидасой драгоценности, слоновую кость и жемчуг — дары высоким, благородным мужам, что ожидают сейчас прощальной аудиенции. Скоро, очень скоро они повезут сокровища Тапробана за моря, в город, столетиями моложе Ранапуры; быть может, эти сокровища хоть на час развеют мрачные мысли императора Адриана.

Преподобный Маханаяке Тхеро не спеша подошел к северному парапету; его тога пылала оранжевым пламенем на белом фоне монастырских стен. Далеко внизу от горизонта до горизонта раскинулась шахматная доска рисовых полей, темнели полоски ирригационных каналов, синевой отливало море Параваны, а еще дальше, за этим внутренним морем, словно призрачные пузыри, парили в воздухе непостижимо

огромные, даже на расстоянии, священные купола Ранапуры. Вот уже три десятилетия созерцал он эту панораму, чтобы понять наконец, что ему никогда не удастся постичь всей ее изменчивости и сложности. Краски и контуры менялись с каждым новым месяцем, нет, с каждым пролетевшим облачком. «И даже в тот день,— подумал настоятель,— который назначен мне, чтобы покинуть эту обитель, я непременно найду еще какую-нибудь перемену».

Лишь один штрих портил этот безмятежный ландшафт. Отсюда, с высоты, серая глыба Скалы демонов казалась песчинкой, но песчинкой, чуждой общей красоте. Легенда гласила, что Яккагала — осколок гималайской вершины, склоны которой некогда покрывали целебные травы, и что бог-обезьяна Хануман обронил его, спеша помочь раненым своим товарищам в те давние дни, когда отгремели битвы «Рамаяны».

Разумеется, невозможно было на таком удалении различить детали безумной затеи Калидасы — чуть заметной полоской выделялась лишь стена вокруг Садов наслаждений. Но тот, кто хоть однажды поднялся на Скалу демонов, был уже не в силах забыть ее. И перед мысленным взором Маханаяке Тхеро предстали — так ясно, словно он вновь очутился между ними,— исполинские львиные лапы, вырастающие из отвесной груди утеса, и зубчатые стены над головами потрясенных гостей; поневоле верилось, что на стенах вот-вот появится проклятый людьми король...

Сверху обрушился гром и в мгновение ока поднялся до такого могучего крещендо, будто сама гора тронулась с места. Непрерывные, находящие друг на друга раскаты проносились по небу, замирая где-то на востоке,— но эхо их еще долго отдавалось у горизонта. Никто в целом свете не принял бы такой гром за предвестника близких дождей: до начала сезона дождей оставалось еще три недели, а Служба муссонов никогда не ошибалась больше чем на двадцать четыре часа. Едва грохот смолк, преподобный Маханаяке обернулся к своему спутнику.

— Вот вам и точный расчет входных коридоров,— произнес он с раздражением чуть большим, чем приличествовало воплощению божественной дхармы*.— Зарегистрированы ли показания приборов?

Молодой монах бросил несколько слов в микрофон на запястье, дождался ответа и сказал:

— Зарегистрированы. Уровень шума достиг ста двадцати децибел. Еще на пять децибел выше, чем отмечалось раньше.

— Пошлите обычный протест в Центр космического контроля. Выясните, кто несет ответственность за сегодняшний случай — мыс Кеннеди или Гагарин. Или лучше пожалуйтесь в оба адреса. Хотя, конечно, это тоже ничего не изменит...

Смерив взглядом белый инверсионный след, медленно тающий в небе, Бодхидхарма Маханаяке Тхеро — восемьдесят пятый по счету носитель славного имени — вдруг поймал себя на мысли, отнюдь не достойной священнослужителя. Наверное, Калидаса отыскал бы способ вразумить диспетчеров космических линий, озабоченных лишь тем, сколько денег затрачено на килограмм полезного груза. Его способы были весьма доходчивы — посадить на кол, растоптать подковами боевых слонов или бросить в кипящее масло.

Что и говорить, две тысячи лет назад жизнь была много, много проще.

2

ИНЖЕНЕР

Друзья, ряды которых, увы, редели с каждым годом, называли его Джоан. Остальные если и вспоминали его, то чаще всего по прозвищу Раджа. Полное же его имя вобрало в себя отголоски пяти веков истории: Джоан Оливер де Алвис Шри Раджасингх.

* Дхарма — буддийское учение.

Были времена, когда туристы, осаждавшие Скалу демонов, преследовали его с фотокамерами и магнитофонами, однако новые их поколения уже и не догадывались о том, что когда-то он был едва ли не самым известным человеком во всей Солнечной системе. Он не жалел об утраченной славе — те дни снискали ему благодарность всего человечества. Но они оставили еще и бесплодные сожаления о допущенных некогда ошибках, скорбь о жизнях, которые он не сберег, в то время как кто-то более проницательный или более терпеливый мог бы их сохранить. Конечно, теперь, с высоты пролетевших лет, легко судить о том, какие меры могли бы предотвратить Оклендский кризис или вновь объединить, даже против их воли, участников Самаркандского соглашения. Нелепо было корить себя за неизбежные ошибки прошлого, и все же иногда совесть мучила его сильнее, чем старая, все реже напоминающая о себе пулевая рана — память о Патагонии.

Никто не думал, что его отставка продлится так долго.

— Не пройдет и полугода, как вы вернетесь,— предсказывал ему Чу, президент Мирового совета.— Власть засасывает...

— Только не меня,— отвечал он, в сущности не кривя душой.

Он ведь и не искал власти — она сама пришла к нему. К тому же эта власть всегда носила ограниченный характер — была консультативной, а не исполнительной. Всего-навсего посол по особым поручениям, подчиненный непосредственно президенту и Мировому совету, и число его собственных подчиненных не превышало десяти штатных единиц — одиннадцати, если считать еще и компьютер по кличке Аристотель. (До сих пор прямая линия связи соединяла его личный пульт с необъятной памятью Ари и с ячейками, куда поступали сведения текущего характера, и он беседовал с компьютером по нескольку раз в год.) Однако к концу карьеры Раджи совет неукоснительно следовал его рекомендациям, а об-

щественное мнение приписывало ему заслуги, которые зачастую по праву принадлежали скромным безвестным служащим Комиссии по поддержанию мира. Именно деятельность полномочного посла Раджисингха оставалась постоянно в центре внимания: он переезжал из одной «горячей точки» в другую, то подливая масла в огонь чьего-то честолюбия, то предупреждая еще не возникшие пожары, то жонглируя фактами с поистине непревзойденным мастерством. Надо отдать ему должное, он никогда не опускался до прямой лжи — это было бы слишком опасно. Без непогрешимой памяти Ари подчас ни за что не удалось бы разобраться в тех хитросплетениях, которые ему поручали распутать во имя мира. Когда дипломатическая игра стала доставлять ему удовольствие, превращаясь в самоцель, он понял, что пора уходить.

Это случилось два десятка лет назад, и он ни разу не пожалел о своем решении. Те, кто предрекал, будто скука преуспеет там, где не страшны испытания властью, попросту не знали этого человека, не понимали его натуры. Он возвратился к полям и лесам своей юности и поселился в километре от нависшей над равниной гигантской скалы, которая была владычицей его детских грез. Мало того, он поставил свою виллу с внутренней стороны широкого рва, опоясывающего Сады наслаждений, и фонтаны, спроектированные архитекторами Калидасы, которые молчали на протяжении двух тысячелетий, теперь плескались буквально во дворе у Джоана. Вода, как встарь, текла сверху по каменным желобам; ничто здесь не изменилось, только цистерны, спрятанные на вершине скалы, наполнялись с помощью электрических насосов, а не руками изнуренных рабов.

Отнять у вечности этот исторический уголок, чтобы обосноваться на покое,— осуществление этого замысла принесло Джоану большее удовлетворение, чем любое достижение за всю политическую карьеру: сбылась почти несбыточная мечта. Потребовалось все его дипломатическое искусство, не исключая легкого шантажа в стенах департамента археоло-

гии. Впоследствии вопрос обсуждался даже в Национальном собрании острова; к счастью, недоуменные вопросы парламентариев остались без ответа.

От туристов и студентов, кроме особо назойливых, его защищал ров, и самые нескромные взгляды не в силах были проникнуть за плотную стену деревьев ашока — мутантов, круглый год пылающих яркими цветами. Деревья дали приют трем-четырем семействам обезьян, и ему нравилось наблюдать за ними, хотя время от времени они устраивали набеги на виллу, унося с собой все, что попадалось им под руку, вернее, все, что они могли унести. Тогда ему приходилось объявлять короткую межвидовую войну. В ход шли шутихи и магнитофонные записи с криками обезьян об опасности; впрочем, людям эти крики досаждали не меньше, чем их хвостатым родственникам, которые если и удирали, то ненадолго,— обезьяны хорошо усвоили, что человек не причинит им зла.

Неистовый тапробанский закат уже успел разлиться на полнеба, когда маленький трехколесный электромобиль, бесшумно вывернув из-под деревьев, затормозил возле гранитных колонн у парадного входа. (Колонны в стиле Чола периода поздней Ранапуры представляли собой явный анахронизм. Но никто, кроме профессора Саратха, не замечал этого, зато уж профессор не упускал случая высказаться на сей счет.)

Долгий и горький опыт научил Раджасингха не доверять первому впечатлению, но и не пренебрегать им. Отставной посол был почти уверен, что Вэнневар Морган окажется под стать своим творениям — крупным, внушительного вида человеком. На деле инженер был ниже среднего роста, и с первого взгляда его можно было назвать даже хрупким. Тем не менее его мускулистое тело было крепко сбито, и по лицу, оттененному иссиня-черной шевелюрой, никто не сказал бы, что Моргану уже за пятьдесят. Фотография, извлеченная из тайников памяти Ари, из ее биографического отдела, не слишком отвечала оригиналу: этому брюнету быть бы поэтом-романтиком, или известным пианистом, или, еще лучше, великим актером, способным заворожить своим талантом тысячи зрителей. Раджасингх умел распознавать в человеке силу — это входило в его былые обязанности, и теперь он ни на секунду не усомнился в ее присутствии. «Берегись низкорослых,— нередко повторял он себе,— именно они способны потрясти мир».

Именно с этой мыслью пришло какое-то неприятное предчувствие. Чуть не каждую неделю его навещали и былые друзья и былые враги, чтобы поделиться с отставником новостями или вместе взгрустнуть о прошлом. Он с радостью ждал таких визитов, они вносили в его жизнь определенный распорядок. Но каждый раз он совершенно точно знал и цель предстоящей встречи, и круг вопросов, которые будут на ней подняты. Что же касается Моргана, то, насколько Раджасингх мог судить, между ними не было ничего общего, если не считать интересов, общих для всего человечества. Они никогда не встречались, не переписывались, не говорили по телефону; в сущности, самое имя Моргана было ему едва знакомо. И уж совсем необычным представлялось то обстоятельство, что инженер просил сохранить их встречу в тайне.

Раджасингх согласился на это условие не без внутреннего сопротивления. В мирной жизни, какую он вел теперь, не оставалось места секретности, и ему отнюдь не хотелось, чтобы какая-нибудь сверхважная тайна вселенского масштаба подорвала устои размеренного, хорошо налаженного существования. Он покончил с секретностью раз и навсегда и уже лет десять, если не больше, обходился без персональных телохранителей, отозванных по его же собственной просьбе. Но если разобраться, то его смущало не столько требование секретности, сколько полное неведение о целях визита. Надо думать, главный инженер наземных проектов Всемирной строительной корпорации проделал путь в тысячи километров не ради автографа или светской беседы. Морган, без сомнения, приехал сюда с какой-то определенной целью — и Раджасингх, хоть убей, не мог представить себе с какой.

Даже в те дни, когда он денно и нощно служил обществу, Раджа никогда не имел никаких дел с ВСК; три подразделения корпорации — «Суша», «Море» и «Космос» — были, несомненно, гигантами, но из всех учреждений Мирового сообщества привлекали к себе, пожалуй, наименьшее внимание прессы. Чтобы заставить ВСК выступить перед публикой, нужна была как минимум впечатляющая катастрофа или очередное громкое столкновение с экологами или историками. Последний конфликт такого рода был связан с чудом инженерной мысли XXI века — Антарктическим трубопроводом, призванным перекачивать сжиженный уголь от богатейших полярных месторождений к заводам и электростанциям мира. Поддавшись модной экологической эйфории, ВСК предложила разобрать уцелевший участок трубопровода и вернуть антарктические просторы их исконным хозяевам — пингвинам. И тут на нее обрушились с яростными нападками как индустриальные археологи, возмущенные подобным варварством, так и биологи, обнаружившие, что пингвины просто обожают заброшенный трубопровод. Еще бы, ведь он предоставил им такие удобства при гнездовании, что лучше и не придумать; поголовье пингвинов настолько возросло, что никакие косатки уже не могли с ним совладать. Под напором возражений ВСК предпочла отступить без боя.

Был ли Морган как-то замешан в этой стычке, Раджасингх, естественно, не знал. Да если и был, вряд ли теперь это имело какое-либо значение: ведь имя Моргана сегодня связывалось с самым триумфальным из замыслов ВСК...

Его нарекли «Мостом всех мостов», и, надо думать, нарекли справедливо. Затаив дыхание, половина человечества — и Раджасингх вместе с ней — следила за тем, как «Граф Цеппелин» мягко поднял центральную секцию моста и опустил на предназначенное ей место. Исполинский воздушный корабль сам по себе был одним из чудес своего времени, но на сей раз с него сняли весь лишний вес, всю роскошь, предназначенную для пассажиров; знаменитый плавательный бас-

сейн был осушен, а реакторы теперь отдавали избыток тепла прямо в газовые цистерны, чтобы до предела увеличить грузоподъемность. И впервые в истории техники груз весом более тысячи тонн был поднят на трехкилометровую высоту, и все — к немалому разочарованию любителей острых ощущений — прошло без сучка без задоринки.

Ни одно судно не проплывает мимо Геркулесовых столбов, не отдав салюта величайшему из мостов, какие когда-либо были и будут построены. Башни-близнецы на стыке Средиземноморья и Атлантики разделены пятнадцатикилометровой бездной — назвать ее пустотой мешает лишь немыслимая в своем изяществе арка Гибралтарского моста. Приветствовать того, кто осуществил этот инженерный подвиг,— безусловная честь, даже если герой опаздывает на целый час.

— Примите мои извинения, посланник,— произнес Морган, выбираясь из электромобиля.— Надеюсь, задержка не слишком нарушила ваши планы?

— Ничего страшного — мое время теперь полностью принадлежит мне. Вы ужинали?

— Да, спасибо — хоть меня и задержали на пересадке в Риме, но, по крайней мере, накормили, и притом отлично.

— Надо думать, вкуснее, чем кормят здесь, в отеле «Якагала». Я заказал вам комнату на ночь — это всего в километре отсюда. Боюсь, наш разговор придется отложить до утра.

Морган был, по-видимому, огорчен, но пожал плечами в знак того, что не возражает.

— Ну что ж, мне есть чем заняться, скучать не буду. Полагаю, в отеле найдется все, что нужно деловому человеку,— на худой конец, обыкновенный пульт связи...

Раджасингх рассмеялся.

— Не ручаюсь, что там отыщется устройство, сложнее телефона. Но разрешите сделать вам другое предложение. Через полчаса я с двумя-тремя друзьями отправляюсь на Скалу демонов. Там сегодня состоится представление, которое

я от души рекомендую посетить. Приглашаю вас присоединиться к нам.

Было очевидно, что Морган мнется, пытаясь найти вежливый предлог для отказа.

— Это очень любезно с вашей стороны, но мне, право, необходимо срочно связаться со своими подчиненными...

— Можете воспользоваться моим пультом. Обещаю вам — вы не пожалеете, к тому же представление не продолжится более часа. Да, я забыл — вы же хотите сохранить инкогнито. С вашего разрешения я представлю вас как доктора Смита из Тасманского университета. Уверен, что ваше лицо моим друзьям незнакомо.

Раджасингх вовсе не собирался обижать своего гостя — и тем не менее его слова вызвали у Моргана явное неудовольствие. Профессиональные инстинкты сработали мгновенно, и бывший дипломат отложил этот факт в памяти — на будущее.

— Наверное, незнакомо,— согласился Морган, и Раджасингх уловил в его голосе несомненную нотку горечи.— Доктор Смит — что может быть лучше? А сейчас, если разрешите, я воспользуюсь вашим пультом связи.

«Любопытно,— подумал Раджа, показывая гостю дорогу,— хотя, наверное, не столь существенно. Рабочая гипотеза: Морган чем-то расстроен, а быть может, и разочарован. Что же привело его к разочарованию? В своей профессии он занимает ведущее положение — чего еще остается ему желать?..» Ответ был в общем-то очевиден — Раджасингх прекрасно знал симптомы болезни хотя бы потому, что сам давно переболел ею.

Жажда славы — поставил он молчаливый диагноз. И в памяти всплыли древние строки: «...того, чьи мысли чисты, кто суетность утех презрел, она ведет вперед стезей труда тернистой...» Как там дальше у Мильтона? «Грех отождествлять со славою успех»*.

* Перевод Ю. Корнеева.

Да, это правдоподобно, это объясняет неудовлетворенность, которую уловили по-прежнему чувствительные антенны Раджи. И тут он вспомнил, что исполинскую радугу, соединившую Европу и Африку, в обиходе именуют просто «Мост», изредка — «Гибралтарский мост», но никогда и никто не называет ее «Мост Моргана».

«Ну что ж,— сказал себе Раджасингх,— допустим, вы жаждете славы, доктор Морган, но уж здесь-то вы ее не найдете. Что же тогда, во имя тысячи демонов, занесло вас на тихий маленький Тапробан?»

3
ФОНТАНЫ

День за днем слоны и рабы трудились под палящим солнцем, поднимая бесконечную вереницу ведер на вершину утеса.

— Ну что, готово? — то и дело справлялся король.

— Нет, ваше величество,— отвечал главный строитель,— резервуар еще не полон. Быть может, завтра...

Но вот наконец это завтра настало, и весь двор собрался в Садах наслаждений под навесами из ярких тканей. Самого короля овевали огромные опахала — те, кто держал их, сулили королевскому управляющему любые блага ради сомнительной чести, которая могла одинаково легко обернуться и богатством, и гибелью.

Все глаза были обращены в сторону Скалы демонов, к игрушечным фигуркам на ее вершине. Вот на ветру затрепетал флаг; далеко внизу коротко протрубил рог. У подножия утеса рабы неистово налегли на рычаги, впряглись в канаты. И все же долгое время больше ничего не происходило.

Уже хмурым стало чело короля, и двор оцепенел в страхе. Даже опахала замерли на миг — и тут же заработали с удвоенной силой, как только те, кто держал их, вспомнили о грозящих им карах. Но в эту секунду рабы у подножия Яккагалы испустили ликующий крик; крик ширился, приближал-

ся, растекаясь по обсаженным цветами дорожкам. И вслед за ним послышался иной звук, еще негромкий, но неодолимый, как то и пристало грозным, скованным до времени силам, рвущимся к предначертанной им цели.

Один за другим, будто по волшебству, из-под земли в безоблачную высь поднялись стройные водяные столбы. На высоте в четыре человеческих роста они развернулись цветками брызг. В лучах солнца брызги превратились в радужный туман, оттеняющий необычность и красоту зрелища. За всю историю Тапробана глаза людей еще не видели такого чуда.

Король улыбнулся, и придворные наконец-то посмели перевести дух. На этот раз погребенные под почвой трубы не лопнули под напором воды; на этот раз проложившие их каменщики, не в пример своим бесталанным предшественникам, могли надеяться дожить до преклонных лет, насколько такая надежда вообще была возможна при Калидасе.

Солнце незаметно склонялось к закату — и так же неуловимо струи теряли высоту. Вот они уже стали не выше взрослого человека: резервуары, наполненные такими трудами, почти опустели. Но король был доволен — он поднял руку, фонтаны дрогнули, вновь поднялись и, словно отвешивая трону прощальный поклон, безмолвно опали. Недолгая рябь пробежала бликами по поверхности бассейнов, а затем они вновь обратились в тихие зеркала, обрамляющие громаду вечной скалы.

— Рабы потрудились на славу,— произнес Калидаса.— Отпустите их на свободу.

Разумеется, рабы никогда не могли постичь до конца смысла своих стараний: никому не дано было разделить одинокие мечты короля-художника. Обходя окружившие Яккагалу выхоленные, изысканные в своем убранстве сады, Калидаса испытывал удовлетворение — самое полное за всю свою жизнь.

Здесь, у подножия Скалы демонов, он задумал и создал свой единоличный рай. Оставалось одно: возвести небесные чертоги на вершине.

4

СКАЛА ДЕМОНОВ

Раджасингх видел эту инсценировку уже добрый десяток раз, знал назубок каждый поворот сюжета, и все же хитроумная игра света и звука неизменно волновала его. Для тех, кто приезжал к Скале демонов впервые, зрелище было, разумеется, обязательным, хотя критиканы вроде профессора Саратха доказывали, что это упрощенчество, суррогат истории для туристов. Но даже суррогат истории лучше, чем ее отсутствие, и представление отвечало своей цели — пусть профессор и его коллеги и дальше до хрипоты спорят о точной последовательности событий, разыгравшихся здесь два тысячелетия назад.

Небольшой амфитеатр был обращен к западному обрыву Яккагалы, а двести мест сориентированы таким образом, чтобы каждый зритель смотрел на лучи лазерных проекторов под нужным углом. Круглый год представление начиналось в одно и то же время — в 19:00, когда на небосводе гас последний отблеск пламенного экваториального заката.

Скалу уже поглотил мрак, ее присутствие угадывалось лишь по огромной черной тени, затмившей ранние звезды. И тогда из темноты донесся медленный, приглушенный барабанный бой, а затем ровный, бесстрастный голос:

«Мы расскажем вам о короле, который убил собственного отца и был убит собственным братом. В кровавой истории человечества такой удел, казалось бы, не представляет ничего исключительного. Но этот король оставил после себя впечатляющий рукотворный памятник и легенду, пережившую столетия...»

Раджасингх украдкой бросил взгляд на Вэнневара Моргана, сидевшего справа. Темнота не позволяла различить черты лица инженера, угадывался лишь смутный силуэт, но не составляло труда догадаться, что чары повествования уже захватили его. Два других гостя — давние друзья по диплома-

тической службе, которые заняли места слева от Раджи,— впали в такое же колдовское оцепенение. Как и было обещано Моргану, они не узнали «доктора Смита», а если и узнали, то учтиво притворились, что не узнают.

«Его звали Калидаса, он родился столетием позже Иисуса Христа, родился в Ранапуре, Золотом городе, что много поколений был резиденцией тапробанских королей. Но с самого рождения его судьбу омрачила тень...»

Музыка зазвучала громче, к стуку барабанов примешались голоса флейт и бряцание струн, и в вечернем воздухе зазвучала царственно возвышенная мелодия. На поверхности скалы загорелось яркое пятнышко света; потом оно стремительно разрослось — и перед зрителями словно распахнулось магическое окно в прошлое, в мир более рельефный и красочный, чем сама жизнь.

Инсценировка, по мнению Моргана, была выше всяких похвал: оставалось только радоваться, что вежливость хоть однажды взяла в нем верх над страстью к работе. Он видел ликование Парабаны, когда любимая наложница подарила королю первенца, и ощутил вместе с монархом бурю противоречивых чувств, когда сутки спустя сама королева произвела на свет законного наследника престола. Калидаса родился первым, но интересы трона повелевали ему стать вторым,— и это послужило началом трагедии.

«И все же в раннем детстве Калидаса и его сводный брат Мальгара были неразлучными друзьями. Они росли вместе, не предчувствуя своего грядущего соперничества, не ведая об интригах, которые плелись вокруг. И первая их размолвка никак не была связана с престолонаследием — причиной ее послужил безобидный подарок.

Ко двору короля Параваны прибывали послы с дарами из многих стран — шелками Поднебесной империи, золотом Индустана, вороненными доспехами римлян. А однажды к во-

ротам дворца осмелился подойти простой охотник из джунглей с подношением, которое, по его разумению, могло понравиться царственному семейству...»

Морган не следил за своими соседями по амфитеатру, но не мог не услышать, как по рядам пронесся вздох. Инженер не испытывал особой любви к животным, однако нельзя было не проникнуться симпатией к крошечной белоснежной обезьянке, которая доверчиво прильнула к груди юного принца Калидасы. Со сморщенного личика смотрели огромные глаза, их взгляд преодолевал таинственную, хотя и не безнадежно глубокую, пропасть между человеком и зверем.

«По свидетельству летописцев, никто еще не видывал подобного: шерсть обезьянки была белой, как молоко, а глаза — красными, как рубины. Одни считали это добрым предзнаменованием, другие — дурным, поскольку белый цвет — цвет смерти и скорби. И дурные предчувствия, увы, оказались обоснованными.

Принц Калидаса души не чаял в обезьянке и назвал ее Хануманом в честь доблестного хвостатого бога, героя "Рамаяны". Королевский ювелир смастерил маленькую золотую тележку, и Хануман торжественно восседал на ней во время дворцовых церемоний, к развлечению и радости всех участников.

В свою очередь, Хануман привязался к Калидасе и не позволял никому другому даже прикоснуться к себе. Особенно невзлюбил он принца Мальгару, будто угадывал в нем будущего врага. И в один злополучный день не удержался и укусил наследника.

Укус был пустяковым, его последствия — неисчислимыми. Через несколько дней Ханумана отравили, несомненно по приказанию королевы. И детству Калидасы пришел конец — с тех самых пор, как утверждают, он никого уже не любил и не доверял никому. А его дружба с Мальгарой переродилась в кровавую вражду.

Но и это не исчерпало бед, вызванных гибелью одной крошечной обезьянки. По указу короля для Ханумана воздвигли дагобу — колоколообразную гробницу. Королевская воля шла вразрез с традициями и вызвала неприкрытую злобу монахов. Дагобы предназначались для останков Будды, и постройку гробницы для обезьяны расценили как святотатство.

Не исключено, что намерения короля и впрямь были кощунственными: с некоторых пор Паравана подпал под влияние бродячих проповедников — свами и отвернулся от истинной буддийской веры. И хотя принц Калидаса был еще слишком мал для того, чтобы принимать участие в религиозном споре, ненависть монахов обратилась в первую очередь на него. Так началась междоусобица, которая спустя годы буквально разодрала королевство на части.

Как и многие утверждения древнейших летописей Таппробана, рассказ о Ханумане и юном принце Калидасе в течение двух тысячелетий оставался лишь трогательной, но ничем не подкрепленной легендой. Однако в 2015 году группа археологов из Гарвардского университета откопала в саду старого Ранапурского дворца фундамент маленькой часовни. Сама часовня была, видимо, умышленно разрушена — даже каменная кладка стен исчезла без следа.

Усыпальница, врезанная, как водится, в фундамент, оказалась пустой, ее разграбили много веков назад. Но у исследователей XXI века были инструменты, о каких и не мечтали стародавние охотники за сокровищами, и нейтринная съемка обнаружила вторую усыпальницу, расположенную гораздо глубже первой. Верхняя усыпальница оказалась фиктивной, и она успешно выполнила свою задачу. Благодаря этому нижняя усыпальница донесла до нас сквозь столетия все, что доверили ей любовь и ненависть,— сегодня находка хранится в Ранапурском музее...»

Морган всегда считал себя — и не без оснований — человеком практичным и отнюдь не сентиментальным, умеющим сдерживать эмоции. И вдруг, к немалому своему смущению — оставалось лишь уповать на то, что соседи ничего не заметили,— почувствовал, как на глаза навернулись слезы. «Ну не смешно ли,— досадовал он на себя,— чтобы слащавая музыка и слезливая сказочка так растрогали вполне разумного человека! Вот уж не поверил бы, что способен заплакать при виде какой-то детской игрушки...»

Но тут словно вспышка молнии озарила дальний уголок памяти, хранивший впечатления более чем сорокалетней давности, и он понял причину своих слез. Он будто вновь увидел свой любимый змей то планирующим, то парящим над просторами парка в Сиднее — в этом парке он провел немалую часть детства. Будто вновь ощутил, как греет солнце, как ветерок ласкает загорелую спину... Потом вероломный ветерок внезапно спал, змей устремился к земле и запутался в ветвях исполинского дуба, который был едва ли не старше, чем земля, где он вырос. Пытаясь освободить змея, Морган рванул бечевку — и получил первый урок по сопротивлению материалов, жестокий урок, запомнившийся ему на всю жизнь.

Бечевка лопнула в том самом месте, где зацепилась за кору, и змей, кувыркаясь, взвился в летнее небо. Как только он опять стал терять высоту, Морган бросился за ним вдогонку, надеясь, что змей приземлится на суше; но предатель ветер не прислушался к молитвам мальчика.

Долгие, долгие минуты он стоял, давясь рыданиями, в бессилии глядя, как разбухший, бесформенный змей, словно потерявший мачту парусник, относило из гавани в открытое море. Наконец змей исчез вдали — и это была первая из тех маленьких трагедий, которые шлифуют характер мужчины, даже если он и не помнит о них.

Но ведь игрушка, утраченная Морганом, была неодушевленной, и рыдал он тогда скорее с досады, чем с горя. Принц Калидаса пережил куда большие муки. В золотой тележке, и сегодня выглядевшей так, будто она только что вышла из мастерской ремесленника, белела горстка тоненьких косточек.

Морган невольно пропустил какие-то повороты сюжета; когда зрение его вновь прояснилось, с первой ссоры двух

принцев миновало добрых десять лет, семейная распря была в разгаре, и он не сразу мог разобраться, кто кого убивает и зачем. Но вот воюющие армии опустили мечи, был нанесен последний удар кинжала, принц Мальгара и королева-мать бежали в Индию, и Калидаса садится на трон, попутно заточив в тюрьму собственного отца.

Разумеется, самодержец не остановился бы и перед тем, чтобы обезглавить Паравану, о сыновних чувствах не могло быть и речи, однако он верил, что старый король припрятал сокровища, предназначенные Мальгаре. Пока эта вера не иссякла, Паравана мог не опасаться за свою жизнь, но в конце концов от обмана он просто устал.

— Я покажу тебе мое истинное богатство,— сказал он сыну.— Дай мне колесницу и сопровождай меня.

Не в пример малютке Хануману, Паравана отправился в свой последний путь на старой повозке, запряженной быками. Летописи свидетельствуют, что одно из ее колес было сломано и всю дорогу скрипело. Вероятно, так оно и было на самом деле: какой историк стал бы придумывать такую деталь!

Калидаса немало удивился, когда отец распорядился отвезти себя к искусственному озеру, орошающему среднюю часть королевства, тому самому озеру, на создание которого ушли почти все годы его правления. Добравшись до озера, он подошел к краю береговой дамбы и долго не сводил глаз с собственной статуи, которая с высоты в два человеческих роста взирала в водную даль.

— Прощай, друг,— произнес Паравана, обращаясь к каменному истукану, символу утраченной им, живым, власти и славы.— Храни мое наследство.

Затем, под бдительным надзором Калидасы и стражников, старый король спустился по ступеням и, не замедляя шага, ступил в озеро. Войдя по пояс в воду, он зачерпнул ее ладонями, плеснул себе в лицо, а затем с гордостью и торжеством обернулся к Калидасе.

— Вот оно, сын мой,— крикнул он, указывая на просторы чистой, животворной воды.— Вот все мое достояние!

— Убейте его! — взревел ослепленный яростью и разочарованием Калидаса.

И солдаты подчинились приказу.

Так Калидаса стал властителем Тапробана, но ценой, какую немногие согласились бы уплатить. Ибо, как свидетельствуют летописи, он отныне жил «в вечном страхе перед следующим своим воплощением и в вечном страхе перед братом». Рано или поздно Мальгара должен был попытаться вернуть себе принадлежащий ему по праву трон.

В течение нескольких лет Калидаса, как и вереница его предшественников, держал свой двор в Ранапуре, а затем — по причинам, о которых история умалчивает,— забросил древнюю столицу ради скальной твердыни Яккагалы, скрытой за сорокакилометровой стеной джунглей. Утверждали, будто скала показалась ему неприступной, способной защитить от мести брата. Но ведь годы спустя он сам, по собственной воле, покинул свое убежище, и — если оно действительно было крепостью и только крепостью — зачем понадобилось окружать Яккагалу грандиозными Садами наслаждений, разбивка которых потребовала не меньших усилий, чем возведение стен и прокладка рвов? И самое непонятное — *зачем понадобились фрески?*

Едва рассказчик поставил этот вопрос, как из тьмы возникла целиком вся западная сторона скалы — нет, не в нынешнем своем обличье, а такой, какой она, по-видимому, была две тысячи лет назад. Метрах в ста от подножия во всю ширину утеса протянулась широкая ровная полоса, и по ней от края до края выстроились женские портреты. Портреты были поясными, в натуральную величину; нарисованные то в профиль, то анфас, все они отвечали одному стандарту красоты. Пышногрудые, с золотистой кожей, с нитями драгоценных камней вместо одежд, в крайнем случае, с накинутым на плечи прозрачным покрывалом. Зато на голове у каждой возвышалась искусная прическа — башня или что-то очень по-

хожее на корону. В руках — либо ваза с цветами, либо один-единственный цветок, изящно сжатый между большим и указательным пальцами. Половина женщин отличалась более темной кожей; на первый взгляд они казались прислужницами, но были так же тщательно причесаны и усыпаны драгоценностями, как и остальные.

«Некогда на скале насчитывалось более двухсот фигур. Но дожди и ветры столетий пощадили лишь те двадцать, что были защищены каменным выступом...»

Изображение приблизилось, и из мрака под заигранную, но странно подходящую к случаю мелодию «Танца Анитры» выплыли одна за другой последние уцелевшие наследницы грез Калидасы. Время, стихии и вандалы изрядно потрудились над тем, чтобы стереть их,— и все же их красота оказалась неподвластна столетиям. Краски по-прежнему удивляли своей живостью, они не поблекли под лучами бесчисленных закатов. Богини или дочери Земли, эти женщины оберегали легенду Скалы демонов.

«Никто не знает, кем они были, что олицетворяли собой и почему с такими трудами их нарисовали в столь недоступном месте. Наиболее распространено мнение, что это небожительницы и что Калидаса задался целью создать для себя рай на земле при поддержке этих помощниц-богинь. Возможно, он верил в то, что сам является королем-богом, как фараоны Древнего Египта; не исключено, что именно потому он перенял у фараонов и любовь к изваяниям, поставив сфинкса охранять вход во дворец...»

Теперь лазерные проекторы показали Скалу демонов издали. Она отражалась в маленьком озерце; вода колыхалась, контуры Яккагалы дрожали и таяли. Когда изображение восстановилось, скалу венчали крепостные стены, бастионы и шпили, тесно прильнувшие друг к другу. Однако разглядеть их как следует не удавалось: они оставались не в фокусе, словно привиделись во сне. Никто и никогда уже не узнает, каков

был в действительности воздушный замок на вершине,— его разрушили до основания те, кто хотел бы искоренить самую память о Калидасе.

«Здесь он и прожил без малого двадцать лет в ожидании своей неизбежной судьбы. Шпионы не могли не сообщать ему, что Мальгара с помощью королей южного Индустана терпеливо наращивает мощь своих армий.

И настал день, когда эти армии пришли в движение. С вершины скалы Калидаса следил за нахлынувшими с севера полчищами. Если он и верил в свою неуязвимость, то подвергать эту веру испытанию не стал. Покинув неприступную твердыню, он выехал навстречу брату. Историки многое дали бы за то, чтобы подслушать слова, какими братья обменялись при этой последней встрече. Утверждают даже, что они обнялись на прощание; возможно, так оно и было.

А затем армии столкнулись, словно две исполинские волны. Калидаса сражался на своей территории, его люди знали каждую ее пядь, и поначалу никто не сомневался, что победа будет за ним. Но все изменила досадная случайность, одна из тех, что подчас решают судьбы народов.

Большой боевой слон Калидасы, укрытый попоной с королевскими знаменами, резко свернул в сторону, чтобы обойти топь. И солдатам показалось, что король отступает. Их боевой дух был сломлен, и они, как выразился летописец, рассеялись, будто солома на ветру.

Калидасу нашли на поле боя — он умертвил себя собственной рукой. Мальгара стал королем. А Яккагалу поглотили джунгли, и она была обнаружена вновь лишь спустя семнадцать столетий».

5
ЧТО ВИДНО В ТЕЛЕСКОП

«Мой тайный порок» — называл его Раджасингх со сдержанной иронией, но и с ноткой жалости к себе. Многие годы прошли с тех пор, как Раджа в последний раз взбирался на вер-

шину Яккагалы; конечно, он в любую минуту мог бы попасть туда по воздуху, однако это не приносило такого же удовлетворения. Бесхлопотный воздушный путь обходил стороной самые завораживающие архитектурные реликвии. Нечего было и надеяться проникнуть в тайные помыслы Калидасы, не повторяя шаг в шаг его тяжких подъемов из Садов наслаждений в надземный дворец.

И все же Раджа нашел замену пешим экскурсиям под стать своему возрасту. Однажды он приобрел небольшой, но мощный двадцатисантиметровый телескоп; вся западная сторона утеса лежала теперь перед ним как на ладони, и он ступень за ступенью повторял маршрут к вершине, так хорошо знакомый по былым восхождениям. Прильнув к окулярам, он мог легко представить себе, что висит в воздухе подле самой гранитной стены: протяни руку — и коснешься камня.

По вечерам, когда луч заходящего солнца проникал под скальный выступ, Раджасингх рассматривал фрески, отдавая дань уважения придворным дамам. Он любил их всех и каждую в отдельности, но были среди них и фаворитки, и он иной раз вел с ними безмолвную беседу, прибегая к самым старомодным оборотам, какие знал; впрочем, он вполне отдавал себе отчет в том, что и древнейшие из этих оборотов его собеседницам оставались еще неведомы — эти учтивости войдут в тапробанский язык тысячу лет спустя.

Забавляла его и возможность наблюдать за живыми, изучать выражения их лиц, пока они карабкались на скалу, фотографировали друг друга на вершине и любовались фресками. Им, разумеется, и в голову не приходило, что их сопровождает невидимый — и завистливый — соглядатай, кружащий подле них, как призрак, подмечающий каждую гримаску, каждую деталь одежды. Телескоп был настолько мощным, что, умей Раджасингх читать по губам, он мог бы подслушать реплики, какими они обменивались.

Это нескромное любопытство никому не приносило вреда — Раджа не делал тайны из своего «порока», напротив,

охотно приобщал к нему всех желающих. Телескоп был, пожалуй, лучшим средством для первого знакомства с Яккагалой, а иногда мог сослужить и полезную службу. Не раз Раджасингху удавалось предупредить охрану о «шалостях» охотников за сувенирами, и не один ошеломленный турист был, что называется, пойман за руку в момент, когда собирался увековечить на граните свое имя.

Впрочем, по утрам Раджа почти не подходил к телескопу: солнце в эти часы стояло за Скалой демонов и на затененной западной ее стороне почти ничего не было видно. К тому же в такую рань он не изменял восхитительному обычаю пить чай, не вставая с постели. Но сегодня, бросив ленивый взгляд за широкое окно, открывающее вид на Яккагалу, он с удивлением заметил на гребне утеса крохотную фигурку — она отчетливо вырисовывалась на фоне неба. Ни один приезжий еще не взбирался на вершину с первым лучом солнца — ведь лифт для осмотра фресок охранники включат не раньше чем через час. Раджу одолело любопытство: что же это за ранняя пташка?

Он выбрался из постели, натянул на голое тело яркий саронг индонезийской работы и прошествовал на веранду к бетонной опоре, на которой надежно покоился телескоп. В очередной раз попеняв себе, что давным-давно пора сшить для инструмента новый чехол, он повернул короткий, будто обрубленный, ствол в сторону утеса и, включив максимальное увеличение, воскликнул вполголоса, весьма довольный собой:

— Можно бы и догадаться, кто это!..

Значит, вечернее представление не оставило Моргана равнодушным — да и странно было бы, если бы случилось иначе. И при первой же возможности инженер отправился взглянуть собственными глазами на то, как архитекторы Калидасы приняли вызов, брошенный им королем и природой.

Внезапно Раджасингх ощутил тревогу: на вершине происходило что-то неладное. Морган стремительным шагом обо-

шел ее по самому краю, буквально в десяти сантиметрах от отвесного обрыва, к которому редкий смельчак отваживался даже приблизиться. Не у всякого хватало храбрости хотя бы присесть на Трон боевого слона и свесить ноги над бездной,— а инженер стал на колени подле трона, небрежно придерживаясь за резные каменные завитушки одной рукой, и, перегнувшись в пустоту, принялся рассматривать боковую поверхность скалы! Просто наблюдать за ним и то было жутко; уж на что Раджасингх привык к Яккагале, а на такой высоте никогда не чувствовал себя уверенно...

Через несколько минут бывшему дипломату пришлось признать, что Морган принадлежит к тем немногим людям, которые начисто лишены страха высоты. В памяти Раджи, все еще цепкой, хотя подчас она и играла с ним злые шутки, возник какой-то смутный сигнал. В былые времена некий француз прогулялся по канату над Ниагарским водопадом и даже остановился на полпути, чтобы перекусить. Если бы не бесспорные свидетельства, Раджасингх скорее всего не поверил бы, что такое возможно.

Но нет, француз французом, а было и что-то еще... Что-то важное, какой-то инцидент, имеющий непосредственное отношение к самому Моргану. Какой же? Морган... Морган... Ведь неделю назад Раджасингх практически не знал о нем ничего...

Ну конечно же! Перед началом строительства Гибралтарского моста возник короткий спор, на денек привлекший внимание средств информации; пожалуй, именно тогда он и услышал впервые имя Моргана.

Главный инженер проекта выступил с неслыханным предложением. Поскольку, говорил он, машины пойдут по мосту на автоматическом управлении, нет никакой нужды ограждать дорожное полотно какими бы то ни было перилами; одно это может облегчить конструкцию на тысячи тонн. Разумеется, идею Моргана сочли абсолютно неприемлемой: что, если, посыпались вопросы, автоматика откажет и машина

покатится к краю пропасти? У главного инженера был готов ответ и на это.

Если автоматика вдруг, в кои-то веки, откажет, то автоматически сработают тормоза и машина встанет, не пройдя и ста метров. Свалиться с моста она может лишь в том случае, если находится в крайнем внешнем ряду и если произойдет одновременный отказ автоматики, всех встроенных систем безопасности и тормозов,— а такое может случиться не чаще чем раз в двадцать лет.

До сих пор объяснение шло гладко. Но тут главный инженер допустил оплошность. Наверное, он не учел, что фраза попадет в печать, а может, неудачно пошутил. Он позволил себе сказать, что если уж случится немыслимое и какая-нибудь машина вылетит через край, так уж пусть летит, не задерживаясь, чтобы не повредить моста.

Нечего и говорить, что, когда Гибралтарский мост наконец построили, по сторонам его были натянуты отражающие канаты; и, насколько известно, пока никто еще не нырял с исполинской дуги в Средиземное море... Однако теперь Морган, по-видимому, вознамерился принести в жертву земному тяготению самого себя, и притом здесь, на Скале демонов,— иначе истолковать его поведение просто нельзя.

В самом деле, что он затеял? Стоя на коленях подле Трона боевого слона, он вытащил прямоугольную коробочку, по форме и размерам похожую на старомодную книгу. Разглядеть ее толком Раджасингх не успел, да если бы и успел — манипуляции инженера были все равно ему непонятны. По всей вероятности, какой-то прибор; но, скажите на милость, что за анализы могли понадобиться Моргану на вершине Яккагалы?

Неужели он собирается здесь что-то строить? Никто этого, конечно, не разрешит, и вообще непостижимо, чего ради затевать строительство в подобном месте: короли, страдающие манией величия, к счастью, давным-давно перевелись.

К тому же поведение Моргана накануне вечером не оставляло и тени сомнения: до приезда на Тапробан он и слыхом не слыхивал об этом утесе...

И тут Раджасингх, всегда гордившийся умением держать себя в руках в самых непредвиденных и драматических обстоятельствах, невольно вскрикнул от ужаса. Вэнневар Морган поднялся на ноги, повернулся спиной к пропасти — и тут же, без промедления, сделал шаг назад, в пустоту.

6
ХУДОЖНИК

— Приведите перса ко мне,— приказал Калидаса, как только перевел дыхание.

Обратный подъем от фресок к Трону боевого слона теперь не был ни трудным, ни опасным: лестницу, сбегающую по отвесной скале, обнесли высокими поручнями. Но Калидаса чувствовал, что устал. Надолго ли еще достанет ему сил совершать это паломничество без посторонней помощи? Конечно, рабы могли бы снести его вниз, а потом наверх на руках, но отдать такой приказ означало бы поступиться королевским достоинством. И уж вовсе немыслимо было представить себе, что чьи-то глаза, кроме его собственных, глянут в лица сотни богинь и сотни их прекрасных служанок, составляющих его поднебесную свиту.

Отныне и вовеки, денно и нощно у входа на лестницу — единственного пути, ведущего в личный рай Калидасы,— будет дежурить стража. После десяти лет беспримерного труда его мечта наконец-то воплощена. Что бы ни бормотали ревнивые монахи на своей заоблачной горе, как бы ни спорили,— он наконец стал богом.

Несмотря на долгие годы, прожитые под тапробанским солнцем, Фирдаз до сих пор оставался светлокожим, как римлянин; но сегодня, склоняясь перед королем в поклоне, он был еще бледнее и беспокойнее обычного. Калидаса задумчиво посмотрел на художника, затем, что было уже совершенной редкостью, послал ему улыбку одобрения.

— Ты хорошо поработал, перс,— произнес король.— Найдется ли в целом мире мастер, который мог бы тебя превзойти?

В душе художника тщеславие боролось с осмотрительностью; борьба закончилась вничью, и он ответил уклончиво:

— Мне такие неведомы, ваше величество.

— Хорошо ли я заплатил тебе?

— Я вполне удовлетворен.

«Ответ,— подумалось Калидасе,— едва ли искренний. Раньше только и слышно было: дай денег, дай помощников, дай дорогие материалы, купленные за тридевять земель. Но кто же станет требовать от художника, чтобы тот разбирался в экономике? Откуда ему знать, что королевская сокровищница почти опустошена баснословными издержками на этот дворец и все, что вокруг него?..»

— А теперь, когда твоя работа здесь закончена, чего бы ты хотел?

— Я просил бы ваше величество разрешить мне вернуться в Исфаган, чтобы я мог вновь жить со своим народом.

Именно такого ответа и ожидал Калидаса — и искренне сожалел о решении, которое теперь вынужден был принять. Но на долгом пути до Персии слишком много границ, слишком много правителей. Разве позволят они художнику — создателю Яккагалы — выскользнуть из своих алчных объятий? А у богинь на западной стороне утеса не должно быть соперниц...

— Это не так-то просто,— заявил король решительно, и Фирдаз сразу сгорбился и побледнел еще сильнее. Властелин мог бы вообще ничего не объяснять — но это один художник обращался к другому.— Ты помог мне стать богом. Эта новость уже достигла иных земель. Едва ты лишишься моей защиты, как все захотят от тебя того же...

Какое-то время художник хранил молчание, и единственным ответом Калидасе служило завывание ветра; ветер, конечно же, не мог не стенать, натолкнувшись в своих вечных

странствиях на непредвиденное препятствие. Потом Фирдаз произнес так тихо, что Калидаса едва расслышал:

— Значит, мне запрещено уезжать?

— Вовсе нет, можешь ехать, и я позабочусь, чтобы ты был обеспечен до конца твоих дней. Но только при условии, что ты никогда больше не станешь работать ни на одного государя.

— Охотно обещаю это вашему величеству,— откликнулся Фирдаз с почти неприличной поспешностью.

Калидаса грустно покачал головой.

— Меня давно научили не верить слову художников,— сказал он,— в особенности если я уже не властен над ними. Мне придется заранее позаботиться, чтобы ты не нарушил свое обещание.

К удивлению Калидасы, Фирдаз вдруг утратил обычную неуверенность; он словно пришел к какому-то важному решению — и успокоился.

— Понимаю,— произнес он, выпрямляясь во весь рост.

И, подчеркнуто повернувшись спиной к своему высокому покровителю, будто того и не существовало более, уставился прямо на ослепительный солнечный диск.

Калидаса знал, что солнце — бог персиян; непонятные слова, что принялся горячо шептать Фирдаз, были, вероятно, молитвой. Ну что ж, на свете немало богов и похуже этого,— но художник смотрел на пылающее светило так пристально, словно прощался с ним...

— Держите его! — вскричал король.

Стражники бросились вперед — и все-таки опоздали. Фирдаз, должно быть, почти ослеп от солнца, но двигался с величайшей точностью. Ему понадобилось три прыжка, чтобы достичь обрыва, и еще один, чтобы перелететь через парапет. На всем долгом пути вниз он не издал ни звука; сады, которые он разбивал с такой тщательностью, приняли его тело в безмолвии, и камни фундаментов не откликнулись скорбным эхом...

Калидаса горевал много дней подряд, но потом ему доставили последнее письмо Фирдаза в Исфаган, перехваченное в дороге, и горе обернулось яростью. Какой-то мерзавец предупредил перса, что по завершении работы ему выколют глаза. А ведь это была ложь, чудовищная ложь! Откуда пошел подобный слух, выяснить так и не удалось, хоть немало придворных приняли медленную смерть, прежде чем доказали свою невиновность. Король был весьма опечален тем, что перс принял на веру столь беззастенчивую ложь: уж кому-кому, а ему-то следовало понимать, что художник никогда не отнимет у собрата высший дар — зрение.

Ведь Калидаса не был ни жестоким, ни неблагодарным. Он осыпал бы Фирдаза золотом — ну, на худой конец, серебром — и пожаловал бы ему слуг, которые заботились бы о нем до конца его жизни. Персу больше никогда не пришлось бы что-либо делать своими руками — и спустя какой-то срок он сам перестал бы замечать, что их нет.

7
В ЧЕРТОГАХ КОРОЛЯ-БОГА

Вэнневар Морган плохо спал ночью, и это было для него непривычно. Он гордился своей способностью к самоконтролю, умением анализировать собственные побуждения и эмоции. Если он не мог заснуть, то по крайней мере должен был разобраться почему.

Вглядываясь в первые предрассветные отблески на потолке гостиничной спальни, вслушиваясь в зычные крики неведомых птиц, Морган принялся призывать свои мысли к порядку. В самом деле, не потому ли он сумел стать ведущим инженером ВСК, что научился планировать свою жизнь, оберегать ее от неожиданностей? Конечно, никто не застрахован от игры слепого случая, от прихоти судьбы, но он, со своей стороны, сделал все возможное, чтобы обезопасить собственную карьеру, больше того — профессиональную репутацию.

Даже если бы его настигла внезапная смерть, программы, заложенные в память компьютера, сберегли бы взлелеянную им мечту от забвения.

До вчерашнего дня он и понятия не имел об Яккагале, да, по правде говоря, совсем недавно не знал ничего или почти ничего и о самом Тапробане, пока его не нацелила на этот остров неумолимая логика поиска. Да, ему следовало бы уже лететь обратно, а он еще и не приступил к тому, зачем приехал. Но тревожило его не это небольшое отклонение в планах, а чувство, что им движут недоступные пониманию силы. Хотя такое же, в сущности, чувство благоговейного трепета он уже испытывал в детстве, запуская свой змей в парке Карибилли, подле гранитных глыб, служивших некогда опорами знаменитого моста через Сиднейскую бухту.

Эти две глыбы были владычицами его мальчишеских грез и предрекли ему его удел. Инженером он, наверное, стал бы так или иначе, но именно то обстоятельство, что он родился в Сиднее, предопределило его карьеру строителя мостов. И триумфальный миг, когда он первым перешагнул из Марокко в Испанию, оставив разъяренные волны Средиземного моря в трех километрах внизу и вовсе не ведая, что главное дело его жизни еще впереди.

Если он преуспеет в новом своем замысле, то будет знаменит на века. Весь его разум, вся энергия и воля уже сконцентрировались на новой задаче; на праздные развлечения у него просто не оставалось и минуты. Как же случилось, что его заворожили свершения архитектора, который умер две тысячи лет назад и принадлежал к совершенно чуждой Моргану культуре? И еще загадка самого Калидасы: какую цель он преследовал, возводя чертоги на Скале демонов? Судя по всему, король был совершенным чудовищем, и все же какая-то черта его характера находила тайный отзвук в душе инженера...

Солнце взойдет минут через тридцать; до завтрака с посланником Раджасингхом остается еще два часа с лишним.

Времени больше чем достаточно; другой возможности, надо полагать, просто не будет.

Морган не зря считал себя человеком действия. Натянуть брюки и свитер было делом нескольких секунд, на тщательную проверку и подгонку обуви ушло чуть больше минуты. Серьезных восхождений ему не случалось предпринимать уже многие годы, однако он постоянно носил крепкие, легкие ботинки — в его профессии это было далеко не лишнее. Он уже закрыл за собой дверь, когда вдруг подумал: а что, если?.. Постоял немного в коридоре, потом, улыбнувшись, пожал плечами. Вреда это, во всяком случае, никому не причинит, а там — кто знает...

Вернувшись в номер, Морган достал из чемодана плоскую коробочку, по размерам и форме похожую на карманный калькулятор. Проверил, не разрядились ли батареи, перевел механизм на ручное управление и прицепил коробочку к стальной пряжке на брючном ремне. Вот теперь он действительно готов вступить в зачарованное королевство Калидасы и встретиться лицом к лицу с любыми демонами, какие там уцелели.

Взошло солнце; как только Морган миновал выемку в крутом валу, обозначившем внешнюю границу крепости, он ощутил спиной животворное тепло. Перед ним на полкилометра вправо и влево протянулся идеально прямой ров, заполненный водой. Через ров был переброшен узкий каменный мостик; завидев Моргана, к нему сквозь кувшинки устремилась небольшая стайка лебедей, но затормозила и рассеялась, взъерошив перья, едва стало ясно, что человек явился с пустыми руками. Перейдя мост, инженер приблизился к новому валу, пониже, поднялся по прорезавшей его, словно ножом, лестнице,— и перед ним на фоне отвесной громады скалы раскинулись Сады наслаждений.

Фонтаны, разбросанные по садовым аллеям, поднимались и опадали в едином неспешном ритме, точно тихо дышали в унисон. Нигде не видно было ни одной живой души,

все пространство Яккагалы в этот час принадлежало ему, и только ему. Вряд ли крепость-сказка выглядела более пустынной, даже когда ее поглотили джунгли — в те семнадцать столетий, что пролегли между смертью Калидасы и XIX веком, когда Яккагалу заново открыли европейские археологи.

Морган ощутил на коже холодок водяной пыли, но не стал задерживаться у фонтанов, лишь на мгновение укоротил шаг, чтобы полюбоваться резным каменным желобом-водостоком, сохранившимся, по-видимому, с древнейших времен. «Интересно,— подумал он,— каким же образом ухитрялись тогда поднимать воду наверх, чтобы питать фонтаны, и как не боялись таких высоких давлений? Те, кто первым увидел эти тугие вертикальные струи, наверное, были просто ошеломлены...»

Впереди его поджидала крутая гранитная лестница со ступенями столь неправдоподобно узкими, что ботинок едва умещался на них. Неужели у тех, кто возводил это величественное сооружение, были такие маленькие ноги? Или узкие ступени — хитрая уловка, чтобы отваживать непрошеных гостей? Трудно представить себе солдат, успешно штурмующих шестидесятиградусный склон по ступенькам, годным разве что для лилипутов.

Небольшая площадка, затем еще один лестничный марш такой же крутизны — и Морган попал на длинную, уходящую полого вверх галерею, врезанную глубоко в скалу. Он уже поднялся более чем на пятьдесят метров над окрестной равниной, однако видеть ее еще не мог: с внешней стороны галерею ограждала высокая стена, покрытая ровной желтоватой штукатуркой. Скальный выступ над головой выдавался так резко, что путник оказывался как бы в туннеле — между внешней стеной и выступом светилась лишь узенькая полоска неба.

Штукатурка казалась свежей, недавно положенной; никак не верилось, что каменщики закончили работу два тысячелетия назад. Поблескивающая, почти зеркально гладкая поверх-

ность кое-где была обезображена шрамами и царапинами: посетители, как обычно, жаждали приобщиться к бессмертию. В большинстве своем надписи были сделаны на незнакомых Моргану языках, и самая поздняя датирована 1931 годом; затем, надо думать, департамент археологии пресек эту варварскую традицию. Чаще других среди настенных посланий встречались плавные, округлые тапробанские письмена. Из пояснений, сопровождавших вечернее представление, Морган знал, что на стене запечатлено немало стихов, восходящих ко второму и третьему векам нашей эры. Ибо именно тогда, вскоре после смерти Калидасы, Яккагала подверглась первому, хотя и непродолжительному, нашествию любопытных — легенды о проклятом короле были тогда еще совсем свежи.

Где-то в середине галереи Морган натолкнулся на запертую в этот час дверцу подъемника, доставляющего туристов к знаменитым фрескам. Отсюда по вертикали до богинь Калидасы оставалось метров двадцать; инженер вытянул шею, пытаясь разглядеть их хоть краем глаза, но они прятались где-то за площадкой обозрения, прилепившейся, как птичье гнездо, к выпяченной наружу каменной круче. Иному посетителю, как рассказывал Раджасингх, довольно было взглянуть на это гнездо, висящее на головокружительной высоте, чтобы предпочесть подлинникам репродукции.

Именно здесь, на галерее, Морган впервые осознал одну из главных загадок Яккагалы. Загадка заключалась не в том, как удалось нарисовать эти фрески,— допустим, для художника соорудили леса из бамбуковых жердей,— а в том, зачем это понадобилось вообще. Ведь когда был нанесен последний штрих, никто уже не мог рассмотреть фрески как следует: с галереи, выбитой под ними, они представали безнадежно искаженными, а от подножия утеса казались разве что мелкими, лишенными смысла цветными мазками. Может статься, правы те, кто утверждал, что фрески служили магическим символом, подобно рисункам каменного века, найденным в глубине почти недоступных пещер?

Ладно, фрески подождут, пока служители не откроют подъемник. Тут вполне хватает и других чудес: он преодолел пока что лишь треть пути к вершине, и галерея, прильнувшая к утесу, шла по-прежнему на подъем...

Высокая оштукатуренная внешняя стена уступила место нормальному парапету, и перед Морганом вновь открылся окружающий ландшафт. Далеко внизу расстилались Сады наслаждений; теперь он смог оценить по достоинству не только их протяженность, наверное, не уступающую паркам Версаля, но и умелую планировку — валы и ров отчетливо отделяли сады от окрестных лесов.

Никому не дано было знать, какие деревья, кустарники и цветы росли здесь при Калидасе, но искусственные озера, каналы, тропинки и фонтаны располагались и сегодня так же, как в стародавние времена. Глядя сверху на пляшущие струи воды, Морган неожиданно припомнил древнюю цитату, прозвучавшую накануне на представлении:

«От райских кущ до Тапробана каких-нибудь сорок лье: замри — и услышишь плеск Фонтанов рая».

Он повторил фразу, как бы вслушиваясь в нее: *фонтаны рая*. А не пытался ли Калидаса создать здесь, на земле, сад, достойный богов, дабы показать смертным, что он-то и есть бог во плоти? Неудивительно в таком случае, что священнослужители объявили его помыслы кощунственными и предали проклятию плоды его трудов.

Длинная галерея, опоясавшая всю западную сторону Скалы демонов, заканчивалась еще одной крутой лестницей, хотя на сей раз ступени были заметно шире. Но дворец по-прежнему оставался далеко наверху — лестница выводила на большое плато, очевидно искусственное. Здесь покоились останки исполинского монстра — наверное, льва,— который некогда господствовал надо всем, вселяя ужас в сердца тех, кто смел взглянуть на него. Прямо из отвесной скалы торчали гигантские лапы с когтями в половину человеческого роста.

Кроме лап, ничего не сохранилось, но возле следующей по счету лестницы громоздились кучи каменного крошева — напоминание о рассыпавшейся прахом львиной голове. Но пусть статуя и не уцелела, идея внушала преклонение: каждый, кто дерзал приблизиться к королевской твердыне, должен был подниматься к ней сквозь львиную пасть.

На последнем участке, чтобы одолеть отвесную, а в действительности даже нависшую над плато скалу, приходилось воспользоваться цепочкой железных лесенок — спасибо хоть не забыли приладить к ним поручни для слабонервных. Однако самую большую тревогу вызывала здесь вовсе не опасность головокружения. В трещинах гнездились полчища обычно незлобивых шершней, но горе тому, кто поднимет лишний шум и выведет их из себя: последствия могут оказаться, мягко говоря, плачевными.

Два тысячелетия назад всю северную сторону Яккагалы перекрывали зубчатые стены и башни — самая подходящая декорация для тапробанского сфинкса, а позади стен прятались удобные лестницы, достигающие самой вершины. Ныне время, стихии и мстительные руки людей уничтожили все без остатка. Сохранилась лишь сама скала, иссеченная тысячами горизонтальных выемок и узких полочек — опор для давно исчезнувшей кладки.

И вдруг восхождение окончилось. Морган очутился словно бы на островке, плывущем на высоте двухсот метров над деревьями и полями, которые простирались до горизонта на запад, на север и на восток,— только на юге высились туманные горы. Он был решительно отрезан от остального мира и вместе с тем чувствовал себя хозяином всего, что видел вокруг; такого душевного подъема он не помнил с того момента, когда стоял среди облаков на полпути между Европой и Африкой. Да, теперь Морган верил: здесь действительно находилась резиденция короля-бога, и эти руины были некогда его чертогами.

Хаос обвалившихся стен — самая высокая по пояс,— груды выветрелого кирпича, дорожки из гранитных плит зани-

мали всю верхнюю площадку Яккагалы вплоть до обрывистых ее краев. Морган обратил внимание на большой резервуар, врезанный глубоко в тело утеса,— в нем, по-видимому, хранили воду. Горстка смельчаков могла бы обороняться здесь до скончания века, вернее, пока не иссякнут припасы; но если Яккагалу и впрямь возводили как цитадель, ей не суждено было дождаться боевого крещения. Последняя роковая встреча Калидасы со сводным братом состоялась далеко за внешними крепостными валами.

Почти потеряв счет минутам, Морган бродил среди развалин дворца, венчавшего когда-то Скалу демонов. Он старался проникнуть в замыслы зодчего, восстановить их по уцелевшим частицам: зачем проложили эту дорожку; куда вели эти обломанные ныне ступени — на второй этаж; что такое эта выемка в камне — саркофаг или ванна, и если ванна, то как ее наполняли и как сливали воду? Разгадывать эти маленькие загадки оказалось так интересно, что инженер не обращал внимания на нарастающую жару, на солнце, взбирающееся все выше в безоблачное небо.

Раскинувшиеся внизу, под скалой, изумрудно-зеленые поля пробуждались к жизни. Небольшие автоматические тракторы, будто яркие букашки, ползли колонной к рисовым плантациям. Работяга-слон — невероятно, но факт — старался вытолкнуть обратно на дорогу автобус, похоже не рассчитавший поворота на высокой скорости; до Моргана долетал резкий голос погонщика, восседавшего у слона на холке, позади огромных ушей. А со стороны отеля «Яккагала» по аллеям Садов наслаждений уже растекались, как воинственные муравьи, первые группы туристов,— значит, упоительному одиночеству вот-вот наступит конец...

Ну и бог с ним; разумеется, тут можно провести всю жизнь, вникая в подробности,— но инженер уже увидел фактически все, что хотел, и разрешил себе немного отдохнуть на гранитной, покрытой резьбой скамье, поставленной почему-то на самом краю двухсотметровой бездны.

Скамья была обращена на юг, и взгляд Моргана неторопливо скользил по отдаленной линии гор, укутанных синей дымкой — утреннее солнце еще не успело ее разогнать. И вдруг он понял, что самый высокий белый контур на горизонте — вовсе не облако, не случайное создание ветра и водяных паров; этот мглистый контур отличался безупречной симметрией и словно парил над меньшими своими собратьями...

Это так потрясло инженера, что он утратил свое хваленое самообладание: все затмило ощущение чуда, почти благоговейный трепет. Он и не догадывался, что отсюда, с Яккагалы, так ясно видна Священная гора. Но сомнений не оставалось: гора неторопливо сбрасывала ночные тени, готовясь встретить новый день, а если он преуспеет в своей миссии, то и новую эру.

Морган знал назубок ее размеры, ее геологическое строение, изучал ее по стереокартам и по снимкам, сделанным со спутников. Но только сегодня, впервые увидев гору собственными глазами, он действительно поверил в ее реальность; до сих пор все связанное со Священной горой было, в сущности, только теорией. А то и хуже чем теорией: не однажды в тягостные предрассветные часы Моргана посещали кошмары, в которых весь проект рисовался ему нелепой химерой, способной разве что — какая уж там слава! — сделать своего создателя посмешищем в глазах всего человечества. «Бред сумасшедшего» — так в свое время отозвался об идее Гибралтарского моста один из именитых коллег инженера; что-то сказал бы этот оракул о новой его мечте?

Однако препятствия, создаваемые людьми, еще никогда не останавливали Вэнневара Моргана. Его истинным противником была природа — противником честным, который не сплутует и не передернет, но и не замедлит воспользоваться малейшей промашкой, мельчайшей оплошностью. И все враждебные человеку силы природы сосредоточились для Моргана сегодня в синеватом силуэте далекой горы — дав-

ней знакомой, к которой он тем не менее еще никогда не приближался вплотную...

С того же места, где нередко сиживал Калидаса, Морган сосредоточенно смотрел вдаль, за плодородные зеленые равнины, прикидывая силу своего врага, обдумывая собственную стратегию. Для Калидасы Шри Канда воплощала собой одновременно всевластие духовенства и всесилие богов — и их общий заговор против него, короля-бога. Ныне боги канули в небытие, однако служители культа остались. Это был парадокс, и Морган не понимал его, а раз так, относился к жреческому сословию с настороженностью и определенным почтением.

«Пора спускаться»,— сказал он себе. Опоздать еще раз, да к тому же по собственной вине, было бы недопустимо. Но в тот момент, когда инженер поднялся с гранитной скамьи, на которой сидел, он наконец понял, что не давало ему покоя последние несколько минут. Зачем понадобилось располагать это богато украшенное каменное кресло, покоящееся на великолепных опорах-слонах, на самом краю пропасти?..

Морган по своей натуре не мог уклониться от интеллектуальной дуэли. Склонившись над бездной, он вновь попытался с помощью инженерной логики своего века проникнуть в мысли коллеги, ушедшего из жизни две тысячи лет назад.

8
МАЛЬГАРА

Даже ближайшие боевые друзья не сумели бы ничего прочесть по лицу принца Мальгары, когда он смотрел долгим прощальным взглядом на поверженного брата, наперсника своих детских игр. Над полем битвы царила тишина, даже раненые уже не стонали — тех, кого не успокоили целебные травы, усмирил милосердный меч.

Помолчав, принц обернулся к человеку в желтой тоге:

— Вы короновали его, преподобный Бодхидхарма. Так окажите ему еще одну услугу. Проследите, чтобы его похоронили с почестями, достойными короля.

Настоятель ответил не сразу, и ответ его был чуть слышен:

— Он разрушил наши храмы, разогнал духовенство. Если он и поклонялся какому-то богу, это был кровожадный Шива...

Мальгара оскалил зубы в свирепой усмешке, с которой преподобному предстояло слишком хорошо познакомиться в те немногие годы, что еще были для него впереди.

— Запомните, почтеннейший,— произнес принц, и каждое слово его сочилось ядом,— он был первенцем Парараны Великого, он сидел на троне Тапробана, и зло, которое он содеял, умерло вместе с ним. Когда тело будет сожжено, позаботьтесь о том, чтобы прах захоронили надлежащим образом, иначе ваша нога более не ступит на высоты Шри Канды...

Маханаяке Тхеро чуть заметно склонил голову.

— Все будет исполнено согласно вашим желаниям.

— И еще одно,— добавил Мальгара, обращаясь к свите.— Молва о фонтанах Калидасы достигла наших ушей даже в изгнании. Мы желаем увидеть их в действии, прежде чем двинемся на Ранапуру...

Погребальный костер Калидасы был разложен там, где монарх восторгался жизнью,— в Садах наслаждений; дым поднимался в безоблачное небо, тревожа стервятников, которые собрались здесь, кажется, со всего острова. Не скрывая мрачного удовлетворения, хоть и терзаемый подчас незваными воспоминаниями, Мальгара следил за тем, как взмывает вверх символ его торжества. Отныне всем и каждому будет известно, что на этой земле — новый властитель.

А рядом, словно продолжая вековечный спор воды и огня, в небо взвивались струи фонтанов — взвивались и падали, дробя зеркала прудов. Но вот задолго до того, как пламя закончило свою работу, резервуары на скале начали истощаться,

и тугие струи опали. Прежде чем сады Калидасы вновь услышат плеск фонтанов, падет великий Рим, армии ислама прокатятся по всей Африке, Коперник лишит Землю титула центра Вселенной, будет подписана Декларация независимости и люди ступят на поверхность Луны...

Мальгара терпеливо ждал, пока костер не взорвется заключительным шквалом искр. Когда растаял последний дымок, победитель поднял глаза к вершине Яккагалы и долго-долго смотрел с молчаливой похвалой на башни дворца.

— Никто не вправе спорить с богами,— изрек он наконец.— Да будет этот дворец разрушен.

9
НЕВИДИМАЯ НИТЬ

— Вы чуть не довели меня до сердечного приступа,— произнес Раджасингх с упреком, разливая по чашкам кофе.— Сперва я решил, что у вас какое-то антигравитационное устройство. Но даже такому неучу, как я, известно, что антигравитация неосуществима. Как же вам это удалось?

— Примите мои извинения,— отвечал Морган, улыбаясь.— Догадайся я, что вы будете наблюдать за мной, я бы предупредил вас. Впрочем, опыт был импровизированным от начала до конца. Вначале я думал просто забраться на скалу, но потом меня заинтересовала эта скамья. Я удивился, зачем ее поставили на самом краю утеса, и решил поискать ответ.

— Так ведь это давно уже не тайна. В те времена над пропастью выступал настил — видимо, деревянный,— а от него начиналась лестница, ведущая вниз к фрескам. Да вы должны были заметить пазы в тех местах, где в скалу когда-то были вбиты крючья.

— Я их заметил,— подтвердил Морган, пожалуй, чуть разочарованно.— Мог бы и догадаться, что это ни для кого не новость...

«Вот уже двести пятьдесят лет не новость,— добавил про себя Раджасингх.— С того одержимого неуемного англичанина по имени Арнольд Летбридж, который стал первым руководителем археологов Тапробана. И первым спустился со Скалы демонов — так же, как сегодня вы. Ну, конечно, не совсем так же...»

Морган извлек из кармана стальную коробочку — ту самую, что позволила ему совершить чудо. Несколько кнопок, экран — всякий принял бы ее если не за калькулятор, то за аппарат личной связи.

— Взгляните,— предложил инженер не без гордости.— Поскольку вы своими глазами видели, как я совершил стометровую прогулку по вертикальной стене, вы должны представлять себе, в чем тут фокус.

— Здравый смысл подсказывает мне лишь один ответ, но мой превосходный телескоп его не подтверждает. Я мог бы поклясться, что вас ничто не поддерживало.

— Это отнюдь не заранее продуманная демонстрация, но допускаю, что она могла произвести впечатление. А теперь начнем обычную ознакомительную процедуру. Просуньте, пожалуйста, палец в это кольцо.

Раджасингх замер в нерешительности: Морган держал в руках небольшой полый цилиндрик, раза в два побольше обручального кольца, и держал так напряженно, словно тот был наэлектризован.

— Меня не ударит током? — осведомился экс-дипломат.

— Не ударит, хотя, возможно, и удивит. Попытайтесь забрать у меня эту штуку.

Раджа не без робости взялся за кольцо — и едва не выронил: кольцо, как живое, рванулось к Моргану, вернее, к коробочке в руках у Моргана. Коробочка издала легкое жужжание, и Раджасингх почувствовал, как некая таинственная сила тянет его за палец. «Магнетизм?» — спросил он себя и тут же отверг это нелепое предположение: ни один магнит в мире не ведет себя подобным образом. Но при всей своей не-

вероятности это предположение подтверждалось: другого объяснения он просто не видел. То, что происходило сейчас, смахивало на обыкновенные состязания по перетягиванию каната — только канат был невидимым.

Как Раджасингх ни всматривался, он не мог заметить и намека на нить, леску, проволочку, соединяющие кольцо, в которое он продел свой палец, с жужжащей коробочкой,— а Морган и впрямь обращался с ней, точно рыбак со спиннингом. Раджа протянул было свободную руку, чтобы обследовать пустоту между коробочкой и кольцом, но инженер стремительным движением откинул его руку.

— Простите за грубость,— сказал Морган,— просто вы все пробуете одно и то же, едва догадаетесь, в чем дело. А ведь так можно серьезно пораниться.

— Значит, кольцо действительно связано с вашей коробочкой невидимой нитью? Остроумно — но какой в этом смысл, не считая салонных фокусов?

Морган рассмеялся от души.

— Скоропалительный вывод, но вины вашей здесь нет. Он и впрямь напрашивается, хотя и несостоятелен. Вы не видите связующей нити просто потому, что ее толщина — всего несколько микрон. Много тоньше паутины.

— Немыслимо! — откликнулся Раджасингх и тут же поймал себя на мысли: «Наконец-то банальное восклицание оказалось предельно точным...» А вслух спросил: — Как же вы этого добились?

— Это итог двух столетий развития физики твердого тела. Перед вами сплошной нитевидный кристалл, как бы лишенный всех измерений, кроме одного. И представьте себе, что это кристалл алмаза, хотя помимо углерода в нем содержатся в тщательно подобранной пропорции следы нескольких других элементов. Производство таких кристаллов возможно только на орбитальных заводах, в условиях невесомости, чтобы сила тяготения не влияла на процесс их роста.

— Фантастика,— прошептал Раджасингх, обращаясь, в сущности, к самому себе. Он легонько подергал кольцо, по-

прежнему надетое на палец: ему не пригрезилось, невидимая нить была на месте.— Да, могу себе представить, сколько у этой штуки разных технических применений. Ею можно отлично резать сыр...

Морган расхохотался.

— Ею можно в одиночку свалить толстое дерево, затратив на это не больше двух минут. Но работать с такой нитью нелегко, даже опасно. Чтобы наматывать и разматывать ее, приходится использовать особое приспособление — мы назвали его «паук-прядильщик». «Паук», который у меня в руках, задуман как демонстрационный прибор и снабжен электродвигателем. Мощности его хватит на то, чтобы поднять килограммов двести. Что ни день, я нахожу для этой игрушки какое-нибудь новое применение. Во всяком случае, сегодняшний мой «подвиг» — отнюдь не первый...

Раджасингх снял с пальца кольцо, почти сожалея о том, что приходится расставаться с ним. Кольцо стало падать, потом удержалось неведомо на чем и принялось раскачиваться взад и вперед, пока Морган не нажал на кнопку и «паук-прядильщик», издав легкое жужжание, не втянул свою пряжу в коробочку.

— Но, я надеюсь, доктор Морган, вы проделали столь дальний путь не только для того, чтобы поразить меня очередным достижением науки? Не скрою, я поражен, однако разрешите узнать, какое я имею к этому отношение...

— Самое непосредственное, господин посланник,— ответил инженер, неожиданно переходя на сухой, почти официальный тон.— Вы совершенно правы в своем предположении, что этому сверхпрочному материалу найдется масса полезных применений. Иные мы сегодня еще едва предвидим. А одно из них может привести к тому, что ваш тихий маленький остров станет, на радость или на беду его жителям, центром нашей планеты. И не только планеты — всей Солнечной системы. Благодаря этой вот ниточке Тапробан станет ключом ко всем планетам. А в один прекрасный день — и к звездам.

10
МОСТ ВСЕХ МОСТОВ

Пол и Максина были самыми близкими, самыми давними его друзьями, но до этого дня они ни разу не встречались между собой, больше того, если Раджа не заблуждался, даже ни разу не общались по каналам связи. Да и зачем бы им разговаривать: за пределами Тапробана никто и не слышал имени профессора Саратха, в то время как Максину Дюваль в Солнечной системе мгновенно узнал бы каждый — не только по лицу, но и по голосу.

Гости уселись в глубине библиотеки, откинувшись на спинки кресел, Раджасингх расположился у пульта. И все трое внимательно смотрели на четвертого участника встречи, который стоял неподвижно в центре комнаты.

Слишком неподвижно. Какой-нибудь путешественник во времени, прибывший из прошлого и незнакомый с повседневными чудесами электронной эпохи, решил бы после недолгого замешательства, что видит превосходно выполненную восковую куклу. Однако, присмотрись он повнимательнее, и его непременно смутили бы два обстоятельства. «Кукла» была полупрозрачной, во всяком случае, яркие огни легко просвечивали сквозь тело; а кроме того, ноги у нее как бы растворялись в воздухе над самым ковром.

— Узнаете вы этого человека? — спросил Раджасингх.

— В жизни его не видел,— мгновенно отозвался Саратх.— И это ради него ты вызвал меня из Махарамбы? Мы только-только собрались вскрывать усыпальницу...

— А мне,— вмешалась Максина Дюваль, и в ее знаменитом контральто проскользнула нотка легкого раздражения, способная любого (кроме таких толстокожих, как профессор Саратх) аккуратненько поставить на отведенное ему в ее присутствии место,— мне пришлось покинуть мой тримаран в самом начале гонок по озеру Саладин. Само собой разумеется, я знаю доктора Моргана. Уж не задумал ли он строить мост с Тапробана в Индустан?..

Раджасингх рассмеялся.

— Да нет, мы уже двести лет вполне обходимся дамбой. Извините, что вытащил вас сюда; впрочем, вы, Максина, обещали выбраться ко мне в гости столько раз, что я сбился со счета.

— Признаю свою вину,— вздохнула она.— Так неотлучно торчу у себя в студии, что подчас совершенно забываю об ином, настоящем мире и о населяющих его тысячах закадычных друзей и миллионах близких знакомых.

— К какой же категории вы относите доктора Моргана?

— Встречалась с ним раза три-четыре. После завершения Гибралтарского моста мы брали у него большое интервью. Весьма незаурядный тип.

«Ого,— подумал Раджасингх,— в устах Максины это прямо-таки комплимент...» Вот уже более трех десятилетий она являлась, пожалуй, одной из самых уважаемых представительниц своего нелегкого ремесла. Она была обладательницей всех высших профессиональных наград: Пулитцеровской премии, специального приза всемирной «Глобал таймс», премии Фроста. И это лишь надводная часть айсберга: совсем недавно, к примеру, она временно отказалась от активной работы, подписав контракт на двухлетний курс лекций на факультете электронной журналистики Колумбийского университета.

Все эти почести несколько смягчили ее нрав, хотя и не избавили от склонности к язвительным остротам. В свое время она пылко воскликнула: «Поскольку женщинам предоставлено исключительное право рожать детей, то, надо думать, милосердная природа приберегла какую-нибудь привилегию и для мужчин. Только я что-то не соображу какую». Теперь она волей-неволей утратила былую непримиримость — и тем не менее недавно отхлестала подвернувшегося под горячую руку директора-распорядителя: «Я женщина, черт возьми, а не просто фамилия в картотеке!..»

В том, что она женщина, никто не посмел бы усомниться: она была замужем четыре раза, а о том, каких она подбирает

себе ассистентов, ходили легенды. От ассистентов-операторов, независимо от пола, требовались молодость и атлетизм: бегать с оборудованием весом до двадцати килограммов — не шутка. Ассистентами Максины Дюваль выступали неизменно мужчины и неизменно самые красивые; в телевизионных кругах ходила давняя эпиграмма: «Коль не красавец ты, едва ль тебя заметит М. Дюваль». Эпиграмма была в сущности беззлобной: Максину любили даже ее профессиональные противники, даже те, кто ей смертельно завидовал.

— Гонок, конечно, жаль,— бросил Раджасингх,— хотя позвольте напомнить, что «Марлин-три» уверенно выиграл и без вас. Думаю, чуть позже вы оба согласитесь, что эта встреча гораздо важнее... Впрочем, пусть Морган скажет сам за себя.

Раджа нажал на кнопку проектора, и неподвижная фигура возродилась к жизни.

— Меня зовут Вэнневар Морган. Я занимаю пост главного инженера наземных проектов Всемирной строительной корпорации. Последний из моих осуществленных проектов — Гибралтарский мост. Но сегодня я хочу рассказать о новом замысле, несравненно более честолюбивом.

Раджасингх посмотрел на собеседников. Морган, как и следовало ожидать, взял их за живое.

Откинувшись в кресле, отставной дипломат готовился вновь выслушать инженера, вновь оценить его невероятную идею. «Странно,— мелькнула мысль,— до чего же быстро мы свыклись с условностями такой заочной беседы и перестали обращать внимание на очевидные погрешности». Ни тот факт, что Морган «двигался», не сходя с места, ни вопиющие искажения перспективы, если «действие» развертывалось за пределами четырех стен, не в силах были разрушить стойкое ощущение реальности.

— Миновали уже почти два столетия космической эры. И с каждым годом наша цивилизация все в большей мере зависела от роя спутников, обращавшихся вокруг Земли. Всемирная связь, предсказание погоды и управление ею, разведка полезных ископаемых и ресурсов океана, информационная служба — случись что-нибудь с космическими системами, обслуживающими эти и другие потребности человека, мы тут же скатились бы обратно к средневековью. Неизбежный хаос, эпидемии, голод свели бы на нет все наши достижения.

А если бросить взгляд за пределы Земли, то люди уже основали экономически самостоятельные колонии на Марсе, Меркурии и на Луне, разрабатывают неисчислимые богатства пояса астероидов и вплотную подошли к зарождению межпланетной торговли. Пусть это заняло чуть больше времени, чем рассчитывали оптимисты, но сегодня всем и каждому ясно, что завоевание воздуха действительно явилось лишь скромной прелюдией к завоеванию космического пространства.

Однако ныне мы столкнулись с серьезнейшей проблемой, которая стала без преувеличения преградой на пути прогресса. Спору нет, усилиями ученых нескольких поколений ракета превратилась в надежное средство сообщения...

— Он что, решил изобрести велосипед? — пробормотал Саратх.

— ...и тем не менее космические корабли до сих пор крайне неэффективны. Хуже того, они разрушительно действуют на окружающую среду. Несмотря на все попытки придерживаться точно рассчитанных входных коридоров, грохот взлетов и посадок тревожит миллионы людей. Отработанные газы, скопившиеся в верхних слоях атмосферы, уже вызывают перемены климата, которые могут иметь самые плачевные последствия. Вспомните хотя бы повсеместное распространение рака кожи в двадцатых годах и астрономическую стоимость химикатов, использованных для восстановления ионосферы.

И все же если мы проанализируем существующие сегодня тенденции, то убедимся, что интенсивность космических пе-

ревозок к концу столетия должна повыситься еще на пятьдесят процентов. И это уже невыполнимо без катастрофического ущерба для нашего образа жизни, а может статься, и без угрозы для самого нашего существования. Конструкторы ракет просто не в силах предложить нам ничего нового — они почти достигли пределов КПД, установленных законами физики.

Какова же альтернатива? Люди столетиями мечтали об антигравитации, о «нуль-транспортировке». Но пока не обнаружено даже намека на то, что такие вещи возможны; современная наука склонна считать, что это, увы, беспочвенные мечты. И тем не менее уже в самое первое десятилетие космической эры нашелся в России дерзкий инженер, разработавший систему, в сравнении с которой ракета может стать архаичной, как трамвай. Прошли годы и годы, прежде чем идеи Юрия Арцутанова были восприняты всерьез. И понадобилось без малого два столетия, чтобы техника достигла уровня, нужного для их реализации...

Проигрывая запись — а он делал это не впервые,— Раджасингх каждый раз ловил себя на мысли, что теперь-то изображение и вправду ожило. И нетрудно было сообразить почему: теперь Морган уже не излагал информацию, полученную из чужих рук, а находился, так сказать, на своей собственной территории. И, невзирая на внутренние сомнения и страхи, Раджа помимо воли заражался его увлеченностью. В конце концов, это качество встречается не так уж и часто...

— Выйдите в ясную ночь на улицу,— продолжал Морган,— и вы увидите обыкновенное чудо нашего века — звезды, которые не восходят и не заходят, а остаются словно бы приколотыми к одной точке неба. Мы, как до нас наши отцы и даже деды, ничуть не удивляемся синхронным спутникам и космическим станциям, движущимся над экватором со скоростью вращения Земли, а потому для нас с вами совершенно неподвижным.

Вопрос, который задал себе Арцутанов, в детской своей наивности граничил с гениальностью. Обыкновенный обра-

зованный человек никогда до такого не додумался бы — а если бы и додумался, то немедля прогнал бы эту мысль от себя как заведомо бредовую.

Если законы небесной механики допускают, чтобы какое-то тело неподвижно зависло в небе, то почему бы не спустить оттуда на поверхность Земли трос и не создать таким образом подъемное устройство, связывающее Землю и космос?

Теоретически в этом не было ничего невозможного, но практические трудности выглядели непреодолимыми. Расчеты сразу же показали, что все существующие материалы не обладают достаточной прочностью: канаты из лучших сталей лопнули бы под собственной тяжестью, не преодолев и малой доли тех тридцати шести тысяч километров, которые отделяют поверхность Земли от синхронной орбиты.

К счастью, даже лучшие из сталей и близко не подходят к теоретическому пределу прочности. В лабораторных условиях и в микроскопических дозах были созданы материалы, обладающие много большим сопротивлением на разрыв. Если бы удалось наладить их производство в массовом масштабе, арцутановская идея могла бы воплотиться в жизнь, а космические сообщения — претерпеть революционные изменения.

К концу XX века сверхпрочные материалы — супернити — стали потихоньку внедряться в промышленность. Однако стоили они баснословно дорого. А для системы, способной взять на себя нагрузку, с какой еле-еле справляется ракетный парк Земли, требовались конструкции весом в миллионы тонн. Мечта оставалась мечтой.

Но вот несколько месяцев назад заводы, вынесенные в глубокий космос, освоили производство супернитей практически в неограниченных количествах. Теперь наконец мы можем построить космический подъемник — или орбитальную башню, как я предпочитаю его называть. Ведь если разобраться, это и есть башня, пронзающая атмосферу и уходящая далеко за ее пределы...

Фигура Моргана растаяла в воздухе, словно привидение. На ее месте возник, медленно вращаясь, земной шар разме-

ром с футбольный мяч. На расстоянии вытянутой руки от планеты, повиснув над одной и той же точкой экватора, двигалась яркая звездочка, обозначающая синхронный спутник.

Внезапно от звездочки протянулись два лучика света — один прямо вниз, к Земле, другой в противоположном направлении, в открытый космос.

— Когда вы строите мост,— продолжал голос Моргана, отделенный от тела,— вы начинаете с двух берегов и смыкаете конструкцию в середине. С орбитальной башней все обстоит наоборот. Надо строить одновременно вниз от синхронного спутника и вверх от него, в соответствии с тщательно рассчитанной программой. Хитрость заключается в том, чтобы центр тяжести всего сооружения оставался неизменным, иначе оно перейдет на иную орбиту и начнет смещаться по отношению к Земле.

Спускающийся вниз лучик света достиг экватора — в тот же миг прекратил расти и лучик, устремленный в космос.

— Общая высота сооружения должна достигать как минимум сорока тысяч километров. При этом наибольшие трудности представит та часть башни, что пройдет сквозь атмосферу,— нижний участок длиной около ста километров, подверженный действию ураганов, будет неустойчивым до тех пор, пока башня не станет на надежные подземные якоря.

Но когда строительство закончится, мы впервые в истории человечества увидим воплощение мечты — лестницу в небо, мост к звездам. Неприхотливые лифты, движимые дешевым электричеством, заменят шумные и дорогостоящие ракеты, которым тогда останется их настоящая роль — роль транспорта в глубоком космосе, в пустоте. Вот одна из возможных конструкций орбитальной башни...

Земной шар скрылся из виду — камера словно спикировала на башню, а затем прошла сквозь ее внешнюю оболочку, чтобы представить конструкцию в поперечнике.

— Здесь показана башня, состоящая из четырех идентичных труб — по одной паре труб движение осуществляет-

ся вверх, по другой — вниз. Для простоты можете представить себе четырехколейное вертикальное метро или четырехколейную железную дорогу — с Земли на синхронную орбиту.

Кабины для пассажиров, грузов, топлива будут двигаться по трубам со скоростью четыре-пять тысяч километров в час. Термоядерные электростанции дадут необходимую энергию, а поскольку девять десятых ее будет возвращаться в сеть, себестоимость доставки пассажира на орбитальную станцию составит буквально гроши. Дело в том, что при возвращении на Землю моторы, движущие кабину, будут служить магнитными тормозами, одновременно вырабатывая электрический ток. Не в пример снижающимся космическим кораблям кабины не будут растрачивать свою энергию на нагревание атмосферы и создание мощных звуковых волн: почти вся она будет возвращаться для нового использования. Можно сказать, таким образом, что поезда, идущие вниз, будут давать энергию тем, которые стартуют вверх; вот почему такой подъемник, по самым осторожным оценкам, окажется раз в сто эффективнее любой ракеты.

И никаких пределов росту интенсивности движения: при необходимости к системе нетрудно будет добавлять новые и новые трубы. Если когда-нибудь на Землю — или с Земли в космос — понадобится доставлять миллион человек в день, орбитальная башня справится и с таким потоком. Справлялись же с миллионами пассажиров в сутки метрополитены городов-гигантов...

Раджасингх тронул кнопку, прервав Моргана на полуслове.

— Дальше идут технические подробности — он пускается в объяснения, что башня может действовать как космическая праща, забрасывая грузы на Луну и планеты вообще без всяких ракет. Но я полагаю, вы и без того уже уяснили себе идею в общих чертах.

— У меня, признаться, голова пошла кругом,— заявил профессор Саратх.— Но во имя всех земных — или внезем-

ных — благ объясни мне, какое я имею к этому отношение? Да и ты сам, если на то пошло?..

— Всему свое время, Пол. Что скажете вы, Максина?

— Пожалуй, я на вас больше не сержусь: это может стать сенсацией десятилетия, а то и столетия. Но к чему такая спешка, не говоря уже о таинственности?

— Я и сам многого не понимаю. Буду благодарен, если вы поможете мне разобраться. Подозреваю, что Морган воюет на нескольких фронтах сразу. Планирует вступить в открытый бой в самом ближайшем будущем, но не раньше, чем обретет полную уверенность в своих силах. Демонстрацию, которую вы только что видели, он подготовил при условии, что она не будет передаваться по общедоступным каналам связи. Потому-то мне и пришлось просить вас приехать сюда.

— А он знает об этой встрече?

— Разумеется, знает. Больше того, он очень обрадовался, когда я сказал, что собираюсь пригласить вас, Максина. По-видимому, он доверяет вам и хочет привлечь вас на свою сторону. Что касается тебя, Пол, то я поручился, что ты способен хранить секрет целую неделю и не умереть от апоплексического удара.

— Ну, это смотря какой секрет...

— Кажется, я начинаю кое-что понимать,— воскликнула журналистка.— Сперва я была немного озадачена, но теперь все, пожалуй, становится на свои места. Прежде всего, Морган — главный инженер наземных проектов, а это — проект космический.

— Ну и что?

— Вы меня еще спрашиваете, Джоан! Подумайте, какая поднимется бюрократическая возня, когда об этом прослышат конструкторы ракет и все, кто связан с космической индустрией! Под угрозой окажутся колоссальные капиталовложения — и дело не только в деньгах. Если Морган не проявит предельной осмотрительности, он непременно услышит: «Спасибо, мы займемся этим сами. Приятно было с вами познакомиться».

— Может быть, и так, но и у него есть сильные доводы. Орбитальная башня — это же сооружение, а не корабль...

— Юристы не оставят от такого довода камня на камне. Много ли найдется на свете сооружений, верхние этажи которых движутся на десять — или сколько там — километров в секунду быстрее, чем фундаменты?

— Да, действительно... Между прочим, когда я заявил, что от одной мысли о башне, высота которой составит десятую часть расстояния до Луны, у меня кружится голова, Морган мне ответил: «Если кружится, тогда представьте себе не небоскреб, уходящий ввысь, а мост, уходящий вдаль, в пустоту». С тех пор пытаюсь следовать его совету — совершенно безуспешно.

— Вот именно! — неожиданно произнесла Максина.— Недостающее звено загадочной картинки. Мост.

— Какое звено? О чем вы?

— Известно ли вам, что самый напыщенный из болванов, президент Всемирной строительной корпорации сенатор Коллинз добивался, чтобы Гибралтарский мост назвали его именем?

— Чего не знал, того не знал. Пожалуй, это и вправду кое-что объясняет. Хотя лично мне Коллинз, признаюсь, нравился — мы встречались раза два или три, и он показался мне человеком, отнюдь не лишенным ни обаяния, ни ума. И потом — разве он сам в свое время не был первоклассным инженером-геотермальщиком?

— Это было тысячу лет назад. А главное в том, что от вас он не ждал никакой угрозы, вот и позволил себе быть обаятельным...

— Как же удалось спасти мост от столь плачевной участи?

— Старшие служащие корпорации произвели небольшую дворцовую революцию. Доктор Морган, конечно, был тут совершенно ни при чем.

— То-то он теперь предпочитает не раскрывать своих карт до срока! Положительно он начинает мне нравиться. Однако сейчас он натолкнулся на препятствие, с которым не пред-

ставляет себе, как совладать. Еще неделю назад он и не догадывался об этом — а препятствие действительно серьезное...

— Ну-ка, попробую догадаться,— сказала Максина.— Тренировки такого рода очень полезны, помогают опережать собратьев-конкурентов. Почему он приехал сюда — дело ясное. Систему надо располагать на экваторе, иначе она не будет вертикальной. Получится что-то вроде той знаменитой башни, какая стояла в Пизе, пока не опрокинулась...

— Нет, я все-таки не понимаю...— подал голос профессор Саратх и рассеянно развел руками.— Ну да, конечно...

Голос смолк — профессор снова погрузился в раздумье.

— Значит,— продолжала Максина,— число подходящих точек на земной поверхности отнюдь не безгранично, ведь экватор — это прежде всего океан, не так ли? Одна из таких точек — Тапробан. Хотя, признаться, не вижу, в чем преимущества Тапробана перед Африкой или Южной Америкой. Или у Моргана рассчитано все до последней мелочи?

— Как всегда, милая Максина, ваша логика выше всяких похвал. Вы рассуждаете совершенно правильно, только дальше дороги нет. Морган из кожи лез, пытаясь растолковать мне, в чем загвоздка, но я все равно мало что понял. В общем, получается, что ни Африка, ни Южная Америка для космического подъемника не годятся. Это имеет какое-то отношение к распределению точек нестабильности земного гравитационного поля. Подходит только Тапробан, хуже того, одно-единственное место на Тапробане. Тут-то, Пол, и настает твой черед вступить в игру...

— Мамада?* — вскричал профессор Саратх, от удивления и возмущения переходя на тапробанский язык.

— Да-да, твой. На беду, доктор Морган обнаружил, что то единственное место, которое его устраивает, уже занято. Занято — это еще мягко сказано. Он просит совета, как стащить с насеста твоего приятеля Будду.

* Я? Мой? *(сингальск.)*

Профессор просветлел — зато озадаченной оказалась Максина Дюваль.

— Кого? — переспросила она.

Саратх не задержался с ответом.

— Преподобнейшего и мудрейшего Бодхидхарму Маханаяке Тхеро, настоятеля монастыря Шри Канда,— произнес он нараспев, точно молитву.— Так вот, значит, о чем идет речь...

Наступило молчание; потом на лице Пола Саратха, почетного профессора археологии Тапробанского университета, загорелась озорная, почти восторженная улыбка.

— Мне всегда хотелось узнать,— произнес он мечтательно,— что будет, если неотразимая сила натолкнется на несокрушимую преграду.

11
ЦАРСТВЕННЫЕ МОЛЧАЛЬНИЦЫ

Проводив гостей, Раджасингх деполяризовал окна библиотеки и долго сидел в задумчивости, глядя на деревья вокруг виллы и на каменные стены Яккагалы, вздымающиеся за ними. Послеполуденный чай, поданный точно в четыре, вывел его из забытья, но не заставил сдвинуться с места.

— Рани,— сказал он,— попросите Дравиндру разыскать мои тяжелые башмаки, если их еще не выбросили. Я отправляюсь на Скалу демонов.

Рани сделала вид, что вот-вот выронит поднос от удивления.

— Айо, махатхая!* — запричитала она в притворном отчаянии.— Вы, наверное, немного не в себе! Вспомните, что говорил доктор Макферсон...

— Этот шотландский знахарь вечно читает мою кардиограмму вверх ногами. И кроме того, моя дорогая, для чего мне жить, если вы с Дравиндрой меня покидаете?

* Ах, господин! *(сингальск.)*

Вопрос был задан как бы в шутку, но вдруг он понял, что это не просто шутка, и устыдился недостойной мужчины жалости к себе. Рани тоже уловила новый оттенок, и на глаза у нее навернулись слезы. Поспешно отвернувшись, чтобы он не успел заметить их, она ответила по-английски:

— Я же предлагала остаться по крайней мере еще на год...

— Знаю, знаю, но этого я никогда не допущу. Если только в Беркли все не переменилось с тех пор, как я был там в последний раз, Дравиндра будет очень нуждаться в вас.— («Я тоже,— добавил Раджа про себя,— хотя, конечно, по-другому».) — И независимо от того, собираетесь ли вы готовить собственную диссертацию или нет, скажу, что быть женой ректора университетского колледжа — это тоже большая наука.

— Не уверена,— улыбнулась Рани,— что подобный жребий всерьез привлекает меня, я видела столько неудачных примеров.— Она опять заговорила по-тапробански.— Насчет ботинок — это вы не шутили?

— Нет, не шутил. Разумеется, не на вершину — до фресок и обратно. Я не навещал их уже пять лет. Если я буду и дальше откладывать свой визит...

Завершать фразу не было нужды. Рани смотрела на него с укором еще секунды две-три, потом поняла, что спорить бесполезно.

— Я передам Дравиндре,— сказала она.— И Джайе — на случай, если обратно вас придется нести на руках.

— Хорошо. Хотя Дравиндра, уверен, справился бы и в одиночку...

Рани ответила Радже благодарной улыбкой: она гордилась мужем, и комплимент доставил ей удовольствие. Бывший дипломат, случалось, говорил себе, что эта пара — самый счастливый выигрыш, какой мог ему выпасть в жизненной лотерее; оставалось надеяться, что два года, проведенных ими в его доме в порядке выплаты долга обществу, принесли им не меньшую пользу, чем ему самому. В XXII веке личные слу-

ги стали редкостной роскошью, предоставляемой лишь самым выдающимся людям; Раджасингх просто не знал никого другого, кому было бы, как ему, предоставлено право нанять троих.

Сберегая силы, он проехал через Сады наслаждений на трехколесном электромобильчике, работающем от солнечных батарей; Дравиндра и Джайя предпочли идти пешком, уверяя, что так быстрее. (Они оказались правы — но ведь они шли не по дорожкам, а напрямик.) Затем он не спеша, с несколькими длительными остановками поднялся в туннель Нижней галереи, где параллельно утесу шла Зеркальная стена.

Здесь в окружении обычной толпы назойливых туристов работала женщина-археолог из какой-то африканской страны; с помощью сильных ламп непрямого света она обследовала стену в поисках незамеченных ранее надписей. Раджасингху очень хотелось предупредить ее, что шансы на открытие практически равны нулю. Пол Саратх потратил двадцать лет жизни на то, чтобы облазать с лупой каждый квадратный миллиметр поверхности и составить «Автографы Яккагалы» — трехтомную академическую монографию, превзойти которую не удастся хотя бы потому, что никто другой не сумеет так искусно читать древние тапробанские письмена.

Когда Пол затеял свой титанический труд, оба они были совсем еще молодыми людьми. Раджасингх и сегодня помнил, как стоял на этом самом месте, а Пол — в ту пору помощник младшего дешифровщика в департаменте археологии — выискивал на желтой штукатурке следы, почти стертые временем, и переводил экспромтом стихи, посвященные красавицам на скале. Сколько столетий кануло в Лету, а строки эти и сейчас будили отзвук в сердцах:

Я Тисса, начальник стражи.
Я проскакал полсотни лье,
чтобы увидеть божественноглазых,
а они не ответили мне.
Разве это честно?

Да пребудьте здесь тысячу лет,
как священный заяц, запечатленный
королем богов на Луне. Это пишет
Махинда из монастыря Турапама.

Сбылось ли пожелание наивного монашка? И да и нет. Женщины скал прожили век вдвое более долгий, чем он осмелился загадать, и дожили до времен, каких он не мог себе и представить. Но — дожили очень немногие. Одна из надписей говорила о «пятистах девах с золотою, как солнце, кожей»; допустим, это явное поэтическое преувеличение, но не очевидно ли, что в лучшем случае лишь десятая часть фресок избежала косы времени и людской злобы? Правда, двадцать уцелевших обрели теперь бессмертие, воспроизведенные в бесчисленных фильмах, на видеопленках и мнемокристаллах. И уж определенно любая из них оказалась во сто крат долговечнее автора, который в своей неуемной спеси не счел нужным даже поставить подпись:

Я приказал расчистить дороги, дабы
паломники со всех четырех сторон света
стекались сюда, к прекрасным девам
на склоне утеса.
Я — король.

В последние годы Раджасингх — сам наследник королевского имени и, уж вне всякого сомнения, многих царственных генов — нередко раздумывал над этими словами: они так великолепно доказывали скоротечность власти и тщету гордыни. «Я — король...» А, простите, который? Монарх, стоявший на этих гранитных плитах — тогда, восемнадцать веков назад, они сияли новизной,— был, по-видимому, человеком отважным и даже разумным, но не отдавал себе отчета в том, что время быстро сгладит все различия между ним и ничтожнейшим из его подданных.

Установить, кто он был, сегодня не представлялось возможным. По меньшей мере десять-двенадцать королей могли начертать эти надменные строки; одни из них правили по

многу лет, другие не продержались на троне и месяца, и почти никто не умер естественной смертью в собственной постели. Тот, кто счел излишним назвать свое имя, мог быть Махатисса II, или Бхатикабхая, или Виджаякумара III, или Гаджабахукагамани, или Кандамукхашива, или Моггалана I, или Киттисена, или Сирисангхаботхи... а мог оказаться правителем на час, вообще не отмеченным в долгой и запутанной истории Тапробана.

Служитель, приставленный к маленькому лифту, не ждал высокого гостя и приветствовал Раджасингха с подчеркнутым почтением. Пока кабина медленно ползла вверх, экс-дипломат не без горести припомнил, что в свое время предпочитал подъемнику винтовую лестницу, как Дравиндра и Джайя, молодо и бездумно взбежавшие по гулким железным ступеням.

Лифт с лязгом остановился, и Раджа вышел на подвешенную к скале стальную платформу. Под ногами и за спиной зияли сотни метров пустоты, но даже самый решительный самоубийца не выскользнул бы из этой клетки, как бы спрятанной под застывшей каменной волной и достаточно просторной, чтобы вместить дюжину посетителей; густая проволочная сеть отделяла людей от бездонной пропасти.

Именно здесь, где скала предоставила им случайное убежище — небольшое углубление, защитившее краски от стихий, уцелели считаные посланницы божественного двора Калидасы. Раджасингх молча приветствовал их, затем с готовностью опустился на стул, предложенный служителем.

— Я просил бы,— тихо произнес он,— оставить меня одного минут на десять. Джайя, Дравиндра, попробуйте не подпускать сюда туристов...

Спутники взглянули на него с сомнением, и тем более был озадачен служитель, которому строжайше запрещалось оставлять фрески без надзора. Но, как всегда, Раджасингх умел добиться своего, даже не повышая голоса.

— Айю бован*,— приветствовал он безмолвных красавиц, оставшись с ними наедине.— Простите, что так долго не навещал вас.

Он учтиво подождал ответа, но красавицы обратили на него не больше внимания, чем на любого другого из своих поклонников, которые сменились за двадцать веков. Раджу это не обескуражило: он давно привык к их безразличию. Пожалуй, оно даже добавляло молчальницам очарования.

— Не знаю, как мне быть, дорогие мои,— продолжал он.— Со времен Калидасы вы видели всяких захватчиков — они приходили и уходили. Вы видели, как джунгли нахлынули на Яккагалу, а потом вновь расступились перед топором и плугом. Но, в сущности, за все эти годы на Тапробане ничто не изменилось. Природа была добра к нашему маленькому острову — и история тоже: она просто обходила его стороной...

Теперь векам тишины, похоже, настал конец. Нашей стране прочат роль центра мира, нет, многих миров. Вон ту большую гору, которую вы со дня своего рождения видите на юге, хотят использовать как ключ ко всей Вселенной. Но если это произойдет, Тапробан, каким мы знали его и любили, прекратит свое существование.

Конечно, я не всесилен, но я сохранил кое-какое влияние и могу либо помочь переменам, либо помешать им. У меня много друзей, и если я захочу, то смогу отсрочить воплощение этой мечты — или этого кошмара — по крайней мере на десять-пятнадцать лет. Но надо ли обращаться к ним? Или мой долг — помочь доктору Моргану, какие бы личные цели он ни преследовал?..

Он повернулся к своей фаворитке — к единственной, которая не отводила глаз, когда он смотрел на нее. Все прочие красавицы взирали вдаль или разглядывали цветы у себя в ладонях; только эта одна, его избранница с ранней юности, казалось, отвечает взглядом на взгляд.

* Здравствуйте *(сингальск.)*.

— Понимаю, Каруна, с моей стороны не слишком честно задавать тебе такие вопросы. В самом деле, что ты можешь знать о мирах, лежащих за небесными сферами, и о том, почему человеку необходимо достичь их? Хоть ты некогда и была богиней, но твое-то небо, созданное прихотью Калидасы,— иллюзия, и не больше! Теперь тебя, наверное, ожидают странные времена, я же их, к сожалению, не увижу. Мы с тобой знакомы очень давно — по моим меркам, но не по твоим. Пока не пробьет мой час, буду следить за тобой с виллы, однако не думаю, что нам суждено еще встретиться. Прощай — и спасибо вам всем, мои прекрасные, за ту радость, какую вы дарили мне многие годы. Передайте мой привет тем, кто придет после меня.

Однако минутой позже, когда Раджасингх, будто не замечая лифта, спускался по винтовой лестнице, он поймал себя на мысли, что настроение у него никак не соответствует тону произнесенной речи. Настроение было приподнятым, а чувствовал он себя так, словно сбросил несколько лет (да, в конце концов, разве семьдесят два — это старость?). И по тому, как засветились лица Дравиндры и Джайи, нетрудно было понять, что и они заметили бодрую, не по возрасту, пружинистость его походки.

Наверное, отставка изрядно наскучила ему самому. Наверное, им обоим — Тапробану и ему — не повредит свежий ветер, который сметет накопившуюся по углам паутину; так муссоны приносят новую жизнь на иссушенные тяжким многомесячным зноем поля.

Удастся ли Моргану его предприятие — кто знает, но оно будоражило воображение, горячило кровь. Калидаса отнесся бы к такой затее с завистью — и с одобрением.

11
МОНАСТЫРЬ

Приверженцы различных религий препираются между собой, кому из них открыта истинная правда; однако, на наш взгляд, правду религий можно вообще не принимать во внимание... Если попытаться определить место религии в развитии человечества, то это не столько ценное приобретение, сколько аналогия неврозу, который человек преодолевает на пути от детства к зрелости.

Зигмунд Фрейд. Новые вступительные лекции по психоанализу (1932 г.)

Разумеется, человек создал бога по образу и подобию своему; но была ли у него альтернатива? Подлинные основы геологии нельзя было заложить до тех пор, пока мы не исследовали иные, отличные от Земли миры, точно так же и научная теология может возникнуть лишь после встречи с внеземными цивилизациями. Сравнительное изучение религий не станет наукой до тех пор, пока речь идет лишь о религиях, созданных человеком.

Будем ждать, не без внутренней тревоги, ответа на следующие вопросы: а) каковы — если они вообще есть — религиозные концепции существ, у которых отсутствуют «родители», имеется только один «родитель» или же число «родителей» больше двух; б) не свойственны ли религиозные верования лишь таким организмам, которые в годы своего формирования поддерживают тесный контакт с прямыми предками?

Если выяснится, что религиозность встречается исключительно среди разумных сородичей обезьян, дельфинов, слонов, собак и т. д., но не среди внеземных компьютеров, мыслящих термитов, рыб, черепах и амеб, придется делать довольно болезненные выводы... Не исключено, что как любовь, так и религия возникают только у млекопитающих — примерно по одинаковым причинам. Во всяком случае анализ психопатических состояний подталкивает именно к такому заключению; тем, кто не видит связи между религиозным фанатизмом и извращенностью,

следовало бы повнимательнее перечитать «Malleus Maleficarium» или «Дьяволов Лоудана» Олдоса Хаксли.*

Эль Хадж Мохаммед бен Селим, профессор сравнительной геологии. Речь при вступлении в должность (1998 г.)

Известное замечание д-ра Чарлза Уиллиса (Гавайи, 1970) о том, что «религия является побочным продуктом недоедания», взятое само по себе, помогает вникнуть в суть дела не более, чем односложная брань иных хулителей. По-видимому, д-р Уиллис имел в виду два момента: 1) галлюцинации, вызванные добровольным, а равно вынужденным голоданием, которые легко истолковать как религиозные видения; 2) голод, испытываемый в земной жизни, который порождает веру в вознаграждающую за все страдания жизнь загробную,— механизм понятный и, вероятно, существенный для сохранения рода...

...Воистину ирония судьбы: исследование препаратов, якобы раскрепощающих сознание, показало, что они производят прямо противоположный эффект, и попутно привело к открытию естественных галлюциногенов — продуктов деятельности мозга. Установление того непреложного факта, что соответствующая доза 2, 4, 7-орто, паратеозамина способна обратить самого убежденного сторонника одной веры в любую другую, нанесло всем религиям беспощадный удар.

Еще более сокрушительным ударом оказалось для них пришествие «Звездоплана»...

Р. Габор. Фармакологические основы религии (2069 г.)

12
«ЗВЕЗДОПЛАН»

Чего-то подобного ждали добрую сотню лет, пережили множество ложных тревог. И тем не менее, когда это свершилось, человечество оказалось застигнутым врасплох.

Радиосигнал, пришедший со стороны альфы Центавра, был настолько мощным, что создал помехи обычному международному вещанию. Десятилетиями радиоастрономы прибегали к немыслимым ухищрениям, чтобы выловить в хаосе космических излучений осмысленные символы, причем дав-

* «Malleus Maleficarium» («Молот ведьм») — одна из самых знаменитых книг о колдовстве и черной магии, изданная в Кёльне в 1484 г.

ным-давно сошлись на том, что тройная система альфа, бета и проксима Центавра не заслуживает серьезного внимания,— и вот, пожалуйста...

Естественно, все радиотелескопы, какие только можно было нацелить на южное небо, тут же устремились к созвездию Центавра. И не прошло и трех часов, как родилось другое, еще более сенсационное открытие. Сигнал исходил вовсе не из системы Центавра, а из точки на полградуса в сторону от нее. И к тому же *сигнал перемещался.*

Только тут люди впервые заподозрили истину. Когда подозрение подтвердилось, нормальной человеческой жизни пришел конец.

Неудивительно, что сигнал отличался огромной силой: его источник давно находился в пределах Солнечной системы и двигался к Солнцу со скоростью шестьсот километров в секунду. Долгожданные, порождавшие столько надежд и страхов гости из космоса наконец-то прибыли...

Прошел еще месяц — нарушитель спокойствия миновал орбиты внешних планет, передавая все ту же неизменную серию импульсов, означающих примерно: «А вот и я!..» Он не пробовал ни отвечать на передачи с Земли, ни корректировать гиперболическую, как у кометы, траекторию своего движения. Если только пришелец не потерял большую часть крейсерской скорости, его путешествие от звезд Центавра должно было занять две тысячи лет. Это известие одних обрадовало, ибо прямо указывало на автоматический корабль-разведчик, других — разочаровало: отсутствие настоящих, живых инопланетян они восприняли как оскорбление.

Средства массовой информации, как и парламентарии всех континентов, спорили до тошноты, перебирая всевозможные варианты развития событий. Любые сюжеты, когда-либо использованные в научной фантастике,— от пришествия благородных богов до вторжения кровавых вампиров — были извлечены из библиотечной пыли и подвергнуты глу-

бокомысленному анализу. Страховые общества пережили нешуточный наплыв клиентов, желающих гарантировать свое будущее от всех напастей, в том числе и тех, при которых шансы получить компенсацию в сущности сводились к нулю.

Как только пришелец пересек орбиту Юпитера, астрономические инструменты начали сообщать о нем кое-какие конкретные данные. Первые измерения чуть не вызвали новой паники: по размерам объект не уступал небольшой луне — пятьсот километров в диаметре! А вдруг это все-таки космический ковчег, в чреве которого прячется армия захватчиков?..

Недоразумение быстро прояснилось: более точные наблюдения показали, что собственно корпус космического гостя в поперечнике не превышает нескольких метров. А пятисоткилометровый ореол был обязан своим происхождением почти прозрачному, медленно вращающемуся параболическому зеркалу, поразительно напоминающему антенны орбитальных радиотелескопов. Не оставалось сомнений, что это и есть антенна, с помощью которой разведчик держит связь со своей отдаленной базой и беспрерывно транслирует куда-то за тридевять небес все, что узнал о Солнечной системе, все, что подслушал и подглядел в радио- и телепередачах человечества.

И — новая неожиданность: оказалось, что гигантская антенна нацелена вовсе не на альфу Центавра, а на совершенно иной участок неба. Сам собой напрашивался вывод, что система Центавра была лишь последним пунктом захода межзвездного корабля, а не портом отправления.

Неизвестно, как долго астрономы осмысливали бы этот факт, если бы им не подвалила негаданная удача. Беспилотная ракета, проводившая обычные замеры солнечного ветра в районе Марса, внезапно онемела и снова обрела радиоголос минуту спустя. Расследование показало, что приборы были временно парализованы мощным потоком посторонних импульсов: ракета ухитрилась пересечь радиолуч, слетевший

с антенны пришельца. После этого вычислить точное направление луча уже не составляло труда.

Там, куда была обращена антенна, не оказалось никаких звезд, за исключением очень слабого — и, видимо, очень старого — красного карлика, удаленного от нас на пятьдесят два световых года, из числа тех бережливых маленьких солнц, которым суждено сиять еще миллиарды лет после того, как выгорят дотла блистательные гиганты Галактики. Ни один радиотелескоп землян никогда не удостаивал этого малыша серьезным вниманием; зато теперь все обсерватории, какие могли отвлечься от слежения за приближающимся гонцом, обратили раструбы своих антенн к тем, кто предположительно снарядил его в дорогу.

Догадка подтвердилась: был перехвачен остронаправленный сигнал в сантиметровом диапазоне. Конструкторы по-прежнему поддерживали связь с кораблем, запущенным тысячи лет назад; сообщения, получаемые с борта, находились в пути немногим больше полустолетия.

А потом, едва гость миновал орбиту Марса, он доказал, что знает о существовании человечества, притом доказал самым впечатляющим образом. На Землю стали поступать стандартные 3075-строчные телевизионные изображения, сопровождаемые вполне понятными, хотя и несколько выспренними английскими и китайскими текстами. Первый космический разговор начался — и ответ отставал от вопроса не на десятилетия, как предсказывали былые пророки, а только на минуты.

13
ТЕНЬ НА РАССВЕТЕ

Из отеля в Ранапуре Морган выехал в четыре часа; утро выдалось ясное и безлунное. Выбор времени, конечно же, не доставил ему удовольствия, но профессор Саратх, взявший все хлопоты на себя, обещал, что жалеть не придется. «Вы просто ничего не поймете в делах монастыря,— внушал он инженеру,— пока не встретите рассвет на вершине Шри Канды. Да и наш дорогой Будда — простите, Маханаяке Тхеро — не принимает посетителей в другие часы. Он утверждает, что это лучший способ отвадить любопытствующих...» Моргану не оставалось иного выхода, как уступить, сделав по возможности любезную мину.

Словно для того, чтобы усугубить тяготы этого утра, шофер-тапробанец без всякого приглашения затеял бойкий разговор, долженствовавший, по-видимому, охватить все стороны жизни пассажира. Делалось это с таким явным добродушием, что обижаться было бы грешно, однако Морган, без сомнения, предпочел бы молчание.

Еще более остро, если не отчаянно, он желал бы, чтобы шофер обращал больше внимания на бесконечные крутые виражи, которые машина преодолевала в почти непроглядной тьме. Может, темнота была и к лучшему: так он, по крайней мере, видел не все утесы и пропасти, подстерегавшие их по обе стороны дороги. Сама дорога, что взбиралась все выше и выше в горы, представляла собой достижение военно-инженерной мысли XIX века — великая колониальная держава проложила ее с целью сломить вольнолюбивых горцев, населяющих внутренние районы острова. Перевести движение по этому серпантину на автоматику нечего было и думать, и Морган порой ловил себя на мысли, что не доживет до конца поездки.

И вдруг он разом забыл свои страхи, да и досаду, вызванную неурочным пробуждением.

— Вот она! — с гордостью воскликнул шофер, огибая округлый бок очередного уступа.

Во мраке еще не угадывалось и намека на приближающийся рассвет, и Шри Канда была по-прежнему неразличима. Но впереди меж звезд зигзагами вилась узкая лента огней. Она свисала с неба, словно по волшебству,— и вдруг Морган понял, что это цепочка фонарей, поставленных двести лет назад вдоль самой длинной лестницы в мире, чтобы подбад-

ривать паломников в их нелегком восхождении; и в то же время эта лента, бросающая вызов житейской логике и земному притяжению, показалась ему эскизным воплощением собственной мечты. Задолго до его рождения, вдохновляясь идеями настолько чуждыми, что он был почти не в силах их осмыслить, люди начали работу, которую он теперь надеялся завершить. Они уложили, в буквальном смысле слова, первые грубо отесанные ступени на пути к звездам.

Сон как рукой сняло — на глазах у Моргана огненная лента приближалась, распадаясь на бесчисленные сверкающие бусины. Стала заметной сама гора — черный треугольный контур, затмевающий полнеба. В безмолвном, давящем контуре ощущалось нечто зловещее: Морган почти был готов поверить, что это действительно обитель богов, осведомленных о его замыслах и собирающих силы, чтобы дать ему отпор.

Впрочем, все мрачные мысли были забыты, как только дорога привела к станции подвесной дороги и Морган, к немалому своему удивлению,— часы показывали пять утра — убедился, что в тесном зале ожидания скопилось уже не меньше сотни людей. Он заказал себе и словоохотливому шоферу по чашке горячего кофе — и не без внутреннего облегчения услышал, что тот не намерен сопровождать пассажира на «канатку». «Я поднимался наверх по крайней мере раз двадцать,— заявил тапробанец с преувеличенным равнодушием.— Вы уж езжайте, а я тем временем посплю в машине...»

Купив себе билет, Морган проделал быстрый подсчет и понял, что попадет только в третий, а то и в четвертый вагончик. К счастью, он последовал совету Саратха и сунул в карман термоплащ: даже здесь, на высоте двух километров над уровнем моря, чувствовался холод. На вершине, еще на три километра выше, должен царить трескучий мороз.

Продвигаясь потихоньку вперед в толпе притихших — то ли подавленных, то ли дремлющих — туристов, инженер с улыбкой отметил, что он единственный во всей очереди не запасся кинокамерой. «Где же обещанные орды паломников?» — недоумевал он. Потом он сообразил, что паломникам

здесь нечего делать. На небо, или к нирване, или куда там еще стремятся праведники, нет легкого пути. Заветной цели можно достичь лишь ценою собственных усилий, а не с помощью машины. «Интересная доктрина,— рассудил Морган,— и во многом верная. Но бывают случаи, когда помочь может машина и только машина...»

Наконец он занял свое место, и канаты, скрипя, потянули вагончик в гору. И вновь на инженера нашло какое-то странное, почти сверхъестественное предчувствие. Подъемник, который задумал он, будет доставлять грузы на высоту, в десять тысяч раз большую, чем это примитивное, построенное, вероятно, еще в двадцатом веке сооружение. И тем не менее, если рассматривать основополагающие принципы двух конструкций, в конечном счете они окажутся схожими.

За окнами покачивающегося вагончика лежала непроглядная тьма, разве что внизу промелькнет участок освещенной лестницы. Лестница казалась вымершей, заброшенной, будто миллионы людей, меривших крутизну склона в течение трех тысячелетий, в XXII веке не находят себе преемников. Прошло несколько минут, прежде чем Морган понял, что все, кто предпочел пешее восхождение, но не хочет опоздать к рассвету, одолели эти нижние ступени много часов назад.

На высоте четырех километров надо было совершить пересадку — выйти из вагончика, пройти сотню шагов до другого перрона и еще чуть-чуть подождать. Вот когда Морган по-настоящему обрадовался взятому с собой плащу и поплотнее закутался в ткань, прошитую металлической нитью. Под ногами лежал иней, дышать в разреженном воздухе было трудно. Неудивительно, что в маленьком станционном домике рядами стояли переносные кислородные баллончики и на видных местах были развешаны инструкции, как ими пользоваться.

Теперь, когда «канатка» пошла на последний подъем, глаз наконец уловил признаки подступающей зари. Звезды во-

сточного небосклона еще сверкали во всей красе — горделивее всех Венера,— но над головой уже засветились прозрачные высокие облака. Морган в тревоге бросил взгляд на часы: неужели они не успеют? Но нет, до восхода солнца оставалось еще с полчаса.

Один из пассажиров вдруг вскрикнул, указывая вниз, на исполинскую лестницу,— склоны становились все круче, лестница извилистее, но отдельные ее участки по-прежнему время от времени попадали в поле зрения. И теперь она не была вымершей: мучительно медленно, как во сне, по бесконечным ступеням поднимались десятки мужчин и женщин. С каждой минутой их набиралось больше и больше, и Морган задал себе вопрос: сколько же часов они карабкались вверх и вверх? По меньшей мере всю ночь, а может, и дольше — ведь среди паломников попадалось немало пожилых и престарелых, им не под силу взобраться сюда за один прием. Уму непостижимо: неужели на одном острове сохранилось так много верующих?

Мгновением позже он увидел первого монаха — тощая фигура в шафрановой тоге двигалась с размеренностью метронома, не разрешая себе взгляда ни вправо ни влево и тем более не удостаивая вниманием вагончик, проплывший над бритой головой. Да что там вагончик — монах, по-видимому, научился не обращать внимания на мороз и ветер поднебесья: правая рука его и плечо были обнажены.

Вагончик замедлил ход, приближаясь к конечной станции; короткая остановка, чтобы выгрузить окоченевших пассажиров,— и снова в путь, только уже вниз. Морган присоединился к двум-трем сотням прибывших раньше и уже заполнивших небольшой амфитеатр на западном склоне горы. Все они напряженно всматривались во тьму, хотя смотреть пока было не на что, кроме все той же огненной ленты, уползающей вниз, в бездну. Впрочем, были видны и отдельные опоздавшие: борясь с изнеможением, они в отчаянном рывке пытались преодолеть последние десятки ступеней.

Морган опять взглянул на часы: еще десять минут. Ни разу в жизни не доводилось ему находиться в такой молчаливой толпе; истые паломники и увешанные камерами туристы были сейчас объединены одной надеждой. Погода не оставляла желать лучшего — неужели же восхождение окажется напрасным?

Сверху, от монастыря, все еще скрытого во тьме метрах в ста над их головами, донеслось нежное позвякивание колокольчиков, и тотчас же фонари вдоль всей невообразимой лестницы разом погасли. Теперь каждый, кто был в амфитеатре и, следовательно, стоял спиной к невидимому восходу, мог различить на облаках, лежащих внизу, первый слабенький отблеск дня; и все-таки рассвет еще не наступил — его задерживала громада горы.

Секунда за секундой заря словно бы накапливалась вокруг Шри Канды — восходящее солнце брало в клещи последний бастион ночи. И наконец по замершей в ожидании толпе пробежал негромкий благоговейный гул.

Только что, мгновение назад, в небе ничего не было. И вдруг, с быстротой молнии, на пол-Тапробана вытянулся резко очерченный, безупречный по форме треугольник глубочайшей синевы. Гора не обманула своих почитателей — ее знаменитая тень легла на море облаков символом, который каждый паломник был волен толковать как ему угодно.

Тень казалась почти вещественной в своем геометрическом совершенстве — не игрой света и тени, а массивной перевернутой пирамидой. По мере того как небосвод наливался светом, а по обе стороны горы все разгоралось в прямых солнечных лучах, тень по контрасту становилась еще темней и гуще; и тем не менее сквозь тонкую облачную вуаль, которой тень, собственно, и была обязана своим рождением, Морган смутно различал холмы, леса и озера — щедрую землю, пробуждающуюся ото сна.

По логике вещей, вершина этого туманного треугольника должна была мчаться к зрителям с огромной скоростью —

ведь солнце вставало у них за спиной строго вертикально,— но, даже сознавая это, инженер был не в состоянии уловить ни малейшего движения. Время словно остановилось, в его жизни выдался тот редчайший миг, когда он вообще не задумывался о пролетающих мимо минутах. Тень вечности легла на его душу, как тень Шри Канды — на пелену облаков.

Но вот тень поблекла, растаяла в небе, как краска в проточной воде. Призрачный, мерцающий ландшафт предгорья затвердевал, превращаясь в реальность; вдалеке, на полпути к горизонту, полыхнула ослепительная вспышка — солнечные лучи ударили в выходящее на восток окно. А где-то еще дальше, если глаза не подводили Моргана, ему привиделáсь чуть заметная темная полоска моря... На Тапробане наступил новый день.

Зрители не спеша расходились. Одни вернулись на станцию подвесной дороги, другие, более энергичные, направились к лестнице, наивно полагая, что спуск легче подъема. В большинстве своем они быстро осознают ошибку и будут рады-радехоньки сесть в вагончик на промежуточной станции; немногие, совсем немногие отшагают вниз до конца.

Морган оказался единственным, кто, привлекая к себе удивленные взгляды, направился из амфитеатра не вниз, а вверх — по недлинному лестничному маршу, ведущему к монастырю и, значит, к самой вершине. Пока он добирался до свежеоштукатуренной монастырской стены, мягко поблескивающей под первыми лучами солнца, он совершенно запыхался и обессиленно прислонился к тяжелой деревянной двери.

Вероятно, за ним наблюдали: не успел он отыскать кнопку звонка или каким-то иным образом заявить о своем присутствии, дверь бесшумно распахнулась, и на пороге вырос монах в оранжевой тоге, приветственно прижавший сложенные руки к груди.

— Айю бован, доктор Морган. Маханаяке Тхеро будет рад принять вас.

14
«ЗВЕЗДОПЛАН» УЧИТСЯ

Из монографии «Уроки "Звездоплана"» (1-е издание, 2071 г.):

«Установлено, что межзвездный корабль-робот, именуемый в обиходе "Звездопланом", представляет собой полностью автономную систему, действующую на основе общей инструкции, которая была заложена в его память 60 тысяч лет назад. Перелетая от солнца к солнцу, робот с помощью 500-километровой антенны передает на базу относительно небольшими порциями собранную в пути информацию, а время от времени получает ответные приказы со своей планеты — "Звездного острова", если прибегнуть к прекрасному определению, предложенному поэтом Ллуэллином эп Сьимру.

Но как только робот достигает очередной солнечной системы, он, заимствуя энергию местного солнца, в десятки раз увеличивает интенсивность передачи информации. Происходит также, если прибегнуть к земной терминологии, перезарядка его батарей. А поскольку "Звездоплан", подобно нашим давним "Пионерам" и "Вояджерам", прокладывает курс от звезды к звезде, маневрируя в гравитационных полях небесных тел, он будет служить вечно, вернее, пока не сносятся его металлические части или не случится какой-нибудь роковой космический инцидент. Система Центавра была для межзвездного скитальца одиннадцатой точкой назначения; ныне, обогнув наше Солнце, как комета, он взял курс на Тау Кита, отстоящую от нас на двенадцать световых лет. Если там обитают таукитяне, он вступит с ними в беседу примерно в 8100 году...

...Ибо "Звездоплан" выполняет одновременно функции разведчика, исследователя и посла. Когда в одном из своих тысячелетних странствий он встречает технологическую цивилизацию, то старается подружиться с "туземцами" и выменять у них побольше информации: ведь такой обмен — единственно возможная форма межзвездной торговли. А прежде чем завершить по необходимости краткие переговоры и вновь

уйти в свое бесконечное путешествие, "Звездоплан" сообщает "туземцам" координаты "Звездного острова", где будут ждать прямого вызова от новоявленного абонента галактической телефонной книги.

Пожалуй, человечество вправе гордиться тем, что мы установили порт отправления "Звездоплана" и даже начали нашу первую передачу для "островитян" задолго до того, как робот расстелил перед нами звездные карты. Остается выждать 104 года — и мы получим ответ. Человечеству несказанно повезло, что соседний очаг цивилизации расположен так близко...»

С той секунды, как «Звездоплан» заговорил, стало ясно, что робот разобрался в значении двух-трех тысяч основных английских и китайских слов, почерпнутых из широковещательных, а в особенности учебных и справочных теле- и радиопередач. Но с точки зрения представлений о человеческой культуре те крохи, что он подобрал наудачу, не выдерживали никакой критики: немного научных сведений, еще меньше — математических данных и уж совершенно случайные образчики литературы, музыки и изобразительного искусства.

Как всякий гений-самоучка, «Звездоплан» обнаруживал зияющие пробелы в своем образовании. Следуя принципу, что лучше уж предложить слишком много, чем слишком мало, сразу же после установления контакта на борт передали полные тексты Оксфордского словаря, «Большого китайского словаря» (мандаринское наречие) и «Всепланетной энциклопедии». Передача цифровым кодом продолжалась более пятидесяти минут, и показательно, что вслед за тем гость замолк почти на четыре часа — самая продолжительная пауза за все время переговоров. Когда же он вновь вышел в эфир, его лексикон несравнимо расширился, и в 99 случаях из ста «Звездоплан» свободно выдержал бы тест Тьюринга: иначе говоря, по качеству переданных текстов машина сошла бы за высокообразованного человека.

Разумеется, она допускала нечаянные погрешности, например, не учитывала двусмысленных выражений, а более всего выдавала себя отсутствием эмоциональной окраски диалога. Ничего другого, собственно, и не приходилось ожидать: лучшие земные компьютеры могли, если надо, копировать эмоции своих конструкторов,— но ведь чувства и желания конструкторов «Звездоплана», даже если они передали ему свои чувства, для землян были полностью непостижимы...

И конечно, наоборот. «Звездоплан» мог совершенно точно и в полной мере понять смысл теоремы «Квадрат гипотенузы равен сумме квадратов катетов». Но ни при каких обстоятельствах ему было бы не по силам даже приблизительно угадать, что имел в виду Джон Китс, когда писал:

> ...та песня, что не раз
> Влетала в створки тайного окна
> Над морем сумрачным в стране забвенной *.

Еще невозможнее для него было бы ощутить прелесть шекспировских строк:

> Сравню ли с летним днем твои черты?
> Но ты милей, умеренней и краше...**

И все-таки, невзирая на всю безнадежность подобного предприятия, была совершена попытка преодолеть неполноценность чуждого мышления: на борт «Звездоплана» транслировались тысячи часов музыки, драматических спектаклей, сцен повседневной жизни человека и природы. Впрочем, произведения литературы были с общего согласия подвергнуты определенной цензуре. Приверженности человечества войне и насилию отрицать уже не приходилось — энциклопедию не отзовешь, однако примеров такого рода старались не умножать. И пока «Звездоплан» вновь не ушел далеко за пределы Солнечной системы, программы телевидения оставались неестественно пресными.

* Перевод Е. Витковского.
** Перевод С. Маршака.

Многие столетия — наверное, до тех пор, пока «Звездоплан» не достигнет следующей цели,— философы обречены были спорить о том, в какой мере он сумел разобраться в земных делах и проблемах. Но одно не вызывало сомнения. Сто дней, в течение которых корабль-робот пересекал Солнечную систему, бесповоротно изменили представление людей о Вселенной, ее происхождении и своем месте в ней.

«Звездоплан» прилетел и улетел, но земная цивилизация уже не могла вернуться к тому, чем была ранее.

15
БОДХИДХАРМА

Когда тяжелая дверь со сложным резным орнаментом из цветов лотоса мягко щелкнула за его спиной, Морган сразу понял, что попал в совершенно иной мир. Нет, конечно, ему и прежде доводилось ступать на землю, священную в глазах сторонников какой-либо веры: он видел собор Парижской Богоматери и Парфенон, константинопольскую Софию и собор Святого Павла в Лондоне, Стоунхендж и Карнак и по меньшей мере десяток других знаменитых храмов и мечетей. Но для него самого все они оставались лишь застывшими осколками прошлого, прекрасными памятниками архитектуры и инженерного искусства, не имеющими, в сущности, никакого отношения к современности. Религии, породившие и возвысившие эти сооружения, ушли в небытие, хотя отдельные религиозные пережитки и сохранились до середины XXII века...

А здесь время как будто замерло. Ураганы истории обошли стороной, не поколебали эту одинокую цитадель веры. И монахи, как и три тысячи лет назад, по-прежнему творили молитвы, размышляли, созерцали рассвет.

Шагая по плитам монастырского двора, стертым и отполированным ногами бессчетных пилигримов, Морган испытал внезапный и совершенно непривычный приступ нерешительности. Во имя прогресса он пробует разрушить нечто

древнее и величественное, нечто такое, чего не в силах понять до конца...

Вдруг он замер как вкопанный: в отдельной башенке, выраставшей из монастырской стены, был подвешен огромный бронзовый колокол. Наметанный глаз инженера мгновенно оценил вес исполина не менее чем в пять тонн, а возраст металла был несомненно весьма почтенным. Каким же способом?..

Монах заметил недоумение своего спутника и ободряюще улыбнулся.

— Ему две тысячи лет. Дар Калидасы Проклятого, который мы не посмели отвергнуть. Легенда гласит, что сюда, на гору, его втаскивали десять лет, и это стоило жизни сотням людей.

— Им пользуются? — спросил Морган, стараясь осмыслить столь необычную информацию.

— Это дар ненависти, а потому и звучит он только в час бедствия. Я никогда не слышал его голоса, как не слышал и никто из живущих ныне. Колокол ударил раз, сам по себе, во время большого землетрясения две тысячи семнадцатого года. А до того звонил в тысяча пятьсот пятьдесят втором, когда захватчики-иберы сожгли Храм зуба* и похитили священную реликвию.

— Значит, столько трудов было положено на то, чтобы в колокол никто никогда не бил?

— Нет, били. Но всего раз десять-двенадцать за две тысячи лет. Над ним тяготеет проклятие Калидасы.

«С точки зрения веры это, может, и логично,— невольно подумал Морган,— а с точки зрения экономики — полная ерунда». И тут же мелькнула еще одна, кощунственная мысль: «Интересно, сколько монахов поддавались искушению стук-

* Храм, где хранится «зуб Будды»,— самая почитаемая в Шри-Ланке культовая реликвия. Храм многократно разрушался и переносился с места на место. С XVI в., после изгнания португальских завоевателей, находится в Канди.

нуть исподтишка по этой громаде, совсем легонько, просто чтобы услышать ее неведомый, запретный голос?..»

Они прошли мимо большой скалы, на которую вела лесенка; наверху красовался вызолоченный павильон. Это, по-видимому, и была самая вершина горы — и не составляло труда догадаться, что именно скрывает золотая часовенка, однако монах вновь решил просветить своего подопечного.

— Священный отпечаток. Мусульмане верили, что это след ноги Адама: тот, дескать, стоял здесь, когда его изгнали из рая. Индусы приписывали след Шиве или богу Саману. А для буддистов он, естественно, был отпечатком ноги Просветленного...

— Вы употребили глагол прошедшего времени,— отметил Морган как мог деликатнее.— Что, теперь принята другая гипотеза?

Лицо монаха сохраняло полную безучастность, когда он сказал:

— Будда был человек, как вы и я. А отпечаток в скале — в очень твердой скале — достигает двух метров в длину.

На том вопрос, видимо, считался исчерпанным, а новых вопросов Морган не задавал. Его провели по крытому переходу к приотворенной двери, монах постучал и, не дожидаясь ответа, жестом предложил гостю войти в помещение.

Морган полагал, что застанет Маханаяке Тхеро в ритуальной позе на коврике среди благовоний, в кругу послушников. И действительно, в прохладном воздухе чувствовался намек на благоухание, но сидел верховный настоятель монастыря Шри Канда у обыкновенного письменного стола, оборудованного стандартным пультом связи и электронной памяти. Единственным непривычным предметом обстановки была голова Будды на постаменте в углу; она была чуть больше головы обычного человека. Морган так и не решил, настоящая ли это скульптура или голографическая проекция.

Но несмотря на прозаичные декорации, вряд ли кто-нибудь во всем свете принял бы настоятеля монастыря за руко-

водителя любой другой категории. Не говоря уже о неизбежной тоге, у Маханаяке Тхеро были две отличительные черты, чрезвычайно редкие для человека XXII века. Он был совершенно лыс и носил очки.

И то и другое настоятель избрал, разумеется, совершенно сознательно. Плешивость излечивалась настолько легко, что не оставалось сомнений: волосы с этого сверкающего, цвета слоновой кости черепа были сбриты или удалены специально. А что до очков, Морган просто не мог вспомнить, когда он в последний раз видел их, если не считать исторических драм и старой кинохроники.

Необычное сочетание — лысина и очки — привлекало и обескураживало одновременно. Как ни гадал инженер, а возраст Маханаяке Тхеро оставался тайной за семью печатями: то ли он выглядел таким представительным в сорок, то ли так хорошо сохранился в восемьдесят. А линзы очков при всей своей прозрачности каким-то чудом скрывали и мысли и чувства владельца.

— Айю бован, доктор Морган,— произнес настоятель, указывая гостю на единственный стул.— Позвольте представить вам: мой секретарь, досточтимый Паракарма. Надеюсь, вы не станете возражать, если он будет вести протокольные записи.

— Разумеется, нет,— откликнулся Морган, кивая третьему присутствующему в комнате. Нельзя было не обратить внимания, что у молодого монаха густая шевелюра, да еще и впечатляющая борода; очевидно, брить голову считалось необязательным.

— Итак, доктор Морган,— продолжал Маханаяке Тхеро,— вам понадобилась наша гора.

— Боюсь, что так, ваше... мм... преподобие. Во всяком случае, часть ее.

— Земной шар велик — а вам нужны именно эти несколько гектаров?

— Выбор сделан не нами, а природой. Основание орбитальной башни должно располагаться на экваторе, и притом

на максимальной высоте, где низкая плотность воздуха уменьшает силу ветров.

— Есть и более высокие экваториальные горы — в Африке и Южной Америке...

«Опять двадцать пять»,— молча простонал Морган. Горький опыт уже убедил его, что растолковать эту проблему неспециалисту, даже образованному и заинтересованному, практически невозможно, чего уж ждать от монахов... Если бы Земля была гладеньким симметричным телом, если бы в ее гравитационном поле не было ни рытвин, ни ухабов!..

— Поверьте мне,— горячо воскликнул он,— мы перебрали все варианты. Котопакси, и гора Кения, и даже Килиманджаро, хотя она на три градуса южнее, вполне устроили бы нас, но, увы, есть одно досадное обстоятельство. Когда спутник выведен на стационарную орбиту, он не зависает идеально над одной точкой. Вследствие гравитационных возмущений, в которые позвольте мне подробнее не вдаваться, он начинает потихоньку смещаться вдоль экватора. Поэтому все наши синхронные спутники и космические станции вынуждены жечь топливо, чтобы просто оставаться на месте; хорошо еще, что топлива требуется совсем немного. Однако для сооружения весом в миллионы тонн, к тому же напоминающего гибкий прут в десятки тысяч километров длиной, такой метод не подходит. Да в нем и нет нужды. К счастью для нас...

— ...но не для нас,— вмешался Маханаяке Тхеро, едва не выбив Моргана из седла.

— ...на синхронной орбите существуют две точки стабильности. Спутник, выведенный в такую точку, в ней и останется. Он не будет смещаться, как если бы закатился в невидимую лунку. Одна из таких лунок — над Тихим океаном, и для нашей цели не годится. Другая — прямо над нашими головами.

— Пять-десять километров в сторону для вас наверняка не составят разницы. На Тапробане есть и другие горы...

— И самая высокая из них вдвое ниже, чем Шри Канда, а следовательно, ее вершина попадает как раз в зону самых сильных ветров. Правда, ураганы на экваторе возникают не так уж часто. И все же не настолько редко, чтобы сооружение подвергалось постоянному риску в своем нижнем ярусе.

— Мы научились управлять ветрами...

Это была первая за весь разговор реплика, поданная молодым секретарем, и Морган посмотрел на него с непритворным интересом.

— Да, но только до определенной степени. Естественно, я обсуждал проблему со Службой муссонов. Они заявили, что до абсолютной уверенности нам еще очень и очень далеко. Гарантия составляет в лучшем случае девяносто восемь процентов. Для проекта такой стоимости это недопустимо мало.

Досточтимый Паракарма, видимо, вовсе не собирался уступать без боя.

— Существует почти забытая область математики — теория катастроф, которая могла бы сделать метеорологию действительно точной наукой. Я совершенно уверен, что...

— Должен пояснить,— мягко вставил Маханаяке Тхеро,— что мой собрат ранее был весьма известен своими трудами по астрономии. Вы, вероятно, слышали имя доктора Чоума Голдберга...

Моргану почудилось, что у него под ногами разверзлась пропасть. Как же это его не предупредили?.. Тут он припомнил, что профессор Саратх предостерегал его с озорным огоньком в глазах: «Берегитесь личного секретаря Будды — вот уж продувная бестия...»

Оставалось лишь надеяться, что смущение не выдаст себя краской на щеках: досточтимый Паракарма, он же Чоум Голдберг, смерил инженера взглядом, исполненным откровенного недоброжелательства. И поделом зазнайке: вздумал просветить невежественных монашков насчет устойчивости орбит... Надо полагать, Маханаяке Тхеро заранее получил на этот предмет исчерпывающие разъяснения.

Морган вспомнил, что в свое время ученый мир разделился на два лагеря: одни считали доктора Голдберга безумцем, другие еще не были окончательно в этом уверены. Чоум Голдберг слыл способнейшим молодым астрофизиком, пока лет пять назад не заявил: «Теперь, когда "Звездоплан" безжалостно разрушил все традиционные религии, мы можем наконец уделить пристальное внимание концепции бога».

И больше его никто не видел и не слышал.

16
«ЗВЕЗДОПЛАН» БЕСЕДУЕТ С ЧЕЛОВЕЧЕСТВОМ

Из многих тысяч вопросов, поставленных перед «Звездопланом», пока он не пролетел через Солнечную систему, самый острый интерес вызывали те, что касались развития жизни и цивилизации в других мирах. Вопреки опасениям иных землян, робот отвечал охотно, хотя и с оговоркой, что последние сведения по затронутой проблеме получил более ста лет назад.

Если на Земле один-единственный вид разумных существ породил целый спектр разнообразнейших культур, то не стоило удивляться, что среди звезд, где, дайте срок, можно встретить любые мыслимые типы биологических процессов, несходство цивилизаций оказалось еще разительнее. Тысячи часов завораживающих сцен внеземной жизни, зачастую совершенно непонятных, а подчас чудовищных, которые были переданы с борта «Звездоплана», не оставили в том никаких сомнений.

Тем не менее обитатели «Звездного острова» ввели приблизительную классификацию цивилизаций, исходя из уровня их технического развития,— вероятно, единственно возможную. Человечество с интересом узнало, что оно попадает в пятую графу таблицы, которая выглядит примерно так: 1) каменные орудия; 2) металлы, огонь; 3) письменность,

ремесла, мореплавание; 4) паровые машины, основы наук; 5) атомная энергия, исследование космоса.

Когда «Звездоплан» отправлялся в полет, шестьдесят тысяч лет назад, его конструкторы сами принадлежали к той же категории, что и земляне,— к пятой. Однако к настоящему времени они перешли в класс шесть, для которого характерны овладение *полным* превращением материи в энергию и умение трансформировать *любые* элементы в промышленных масштабах.

Немедленно был задан вопрос: «А существует ли класс семь?» Ответ не заставил себя ждать: «Да, существует». Но как только земляне захотели выяснить подробности, робот отрезал: «Я не вправе описывать технику вышестоящей ступени представителям нижестоящей». На том переговоры и застопорились — вплоть до прощального сеанса связи, невзирая на наводящие вопросы, над которыми трудились самые изобретательные юристы планеты.

Логикой мышления «Звездоплан» мог потягаться с любым землянином — и со всеми ими, вместе взятыми. Произошло это отчасти по вине философов из Чикагского университета: в припадке фантастического тщеславия они тайком передали на борт полный текст «Summa Theologica», с роковыми для теологии результатами...

2069, 02 июня, 19:34 по Гринвичу. Радиограмма 1946, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

Мною проанализированы доводы Фомы Аквинского согласно просьбе, сообщенной радиограммой 145, параграф 3, от 02 июня 2069, 18:42 по Гринвичу. Большая часть текста представляет собой бессмысленный набор слов, не содержащий информации; в последующем перечне указаны 192 логические ошибки, выраженные в символах вашей математической справки 43 от 29 мая 2069, 02:51 по Гринвичу.

Ошибка 1... (следует перечень на 75 страницах).

Как явствует из отметок времени, «Звездоплану» понадобилось меньше часа на то, чтобы наголову разбить святого Фому. Целые поколения философов пережевывали впоследствии переданный с борта анализ, но обнаружили лишь две неточности, да и те, по-видимому, были следствием недопонимания терминологии.

Если бы узнать, какую — надо полагать, ничтожную — часть своих логических цепей использовал «Звездоплан» для решения этой задачи; но, к несчастью, никто не догадался поставить ему такой вопрос, пока корабль вновь не перешел на крейсерский режим полета и не прервал связь. А к тому времени на Земле были получены и другие, еще более обескураживающие радиограммы:

2069, 04 июня, 07:59 по Гринвичу. Радиограмма 9056, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

Не вижу четкой разницы между так называемыми религиозными церемониями и сходным поведением публики на спортивных и культурных мероприятиях, с которыми меня познакомили. Могу сослаться в особенности на выступления ансамбля «Битлз», 1965; финальный матч на кубок мира по футболу, 2046; прощальный концерт Иоганна Себастьяна Клонза, 2056.

2069, 05 июня, 20:38 по Гринвичу. Радиограмма 4675, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

Последние сведения по данной проблеме, какими я располагаю, получены мною 175 лет назад. Если я правильно понял, вас интересует следующее: поведение так называемого религиозного типа встречается у трех из 15 известных нам цивилизаций первой ступени, у двух из 10 — второй ступени, у трех из 174 — пятой ступени. Легко понять, что мы

располагаем преимущественно данными о цивилизациях пятой ступени развития, поскольку только такие цивилизации можно обнаружить на межзвездных расстояниях.

2069, 06 июня, 12:09 по Гринвичу. Радиограмма 5897, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

Вы правы в своем предположении, что все три цивилизации пятой ступени, вовлеченные в религиозную деятельность, отличаются двуполой системой воспроизводства и длительным воспитанием молодого поколения в пределах замкнутых семейных групп. Прошу сообщить, что привело вас к подобной догадке.

2069, 08 июня, 15:37 по Гринвичу. Радиограмма 6943, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

Гипотеза о существовании бога не может быть отвергнута логическими средствами, но представляется излишней по следующим соображениям.

Если принять «объяснение», что Вселенная создана неким существом — богом, то он, вне сомнения, должен находиться на более высокой ступени развития, нежели его детище. Тем самым вы более чем удваиваете сложность первоначальной проблемы, а с другой стороны, делаете шаг по пути дальнейшего бесконечного регресса. Уильям Окхэмский указывал вам не далее как в XIV столетии, что число сущностей не следует умножать сверх необходимости. Потому не вижу смысла в продолжении обсуждения этой темы.

2069, 11 июня, 06:48 по Гринвичу. Радиограмма 8964, параграф 2.

«Звездоплан» — Земле:

«Звездный остров» информировал меня 456 лет назад, что открыт первоисточник Вселенной, но мои логические цепи не располагают достаточной емкостью, чтобы осмыслить это

сообщение. За подробностями обращайтесь на планету отправления.

Перехожу на крейсерский режим полета, прерываю связь. Прощайте.

По мнению многих, эта самая последняя и самая знаменитая из тысяч и тысяч переданных «Звездопланом» радиограмм доказывала, что роботу не чуждо чувство юмора. Зачем бы иначе ему выжидать до самого конца связи, чтобы взорвать эту философскую бомбу? Или последовательность сообщений тоже была частью тщательно продуманного плана, построенного с целью привить человечеству более рациональные временные критерии,— ведь первое ответное послание от «островитян» достигнет Земли, самое раннее, 104 года спустя?

Нашлись и пылкие головы, предлагавшие пуститься за «Звездопланом» вдогонку; из Солнечной системы, указывали они, навсегда улетает сокровищница несметных знаний, создание технической мысли, обогнавшей лучшие достижения землян на целые века. Правда, в распоряжении людей пока не было кораблей, способных догнать межзвездного бродягу, сравняться с его огромной скоростью, а затем вернуться на Землю,— но никто не сомневался, что за кораблем дело не станет.

И все же возобладала иная, более мудрая точка зрения. Любой звездолет, даже автоматический, может принять эффективные меры защиты от нападения, а в качестве последнего средства, неровен час, прибегнуть к самоуничтожению. Однако решающим аргументом оказалось то, что конструкторы невиданного чуда живут «всего-то» в пятидесяти двух световых годах. За тысячелетия, прошедшие после запуска «Звездоплана», они должны были расширить свои космические возможности еще во много раз. Сделай мы что-нибудь, что придется им не по нраву,— и спустя век-другой они пожалуют к нам во плоти и к тому же весьма раздраженные.

Никто не взялся бы даже перечислить все последствия визита «Звездоплана» для человеческой культуры; и в частности, именно он довел до завершения процесс, начавшийся давным-давно. Он положил предел потоку благочестивой чепухи, которой умные, казалось бы, люди забивали себе головы на протяжении долгих столетий.

17
ПАРАКАРМА

Быстро восстановив в памяти весь разговор с самого начала, Морган пришел к выводу, что выглядел не так уж и глупо. Напротив, Маханаяке Тхеро, раскрыв подлинное имя достопочтимого Паракармы, утратил определенное тактическое преимущество. А впрочем, личность секретаря не составляла особого секрета, и настоятель мог решить, что Моргану и так все известно.

К тому же в этот момент беседа прервалась довольно приятным образом: порог кабинета переступили два молодых послушника — один держал в руках поднос, уставленный мисочками с рисом, фруктами и какими-то тоненькими оладьями, другой нес неизменный чайник с чаем. На подносе не было ничего, похожего на мясо; после бессонной ночи Морган с удовольствием съел бы парочку яиц, но и яйца, по-видимому, были здесь вне закона. Нет, это слишком сильно сказано — Саратх внушал ему, что устав не запрещает ничего, не вводит никаких абсолютных правил. Но существует тщательно разработанная шкала терпимости, и лишение живого жизни — даже потенциальной жизни — расценивается по этой шкале весьма невысоко.

Пробуя буддийские яства, большинство из которых было ему незнакомо, Морган недоуменно покосился на Маханаяке Тхеро; тот покачал головой.

— Мы никогда не едим до полудня. Мозг наиболее свеж и ясен в утренние часы, и не следует его отвлекать материальными потребностями тела...

«Какая философская пропасть,— подумал Морган, отщипывая кусочки восхитительного на вкус плода папайи,— прячется за этим простым заявлением!..» Для него пустой желудок был бы лишь неприятным раздражителем, препятствующим всякой мыслительной деятельности. Награжденный от природы хорошим здоровьем, инженер никогда не противопоставлял друг другу мозг и тело, да и не видел в том нужды для любого нормального человека.

Пока Морган вкушал экзотический завтрак, Маханаяке Тхеро извинился и две-три минуты колдовал над пультом связи; пальцы настоятеля порхали над клавиатурой с поразительной быстротой. Экран, где вспыхивали ответы, был у Моргана на виду, и вежливость заставила его отвернуться. Взгляд его поневоле упал на голову Будды. Пожалуй, это все-таки была настоящая скульптура — постамент отбрасывал на стену слабую тень. Хотя и тень ничего не доказывала. Постамент мог оказаться подлинным, а голова — фантомом, спроецированным аккуратно и без зазора; трюк достаточно широко распространенный.

Так или иначе, это было произведение искусства: подобно Моне Лизе, оно отражало душевное состояние зрителя и в то же время накладывало на душу свой отпечаток. Но Джоконда смотрела на мир открытыми глазами, хоть и неизвестно куда. А глаза Будды были совершенно слепыми — пустые колодцы, где человек мог и потерять разум, и обрести вселенную.

На губах Будды играла улыбка еще более загадочная, чем улыбка Джоконды. Да и улыбка ли — или только обманчивое впечатление улыбки? Вот и она исчезла, а на смену ей пришло выражение сверхчеловеческого покоя. Морган не мог отвести глаз от этого гипнотического бесстрастия, и лишь знакомый громкий шелест бумаги, донесшийся с пульта, вернул его к реальности — если, конечно, можно назвать монастырскую обстановку реальностью...

— Мне подумалось, что вам будет приятно сохранить память о сегодняшнем визите,— произнес Маханаяке Тхеро.

Принимая предложенный листок, Морган прежде всего подивился тому, что это плотный, музейного вида пергамент, а не заурядная бумажка, какую не жалко выбросить через два-три часа. Потом он увидел, что не понимает ни слова: кроме нескольких маленьких буковок и циферок — архивного индекса в левом нижнем углу, остальная поверхность листа была заполнена витиеватыми завитушками, в которых он уже научился узнавать буквы тапробанского алфавита.

— Благодарю вас,— ответил Морган, постаравшись вложить в два слова как можно больше иронии.— Не откажите в любезности объяснить, что это такое.

Хотя он уже и сам все понял: юридические документы независимо от языка и эпохи хранят определенное «родовое» сходство.

— Копия договора между королем Равиндрой и верховной сангхой*, подписанного в праздник весак восемьсот пятьдесят четвертого года по вашему календарю. Договор дает нам право владения монастырской землей навечно. Силу этого документа признавали даже иноземные захватчики.

— Каледонцы и голландцы, насколько мне известно. Но не иберы.

Если Маханаяке Тхеро и удивился основательной подготовке Моргана к разговору, то не выдал этого даже движением брови.

— Ну, иберы просто не признавали никаких законов, в особенности когда дело касалось иных религий. Надеюсь, вы не являетесь приверженцем взгляда, что право всегда принадлежит сильному?

Морган заставил себя улыбнуться.

— Ну что вы,— ответил он.— Разумеется, нет.

* Сангха — буддийская община.

«Так-то так,— добавил он про себя,— но до какого предела?..» Когда на карту поставлены интересы гигантских организаций, обычная человеческая мораль нередко отступает на второй план. Не пройдет и месяца — и лучшие юристы человечества, живые и электронные, скрестят шпаги над этим клочком земли. И если они не найдут правильного ответа, может возникнуть весьма щекотливая ситуация — и в глазах людей из героя превратишься в негодяя...

— Раз уж вы коснулись договора восемьсот пятьдесят четвертого года, разрешите напомнить, что он касается лишь самих монастырских владений, границы которых четко обозначены стеной.

— Совершенно верно. Но стена охватывает вершину целиком.

— На территорию за стеной ваша власть не распространяется.

— Власть — нет, но у нас есть те же права, что у любого землевладельца. Если сосед причиняет нам беспокойство, мы можем требовать по отношению к нему юридических санкций. Вопрос поднимается не впервые...

— Знаю. Он уже поднимался в связи с подвесной дорогой.

На губах Маханаяке Тхеро мелькнула чуть заметная усмешка.

— Я вижу, вы добросовестно выполнили свое домашнее задание,— сказал он.— Да, мы решительно возражали против нее по целому ряду причин — хотя должен признать, что теперь, когда дорога построена, мы нередко бываем ей благодарны...— Он задумался, затем добавил: — Дорога создала для нас кое-какие трудности, но выяснилось, что мы можем сосуществовать. Любители видов и просто зеваки остаются на наблюдательной площадке; ну а настоящих паломников мы по-прежнему рады принять на самой вершине.

— Тогда, наверное, можно найти какое-то компромиссное решение и в данном случае. Двести-триста метров разницы

по высоте не играют для нас серьезной роли. Мы могли бы оставить вершину нетронутой, а площадку под основание башни вырезать ниже по склону, наподобие станции подвесной дороги.

Оба монаха смерили Моргана такими испытующими взглядами, что ему стало не по себе. Он, в сущности, не сомневался, что абсурдность предложения ясна им так же, как ему самому, но считал себя обязанным сделать это предложение, что называется, ради протокола.

— У вас странное чувство юмора, доктор Морган,— произнес Маханаяке Тхеро после долгой паузы.— Что останется от духа Шри Канды, от уединения, которого мы искали три тысячи лет, если здесь поднимется ваше чудовищное сооружение? Уж не думаете ли вы, что мы предадим миллионы верующих, посещавших это святое место часто ценой здоровья, а то и жизни?

— Вполне понимаю ваши чувства,— ответил Морган, хоть и задал себе нелицеприятный вопрос: «Уж не лгу ли я?..» — Разумеется, мы сделаем все от нас зависящее, чтобы не причинить вам лишнего беспокойства. Все вспомогательные сооружения будут скрыты в недрах горы. Над нею будет выступать только подъемник как таковой, и с отдаления он будет совершенно невидим. Облик Шри Канды останется неизменным. Даже ваша знаменитая тень, которой я только что любовался, практически не пострадает.

Маханаяке Тхеро обернулся к своему младшему собрату, словно за советом. Досточтимый Паракарма взглянул Моргану прямо в глаза и осведомился:

— А как насчет шума?

«Черт,— подумал инженер,— моя ахиллесова пята. Грузовые кабины будут вырываться из-под земли со скоростью в несколько сот километров в час: чем сильнее они разгонятся на подземном отрезке пути, тем меньшая нагрузка упадет на саму конструкцию башни. Конечно, пассажирам не выдер-

жать больше половины *g*, но и пассажирские кабины успеют развить довольно высокую скорость...»

— Определенный аэродинамический шум неизбежен,— согласился Морган.— Но ничего похожего на крупный аэропорт.

— Весьма утешительно,— заявил Маханаяке Тхеро.

Морган готов был поклясться, что это саркастический ответ, но в голосе настоятеля не улавливалось ни малейшего следа иронии. То ли он изображал олимпийское спокойствие, то ли испытывал посетителя на восприимчивость. Более молодой монах, напротив, даже не пытался скрыть свой гнев.

— Годами,— воскликнул он с негодованием,— мы шлем протест за протестом против грохота, который производят возвращающиеся из космоса корабли. Теперь вы решили установить источник ударных волн прямо у нас за стеной!..

— На этой высоте у нас не будет сверхзвуковых скоростей,— твердо заявил Морган.— И конструкция башни поглотит большую часть звуковой энергии. В конечном счете,— добавил он, вдруг найдя новый аргумент и пытаясь его использовать,— мы поможем вам избавиться от грохота космических запусков. Здесь станет гораздо тише, чем было.

— Понимаю. На место периодических потрясений придет ровный, устойчивый гул...

«Да, с этим субъектом не договоришься,— подумал инженер.— А я-то еще воображал себе, что самым крепким орешком окажется отец настоятель...»

Иной раз лучшая тактика — решительно сменить тему. Морган собрался с духом и ступил на зыбкую почву богословия.

— Но разве то, что мы задумали,— спросил он с самым искренним видом,— не достойное дело? Пусть мы с вами преследуем разные цели, результаты наших усилий могут оказаться в чем-то близки. В сущности, мы надеемся возвести продолжение вашей лестницы. Если мне будет позволено так сказать, мы хотим удлинить ее до самых небес...

Досточтимый Паракарма был, казалось, ошеломлен подобной наглостью. Но прежде чем он успел собраться с мыслями, ответил старший по рангу — размеренно и спокойно:

— Небезынтересная мысль, только наше вероучение не приемлет надежды на небеса. Спасение может быть обретено только в этом мире, и я подчас поражаюсь вам, людям, которые так рьяно стремятся в другие миры. Вы знакомы с историей Вавилонской башни?

— Смутно.

— Загляните в старую христианскую Библию, книга Бытие, глава одиннадцатая. Это ведь тоже был инженерный проект, ставивший себе целью достичь небес. Он не увенчался успехом в силу трудностей взаимопонимания...

— У нас, конечно, тоже возникнут свои трудности, но не думаю, что такие же...

Однако, глядя на Паракарму, Морган уже не испытывал прежней веры в разум других. Несходство в мировоззрениях представлялось более глубоким, чем различие между *Homo sapiens* и «Звездопланом». Они с бывшим астрофизиком говорили на одном языке, но между ними лежали бездны непонимания, через которые не наведешь мостов.

— Могу я поинтересоваться,— невозмутимо вежливо продолжал Маханаяке Тхеро,— успешны ли были ваши переговоры с департаментом лесов и парков?

— Они проявили полную готовность к сотрудничеству.

— Что и неудивительно: им хронически не хватает средств, и они рады любому новому источнику доходов. Канатная дорога была для них подарком судьбы, и они, вне сомнения, надеются, что ваш проект окажется еще выгоднее.

— И они правы. Кроме того, им нравится, что башня не загрязнит окружающей среды.

— А если она упадет?

Морган выдержал взгляд преподобного и не отвел глаз.

— Не упадет,— заявил он с уверенностью человека, перебросившего перевернутую радугу с континента на континент.

Но в глубине души он знал — и непримиримый Паракарма, очевидно, знал тоже,— что полной уверенности в таких делах быть не может. Двести два года назад, в ноябре 1940 года, природа преподала этот урок так жестоко, что ни один инженер его уже не забудет.

Морган не боялся почти ничего, но это было для него навязчивым кошмаром. Денно и нощно — и даже сию секунду — компьютеры Всемирной строительной корпорации трудились над тем, чтобы кошмар никогда больше не становился явью.

Но все компьютеры мира, вместе взятые, не могли защитить Моргана от проблем, которых он не предвидел, от кошмаров, которые не снились еще никому.

18
ЗОЛОТЫЕ МОТЫЛЬКИ

Солнце пылало ослепительно, великолепные виды подступали к дороге со всех сторон — и все-таки Морган заснул прямо в машине, притом гораздо раньше, чем она спустилась с холмов. Даже бесчисленные крутые виражи оказались не в силах разбудить его — он очнулся только тогда, когда заскрипели тормоза и его резко бросило на ремни безопасности.

В первую минуту он испытал замешательство и решил, что видит сон. Сквозь полуоткрытые окна в машину задувал ветерок, теплый и влажный, точно из турецкой бани,— и тем не менее вокруг, по-видимому, бушевала метель.

Морган прищурился, протер глаза, потом окончательно открыл их. Ему никогда еще не доводилось видеть *золотого* снега...

Дорогу пересекал бессчетный рой мотыльков — они двигались строго на восток неудержимым, целеустремленным потоком. Десятка два-три залетели в машину и надоедливо порхали перед глазами, пока Морган не выгнал их наружу; сплошной слой бабочек выстлал ветровое стекло. Шофер выбрался из машины и, бормоча, вне сомнения, отборные тапробанские ругательства, принялся протирать стекло насухо; к тому моменту, когда он покончил с этим, поток истончился до жиденьких ручейков.

— Вам не рассказывали легенду? — осведомился шофер, обернувшись к пассажиру.

— Нет,— отрезал Морган. Легенды его не занимали, ему хотелось вновь погрузиться в дрему.

— Золотые мотыльки — души воинов Калидасы. Воинов той армии, которую он потерял в сражении при Яккагале...

Морган проворчал что-то нечленораздельное, надеясь, что шофер оставит его в покое, но тот продолжал как ни в чем не бывало:

— Каждый год, примерно в это время, они устремляются к горе и все до одного погибают на нижних ее отрогах. Иногда отдельным мотылькам удается подняться до середины «канатки», но не выше. К счастью для вихары...

— Для вихары?..— переспросил Морган в полусне.

— Для монастыря. Если мотыльки когда-либо достигнут его, Калидаса наконец одержит победу и бхикку — монахам — придется уйти. Таково пророчество, начертанное на плите, которая хранится в Ранапурском музее. Я вам ее покажу...

— Как-нибудь в другой раз,— поспешно отказался Морган, откидываясь на подушки.

Но задремать снова ему удалось далеко не сразу: образ, нарисованный словоохотливым шофером, оказался на редкость неотвязным. Золотые мотыльки преследовали его потом многие месяцы. Не раз при пробуждении и в самые напряженные и ответственные мгновения жизни он будто опять погружался в золотую метель, будто вновь наблюдал, как обреченные на смерть мириады тщетно штурмуют гору, ставшую символом веры.

Даже сейчас, в самом начале задуманной Морганом битвы, образ был слишком близок к действительности, чтобы спать спокойно.

19
У ВЕРЕГОВ ОЗЕРА САЛАДИН

Почти все предложенные компьютерами схемы альтернативного развития истории сходятся на том, что битва при Туре (732 год н. э.) обернулась несчастьем для человечества. Потерпи Карл Мартел, король франков, поражение, вожди ислама, вероятно, сумели бы преодолеть свои разногласия и продолжили бы завоевание Европы. Она избежала бы столетий средневекового варварства, промышленная революция началась бы почти на тысячу лет раньше, и к настоящему времени мы достигли бы не дальних планет, а ближайших звезд...

...Однако судьба распорядилась иначе, и армии пророка повернули обратно в Африку. Ислам окостенел и влачил жалкое существование до второй половины XX века, а затем неожиданно растворился в нефти...

Материалы симпозиума, посвященного
200-летию со дня смерти Арнольда Тойнби.
Из речи председателя (Лондон, 2089 г.)

— Известно ли вам,— спросил шейх Фарук Абдулла,— что я только что присвоил себе титул верховного адмирала Сахарского флота?

— Я ничуть не удивлен, господин президент,— отвечал Морган, всматриваясь в блистающую синеву озера Саладин.— И сколько у вас кораблей, если это не государственная тайна?

— В настоящий момент десять. Самый крупный — тридцатиметровая посудина на подводных крыльях, подведомственная Красному Полумесяцу: по субботам и воскресеньям она вылавливает незадачливых мореходов. Мой народ никак не подружится с водой — вон, взгляните на того идиота: называется, перешел на другой галс! Но в конце концов, что с них взять! Двести лет на то, чтобы пересесть с верблюда в лодку,— не так и много...

— Между верблюдами и лодками были еще «кадиллаки» и «роллс-ройсы». Своего рода переходный период.

— Ну, положим, мы не отказываемся от них и по сей день. «Роллс-ройс» «Серебряная тень», купленный моим прапрапрадедом, до сих пор как новенький. Впрочем, если по совести, больше всего хлопот доставляют нам гастролеры, решив-

шие поспорить с нашими ветрами. Мы-то предпочитаем моторные лодки. А я лично на будущий год завожу себе субмарину: фирма гарантирует, что она сможет погружаться на максимальную глубину озера — 78 метров.

— Это еще зачем?

— Ученые мужи спохватились, что в котловинах Эрга полно археологических сокровищ. Почему-то никто не беспокоился об этом, пока котловины не были затоплены...

Президент АСАР — Автономной Северо-Африканской Республики — не любил, когда его торопили, и Морган не собирался ломать его привычек. Что бы ни утверждали официальные документы, шейх Абдулла сосредоточил в своих руках такую власть и такие деньги, как никто другой на Земле. И что еще важнее, умел ими пользоваться.

Он происходил из семьи, где не боялись рискованных решений и почти никогда не сожалели о них. Первая и самая известная из семейных авантюр — вложение нефтедолларов в науку и технику Израиля. Это вызвало длительное, почти на полвека, негодование во всем арабском мире, зато в дальнейшем привело к рудникам на Красном море, к покорению пустынь и — много позже — к Гибралтарскому мосту.

— Не могу передать вам, Вэн,— сказал шейх наконец,— до какой степени ваш новый проект покорил меня. После тех передряг, какие мы рука об руку пережили за время строительства моста, я твердо уверен, что дай вам средства — и вы сумеете его осуществить.

— Благодарю вас.

— Но у меня возникло несколько вопросов. Например, мне неясно, зачем нужна пересадочная станция и почему именно на высоте в двадцать пять тысяч километров.

— По целому ряду причин. Примерно на такой высоте должна быть расположена главная электростанция, что само по себе требует возведения массивных конструкций. Затем, что ни говорите, а семь часов взаперти, в относительно тесной кабине,— это слишком долго. Разделение пути на два от-

резка даст нам немало преимуществ. Пассажиров не придется кормить в дороге — они смогут перекусить и размяться на станции. Можно рационализировать устройство самих кабин: обтекаемость понадобится лишь тем из них, которые предназначаются для нижнего отрезка, остальные можно делать гораздо проще и легче. И главное — пересадочная станция будет служить прежде всего как диспетчерский и контрольный центр. В дальнейшем, мы уверены, она станет еще и центром развлечений и отдыха.

— Но почему станция не в середине пути? Двадцать пять тысяч — это две трети расстояния до стационарной орбиты.

— Совершенно верно — середина была бы на высоте восемнадцать тысяч, а не двадцать пять. Но существует еще и фактор безопасности. На этой высоте станция, даже если вдруг она потеряет связь со стационарным спутником, не упадет на Землю.

— Почему?

— Ее собственной инерции хватит на то, чтобы удержаться на устойчивой орбите. Разумеется, станция начнет падать, но останется за пределами атмосферы, а значит, в безопасности. Она просто-напросто превратится в космическую станцию на эллиптической орбите с периодом обращения вокруг Земли порядка десяти часов. Два раза в сутки она будет проходить в точности через ту точку, откуда начала свое движение, и впоследствии ее связь со стационарным спутником может быть восстановлена. По крайней мере, теоретически...

— А практически?

— Не сомневаюсь, что это осуществимо. И уж безусловно, ни персонал, ни оборудование станции не пострадают. Чего никак нельзя гарантировать, если разместить станцию на меньшей высоте. Любое тело, падающее с высоты меньшей, чем двадцать пять тысяч километров, не позже чем через пять часов войдет в плотные слои атмосферы и сгорит.

— Подозреваю, что пассажирам своих космических лифтов вы объявлять об этом не станете.

— Мы надеемся, что они будут слишком увлечены созерцанием величественных видов, чтобы задумываться о таких пустяках.

— Послушать вас, так вашей орбитальной башне суждено прослыть завлекательным туристским аттракционом.

— А почему бы и нет? Подумайте только, лучший высотный видовой лифт на Земле поднимается всего на три километра! Мы предложим кое-что в десять тысяч раз повыше...

Наступила продолжительная пауза — шейх Абдулла обдумывал услышанное.

— Мы упустили заманчивую возможность,— заявил он наконец.— Можно было соорудить пятикилометровые видовые лифты в опорах Гибралтарского моста.

— Что и было предусмотрено первоначальным проектом. Потом нас заставили отказаться от них по обычным мотивам — ради экономии.

— Пожалуй, тут мы допустили ошибку — они бы оправдали себя. Кроме того, я только что совершил еще одно открытие. Если бы эти ваши... супернити появились вовремя, мост обошелся бы, вероятно, вдвое дешевле.

— Не хочу врать, господин президент. Более чем в пять раз дешевле. Но начало строительства пришлось бы отложить лет на двадцать, так что вы ничего не потеряли.

— Ну, это еще вопрос. Некоторые из моих финансистов до сих пор не убеждены, что строительство моста было здравой идеей, хотя рост интенсивности движения и опережает расчеты. А я не устаю повторять им, что деньги — это еще не все: Гибралтарский мост был необходим нашей республике не только как экономический, но и как психологический и культурный фактор. Известно ли вам, что восемнадцать процентов пользующихся мостом составляют те, кто решил просто прокатиться? И что, перебравшись на другой континент, они тут же поворачивают обратно, невзирая на сбор, который приходится платить вторично?

— Помнится,— бесстрастно произнес Морган,— когда-то давно я приводил вам сходные доводы. Вас тогда оказалось не так-то легко убедить.

— Что правда, то правда. Вы еще тогда ссылались на здание Сиднейской оперы как на пример того, что дерзость архитектуры способна многократно окупиться даже в валюте, не говоря уже о престиже.

— Не забудьте про пирамиды.

Шейх рассмеялся.

— Как вы назвали их тогда? Лучшим капиталовложением за всю историю человечества?

— Именно так. Четыре тысячи лет от роду — а приманивают туристов до сих пор.

— Все равно сравнение не выдерживает критики. Не кажется ли вам, что эксплуатационные расходы по поддержанию пирамид несколько отличаются от эксплуатационной стоимости моста и тем более вашей предполагаемой башни?

— Башня может простоять дольше, чем пирамиды. Космос — среда куда более дружелюбная, чем песчаная пустыня.

— Впечатляющая перспектива! Вы действительно верите, что башня продержится тысячи лет?

— Конечно, не в своем первоначальном виде. Но в принципе — да. Какие бы технические идеи ни принесло будущее, я просто не верю, что можно придумать более эффективный, более выгодный способ попадать с Земли в космос. Рассматривайте башню как еще один мост. На этот раз — мост к звездам или по крайней мере к планетам.

— И вы опять-таки хотите, чтобы мы помогли финансировать этот ваш новый мост. Между тем нам еще лет двадцать возмещать расходы по тому, прежнему мосту. Ваш космический лифт будет расположен вне нашей территории, да, пожалуй, и не так уж важен для нас...

— Очень важен, господин президент! Ваша республика — неотъемлемая часть мировой экономики, а стоимость космических перевозок стала сегодня одним из параметров, тор-

мозящих ее развитие. Загляните в прогнозы футурологов на пятидесятые и шестидесятые годы...

— Уже заглядывал. Не спорю, интересно. И все же, хоть мы в общем-то не бедняки, мы не в состоянии набрать и малой доли необходимых сумм. Помилуйте, ваша башня поглотит валовой доход всей планеты за два года!

— И будет возвращать все расходы каждые пятнадцать лет, пока существует Земля.

— Если ваши расчеты подтвердятся.

— В случае Гибралтарского моста они подтвердились. Но вы, разумеется, правы — я и не ждал от вас невозможного. Дайте делу первый толчок, проявите заинтересованность, и нам будет гораздо легче добиться поддержки других.

— Чьей же?

— Мирового банка. Межпланетных банков. Федерального правительства.

— И вашего собственного начальства, Всемирной строительной корпорации, не так ли? Давайте начистоту — как вы себе это мыслите, Вэн?

«Ну, наконец-то,— подумал Морган, едва сдержав вздох облегчения.— Наконец-то можно поговорить в открытую с человеком, заслуживающим доверия: он занимает слишком высокое положение, чтобы опасаться мелочных бюрократических интриг, и в то же время способен тщательно взвесить их последствия...»

— Бóльшую часть предварительной работы я проделал в свое свободное время, а сейчас я в отпуске. Между прочим, точно так же я когда-то начинал и с мостом. Не помню, рассказывал ли я вам, что получил однажды вполне официальное распоряжение «забыть об этой бредовой затее»... Прошедшие годы меня все же кое-чему научили.

— Доклад, с которым вы меня познакомили, очевидно, потребовал массы вычислений. Кто платил за компьютер?

— В моем распоряжении есть кое-какие бюджетные средства. К тому же все давно привыкли, что мои подчиненные

ведут исследования, которых никто, кроме них самих, не понимает. Говоря по правде, я не один — небольшая группа возится с этой идеей уже месяца три-четыре. Такие же энтузиасты, как и я, и тоже тратят на нее почти все свое свободное время. Но сейчас настала пора либо перейти Рубикон, либо забросить наше детище навсегда...

— А ваш глубокоуважаемый председатель в курсе дела?

Морган улыбнулся не слишком весело.

— Конечно нет, и я не намерен посвящать его ни во что до тех пор, пока сам не выясню все до последней подробности.

— Предвижу определенные трудности,— заявил шейх Абдулла, демонстрируя свою проницательность.— И одна из них — вполне вероятное заявление сенатора Коллинза, что он изобрел вашу башню первым.

— Этого он заявить при всем желании не сможет — самой идее без малого двести лет. Но он, как и многие другие, будет вставлять нам палки в колеса. А я хочу увидеть эту идею осуществленной при моей жизни.

— И, само собой разумеется, хотите лично возглавить работы... Ну хорошо, а в чем конкретно, по-вашему, может выразиться наше участие?

— Разрешите высказать одно предположение, господин президент. У вас может возникнуть какая-то другая, лучшая мысль, но я основал бы консорциум в составе, допустим, управления Гибралтарского моста, корпораций Суэцкого и Панамского каналов, компании по эксплуатации ламаншских туннелей, корпорации дамбы Берингова пролива. А затем, уже от имени консорциума, обратился бы к ВСК с просьбой провести вероятностные расчеты. Затраты на этой стадии будут совершенно пустяковыми.

— А точнее?

— Меньше миллиона. Я ведь уже проделал девять десятых работы.

— Ну а потом?

— Потом при вашей поддержке, господин президент, я мог бы разыгрывать партию по своему усмотрению. Я мог бы остаться главным инженером ВСК. А мог бы подать в отставку и перейти в консорциум — назовем его для звучности космотехническим. Все зависело бы от обстоятельств. Я поступил бы так, как оказалось бы предпочтительнее в интересах проекта.

— Ваш подход к делу представляется мне разумным. Думаю, мы договоримся...

— Благодарю вас, господин президент,— ответил Морган со всей возможной искренностью.— К сожалению, есть одно досадное препятствие, которое следует убрать с дороги без промедления, едва ли не раньше, чем создавать консорциум. Придется обращаться в Международный суд и устанавливать свои права на, пожалуй, самый ценный земельный участок на всей планете.

20
КОГДА МОСТЫ ТАНЦУЮТ

Даже в век мгновенной связи и стремительного всемирного транспорта многие предпочитали сохранять за собой какое-то помещение, которое можно было бы назвать личным кабинетом. Перевести в электронные заряды и хранить в компьютерной памяти удавалось далеко не все: оставалось еще такое имущество, как добрые друзья — старомодные книги, профессиональные свидетельства, дипломы и награды, модели конструкций, образцы строительных материалов, эскизы будущих сооружений в представлении художников (не столь точные, как чертежи, зато очень впечатляющие) и, разумеется, ковер от стены до стены — предмет первой необходимости для любого уважающего себя чиновника, дабы смягчить удары реальной действительности.

Кабинет Моргана, где он проводил в среднем десять дней в месяц, располагался, как и все управление наземных про-

ектов, на шестом этаже неказистого главного здания Всемирной строительной корпорации в Найроби. Этажом ниже размещалось управление морских проектов, этажом выше — дирекция, то бишь сенатор Коллинз со своими присными. Верхний этаж архитекторы в припадке наивного символизма отдали управлению космических проектов. Даже предусмотрели маленькую обсерваторию на крыше и установили там тридцатисантиметровый телескоп, который теперь непрестанно выходил из строя,— его использовали исключительно на вечеринках и частенько вовсе не для астрономических целей. Излюбленным объектом наблюдения бывали комнаты верхних этажей так называемого «Отеля трех планет», стоящего в каком-нибудь километре от ВСК: там порой встречались самые странные формы жизни — или, на худой конец, странные формы поведения.

Во время короткого визита в АСАР Морган держал постоянную связь с обоими своими секретарями — человеком и компьютером — и не ждал никаких сюрпризов по возвращении. По нормам любого из предшествующих веков он обходился до странного малочисленным штатом. В его непосредственном подчинении было менее трехсот человек, зато они обладали такими возможностями сбора и обработки информации, с какими в докомпьютерную эпоху не могло бы потягаться население всей планеты.

— Ну как, поладил ты с шейхом? — спросил инженера Уоррен Кингсли, его заместитель и давний друг, как только они остались вдвоем.

— Наилучшим образом. Сдается мне, мы договорились. Никак не могу поверить, что вся задержка теперь за такой дурацкой проблемой. Что говорит юридический отдел?

— Что нам, без сомнения, понадобится вердикт Международного суда. Если суд сочтет, что этого настоятельно требуют интересы общества, нашим благочестивым друзьям придется выметаться... Впрочем, упрись они — ситуация сложится пренеприятная. Тогда, чтоб они собрались с духом, ты нашлешь на них небольшое землетрясеньице...

Тот факт, что Моргана избрали в состав правления компании «Дженерал тектоникс», давно уже стал мишенью для шуток; только «Дж. т.» — быть может, к счастью,— так и не наловчилась ни вызывать землетрясения, ни хотя бы контролировать их. Да на это, по правде сказать, никто и не рассчитывал: хорошо бы, чтобы компания научилась безошибочно предсказывать бесчинства стихий и отводить их гнев в относительно безопасное русло. Но, увы, даже эти скромные требования удавалось выполнить не чаще, чем три раза из четырех.

— Блестящая идея,— отозвался Морган.— Я ее обдумаю. Ну а что слышно с той, другой задачей?

— Все подготовлено — хочешь, покажу?

— Валяй. Начни с самого худшего...

Окна автоматически затемнились, и в центре кабинета возникла решетка из светящихся линий.

— Приглядись, Вэн,— произнес Кингсли.— Вот режим, чреватый катастрофой.

Прямо в воздухе возникли ряды цифр и символов: скорости, ускорения, нагрузки на каждую кабину и на единицу времени — Морган впитывал эту информацию в буквальном смысле слова на лету. Над самым ковром повис земной шар с линиями широты и долготы, а над ним на высоту чуть выше человеческого роста поднялся луч, обозначающий орбитальную башню.

— Величина боковой деформации увеличивается ради наглядности в пятьдесят раз, скорость ее возникновения — в пятьсот. Вот, полюбуйся...

Какая-то невидимая сила вцепилась в светлую нить, норовя отклонить ее от вертикали. Отклонение становилось все более отчетливым и одновременно смещалось вверх — компьютер, выполняющий миллионы вычислений в секунду, имитировал движение груженой кабины сквозь гравитационное поле Земли.

— Чему равна фактическая деформация? — осведомился Морган, напряженно вглядываясь в своевольную нить.

— Сейчас около двухсот метров. Дойдет до трехсот — и...

Нить оборвалась. Лениво, будто в замедленной съемке, что на деле означало тысячи километров в час, две ее половинки начали отдаляться друг от друга: одна — склоняясь к поверхности планеты, вторая — взвиваясь вверх в космос... Но Морган уже позволил себе отвлечься от воображаемого бедствия, состоявшегося пока лишь в расчетах компьютера; сознанием вновь завладел иной, реальный кошмар, тот самый, что преследовал его долгие годы...

Он видел этот фильм двухсотлетней давности никак не меньше пятидесяти раз, а отдельные отрывки изучал кадр за кадром, пока не запомнил их до последней детали. И то сказать, это были, пожалуй, самые дорогостоящие кадры в анналах документального кино, по крайней мере в мирное время: штату Вашингтон они обошлись по нескольку миллионов долларов за минуту.

Мост, переброшенный через каньон. Изящный, элегантный (слишком элегантный!) подвесной мост. И одинокий автомобиль, брошенный испуганным владельцем на середине. Было отчего испугаться: этот красавец мост выкидывал такие штуки, как ни один другой за всю историю мостостроения.

Никто не поверил бы, что тысячи тонн металла способны исполнить настоящий воздушный балет; можно было заподозрить, что мост сделан не из стали, а из резины. По всей ширине мостового пролета прокатывались неспешные мерные волны, и дорожное полотно, подвешенное меж двух опор, извивалось, как гигантская разъяренная змея. Ветры, дующие внизу, в каньоне, выводили мелодию, слишком низкую для человеческого слуха, и эта мелодия резонировала с частотой собственных колебаний моста — прекрасного, но обреченного сооружения. Силы скручивания терзали его час за часом, и никто не знал, когда наступит конец. Затяжная агония оказалась таким испытанием, какого незадачливые конструкторы не предвидели.

И вдруг поддерживающие канаты лопнули, взметнувшись ввысь, как смертоносные стальные бичи. Дорожное полотно, крутясь и кувыркаясь, свалилось в реку, и во все стороны брызнули осколки металла. Даже при обычной скорости проекции сцена казалась заснятой в замедленном темпе: размах катастрофы был так велик, что наблюдатель не мог подобрать масштаба для сравнения. В действительности все продолжалось от силы пять секунд; пять секунд — и мост Такома Нэрроуз оказался навечно занесен на скрижали инженерных поисков и неудач. Через двести лет фотография последних мгновений его жизни украсила собой стену кабинета Моргана — с припиской: «Одна из наших бесподобнейших неудач».

Морган сделал эту приписку не ради шутки, а как напоминание самому себе: неожиданности до поры таятся в засаде, а потом атакуют из-за угла. При проектировании Гибралтарского моста он тщательнейшим образом ознакомился с классическим анализом катастрофы в теснине Такомы, выполненным фон Карманом, постарался извлечь из ошибок прошлого все уроки, какие можно было извлечь. И его детище не знало серьезных вибрационных проблем, хотя налетавшие с Атлантики ураганы порой отклоняли дорожное полотно на добрую сотню метров от осевой линии — в точности по расчету.

Но космический подъемник был таким гигантским прыжком в неведомое, что с полной уверенностью прогнозировалось только одно: сюрпризы появятся непременно, и самые неприятные. Вычислить силу ветра на атмосферном участке не составляло труда, но следовало принять во внимание разнообразные вибрации, создаваемые запуском и остановкой кабин, плюс вполне ощутимые при исполинских размерах сооружения приливные влияния Солнца и Луны. И не по отдельности, а в комбинации друг с другом — и, для «полноты картины», с учетом какого-нибудь внезапного землетрясения, чтобы предусмотреть действительно все возможности, даже худшие из худших.

— При таком тоннаже полезного груза в час все имитации дают одинаковый результат. Вибрации нарастают, пока башня не переламывается на высоте порядка пятисот километров. Придется решительно усиливать амортизацию со стороны орбиты.

— Этого я и боялся. Сколько понадобится?

— Дополнительно десять мегатонн.

Морган имел право на своего рода мрачное удовлетворение: цифра оказалась очень близка к его догадке, основанной исключительно на интуиции, на таинственных резервах подсознания. Теперь и компьютер подтвердил, что «якорную» массу на орбите надо увеличивать на десять миллионов тонн.

Даже по меркам земных строителей, привыкших двигать горы, такую массу нельзя было назвать пустяком — она соответствовала гранитному шару диаметром двести метров. Морган ужаснулся внезапному видению: Яккагала, какой она запомнилась ему, нависшая в небе над Тапробаном. Подумать только — поднять этакую махину в космос, на высоту сорок тысяч километров! К счастью, этого не потребуется: существовали по меньшей мере два альтернативных решения.

Морган никогда не мешал подчиненным додумываться до правильных выводов самостоятельно: только так можно было воспитать в людях ответственность, только так можно было снять часть ноши с собственных плеч — и случалось, даже нередко, что вассалы находили дорожки, каких не приметил сюзерен.

— Что ты предлагаешь, Уоррен? — невозмутимо спросил он.

— Первый путь — использовать одну из лунных ракетных катапульт и перебросить на околоземную орбиту десять мегатонн лунного грунта. Долго, дорого, и придется разрабатывать целую систему перехвата породы и перевода ее на окончательную орбиту. Возникнут и неизбежные психологические проблемы...

— Легко могу себе представить. Нам ни к чему еще один Сан-Луис-Доминго...

Так назывался — хорошо еще, что небольшой — южноамериканский городишко, на который обрушился груз добытого на Луне металла, предназначенный для одной из орбитальных станций и ненароком сбившийся с курса. Перехватить груз на финальном участке пути тоже не удалось — результатом явились первый в истории метеорный кратер искусственного происхождения и двести пятьдесят смертей. С того дня население Земли утратило доверие к снайперам, похваляющимся попасть в яблочко на межпланетных расстояниях.

— Куда проще было бы поймать подходящий астероид. Мы уже развернули поиск, и на приемлемых орбитах найдены три многообещающих претендента. В идеале нам бы нужен углистый астероид, чтобы использовать его еще и как сырье для завода по производству суперните. Так сказать, убить двух зайцев одним камушком...

— Довольно весомым камушком, но ты прав — это наилучший выход. Лунную катапульту выкинь из головы: миллион запусков по десять тонн каждый затянутся на годы, и отдельные «посылки» непременно попадут куда-нибудь не туда. И даже если не найдется астероида нужного размера, недостающую массу нетрудно будет доставить при помощи самого подъемника, хотя, конечно, обидно тратить столько энергии впустую, если этого можно избежать.

— Знаешь, не исключено, что этот способ окажется самым выгодным. Новые термоядерные электростанции обладают таким высоким КПД, что доставка тонны груза на орбиту обойдется не дороже двадцати долларов.

— Ты убежден, что цифра верна?

— Ее называю не я, а сами энергетики.

Морган помолчал минуту-другую, потом сказал:

— Ракетчики меня возненавидят...

«Почти так же, как досточтимый Паракарма»,— добавил он про себя. Но нет, сравнение не годилось. Ненависть — эмоция, немыслимая для истинного приверженца буддийского

учения. В глазах бывшего доктора Чоума Голдберга Морган читал не ненависть, а просто непримиримость; однако кто возьмется судить, какое из двух «не» опаснее?

21
ВЕРДИКТ

Знакомых Пола Саратха очень раздражали его внезапные звонки, веселые или мрачные — смотря по обстоятельствам,— но неизменно начинающиеся с вопроса: «Слышал новость?..» Раджасингха частенько подмывало ответить, не вникая в суть дела: «Разумеется, слышал — и нисколько не удивлен»,— но не хватало духу портить старому другу заранее предвкушаемое удовольствие.

— Ну, что там еще стряслось? — отозвался Раджа без особого энтузиазма.

— Максина по второму всемирному каналу беседует с сенатором Коллинзом. Думается, наш приятель Морган попал в беду. Позже перезвоню...

Возбужденный Пол исчез с экрана, чтобы уступить место Максине Дюваль: Раджасингх включил основной канал текущих новостей. Максина, сидя у себя в студии, обращалась к председателю Всемирной строительной корпорации, который пребывал в состоянии еле сдерживаемого раздражения — похоже, нарочитом.

— ...Поскольку Международный суд объявил о своем решении, не считаете ли вы, сенатор...

— А я-то думал, решения не будет до пятницы,— проворчал Раджасингх, нажимая кнопку видеозаписи. Потом, резко уменьшив звук, включил линию прямой связи с «Аристотелем» и вдруг опомнился: «Мой бог, сегодня же и есть пятница!..»

Как обычно, Ари отозвался без промедления:

— Доброе утро. Раджа. Чем могу быть полезен?

Этот глубокий, бесстрастный голос, чуждый всех человеческих несовершенств, за сорок лет их знакомства не изме-

нился ни на йоту. «Я умру,— мелькнула мысль,— минуют десятилетия, столетия, а он будет так же бесстрастно разговаривать с другими. И сколько еще разговоров он ведет одновременно в эту самую минуту?..» Некогда подобные мысли угнетали Раджу — сейчас они как-то потеряли гнетущий оттенок. Завидовать бессмертию «Аристотеля» было бы просто смешно.

— Доброе утро, Ари. Я хотел бы услышать вынесенный сегодня вердикт Международного суда по иску Космотехнической корпорации к монастырю Шри Канда. Меня вполне устроит краткое резюме — полный отчет можно передать позже.

— Параграф первый. Право аренды участка, где расположен монастырь, подтверждено бессрочно в соответствии с тапробанским и мировым законодательствами — последнее в формулировках две тысячи восемьдесят пятого года. Принято единогласно. Параграф второй. Возведение так называемой орбитальной башни рядом с памятником большого исторического и культурного значения подлежит запрету в соответствии с законами о гражданских правонарушениях, поскольку сопровождается неизбежным шумом, вибрацией и беспокойством для граждан. Заинтересованность общества в упомянутом сооружении на данном этапе представляется недостаточной. Принято четырьмя голосами против двух при одном воздержавшемся.

— Спасибо, Ари. Отчета не нужно, он теперь не потребуется. Всего доброго...

Ну, вот все и кончилось — как и следовало ожидать. И в сущности, Раджа сам не понимал, радоваться такому концу или огорчаться.

С одной стороны, глубоко привязанный к прошлому, он не мог не одобрять того, что древние традиции почитаемы и взяты под защиту. Если человечество извлекло какой-то урок из своей кровавой истории, то в первую очередь тот, что оно состоит из отдельных личностей и что охранять надо каждого, какими бы эксцентричными ни казались его наклонно-

сти, разве что эти наклонности идут во вред интересам других. Недаром старые поэты — певцы свободы отрицали самую идею государства: может статься, они подчас заходили в своем отрицании слишком далеко, но это все же много лучше, чем от имени государства отрицать свободу.

С другой стороны, Раджасингх ощущал что-то очень похожее на разочарование. Он уже почти убедил себя, что фантастическая затея Моргана — наилучшее средство уберечь Тапробан (а может, и весь мир, хотя за мир он больше не был в ответе) от постепенного сползания к уютному, самодовольному упадку. Или он попросту готовил себя к тому, что считал неизбежным? Теперь судебный вердикт положил этой затее предел — как минимум на годы.

«Любопытно, чем-то утешит нас Максина?» — подумал Раджа и включил только что записанную передачу. Второй всемирный канал, канал новостей и комментариев к ним (за что его и прозвали «Боссы перед микрофоном»), сегодня демонстрировал миру разгневанного сенатора Коллинза.

— ...вне сомнения, превысил свои полномочия и отвлек сотрудников на разработку проектов, не входящих в компетенцию управления.

— Но простите, сенатор, не кажется ли вам, что вы подходите к делу формально? Насколько я понимаю, супернити предназначены для целей строительства, в первую очередь для сооружения мостов. А разве это не мост своего рода? Я сама слышала, как доктор Морган называл свое детище «мост», а иногда — «башня».

— Это вы, Максина, подходите к делу формально. Я бы предпочел наименование «космический лифт». А в отношении супернитей вы заблуждаетесь. Без малого двести лет ими занимались специалисты по космосу. Тот факт, что решающее открытие сделано в управлении наземных проектов, представляется мне несущественным, хотя я, естественно, горд, что открытие совершили ученые, представляющие мою организацию.

— Вы полагаете, что дальнейшую работу в этом направлении следует сосредоточить в управлении космических проектов?

— Какую работу? Проведены сугубо предварительные, черновые изыскания — такие ведутся в ВСК сотнями. Я не вникаю в них и не намерен вникать до тех пор, пока не назреет необходимость принимать ответственные решения.

— А в данном случае она не назрела?

— Разумеется, нет! Мои эксперты по космосу утверждают, что справятся с плановым увеличением перевозок — по крайней мере в обозримом будущем.

— А точнее?

— Расчеты выполнены на двадцать лет.

— А что потом? Сооружение башни, по прогнозам доктора Моргана, займет именно двадцать лет. Что, если она не будет готова в срок?

— Тогда появится что-нибудь еще. Мои подчиненные изучают все варианты, и никто пока что не доказал, что космический лифт — единственно правильное решение.

— Идея сама по себе представляется вам здравой?

— Видимо, так, хотя ее нужно рассмотреть подробнее.

— Значит, вы должны быть благодарны доктору Моргану за проявленную им инициативу.

— Я глубоко уважаю доктора Моргана. Он один из самых талантливых инженеров в моей организации, а может, и во всем мире.

— По-моему, сенатор, вы уклоняетесь от ответа.

— Что ж, извольте: я благодарен доктору Моргану за то, что он обратил наше внимание на эту проблему. Однако я вовсе не одобряю способа, каким он это сделал. Если говорить напрямую, он попытался навязать мне свою точку зрения.

— Каким же образом?

— Выйдя за пределы моей, то есть своей собственной организации. Изменив ей. Доведя дело своими кулуарными ма-

неврами до неблагоприятного вердикта Международного суда, что неизбежно вызовет самые нежелательные комментарии. В создавшихся обстоятельствах у меня не оставалось другого выхода, кроме как просить его об отставке. Поверьте, я и сам сожалею...

— Благодарю вас, сенатор Коллинз. Беседа с вами доставила мне, как всегда, большое удовольствие.

«Ах ты, лгунишка!..» — произнес про себя Раджасингх, отключая видеозапись и принимая вызов, горевший на пульте уже минуты две.

— Ну, слышал? — осведомился профессор Саратх.— Вот и конец доктору Вэнневару Моргану...

Раджасингх ответил старому другу задумчивым взглядом.

— Как ты любишь, Пол, делать поспешные выводы! Держу пари, что ты заблуждаешься.

III
КОЛОКОЛ

22
ОТСТУПНИК

Доведенный до отчаяния бесплодными попытками постичь суть Вселенной, мудрец Девадаса в конце концов возвестил в великом гневе:

— Любое утверждение, в котором содержится слово «бог», ложно.

Внезапно подал голос самый скромный из учеников мудреца, Сомашири:

— Фраза, которую я произношу сейчас, содержит слово «бог». Но я не вижу, о благородный учитель, каким образом это простое утверждение может быть ложно.

Девадаса размышлял над услышанным в течение нескольких лун. Затем он ответил ученику, не скрывая самодовольства:

— Только утверждения, в которых не содержится слова «бог», могут быть истинны.

Голодный мангуст не успел бы проглотить просяное зернышко, как Сомашири откликнулся:

— Но если отнести твое утверждение к нему же самому, о преподобный, оно становится ложно, поскольку в нем содержится слово «бог». А если твое утверждение ложно...

В ту же секунду Девадаса разбил о голову Сомашири чашу для подаяний и потому должен почитаться истинным основателем дзен-буддизма.

«Чулавамса»*. Отрывок из главы,
не найденной до настоящего времени

Досточтимый Паракарма пустился в путь в предвечерние часы, когда ступени лестницы уже не были так накалены беспощадным солнцем. Он рассчитывал переночевать в верхней гостинице для паломников, а на следующий день вернуться в мир людей.

* «Чулавамса» — ланкийская хроника, охватывающая события V–XVIII вв.

Маханаяке Тхеро не стал ни напутствовать собрата, ни отговаривать: если преподобный и был огорчен, то ничем этого не выдал. Он лишь промолвил: «Ничто не вечно» — и сложил ладони у груди вместо благословения.

Досточтимый Паракарма — бывший, а возможно, и будущий доктор Чоум Голдберг — не сумел бы, наверное, объяснить настоятелю мотивы своего поступка. Легко сказать: «Я уверен, что поступаю правильно»,— куда труднее доказать это людям и себе.

Здесь, в обители Шри Канда, он на время обрел душевное спокойствие — теперь оно миновало. Логика ученого не позволяла ему долее мириться с присущей буддизму двусмысленностью: то ли бог есть, то ли нет — монахам это, казалось, было совершенно все равно, а Паракарме такое равнодушие представлялось хуже прямого отрицания.

Если бы могла существовать генетическая предрасположенность к богоискательству, оставалось бы предположить, что доктор Голдберг унаследовал редкий набор генов от каких-нибудь далеких предков. Он искал бога через математику — нет, конечно, не он первый, хотя со времен Курта Гёделя, отца современной математической логики, таких фанатиков и поубавилось. Тем не менее Голдберг-Паракарма обратился к миру мнимых величин, к глубокой, прекрасной в своей простоте эйлеровой формуле:

$$e^{i\pi} + 1 = 0,$$

и задал себе непроходимо метафизический вопрос: не свидетельствует ли ее динамичная асимметрия о том, что мир есть создание некоего исполинского интеллекта?

Он начал свою научную карьеру с того, что предложил новую теорию происхождения Вселенной, просуществовавшую, прежде чем ее не опровергли, целых десять лет. Неудивительно, что нашлись поклонники, провозгласившие Голдберга новым Эйнштейном или Н'Гойей. В век специализации, доведенной до абсурда, этот возмутитель спокойствия ухитрился внести заметный вклад даже в аэро- и гидродина-

мику — науки, которые давно считались омертвевшими, неспособными к дальнейшему развитию.

И вдруг в свои лучшие годы он испытал приступ религиозного ослепления, почти как Блэз Паскаль, хотя и без столь трагических последствий. На целых десять лет ученый по доброй воле затерялся в безвестности шафрановых тог, посвятив свой блестящий ум мертвым догматам веры. Пожалуй, он и сегодня еще не жалел о растраченных годах и не поручился бы, что порвал с буддизмом навсегда: настанет день, думал он, и великая лестница, быть может, увидит его опять. Но таланты, данные ему свыше, словно пробудились от долгого сна; сейчас ему предстояла работа, а для нее нужны были инструменты, каких не сыщешь в монастыре — да, коли на то пошло, и на всей Земле тоже.

Неприязни к Вэнневару Моргану он больше не испытывал. Пусть ненамеренно, но ведь именно инженер заронил искру, породившую пожар; что ни делается, все к лучшему. Тем не менее храм Шри Канда надо защитить любой ценой. Это Паракарма решил твердо, независимо от того, как повернется колесо судьбы и суждено ли ему самому вновь изведать покой вершины.

И вот, подобно новому пророку Моисею, досточтимый Паракарма стал спускаться в мир, от которого сам же отрекся. Он был слеп к окружающей красоте земли и неба: любые зримые красоты представлялись ему совершеннейшим вздором рядом с теми, что видны ему одному,— с легионами уравнений, движущимися по тропам мозга.

23
КОСМИЧЕСКИЙ БУЛЬДОЗЕР

— Ваша беда в том, доктор Морган,— объявил посетитель,— что вы облюбовали себе не ту планету.

— Думается,— парировал Морган, намеренно не сводя глаз с кресла на колесах, в котором приехал гость,— что про вас можно с полным правом сказать то же самое.

Вице-президент Народного банка Республики Марс ответил незлобивым смешком.

— Ну я-то явился на Землю всего на недельку — и сразу обратно на Луну, в условия, приемлемые для цивилизованных людей. При необходимости я мог бы встать на ноги, но предпочитаю обходиться без этого.

— Послушайте, а зачем вам вообще понадобилось являться на Землю?

— Стараюсь бывать здесь как можно реже, но иногда от этого не уйдешь — нужно увидеть все своими глазами. Вопреки распространенному заблуждению отнюдь не все можно решить на расстоянии. Думаю, вы и сами того же мнения.

Морган кивнул: в словах марсианина была немалая доля истины. Как часто фактура материала, жесткость камня или податливость песка под ногами, запах джунглей, водяные брызги на лице наталкивали его самого на рождение новых замыслов! Надо полагать, придет день — и все эти ощущения тоже будут передаваться на расстояние; не секрет, что попытки такого рода уже предпринимались — на экспериментальной основе, ценой огромных затрат. Но никакие затраты, никакие чудеса электроники не в силах полностью заменить реальность: люди всегда остерегались подделок...

— Если вы приехали на Землю специально ради того, чтобы поговорить со мной,— сказал Морган,— то я польщен такой честью. Но если вы хотите предложить мне работу на Марсе, то не советую тратить время понапрасну. Я доволен своей отставкой, доволен возможностью общаться с друзьями и родными, которых не видел годами, и совершенно не намерен начинать все сызнова.

— Не верю своим ушам: вам же всего пятьдесят два! Вы не сможете жить в праздности...

— А я и не собираюсь. Есть добрый десяток дел, которым я могу посвятить остаток жизни. Древние инженеры — римляне, греки, инки,— их искусство всегда восхищало меня, но я никогда не имел времени заняться им всерьез. Все-

мирный университет просил меня подготовить и прочесть курс о принципах современного дизайна. Я подрядился написать учебник по проектированию сверхсложных сооружений. Кроме того, мне хотелось бы разработать две-три полезные идейки насчет использования стихий — ветров, землетрясений и так далее — для корректирования динамических нагрузок. Я же до сих пор остаюсь консультантом «Дженерал тектоникс». И еще я готовлю доклад о совершенствовании структуры управления ВСК.

— Это по чьему же заказу? Уж наверное, не сенатора Коллинза?

— Нет,— ответил Морган с мрачной улыбкой.— Но думаю, что толк от доклада будет, и немалый. Да и душу отведу.

— Не сомневаюсь. Однако всю эту деятельность нельзя назвать творческой в полном смысле слова. Рано или поздно она вам надоест, как и этот прекрасный норвежский ландшафт. Нельзя без конца любоваться озерами в обрамлении елей — устанешь, как устаешь от долгого сидения за письменным столом и публичных выступлений. Да и вообще, доктор Морган, вы принадлежите к тем беспокойным людям, которые могут быть счастливы, лишь изменяя мир вокруг себя.

Морган промолчал: перспектива, нарисованная гостем, была слишком вероятной, чтобы прийтись по душе.

— Подозреваю, что внутренне вы согласны со мной. Как вы отнесетесь к сообщению, что банк, который я представляю, всерьез заинтересовался проектом космического подъемника?

— Отнесусь скептически. Я уже обращался к вашему банку и получил ответ, что идея великолепна, но у банка в настоящий момент нет свободных денег. Все наличные фонды вкладываются в развитие Марса. Старая история — рады будем вам помочь, как только вы перестанете нуждаться в помощи...

— Это было год назад. С тех пор мы пересмотрели свою позицию. Мы предлагаем вам построить космический подъемник — но не на Земле. На Марсе. Такая поправка вас не пугает?

— Может, и нет. Продолжайте.

— Примите во внимание преимущества нашей планеты. Сила тяжести втрое ниже, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Синхронная орбита также в два с лишним раза ближе. Так что с самого начала технические проблемы неизмеримо упрощаются. По нашим оценкам, марсианская система обойдется вдесятеро дешевле земной.

— Очень может быть, хоть я еще и не проверял.

— И это отнюдь не все. На Марсе, несмотря на разреженную атмосферу, случаются жестокие ветры, но у нас есть и горы, которым любые ветры по грудь. Ваша Шри Канда не достигает и пяти километров. А наша Монс Павонис вздымается на двадцать один километр, и притом точно на экваторе! И самое главное, на ее вершине нет никаких марсианских монахов с договорами о долгосрочной аренде... Наконец, последний из доводов, почему Марс будто нарочно создан для космического подъемника. Деймос обращается всего в трех тысячах километров над стационарной орбитой. Так что природа заранее позаботилась о том, чтобы забросить парочку миллионов мегатонн в точности туда, где их можно использовать в качестве якоря.

— Остается еще небезынтересная задача синхронизации разных по характеру орбит, но в принципе картина ясна. Мне хотелось бы встретиться с людьми, которые вам ее растолковали.

— В настоящее время помочь не могу. Они на Марсе. Придется вам отправиться туда.

— Это соблазнительно, но сначала еще несколько вопросов.

— Пожалуйста.

— Земле подъемник *необходим* — по причинам, вам, безусловно, известным. Но Марс-то вполне может без него обойтись! Интенсивность космических сообщений у вас невелика, и резкого скачка перевозок не предвидится. Какой же смысл строить башню?

— Признаться, я гадал, скоро ли вы об этом спросите.

— Вот я и спрашиваю.

— Слышали вы о проекте «Эос»?

— Вряд ли.

— Эос — греческая богиня утренней зари. Ее именем мы назвали план омоложения Марса.

— О да, я, конечно, слышал о нем. Вы хотите растопить полярные шапки, не так ли?

— Именно так. Если мы растопим весь лед и смерзшийся углекислый газ, произойдут большие изменения. Плотность атмосферы возрастет настолько, что люди смогут работать на поверхности без космических скафандров, а в дальнейшем и дышать без кислородных приборов. Появятся ручьи и реки, а то и небольшие моря и, главное, растительность, зачатки тщательно подобранных флоры и фауны. Через два-три столетия на Марсе раскинутся новоявленные райские кущи! Это же единственная планета в Солнечной системе, которую мы способны перестроить уже сегодня, на базе современной технологии: Венере, быть может, суждено навсегда остаться раскаленной печью.

— А при чем тут космический подъемник?

— На орбиту надо будет поднять оборудование весом в несколько миллионов тонн. Ведь единственный практический путь отогреть Марс — расположить вокруг планеты солнечные зеркала поперечником в сотни километров. Заметьте, что зеркала должны быть установлены на века: когда ледовые шапки растают, на планете надо будет поддерживать оптимальную температуру.

— Разве нельзя доставить нужные материалы с рудников и заводов в поясе астероидов?

— Кое-что, разумеется, можно. Но лучшие солнечные зеркала делаются из натрия, а его в космосе мало. Будем разрабатывать соляные пласты Тарсиса — это, к счастью, у самого подножия горы Павонис.

— На сколько же лет рассчитана реализация вашего проекта?

— Если все пойдет гладко, первая стадия завершится лет через пятьдесят. Не исключено, что успеем к вашему столетнему юбилею: по последним статистическим данным, до ста доживают уже тридцать девять процентов землян...

Морган расхохотался.

— Обожаю людей, которые умеют тщательно подготовиться к разговору.

— Мы бы просто не выжили на Марсе, если бы не научились придавать значение мелочам.

— Ну что ж, ваше сообщение производит известное впечатление, хотя у меня, пожалуй, есть еще немало вопросов. Например, насчет финансирования...

— Это уж моя забота, доктор Морган. Я — банкир, вы — инженер.

— Так-то оно так, но вы, по-видимому, неплохо разбираетесь в инженерном деле, а меня жизнь научила никогда не пренебрегать экономикой. Прежде чем всерьез задуматься о своем участии в вашем предприятии, я должен ознакомиться с подробными бюджетными выкладками...

— Вы их получите.

— ...и со многими другими данными. Вы, наверное, не представляете себе, сколько еще изысканий потребуется — это касается и производства супернитей, и проблем стабильности и контроля... я мог бы перечислять до полуночи.

— Ну зачем же повторяться — наши инженеры внимательно читали все ваши выступления. Они предлагают прежде всего провести небольшой эксперимент, который разрешил бы первоочередные технические вопросы, а заодно доказал бесспорность самого принципа...

— Какие вам еще нужны доказательства?!

— Мне они не нужны, но, согласитесь, маленькая демонстрация практического характера никогда не бывает лишней. Разрешите объяснить, что имеется в виду. Мы просили бы вас разработать какую-то простейшую систему — пусть это будет хотя бы проволочка с грузом в четыре-пять килограммов. Спустите этот груз с орбиты на Землю — да-да, на Землю. Если получится здесь, то на Марсе тем более. А затем поднимите по проволочке что-нибудь на орбиту — все равно что, лишь бы продемонстрировать, что ракеты изжили себя. Обойдется такой эксперимент относительно недорого, даст ценную информацию, послужит прекрасной тренировкой — и, по нашему разумению, избавит вас от многолетних препирательств. Можно будет обратиться к правительствам Земли, в Солнечный фонд и другие межпланетные банки, ссылаясь на несомненный факт — успех эксперимента.

— Я вижу, вы действительно все продумали. Когда бы вы хотели услышать мой ответ?

— Если честно, то через пять минут. Но, объективно говоря, дело не столь уж срочное. Назовите сами любой срок в разумных пределах.

— Хорошо. Пришлите мне все разработки, финансовые расчеты, все материалы, какими располагаете. Как только ознакомлюсь с ними, сообщу вам свое решение — максимально в недельный срок.

— Благодарю вас. Вот мой личный номер. Можете вызывать меня в любое время.

Морган опустил карточку, переданную ему банкиром, в прорезь коммуникатора и зафиксировал номер в памяти прибора. Решение созрело раньше, чем он вернул карточку владельцу. Если только марсиане не допустили в своих расчетах какой-нибудь серьезной ошибки — а он готов был спорить на любую сумму, что не допустили,— его отставке пришел конец. Он и раньше замечал за собой любопытную особенность: он мог подолгу, мучительно раздумывать над житей-

скими пустяками — и не ведал сомнений в решающие, поворотные мгновения своей судьбы. Тут он сразу же знал, как поступить, и почти не ошибался.

И все-таки, по крайней мере на этой стадии игры, он предпочел бы не вкладывать столько интеллектуального и эмоционального капитала в предприятие, которое еще вполне может лопнуть как воздушный шарик. Банкир давным-давно распрощался, давно проделал первые километры обратного пути в лунный порт Спокойствия через Осло и космодром Гагарин, а Моргану никак не удавалось взять себя в руки и сосредоточиться на каком-то из занятий, намеченных на долгий северный вечер: в голове, сменяя друг друга, проносились планы на будущее, о котором он два часа назад и не подозревал.

Минут десять он беспокойно ходил из угла в угол, потом, присев к столу, попытался составить список своих обязательств, располагая их в порядке возрастания неотложности. Однако вскоре сознался себе, что не способен сосредоточиться даже на таком простом деле. Его подспудно мучила какая-то неясная мысль, но едва он пробовал сформулировать ее, она тут же ускользала, как знакомое, но еще не запомнившееся иноязычное слово.

Наконец Морган, раздраженно вздохнув, встал из-за стола и вышел на балкон, который опоясывал фасад отеля. Было очень холодно, но безветренно, и минусовая температура бодрила, не вызывая протеста. Небо сверкало звездами, желтый полумесяц плыл навстречу своему отражению в воде фиорда, а сама вода застыла, чуть поблескивая, словно полированное черное дерево.

Тридцать лет назад он стоял здесь, на этом же месте, с девушкой, облик которой, по правде говоря, почти изгладился у него из памяти. Оба они праздновали окончание институтского курса, и, пожалуй, кроме новеньких дипломов, их ничто не соединяло. О серьезном увлечении не было и речи —

они были молоды и наслаждались обществом друг друга, вот и все. Но — пути психики неисповедимы — именно это потускневшее воспоминание каким-то образом привело его вновь на берега Тролльсхамн-фиорда в нынешние критические минуты. Что подумал бы двадцатидвухлетний студент, узнай он, что ноги сами заведут его в места былых утех тридцать лет спустя?

И правда, как это следовало бы назвать? Тоской по прошлому? Нет. Жалостью к себе? Тоже нет. Он ни на мгновение не раскаивался, что они с Ингрид полюбовно разошлись, не предложив друг другу даже годичного испытательного брака. Она сделала умеренно несчастными еще троих мужчин, потом нашла себе работу на Луне, и Морган потерял ее из виду. Не исключено, что Ингрид и сейчас там, на этом искристом полумесяце, цвет которого сегодня похож на ее золотые волосы...

Но хватит о ней! Думать надо не о прошлом, а о будущем. Где Марс? Морган не без смущения признался себе, что понятия не имеет, виден ли Марс сегодня вообще. Пробежав взглядом по всей эклиптике, от Луны к блистательному маяку — Венере и далее, инженер не отыскал ничего, что можно было бы отождествить с Красной планетой. Пройдет еще немного времени, и он, ни разу не летавший дальше лунной орбиты, вполне вероятно, увидит собственными глазами пурпурные марсианские пейзажи и крохотные луны, которые несутся над головой, стремительно меняя фазы...

Вдруг Морган очнулся от своего сна наяву; на мгновение окаменев, он бросился обратно в комнату — ночь сразу же потеряла для него всю свою прелесть.

Личного пульта связи здесь у него не было — пришлось спускаться вниз, в вестибюль. К тому же, как на грех, информационную кабину заняла какая-то старуха, настолько нерасторопная, что Морган едва не начал барабанить в дверь кулаками. Но наконец-то старая карга убралась восвояси, бор-

моча невнятные извинения, и инженер остался один на один со всеми сокровищами искусства и знаний, накопленными человечеством.

В студенческие годы он, бывало, выигрывал в соревнованиях на поиск ответов — вопросы, нарочито туманные, готовили члены жюри, изобретательного до садизма. (Запомнился, например, такой вопрос: «Сколько осадков выпало в столице самого маленького государства в мире в день, когда игроки университетских бейсбольных чемпионатов нанесли рекордное число результативных ударов?») Техника работы с информатором от года к году, естественно, улучшалась, а сегодняшняя справка была, в сущности, совсем несложной. Ответ вспыхнул на экране через тридцать секунд, притом куда более подробный, чем нужно. Морган всмотрелся в линии графиков и столбцы цифр и озадаченно покачал головой.

— Не может быть, чтобы они прозевали такое,— произнес он вполголоса.— А если не прозевали, то что тут, спрашивается, можно поделать?..

Он нажал кнопку копирующего устройства и получил тонкий листок бумаги, который и унес с собой. Все, что он узнал сейчас, было так очевидно, так ошеломляюще просто, что оставалось только гадать, не проглядел ли он столь же очевидного обходного решения и не выставит ли себя идиотом, если заговорит о своем «открытии» вслух. Но и промолчать не представлялось возможным...

Морган посмотрел на часы: уже за полночь. Ну ладно, была не была, а с этим надо покончить немедля...

К большому его облегчению, банкир не включал сигнала «Просьба не беспокоить». Ответ прозвучал тотчас же, хотя марсианин и не скрыл своего удивления.

— Надеюсь, я не разбудил вас,— извинился Морган, впрочем, не слишком искренне.

— Нет. Мы как раз заходим на посадку в Гагарин. Что случилось?

— Масса порядка десяти тератонн, скорость два километра в секунду. Ваша ближняя луна — Фобос. Это же космический бульдозер, который будет проноситься мимо подъемника каждые одиннадцать часов. Я не делал вероятностных расчетов, но прямое столкновение неизбежно как минимум раз в неделю.

Воцарилось долгое молчание, потом банкир произнес:

— Как же я сам об этом не подумал? Проблема бросается в глаза, мы никак не могли ее упустить. Вероятно, придется передвинуть Фобос на другую орбиту.

— Исключается. Слишком велика масса.

— Я вызываю Марс. Запоздание межпланетной связи составляет на текущий момент двенадцать минут. Не пройдет и часа, как вы получите исчерпывающий ответ.

«Хорошо бы так,— сказал себе Морган.— И хорошо бы, чтобы этот ответ рассеял мои сомнения. Я ведь и на самом деле хочу, чтобы марсианский вариант подъемника воплотился в жизнь».

24
ПЕРСТ ПРОВИДЕНИЯ

Dendrobium macarthiae распускалась с приходом юго-западных муссонов, но в этом году цветение началось раньше обычного. Джоан Раджасингх замер над рядами орхидей, любуясь их замысловатым лилово-розовым кружевом,— и вдруг вспомнил, как год назад попал в ловушку, застигнутый над первыми цветами проливным дождем...

Он с беспокойством взглянул на небо; но нет, сегодня дождя не предвидится. Превосходный денек — высокие слоистые облака смягчают ярость солнечных лучей. Но позвольте — а это что за странность?..

Никогда еще Радже не доводилось видеть ничего похожего. Почти точно над его головой параллельные слои облаков пронзало круглое окно. Вероятно, крошечный вихрь кило-

метр-полтора в диаметре; впрочем, больше всего это напоминало дырку от выпавшего сучка в гладко выструганной доске. Раджасингх оставил свои возлюбленные орхидеи и вышел из оранжереи, чтобы лучше рассмотреть необычное явление. Да, не оставалось сомнений: по небу не спеша двигался миниатюрный смерч, и его путь явственно отмечался на карте потревоженных облаков.

Казалось, исполинский перст с небес вспарывает облака, словно плуг. Раджасингх представлял себе основные принципы контроля за погодой, но ему до сих пор и в голову не приходило, что метеорологи уже добились такой точности; а ведь не кто иной, как он сам, без малого сорок лет назад приложил немало усилий к тому, чтобы такая точность воплотилась в жизнь,— и сейчас мог бы гордиться собой.

Да, это было куда как нелегко — убедить уцелевшие сверхдержавы отречься от своих орбитальных крепостей и передать их в руки Всемирного бюро погоды. Именно Радже выпала честь — если повторить старинную метафору — помочь перековать последние и самые опасные мечи на орала. Ныне лазеры, некогда угрожавшие человечеству, направляли свои лучи на точно вычисленные участки атмосферы или на специально подобранные цели в отдаленных районах мира. Энергия этих лучей была ничтожной в сравнении даже с самым захудалым штормом; но разве не ничтожна энергия маленького камушка, вызвавшего лавину, или энергия отдельного нейтрона, начавшего цепную реакцию?

Раджасингх никогда не интересовался техническими деталями — он знал лишь, что система контроля погоды включает в себя целую сеть спутников-наблюдателей и компьютеров, хранящих в своей электронной памяти целостную модель атмосферы, морей и континентов планеты. И сейчас, точно дикарь, взирающий в благоговейном ужасе на чудеса машинного века, бывший дипломат неотрывно следил за игрушечным смерчем,— а тот целеустремленно смещался на

запад, пока не исчез за изящными верхушками пальм, обрамлявших Сады наслаждений.

Затем Раджасингх поднял глаза вверх и сказал, обращаясь к невидимкам — ученым и инженерам, восседающим в своих рукотворных небесных чертогах:

— Очень впечатляюще. Надеюсь, вы точно знаете, что творите...

25
ОРБИТАЛЬНАЯ РУЛЕТКА

— Можно бы и догадаться,— произнес банкир сокрушенным тоном,— что все это описано в одном из технических приложений, куда я не удосужился заглянуть. И раз уж вы теперь полностью в курсе дела, я попросил бы вас растолковать мне, что к чему. Признаться, подняв этот чертов вопрос, вы заставили меня поволноваться...

— Ответ очевиден до смешного,— отозвался Морган.— Мне бы следовало найти его без посторонней помощи.

«Я и нашел, хоть и не сразу»,— добавил он про себя не без самодовольства. Перед его мысленным взором вновь предстала подготовленная компьютером модель исполинского сооружения, вибрирующая, словно небывалая скрипичная струна: от Земли в космос, а потом обратно бежали размеренные волны. А на эту картину накладывались прокрученные в памяти — в сотый раз — кадры с танцующим мостом. Какие же, спрашивается, нужны еще посылки, чтобы прийти к бесспорному выводу?

— Фобос пролетает мимо башни каждые одиннадцать часов и десять минут, но, к счастью, движется не совсем в той же плоскости, иначе столкновение было бы неизбежным при каждом обороте. Между тем в большинстве случаев он проносится мимо, а действительно опасные сближения нетрудно предсказать,— если надо, с точностью до тысячной доли секунды. Следует также иметь в виду, что космический подъ-

емник, как и любое инженерное сооружение, обладает определенной гибкостью. У него есть периоды собственных колебаний, которые можно вычислить почти с такой же точностью, как планетарные орбиты. Вот ваши конструкторы и предложили *настроить* подъемник таким образом, чтобы его колебания, которых все равно не избежать, неизменно уводили его с пути Фобоса. Каждый раз, когда спутник приближается к башне, она уходит в сторону, как бы отступает на километр-другой из опасной зоны...

Воцарилось долгое молчание.

— Может, мне и не следовало бы этого говорить,— сказал наконец марсианин,— но от такого проекта у меня волосы встают дыбом...

Морган улыбнулся.

— Действительно, в таком приближенном изложении он звучит похоже на... как называлась эта дикая забава? — на русскую рулетку. Но не забывайте, что мы будем иметь дело с явлениями строго предсказуемыми. Мы всегда будем знать, где находится и куда переместится Фобос, а колебания башни сможем контролировать, просто изменяя расписание движения кабин...

«Ну разумеется,— подумал Морган,— на самом-то деле все это отнюдь не просто, но, по крайней мере, марсианин поверит, что ничего невозможного тут нет...» И вдруг ему в голову пришла аналогия столь совершенная — хотя, пожалуй, и не вполне уместная,— что он едва не разразился смехом. Нет, нет, опробовать ее на банкире явно не стоило.

Воображение опять привело Моргана на мост Такома Нэрроуз. Предположим, под мостом должен с безукоризненной регулярностью проплывать корабль, только мачта у корабля, к несчастью, на метр длиннее, чем нужно.

Ничего страшного. Перед самым прибытием судна по мосту пройдут один за другим несколько тяжелых грузовиков с интервалами, подобранными так, чтобы их движение резонировало с частотой собственных колебаний моста. И по всей

длине дорожного полотна, от опоры до опоры, прокатится мягкая волна. Если ее гребень достигнет заданной точки в тот момент, когда судно подойдет вплотную, мачта благополучно проскользнет под мостом, не задев его. То же самое, только в масштабах в тысячи раз больших, будет происходить каждый раз, когда Фобос приблизится к башне, вонзившейся в космос над вершиной горы Павонис.

— Рад слышать ваши заверения,— заявил банкир,— но, если мне когда-нибудь придется воспользоваться подъемником, я, пожалуй, сначала наведу в частном порядке справки о положении Фобоса на орбите...

— Тогда вас, наверное, очень удивит предложение ваших талантливых молодых инженеров — они безусловно талантливы, а о том, что они молоды, легко догадаться по их технической дерзости — рекламировать регулярные сближения башни и Фобоса как туристский аттракцион. Предлагается взимать дополнительную плату за вид на Фобос, пролетающий на расстоянии вытянутой руки со скоростью две тысячи километров в час. Согласитесь, что зрелище будет эффектное...

— Я предпочел бы прожить без него, но, может, они и правы. Во всяком случае, мне приятно узнать, что проблема разрешима. Счастлив также услышать, что вы столь высокого мнения о наших инженерах-строителях. Можно ли сделать отсюда вывод, что вы в скором времени примете на себя обязанности их руководителя?

— Можно,— ответил Морган.— Когда приступать к работе?..

26
В ПРЕДПРАЗДНИЧНУЮ НОЧЬ

Вот уже в течение двадцати семи веков этот день был самым почитаемым во всем тапробанском календаре. В мае, в ночь полнолуния, был рожден Будда, в эту же ночь спустя годы он

достиг просветления, а впоследствии в эту же ночь умер. Впрочем, для большинства людей праздник весак давно утратил религиозный смысл, как и другой традиционный праздник — Рождество, но сохранился обычай проводить праздничный день в размышлениях и покое.

Год за годом Служба муссонов гарантировала, что ни в ночь полнолуния, ни в предыдущую, ни в последующую ночь на землю не упадет ни капли дождя. И год за годом за два дня до полной луны Раджасингх отправлялся в паломничество, призванное подкрепить душевные силы. Он избегал самого праздника — в день весак Ранапуру заполняло такое множество народа, что можно было ручаться: в толпе непременно сыщется кто-нибудь, кто узнает отставного посла и нарушит его одиночество.

Только очень острый глаз мог бы заметить, что огромный желтый диск луны, поднявшийся над куполами древних дагоб, отличается от идеального круга. Лунный свет был так ярок, что стирал с безоблачного неба все звезды и спутники, кроме десяти-двенадцати самых крупных. И ни ветерка.

По преданию, Калидаса дважды останавливался на этой дороге, прежде чем покинуть Ранапуру навсегда. Первую остановку он сделал у гробницы Ханумана, незабвенного спутника своего детства, вторую — у храма Умирающего Будды. Какого же утешения мог искать одержимый король? Быть может, он сидел на том же месте, какое облюбовал для себя Раджасингх,— ведь именно отсюда огромная фигура, высеченная из единой глыбы камня, была видна лучше всего. Просветленный откинулся назад; пропорции его тела были столь совершенны, что размеры статуи на расстоянии совершенно скрадывались. Только подойдя совсем близко, вы внезапно понимали, что подушка, на которой покоится голова Будды, сама по себе выше взрослого человека.

Раджасингх немало повидал на своем веку, но на всем свете ему не встречалось другого места, где охватывало бы такое умиротворение. Подчас ему казалось, что так, в лучах лунного

света, он мог бы просидеть здесь целую вечность,— все заботы, весь круговорот жизни словно теряли всякое значение. Он не пытался анализировать, в чем секрет магического обаяния храма, из страха, что анализ разрушит очарование. Но некоторые моменты были очевидны. Сама поза Просветленного, долгой и благородной жизнью заслужившего наконец право отдохнуть, закрыв глаза,— эта поза излучала безмятежность. Мягкие складки платья, казалось, вытекали прямо изнутри скалы, струились каменными волнами, и созерцание этих волн вносило в душу мир и успокоение. Их естественный ритм, как ритм морского прибоя, взывал к инстинктам, неведомым логическому уму.

В такие мгновения вне времени, наедине с Буддой и почти полной луной, Раджасингх, пожалуй, был способен постигнуть, что значит нирвана — состояние, которое можно определить лишь через отрицание других состояний. Самые ценные эмоции — гнев, вожделение, алчность — теряли здесь над человеком всякую власть, становились попросту бессмысленными. Даже чувство индивидуальности, неповторимости собственного «я» таяло, как утренняя дымка под лучами солнца.

Конечно же, забвение не могло продолжаться вечно. До слуха Раджи долетело жужжание насекомых, отдаленный лай собак, потом он ощутил холодную жесткость камня, на котором сидел. Увы, в его душе покой не находил длительного пристанища. С сокрушенным вздохом Раджасингх поднялся на ноги и пошел обратно, к машине, оставленной в каких-нибудь ста метрах за оградой храма.

Он уже занес ногу, собираясь сесть за руль, когда заметил над деревьями у горизонта белое пятнышко, очерченное так резко, точно его нарисовали на небосводе. Если это было облако, то самое странное из всех, какие Раджа когда-либо видел,— совершенно правильный эллипсоид, настолько правильный, что казался твердым телом. Неужели какой-то воздушный корабль пустился в ночной полет над Тапробаном?

Но нет, Раджа не различал ни реактивного следа, ни звука турбин.

Затем совсем неожиданно явилась фантазия: на Землю пожаловали «островитяне»...

Но это, само собой разумеется, была совершенная чепуха. Даже если бы они ухитрились обогнать свои собственные радиосигналы, то никак не сумели бы пересечь всю Солнечную систему и спуститься к самой Земле, не вызвав паники на всех диспетчерских пунктах и радарных постах, существующих в космосе. Новость давно стала бы общим достоянием.

Отвергнув гипотезу о прибытии звездных гостей, Раджасингх, к немалому своему удивлению, испытал известное разочарование. Когда видение приблизилось, он без дальнейших колебаний опознал в нем облако, да еще с легкой бахромой по краям. Облако двигалось с внушительной скоростью, точно его тащил отдельный ураган, неощутимый здесь, на острове...

Стало быть, кудесники из Службы муссонов опять взялись за эксперименты, проверяя свою сноровку в командовании ветрами. «Интересно,— спросил себя Раджасингх,— что-то они надумают еще?..»

27

СТАНЦИЯ «АШОКА»

Каким же маленьким выглядел Тапробан с высоты! Остров, оседлавший экватор, с расстояния 36 тысяч километров казался немногим больше луны над головой. Весь целиком, от побережья до побережья, он представлялся слишком миниатюрным, чтобы гарантировать попадание; а ведь на самом деле мишенью была микроскопическая точка размером с теннисный корт...

Пожалуй, Морган и сейчас не сумел бы точно сказать, чем он руководствовался, проводя эксперимент именно над Тапробаном. С тем же успехом можно было бы обосноваться

на орбитальной станции «Кинте», взяв мишенью Килиманджаро или гору Кению. Тот факт, что станция «Кинте» располагалась в одной из самых неустойчивых зон стационарной орбиты и ее приходилось все время подталкивать, чтобы удержать на месте, в данном случае не имел существенного значения. Возникал и соблазн прицелиться в вершину Чимборазо — американцы предлагали, не считаясь с расходами, передвинуть станцию «Колумб» на несколько градусов по долготе. Но в конце концов он, несмотря ни на что, вернулся к своему первоначальному замыслу — Шри Канде.

К счастью для Моргана, в эпоху, когда любому решению помогали специализированные компьютеры, даже Международный суд сократил сроки вынесения своих вердиктов до трех-четырех недель. Монахи, естественно, выступили с протестом. Морган в ответ указал, что непродолжительный научный эксперимент, проводимый за пределами монастырских стен и не сопровождаемый шумом, загрязнением атмосферы и другими нежелательными побочными явлениями, не может рассматриваться как правонарушение. Если суд запретит проведение эксперимента, вся предшествовавшая работа пойдет насмарку, расчеты останутся не подкрепленными на практике, а главное — будет нанесен серьезный ущерб проекту, жизненно важному для Республики Марс.

Аргументы были подобраны столь убедительно, что Морган и сам поверил в них. Поверили и судьи, пятью голосами против двух. Разумеется, считалось, что они не подвержены такого рода влияниям, но тем не менее упоминание о сутягах-марсианах не могло их не насторожить. Республика Марс и без того выступала истцом по трем запутанным делам, и суду изрядно надоело устанавливать прецеденты в области межпланетного права.

Однако в глубине души Морган — на то он и был аналитиком — отдавал себе отчет в том, что дело не только в логических аргументах. Он не принадлежал к числу тех, кто легко мирится с поражением, и контратака сама по себе доставляла ему известное удовлетворение. А если разобраться серьезнее,

то и это не отвечало истине: мелочное, ребяческое сведение счетов было бы недостойно творческой натуры. В действительности он стремился к одному — упрочить в себе уверенность в конечном успехе. Нет, он не знал еще, когда и как придет к нему этот успех, но не мог не заявить всему миру, и в особенности упрямцам-монахам, затаившимся за древними стенами: «Я непременно вернусь!..»

Станция «Ашока» контролировала связь и космические сообщения, а также вела метеорологические и экологические наблюдения во всем Индокитайском регионе. Выйди она из строя, и более миллиарда жизней оказались бы под угрозой. Неудивительно поэтому, что в ста километрах от «Ашоки» «висели» совершенно независимые спутники-двойники «Бхаба» и «Сарабхаи». А на тот невероятный случай, если некая катастрофа постигнет все три станции сразу, оставались еще «Кинте» и «Имхотеп» — к западу и «Конфуций» — к востоку, всегда готовые в аварийном порядке принять на себя контроль над регионом. Человечество, наученное горьким опытом, наконец-то научилось не складывать весь свой фарфор в одну корзину.

Сюда, в самые дальние пригороды Земли, не добирались ни туристы, ни отпускники, ни докучливые пассажиры — все они, по делу или просто поглазеть, застревали на много тысяч километров ниже, а высокая геосинхронная орбита была отдана в распоряжение ученых и инженеров; но и среди избранных никому еще не случалось прилетать на «Ашоку» с такой необычной миссией и с таким уникальным оборудованием.

Главная составляющая операции «Паутина» в настоящий момент плавала в невесомости в одном из причальных отсеков станции, ожидая последней проверки перед запуском. На вид в этом массивном изделии не было ровным счетом ничего особенного, хотя в его создание были вложены годы труда и астрономические затраты...

Тусклый серый конус — четыре метра в длину и два метра в поперечнике у основания — казался отлитым из сплошного

го куска металла, и только самый пристальный взгляд различал, что вся внешняя поверхность его состоит из плотно намотанных витков проволоки. На самом же деле вся конструкция представляла собой бухту супернити — сорок тысяч километров нити, намотанной на сердечник.

Создатели невзрачного серого конуса вернули к жизни две забытые технические находки, не имеющие к тому же ни малейшего отношения друг к другу. Триста лет назад на дно океана легли первые трансатлантические телеграфные кабели; пришлось пережить множество неудач, прежде чем люди овладели искусством сматывать тысячекилометровые змеи, а затем равномерно травить их с борта корабля, невзирая на штормы и капризы моря. Столетием позже появились первые примитивные управляемые снаряды, среди них были и такие, что получали команды по проводам: снаряд летел к цели со скоростью несколько сот километров в час, и проволока разматывалась с той же скоростью. По сравнению с этими игрушками из военного музея Морган брал в тысячу раз больший радиус действия и в пятьдесят раз более высокую скорость. Впрочем, его замысел давал ему и определенные преимущества. За исключением последних ста километров, траектория его снаряда пройдет в идеальном вакууме, и к тому же цель ни при каких обстоятельствах не сдвинется в сторону...

Техник-координатор, ответственная за проведение операции «Паутина», попыталась привлечь внимание Моргана деликатным покашливанием.

— Возникло одно небольшое затруднение, доктор,— сказала она.— Что касается снижения, тут все ясно — все проведенные измерения и компьютерные расчеты, как вы убедились сами, вполне удовлетворительны. Нас беспокоит обратное наматывание, возвращение супернити на станцию...

Морган даже сощурился от неожиданности — над таким вопросом он просто не задумывался. Очевидно же, что обратное наматывание — совершенный пустяк, если сравнить с

главной стадией операции. Понадобятся самая обыкновенная мощная лебедка и приспособление вроде «паука-прядильщика», чтобы нить не запуталась. Однако в космосе ничто нельзя считать само собой разумеющимся, и интуиция — в особенности интуиция, натренированная в земных условиях,— может оказаться весьма коварным советчиком.

Ну что ж, давайте подумаем: завершив испытания, мы освобождаем на Земле нижний конец супернити, и «Ашока» начинает сматывать ее обратно. Разумеется, как ни тяни за нить такой длины, заметить что-то можно будет отнюдь не сразу. Понадобится полдня на то, чтобы усилие достигло дальнего конца нити и система пришла в движение как единое целое. Затем останется лишь поддерживать... н-да, действительно!..

— Наши посчитали,— продолжала женщина,— и получилось, что когда нить наберет скорость и несколько тонн устремятся к станции со скоростью тысяча километров в час... В общем, нам не совсем понравилось то, что получилось.

— Еще бы! Что же вы предлагаете?

— Снизить скорость наматывания и тщательно следить за накоплением инерции. В крайнем случае придется вынести эту часть операции за пределы станции.

— Задержит ли это начало эксперимента?

— Никоим образом. Просто при необходимости мы выкинем весь конус в пространство буквально за пять минут.

— А потом выловите его и вернете обратно?

— Вне всякого сомнения.

— Надеюсь, что так. Этот моточек стоит недешево, да и хотелось бы использовать его снова.

«Но *где* использовать?» — спросил себя Морган, глядя на величественный полумесяц Земли. Пожалуй, лучше вначале довести до конца марсианский проект, даже если это будет означать годы ссылки. Как только башня на горе Павонис вступит в строй, Земле *придется* последовать примеру марсиан. И можно не сомневаться, что тогда так или иначе любые препятствия будут преодолены, пропасть, которую он видит сейчас, исчезнет, а слава Гюстава Эйфеля, строителя знаменитой башни трехвековой давности, окажется многократно превзойденной.

28
ПРОБНЫЙ СПУСК

Оставалось еще минут двадцать до того момента, когда человек с острым зрением мог бы надеяться что-нибудь разглядеть. Тем не менее все, кто не был нужен в контрольной будке, уже высыпали наружу и пристально всматривались в небо. Даже Морган ощутил неодолимое желание последовать их примеру и невольно приблизился к двери.

Почти неотлучно рядом с ним находился ассистент Максины Дюваль, новобранец в полку ее операторов, рослый молодой человек лет тридцати. На плечах у оператора красовались обычные атрибуты его ремесла: две камеры, одна с обзором вперед и вправо, другая — назад и влево, а над ними — шар размером чуть побольше грейпфрута. Спрятанная в шаре антенна проделывала по две-три тысячи умопомрачительных эволюций в секунду: какие бы антраша ни выкидывал ее хозяин, она оставалась нацеленной точно на ближайший спутник связи. И Максина Дюваль, не покидая своей уютной студии, видела все, что происходит за тридевять земель, глазами своего *alter ego* и слышала все его ушами — и при этом ей не приходилось дышать стылым воздухом вершины.

Морган согласился на присутствие человека-антенны не без колебаний. Да, конечно, это было историческое событие, и к тому же Максина клятвенно обещала, что ее ассистент «не станет путаться под ногами». Но кому, как не Моргану, было знать, что в таком новом деле экспериментаторы обязательно столкнутся со множеством трудностей и каверз, в особенности на последних ста километрах при прохождении через атмосферу. С другой стороны, он был уверен, что Мак-

сина сумеет отнестись и к успеху и к неудаче объективно, без ненужной шумихи.

Как все великие репортеры, Максина Дюваль не стремилась быть подчеркнуто бесстрастным наблюдателем событий. Она излагала все точки зрения, не опускала и не искажала фактов, которые считала существенными, и в то же время не делала тайны из собственных симпатий, хотя и не позволяла им влиять на оценки и выводы. Что касается Моргана, она восхищалась им открыто, с благоговейной завистью человека, лишенного такого рода творческих начал. Еще во время строительства Гибралтарского моста она задавалась вопросом, на что-то он замахнется в следующий раз,— и инженер не разочаровал ее. Но одно дело — желать кому-то удачи, и совсем другое — действительно симпатизировать ему. По мнению Максины, неиссякаемая энергия и жестокое честолюбие Моргана придавали его незаурядности какой-то беспощадный оттенок. Она поневоле сравнивала главного инженера с его заместителем, Уорреном Кингсли. Вот это, ничего не скажешь, милый и приятный человек. («И инженер посильнее меня»,— полушутя признался ей однажды Морган.) Но об Уоррене никто никогда и не услышит — он обречен навечно оставаться бледной тенью своего блестящего патрона и сам не желает себе лучшей участи.

Именно Уоррен взял на себя труд терпеливо объяснить Максине поразительно хитрую технику спуска. Казалось бы, что может быть проще, чем уронить любой предмет прямо вниз по вертикали со спутника, неподвижно висящего над мишенью? Но небесная механика полна парадоксов. Попытаетесь затормозить — и будете двигаться быстрее. Выберете кратчайший маршрут — и сожжете гораздо больше топлива. Наметите себе одно направление — и отправитесь в другом, а то и в противоположном... Это если просто принять во внимание гравитационные поля. А в данном случае все обстояло еще сложнее. Никто до Моргана не пробовал управлять космическим телом, которое тянет за собой проволочный хвост в сорок тысяч километров длиной. Да, станция «Ашока» пре-

восходно справилась со своей задачей, доведя супернить с грузом до самых границ атмосферы. Через несколько минут контрольный пост на Шри Канде примет на себя ответственность за завершение эксперимента. Что ж тут удивительного, если Морган не находит себе места от беспокойства...

— Вэн,— негромко, но твердо обратилась к нему Максина, используя линию прямой связи,— выньте палец изо рта. Вы походите на распеленатого младенца...

Поборов негодование, Морган ответил с неловким смешком:

— Спасибо, что предупредили. И впрямь, не стоит ронять достоинство на глазах у публики...

С натянутой веселостью он посмотрел на искалеченный палец — долго ли еще доморощенные остряки будут глумиться: «Ба! Наш инженер подорвался на собственной мине...» Сколько раз он остерегал других — и вот, пожалуйста: демонстрируя достоинства супернити, сам по беспечности оттяпал себе фалангу. Он практически не ощутил боли, а впоследствии почти не испытывал неудобств. Разумеется, когда-нибудь придется этим заняться, но мыслимое ли дело — провести целую неделю привязанным к регенераторному устройству ради того, чтобы добавить к своему персту несчастные два сантиметра!..

— Высота двести пятьдесят,— раздался ровный, бесстрастный голос из контрольной будки.— Скорость снижения тысяча сто шестьдесят метров в секунду. Натяжение проволоки девяносто процентов от расчетного. Парашюты раскроются через две минуты.

Передышка окончилась — Морган вновь напрягся, готовый к любым неожиданностям. «Как боксер,— не удержалась Максина от мысленного сравнения,— вышедший на ринг против грозного и еще незнакомого соперника».

— Что ветер? — резко осведомился он.

Ответил другой, откровенно встревоженный голос:

— Как ни странно, но Служба муссонов только что передала штормовое предупреждение.

— Нашли время для шуток!

— Это не шутка — я перепроверил.

— Но они же гарантировали штиль, в крайнем случае отдельные порывы не выше тридцати километров в час...

— Они подняли предел до шестидесяти, нет, еще поправка — до восьмидесяти километров в час. Случилось что-то серьезное...

— Ничего себе! — прошептала Максина Дюваль, а потом добавила, обращаясь к своим глазам и ушам на Шри Канде: — Спрячьтесь куда-нибудь, не путайтесь у них под ногами, но ничего не прозевайте...

Предоставив ассистенту как-то примирить эти противоречивые указания, она связалась со справочным бюро — и через полминуты знала, какая из метеостанций ответственна за погоду в районе Тапробана. Попутно выяснилось еще и досадное обстоятельство, хотя в нем не было ничего удивительного: ни на какие вызовы, кроме сугубо служебных, станция не отвечала. Пока искушенные в таких делах помощники справлялись с этим нелепым препятствием, Максина вновь включила вершину. И была поражена тем, насколько здесь все изменилось буквально за считаные мгновения.

Небо потемнело, микрофоны улавливали завывание приближающегося урагана. Такие внезапные перемены погоды Максина до сих пор встречала только на море; ей даже удавалось ловко использовать их во время океанских парусных гонок. Но надо же было случиться этому именно сегодня! И как не посочувствовать Моргану, чьи надежды и мечты могут быть сметены одним-единственным непредвиденным — да просто невероятным! — порывом ветра...

— Высота двести ровно. Скорость тысяча сто пятьдесят. Натяжение девяносто пять процентов от расчетного...

Натяжение нарастало — и напряжение на вершине вместе с ним. Остановить эксперимент на этой стадии Морган уже не мог — он волей-неволей должен был продолжать, надеясь на лучшее. Максине очень хотелось как-то подбодрить

его, но она понимала, что в подобных обстоятельствах лучше промолчать.

— Высота сто девяносто. Скорость тысяча сто. Натяжение сто пять процентов. Первое раскрытие парашютов — внимание!.. есть!..

Итак, спуск состоялся, супернить взята в плен земной атмосферой. Теперь небольшой запас топлива в тормозных двигателях надо использовать с тем расчетом, чтобы конец нити с грузом попал в захватную сеть, раскинутую по склону горы. Канаты, поддерживающие сеть, глухо вибрировали в такт ударам ветра.

Внезапно из контрольной будки показался Морган. Он бросил взгляд на небо, потом повернулся прямо к объективу.

— Что бы ни случилось,— сказал он, тщательно подбирая слова,— что бы ни случилось, Максина, а эксперимент на девяносто пять процентов прошел успешно. Нет, на девяносто девять процентов. Мы преодолели тридцать шесть тысяч километров, и нам осталось меньше двухсот...

Дюваль не отозвалась. Она понимала, что инженер адресует свои слова, в сущности, вовсе не ей, а закутанной фигуре в хитроумном кресле на колесах, примостившейся возле контрольной будки. Кресло с головой выдавало своего владельца: только гости Земли нуждались в подобном приспособлении. Врачи уже давно научились излечивать практически все мускульные дефекты в отличие от физиков, которые пока не способны были менять величину гравитации по заказу.

Как много противоборствующих сил сошлось сейчас на этой горной вершине! Стихийные силы природы. Интересы Народного банка Республики Марс. Интересы Автономной Северо-Африканской Республики. Вэнневар Морган — немалая сила сам по себе. И наконец, учтиво непримиримые монахи в открытом всем ветрам орлином гнезде...

Максина Дюваль отдала шепотом приказ своему мученику-оператору, и камера мягко поползла вверх, пока не показала вершину, увенчанную ослепительно белыми стенами

монастыря. Кое-где у парапета можно было заметить трепещущие на ветру оранжевые тоги. Как и следовало ожидать, монахи не удержались от соблазна взглянуть на эксперимент.

Телекамера дала крупным планом отдельные лица. Хотя Максина никогда не видела Маханаяке Тхеро (в просьбе об интервью было вежливо отказано), она не сомневалась, что узнает его без труда. Но прелат не появлялся; возможно, он уединился в своей святая святых, сосредоточившись на каком-нибудь упражнении для совершенствования духа.

Максина, конечно же, не могла поверить, что главный противник Моргана способен прибегнуть к столь наивному средству, как молитва. Но если именно он просил об этом сверхъестественном шторме, то его просьба была услышана. Боги вершины пробуждались ото сна.

29
ПОСЛЕДНИЕ КИЛОМЕТРЫ

Из монографии Д. К. Голицына «Цивилизация и ее противники» (2175 г.):

«С развитием техники нарастает не только мощь, но и уязвимость человечества: чем решительнее человек побеждает природу, тем более он становится подвержен катастрофам, которые сам же и породил. Новейшая история дает тому достаточно доказательств: затопленный город Марина-Сити (2127), обвал лунного купола "Тихо Б" (2098), "одичавший" айсберг, сорвавшийся с буксирных канатов близ Аравийского полуострова (2062), наконец, авария на реакторе "Тор" (2009). Можно не сомневаться, что список этот получит еще более внушительное продолжение в будущем. И самыми страшными бедами грозят стать те, которые обязаны своим происхождением не чисто техническим, а психологическим факторам. В прошлом сумасшедший снайпер или террорист с гранатой могли лишить жизни горстку людей, ныне любому свихнувшемуся инженеру по силам уничтожить целый город. Хорошо известен инцидент с космической колонией "О'Нил-II", чудом избегнувшей подобной участи в 2047 году. Сложнейшие системы защиты техники от индивидуальной злой воли, увы, нередко оказываются эффективными лишь теоретически.

Пристального внимания науки заслуживает та — к счастью, редкостная — схема развития событий, когда носитель злой воли сосредоточивает в своих руках еще и огромную власть. Вспомним хотя бы А. Гитлера (1889–1945): разрушительные последствия его безумия достигли всемирного масштаба. Что же касается безумцев меньшего ранга, то мы зачастую просто не слышим о них — коллеги почитают за благо окружить их "деятельность" заговором молчания.

Классический образчик такого заговора вскрыт в опубликованных недавно, после многих отсрочек, мемуарах Максины Дюваль. Однако отдельные детали описанного ею происшествия не прояснились до сих пор».

— Высота сто пятьдесят, скорость девяносто пять — повторяю, девяносто пять метров в секунду. Тепловая защита сброшена...

Итак, супернить с грузом благополучно достигла атмосферы и даже избавилась от излишней скорости. Но праздновать победу было еще слишком рано. Оставалось пройти не только сто пятьдесят километров по вертикали, но и целых триста по горизонтали — не говоря уже о спутавшем все карты урагане. Правда, тормозные двигатели еще располагали некоторым запасом топлива, однако настоящей свободы маневра они не давали. И если нить не попадет в захватную сеть с первой попытки, второй попытке попросту не бывать.

— Высота сто двадцать. Влияние атмосферы пока неощутимо...

Груз, подвешенный к супернити, спускался с небес, точно паук на конце своей шелковинки. «Надеюсь,— подумала невзначай Максина Дюваль,— проволоки запасли доволь-

но. Вот была бы досада, если бы она кончилась за несколько километров до цели! А ведь именно такие технические трагедии случались при прокладке первых трансатлантических кабелей триста лет назад...»

— Высота восемьдесят. Снижение по графику. Натяжение сто процентов. Чувствуется боковой снос...

Значит, груз вошел в те слои атмосферы, где чуткие приборы уже улавливали дыхание урагана. Невооруженным глазом по-прежнему ничего не удавалось разглядеть, но возле контрольной будки установили небольшой телескоп с автоматическим наведением на цель. Морган подошел к телескопу, ассистент Максины Дюваль тенью следовал за ним.

— Что-нибудь видно? — тихо осведомилась Максина, выждав секунд пять-семь. Не отрываясь от окуляра, Морган раздраженно покачал головой.

— Высота шестьдесят. Нить отклоняется влево, натяжение сто пять, поправка — сто десять процентов...

«Ну, это еще в пределах допустимого,— подумала Дюваль,— хотя что-то там, в стратосфере, уже происходит. Морган, наверное, вот-вот увидит конец нити собственными глазами...»

— Высота пятьдесят пять. Вводим корректирующие импульсы с интервалом в две секунды.

— Вижу! — воскликнул Морган.— Вижу выхлоп двигателя!..

— Высота пятьдесят. Натяжение сто пять процентов. Ощущаются боковые рывки, нить не удержать на курсе...

Неужели супернить, проделавшая спуск в тридцать шесть тысяч километров, не сумеет одолеть пятидесятикилометровый отрезок? Но, коль на то пошло, разве мало воздушных и даже космических кораблей терпели бедствие буквально на последних метрах пути?

— Высота сорок пять. Сильный боковой ветер. Новое отклонение от курса. Корректирующие импульсы с интервалом в три секунды...

— Потерял,— объявил недовольно Морган.— Скрылась за облаком...

— Высота сорок. Очень сильные боковые рывки. Натяжение возросло до ста пятидесяти — повторяю, ста пятидесяти процентов...

Вот это было уже плохо: Дюваль знала, что супернить способна выдержать натяжение вдвое выше расчетного, но не больше. Один особенно резкий рывок — и эксперимент можно считать законченным досрочно.

— Высота тридцать пять. Ветер все усиливается. Корректирующие импульсы с интервалом в одну секунду. Запас топлива почти исчерпан. Натяжение возросло до ста семидесяти процентов...

«Еще каких-то тридцать процентов,— подумала Дюваль,— и даже эта невообразимо крепкая нить лопнет, как любой другой материал, достигший своего предела прочности на разрыв...»

— Тридцать километров до цели. Вихревые возмущения с одновременным боковым смещением. Скорректировать траекторию не удается — движения груза слишком хаотичны...

— Снова поймал! — сообщил Морган.— Вон, в разрыве облаков!..

— Двадцать пять до цели. Топлива, чтобы вернуться на курс, не хватает. По предварительной оценке, промах составит около трех километров...

— Не играет роли! — вскричал Морган.— Пусть приземляется где угодно!..

— Хорошо, сейчас. Двадцать до цели. Ветер все усиливается. Утратилась стабилизация, груз начал вращаться...

— Отпустите тормоза — пусть проволока разматывается под собственным весом!

— Уже сделано,— ответил голос, бесстрастность которого могла довести до бешенства. Максина решила бы, что это машина, не будь она осведомлена, что Морган привлек к делу одного из самых опытных диспетчеров космического транс-

порта.— «Паук-прядильщик» вышел из строя. Скорость вращения груза — пять оборотов в секунду. Проволока, по-видимому, запуталась. Натяжение сто восемьдесят процентов. Сто девяносто. Двести. До цели пятнадцать километров. Натяжение двести десять. Двести двадцать. Двести тридцать...

«Так ей долго не выдержать,— подумала Дюваль.— И остался-то какой-нибудь десяток километров, а проклятая проволока вздумала запутаться именно тогда, когда груз принялся вращаться...»

— Натяжение ноль — повторяю, *натяжение ноль.*

Вот и все — проволока оборвалась и теперь медленно, словно исполинская змея, всплывает к звездам. Нет сомнения, что операторы станции «Ашока» мало-помалу втянут ее обратно, однако Дюваль получила уже достаточное представление о небесной механике, чтобы понимать, что задача эта будет непростой. Ну а груз приземлится где-нибудь в полях или джунглях Тапробана. Как справедливо заметил Морган, эксперимент прошел успешно более чем на девять десятых. В следующий раз, при безветрии...

— Смотрите! — прозвучал чей-то крик.

В небе, меж двух стремительных туч, разгорелась яркая звезда. Словно раскаленный метеор устремился к земле: сработала лампа-вспышка, прикрепленная к грузу, чтобы облегчить управление им при сближении с захватной сетью. Внезапный всплеск огня можно было бы воспринять как насмешку над конструкторами, если бы он и теперь не служил полезной цели — указывал, где искать обломки.

Ассистент Максины медленно повернулся, чтобы предъявить ей блестящую дневную звезду, проплывшую над Шри Кандой и погасшую на востоке; по всей видимости, звезда упала километрах в пяти от цели. Затем Максина распорядилась:

— Прошу крупный план доктора Моргана. Я хотела бы перекинуться с ним словом.

Она намеревалась бросить инженеру две-три жизнерадостные фразы — достаточно громкие, чтобы их услышал марсианский банкир,— и выразить уверенность, что повторный эксперимент увенчается полным успехом. Но не успела она составить свою короткую ободряющую речь, как все слова начисто вылетели у нее из головы. За последующие годы Максина Дюваль столько раз повторяла в памяти события этих тридцати секунд, что заучила их наизусть. И все же не поручилась бы, что по-настоящему все поняла.

30
АРМИИ КОРОЛЯ

К неудачам, даже катастрофическим, Вэнневару Моргану было не привыкать, а эта, как он надеялся, была вполне поправимой. И когда он провожал взглядом вспышку, исчезающую за отрогами священной горы, его по-настоящему заботило одно: не посчитал бы Народный банк Республики Марс, что деньги выброшены на ветер. Суровый наблюдатель в хитроумном кресле на колесах не отличался общительностью; казалось, земное притяжение не только вывело из строя его конечности, но и лишило дара речи. Теперь же он первым нарушил молчание:

— У меня к вам единственный вопрос, доктор Морган. Мне известно, что таких ураганов здесь раньше никогда не бывало. И тем не менее — если кризис разразился однажды, он может и повториться. А вдруг такое случится после завершения строительства — что тогда?

Морган на мгновение задумался. Мыслимо ли дать точный ответ с ходу, без подготовки, когда он и сам еще не успел разобраться в том, что произошло?

— В худшем случае пришлось бы на время прервать движение и заменить деформированные участки пути. На такой высоте просто не может быть ветров, способных угрожать самой орбитальной башне. Даже эта экспериментальная про-

волочка осталась бы в целости и сохранности, успей мы ее закрепить...

Он льстил себя надеждой, что, отвечая, не погрешил против совести; через две-три минуты Уоррен Кингсли даст ему знать, не погрешил ли он против объективной истины. К радости инженера, марсианин был, по-видимому, вполне удовлетворен разъяснением:

— Благодарю вас. Именно это я и хотел услышать...

Тем не менее Морган решил довести свой ответ до логического конца:

— А на горе Павонис подобной проблемы, естественно, не может и возникнуть. Плотность атмосферы не достигает там и одной сотой...

Уже много лет Моргану не доводилось слышать звука такой сокрушительной силы — звука, какого смертному просто не дано забыть. Властный зов перекрыл вой урагана и в мгновение ока перенес инженера на другую половину планеты. Будто не было более открытой всем ветрам вершины, а он вновь очутился под куполом константинопольской Софии, и сердце полнилось восхищением и завистью к зодчим, которые шестнадцать веков назад сотворили это чудо. В ушах вновь стоял могучий звон...

Воспоминание поблекло и исчезло: Морган вернулся на вершину Шри Канды, смущенный и озадаченный, как никогда.

Что говорил ему тогда монах-провожатый про непрошеный дар Калидасы? Обреченный на вековое молчание, колокол подавал голос лишь в минуты бедствия. Но какое же тут бедствие?

Ведь для монахов ураган явился редкостной удачей. На мгновение у Моргана мелькнула тревожная мысль, что груз врезался в одну из монастырских построек. Да нет, об этом не может быть и речи — вспышка исчезла в нескольких километрах за вершиной. Но даже если бы, вопреки очевидности, груз упал или спланировал на территорию монастыря, это не принесло бы серьезных повреждений.

Морган взглянул наверх, на белые стены,— голос гигантского колокола по-прежнему спорил с бурей. Оранжевые тоги куда-то скрылись, у парапета не осталось никого.

Что-то легонько коснулось щеки, и Морган машинально отмахнулся. Звон, величавый и скорбный, заполнял все вокруг, отдавался в мозгу, мешая сосредоточиться. Оставалось одно — подняться к монастырю и вежливо осведомиться у Маханаяке Тхеро, что случилось.

Снова такое же мягкое, шелковистое касание, и на этот раз Морган успел заметить уголком глаза желтое пятнышко. Он всегда отличался хорошей реакцией — взметнувшаяся мгновенно рука не промахнулась.

На ладони лежала раздавленная бабочка — на глазах инженера она прожила последние мгновения своей эфемерной жизни, и привычный мир покачнулся и поплыл перед его глазами. Сверхъестественная неудача вдруг обернулась еще более невероятной победой, но к ощущению триумфа примешивалось какое-то смятенное удивление.

И тут он вспомнил легенду о золотых мотыльках. Ураган взметнул их по склону горы, и они сотнями, если не тысячами, достигли вершины, чтобы найти здесь свою гибель. Армии Калидасы добились своей цели, взяв реванш за поражение, которое потерпели два тысячелетия назад.

31
ИСХОД

— Что, в сущности, произошло? — поинтересовался шейх Абдулла.

«Вот уж вопрос, на который я и сам едва ли найду ответ»,— подумал Морган. А вслух сказал:

— Гора теперь наша, господин президент. Монахи уже начали покидать свои владения. Просто в голове не уклады-

вается — легенда, сочиненная в незапамятные времена, и вот на тебе...

Он недоуменно покачал головой.

— Если в легенду верят, она воплощается в жизнь.

— Видимо, так. И все равно — вся цепь событий представляется мне совершенно невозможной.

— Это всегда рискованно — судить, что возможно, а что нет. Разрешите, я расскажу вам кое-что. Мой закадычный друг, большой ученый, к сожалению уже умерший, любил поддразнивать меня, заявляя: поскольку политика — искусство возможного, она была и остается уделом второразрядных умов. Перворазрядные, по его утверждению, увлекаются только невозможным. И знаете, что я отвечал ему?

— Откуда же мне знать,— отвечал Морган с принужденной учтивостью.

— Какое счастье, что нас, второразрядных, так много, иначе некому было бы править миром... В любом случае, раз уж невозможное случилось, примите этот факт с благодарностью.

«Я и принимаю,— отозвался Морган про себя,— хоть и с неохотой. Разве это порядок, когда десяток мертвых мотыльков может решить судьбу башни в миллиарды тонн весом?..»

А если подумать еще и о том, какую двусмысленную роль сыграл здесь досточтимый Паракарма,— вот уж кто должен чувствовать себя теперь игрушкой в руках неких мстительных высших сил! Администратор Службы муссонов был само раскаяние и рассыпался в извинениях, которые Морган принял с неожиданной снисходительностью. Да-да, никто не сомневается, что все именно так и было: выдающийся ученый, доктор Чоум Голдберг, совершивший революцию в микрометеорологии, ставил опыты, существа которых никто не понимал, и в разгар одного из таких опытов с ним, видимо, случился нервный припадок. Администратор заверил, что подобное стечение обстоятельств ни при каких условиях не повторится. Морган передал ученому — вполне искренне — пожелания скорейшего выздоровления, затем, повинуясь инстинкту, выработанному долгой практикой, добавил, что в установленном порядке потребует от Службы муссонов соответствующей компенсации. Администратор произнес положенные любезности и отключил связь, несомненно удивленный тем, что так легко отделался.

— А вы не интересовались,— произнес шейх,— куда эти монахи намерены податься? Я мог бы предложить им воспользоваться нашим гостеприимством. Наша культура всегда проявляла терпимость к другим верованиям.

— Я не знаю их планов. Посол Раджасингх — и тот не знает. Но когда я задал ему такой же вопрос, он ответил: «Они не пропадут. Надо думать, монастырь, просуществовавший на одном месте три тысячи лет,— не нищий».

— Хм... Тогда, быть может, принять их в долю? А то мне сдается, что ваш проект с каждой нашей новой встречей все дорожает...

— Ничего подобного, господин президент. Просто последняя смета включает в себя — точности ради — стоимость подготовительных работ в космосе, финансирование которых принял на себя Марс. Они берутся найти астероид с высоким содержанием углерода и транспортировать его на околоземную орбиту — у них в таких делах изрядный опыт, а для нас это решает одну из самых трудных проблем.

— Но им нужен углерод и для их собственной башни...

— У них его сколько угодно на Деймосе — как раз там, где надо. Народный банк уже прикидывает схему размещения рудников — хотя само производство им, как и нам, придется налаживать в космосе.

— Почему?

— Из-за гравитации. Даже Деймос не свободен от ускорения свободного падения, равного нескольким сантиметрам в секунду за секунду. А суперните можно создавать лишь в условиях полной невесомости. Иначе нельзя обеспечить совершенную кристаллическую структуру, неизменную на протяжении сотен и тысяч километров.

— Спасибо за разъяснение, Вэн. Вы не убьете меня, если я задам вам еще один вопрос: почему вы отказались от своего первоначального замысла? Мне очень нравилась ваша связка из четырех труб: две для движения вверх, две — вниз. Конструкция сродни метрополитену была доступна моему пониманию, даром что вы развернули ее на девяносто градусов.

Не в первый раз — и наверняка не в последний — Морган поразился памяти старика и его хваткому вниманию к мелочам. Лучше было и не рассчитывать, что шейх Абдулла примет хоть что-нибудь на веру; иногда его вопросы были продиктованы чистой любознательностью, чаще — еще и уверенностью в собственной силе, уверенностью столь полной, что он мог не сдерживать любопытства из боязни уронить свое достоинство. Так или иначе, он никогда не упускал из виду ни одной существенной детали.

— Боюсь, что поначалу мы еще не вполне освободились от стандартных земных представлений. Мы уподобились тем первым конструкторам автомобилей, что продолжали делать кареты, только без лошадей. Сегодня мы пришли к идее пустотелой квадратной башни с одной колеей на каждой внешней поверхности. Можете считать, что это четыре железнодорожные линии. Вверху, на орбите, каждая сторона башни достигает сорока метров в ширину, внизу сужается до двадцати.

— Как стал... сталаг...

— Вы хотите сказать — как сталактит. Да, если смотреть снизу вверх. С инженерной точки зрения хорошей аналогией была бы старая Эйфелева башня — если перевернуть ее вверх ногами и вытянуть в сто тысяч раз.

— Неужели в сто тысяч?

— Примерно так.

— Ну что ж, кажется, на Земле нет закона, запрещающего строить башни сверху вниз.

— Не забывайте, что будет еще и башня снизу вверх — от синхронной орбиты к якорной массе, удерживающей всю систему как бы в натянутом состоянии.

— А промежуточная станция? Надеюсь, от нее вы не отказались?

— Нет, она по-прежнему на том же месте — в двадцати пяти тысячах километров над землей.

— Это хорошо. Понимаю, что мне туда никогда не попасть, и все-таки нет-нет да и подумаю: а вдруг?..— Шейх пробормотал что-то по-арабски.— Видите ли, существует легенда, будто гробница Магомета подвешена на полпути между небом и землей. В точности как промежуточная станция.

— Обещаю вам, господин президент, когда откроется движение, устроить банкет в вашу честь именно там, на промежуточной.

— Если вам удастся ни на секунду не отклониться от графика,— должен признать, что пуск Гибралтарского моста опоздал по сравнению с графиком всего на год,— мне к тому времени стукнет девяносто восемь. Сомневаюсь, что мне суждено дожить до банкета.

«Но я-то доживу,— сказал себе Вэнневар Морган.— Теперь я убедился, что боги на моей стороне, какой бы смысл ни вкладывать в слово “боги”...»

IV
БАШНЯ

32
КОСМИЧЕСКИЙ ЭКСПРЕСС

— Ну хоть ты не говори мне,— взмолился Уоррен Кингсли,— что такому сундуку не оторваться от земли.

— Чуть было и в самом деле не сказал,— усмехнулся Морган, осматривая макет капсулы в натуральную величину.— Напоминает железнодорожный вагон, поставленный на попа.

— А мы и добивались подобного впечатления,— ответил Кингсли.— Покупаешь билет в кассе, сдаешь багаж, устраиваешься во вращающемся кресле и любуешься видами за окном. Или поднимаешься в бар и пять часов до промежуточной станции посвящаешь рюмке. Кстати, как ты относишься к идее отделать капсулу изнутри под пульмановский вагон девятнадцатого века?

— Зачем? Разве в пульмановских вагонах устраивались пять круглых палуб одна над другой?

— Ты бы сообщил свое мнение декораторам — а то они, чего доброго, установят в салонах газовые рожки.

— Если уж им так приспичило отделывать капсулы под старину, я, помнится, видел в Сиднейском музее искусств давний космический фильм. Там был снят пассажирский корабль с круглой видовой палубой — в точности то, что нам надо.

— А названия фильма не помнишь?

— Постой, дай сообразить... что-то вроде «Космические войны 2000». Вы наверняка сумеете его разыскать.

— Я передам, чтобы разыскали. Теперь осмотрим макет изнутри — хочешь надеть каску?

— Нет,— решительно отказался Морган. Обычно рост на десять сантиметров ниже среднего не приносит человеку особых выгод, так почему не воспользоваться этим почти единственным преимуществом?

Переступив порог входного люка, он испытал почти мальчишескую дрожь восторга. Да, он оценивал варианты проектов, сидел у компьютера, составляющего графики и чертежи,— казалось бы, все здесь должно быть ему давно знакомо. Однако теперь капсулу можно было потрогать, чертежи воплотились в металл. Разумеется, макету никогда не оторваться от земли. Но в один прекрасный день сестры-близнецы этой капсулы прорежут облака и за какие-нибудь пять часов вознесут пассажиров на промежуточную станцию в двадцати пяти тысячах километров за облаками. И при этом затраты электроэнергии в расчете на человека составят сущую ерунду!

Даже сегодня последствия предстоящей революции осознавались еще далеко не полностью. Впервые в истории само Пространство становилось столь же достижимым, как любая точка на поверхности родной планеты. Через три-четыре десятилетия любой гражданин при желании сможет съездить на Луну на субботу-воскресенье, как на дачу. Да и Марс окажется куда доступнее — границы возможного раздвинутся почти беспредельно...

Возвращение к действительности было внезапным: Морган едва не упал, зацепившись за угол плохо натянутого ковра.

— Извини,— заметил провожатый,— это тоже идея декораторов: зеленый ковер, по их мнению, должен служить напоминанием о Земле. Потолки предполагается сделать синими — густота синевы будет нарастать от палубы к палубе. Прямого света не будет нигде, чтобы пассажиры видели звезды за бортом.

Морган покачал головой.

— Замысел неплох, только ничего из этого не выйдет. Если света хватит на то, чтобы читать, не напрягая глаз, ореол сотрет звезды без следа. Единственный выход — затенить какую-то часть салона.

— Это предусмотрено в баре — можете забрать свой коктейль и удалиться за занавески.

Они находились на нижней палубе капсулы, иначе говоря, в круглом помещении диаметром восемь и высотой три метра. Вокруг громоздились разнокалиберные коробки и цилиндры, бросались в глаза циферблаты приборов, надписи: «Кислородный резерв», «Контроль мощности батарей», «Расщепление CO_2», «Медицинский контроль», «Температурный контроль». Все здесь носило временный характер, все могло быть перетасовано буквально в любой момент.

— Ну и ну,— заметил Морган,— наворочено, словно на настоящем космическом корабле. Между прочим, как долго капсула способна продержаться на аварийном самообеспечении?

— До тех пор пока не иссякнет энергия, то есть по меньшей мере неделю, даже при полной нагрузке — пятьдесят пассажиров. Срок абсурдно большой — спасательная команда доберется до капсулы через три часа, если не с Земли, то с промежуточной станции.

— Разве что произойдет действительно крупная катастрофа с повреждением самой башни или рельсовых путей.

— Ну уж если такое произойдет, то и спасать, по всей вероятности, будет некого. Но если капсула просто застрянет на полдороге, то пассажиры будут, в сущности, вне опасности, разве что помрут со скуки или в один прием проглотят все наши драгоценные аварийные питательные таблетки.

Вторая палуба оказалась совершенно пустой: ни мебели, ни приборов, даже временных. Безвестный остряк начертил мелом на вогнутой стенной панели прямоугольник и написал: «Выход здесь?»

— Это багажное отделение, хоть мы и сами не уверены, что под багаж понадобится столько места. Если нет, можно будет взять добавочных пассажиров. А вот здесь кое-что поинтереснее...

На третьей палубе было установлено штук десять кресел самолетного типа, все десять разной конструкции; в двух креслах сидели манекены в натуральную величину, мужчина и женщина, и, казалось, изнывали от скуки.

— В общем-то мы уже приняли решение в пользу этой модели,— продолжал Кингсли, указывая на вращающееся кресло с наклонной спинкой и приставным столиком,— но надо еще довести до конца формальные испытания.

Морган ткнул кулаком в подушку сиденья.

— А пытался кто-нибудь просидеть здесь пять часов подряд?

— Не кто-нибудь, а доброволец в сто килограммов весом. Никаких неприятных последствий. Если пассажиры вздумают жаловаться, всегда можно напомнить им, что еще полтора века назад требовалось пять часов на то, чтобы просто пересечь Тихий океан. И что мы обеспечиваем комфорт без перегрузок.

Следующая по счету палуба была как две капли воды похожа на предыдущую, только без кресел. Быстро миновав ее, инженеры поднялись еще выше, в помещение, которому декораторы, по-видимому, уделили самое большое внимание.

Бар выглядел действующим, а кофеварка и в самом деле работала. Над нею, в искусной рамке с позолотой, висела старинная гравюра, до того уместная здесь, на борту капсулы, что у Моргана перехватило дух. Левую верхнюю четверть гравюры занимала огромная полная луна, и по диагонали к ней устремлялся поезд-снаряд с четырьмя вагонами на прицепе. В окнах вагона, на котором красовалась вывеска «Первый класс», виднелись одетые по викторианской моде джентльмены в цилиндрах, любующиеся космической панорамой.

— Где вы раздобыли такую диковину? — спросил Морган, не скрывая восторженного удивления.

— Похоже, что подпись опять отклеилась,— извинился Кингсли и пошарил за стойкой бара.— Ну конечно, вот она...

Он вручил Моргану кусок картона, на котором старомодным шрифтом было напечатано:

АРТИЛЛЕРИЙСКИЕ ПОЕЗДА НА ЛУНУ
Гравюра к романам Жюля Верна
«С Земли на Луну за 97 часов 20 минут»
и «Вокруг Луны»
(издание 1881 года).

— С прискорбием вынужден признать, что не читал этих книг,— произнес Морган, усвоив предложенную информацию.— Если бы читал, то, надо думать, многое далось бы мне легче. Но интересно, как он ухитрился обойтись без рельсов?..

— Не стоит переоценивать старину Жюля, но и ругать его не за что. Эту картину тогда никто не принимал всерьез — шутка художника, и только.

— Ну что ж, передайте декораторам мои поздравления. Это одна из лучших их находок.

Какой-то шаг в сторону — и от грез художника прошлого Морган с Кингсли перенеслись к реальности недалекого будущего. Специальная система проецировала на широкое смотровое окно поразительный в своем величии вид с высоты на Землю — и не просто первый попавшийся вид, а, как отметил с удовлетворением Морган, единственно правильный. Тапробан, расположенный прямо под капсулой, был, конечно же, скрыт от глаз, зато взгляд охватывал весь полуостров Индостан вплоть до ослепительных гималайских снегов.

— А знаешь,— сказал вдруг Морган,— наверное, все будет опять так же, как на мосту. Люди начнут кататься туда-

сюда просто ради того, чтобы поглазеть. Промежуточная станция может превратиться в самый грандиозный туристский аттракцион всех времен.— Он поднял взгляд к лазурному потолку.— На верхней палубе есть что-нибудь достойное внимания?

— Да нет, пожалуй. Верхний входной люк установлен, но мы так и не решили пока, где разместить дублирующую систему жизнеобеспечения и электронную аппаратуру центровки капсулы.

— С центровкой что-нибудь не в порядке?

— Это при новых-то магнитах? Не беспокойся, мы теперь можем гарантировать точность зазора при движении как вверх, так и вниз на скоростях до восьми тысяч километров в час, а реальная скорость не превысит пяти тысяч.

Морган подавил в себе желание облегченно вздохнуть. Подвеска капсулы и ее центровка оставались единственной проблемой, по которой он не мог вынести собственное суждение и должен был всецело полагаться на советы других. С самого начала не вызывало сомнения, что придется прибегнуть к какой-то разновидности магнитной тяги: при скорости более километра в секунду малейшее соприкосновение капсулы и башни означало бы катастрофу. Но каждая из восьми направляющих щелей, взбегающих по четырем сторонам башни, была настолько узкой, что зазор между капсулой и магнитами не превышал нескольких сантиметров; значит, надо было расположить магниты так, чтобы любое отклонение капсулы от центра щели вызывало мгновенное резкое противодействие.

Спускаясь следом за Кингсли по винтовой лестнице, протянувшейся во всю высоту макета, Морган внезапно поймал себя на невеселой мысли. «Я становлюсь стариком,— признался он молча.— Я же мог подняться на шестую палубу без труда — и тем не менее обрадовался, когда мы решили не подниматься. Мне пятьдесят девять. Даже если все пойдет без сучка без задоринки, первая капсула с пассажирами прибу-

дет на промежуточную станцию не раньше чем через пять лет. Затем еще три года положим на опробование, доводку, отладку бесчисленных систем. Пять да три — для верности будем считать десять лет...»

День был теплый — а на него вдруг словно пахнуло холодом. Впервые в жизни Вэнневару Моргану пришло в голову, что он может и не дожить до триумфа, за который заложил свою душу. И его рука инстинктивно нащупала тонкий стальной диск, закрепленный под рубашкой в районе солнечного сплетения.

33
«ОХРАНИТЕЛЬНИЦА»

— Ну разве можно было так оттягивать этот визит! — мягко, будто обращаясь к ребенку, упрекнул Моргана доктор Сен.

— Как же вы не поймете! — откликнулся инженер, запечатывая пальцем шов рубашки.— Был слишком занят, а когда замечал одышку, винил во всем высоту.

— Высота действительно виновата, но только отчасти. Советую на всякий случай провести врачебный осмотр всех занятых на вершине. Но вы-то, вы сами — как вы могли проглядеть очевидное?

«Действительно, как?» — спросил себя Морган с досадой.

— Понимаете, все эти монахи — ведь некоторым из них было за восемьдесят! Они казались такими здоровяками, что я и не подозревал...

— Монахи жили там годами — они полностью приспособились. А вы лазили вверх-вниз через каждые несколько часов...

— От силы два раза в день.

— Дважды в день с уровня моря на высоту, где давление составляет половину нормы! К счастью, большой беды пока не произошло — и не произойдет, если вы впредь будете подчиняться инструкциям. Моим — и «охранительницы».

— Чьим, чьим?

— Датчика коронарной охраны.

— Ах, вон оно что! Одной из этих ваших штучек...

— Да, одной из этих наших штучек. Они, между прочим, спасают миллионов десять жизней в год. По большей части известных ученых, крупных инженеров и руководителей, людей, занимающих выборные посты. Поневоле задумываешься, стоило ли их спасать. Быть может, природа пытается подать нам какой-то знак, а мы не внемлем...

— Не забывайте про клятву Гиппократа, Билл,— перебил Морган с усмешкой.— И кроме того, вы не посмеете отрицать, что я всегда послушно следовал вашим указаниям. За последние десять лет я ни на килограмм не прибавил в весе.

— Хм... Вы и вправду не худший из моих пациентов,— согласился врач, слегка смягчившись. Открыв ящик стола, он извлек оттуда большой альбом с голограммами.— Выбирайте — это каталог выпускаемых моделей. Красный цвет, как вы знаете, обязателен, зато оттенок — по вашему выбору.

Морган открыл альбом — перед ним возникло изображение, потом второе, третье; он всматривался в них с неприязнью.

— И где прикажете эту штуку носить? — осведомился он.— Или ее придется вживлять?

— Вживлять нет необходимости, по крайней мере в настоящее время. Может, придется это сделать лет через пять, а может, и вовсе не понадобится. Я предложил бы вам вот эту модель — ее носят под грудиной, а потому отпадает нужда в дополнительных датчиках. Через несколько дней вы привыкнете к прибору и вообще перестанете его замечать. И он не побеспокоит вас без причины.

— А если побеспокоит, то каким образом?

— Слушайте.

Врач перекинул у себя на пульте один из тумблеров, и мелодичный, умеренно низкий женский голос произнес обыденным тоном:

— Мне думается, вам следовало бы присесть и отдохнуть минут десять...

Голос выдержал паузу, затем продолжал:

— Вам надо прилечь на полчаса.

Еще пауза, затем:

— Запишитесь безотлагательно на прием к доктору Сену.

— Будьте любезны принять красную таблетку.

— Я вызвала «скорую помощь», а вам рекомендую лечь и не волноваться. Все будет хорошо.

И наконец, раздался пронзительный свист — Морган еле сдержался, чтобы не заткнуть уши руками.

— *Тревога! Человеческая жизнь в опасности! Просьба ко всем, кто слышит меня, немедленно подойти сюда! Тревога!*

— Идея, думаю, вам ясна,— сказал врач, восстанавливая в кабинете тишину.— Естественно, программы работы датчика и наборы команд устанавливаются индивидуально, применительно к пациенту. Тембр голоса также подбирается по вкусу — можем предложить самые знаменитые голоса.

— Вполне годится и тот, что звучал. Скоро ли будет готов мой датчик?

— Дня через три. Да, между прочим, у датчиков, закрепленных на коже, есть одно преимущество, о котором стоит упомянуть.

— Какое же?

— Один из моих пациентов — страстный теннисист. Он уверяет, что достаточно ему расстегнуть рубашку, и его противники, завидя красную коробочку, тут же начинают проигрывать...

34

СТРАХ ВЫСОТЫ

Были времена, когда каждый цивилизованный человек вынужденно вменял себе в обязанность хотя бы изредка просматривать и обновлять свою адресную книжку. С вводом единого всемирного кода такая необходимость отпала: каждому присваивался личный пожизненный номер, и довольно было набрать этот номер, чтобы разыскать его хозяина в

течение нескольких секунд. И даже если вы не знали нужного номера, его можно было относительно быстро установить по году рождения, профессии и двум-трем другим параметрам. (Естественно, дело осложнялось, если искомое имя было Смит, или Сингх, или Мохаммед...)

Развитие мировой информационной сети резко облегчило решение многих обременительных задач. Одной пометки против имени тех, кого вы хотели бы поздравить с днем рождения или иной памятной датой, стало достаточно для того, чтобы домашний компьютер сделал все остальное. В назначенный день (если не происходило какой-нибудь нелепой ошибки при программировании) компьютер составлял поздравительное послание, которое и отправлялось адресату. И хотя тот имел полное право заподозрить, что теплые слова, вспыхнувшие на приемном экране, обязаны своим рождением электронике, а тот, от чьего имени они посланы, их и в глаза не видел,— от подобного знака внимания еще никто не отказывался.

Однако те же технические новшества, что сводили на нет былые затруднения, порождали и новые заботы, пожирающие ничуть не меньше времени. Среди таких забот важнейшее значение для большинства приобретали, пожалуй, НПИ — новости по интересам.

Перечни своих интересов люди составляли, как правило, в первый день нового года или в день рождения. Перечень, составленный Морганом, насчитывал пятьдесят параграфов; впрочем, он слыхивал и о перечнях, охватывающих сотни тем. Составители подобных темников-гигантов, надо думать, тонули в потоке информации, захлестывающей их с утра до вечера,— если, конечно, не принадлежали к числу шутников, почитающих верхом остроумия давать компьютерам команды на поиск новостей по темам, заведомо немыслимым, например:

«Высиживание яиц динозавра»,

«Квадратура круга»,

«Всплытие Атлантиды»,

«Второе пришествие Христа»,
«Поимка лох-несского чудовища»
или
«Конец света».

Разумеется эгоизм, да и профессиональные интересы приводили к тому, что под номером один в каждом темнике НПИ шло собственное имя заказчика. Морган не составлял исключения, однако последующие строки перечня выглядели не вполне обычно.

«Башня орбитальная»,
«Башня космическая»,
«Башня (гео) синхронная»,
«Лифт орбитальный»,
«Лифт космический»,
«Лифт (гео) синхронный»,
«Подъемник орбитальный» и т. д.

Перечень охватывал большую часть названий, изобретенных прессой для башни, и это позволяло инженеру видеть собственными глазами все или почти все сообщения, касающиеся проекта. В массе своей сообщения оказывались пустяковыми; он и сам, случалось, задавал себе вопрос, стоило ли их выискивать — любая новость, действительно весомая, дошла бы до него достаточно быстро и без помощи НПИ.

Постель только-только спряталась в стену его скромного жилища, и он еще толком не протер глаза, когда на пульте связи вспыхнул сигнал информационного вызова. Нажав клавиши «Кофе» и «Прием» одновременно, Морган взглянул на экран: что там случилось за ночь? Заголовок гласил:

«ПРОЕКТ ОРБИТАЛЬНОЙ БАШНИ
РАЗБИТ НАГОЛОВУ».

— Продолжать? — осведомился пульт.

— Еще бы! — ответил Морган, мгновенно стряхнув с себя остатки сна.

По мере того как он вчитывался в текст, первоначальное недоумение сменилось негодованием, а затем тревогой. Перепра-

вив запись сообщения Уоррену Кингсли с просьбой «Пожалуйста, позвони мне, как только сможешь», он уселся за завтрак в тщетной надежде успокоиться. Не прошло и пяти минут, как Кингсли появился на экране и сказал с притворным смирением:

— По-моему, Вэн, нам еще крупно повезло, что этот олух добрался до нас сейчас, а не пять лет назад.

— Но это самая невероятная дикость, о какой я когда-либо слышал! Что прикажешь делать? Пропустить ее мимо ушей? Если мы начнем отвечать по пунктам, то лишь создадим ему рекламу. О чем он, собственно, и мечтает.

Кингсли кивнул.

— Сдержанность — лучшая политика, по крайней мере на данный момент. Мы ни в коем случае не должны реагировать слишком бурно. В то же время его доводы нельзя и сбрасывать со счетов.

— Что ты имеешь в виду?

Кингсли внезапно сделался очень серьезным, в нем появилась даже какая-то неуверенность в себе.

— Что нам действительно предстоит решать не только технические, но и психологические проблемы. Подумай над этим хорошенько. До встречи!..

Помощник исчез с экрана, оставив Моргана еще более удрученным. Инженер привык к критике, научился обходиться с критиками; по правде говоря, технические споры с равными даже доставляли ему удовольствие, а те редкие случаи, когда он оказывался не прав, не слишком огорчали. Но одно дело — разумные оппоненты, а другое — Дональд Дак.

Конечно же, это было не настоящее имя, а прозвище: доктор Дональд Бикерстафф проявлял столь поразительную склонность отрицать, негодуя, все подряд, что поневоле вызывал в памяти легендарного диснеевского утенка. Научной специальностью доктора (в которой он добился степени, но не открытий) была чистая математика; отличался он представительной внешностью, хорошо поставленной речью и непо-

колебимой уверенностью в своем праве выступать с безапелляционными суждениями в любой области науки. Впрочем, как лектор он был вовсе не плох: Морган с удовольствием вспоминал старомодную публичную лекцию, которую слушал однажды в стенах Королевского общества. Потом слушателям в течение целой недели казалось, что они почти разобрались в странных свойствах бесконечно больших величин...

К несчастью, Бикерстафф никак не хотел трезво оценить свои возможности. Если бы он довольствовался тем, что прежде называли популяризацией науки! У него был кружок преданных почитателей, которые с помощью информационной службы следили за всеми его выступлениями, но круг противников был неизмеримо шире. Самые добрые из критиков высказывали предположение, что образованность почтенного доктора превысила его умственный потенциал. Менее великодушные окрестили его шутом-самозванцем. «Какая жалость,— подумалось Моргану,— что Бикерстаффа нельзя запереть в одной комнате с Голдбергом-Паракармой: они бы аннигилировали, как электрон и позитрон...» И правда, разве что полугений-полубезумец мог надеяться одолеть отъявленную, стопроцентную глупость — глупость, против которой, по выражению Гёте, сами боги бороться бессильны. Но... богов поблизости заметно не было, и Морган понимал, что и эту задачу придется взять на себя. Жаль драгоценного времени,— а впрочем, сражение с Дональдом Даком сыграет роль своего рода комической паузы; в конце концов, прецеденты тому были...

Комната в отеле — одна из четырех, что на протяжении последнего десятилетия служили Моргану временным пристанищем,— оставалась комнатой в отеле, лишенной украшений. Вернее, украшения все же были, но совсем немного; самым примечательным из них был фотомонтаж, скомпонованный так умело, что большинство посетителей принимали его за документальную фотографию. В центре композиции красовался элегантный, тщательно отреставрирован-

ный пароход — предок великого множества судов, каждое из которых становилось новым словом в кораблестроении. Пароход стоял в своем родном доке, куда удивительным образом вернулся спустя век с четвертью со дня спуска на воду, а на краю дока красовалась фигура Вэнневара Моргана. Он увлеченно разглядывал завитушки на носу корабля, а на него, в свою очередь, устремил насмешливый взгляд Изамбар Кингдом Брюнель — руки в карманах мятого, забрызганного грязью костюма и неизменная сигара в стиснутых зубах.

Каждая деталь фотографии, взятая сама по себе, соответствовала действительности: Морган и впрямь снимался у самого борта «Великобритании» — это было в Бристоле, в солнечный день, годом позже завершения Гибралтарского моста. А вот Брюнеля запечатлели еще в 1857 году, в дни постройки последнего и самого знаменитого из левиафанов той поры — парохода «Грейт Истерн»; тогда Брюнель, естественно, еще не знал, что злосчастная судьба его детища надломит его физически и духовно.

Этот фотомонтаж, которым Морган очень дорожил, ему преподнесли подчиненные к пятидесятилетию. Они задумали свой подарок как добродушную шутку — ведь именинник не скрывал преклонения перед величайшим инженером XIX века. Но Морган не однажды задумывался: не оказалась бы шутка, вопреки намерениям ее авторов, пророческой... «Грейт Истерн» поглотил своего создателя. А что, если башня поглотит его самого?..

У Брюнеля, разумеется, был свой Дональд Дак. Вернее, утята-вещуны окружали его со всех сторон, однако упорнее других был некий доктор Дайонисиус Ларднер, который безапелляционно утверждал, что ни один пароход не способен пересечь Атлантику. Любой инженер охотно вступит в бой с теми, кто пытается оспорить приводимые им факты или расчеты. Опровергнуть Дональда Дака, который упирает на доводы, не проверяемые расчетом, куда сложнее. Морган вдруг подумал, что и триста лет назад трудности были те же.

Потянувшись к своей небольшой, но бесценной коллекции печатных книг, Морган выбрал из них ту, которую читал, пожалуй, чаще других,— биографическое эссе «Изамбар Кингдом Брюнель», написанное Ролтом. Не прошло и минуты, как он, перелистав пожелтевшие страницы, отыскал нужное место.

Брюнель проектировал железнодорожный туннель почти трехкилометровой длины — сооружение «чудовищно необычное, опасное и ненужное». Уму непостижимо, заявляли критики, что люди вынесут пытку погружением в стигийские глубины. «Кто же захочет быть отрезанным от дневного света, сознавая, что чудовищный вес горных пластов в случае катастрофы расплющит его в лепешку... грохот встречного поезда вызовет невыносимую нервную перегрузку... ни один пассажир не согласится проехать тут дважды...»

До чего же все это было знакомо! Свой девиз Ларднеры и Бикерстаффы, казалось, сформулировали раз и навсегда: «Что бы вы ни задумали, у вас все равно ничего не выйдет».

И все же подчас они оказывались правы, хотя, быть может, только по прихоти слепого случая. Дональд Дак вещал так убедительно! Выставляя напоказ свою необыкновенную скромность, разумеется поддельную, он начинал с заявления, что не берет на себя смелость критиковать космический лифт с инженерной точки зрения. Он намерен ограничиться обсуждением связанных с лифтом психологических проблем. Эти проблемы можно выразить одним словом: головокружение. Нормальному человеку свойствен страх высоты — естественная, вполне обоснованная реакция, неведомая разве что воздушным акробатам и канатоходцам. Самое высокое сооружение на земле не достигает в вышину и пяти километров — а многие ли согласятся подняться вертикально по опорам Гибралтарского моста?

Но разве может что бы то ни было сравниться с чудовищной высотой орбитальной башни! Кому не доводилось, вопрошал Бикерстафф, стоя у подножия какого-нибудь исполинского здания и взглянув вверх, испытать кошмарное ощущение, что оно вот-вот опрокинется и упадет? Теперь представьте себе, что это самое здание тянется вверх и вверх — сквозь облака, сквозь ионосферу, мимо орбит космических станций, в черноту космоса, вверх и вверх, пока не преодолеет значительную часть расстояния до Луны! Несомненный инженерный триумф — и столь же несомненное психологическое фиаско. Не исключаю случаев сумасшествия среди тех, кто просто приблизится к этому сооружению. И совершенно уверен, что лишь единицы вынесут истязание вертикальным подъемом сквозь пустоту — двадцать пять тысяч километров до первой остановки на промежуточной станции!

Мне скажут, что самые обыкновенные люди поднимаются в космических кораблях до той же высоты и много выше, но это не довод. В корабле ситуация принципиально иная, так же как и в обычном самолете. Нормальный человек не испытывает головокружения даже в открытой гондоле воздушного шара, плывущего в нескольких километрах над землей. Но подведите того же человека к краю обрыва такой же высоты — и понаблюдайте за ним внимательно!

Несхожесть реакций объясняется просто. Человек, сидящий в корабле или в самолете, физически никак не связан с землей, а потому и психологически обособлен от твердой почвы, оставшейся далеко внизу. Он больше не боится упасть — и отдаленные, игрушечные ландшафты, на которые он никогда не посмел бы взглянуть с высокого утеса, перестают пугать его. Спасительной физической обособленности от земли — вот чего будет не хватать пассажирам космического лифта. Беспомощно прижатые к отвесу гигантской башни, они все время будут сознавать свою связь с землей. Кто может гарантировать, что человек способен выдержать такое испытание в здравом уме, без анестезии? Что скажет по этому поводу доктор Морган?..

Доктор Морган все еще обдумывал, что сказать,— все ответы, приходившие в голову, были не слишком вежливыми,

когда экран засветился снова: кто-то вызывал его. Он нажал клавишу «Прием» и в общем-то не удивился, увидев Максину Дюваль.

— Ну, Вэн,— заявила она без предисловий,— что вы намерены предпринять?

— Руки чешутся, но не думаю, что надо лезть в драку с этим идиотом. Между прочим, у вас нет подозрения, что его бредни подсказаны какой-нибудь из космических транспортных организаций?

— Мои сотрудники уже проверяют это предположение. Если они докопаются до чего-нибудь, я дам вам знать. Лично я думаю, что он действует по собственной инициативе,— узнаю неповторимый почерк. Но вы не ответили на мой вопрос.

— Я и сам еще не решил, что делать. Пытаюсь для начала хотя бы закончить завтрак. А что вы посоветуете?

— Самую простую вещь. Устройте демонстрацию. Как скоро вы можете ее организовать?

— Если все пойдет по графику, лет через пять.

— Это нелепо.:. Ведь первый трос уже протянут...

— Не трос — лента.

— Не придирайтесь к словам. Какую тяжесть способна выдержать эта ваша лента?

— У земной поверхности — не более пятисот тонн.

— Что и требуется. Предложите Дональду Даку прокатиться.

— Я не в состоянии гарантировать его безопасность.

— А мою? Мою безопасность вы гарантируете?

— Вы шутите!

— В столь ранний час я всегда говорю серьезно. И к тому же давно пора предложить телезрителям новый репортаж о башне. Макет капсулы очень мил, но, увы, неподвижен. Зрители предпочитают действие, и я, признаться, тоже. Во время нашей последней встречи вы показывали мне чертежи ваго-

неток, предназначенных для персонала и способных перемещаться вверх и вниз по тросу,— простите, я хотела сказать — по ленте. Я забыла, как вы их называете...

— Паучки.

— Спасибо. Совершенно очаровательное название. Вот вам и возможность, немыслимая ни в какие прежние времена. Впервые в истории можно неподвижно висеть высоко над атмосферой и любоваться Землей далеко внизу. Это, разумеется, не идет ни в какое сравнение с видом за окнами космического корабля, и я хотела бы первой описать небывалое ощущение. И одновременно подрезать крылышки Дональду Даку.

Морган выждал целых пять секунд, глядя Максине прямо в глаза, прежде чем поверил, что она и впрямь не шутит.

— Я еще понял бы,— произнес он уныло,— если бы с таким азартным предложением выступила девчонка-журналистка, едва вступившая в борьбу за место под солнцем и отчаянно жаждущая сделать себе имя. Как ни жаль портить блистательную карьеру, но ответ будет однозначно отрицательным.

Телекомментатор номер один уронила несколько энергичных слов из тех, какие не часто звучат в эфире по каналам общего пользования, тем более из уст женщины.

— Прежде чем я удавлю вас, Вэн, вашей собственной супернитью, объясните мне: почему?

— Если с вами что-нибудь случится, я себе никогда этого не прощу.

— Не лейте крокодиловы слезы. Естественно, моя преждевременная гибель обернулась бы трагедией для вас и вашего проекта. Но я и не подумаю пускаться в это путешествие до тех пор, пока вы не проведете необходимых испытаний и не убедитесь, что я буду в полной безопасности.

— Все равно это будет похоже на трюк.

— Как говаривали в Викторианскую, а может, в Елизаветинскую эпоху: ну и что?

— Послушайте, Максина, эдак вы прозеваете какую-нибудь действительно сенсационную новость, вроде того, что Новая Зеландия погрузилась на дно морское. Ваше предложение весьма великодушно, и я от души благодарю вас.

— Доктор Вэнневар Морган, я вас раскусила. Я знаю, почему вы отвергли мое предложение. Вы не пускаете меня первой, потому что хотите быть первым сами.

— Как говаривали в Викторианскую эпоху: ну и что?

— Сдаюсь. Но предупреждаю, Вэн: как только ваши паучки научатся бегать, я свяжусь с вами опять.

Морган покачал головой.

— Извините, Максина, но у вас нет ни единого шанса...

35
«ЗВЕЗДОПЛАН»: 80 ЛЕТ СПУСТЯ

Из монографии «"Звездоплан" и боги» (2149 г.):

«Ровно восемьдесят лет назад автоматический робот-разведчик, известный как "Звездоплан", вторгся в Солнечную систему и провел свой исторический, хотя и краткий, диалог с человечеством. И мы впервые достоверно узнали то, о чем подозревали всегда: что люди — не единственная разумная раса во Вселенной и что в звездных далях есть более древние и, вероятно, более мудрые цивилизации.

Казалось, после встречи со "Звездопланом" уже ничто на Земле не будет как встарь. Но как это ни парадоксально, во многих отношениях все осталось по-прежнему. Человечество так же занято повседневными заботами — в сущности, теми же, что и ранее. Часто ли мы задумываемся о том, что создатели "Звездоплана" — "островитяне" — уже двадцать восемь лет как осведомлены о нашем существовании и что почти наверняка через двадцать четыре года мы начнем получать от них первые прямые сообщения? А что, если, как считают некоторые, "островитяне" уже летят к нам с визитом?

Человек отличается любопытной и, видимо, счастливой особенностью — вообще не задумываться о тех вариантах будущего, которые внушают страх. Римский пахарь, возделывавший поле на склоне Везувия, не обращал внимания на дымок, что курится над вершиной. Половину двадцатого столетия человечество прожило рядом с призраком водородной бомбы, половину двадцать первого — с вирусом штамма "Голгофа". Теперь мы научились жить, не размышляя о страхах — или надеждах,— которые внушают "островитяне".

"Звездоплан" познакомил нас со многими странными мирами и расами, но почти не показал нам их технических достижений, а потому его влияние на земную технику свелось к минимуму. Было ли это случайностью или следствием продуманного плана? Многие вопросы хотелось бы задать "Звездоплану" именно теперь, когда на них уже некому — или еще некому — ответить.

С другой стороны, робот охотно обсуждал проблемы, связанные с философией и религией, и в этих областях его влияние представляется очень глубоким. В записи радиопереговоров эта фраза нигде не встречается, и тем не менее "Звездоплану" приписывают известный афоризм: "Вера в бога — психологическое отражение способа размножения, присущего млекопитающим".

Но что, если этот афоризм — объективная истина? В сущности, истинность подобной посылки не имеет отношения к вопросу о действительном бытии бога, как я надеюсь далее показать...»

Свами Кришнамуртхи (д-р Чоум Голдберг)

36
БЕЗЖАЛОСТНОЕ НЕБО

По ночам суперлента становилась гораздо заметнее, чем при дневном свете. Как только вспыхивали предупредительные огни — а это происходило сразу после заката,— она превра-

щалась в светящуюся нить, которая уходила ввысь, бледнея и утончаясь, пока в какой-то бесконечно далекой точке не терялась на фоне звезд.

Сооружение уже приобрело славу величайшего чуда света. Морган, не на шутку рассердившись, воспретил вход на стройплощадку всем, кроме инженерно-технического персонала,— а до того она то и дело подвергалась нашествию посетителей, иронически прозванных паломниками, которые жаждали поклониться новому диву священной горы.

И все они вели себя на удивление одинаково. Сначала с благоговейным трепетом на лице, осторожно протянув руку, касались пятисантиметровой ленты кончиками пальцев. Затем норовили прижаться к гладкому, холодному суперметаллу ухом, словно надеялись уловить музыку сфер. Иные всерьез уверяли, что различают глубокое басовитое гудение на самом пороге слышимости, но это был явный самообман: частота колебаний ленты лежала далеко за пределами возможностей человеческого слуха. Находились и такие, кто, покачивая головой, бормотал: «Ну уж ездить-то по этой штуке вы меня не заставите!..» Впрочем, то же самое говорили в свое время о термоядерной ракете, стратоплане, аэроплане, автомобиле, даже о паровом локомотиве...

Подобным скептикам обычно объясняли: «Не беспокойтесь, это еще не рельсы, а только леса — одна из четырех лент, которые послужат для башни чем-то вроде угловых направляющих. Когда строительство будет закончено, подъемник уподобится лифту в любом высоком здании. Разве что путешествие будет более длительным и несравнимо более комфортабельным».

Путешествие, затеянное Максиной Дюваль, планировалось куда короче и без особых удобств. Морган капитулировал перед ее натиском, но хотел быть на сто процентов уверенным, что все пройдет без сучка без задоринки. Хрупкий «паучок» — в точности стародавняя люлька для малярных работ, только снабженная двигателем,— раз десять поднимался на двадцатикилометровую высоту с ношей вдвое более груз-

ной, чем телекомментатор. Среди проблем и проблемок, неизбежных в любом деле, не встретилось ни одной серьезной, а последние пять подъемов прошли прямо как по маслу. Да и что, в самом деле, могло не заладиться? Даже если бы отказали батареи — случай для такого простенького устройства почти немыслимый,— Максина благополучно вернулась бы на землю под действием силы тяжести с помощью регулирующих скорость спуска автоматических тормозов. Единственный реальный риск заключался в том, что механизм ни с того ни с сего заклинит и «паучок» с пассажиром застрянет где-нибудь в верхних слоях атмосферы. Но Морган предусмотрел и такой невероятный случай.

— Всего пятнадцать километров? — пыталась протестовать Максина.— Планер и тот может подняться выше!..

— А вы, хоть и в кислородной маске, не можете. Разумеется, если вам угодно повременить с годок, пока мы не подготовим специальную капсулу с системой жизнеобеспечения...

— Почему вы не разрешаете мне надеть скафандр?..

Морган оставался непреклонным — не без своих на то оснований. Он искренне надеялся, что прибегать к этому не придется, и тем не менее распорядился, чтобы у подножия Шри Канды дежурила небольшая реактивная платформа. Ее экипаж не удивлялся никаким самым странным заданиям и наверняка сумел бы вызволить Максину из любой беды до высоты двадцать километров.

Но ни одно транспортное приспособление не смогло бы спасти ее, заберись она вдвое выше. Над отметкой сорок километров простиралась «ничейная территория» — слишком высоко для стратостатов и слишком низко для ракет. Да, конечно, теоретически ракета могла бы ценой ужасающих затрат горючего зависнуть на две-три минуты в непосредственной близости от ленты. Однако тут возникли бы такие навигационные и технические трудности, что не стоило и тратить время, размышляя над ними. В реальной, невымышленной жизни такого просто не могло быть; оставалось надеяться, что по-

становщики видеодрам не станут искать в путешествии Максины захватывающего сюжета. Вот уж реклама, без которой лучше бы обойтись...

Когда Максина Дюваль решительным шагом направилась к поджидавшему ее «паучку», окруженному группой техников, она выглядела в своем переливчатом металлическом термокостюме типичным туристом, снарядившимся в Антарктиду. Время подъема было выбрано очень удачно: солнце поднялось лишь час назад, и в косых его лучах тапробанский ландшафт казался даже красочнее обычного. Ассистент Максины, еще более молодой и рослый, чем приезжавший сюда в прошлый раз, запечатлевал события для зрителей всей Солнечной системы.

Как всегда у Максины, съемки были тщательно отрепетированы. Уверенно, не колеблясь, она пристегнулась ремнями, включила питание от батарей, глубоко вдохнула кислород из лицевой маски и принялась последовательно проверять видео- и звукозаписывающую аппаратуру. Потом, как летчик-истребитель в старом историческом фильме, подала сигнал «Все в порядке», подняв вверх большие пальцы рук, и, наконец, плавно коснулась рычага управления скоростью.

Техники и инженеры, стоявшие поблизости, встретили этот жест шутливыми рукоплесканиями: почти каждый, кто работал на вершине, ради забавы уже пробовал подняться по ленте на километр-другой. Кто-то крикнул: «Зажигание! Взлет!..» — и «паучок» тронулся в путь, равномерно и неспешно, как бронзовые, похожие на птичьи клетки лифты времен королевы Виктории.

Максине думалось, что ощущение будет напоминать полет на воздушном шаре — плавный, свободный, бесшумный. Оказалось, «паучок» не так уж и бесшумен: она различала легкое жужжание моторов, вращающих вереницу колесиков, которыми «паучок» цеплялся за гладкую поверхность ленты. Максина ожидала какого-нибудь покачивания или вибрации, но не чувствовала ни того ни другого: немыслимая лен-

та, несмотря на всю свою внешнюю хрупкость, была тверже стали, и гироскопы придавали «экипажу» идеальную устойчивость. Закрой глаза — и можно без труда представить себе, что поднимаешься не по узенькой ленточке, а по могучей орбитальной башне после завершения всех работ. Но Максина, естественно, не позволяла себе закрыть глаза — ее долгом было увидеть как можно больше. И не только увидеть, но и услышать: поразительно, как разносятся звуки, здесь даже разговоры внизу все еще слышны...

Она помахала Вэнневару Моргану, поискала глазами Уоррена Кингсли, но, к своему удивлению, не нашла его. Ведь только что помогал ей устроиться поудобнее на спине «паучка» — и вдруг исчез... И тут она вспомнила его чистосердечное признание — впрочем, в его устах оно звучало чуть ли не хвастливо: лучший в мире специалист по высотному строительству смертельно боялся высоты. «У каждого из нас,— подумала Максина,— есть свои тайные и нетайные страхи...» Скажем, она сама недолюбливала пауков и не возражала бы, чтобы сегодняшний ее «экипаж» назывался как-то иначе. Но пауки — это еще куда ни шло, с пауком в случае острой надобности она как-нибудь совладала бы, но ни при каких обстоятельствах не смогла бы она дотронуться до существа, с которым познакомилась в своих подводных экспедициях,— до робкого, безобидного осьминога.

Священная гора была уже видна вся целиком, хотя сверху никак нельзя было судить о ее истинной высоте. Две древние лестницы, вьющиеся по склонам, казались странно петляющими дорогами без спусков и подъемов; по всей их длине, насколько хватало глаз, не видно было никаких признаков жизни. Один из лестничных пролетов был перекрыт упавшим деревом — словно природа, три тысячи лет терпевшая здесь человека, решила теперь вернуть себе свои права.

Оставив одну камеру нацеленной прямо вниз, вторую Максина использовала для панорамной съемки. По экрану монитора проплыли леса и поля, потом далекие белые купола

Ранапуры, темные воды внутреннего моря. И наконец, Яккагала...

Максина попыталась показать Скалу демонов крупным планом — та приблизилась ровно настолько, что стали заметны руины на вершине. Зеркальная стена пряталась в тени, так же как и Галерея принцесс,— впрочем, показать их с такого расстояния было бы все равно невозможно. Но очертания Садов наслаждений, пруды, дорожки и широкий пограничный ров различались вполне отчетливо.

На мгновение Максину озадачила цепочка крошечных белых султанчиков, однако вскоре она сообразила, что видит сверху еще один символ бесплодного спора Калидасы с богами — так называемые Фонтаны рая. «Интересно,— мелькнула мысль,— что подумал бы король, доведись ему увидеть меня, без малейших усилий поднимающуюся в небеса, к которым он столь тщетно стремился?..»

Прошел уже почти год с тех пор, как Максина в последний раз беседовала с посланником Раджасингхом. Повинуясь внезапному желанию, она вызвала виллу у подножия Скалы.

— Приветствую вас, Джоан,— произнесла она.— Как вам нравится новый вид на Яккагалу?

— Значит, вы таки уломали Моргана. Ну а вам — как вам нравится ваше путешествие?

— Опьяняюще — другого слова не подберу. Ощущения, единственные в своем роде. Уж на чем только не приходилось мне плавать и летать — но это ни на что не похоже.

— И пересечь безжалостное небо...

— Вы о чем?

— Цитирую английского поэта начала двадцатого века:

> Когда б пришлось тебе по капле вычерпать моря
> И пересечь безжалостное небо...

— Ну что ж, моря вычерпывать мне не приходилось, а небо пересекаю благополучно. Вижу весь остров целиком и даже побережье Индостана. На какой я высоте, Вэн?

— Порядка двенадцати километров, Максина. Кислородная маска надета плотно?

— Плотно. Надеюсь, она не заглушает моего голоса.

— Не волнуйтесь, вас ни с кем не спутаешь. Осталось еще три километра подъема.

— Хватит ли бензина в баке?

— Вполне. Но не пробуйте забираться выше пятнадцати километров, иначе верну вас домой насильно.

— Нет-нет, я буду послушной. Между прочим, примите мои поздравления — это превосходный наблюдательный пункт. Стоит вам захотеть, и от желающих подняться сюда не будет отбоя.

— Мы уже думали об этом. Во всяком случае, связисты и метеорологи забросали нас заявками. Теперь они могут размещать свои датчики и реле на любой высоте, на какой им заблагорассудится. А нам это поможет поправить свой бюджет.

— А я вас вижу! — вдруг перебил Раджасингх.— Только что поймал вас в телескоп. Вот вы машете мне рукой. Ну и как вам наверху, не одиноко?

Как ни непохоже это было на Максину, она ответила не сразу. Потом произнесла негромко:

— Уж во всяком случае не так одиноко, как было, должно быть, Юрию Гагарину. Он летал еще на триста километров выше, но дело не только в этом. Вэн, вы дали миру нечто новое. Пусть небо безжалостно по-прежнему, но вы начали его приручать. И если действительно найдутся люди, которым не вынести такого подъема, могу признаться, что мне их очень жаль.

37
АЛМАЗ ВЕСОМ В ТРИЛЛИОН ТОНН

Многое было сделано за последние семь лет, но сколько еще предстояло сделать! Горы — или по меньшей мере астероиды — были сдвинуты со своих вековечных мест. У Земли был

теперь второй естественный спутник, обращающийся чуть выше синхронной орбиты. Правда, он не достигал и километра в поперечнике и к тому же быстро уменьшался в размерах по мере того, как отдавал людям углерод и другие легкие элементы. То, что оставалось — железное ядро, попутные породы и индустриальные шлаки,— должно было образовать противовес, поддерживающий орбитальную башню в «натянутом» состоянии. Так сказать, камешек на конце сорокатысячекилометровой пращи, совершавшей ныне вместе с планетой один оборот за двадцать четыре часа.

В сорока километрах к востоку от станции «Ашока» располагался огромный промышленный комплекс, где мегатонны невесомого — но отнюдь не лишенного массы — сырья превращались в супернити. Поскольку конечный продукт представлял собой более чем на 90 процентов углерод, атомы которого уложены в точнейшую кристаллическую решетку, башня обзавелась еще одним популярным прозвищем: «Алмаз весом в триллион тонн». Ассоциация ювелиров со штаб-квартирой в Амстердаме сочла своим долгом пояснить, что: а) супернить не имеет с алмазом совершенно ничего общего и б) если бы она *была* алмазом, вес башни составил бы 5×10^{15} каратов.

Как ни измеряй количество перерабатываемого материала — в каратах или тоннах,— оно было чудовищным и требовало от персонала внеземных станций не только предельного напряжения сил, но и незаурядного мастерства. Автоматические рудники, орбитальные заводы, сборочные конвейеры в условиях невесомости — чтобы создать их, понадобилось все инженерное искусство, по крупицам накопленное человечеством за двести лет космической эры. Компоненты будущей башни — типовые детали, каждая в миллионах экземпляров,— уже начали поступать на исполинские склады, дрейфующие на орбите.

Затем роботы-монтажники примутся наращивать башню, звено за звеном, в двух противоположных направлениях — вниз к Земле и одновременно вверх, в сторону орбитального «якоря», тщательно наблюдая за равновесием системы в целом, а также за тем, чтобы конструкция в поперечнике постепенно «худела» от синхронной орбиты, где она будет подвержена максимальным нагрузкам, как вниз, так и вверх.

По завершении работ весь строительный комплекс будет выведен на точно рассчитанную траекторию и перебазируется на Марс. Этот пункт договора вызывал теперь запоздалые сожаления у земных политиков и финансистов, осознавших наконец-то исполинские возможности, какие сулит космический лифт.

Марсиане выторговали себе немалые выгоды. Да, бесспорно, возврата своих капиталовложений им придется ждать лишние пять лет, зато потом они станут монополистами космического строительства не менее чем на десятилетие. Морган давно и не без оснований подозревал, что башня Павонис окажется первой, но не единственной: Марс был словно специально создан для возведения орбитальных подъемников, и марсиане не были бы марсианами, если бы не воспользовались этим. Ну и тем лучше для них; хотят сделать свою планету центром межпланетной торговли — пусть делают, а у Моргана полным-полно собственных забот, и к иным из них он до сих пор еще и не подступался.

В самом деле, башня при всей своей грандиозности — это лишь опора для технических систем много большей сложности. Каждая из четырех сторон башни должна нести на себе 36 тысяч километров путей, рассчитанных на эксплуатацию при небывалых доселе скоростях. Это, в свою очередь, означает сверхпроводящие силовые кабели, тянущиеся во всю длину сооружения, и мощнейшие термоядерные генераторы под контролем хитроумной сети взаимозаменяемых компьютеров.

А верхний вокзал, где будет осуществляться пересадка пассажиров и перевалка грузов из капсул на борт пришвартован-

ных здесь ракет? Взятый сам по себе, верхний вокзал тоже представлял собой комплекс головоломных инженерных задач. Как, впрочем, и промежуточная станция. Как и земной вокзал, который лазерные лучи выжигали в толще священной горы. А в придачу ко всему этому предстояла еще и операция по тщательной очистке ближнего космоса...

В течение двухсот лет на околоземных орбитах скапливались спутники всех типов и размеров, от потерянных болтов и гаек до целых космических городов. И теперь приходилось принимать во внимание все орбиты, когда-либо пролегавшие ниже предельной высотной отметки башни,— практически любая из этих орбит могла создать для нее угрозу. Три четверти того, что носилось ныне вокруг Земли, составлял хлам, всеми давно позабытый; теперь каждую крупинку такого хлама надо было выследить и убрать с дороги.

К счастью, для этой цели как нельзя лучше пригодились древние орбитальные крепости. Их радары, призванные нащупывать ракеты противника в минимальные сроки и на предельных расстояниях, без труда выуживали из мрака мусор, сохранившийся с первых лет освоения космоса. Мелкие спутники уничтожались лазерными ударами, крупные переводились на более высокие и безопасные орбиты, а некоторые, самые интересные с исторической точки зрения, возвращались на Землю. Время от времени очистка ближнего космоса приносила и неожиданности: например, были обнаружены три китайских астронавта, погибших при выполнении какой-то секретной миссии, и несколько разведывательных спутников, умышленно собранных из таких разномастных узлов, чтобы никто не сумел установить, какая страна их запустила. Впрочем, сегодня это уже не играло никакой роли — возраст спутников подобного типа перевалил за сто лет.

Что же касается множества действующих спутников и космических станций, которые по самому своему назначению должны были обращаться по низким орбитам,— все эти орбиты пришлось тщательно выверить и в ряде случаев видо-

изменить. Разумеется, оставались еще незваные гости из-за пределов Солнечной системы, чье появление не поддавалось прогнозу. Как все творения человеческих рук, башня подвергалась постоянной метеоритной опасности. С учетом ее длины микроудары, ощутимые только для чувствительных сейсмометров, должны были регистрироваться по нескольку раз в день; раз или два в году можно было ждать неопасных, но все же заметных повреждений. Но рано или поздно на протяжении грядущих столетий башня могла столкнуться с метеоритом-гигантом, способным вывести из строя какой-то или какие-то из путей. И — самый крайний случай — она могла даже переломиться от удара.

Вероятность такой катастрофы была не больше, чем вероятность падения крупного метеорита на Лондон или Токио,— общая площадь поверхности башни примерно равнялась площади большого города. А часто ли жители большого города теряют сон от страха, что погибнут при падении метеорита? Вэнневар Морган тоже не собирался маяться от пустых тревог. Какие бы проблемы ни таило будущее, никто уже не сомневался, что идея орбитальной башни дождалась своего часа.

V

СВЕРШЕНИЕ

38
КРАЙ БЕЗМОЛВНЫХ УРАГАНОВ

Из речи профессора Мартена Сессюи при получении Нобелевской премии по физике (Стокгольм, 16 декабря 2154 г.):

«Между небом и землей лежит обширная невидимая область, о существовании которой древние натурфилософы даже не подозревали. Вплоть до начала XX века — точнее, до 12 декабря 1901 года — эта область не оказывала никакого влияния на земные дела.

Но в тот декабрьский день Гулиельмо Маркони передал по радио через Атлантику азбукой Морзе три точки — букву "S". Авторитеты утверждали, что это неосуществимо: электромагнитные волны распространяются-де только по прямой и не могут следовать вдоль изогнутой поверхности земного шара. Опыт Маркони не только явился провозвестником эпохи всемирной связи, но и доказал, что высоко в атмосфере находится наэлектризованное зеркало, отражающее радиоволны обратно на Землю.

Вскоре было установлено, что слой Кеннелли — Хэвисайда, как его первоначально называли, отличается весьма сложным строением и состоит по меньшей мере из трех основных слоев, каждый из которых, в свою очередь, делится на участки, различные по толщине и плотности. Верхний из слоев смыкается с радиационными поясами Ван-Аллена, открытие которых явилось важнейшим достижением первых лет космической эры.

Обширная область, начинающаяся на высоте примерно пятидесяти километров и простирающаяся вовне на несколько земных радиусов, получила название ионосферы; исследование ионосферы с помощью ракет, спутников и радиоволн продолжается уже более двух столетий и до сих пор не завершено. Мне бы хотелось отдать дань уважения моим предшественникам в изучении ионосферы — американцам Тюву и Брейту, англичанину Эпплтону, норвежцу Стёрмеру и в особенности человеку, еще в 1970 году заслужившему ту же награду, которой сегодня удостоили меня,— вашему соотечественнику Ханнесу Альфвену...

Ионосфера — своенравное дитя Солнца: даже сегодня ее состояние не всегда можно предсказать с должной степенью точности. В дни, когда дальняя радиосвязь всецело зависела от ее капризов, она спасла много жизней,— но мы никогда не узнаем, скольких людей она обрекла на гибель, без следа поглотив их отчаянные мольбы о помощи. И на протяжении многих десятилетий, до появления спутников связи, ионосфера была нашей незаменимой, но сумасбродной служанкой; тысячи поколений и не подозревали о подобном явлении природы, и только три поколения использовали его, успев тем не менее потратить на это баснословные средства.

Наша прямая зависимость от ионосферы продолжалась лишь один исторический миг. И тем не менее, если бы ионосферы не существовало, не было бы и нас самих. В определенном смысле она играла жизненно важную роль и для обществ, еще не ведавших техники, и для первых обезьянолюдей, и даже, если разобраться, для самых первых живых существ на этой планете. Ибо ионосфера — щит, прикрывающий нас от гибельного рентгеновского и ультрафиолетового излучения Солнца. Если бы они проникали до самой поверхности Земли, какая-то жизнь на суше, возможно, и возникла бы, но она никогда не развилась бы до уровня, хотя бы отдаленно напоминающего нынешний.

Поскольку состояние ионосферы, как и состояние атмосферы, расположенной под ней, в конечном счете зависит от Солнца, здесь также есть своя погода. В периоды солнечных возмущений ионосфера во всепланетном масштабе бомбардируется потоками заряженных частиц, и под влиянием магнитного поля Земли в ней образуются ловушки и завихрения. Тогда она перестает быть невидимкой, обнаруживая себя в одном из самых величественных явлений природы — в зыбких полотнищах северного сияния, освещающего призрачным светом полярные ночи.

Даже сегодня мы еще не полностью разобрались в процессах, происходящих в ионосфере. И одна из причин, по которым изучение ионосферы оказывается делом далеко не простым, состоит в том, что наши приборы, размещенные на ракетах и спутниках, проносятся сквозь нее на скоростях порядка тысяч километров в час; нам никогда еще не удавалось остановиться, чтобы провести наблюдения. Теперь, впервые в истории науки, сооружение орбитальной башни позволит нам создать в ионосфере стационарные обсерватории. Впрочем, не исключено, что башня самим своим появлением изменит какие-то характеристики ионосферы,— хотя высказанное доктором Бикерстаффом предположение, что башня вызовет в ионосфере короткое замыкание, наверняка ошибочно.

Но зачем нам вообще изучать эту околоземную область сегодня, когда она уже не интересует связистов? Делать это нас заставляют не только ее красоты и причуды и не только научная любознательность — состояние ионосферы прямо связано с Солнцем, которое было и остается вершителем наших судеб. Нам известно теперь, что Солнце — отнюдь не стабильная, благонравная звезда, как думали наши предки: его свечение подвержено колебаниям, краткосрочным и долгосрочным. В настоящее время оно все еще накаляется после так называемого минимума Маундера в 1645–1715 годах, и вследствие этого нынешний климат мягче, чем когда бы то ни

было, начиная с раннего Средневековья. Но как долго продлится это потепление? Еще важнее другой вопрос: когда начнется поворот к новому минимуму и какое влияние это окажет на погоду, климат и цивилизацию во всех ее аспектах — и не только на нашей, но и на других планетах? Ведь все они дети одного Солнца...

Выдвигаются умозрительные теории, утверждающие, что Солнце вступает сейчас в полосу нестабильности, которая может вызвать наступление нового ледникового периода, более сурового, чем все пережитые Землею в прошлом. Если это так, нам необходимы точные данные, чтобы подготовиться к испытанию. Предупредить человечество за сто лет до похолодания — и то, пожалуй, окажется слишком поздно.

Ионосфера помогла природе создать нас; с нее началась революция в области связи; от нее, не исключено, во многом зависит наше будущее. Вот почему надо продолжать изучение этой обширной и неспокойной области, арены взаимодействия солнечных вихрей и электрических полей, края безмолвных ураганов».

39
РАНЕНОЕ СОЛНЦЕ

Когда Морган видел Дэва в предыдущий раз, тот был совсем еще ребенком. Теперь он стал мальчишкой лет одиннадцати-двенадцати; если так пойдет и дальше, то при следующей встрече племянник окажется взрослым мужчиной.

Инженер испытал что-то похожее на мимолетное чувство вины. Семейные связи за последние два столетия неуклонно слабели, и у него с сестрой не было, в сущности, ничего общего, кроме генетической близости. Они обменивались поздравлениями, иногда, не более пяти-шести раз в году, беседовали о разных житейских пустяках и вообще поддерживали прекрасные отношения, но, если по совести, он не мог бы припомнить, когда и где виделся с ней воочию.

Здороваясь с мальчишкой, энергичным, развитым и, кажется, нисколько не растерявшимся в присутствии своего знаменитого дяди, Морган поймал себя на том, что ощущает не лишенную горечи зависть. У него не было сына, преемника родового имени; немногим из людей, добившихся по-настоящему заметных успехов, удавалось избежать тягостного выбора между работой и радостями семейной жизни, и он сделал такой выбор давным-давно. Трижды — не считая связи с Ингрид — судьба предлагала ему создать семью, и трижды случай, а может, честолюбие рассудили иначе.

Он заранее знал условия сделки и принял их, и ворчать, что в условиях есть не совсем приятные пункты, набранные петитом, теперь было поздно. Любой дурак способен тасовать генетическую колоду, и во все века большинство не пренебрегало такой возможностью. Считать себя избранником истории или нет, он еще не решил, но ведь немногие сумели бы сравняться с ним в том, что он совершил и еще совершит.

За три часа Дэва познакомили с земным вокзалом орбитального подъемника куда подробнее, чем многих именитых визитеров, что ни день наезжающих сюда пачками. Пройдя по туннелю, ведущему от подножия горы к почти завершенной южной платформе, мальчишка успел осмотреть залы для пассажиров и багажа, центральный пост управления и «поворотный круг» — устройство для перевода капсул, прибывших сверху по западному и восточному рельсам, на южный и северный, которые предназначались для движения снизу вверх, с Земли на орбиту. Со дна ствола, что со временем станет оживленной транспортной магистралью, Дэв долго пытался разглядеть далекое жерло; сотни радиорепортеров, благоговейно снижая голос, сравнивали этот ствол с пушкой, нацеленной на звезды. А вопросы, которыми так и сыпал юный гость, буквально вымотали одного за другим троих гидов, прежде чем последний из них с облегчением передал почемучку его дяде.

— Получай своего пострелёнка, Вэн,— произнес Уоррен Кингсли, доставивший мальчишку скоростным лифтом на усеченную вершину Шри Канды.— Забери его от меня, пока он еще не заявил претензий на мое место.

— Я и не знал, что ты увлекаешься инженерным делом, Дэв.

Тот ответил взглядом, преисполненным обиды — и отчасти удивления.

— Ты что, дядя, не помнишь, какой великолепный конструкторский набор подарил мне к десятилетию?

— Да, конечно, конечно. Я пошутил.— Честно сказать, Морган не то чтобы забыл про этот набор, но просто в нужную минуту не вспомнил о нем.— Тебе здесь не холодно?

Не в пример плотно закутанным взрослым, Дэв отказался даже от обычного легкого термоплаща.

— Нет, спасибо. Что это за самолет? Скоро вы откроете шахту? Можно потрогать ленты?

— Понял, что я имел в виду? — усмехнулся Кингсли.

— Отвечаю на первый вопрос: это личный самолет шейха Абдуллы — он прислал сюда своего сына Фейсала. На второй: шахта будет закрыта до тех пор, пока башня не достигнет вершины — крышка нужна как рабочая площадка и для защиты от дождя. На третий: можешь потрогать ленты, если тебе хочется... Да не беги же ты — бегать на такой высоте вредно!..

— Даже когда тебе двенадцать? — бросил Кингсли, провожая взглядом быстро удаляющуюся спину Дэва.

Спустя какое-то время они нагнали его у якоря на западном склоне горы. Мальчишка, как и многие тысячи побывавших здесь до него, с недоверием воззрился на тонкую тускло-серую ленту, которая вырывалась из земли и взмывала вертикально в небо. Дэв скользнул по ней глазами — вверх, вверх, пока голова не запрокинулась до предела. Морган и Кингсли не стали следовать его примеру, несмотря на отчетливое, не преодоленное за столько лет искушение. Не стали они и

предупреждать любознательного мальчугана, что для иных посетителей подобный опыт заканчивался головокружением и обмороком — потом они не могли даже отойти от ленты без посторонней помощи.

Паренек оказался крепким: он пристально вглядывался в зенит почти целую минуту, словно надеялся различить за темно-синим куполом неба тысячи работающих там людей и миллионы тонн подвластных им материалов. Затем он чуть поморщился, закрыл глаза, потряс головой и на миг уставился себе под ноги, будто удостоверяясь, что твердая, надежная земля по-прежнему на своем месте. Осторожно вытянув руку, Дэв погладил узкую тесьму, связавшую планету с ее новой луной.

— А что будет,— спросил он,— если лента порвется?

Ответ, как и вопрос, был не нов, но для большинства оказывался неожиданным.

— Знаешь, почти ничего не будет. Лента в этой точке практически не натянута. Если ее перерезать, она так и останется висеть, покачиваясь на ветру.

Кингсли не утаил гримасы неудовольствия: оба они знали, разумеется, что это явное упрощенчество. В настоящее время каждая из четырех лент испытывала натяжение, равное примерно ста тоннам,— впрочем, им и в самом деле можно было пренебречь в сравнении с расчетными нагрузками той поры, когда система вступит в действие и ленты станут частью башни. В общем-то, не стоило забивать мальчишке голову такими деталями.

Дэв подумал над ответом, потом, эксперимента ради, щелкнул по ленте пальцами, будто хотел сыграть на ней, как на струне. Но раздался лишь сухой, невыразительный стук, который мгновенно замер.

— Если ты ударишь по ней кувалдой,— сказал Морган,— и вернешься сюда же через десять часов, то поспеешь как раз вовремя, чтобы услышать эхо с промежуточной станции.

— Теперь эха уже не слышно,— поправил Кингсли.— Башня поглощает звук.

— Вечно ты все испортишь, Уоррен. Иди сюда, Дэв,— я покажу тебе кое-что по-настоящему интересное.

Они направились к центру круглого стального диска, который венчал гору и запечатывал шахту, как крышка гигантской кастрюли. Здесь, на равном расстоянии от всех четырех лент, которые день за днем вели башню к Земле, стояла маленькая геодезическая хижина — сооружение еще более временное, чем площадка, на которой ее воздвигли. В хижине находился странного вида телескоп, нацеленный прямо вверх и, по всей вероятности, не способный поворачиваться ни в каком другом направлении.

— Сейчас идеальное время для наблюдения — последние минуты перед закатом. Основание башни освещено прямыми лучами солнца.

— Ну уж если ты заговорил о солнце,— вставил Кингсли,— то только взгляни на него сегодня. Пятна еще заметнее, чем прежде.

В голосе его слышалось что-то весьма похожее на благоговение. Он указал на сверкающий сплющенный овал, который постепенно тонул в мареве у западного горизонта. Именно это марево, снижающее яркость светила, позволяло вглядываться в огненную пучину невооруженным глазом.

Давненько — более столетия — не появлялось на Солнце такого множества пятен; они растянулись почти на половину золотого диска, словно он был поражен тяжелой болезнью или иссечен падающими планетами. Между тем даже могучему Юпитеру было бы не по силам нанести солнечной атмосфере такую рану: поперечник самого крупного пятна составлял четверть миллиона километров, и оно свободно поглотило бы сотню таких песчинок, как Земля.

— На сегодня предсказана новая большая выставка северных сияний — профессор Сессюи со своими весельчаками рассчитали все правильно...

— Давайте узнаем, как у них идут дела,— произнес Морган, подкручивая окуляр.— Полюбопытствуй-ка, Дэв...

Мальчуган всмотрелся и произнес:

— Вижу четыре ленты, уходящие вдаль,— я хотел сказать, вверх,— пока они не исчезают из поля зрения.

— А в середине ничего нет?

Еще пауза.

— Ничего. Никаких следов башни.

— Так и должно быть. До нее еще шестьсот километров, и телескоп включен на минимальную мощность. Теперь я наращиваю увеличение. Застегните привязные ремни...

Дэв улыбнулся этому старинному штампу, знакомому ему по многим историческим драмам. И все же он сперва не замечал никаких изменений, разве что четыре линии, сходящиеся в центре поля, стали казаться слегка размытыми. Минуло секунд пять, прежде чем он понял, что под этим углом зрения — точно вверх вдоль оси башни — и нельзя заметить никаких изменений: ленты выглядят одинаково в любой точке по всей своей длине.

И вдруг, внезапно — он ожидал этого и все-таки вздрогнул — из пустоты возникло крошечное яркое пятнышко в самом центре поля. Возникло и начало расти на глазах, и к Дэву впервые пришло ощущение скорости.

Через несколько секунд он смог различить маленький кружок — нет, теперь уже глаза, как и мозг, поверили, что это не круг, а квадрат. Он смотрел строго вверх на основание башни, ползущей к Земле по направляющим лентам со скоростью примерно два километра в день. Сами ленты теперь исчезли из поля зрения — они были слишком узкими, чтобы различать их на таком расстоянии. Но квадрат, волшебным образом подвешенный в небе, продолжал расти, хотя при сильном увеличении и становился расплывчатым.

— Что ты видишь? — осведомился Морган.

— Яркий квадратик.

— Правильно. Это нижняя оконечность башни в прямых солнечных лучах. Когда здесь стемнеет, она будет видна невооруженным глазом еще в течение часа, прежде чем попадет в земную тень. Ну а еще что видишь?..

— Ничего,— ответил Дэв после долгой паузы.

— Приглядись. Ученые решили навестить нижнюю часть башни и установить там свое оборудование. Они как раз спустились с промежуточной станции. Если всмотришься попристальнее, увидишь их капсулу — она на южном пути, это значит, на изображении справа. Ищи рядом с башней небольшую яркую точку...

— Извини, дядя, я ее не нахожу. Взгляни сам...

— Быть может, видимость ухудшилась. Иногда и башня становится неразличимой, хотя в атмосфере вроде бы...

Прежде чем Морган успел заменить Дэва у окуляра, его личный приемник-передатчик издал два резких коротких гудка. Мгновением позже такой же сигнал прозвучал и в приемнике Уоррена Кингсли.

Впервые за все годы сооружения башни на строительстве объявлялась общая тревога.

40
РЕЛЬСЫ ВЕДУТ В ТУПИК

Неудивительно, что ее называли иногда «Транссибирской магистралью». Даже при движении вниз — а это, естественно, было легче — путешествие от промежуточной станции к основанию башни должно было продлиться пятьдесят часов.

Наступит день, когда весь путь займет пять часов, и не более, но до этого пройдет еще как минимум года два: сначала надо подвести к рельсам электроэнергию и создать магнитные поля. А пока вагончики осмотрщиков и эксплуатационников, снующие вверх и вниз по всем четырем граням башни, двигались на старомодных колесах, цепляясь за рельсовую прорезь с внутренней стороны. Даже если позволила бы

ограниченная мощность батарей, развивать скорость свыше пятисот километров в час было бы небезопасно.

Однако те, кому довелось сегодня занять места в вагончике, были слишком заняты, чтобы скучать. Профессор Сессюи и три его ученика вели наблюдения, проверяли оборудование, чтобы по прибытии на место не потратить впустую ни минуты. Водитель, бортинженер и стюард, составляющие экипаж вагончика, также отнюдь не изнывали без дела — поездка предстояла необычная. «Подвал», расположенный сегодня в двадцати пяти тысячах километров от промежуточной станции и всего в шестистах километрах от Земли, не навещал еще никто с самого дня постройки. До сих пор его просто незачем было навещать — приборы ни разу не отметили ни малейшей неисправности. Да и что могло там испортиться, если «подвал» представлял собой просто-напросто герметичную комнату, четыре стены по пятнадцать метров каждая,— одно из многих аварийных убежищ, разбросанных там и сям по всей длине башни.

Профессор Сессюи пустил в ход все свое нешуточное влияние, чтобы воспользоваться этой уникальной обсерваторией, медленно — два километра в день — ползущей сквозь ионосферу к поверхности Земли. Жизненно важно, не уставал повторять он, установить и привести в действие оборудование до прихода максимума солнечных пятен.

И правда, солнечная активность уже достигла небывалого уровня, и молодые ассистенты Сессюи часто не могли сосредоточить свое внимание на приборах — слишком уж ярким соблазном оказывались трепещущие прямо за окнами капсулы величественные северные сияния. Как южную, так и северную половину неба часами заполняли неспешные движения огненных занавесей, потоки зеленоватого света; это было прекрасно, это внушало трепет — и все же представляло собой лишь бледную копию небесного фейерверка, развертывающегося у полюсов. Действительно, нечасто случалось, чтобы северные сияния забирались так далеко от своих

обычных владений,— в экваториальные небеса они вторгались считаное число раз на памяти многих поколений.

Сессюи приходилось возвращать своих помощников к работе, обещая, что на созерцание красот у них достанет времени в часы долгого обратного подъема к промежуточной станции. Однако замечали, что профессор и сам нет-нет да и замрет у окна на минуту-другую, завороженный зрелищем пылающих небес.

Предприятие, которое затеял Сессюи, не без юмора нарекли «экспедицией на Землю» — и в отношении расстояний это было на 98 процентов справедливо. По мере того как капсула ползла вниз, делая жалких пятьсот «щелчков» в час, приближение к планете становилось все более очевидным. Сила ее притяжения все возрастала — от восхитительной легкости на промежуточной станции, где тело весило меньше, чем на Луне, до почти полного земного бремени. Любого опытного космического путешественника это не могло не удивить: ощущение тяжести, даже минимальной, пока корабль не вошел в атмосферу и начал торможение, казалось нарушением нормального порядка вещей.

Все шло без происшествий, если не считать жалоб на однообразие пищи — усталый стюард переносил их стоически. В ста километрах от «подвала» были постепенно включены тормоза, и скорость уменьшилась наполовину. В пятидесяти километрах от цели она снизилась еще вдвое — ибо, как заметил один из ассистентов: «Не выскочить бы за рельсовый путь в тупике...»

Водитель (он настаивал, чтобы его называли пилотом) заверил, что это немыслимо, что направляющие прорези, по которым движется капсула, заканчиваются за несколько метров до основания башни как такового; кроме того, в конце пути сооружена сложная буферная установка на случай, если откажут все четыре независимые друг от друга системы тормозов. И пассажиры согласились с тем, что шутка ассистента, мало того что нелепая, еще и не отличается хорошим вкусом.

41
МЕТЕОР

Огромное искусственное озеро, известное уже два тысячелетия как «море Параваны», мирно и покойно расстилалось перед каменным взором своего создателя. Одинокую статую отца Калидасы навещали теперь редко,— но пусть померкла слава, зато плод его усилий пережил честолюбивые замыслы сына и служил стране куда лучше, чем Яккагала, принося воду и пищу доброй сотне поколений крестьян. И неисчислимому множеству поколений птиц, оленей, быков, обезьян и хищников; вот и сейчас к краю воды припал гибкий, откормленный леопард. Избавленные от необходимости страшиться охотников, гигантские кошки размножились и изрядно обнаглели. Но никогда не нападали на людей, пока те не дразнили их и не загоняли в угол.

Тени вокруг озера сгущались, с востока надвигались сумерки. Леопард, уверенный в своей безопасности, все пил — лениво, досыта. И вдруг навострил уши и насторожился; человеческие чувства еще не улавливали никаких перемен ни на суше, ни на воде, ни в небе. Вечер оставался по-прежнему тихим и безмятежным.

Потом сверху, прямо из зенита, донесся слабый свист; свист нарастал, пока не перешел в грохот, в рев с какими-то особенными, вспарывающими воздух и слух полутонами, несвойственными возвращающимся из космоса кораблям. Высоко в небе в последних лучах заката блеснула голубоватая искра, она стала расти, оставляя за собой дымный след, и вдруг распалась; объятые пламенем осколки брызнули во все стороны. При таком зрении, как у леопарда, двух-трех секунд было бы достаточно, чтобы заметить, что небесный гость — прежде чем рассыпаться на мириады горящих частиц — имел форму цилиндра. Но леопард не стал приглядываться, а предпочел скрыться в джунглях.

«Море Параваны» вздыбилось с громоподобным плеском. Гейзер илистой воды взметнулся метров на сто — мощнее любого из фонтанов Яккагалы — и почти сравнялся с самою скалой. На мгновение он застыл в воздухе, тщетно споря с земным притяжением, затем опрокинулся и опал, всколыхнув озеро от края до края.

Небо потемнело от вспугнутых, беспокойно кружащихся водяных птиц. Среди них, словно кожистые птеродактили, непонятно как дожившие до XXII века, били крыльями большие летучие лисицы, обычно просыпающиеся не раньше глубоких сумерек. Сегодня летучие мыши и птицы, одинаково объятые ужасом, вместе искали спасения в воздушной стихии.

Последние отзвуки катастрофы замерли в подступивших к озеру джунглях, и на его берега вернулась тишина. Однако прошло еще немало долгих минут, прежде чем поверхность воды выровнялась, как прежде, и суетливые мелкие волны прекратили тревожить незрячий взор Параваны Великого.

42
СМЕРТЬ НА ОРБИТЕ

Каждое большое предприятие, по поверью, требует жертв; на опорах Гибралтарского моста были выгравированы четырнадцать имен. Но, спасибо специалистам по технике безопасности, подчас фанатичным в своей требовательности, орбитальная башня почти не уносила человеческих жизней. Был отмечен даже целый год без единого смертного случая.

Но однажды выдался год, когда было четыре смерти — две из них оказались особенно тягостными. Мастер по сборке космических сооружений, привычный к работе в невесомости, позволил себе забыть, что на этот раз он хоть и в космосе, но не на орбите,— опыт, накопленный в течение всей жизни, оказался предательским. Он пролетел более пятнадцати тысяч километров и сгорел, как метеор, при вхождении в атмосферу. Как нарочно, передатчик в его скафандре оставался включенным до самого трагического конца...

Тот год для строителей башни оказался удивительно несчастливым — вторая трагедия грянула вслед за первой и была не менее гласной. Женщина-инженер, занятая на «якорном» участке, много выше синхронной орбиты, небрежно застегнула страховочный пояс — и вылетела в пространство, как камень из пращи. На той высоте, где она находилась, ей не угрожали ни падение на Землю, ни переход на незамкнутую орбиту, но, увы, воздуха у нее в скафандре было лишь на неполных два часа. Организовать ее спасение за столь короткий срок не мог никто, да, собственно, и не пытался, невзирая на общественное негодование. Потерпевшая держала себя очень достойно. Она продиктовала по радио прощальные письма родным, а затем, хотя кислорода ей хватило бы еще на добрых полчаса, раскрыла скафандр. Тело обнаружили несколько дней спустя, когда неумолимые законы небесной механики привели его назад к перигею эллиптической орбитальной кривой.

Оба этих случая промелькнули в мозгу Моргана за те секунды, что понадобились скоростному лифту, чтобы доставить его вместе с угрюмым Уорреном Кингсли и почти позабытым теперь Дэвом на центральный пост управления. Правда, сегодняшнее несчастье иного рода: то ли в «подвале» башни, то ли вблизи него произошел взрыв. Очевидно, какая-то транспортная кабина сорвалась с рельсов и обрушилась на Землю,— позже, надо думать, Служба муссонов передаст невнятное сообщение о «метеоритном дожде» в районе Центрального Тапробана.

Гадать, что именно стряслось и почему, было бесполезно — нужны были факты, вещественные доказательства, а поскольку они, скорее всего, уничтожены катастрофой, истину, вполне возможно, не выяснить никогда. Космические инциденты редко бывают вызваны одной-единственной причиной: обычно к ним ведет целая цепь событий, каждое из которых безобидно само по себе. И вся прозорливость стражей техники безопасности не в состоянии гарантировать защиту от всех невзгод, а подчас их гипертрофированная осторожность не предотвращает, а провоцирует беду. Морган не стеснялся признаться себе в том, что судьба проекта в целом заботит его ныне куда сильнее, чем гибель нескольких или даже многих людей. Мертвым уже не поможешь, остается лишь принять меры к тому, чтобы стечение обстоятельств, стоившее им жизни, никогда более не повторилось. Но поставить под угрозу завершение орбитальной башни, когда до него буквально рукой подать,— подумать об этом и то было непереносимо страшно.

Лифт замедлил ход и остановился, и Морган очутился на центральном посту — как раз вовремя, чтобы успеть к новой неожиданности, второй за один вечер.

43
НА АВТОМАТИКУ НАДЕЙСЯ...

В пяти километрах от цели водитель-пилот Руперт Чанг снова снизил скорость. Теперь, впервые за все путешествие, пассажиры увидели башню, а не просто смутную серую полосу, уходящую в обоих направлениях в бесконечность. Правда, если смотреть вверх, то двойная борозда, которая привела их сюда, казалась по-прежнему бесконечной,— они понимали, что это иллюзия, однако с обычной человеческой точки зрения двадцать пять тысяч километров и бесконечность одно и то же. Но если взглянуть вниз, цель была видна совершенно отчетливо. Усеченное основание башни ясно вырисовывалось на фоне ярко-зеленого острова, которого она достигнет и с которым соединится не позже чем через год.

На панели приборов вновь зажглись красные тревожные огоньки. Чанг раздраженно нахмурился и надавил на клавишу, сбрасывающую сигналы. Огоньки мигнули и погасли.

В первый раз это случилось на двести километров выше — тогда Чанг стал срочно советоваться с промежуточной станцией. Экстренная проверка всех систем капсулы не выяви-

ла никаких неисправностей; и кроме того, если бы все вспыхнувшие разом тревожные сигналы оказались верны, пассажиров уже не было бы в живых. Ведь, согласно приборам, из строя вышло буквально все.

Надо полагать, разладилась регулировка самих аварийных цепей — именно так объяснил происшествие профессор Сессюи, и остальные с готовностью приняли его объяснение. Капсула, заявил профессор, создавалась для условий абсолютного вакуума, а сейчас попала в зону ионосферных возмущений, которые и повлияли на чувствительные датчики систем предупреждения.

— О чем только они там раньше думали,— проворчал Чанг.

Но до конца пути оставалось меньше часа, и он не видел повода для серьезного беспокойства. Просто придется постоянно проверять основные данные, не надеясь на автоматику; промежуточная одобрила его решение, да, по правде говоря, у нее и не было иного выхода.

Пожалуй, более всего пилота заботило состояние аккумуляторных батарей. Ближайший пункт перезарядки остался в двух тысячах километров выше, и, если предположить, что капсуле туда не дотянуть, дело будет плохо. Но на этот счет Чанг как будто мог не беспокоиться: в процессе торможения моторы работали как динамо-машины и девять десятых гравитационной энергии превращались в электрический ток, наполняя аккумуляторы новой силой. К настоящему времени им полагалось бы уже подзарядиться до предела, а избыточным сотням киловатт — улетучиться в пустоту через панели охлаждения на корме. Коллеги нередко шутили, что эти панели делают капсулу Чанга похожей на стародавнюю авиационную бомбу со стабилизатором на хвосте. Сейчас, в конце тормозного пути, панели должны были накалиться докрасна. Чанг несомненно встревожился бы, узнай он, что они не только не накалились, но и не начали нагреваться. Ибо энергия не может исчезнуть — *она непременно должна*

куда-либо деться. И очень часто она попадает совсем не туда, куда надо.

Когда на доске в третий раз вспыхнул сигнал «Пожар в батарейном отсеке», Чанг выключил его без колебаний. Настоящий пожар, вне сомнения, давно привел бы в действие огнетушители; если уж начистоту, то пилот иногда побаивался, как бы эти сигары не запенились без нужды. Ясно, что на борту творилось что-то неладное, и особые сомнения вызывала система подзарядки батарей. Как только путешествие будет окончено и моторы выключены, он залезет в машинное отделение и ревизует все по старинке — на глаз и на ощупь.

Первым прибором, которому он действительно поверил, оказался нос. До цели оставалось чуть более километра, когда из-под панели выползла тонкая струйка дыма; он уставился на нее с недоумением, а какая-то холодно-аналитическая часть мозга тут же шепнула: «Спасибо еще, что это случилось только сейчас, в самом конце маршрута!..»

Потом он вспомнил, какая бездна энергии была накоплена при торможении, и его пронзила страшная догадка. По-видимому, не сработали предохранительные цепи и батареи получили избыточный заряд. Автоматика отключила их одну за другой, ионосферный шторм также сказал свое слово, и готово дело — неодушевленные устройства в очередной раз своевольно вышли из повиновения.

Чанг резко нажал на кнопку, командующую огнетушителями в батарейном отсеке; по крайней мере, она не отказала, он услышал за переборкой сдавленный рокот вырвавшегося на волю азота. Секунд через десять он открыл люк, чтобы выбросить газ из отсека в пространство — и вместе с газом, как он надеялся, большую часть тепловой энергии пожара. Люк также подчинился без капризов, и Чанг впервые в жизни испытал облегчение, услышав, как воздух с визгом вырывается из доверенного его заботам космического аппарата; он дорого бы дал за то, чтобы первый опыт такого рода оказался и последним.

Не полагаясь на автоматические тормоза, он провел капсулу по финальному отрезку пути вручную; к счастью, тренировки не забылись, зрение не подкачало, и вагончик замер в каком-то сантиметре от буферного отражателя в конце рельсовой прорези. Спешно сомкнув воздушные шлюзы, Чанг и его подчиненные проволокли по соединительному патрубку запасы пищи и снаряжение...

...И профессора Сессюи, который все порывался вернуться за своими драгоценными инструментами,— его удалось усмирить лишь объединенными усилиями пилота, бортинженера и стюарда. Люк воздушного шлюза был запечатан за три секунды до того, как переборка, разделяющая кабину пилота и машинное отделение, лопнула под натиском огня.

Теперь беглецам не оставалось, собственно, ничего другого, кроме как ждать в мрачной комнате пятнадцать на пятнадцать метров, по существу не отличающейся от большой тюремной камеры, в надежде, что пожар утихнет сам собой. К счастью для душевного состояния пассажиров, только Чанг с бортинженером понимали, что полностью заряженные батареи по своей энергетической емкости равны большой химической бомбе и эта бомба весело тикает в двух шагах от них, за стеной башни.

Через десять минут после их поспешного прибытия бомба взорвалась. Раздался глухой удар, башня чуть содрогнулась, затем последовал скрежет раздираемого на части металла. Это прозвучало не очень впечатляюще, но сердце каждого будто сдавила холодная рука: единственное средство транспорта, связывавшее их с цивилизацией, погибло безвозвратно, оставив доверившихся ему людей в двадцати пяти тысячах километров от помощи.

Еще один, более продолжительный взрыв — и тишина: беглецы догадались, что капсула оторвалась от башни. Еще не оправившись от потрясения, они принялись обследовать свои запасы и мало-помалу начали сознавать, что их чудесное спасение, возможно, не принесло им никаких выгод.

44
ГРОТ ПОСРЕДИ НЕВА

Глубоко в недрах священной горы, среди приборных панелей, передающей и записывающей аппаратуры наземного центра управления Морган и его ближайшие помощники собрались вокруг голографического изображения нижней части орбитальной башни в одну десятую натуральной величины. Изображение было совершенным, виднелись даже тонкие полоски направляющих лент, выступающих за край «подвала» по всем четырем его углам. Полоски исчезали в воздухе над самым полом, и было нелегко представить себе, что и в таком уменьшенном масштабе им надлежало бы тянуться еще на шестьдесят километров — вниз и вниз, а затем сквозь земную кору.

— Дайте башню в разрезе,— произнес Морган,— и приподнимите «подвал» до уровня глаз.

Башня словно утратила материальность, превратившись в светящийся призрак — в длинную тонкостенную квадратную коробку, совершенно пустую, если не считать ниточек сверхпроводящих электрических кабелей. Самая нижняя ее секция — прозвище «подвал» представлялось очень удачным, даром что он висел над землей в сто раз выше, чем поднималась вершина Шри Канды,— была отделена от остальной конструкции перемычкой и образовала замкнутое квадратное помещение.

— Входные люки? — осведомился Морган.

Два участка изображения засветились ярче. На северной и южной сторонах башни, между прорезями рельсовых щелей, четко обозначились внешние люки двойных воздушных камер, разнесенные друг от друга как можно дальше в соответствии с обычными для любого космического жилища предосторожностями.

— Они входили, разумеется, через южный люк,— пояснил дежурный оператор.— Получил ли он повреждения при взрыве, пока неизвестно.

«Ну что ж,— подумал Морган,— в нашем распоряжении еще три люка...» Из этих трех его интересовали как раз те два, что были сейчас не видны. По правде сказать, в первоначальном проекте их вовсе не было, конструкторы внесли их в чертежи потом. А если еще точнее, то и сам «подвал» появился «потом», на позднейших стадиях доводки проекта; сооружать убежище здесь, в той части башни, что со временем уйдет под землю, поначалу не посчитали целесообразным.

— Покажите мне ее со стороны основания,— приказал Морган.

Башня послушно накренилась, прочертив в воздухе световую дугу, и легла горизонтально. Теперь Морган мог различить во всех подробностях ее днище — или крышу, если взглянуть на конструкцию глазами строителей, обосновавшихся на орбите. Вблизи северной и южной сторон квадрата — по двадцать метров каждая — были прорезаны люки с воздушными шлюзами, ведущими внутрь «подвала». Единственная проблема — как добраться до этих люков, если они висят на шестикилометровой высоте?

— Что с системой жизнеобеспечения?

Шлюзы как бы отомкнулись, пропустив наблюдателей в комнату; в центре ее выделился небольшой шкафчик.

— В том-то и горе, доктор,— заметил оператор, помрачнев.— Здесь ничего нет, кроме насосов для поддержания давления. Ни очистки воздуха, ни собственной энергетики. Теперь, когда они потеряли капсулу, не могу и представить себе, как они переживут ночь. Температура после захода солнца уже упала на десять градусов...

Морган ощутил, как в душу пахнуло холодом межпланетного пространства. Радости открытия, что пассажиры погибшей капсулы остались живы, как не бывало. Допустим, выяснится, что кислорода в «подвале» хватит на несколько дней, но какой в этом прок, если они погибнут от холода еще до рассвета!

— Я бы хотел поговорить с профессором Сессюи.

— Связаться с ним напрямую нельзя — аварийный телефон в «подвале» соединен только с промежуточной. Впрочем, особых трудностей не предвижу...

На самом деле все оказалось не так просто. Когда связь наконец была установлена, к телефону подошел водитель-пилот Чанг.

— Извините,— ответил он,— профессор занят.

Морган буквально онемел на мгновение, потом произнес раздельно, выдержав паузу, прежде чем назвать себя:

— Передайте ему, что вызывает Вэнневар Морган.

— Конечно, передам, но поверьте, доктор, ему все равно кто. Он вместе с ассистентами возится с каким-то прибором. Единственным, какой они успели вытащить,— что-то вроде спектроскопа. Сейчас они прилаживают его к окну...

Морган с трудом сдержал себя. Он едва не выкрикнул: «Они там что, помешались?..» — но Чанг опередил его:

— Вы просто не знаете профессора, а я живу с ним рядом уже целую неделю. Он — как бы это сказать поточнее — одержим наукой. Мы втроем еле-еле сумели остановить его — он хотел во что бы то ни стало вернуться в кабину за остальными приборами. А вот только что заявил мне, что, если нам суждено умереть здесь, он должен, по крайней мере, удостовериться, что единственный уцелевший инструмент работает, как полагается...

По голосу Чанга было заметно, что он не просто досадует на своего знаменитого и несговорчивого пассажира, но и в известной степени восхищается им. И, если разобраться, в поведении профессора была своя логика. Он потратил годы усилий на подготовку этой злосчастной экспедиции — теперь здравый смысл повелевал извлечь из нее хоть какую-то пользу.

— Ну что ж,— сказал Морган, пытаясь смириться с неизбежным.— Раз уж мне не добраться до профессора, прошу

вас обрисовать ситуацию. До сих пор я получал информацию только из вторых рук.

До него наконец-то дошло, что Чанг как наблюдатель и посредник окажется, быть может, полезнее Сессюи. Да, водитель проявлял настойчивое до смешного желание называться пилотом, ставшее притчей во языцех, и тем не менее он обладал широкой технической подготовкой, понимал толк и в механике, и в электричестве.

— Рассказывать особенно не о чем. Все произошло так быстро, что мы не успели спасти ничего, кроме этого дурацкого спектроскопа. Признаться, я не думал, что у нас хватит времени проскочить через воздушный шлюз. Из одежды у нас только то, что было в момент аварии. Одна из ассистенток прихватила с собой сумочку — и, представьте, там оказался лишь черновик ее научного доклада, к тому же написанный на бумаге! На самой обыкновенной бумаге, даже не прошедшей противопожарной обработки. Если бы мы могли позволить себе транжирить кислород, стоило бы поджечь ее, чтобы погреться...

Прислушиваясь к этому голосу из космоса, вглядываясь в прозрачную, хотя и вещественную на вид, голограмму башни, Морган внезапно подпал под влияние странной иллюзии. Ему почудилось, что нижний отсек башни населен крошечными, в десятую часть роста, движущимися людьми; протяни руку — и спасешь их всех до единого...

— Вторая наша проблема помимо холода — воздух. Не знаю, сколько часов или дней пройдет, прежде чем накопившийся углекислый газ свалит нас с ног — пусть кто-нибудь у вас займется таким расчетом. Каков бы ни был ответ, подозреваю, что он окажется не слишком радужным.— Чанг резко понизил голос и заговорил почти заговорщическим шепотом, видимо, не желая, чтобы его подслушали: — Профессор и его ассистенты ни о чем не догадываются, но южный шлюз поврежден взрывом. Прокладка свистит, следовательно, налицо утечка — насколько она серьезна, судить не берусь.— Голос вновь поднялся до нормального уровня.— Такие вот у нас дела. С нетерпением ждем, что вы скажете...

«Что же, черт возьми, мы можем им сказать,— подумалось Моргану,— кроме "Прощайте"?..»

Умение распоряжаться в критических ситуациях — большое искусство; Морган скорее восхищался этим искусством, чем завидовал ему. Ведение спасательных операций взял на себя Янош Барток, ведавший техникой безопасности на промежуточной станции, а тем, кто собрался в чреве горы в двадцати пяти тысячах километров внизу — всего в шестистах километрах от места происшествия,— оставалось лишь вслушиваться в донесения, время от времени подавать советы да по мере сил бороться с изнывающими от любопытства репортерами.

Надо ли говорить, что Максина Дюваль вышла на связь одной из первых, буквально через несколько минут после катастрофы, и ее вопросы были, как всегда, лаконичны и точны.

— Можно ли успеть добраться к ним с промежуточной?

Морган колебался: честным ответом на этот вопрос было бы однозначное «нет». Но разве не глупо — и не жестоко — убить надежду, собственно, раньше, чем она родилась? Один раз этим пленникам грота посреди неба уже повезло...

— Не хотелось бы будить напрасные ожидания, но промежуточная нам, быть может, вовсе не понадобится. Есть люди, работающие гораздо ближе, на станции «десять», иначе говоря, на высоте десять тысяч километров. Капсула, посланная оттуда, доберется до «подвала» за двадцать часов.

— Почему же она еще не в пути?

— Этим занимается Барток из отдела техники безопасности. Он, наверное, вот-вот придет к такому решению, только боюсь, это будет напрасный труд. По нашим расчетам, воздуха им хватит лишь на половину нужного срока. Еще серьезнее дело обстоит с температурой....

— Что вы имеете в виду?

— Там, наверху, ночь, а у них нет источника тепла. Не надо пока это оглашать, Максина, но, похоже, их ждет богатый выбор между замерзанием и удушьем.

Наступило недолгое молчание, потом Максина Дюваль произнесла с необычной для себя робостью:

— Может, я и полная идиотка, но мне кажется, что станции контроля погоды с их большими инфракрасными лазерами...

— Спасибо, Максина. Идиотом-то, пожалуй, оказался я. Минуточку подождите — я вызову промежуточную...

Барток держался достаточно вежливо, но его лаконичный ответ на предложение Моргана не оставил сомнений в том, что он думает о дилетантах, лезущих не в свое дело.

— Извините, что побеспокоил,— закончил Морган разговор и вновь переключил экран связи на Максину.— Случается, представьте себе, что специалисты знают свои обязанности,— заявил он не то горестно, не то горделиво.— Этот знает. Он вызвал Службу муссонов еще десять минут назад. Сейчас они рассчитывают силу луча: разумеется, не хотелось бы изжарить спасаемых заживо.

— Значит, я была права,— воскликнула Максина весело.— Вам следовало бы подумать о лазерах самому, без моей подсказки. Интересно, о чем вы еще забыли?

Ответить на подобный вопрос было невозможно — Морган и не пытался. Он будто воочию увидел, как мысли Максины со скоростью компьютера мчатся вперед, и вдруг догадался, каков будет следующий вопрос. Догадка подтвердилась.

— Почему бы вам не использовать «паучков»?

— Даже у самых новых из них есть высотный потолок — батареи могут поднять их на триста километров и не выше. В конце концов, «паучки» предназначены лишь для наружного осмотра башни на ее атмосферном участке.

— Поставьте батареи большей мощности.

— Это за какой-нибудь час, максимум за два? Шутить изволите! Но главная проблема в другом. Единственный «паучок», которым мы располагаем в настоящий момент, не может брать пассажиров.

— Отправьте его наверх пустым.

— Ничего не получится — мы думали об этом. На борту непременно должен быть кто-нибудь хотя бы для того, чтобы стыковаться с воздушным шлюзом. А как прикажете вывозить людей? И сколько дней пройдет, прежде чем их удастся вывезти — по одному за рейс?

— У вас наверняка есть какой-нибудь план!

— И даже несколько, но ни один не выдерживает критики. Если возникнет хоть какая-то здравая идея, я дам вам знать. А пока что вы могли бы оказать нам большую услугу.

— Какую? — насторожилась Максина.

— Объяснить своим зрителям, отчего космический корабль может на высоте шестьсот километров стыковаться с другим космическим кораблем — *но не с башней.* К тому времени, когда вы преуспеете в этом, у нас, быть может, появятся для вас новости...

Когда Максина, слегка раздраженная, исчезла с экрана и Морган вновь очутился среди четко организованного хаоса на посту управления, он постарался еще раз обдумать проблему со всех сторон и по возможности непредвзято. Несмотря на решительный, хотя и вежливый отпор со стороны Бартока, который, бесспорно, делал все, что было в его силах, Морган отнюдь не отбросил надежду подать спасателям какую-нибудь полезную мысль. Разумеется, он не верил в чудо, просто он знал орбитальную башню лучше любого другого на Земле и в космосе — за исключением разве что Уоррена Кингсли: в деталях конструкции Уоррен разбирался даже лучше его, зато Морган яснее представлял себе общую картину.

Семь человек оказались пойманными в ловушку в обстоятельствах, беспрецедентных за всю историю освоения внеземного пространства. Как же вызволить их оттуда, прежде

чем они отравятся углекислым газом или погибнут от падения атмосферного давления, прежде чем «подвал» станет могилой, подвешенной, подобно гробнице Магомета, между небом и землей?..

45
САМЫЙ ПОДХОДЯЩИЙ ЧЕЛОВЕК

— А ведь это возможно! — воскликнул Уоррен Кингсли, широко улыбаясь.— «Паучок» действительно может взобраться до «подвала»!

— Вам удалось поставить дополнительные батареи?

— Да, но хватает их, честно скажу, еле-еле. Придется использовать батареи в два этапа, наподобие древних двухступенчатых ракет. Как только дополнительная, навесная батарея истощится, ее надо будет сбросить, чтобы избавиться от мертвого веса. Это произойдет на высоте порядка четырехсот километров; дальше «паучок» вскарабкается на стандартном внутреннем аккумуляторе.

— И каков же размер полезного груза?

Улыбка Кингсли поблекла.

— Минимальный. В лучшем случае около пятидесяти килограммов.

— Всего-навсего? Что толку от такого груза?

— Мы уложимся. Пара новых кислородных баллонов — в каждом по пять килограммов чистого кислорода, сжатого до тысячи атмосфер. Молекулярные лицевые фильтры, не пропускающие углекислый газ. Немного воды и концентрированной пищи. Кое-что для первой медицинской помощи. Все, вместе взятое, весит не более сорока пяти кило.

— Ну и ну! И ты уверен, что этого хватит?

— Уверен, что они продержатся на этом до прибытия капсулы со станции «десять». В худшем случае «паучок» сделает повторный рейс.

— А что думает по этому поводу Барток?

— Он дал добро. В конце концов, ничего лучше никто не предложил.

Морган физически ощутил, как с его плеч словно бы сняли тяжкую ношу. Что-то может еще сорваться, что-то — не получиться, но, по крайней мере, вдали забрезжил лучик надежды, и чувство беспомощности рассеялось.

— Скоро ли все будет готово? — осведомился он.

— Если все пойдет гладко, часа через два. Самое большее — через три. К счастью, все необходимое оборудование — типовое. Подготовка «паучка» уже начата. Осталось решить только один вопрос...

Вэнневар Морган покачал головой.

— Нет, Уоррен,— ответил он спокойным и совершенно категорическим тоном, какого Кингсли никогда не слышал от него прежде.— Решать больше нечего.

— Я далек от того, чтобы давить на вас своим авторитетом, Барток. Это чисто логическая задача. Безусловно, справиться с «паучком» может каждый, но не наберется и десяти человек, которые знают назубок и в деталях *всю* причастную к нашей затее технику. Кто скажет, какие трудности возникнут в те минуты, когда «паучок» доберется до башни? И кто сумеет справиться с любыми трудностями лучше, чем я?

— Разрешите напомнить, доктор Морган,— сказал представитель службы безопасности,— что вам уже ни много ни мало — шестьдесят пять. Не лучше ли послать кого-нибудь помоложе?

— Мне не шестьдесят пять, шестьдесят шесть. Только возраст не играет здесь никакой роли. Мне не угрожает ни малейшей опасности, и мускульной энергии от меня не потребуется.

Он мог бы добавить, что психологические факторы в данном случае куда важнее всего остального. Пассивно прокатиться в небо и обратно по силам кому угодно — это сделала

Максина Дюваль, это в предстоящие годы будут делать миллионы пассажиров. Совсем другое дело — оказаться один на один с неведомым в шестистах километрах над Землей, в пустоте.

— Я по-прежнему считаю,— произнес Барток с мягкой настойчивостью,— что было бы целесообразнее поручить эту миссию более молодому человеку. Доктору Кингсли, например.

Морган уловил (или ему послышалось?), как у его ближайшего помощника, стоявшего позади, перехватило дыхание. Годами они подшучивали над тем, что Уоррен совершенно не переносит высоты, а потому даже не инспектирует сооружений, которые сам же и спроектировал. Правда, его боязнь все же не стала патологической, он умел бороться с ней, если надо: в конце концов, он даже присоединился к Моргану в его пешей прогулке из Африки в Европу. Но это был единственный случай, когда Кингсли видели подвыпившим, а потом он и вовсе не показывался на людях целые сутки.

Кандидатура Уоррена, разумеется, отпадала сразу, хотя Морган и был уверен, что помощник готов принять вызов. Ни технические знания, ни даже личное мужество еще не гарантировали успеха: никто не в состоянии полностью преодолеть страхи, привитые человеку с рождения или в раннем детстве.

К счастью, объяснять все это Бартоку не было нужды: налицо оказалась и более простая, но не менее серьезная причина, по которой Уоррена следовало сбросить со счетов. Не так-то часто случалось, чтобы Вэнневар Морган радовался судьбе, обидевшей его ростом; сегодня выдался как раз такой случай.

— Я на пятнадцать килограммов легче Кингсли,— сказал он.— Для такой точно рассчитанной операции, как наша, это решающий аргумент. Так что давайте не будем больше тратить драгоценное время на споры...

Он понимал, что применил запрещенный прием, и испытал легкий укол совести. Барток исполнял свои прямые служебные обязанности — и исполнял с душой,— а до старта «паучка» оставалось никак не меньше часа. Ни о какой растрате драгоценного времени не могло быть и речи.

Несколько долгих секунд оппоненты глядели друг на друга в упор, словно их не разделяли двадцать пять тысяч километров пустоты. Если бы дело дошло до перетягивания каната, ситуация могла бы стать весьма щекотливой. Ведь Барток нес личную ответственность за все, что связано с обеспечением безопасности людей на строительстве, и теоретически мог бы настоять на своем даже вопреки воле главного инженера и исполнительного директора проекта. Хотя применить свою власть на практике ему было бы, пожалуй, трудновато: как Морган, так и «паучок» находились далеко внизу, на Шри Канде, и дотянуться до них не помогло бы никакое формальное право...

Барток передернул плечами, и Морган облегченно вздохнул.

— Ваша взяла. Предпочел бы какое-то другое решение, но вынужден согласиться. Желаю удачи.

— Спасибо,— тихо ответил Морган. Лицо Бартока исчезло с экрана, и, обернувшись к молчаливому Кингсли, главный инженер добавил: — Пошли!..

И только когда они, покинув пост управления, направились к лифту, чтобы вновь подняться на вершину, Морган невольно ощупал маленький диск, укрытый под рубашкой. «Охранительница» не давала о себе знать месяцами, и даже Уоррен Кингсли не догадывался о ее существовании. Сегодня он, Вэнневар Морган, поставил на карту свою жизнь и семь других жизней — неужели лишь ради того, чтобы подыграть собственному самолюбию? Если бы Барток и служба безопасности проведали об этом...

Теперь уже не передумаешь. Каковы бы ни были истинные мотивы решения, оно принято.

46
«ПАУЧОК»

«Как изменилась гора,— сказал себе Морган,— с тех пор, как я увидел ее впервые!..» Самая вершина была начисто срезана и представляла собой идеально ровное плато; в центре плато красовалась гигантская «крышка от кастрюли», запечатывающая шахту, которая вскоре примет на себя межпланетные перевозки многих миров. Странно и подумать, что крупнейший космический порт Солнечной системы будет укрыт глубоко в толще гранита...

Нет, никто теперь не догадался бы, что именно здесь стоял древний монастырь, который был средоточием надежд и страхов миллионов людей на протяжении трех тысячелетий. Часть сомнительного наследства Маханаяке Тхеро удалось сохранить, она была упакована и терпеливо дожидалась отправки. Но до сих пор ни начальство Яккагалы, ни директор Ранапурского музея не проявили особого интереса к злополучному колоколу Калидасы. Последний раз он звонил в тот день, когда на вершину обрушился ураган, короткий, но исполненный больших последствий,— поистине ветер перемен. Сегодня разреженный воздух был почти недвижен; Морган и его спутники не спеша направились к капсуле, поблескивающей в лучах прожекторов. На нижней части корпуса кто-то написал: «Паучок, модель 2», а под этим, чуть помельче: «Доставляем грузы, куда прикажете». «Если бы так»,— подумал Морган.

С каждым разом, когда он поднимался сюда, дышать становилось все труднее, и Морган с удовольствием предвкушал, как через минуту-другую в истомленные легкие хлынет поток кислорода. Но — очень радостно, хотя и странно — «охранительница» при подъемах на вершину ни разу не проронила предостерегающего слова; видимо, режим, предписанный доктором Сеном, был выбран совершенно точно.

Подготовка к рейсу уже закончилась, под корпусом виднелась дополнительная батарея. Вокруг хлопотали механики, подправляя какие-то мелочи, рассоединяя силовые кабели; и правда, кабелей под ногами было столько, что для человека, непривычного к ходьбе в скафандре, они могли составить определенную угрозу.

Предназначенный для Моргана гибкий космический скафандр доставили из космопорта Гагарин всего полчаса назад, и инженер чуть было уже не решился стартовать в обычном костюме. Ведь «паучок» второй модели был устроен куда хитрее, чем его простенький прототип, на котором в свое время путешествовала Максина Дюваль: в сущности, это был миниатюрный космический корабль с собственной системой жизнеобеспечения. Если все пойдет гладко, Морган сумеет состыковаться с воздушным шлюзом на нижней поверхности «подвала», не покидая кабины,— по замыслу конструкторов этот шлюз и предназначался именно для такой стыковки. Но скафандр не только послужит защитой на случай непредвиденных осложнений, но и вообще даст большую свободу действий. Новейшая космическая одежда, облегающая тело, мало напоминала громоздкие доспехи первых астронавтов и почти не стесняла движений. Однажды Моргану довелось видеть устроенные в демонстрационных целях акробатические соревнования в скафандрах, а затем бой на рапирах и даже балет. Балет получился потешный, однако конструкторы доказали зрителям все, что собирались доказать.

Морган вскарабкался по короткому трапу, на мгновение задержался возле узкого входного лаза, потом осторожно протиснулся внутрь. Устраиваясь на водительском сиденье и пристегиваясь ремнями, он не без удивления отметил, что кабина достаточно просторна. Хотя эта модель, как и все прежние, была рассчитана на одного, и только одного человека, здесь оказалось вовсе не так удручающе тесно, как он опасался,— даже «посылка» для терпящих бедствие разместилась без труда. Оба кислородных баллона уложили под сиденье, а маски, не пропускающие углекислый газ, втиснули вместе с коробкой за лесенку, ведущую к верхнему люку. Казалось неверо-

ятным, что столь скромного снаряжения хватит для того, чтобы вырвать семь человек из объятий смерти.

Морган взял на борт одну-единственную личную вещь — память о том дне, когда он впервые поднялся на Яккагалу, с чего, собственно, все и началось. Катушка с супернитью занимала совсем немного места и весила не больше килограмма. С годами она превратилась для него в своего рода талисман; в то же время этот простенький механизм по-прежнему оставался одним из самых убедительных средств демонстрации удивительных достоинств суперматериала, и если инженер почему-либо забывал прихватить его с собой, то почти неизбежно выяснялось, что он был бы весьма кстати. А уж в такой необычной экспедиции супернить тем более может пригодиться...

Морган подключил скафандр к гнезду на приборной панели и проверил подачу воздуха как на внешнем, так и на внутреннем обеспечении. Наружные кабели были наконец полностью отсоединены, и «паучок» обрел самостоятельность.

Отнюдь не часто случается, что блестящие речи произносятся по самому достойному поводу,— да и давал ли такой повод предстоящий рейс? Морган улыбнулся Уоррену Кингсли — улыбка вышла слегка натянутой — и произнес:

— Ну что ж, Уоррен, командуй здесь до моего возвращения.— Тут он приметил в толпе маленькую фигурку и позвал: — Дэв!..— («Господи,— воскликнул он про себя,— я же совершенно забыл о ребенке...») — Извини, что не сумел толком за тобой присмотреть. Наверстаю, когда вернусь...

«И непременно так и сделаю,— пообещал он себе.— Когда башня будет закончена, найдется время на все остальное — и на простые человеческие отношения с близкими, которыми я так долго пренебрегал. А Дэв стоит внимания: парнишка, умеющий в критические минуты не путаться под ногами, обещает многое...»

Вогнутая дверца кабины, прозрачная в верхней своей половине, с мягким стуком вошла в пазы. Морган нажал на кла-

вишу предстартовой проверки, и по экрану чередой побежали цифры, определяющие самочувствие механизмов. Цифры светились зеленым огнем, и, следовательно, можно было не обращать внимания на точное их значение. Если бы какие-то показатели резко отличались от расчетных, экран озарился бы красными вспышками с интервалом в полсекунды. Тем не менее с дотошностью опытного инженера Морган отмечал, что все складывается как нельзя лучше: запас кислорода — 102 процента, заряд внутреннего аккумулятора — 101 процент, заряд навесной батареи — 105 процентов...

В наушниках прозвучал тихий, неторопливый голос диспетчера — того же невозмутимого ветерана, который наблюдал за всеми серьезными операциями, начиная с неудачного спуска груза на Шри Канду годы назад:

— Все системы функционируют нормально. Передаю управление в ваши руки.

— Управление принимаю. Стартую через полминуты.

Как не похож был этот старт на ветхозаветный ритуал ракетного запуска с его напряженным отсчетом времени и яростным грохотом дюз. Морган просто подождал, пока две последние цифры на электронных часах не обратятся в нули, и передвинул рычаг скорости на одно деление.

Залитая светом вершина горы плавно и безмолвно провалилась куда-то вниз. Даже подъем на воздушном шаре вряд ли прошел бы тише. Напрягая слух, он едва улавливал жужжание двигателей, вращающих ходовые колеса, которые цепко сжимали суперленту впереди и позади капсулы.

Скорость подъема по индикатору равнялась пяти метрам в секунду, неспешными, размеренными движениями Морган довел ее до пятидесяти — иначе говоря, почти до двухсот километров в час. При нынешней нагрузке «паучка» эта величина была оптимальной,— когда вспомогательная батарея будет сброшена, скорость можно будет увеличить еще на 25 процентов, без малого до 250 «щелчков».

— Скажи нам что-нибудь, Вэн! — донесся с оставшейся внизу планеты бодрый призыв Уоррена Кингсли.

— Отвяжись,— не повышая голоса, ответил Морган.— В ближайшие два часа я намерен отдыхать и наслаждаться видами за окном. Если вам нужен репортаж с трассы, послали бы Максину Дюваль.

— Она вызывала тебя уже много раз.

— Передай ей мой привет и скажи, что я занят. Быть может, позже, когда доберусь до башни... Кстати, что слышно оттуда?

— Температура стабилизовалась — двадцать градусов. Служба муссонов каждые десять минут посылает импульсы по нескольку мегаватт. Но профессор Сессюи в ярости — эти импульсы воздействуют на его приборы.

— А что у них с воздухом?

— Не так хорошо, как хотелось бы. Давление постепенно снижается, а содержание углекислоты возрастает. Но если ты выдержишь расписание, они как-нибудь дотянут. Будут избегать лишних движений, экономить кислород.

«Держу пари, что кого-кого, а профессора сидеть на месте не заставишь»,— подумал Морган. Любопытно будет встретиться с этим человеком. Моргану доводилось читать две-три популярные книжки ученого, получившие широкую известность, и он нашел их напыщенными и самодовольными. Не исключено, что и сам автор похож на свои творения.

— Как положение на станции «десять»?

— Их капсула сможет тронуться в путь часа через два. Они решили переоборудовать ее таким образом, чтобы исключить всякую возможность пожара.

— Вполне разумно. Чья это идея? Бартока?

— Может быть, и его. Спускаться они будут по северному пути на случай, если южный поврежден взрывом. Таким образом, к «подвалу» они подойдут через... мм... двадцать один час. В нашем распоряжении пропасть времени, даже если понадобится гнать «паучка» повторным рейсом.

Вопреки своему полушутливому ответу Морган понимал, что об отдыхе не может быть и речи, хотя до сих пор все как будто шло хорошо и, собственно, никакого занятия на ближайшие три часа, кроме возможности любоваться раскрывающейся за бортом панорамой, ему не оставалось.

Он прошел уже тридцать километров, быстро и бесшумно разрезая по вертикали тропическую ночь. Ночь была безлунной, но Земля внизу выдавала себя мерцающими созвездиями городов и деревень. Глядя на звезды над головой и под ногами, Морган легко мог вообразить себя отрезанным от знакомых миров, затерянным в глубинах космоса. Вскоре он сумел различить очертания всего Тапробана, ясно отмеченные огнями прибрежных поселений. Далеко к северу над горизонтом появилось какое-то тусклое сияние. На секунду-другую оно озадачило инженера, показалось вестником своевольного, обогнавшего свой час рассвета, но потом он догадался, что это ореол одного из городов-гигантов Южного Индустана.

Тому, что он делал сейчас, в истории земного транспорта не было прецедента. Он забрался выше любого самолета. И хотя этот «паучок», как и множество его предшественников, сделал бессчетное число рейсов до отметки двадцать километров и обратно, никому еще не разрешалось забираться выше; потерпевших аварию на большей высоте не удалось бы спасти. Регулярные прогулки «паучков» к основанию башни не предполагались до тех пор, пока оно не окажется гораздо ближе и пока у этой капсулы не появятся как минимум две соперницы-помощницы на соседних лентах. Морган поспешно отогнал непрошеную мысль о том, что заклинься у его одинокого «паучка» какое-нибудь колесико — и семеро узников «подвала» да и он сам обречены на верную гибель.

Пятьдесят километров от Земли; он достиг высоты, на которой при обычных условиях пролегает нижняя граница ионосферы. Естественно, он не ожидал увидеть ничего особенного — и заблуждался.

Первым намеком на предстоящие чудеса стало потрескивание в наушниках, затем боковым зрением он уловил какой-то трепетный свет. Свет исходил откуда-то из-под капсулы, отражаясь в зеркале заднего вида, установленном за ок-

ном. Морган развернул кронштейн как мог круче, пока не нацелил зеркало в точку метрах в двух за кормой. На мгновение он обомлел, не веря собственным глазам, потом вызвал центральный пост.

— У меня обнаружился попутчик. Думаю, это по ведомству профессора Сессюи. По ленте сразу вслед за мной бежит огненный шар диаметром — как бы не соврать — примерно двадцать сантиметров. Он держит постоянную дистанцию и, надеюсь, не нарушит ее и дальше. Должен признать, что зрелище очень красивое: шар светит мягким синеватым светом и каждые несколько секунд мерцает. И мерцание отдается треском в наушниках.

Прошла целая минута, прежде чем Кингсли ответил успокаивающе:

— Не тревожься, это всего-навсего огни святого Эльма. Такие же фокусы случались и раньше — вдоль ленты во время грозы. Если бы ты был на «паучке» старой конструкции, у тебя бы волосы встали дыбом в самом прямом смысле слова. А на новом ты сам ничего и не почувствовал — защита у тебя надежная.

— Даже не предполагал, что это может произойти на такой большой высоте.

— Мы тоже не предполагали. Захватил бы ты шарик с собой для профессора...

— Смотри-ка, он гаснет... Распухает и бледнеет... Вот и совсем погас. Наверное, воздух слишком разрежен. А жаль!..

— Ну, это еще цветочки,— заявил Кингсли.— Полюбуйся, что творится у тебя над головой...

В зеркале мелькнул треугольничек звездного неба — Морган развернул кронштейн к зениту. Сначала он не заметил ничего необыкновенного, тогда он погасил все индикаторы на приборной панели и выждал в полной темноте.

Понемногу глаза привыкли к мраку, и в глубине зеркала наметилось красноватое сияние. Сияние разгоралось, ширилось, поглощало звезды, пылая ярче и ярче, и наконец разлилось на полнеба — теперь Морган видел его и без зеркала.

С неба на землю опускалась огненная решетка, прутья решетки вздрагивали и колыхались. В эти минуты инженер, пожалуй, начал понимать людей, которые, подобно профессору Сессюи, посвятили жизнь разгадыванию секретов природы.

Северное сияние, покинув свои владения у полюсов, пожаловало редкостным гостем на экватор.

47
СКВОЗЬ СЕВЕРНОЕ СИЯНИЕ

Даже профессор Сессюи, хотя он и находился на целых пятьсот километров выше, вряд ли удостоился столь величественного зрелища. Магнитная буря разыгралась не на шутку; коротковолновые переговоры, к которым все еще прибегали во многих сферах человеческой деятельности, вероятно, прервались на всем земном шаре. Моргану чудилось, что он слышит слабый шорох, будто где-то неподалеку пересыпали песок или собирали хворост. Не в пример статическим разрядам, вызванным близостью огненного шара, шорох не имел никакого отношения к электронике и продолжался даже тогда, когда инженер выключил всю радиосвязь.

Переливчатые бледно-зеленые полотнища с малиновой каймой тянулись по небу из края в край, тяжело покачиваясь, словно их встряхивала чья-то невидимая рука. Это работал солнечный ветер — его ураганные порывы со скоростью, исчисляемой миллионами километров в час, достигали Земли и уносились далеко за земную орбиту. Наверное, слабенькое сияние озаряло сейчас и недвижимые марсианские небеса, а уж ядовитая пелена, окутывающая Венеру, пылала неистовым пожаром. На несколько минут Морган почти ослеп: из-за складок пламенного занавеса поднялся сноп ярких лучей, лучи развернулись веером, обшаривая горизонт, и, словно прожектор, ударили ему в глаза. Небесный фейерверк набрал такую силу, что при желании можно было читать.

Высота двести километров; «паучок» карабкался все так же бесшумно и легко. Не верилось, что он покинул Шри Канду всего-навсего час назад. Не верилось, что Шри Канда, да и сама планета Земля все еще существуют — Морган взбирался по чудовищной теснине, сжатый со всех сторон стенами огня.

Иллюзия длилась считаные секунды; затем непрочное равновесие магнитных полей и пришедших извне корпускулярных потоков оказалось нарушенным. Но был скоротечный миг, когда Морган и впрямь чуть не уверовал, что вырвался из бездны, по сравнению с которой даже долина Маринерис — «Великий марсианский каньон» — казалась неглубокой царапиной. И вдруг блистающие утесы километров по сто в вышину сделались прозрачными, сквозь них проступили звезды. И Морган вновь осознал, что перед ним лишь исполинские световые миражи.

Как самолет, наконец-то прорезавший густую пелену облаков, «паучок» поднялся выше огненного представления. Пылающий туман со всеми его конвульсиями и метаморфозами остался внизу. Однажды много лет назад Морган попал на борт морского лайнера и вместе с толпой завороженных туристов вглядывался с кормы в тропическую ночь и в неправдоподобно прекрасные, взбитые винтами светящиеся волны. Переливы голубизны и зелени, мерцающие внизу под «паучком», по цвету были очень похожи на свечение моря; но там это свечение порождали мельчайшие частицы планктона, а здесь — здесь, казалось, ведут свои игры невиданные чудовища, населяющие верхние слои атмосферы...

Он позволил себе на какое-то время забыть о своей миссии и даже вздрогнул, когда настала пора вернуться к действительности.

— Как поживает навесная батарея? — осведомился Кингсли.— По расчету, она иссякнет через двадцать минут...

Морган бросил взгляд на приборную панель.

— Мощность упала до девяноста пяти процентов. А скорость, представь себе, возросла. Было двести «щелчков», стало двести десять...

— Все правильно. «Паучок» почуял, что уменьшилась сила тяжести,— на твоей высоте она составляет девять десятых земной...

Одна десятая — такая потеря веса была, разумеется, незаметной, к тому же он был привязан к сиденью ремнями и одет в легкий, но отнюдь не невесомый скафандр. И все же Морган ощущал какую-то необычную бодрость: уж не от избытка ли кислорода?

Но нет, поступление кислорода в пределах нормы. Надо полагать, это просто возбуждение, вызванное величественным зрелищем. Впрочем, зрелище подходило к концу, сполохи суживались, отступали на север и на юг, к своим приполярным владениям. И еще, быть может, сказывалось чувство определенного удовлетворения — задача, недавно казавшаяся невыполнимой, решалась успешно...

Объяснение представлялось достаточно логичным, но не исчерпывающим. Откуда взялось это чувство радостной, почти счастливой уверенности в себе? Уоррен Кингсли, любитель подводного плавания, рассказывал, что испытывает нечто подобное, когда отдается во власть морской стихии. Морган никогда не разделял восторгов помощника, но, наверное, тут что-то есть... Казалось, все треволнения и заботы остались там, на планете, укрытой за ажурными хитросплетениями северного сияния...

Звезды, отступившие было под натиском таинственного гостя с полюсов, вернулись на свои привычные места. Морган вновь направил зеркало в зенит; он не надеялся на немедленную удачу, а все-таки — что, если башня уже видна? Но видны были, и то благодаря последним слабым отблескам сияния, лишь несколько метров узкой ленты, по которой стремительно и плавно бежал «паучок». На этой ленточке сейчас в буквальном смысле слова висели его собственная

жизнь и семь других жизней. Скорость не ощущалась — поверхность ленты была предельно ровной, и никакая фантазия не помогала поверить, что металл несется под колесами капсулы со скоростью более двухсот километров в час. И тут, словно эта цифра дала мыслям новый толчок, память внезапно вернула Моргана в детство, и он понял причину своего приподнятого настроения.

Траур по погибшему змею продолжался недолго — Вэн просто перешел к новым, более сложным моделям. А потом, как раз перед тем ответственным моментом, когда для него наступила эра конструкторских наборов и прежнее увлечение было заброшено навсегда, он целую неделю забавлялся с игрушечными парашютами. Моргану нравилось считать, что он додумался до этой идеи самостоятельно, но не исключено, что он где-нибудь о ней услышал или прочитал. А всего вернее, что каждое поколение мальчишек открывало ее для себя заново — дело-то было очень несложное.

Сперва надо было выстругать щепочку длиной не более пяти сантиметров и приладить к ней парочку канцелярских скрепок. Потом надеть скрепки на бечевку змея, чтобы аппаратик легко скользил по ней вверх и вниз. Потом соорудить парашют из рисовой бумаги, размером не больше носового платка, и на шелковых нитках привесить к нему груз — кусочек картона. Наконец, прикрепить картон к щепочке резинкой — не слишком туго — и готово!

Дуновение ветерка — и парашют взмывал по бечевке вверх до самого змея. Теперь оставалось рвануть за бечевку, и резинка тут же освобождала грузик. Парашют уплывал в небо, а стартовое устройство — щепочка со скрепками — под собственным весом возвращалось к конструктору готовым к следующему запуску.

С какой завистью следил он за своими бумажными гонцами, когда ветер подхватывал их и уносил в морскую даль! Правда, большинство из них падало в воду, не пролетев и ки-

лометра, но случалось, что парашютики храбро набирали высоту, пока не исчезали из виду. Ему хотелось думать, что самые удачливые посланцы достигнут зачарованных островов Океании; он неизменно писал на картонных квадратиках свое имя и адрес, но никто ни разу не удостоил его ответом.

Воспоминания, казалось бы давно позабытые, вызвали невольную улыбку. И все же именно они поставили все на свои места: мечты детства далеко превзойдены свершениями взрослых лет. Он заслужил право на удовлетворенность.

— Подходишь к высоте триста восемьдесят,— предупредил Уоррен Кингли.— Как мощность?

— Начинает падать. Восемьдесят пять процентов расчетной — батарея понемногу садится.

— Если ее хватит еще на двадцать километров, то считай, что свое дело она сделала. Как самочувствие?

Морган чуть было не ответил, что никогда еще не чувствовал себя лучше, но врожденная осторожность поборола искушение.

— Все в порядке. Если бы мы могли гарантировать такие впечатления всем нашим будущим пассажирам, то были бы растерзаны толпой желающих.

— А может, так и случится,— рассмеялся Кингсли.— Попросим Службу муссонов разбросать бочку-другую электронов, следуя заданной программе. Не совсем обычное задание, но они проявили себя прекрасными импровизаторами, не так ли?

Морган хмыкнул, однако отвечать не стал. Глаза его были прикованы к приборам — мощность батареи и скорость подъема ощутимо падали. Впрочем, особых оснований для беспокойства не было: «паучок» пробежал 385 километров из намеченных четырехсот, а навесная батарея все еще подавала признаки жизни.

На высоте 390 километров Морган принялся последовательно снижать скорость. «Паучок» полз вверх все медленнее

и медленнее, затем, окончательно потеряв ход, замер; он чуть-чуть не дотянул до отметки 405 километров.

— Сбрасываю батарею,— доложил Морган.— Эй, кто там внизу, поберегись!..

Они с Кингсли немало поломали себе головы, размышляя, как бы спасти навесную батарею, тяжелую и дорогостоящую, но у них просто не было времени на конструирование тормозной системы, которая позволила бы ей соскользнуть по ленте не разбившись, подобно тому как щепочка со скрепками соскальзывала вниз по бечевке. Достать парашют, конечно, не составляло труда, но кто мог поручиться, что купол и стропы не зацепятся за ленту? К счастью, расчетная точка падения лежала в десяти километрах к западу от Шри Канды, в непроходимых джунглях. Животный мир Тапробана пусть позаботится о себе сам, а выяснение отношений с департаментом охраны природы отложим на потом.

Морган повернул ключ в замке предохранительного устройства, а затем нажатием красной кнопки послал импульс к детонаторам; «паучок» содрогнулся от взрыва. Инженер включил питание от внутреннего аккумулятора и, бережно освободив тормоза, вновь включил двигатели.

Капсула снова пошла вверх. Однако первый же взгляд на приборы убедил Моргана, что в его хозяйстве что-то неладно. «Паучок» должен был снова набрать скорость более двухсот «щелчков», а в действительности не делал и сотни, даже на полных оборотах. Морган поставил диагноз мгновенно, без прикидок и вычислений: цифры на приборах были достаточно красноречивы. Чуть не плача от досады, он вызвал пост управления.

— У меня беда. Заряды взорвались, а батарея не сброшена. Что-то удерживает ее на месте.

Он мог не добавлять, что предприятие теперь обречено на провал. И без слов каждому было ясно, что «паучок» ни при каких обстоятельствах не доберется до основания башни, таща за собой несколько сот килограммов мертвого груза.

48
НОЧЬ НА ВИЛЛЕ

Посол Раджасингх спал теперь так мало, будто природа в своем милосердии разрешила ему использовать немногие оставшиеся годы с максимальной пользой. «Разве не преступление видеть сны,— говаривал он,— когда небеса Тапробана рассечены величайшим чудом столетий?..»

Как он хотел бы, чтобы Пол Саратх был с ним рядом и наблюдал все это! Ему недоставало старого друга куда больше, чем он мог бы себе представить; никто в целом свете не будоражил его воображение так, как старина Пол,— ни с кем в целом свете его не связывали такие же узы общих воспоминаний, начиная с самого детства. Вот уж никогда он не думал, что сумеет пережить Пола и своими глазами увидеть фантастический сталактит орбитальной башни, почти преодолевший бездну в тридцать шесть тысяч километров, что отделяли первые его звенья от Тапробана. До конца своей жизни Пол так и не принял проекта Моргана; старый археолог называл башню дамокловым мечом, нависшим над человечеством, и пророчествовал, что этот меч рано или поздно проткнет Землю насквозь.

И все-таки даже Пол был вынужден признать, что башня принесла острову определенные выгоды. Наверное, впервые в истории большая часть человечества твердо усвоила, где расположен Тапробан, и принялась открывать для себя его древнюю культуру. Мрачная громада Скалы демонов, окруженная легендами, привлекала особое внимание; в результате Пол выхлопотал средства для реализации некоторых взлелеянных в кабинетной тиши начинаний. Загадочная фигура творца Яккагалы дала пищу для множества книг и видеодрам, и все билеты на представление у подножия скалы бывали неизменно распроданы. Незадолго до смерти Пол Саратх заметил с кривой усмешкой, что память Калидасы чтут ныне в индустриальных масштабах и отличать правду от вымысла с каждым годом становится все труднее.

Вскоре после полуночи, когда буйство северного сияния пошло на спад, Раджасингх попросил, чтобы его отнесли в спальню. Пожелав спокойной ночи своим домашним, он, как обычно, пригубил из стакана горячий пунш и включил обзор последних новостей. В сущности, его интересовала только одна новость: как там дела у Моргана? Судя по времени, инженер вот-вот достигнет основания башни...

Редактор выпуска включил в обзор лишь самое последнее сообщение — на экране вспыхнула строка: «МОРГАН ЗАСТРЯЛ В 200 КМ ОТ ЦЕЛИ».

Раджасингх немедленно запросил подробности и с облегчением узнал, что первая страшная мысль была ошибочной. Морган не застрял в прямом смысле слова, а оказался не в состоянии завершить свою миссию. На Землю он мог вернуться в любую секунду, но достаточно ему принять такое решение, чтобы профессор Сессюи с остальными участниками экспедиции стали смертниками.

Где-то прямо над головой Раджи в этот самый момент разыгрывалась безмолвная драма. Отставной посол включил видеотрансляцию, но и по видеоканалам не передавали ничего нового — не считать же за откровение кадры, отснятые Максиной Дюваль в минуты того памятного подъема на неуклюжем предшественнике «паучка» многие годы назад!

— Ну что ж, в моем распоряжении есть кое-что получше,— пробормотал Раджасингх, включая свой бесценный телескоп.

В первые месяцы, когда он вдруг оказался прикованным к постели, телескоп пришлось забросить. Но как-то раз Раджу вызвал по видеотелефону Морган, осведомился о здоровье, поговорил минуту-другую о пустяках и тут же, оценив положение больного, прописал лекарство. Спустя неделю, к удивлению и радости экс-дипломата, на виллу Яккагала прибыла бригада техников и снабдила телескоп пультом дистанционного управления. Теперь Раджасингх мог обследовать звездное небо и рассматривать фрески на Скале демонов, не

вставая с удобного ложа. Он был глубоко признателен Моргану за эту услугу; инженер вдруг открылся с такой стороны, о которой никто не подозревал.

Раджа, конечно, не был уверен, удастся ли ему разглядеть что-нибудь в ночной темноте, зато точно знал, где искать. День за днем он следил за неспешным движением башни вниз, к Земле; когда солнце стояло под определенным углом, удавалось даже различить направляющие ленты — четыре блестящие проволочки, четыре царапинки на небосводе.

Установив на пульте нужный азимут, Раджа нацелил телескоп на вершину Шри Канды, а затем медленно повел объектив вверх, высматривая капсулу. «А ведь любопытно бы услышать,— подумал он,— что-то скажет по поводу нынешних событий Маханаяке Тхеро?..» Преподобному сейчас было уже далеко за восемьдесят; Раджасингх не встречался с ним с тех пор, как вся монастырская братия перебралась в Лхасу, но, судя по всему, избранное ею новое местожительство оказалось не слишком удачным. Душеприказчики последнего далай-ламы без конца торговались с китайским правительством о стоимости ремонтных работ, а исполинский дворец Потала тем временем приходил в упадок. По последним сведениям, Маханаяке Тхеро вступил в переговоры с Ватиканом — католическая церковь также переживала тяжелый финансовый кризис, но все же сохранила пока право распоряжаться в собственном доме.

Да, воистину ничто не вечно, но кто бы сумел вывести формулу зигзагов истории! Быть может, эта задача по силам лишь математическому гению Паракармы-Голдберга; не так давно Раджасингх наблюдал, как бывшему послушнику вручали какую-то высокую научную награду за вклад в метеорологию. Если бы не фамилия, Раджа ни за что не узнал бы его: чисто выбритый, в модном неонаполеоновском сюртуке,— оставалось надеяться, что эта смена религий для него последняя и возвращение в храм науки окончательно... Звезды неторопливо скользили по большому экрану в ногах кровати,

телескоп задирал свое жерло вверх, к башне. Однако капсула оставалась невидимой, хотя Раджа был уверен, что она находится в поле зрения.

Он уже хотел опять поинтересоваться сводкой новостей, когда у нижнего края экрана вспыхнула точка, ослепительная, как сверхновая звезда. На мгновение Раджасингху почудилось, что капсула взорвалась, но очень скоро он понял, что точка излучает ровный, спокойный свет. Он перевел ее в центр экрана и дал максимальное увеличение.

Когда-то в молодости Радже довелось посмотреть документальный фильм двухсотлетней давности о первых воздушных войнах, и сейчас он припомнил сюжет, снятый во время ночного налета на Лондон. Вражеский бомбардировщик был пойман в перекрестье лучей прожекторов и висел в воздухе, словно сверкающий мотылек. То же самое, только в сто раз масштабнее, происходило и здесь, однако сегодня Земля тратила огромную энергию не ради того, чтобы уничтожить нарушителя ночного спокойствия, а ради того, чтобы помочь ему.

49

РЫВОК! ЕЩЕ РЫВОК!..

Уоррен Кингсли наконец-то овладел собой, только голос у него стал глухим от отчаяния:

— Теперь у нас новая забота — следить, чтобы этот дурак механик не застрелился. Но если разобраться, один ли он здесь виноват? Его оторвали, поручили ему другую срочную работу, и он просто-напросто забыл снять скобу...

Значит, очередная чисто человеческая ошибка. До установки взрывных устройств батарея удерживалась двумя стальными скобами. А сняли только одну из них... Такие вещи случались с поразительным постоянством: подчас они просто раздражали, изредка приводили к серьезным несчастьям, и виновник ошибки был обречен до конца дней мучиться со-

знанием своей вины. В любом случае допекать его обвинениями было бесполезно. Единственное, что имело смысл,— придумать, что делать дальше.

Морган вывернул наружное зеркало как мог круче, но причина беды оставалась по-прежнему неразличимой. Едва краски северного сияния поблекли, нижняя часть капсулы погрузилась в полную темноту, и осветить ее было нечем. Но хоть с этой трудностью можно было как-то справиться. Если Служба муссонов сумела утопить «подвал» башни в потоках инфракрасных лучей, она, вне сомнения, способна поделиться с «паучком» фотонами видимого света.

— У нас есть собственные прожекторы,— откликнулся Кингсли, когда Морган передал ему свою просьбу.

— Это пустой номер. Они будут бить мне прямо в глаза и только ослепят. Мне нужен свет сзади и сверху — хоть один из их спутников наверняка находится в нужной позиции!

— Сейчас узнаю,— ответил Кингсли, явно радуясь, что может хоть чем-то помочь. Казалось, минула целая вечность, прежде чем он возобновил разговор; однако, взглянув на часы, Морган не без удивления убедился, что прошло всего три минуты.— Служба муссонов готова взяться за твое поручение, но им надо менять настройку и фокусировку, иначе они изжарят тебя заживо. Зато станция «Кинте» может дать тебе свет немедленно — у них есть псевдобелый лазер, и он может быть направлен под нужным углом. Сказать им, чтоб начинали?..

Морган прикинул: да, «Кинте» по отношению к башне должна стоять сейчас высоко на западе — это подойдет.

— Я готов,— ответил он и закрыл глаза.

В ту же секунду кабина будто взорвалась от света. Морган не торопясь, осторожно приоткрыл глаза: луч с запада был ослепительно ярким, несмотря на то что проделал путь в сорок тысяч километров. Свет казался идеально белым, хотя инженеру было известно, что он представляет собой смесь трех тщательно подобранных тонов в красной, зеленой и синей частях спектра.

После непродолжительных манипуляций с зеркалом он ухитрился разглядеть злополучную скобу, которая находилась в полуметре у него под ногами. Как раз со стороны, обращенной к Моргану, скоба была прикручена к днищу «паучка» гайкой с барашком; отвернуть барашек — и батарея отвалится...

Морган так долго безмолвствовал, анализируя положение, что Кингсли не вытерпел и вызвал его снова. Пожалуй, в голосе помощника слышалась даже нотка надежды:

— Мы тут кое-что подрассчитали, Вэн. Как ты полагаешь, а что, если...

Выслушав Уоррена, Морган присвистнул:

— Ты уверен, что это не опасно?

— Разумеется, уверен,— ответил Кингсли с оттенком обиды; винить его за это не приходилось, но ведь он имел дело с цифрами, а Морган рисковал головой...

— Ну что ж, попытка не пытка. Но на первый случай — одна секунда, не больше.

— Секунды не хватит. И все же идея хоть куда — убедишься сам...

Морган плавно отпустил тормоза, намертво связавшие неподвижную капсулу с лентой. Его словно приподняло над креслом, тело стало невесомым. Отсчитав про себя: «Раз, два!..», он нажал на тормоза снова.

«Паучок» покачнулся, и Моргана тяжело вдавило в сиденье. Раздался угрожающий скрип, и капсула вновь замерла; легкая вибрация, неизбежная при торможении, тут же угасла.

— Ничего не скажешь, удовольствие ниже среднего,— заметил Морган.— Но я уцелел — и эта чертова батарея тоже.

— Я же тебя предупреждал. Надо выждать подольше. Две секунды самое меньшее.

Морган понимал, что опровергнуть вычисления Кингсли, которому помогали мощные компьютеры, ему не по силам, и все же не сумел подавить в себе желание решить небольшую задачку на устный счет. Две секунды свободного падения плюс, скажем, полсекунды на то, чтобы сработали тормоза... примем массу «паучка» для простоты за тонну... Вопрос был только в том, что произойдет раньше: лопнет скоба на батарее или порвется лента, которая держит капсулу и его самого на высоте четырехсот километров над уровнем моря? Конечно, при прочих равных условиях обычная сталь в прочности не может тягаться с супернитью, но... Если он включит тормоза слишком резко или если их вдруг заклинит — они же не предназначены для подобных экспериментов,— тогда скоба и лента сдадут одновременно. И он очутится на земле практически вместе с батареей.

— Хорошо, две секунды,— согласился Морган.— Внимание, падаю!..

На этот раз встряска была сокрушительной по силе, и вибрация утихла не сразу. Морган готов был поручиться, что вот-вот почувствует — или услышит,— как, не выдержав, рвется лента. И нисколько не удивился, когда зеркало подтвердило, что батарея не сдвинулась ни на йоту.

Уоррена Кингсли это как будто не очень встревожило.

— Вероятно, потребуется три или даже четыре попытки...

Моргана так и подмывало съехидничать: «Тебе что, очень хочется занять мою должность?..» — но, поразмыслив, он счел за благо промолчать. Уоррена такая шпилька лишь позабавила бы, а вот остальные, неровен час, поняли бы ее превратно.

Однако после третьего рывка — Моргану померещилось, что «паучок» пролетел многие километры, хотя на самом деле падение не превысило тридцати метров,— оптимизм Уоррена начал увядать. Становилось ясно, что затея провалилась.

— Передай мои поздравления поставщикам, приславшим эту скобу,— сухо произнес Морган.— Что предложишь теперь? Выждать *три* секунды, прежде чем ударить по тормозам?

Он ощутил, почти увидел, как Уоррен покачал головой.

— Слишком велик риск. Я беспокоюсь не столько за ленту, сколько за тормозной механизм. Как-никак на подобные рывки он не рассчитан.

— Ну ладно, попытка действительно не пытка,— ответил Морган, смягчаясь.— Но я еще не сдался. Будь я проклят, если меня остановит какая-то гайка, к тому же прикрученная под самым моим носом! Я намерен высунуться наружу и отвернуть ее.

50
СВЕТЛЯЧКИ

01.15:24

Говорит «Френдшип-7». Попытаюсь описать, что вижу вокруг. Нахожусь в потоке мельчайших частиц, которые сверкают, будто светятся изнутри... Они летят следом за кораблем и похожи на звездочки. Вот сейчас мимо иллюминатора пронеслось целое облако звездочек...

01.16:10

Они постепенно отстают, но очень медленно, со скоростью не более пяти-шести километров в час...

01.19:38

За бортом только что взошло солнце... и едва я выглянул из иллюминатора, как увидел, что вокруг корабля кружатся буквально тысячи крохотных светящихся капелек...

Астронавт Джон Гленн. Из докладов с борта корабля «Френдшип-7». (Проект «Меркурий», 20 февраля 1962 г.)

В скафандрах прежних конструкций о том, чтобы дотянуться до этого барашка, не могло быть и речи. И даже в новейшем гибком костюме, который сидел на плечах Моргана ладно, как трико, эта задача могла оказаться не из легких — но, по крайней мере, попытка не была заведомо обречена на провал.

С предельной тщательностью — ведь от этой тщательности зависела теперь жизнь, и не только его собственная,— он повторил про себя последовательность намеченных действий. Первым делом проверить герметичность скафандра, затем разгерметизировать кабину и открыть люк, который, к счастью, доходил почти до самого пола. Потом расстегнуть привязные ремни, стать на колени — если удастся! — и нащупать под днищем треклятый барашек. Все будет зависеть от того,

туго ли он прикручен. На борту «паучка» не было никаких инструментов, однако Морган полагался на силу пальцев, которые вполне могли, даже в перчатках, заменить небольшой гаечный ключ.

Он уже намеревался передать план своих действий на пост управления — на случай, если кто-нибудь заметит грубую промашку,— как ощутил вполне определенный позыв. Можно было бы, конечно, и потерпеть, но, в сущности, зачем? Воспользуйся он соответствующим устройством на борту капсулы — и тогда не придется возиться с непривычными приспособлениями, вмонтированными в скафандр...

Наконец он притронулся к кнопке сброса отходов — и не на шутку испугался, когда под днищем послышался несильный, но отчетливый взрыв. К величайшему его изумлению, вокруг «паучка» образовалось облачко мерцающих звездочек, словно из небытия возникла микроскопическая галактика. Моргану показалось, что на какую-то долю секунды звездочки зависли рядом с ним без движения; потом они начали падать вниз стремительно, будто камушки. Несколько секунд — и «галактика», превратившись в точку, скрылась из глаз.

Ничто не могло бы доказать инженеру с большей очевидностью тот факт, что он все еще пленник гравитационного поля Земли. Теперь он припомнил, как на заре космической эры астронавты сначала с недоумением, а позже со смехом следили за ореолом из ледяных кристалликов, который сопровождал их в полетах вокруг Земли; зубоскалы придумали кристалликам прозвище — «созвездие Урион». Но здесь такое не повторилось и не могло повториться: что бы Морган ни обронил отсюда, даже пушинку, она сразу устремится вниз и сгорит в атмосфере. Он и хотел бы, да не мог забыть, что, поднявшись на космическую высоту, вовсе не стал астронавтом, блаженствующим в невесомости. Он был всего-навсего квартирантом в здании высотой четыреста километров, и теперь квартирант надумал открыть окно и свеситься над бездной.

51
НАД БЕЗДНОЙ

Несмотря на холод и неприютность вершины, толпа все прибывала. Какая-то колдовская сила исходила от этой блестящей звезды в зените, которая притягивала к себе не только лазерный луч со станции «Кинте», но и мысли всего человечества. И каждый гость вершины сразу же по прибытии подходил к северной ленте и гладил ее не то смущенно, не то вызывающе, как бы признаваясь себе: «Понимаю, что это глупо, но сейчас я чувствую себя заодно с Морганом». Затем гости один за другим отступали в сторону бара с кофеваркой и стояли молча, прислушиваясь к громкоговорителям. О семерых, укрывшихся в «подвале», не слышно было ничего нового: они спали — или старались заснуть — в надежде сберечь кислород. Поскольку Морган еще не слишком запаздывал, им решили ничего не сообщать, но через час-другой они, без сомнения, сами начнут вызывать промежуточную и недоуменно спрашивать, что случилось.

Максина Дюваль также явилась на Шри Канду собственной персоной, но опоздала к отправлению «паучка» ровно на десять минут. В былые времена такая досадная неудача привела бы ее в ярость; сегодня она лишь пожала плечами и утешилась мыслью, что будет первой, кто проинтервьюирует Моргана по возвращении. Уоррен Кингсли даже не разрешил ей перемолвиться с ним словом — она покорно снесла и это. Ничего не попишешь, она стареет...

Последние пять минут единственной вестью с борта капсулы были монотонные команды: Морган под опекой специалистов с промежуточной проверял надежность скафандра. Наконец проверка завершилась, и все затаили дыхание в ожидании следующего, решающего шага.

— Выкачиваю воздух,— сообщил Морган, и ему вторило слабое эхо: он опустил лицевую пластину шлема.— Давление в кабине ноль. Дышу нормально.— Тридцатисекундная пауза, затем: — Открываю люк. Открыл. Отстегиваю ремни...

Слушатели на вершине, затаив дыхание, непроизвольно сжались. Каждый из них мысленно был сейчас наверху, в капсуле, один на один с разверзшейся перед ним пустотой.

— Пряжка раскрылась. Вытягиваю ноги. Признаться, здесь тесновато...

— Могу теперь оценить скафандр по достоинству — он действительно очень гибок. Подтягиваюсь к люку. Не беспокойтесь — я обернул привязной ремень вокруг левой руки...

— А наклоняться в скафандре, оказывается, все-таки нелегко. Зато я вижу этот чертов барашек. Вот он, прямо перед глазами. Попробую до него дотянуться...

— Стал на колени. Не слишком-то удобно, но я его достал. Посмотрим, захочет ли он вращаться...

У слушателей вырвался одновременный вздох облегчения.

— Никаких затруднений. Отворачивается как по маслу. Уже два полных витка... Еще один... Осталось совсем чуть-чуть... Нарезка кончилась... *Эй, поберегись!..*

Взрыв аплодисментов, радостные восклицания; кто-то прикрыл голову в притворном испуге. Нашлись и такие, кто не понимал, что падение с такой высоты продолжается пять минут и барашек приземлится далеко в стороне,— они не на шутку встревожились. Единственным, кто не торопился примкнуть к общей радости, был Уоррен Кингсли.

— Подождите,— шепнул он Максине.— Барашек — это еще не все...

Прошло двадцать секунд... минута... две минуты...

— Пустой номер! — произнес наконец Морган, и голос у него сорвался от гнева и досады.— Скоба ни с места. Собственный вес прижимает батарею к нарезке. А может, во время рывков скоба приварилась к болту...

— Возвращайся к нам сразу, как только сможешь,— предложил Кингсли.— Мы уже заказали новую навесную батарею. Полная замена источников питания займет не больше часа. Это значит, что до «подвала» мы доберемся — дай при-

кинуть — часиков через шесть. Если, конечно, не случится новых неприятностей...

«В том-то все и дело,— подумал Морган.— И я ни за что не повел бы "паучка" в новый рейс без тщательной проверки тормозного механизма, расшатанного рывками...» Он мог бы добавить, что и сам не посмел бы выйти в повторный рейс: сказывалось напряжение последних часов, мозг и тело налились усталостью,— а ему так нужны были сейчас свежесть мускулов и ясность мысли!

Он вернулся в кресло, но не закрыл за собой люк и не застегнул ремни. Пристегнуться — значило признать свое поражение, а это для Моргана всегда было нелегким делом. Безжалостный, немигающий взгляд лазера со станции «Кинте» — сверху и сбоку — будто приковал его к месту. И он попытался вновь сосредоточить свое внимание на скобе под ногами.

Будь здесь хоть какое-нибудь приспособление для резки металла — пила-ножовка или тяжелые ножницы, способные перекусить упрямую скобу! Он опять посетовал, что на борту «паучка» нет аварийного инструментального набора, а впрочем, если бы такой набор и был, в нем вряд ли нашлось бы что-либо подходящее для данного случая.

В аккумуляторе «паучка» дремлют мегаватт-часы энергии — нельзя ли как-то использовать их для пользы дела? На короткий миг он представил себе, что скобу можно бы перерезать вольтовой дугой; но, даже окажись в его распоряжении мощные электроды, к аккумулятору из кабины не подступишься.

Уоррен со своими мудрецами тоже не могли предложить никакого приемлемого решения. Морган был предоставлен самому себе — в буквальном и в переносном смысле слова. Ну что ж, он всегда предпочитал полагаться только на себя.

И тут, в ту самую секунду, когда он чуть было не протянул руку, чтобы захлопнуть люк, Морган внезапно понял, что делать. С самого начала решение находилось прямо перед глазами.

52
СТРОПТИВАЯ ПАССАЖИРКА

Будто огромная гора свалилась с плеч Моргана. Он ощущал полную, неправдоподобную уверенность в себе. На этот раз он должен, он не может не одержать победу.

Впрочем, он не шевельнулся до тех пор, пока не рассчитал своих действий до мельчайших деталей. И когда Кингсли вновь, пожалуй, чуть нетерпеливо предложил ему возвращаться, он не ответил ни да ни нет. Ему не хотелось в который раз будить ложные надежды — как на Шри Канде и на всей Земле, так и в «подвале».

— Я тут решил провести один эксперимент,— сказал он.— Оставьте меня в покое на несколько минут.

Без дальнейших колебаний он взял в руки катушку с супернитью — миниатюрный спиннинг, который многие годы назад позволил ему спуститься по отвесной стене Яккагалы. Из соображений безопасности в конструкцию было внесено небольшое усовершенствование: первый метр нити покрыли слоем пластика, чтобы при необходимости за нее можно было браться, хотя и с оглядкой, даже без перчаток.

Осматривая катушку, Морган опять подумал о том, что за эти годы она превратилась для него в талисман, едва ли не в амулет. Разумеется, он всерьез не верил ни в какие амулеты; чтобы прихватить катушку с собой, всегда находились вполне серьезные основания. На сей раз он рассчитывал на нее как на спиннинг, с помощью которого можно поднимать большие тяжести. А о том, что нить обладает и другими достоинствами, он позволил себе забыть...

Выбравшись из кресла, инженер опять опустился на колени у самого края люка. Головка зловредного болта торчала буквально рядом, сантиметрах в десяти от стальной решетки, примыкающей к люку с внешней стороны и похожей на небольшой порожек. Правда, прутья решетки сидели настолько близко друг к другу, что не позволяли просунуть меж-

ду ними руку, но Морган уже убедился на опыте, что, обойдя порожек, можно дотянуться до самого днища.

Он смотал с катушки первый метр нити, одетый пластиком, и, используя захватное кольцо как грузило, пропустил эту нить сквозь решетку. Закрепив катушку понадежнее в углу за креслом, чтобы нечаянно не выбить ее за борт, он завел руку за порожек и попытался схватить кольцо, раскачивающееся словно маятник. Это оказалось гораздо труднее, чем он ожидал: даже замечательный сверхновый скафандр все-таки стеснял свободу движений и кольцо упорно выскальзывало из-под пальцев.

Неудачи скорее утомляли, чем раздражали его: он знал, что рано или поздно добьется своего,— и действительно, с пятой или шестой попытки ему удалось накинуть петлю на тело болта вплотную к скобе. Теперь предстояла самая хитроумная часть задачи: отпустить катушку чуть-чуть еще, потянуть кольцо, чтобы с болтом соприкоснулась не пластиковая оболочка, а оголенная супернить, и натянуть ее, чтобы петля плотно вошла в нарезку. До сих пор ему ни разу не случалось проделывать этот фокус с прутом из закаленной стали более сантиметра толщиной, и Морган понятия не имел, как долго будет сопротивляться болт. Упершись локтями в края люка, он начал действовать своей невидимой пилой.

Прошло пять минут; он покрылся испариной, но, продвинулось ли дело, решить не мог. Хоть на мгновение ослабить натяжение нити было страшно: а вдруг она выскользнет из той невидимой щели, которую, как он надеялся, уже пропилила в теле болта. Уоррен вызывал его несколько раз и с каждым разом все более обеспокоенно; пришлось в двух словах заверить помощника, что все в порядке. Вот скоро он, Морган, сделает передышку, чтобы перевести дух, тогда и объяснит подробнее, что здесь творится. Друзья, естественно, волновались, и он был обязан сказать им хоть что-нибудь.

— Вэн,— вновь воззвал с Земли Уоррен Кингсли,— что ты там все-таки затеял? Меня теребят с промежуточной и из «подвала» — что им сказать?..

— Что мне нужно еще пять минут — я стараюсь перепилить болт...

Спокойный, но твердый женский голос, вдруг раздавшийся над самым ухом, так испугал Моргана, что он едва не выпустил драгоценную нить. Слова были приглушены скафандром, но это не играло роли. Он знал их на память, хотя и не слышал вот уже несколько месяцев.

— Доктор Морган,— заявила «охранительница»,— будьте добры лечь и отдохнуть в течение десяти минут.

— А может, хватит и пяти? — пробормотал он.— Я в настоящий момент очень занят.

«Охранительница» не удостоила его ответом; существовали модели, способные поддерживать несложный разговор, но эта к их числу не принадлежала.

Морган сдержал свое обещание и на пять минут прервал работу, дыша глубоко и размеренно, потом принялся пилить снова. Скорчившись над порожком и над четырехсоткилометровой бездной, он водил невидимой нитью взад-вперед, взад-вперед. Он ощущал нарастающее сопротивление, значит, нить уже врезалась в неподатливую сталь, но о глубине разреза судить не мог.

— Доктор Морган,— снова подала голос «охранительница»,— вам совершенно необходимо отдохнуть полчаса.

Морган выругался про себя.

— Вы ошибаетесь, дорогая,— возразил он,— я прекрасно себя чувствую.

Но он лгал — «охранительница» знала, что в глубине груди уже затаилась боль.

— С кем ты там разговариваешь, Вэн? — поинтересовался Кингсли.

— С пролетевшим мимо ангелочком,— ответил Морган.— Жаль, что забыл выключить микрофон. Сейчас я намерен еще немного отдохнуть.

— Удалось тебе добиться чего-нибудь?

— Трудно сказать. Уверен, что разрез уже довольно глубок. Иначе просто не может быть...

Он испытал большое желание выключить «охранительницу», но это, конечно же, было невозможно, даже если бы позволила ткань скафандра. Прибор для контроля сердечной деятельности, который можно в любой момент отключить, не только бесполезен, но и опасен.

— Доктор Морган,— опять вмешалась «охранительница»,— настойчиво повторяю, что вам нужны по меньшей мере полчаса *полного* отдыха.

На этот раз Морган и не подумал вступать с ней в спор.

Он понимал, что «охранительница» права, однако речь шла не только о его собственной жизни, а этого ей не объяснишь. К тому же он был убежден, что приборчик — как и всякий хороший мост — имеет какой-то резерв надежности. Автоматически поставленный диагноз непременно должен быть жестче диагноза истинного; на деле состояние его здоровья лучше, чем мерещится строптивой даме. По крайней мере, он сам искренне на это рассчитывал.

Боль в груди не усиливалась, и он решил впредь не обращать внимания ни на нее, ни на «охранительницу». Чуть позже он дал себе мрачное обещание продолжать пилить, медленно, но безостановочно, ровно столько, сколько потребуется.

И тут, без всякого предупредительного скрежета, капсула резко покачнулась, и четверть тонны мертвого груза сорвалось вниз. Моргана едва не выбросило за борт, он выронил катушку и стал шарить вокруг себя в поисках привязного ремня.

Все казалось замедленным, как во сне. Он не чувствовал страха, а только решимость не уступать силе земного притяжения без боя. Но ремня нигде не было; вероятно, от толчка пряжка откатилась глубже в кабину...

О том, что у него есть еще и левая рука, он вспомнил, лишь обнаружив, что пальцы ее намертво вцепились в шарнирное крепление дверцы люка. Тем не менее, даже обнаружив это, он не поторопился ввалиться обратно в кабину; как загипнотизированный, он следил за странным небесным телом — батареей, которая падала, кувыркаясь и постепенно умень-

шаясь в размерах. Минуло немало долгих секунд, прежде чем она исчезла из виду, и только тогда Морган отступил от пропасти и без сил опустился в кресло.

Он долго сидел без движения, прислушиваясь к бешеному стуку сердца и поджидая, что «охранительница» вот-вот заявит очередной возмущенный протест. К величайшему его удивлению, она молчала, словно и сама удивлялась тому, что произошло. Ну что ж, он не даст ей новых поводов для недовольства: отныне он будет тихо сидеть у приборов, баюкая растревоженные нервы.

Придя в себя, он вызвал Шри Канду.

— От батареи я избавился,— сообщил он и услышал, как Земля отозвалась на новость хором приветственных криков.— Как только закрою люк, полезу дальше. Передайте Сессюи и компании — пусть поджидают меня через час с небольшим. И поблагодарите «Кинте» за свет — он мне уже не нужен.

Подняв давление в кабине до нормы, Морган открыл шлем и позволил себе щедрый, освежающий глоток концентрированного апельсинового сока. Потом включил моторы, отпустил тормоза и с чувством глубокого удовлетворения откинулся в кресле, ощущая, как «паучок» набирает ход.

Лишь спустя две-три минуты он спохватился, что чего-то недостает. В тщетной надежде он обшарил взглядом пол у кромки люка: нет, катушки не было и там. Разумеется, ничего не стоит достать другую взамен той, что сейчас летит вслед за батареей к Земле, и вообще в сравнении с одержанной победой жертва невелика. И тем не менее он так расстроен, что не способен даже оценить по достоинству свой триумф... Ему представлялось, что он потерял старого, преданного друга.

53
У САМОЙ ЦЕЛИ

Он отставал от расписания всего на полчаса, и это казалось неправдоподобно мало: Морган готов был поклясться, что задержка длилась по меньшей мере час. Наверху, в «подва-

ле», от которого его отделяло теперь неполных двести километров, наверное, уже готовились к торжественной встрече. Не хотелось даже думать о том, что трудности, возможно, еще не кончились.

Когда он уверенно прошел пятисоткилометровую отметку, с Земли передали поздравительную радиограмму. «Между прочим,— добавил Уоррен Кингсли,— один из сторожей в санатории "Рухана" заподозрил, что неподалеку с неба рухнул летательный аппарат. Больших трудов стоило доказать ему, что он ошибается. Теперь только отыскать кратер — и к твоему возвращению будет готов сувенир...» Моргана порадовало это сообщение: в самом деле, любопытно было бы взглянуть на то, что осталось от батареи. Найти бы еще и катушку — но на такое везение рассчитывать, конечно, не приходилось...

Предвестье новой беды пришло на высоте пятьсот пятьдесят километров. Расчетная скорость подъема здесь должна была составлять двести «щелчков» с лишним; на деле же было сто девяносто восемь. Казалось бы, это мелочь, которая почти не скажется на времени прибытия, и тем не менее симптом был тревожным.

Когда до основания башни оставалось каких-нибудь тридцать километров, Морган угадал характер недуга и с ужасом понял, что на сей раз не властен его устранить. Внутренний аккумулятор, который еще должен был хранить в своих ячейках изрядный запас энергии, начал садиться. Вероятно, виной тому резкие рывки и повторные старты; не исключено даже, что рывки повредили хрупкую ячеистую структуру. Так или иначе, сила тока неуклонно падала, а вместе с ней и скорость движения капсулы.

С замиранием сердца Морган передал показания приборов на центральный пост.

— Боюсь, что ты прав,— откликнулся Кингсли, едва не плача.— Предлагаем снизить скорость до ста «щелчков». По-

стараемся прикинуть, сколько еще протянет твой аккумулятор, хотя ответ будет весьма и весьма приблизительным...

Осталось двадцать пять километров — какие-то четверть часа пути, даже на сниженной скорости! Умей Морган молиться, он бы охотно воззвал сейчас к любому божеству.

— По нашей оценке, основанной на быстроте, с какой падает сила тока, аккумулятора хватит на десять, от силы двадцать минут. Боюсь, что этого окажется маловато.

— А если идти с еще меньшей скоростью?

— Пока рано. Нужно поддерживать оптимальный режим, и сто «щелчков» — цифра, близкая к оптимуму.

— Хорошо. Теперь можете включить свой прожектор. Уж если мне не суждено добраться до башни, хочу по крайней мере увидеть ее.

В этом ему не могли помочь ни «Кинте», ни какая-либо другая орбитальная станция. Взглянуть на основание башни снизу вверх мог помочь лишь нацеленный в зенит прожектор на вершине Шри Канды.

Мгновение — и капсулу настиг ослепительный луч, вырвавшийся из самого сердца Тапробана. Совсем рядом — казалось, только протяни руку — огненными полосами вспыхнули три другие направляющие ленты. Постепенно сливаясь в одну, они убегали ввысь, Морган последовал за ними взглядом — и...

Вот она, башня, всего-то в двадцати километрах! Он мог бы быть там через десять минут и, проникнув внутрь вон того крошечного блистающего кубика, осыпать его обитателей подарками, как допотопный рождественский дед. Да, он твердо решил отдыхать, подчиняясь воле «охранительницы», но отдыхать теперь было просто немыслимо. Он заметил, что невольно напрягает мускулы, словно подталкивая «паучка», помогая колесам одолеть последний отрезок пути.

В десяти километрах от цели двигатели стали подвывать от натуги; Морган ожидал этого — реакция его была молние-

носной. Не колеблясь, он сбросил скорость до пятидесяти «щелчков». На этой скорости протяженность оставшегося пути опять увеличилась до двадцати минут, и он спросил себя с отчаянием, не будет ли так продолжаться до бесконечности. Задача об Ахиллесе и черепахе: если, пройдя половину дистанции, он уменьшит скорость наполовину и снова пройдет полдистанции, и снова уменьшит скорость, то доберется ли он до башни вообще когда-нибудь? В свое время он ответил бы на подобный вопрос в мгновение ока — сейчас он был слишком утомлен и не видел решения.

С расстояния в пять километров он различал отдельные конструктивные детали башни — висячую галерею у самого основания, ограждающие ее перила и никому, кроме общественного мнения, не нужную предохранительную сеть. Но как он ни всматривался, ему так и не удалось разглядеть воздушный шлюз, к которому капсула приближалась с мучительной, выворачивающей душу нерасторопностью.

И вдруг поиски пропавшего шлюза утратили всякий смысл. В двух километрах от «подвала» двигатели замерли окончательно. «Паучок» даже соскользнул на несколько метров вниз, прежде чем Морган опомнился и нажал на тормоза.

Но, к немалому его изумлению, Кингсли, узнав печальную весть, не впал в отчаяние.

— А знаешь, ты все равно можешь добраться до финиша. Дай аккумулятору десять минут передышки. Тех остатков заряда, которые там еще есть, должно хватить на два километра.

Пожалуй, за всю жизнь Моргану никогда не выпадало таких долгих десяти минут. Он, естественно, мог бы скоротать их, уступив настоятельным просьбам Максины Дюваль и поговорив с ней, но чувствовал себя слишком изможденным для болтовни. Ему и самому было неприятно отказывать давней своей стороннице; оставалось надеяться, что Максина поймет и простит его.

Из короткого разговора с водителем-пилотом Чангом он выяснил, что узники «подвала» держатся неплохо, более того,

приободрены близостью капсулы. Они поочередно любуются ею сквозь смотровую щель нижнего люка и наотрез отказываются верить, что оставшееся пустяшное расстояние может оказаться непреодолимым.

Морган дал аккумулятору лишнюю минуту сверх десяти — на счастье — и с непередаваемым облегчением услышал, как двигатели послушно заурчали, набирая тягу. «Паучок» подобрался к башне еще на полтора километра, прежде чем они замолкли опять.

— Ничего, добьешься своего со следующей попытки,— уверенно заявил Кингсли, хотя Моргану почудилась нарочитость в мажорном тоне помощника.— Уж не сердись на все эти задержки...

— Что, еще десять минут? — спросил Морган неприязненно.

— Боюсь, что да. А потом включай двигатель рывками — тридцать секунд работы и минутная пауза. Так тебе удастся выжать из аккумулятора всю энергию до последнего эрга.

«А из себя — всю кровь до последней капли»,— подумал Морган. Странно, что «охранительница» упорно помалкивает. Впрочем, на сей раз он не был утомлен физически — он лишь ощущал себя вымотанным...

Но чему тут удивляться — в заботах о «паучке» он совершенно забыл о себе! За последний час он и не вспомнил о не дающих осадка энергетических таблетках на глюкозе и о пластмассовой колбе с соком. Отведав того и другого, он почувствовал себя несравненно лучше. Передать бы хоть чуточку калорий умирающему аккумулятору!

И вот настал момент для последнего броска. Цель была так близка, что о неудаче не хотелось и думать. Ну не может же судьба расписаться в своем злодействе именно сейчас, когда впереди остались считаные сотни метров!..

Он, конечно же, обманывал себя. Разве мало самолетов, благополучно пересекших океан, разбивалось у самого края

посадочной полосы? Разве редко машины и люди оказываются не в состоянии преодолеть последние миллиметры? Все, что в принципе может случиться, как дурное, так и хорошее, обязательно с кем-нибудь когда-нибудь случается. Какое у него право рассчитывать на особое снисхождение?

Капсула двигалась натужными рывками, как умирающий зверь, ищущий своего последнего приюта. Когда аккумулятор наконец испустил дух, основание башни заняло собой полнеба.

Однако между «паучком» и «подвалом» лежали двадцать метров пустоты.

54
ТЕОРИЯ ОТНОСИТЕЛЬНОСТИ

К чести Моргана, в тот отчаянный момент, когда истощились последние крохи энергии и на приборной панели погасли все огни, он чувствовал себя так, будто это решило его личную судьбу. Прошло секунд пять, прежде чем он вспомнил, что достаточно отпустить тормоза — и он вернется на Землю. Через три часа он будет в безопасности и сможет лечь в постель. И никто в целом свете не попрекнет его провалом порученной ему миссии: он сделал все, что было в человеческих силах.

В тупой ярости он сверлил глазами недостижимый квадрат основания, на который ложилась четкая тень «паучка». В голове вихрем проносились проекты, один безумнее другого, и он отвергал их один за другим. Если бы у него по-прежнему был его верный суперспиннинг — но даже тогда он при всем желании не сумел бы передать катушку тем, кто заперт в «подвале». Если бы у них там оказался хоть один космический скафандр и кто-нибудь бросил бы ему веревку — но они просто не успели вытащить скафандры из своего объятого пожаром вагончика...

Да, конечно, в видеодраме — но не в реальной жизни — какой-нибудь герой-доброволец пожертвовал бы собой (еще лучше, если бы на это отважилась героиня), выйдя в воздушный шлюз без скафандра; сознание в вакууме сохраняется пятнадцать секунд — срок, достаточный для того, чтобы швырнуть веревку и спасти всех остальных. Только абсолютное отчаяние могло оправдать Моргана в том, что он взвешивал, пусть даже недолго, и эту бредовую идею; но здравый смысл все же восторжествовал в нем...

С того момента, когда «паучок» окончательно проиграл битву с земным притяжением, и до того, как Морган признал, что не видит выхода, прошло не более минуты. И тут Уоррен Кингсли задал ему вопрос, который сперва показался раздражающе несвоевременным:

— Повтори-ка, Вэн, сколько метров отделяют тебя от башни?

— Какая вам разница? Что двадцать метров, что световой год — не все ли равно?

Наступила недолгая пауза; потом Кингсли сказал подчеркнуто терпеливо, как обращаются к малому ребенку или к больному:

— Разница огромная. Ты сказал — двадцать метров?

— Да, примерно так.

Морган не поверил своим ушам, когда услышал, как помощник вздохнул с нескрываемым облегчением. В голосе Уоррена даже прорезались веселые нотки:

— И зачем только, Вэн, тебя держали столько лет главным инженером! Предположим, что дистанция — двадцать метров ровно...

Вырвавшийся у Моргана крик не дал Кингсли закончить:

— Какой же я осел! Передай Сессюи, что я прибуду через четверть часа.

— Если ты точно определил расстояние, то через четырнадцать с половиной минут. И теперь тебя не остановит ничто во вселенной...

Заявление было рискованное, и лучше бы Кингсли его не делал. Достаточно пустякового отклонения от жестких допусков — и стыковочные устройства могут не сработать. А этот стыковочный узел не проверял никто с самого дня сборки...

Удивительный для главного строителя орбитальной башни провал памяти у самого Моргана вызвал лишь легкое раздражение. В критических обстоятельствах люди подчас забывали собственный телефонный номер и даже день своего рождения. А этот фактор, ставший теперь решающим, еще полчаса назад не играл совершенно никакой роли, его просто незачем было принимать во внимание...

Все относительно. Да, «паучок» недвижим и не способен добраться до башни; однако башня сама придвинется к нему в своем неумолимом снижении со скоростью два километра в сутки.

55
СТЫКОВКА

Однажды выдался рекордный день, когда удалось нарастить башню на целых тридцать километров; это было давно, когда возводили ее самую тонкую и самую легкую часть. Сейчас на орбите дело подошло к центральным, наиболее массивным «этажам» сооружения, и скорость упала до двух километров. Но и такая скорость оставалась высокой — почти полтора метра в минуту; у Моргана как раз хватило времени на то, чтобы, не торопясь, проверить готовность к стыковке и отработать в уме все движения, какие надо уложить в короткие секунды между стыковкой и освобождением тормозов. Оставить капсулу на тормозах означало бы навязать ей неравное соревнование с наползающими на нее сверху миллионами тонн конструкций.

Морган надеялся, что этой долгой, но спокойной четверти часа окажется довольно, чтобы угомонить «охранительницу». Но к исходу тринадцатой-четырнадцатой минуты со-

бытия заставили его понять, как чувствует себя муравей под занесенным над ним кованым сапогом. Будто сама небесная твердь навалилась ему на плечи; секунду назад основание башни находилось еще в нескольких метрах, а через мгновение он ощутил сотрясение и лязг стыковки.

Многое теперь зависело от мастерства и аккуратности, с какими инженеры и техники сделали свое дело многие годы назад. Если захваты не сойдутся с должной точностью; если запорный механизм не сработает так, как надо; если шов окажется негерметичным... До Моргана доносилось множество разнообразных звуков, но он не знал, как их истолковать.

И вдруг, словно сигнал победы, на мертвой приборной панели вспыхнуло табло «Стыковка завершена». Наступили те десять секунд, в течение которых телескопические рычаги еще способны компенсировать движение башни; Морган выждал половину этого срока и осторожно отпустил тормоза. Он приготовился к тому, чтобы мгновенно включить их снова, если «паучок» начнет падать,— но нет, приборы сказали правду. Башня и капсула слились воедино. Осталось лишь преодолеть десяток ступеней по вертикальному трапу, и он наконец достигнет цели.

Послав отчет торжествующим слушателям на Шри Канде и на промежуточной станции, Морган провел еще минуту не шевелясь, чтобы восстановить дыхание. Предстоящее посещение «подвала» было для него вторым, но странно было не это, а то, что первое почти стерлось из его памяти. Двенадцать лет назад в тридцати шести тысячах километров отсюда, в «подвале» состоялся небольшой банкет по случаю, если можно так выразиться, «закладки фундамента». Банкет (вместо рюмок тюбики, как в невесомости) сопровождался бесчисленными тостами — ведь эта часть башни была не только первой по времени сооружения, но и первой, которая после долгого спуска с орбиты соприкоснется с Землей. Повод казался достойным церемонии, и Морган припомнил, что даже злейший его враг, сенатор Коллинз, счел необходимым принять приглашение и пожелать строителям успеха в речи, не ли-

шенной колкостей, но в целом вполне дружелюбной. Нынешнее событие, право же, давало не меньший повод для торжества.

Морган слышал, как узники приветствуют своего спасителя, барабаня пальцами по внутренней дверце шлюза. Он расстегнул ремень, кое-как выкарабкался из кресла и поднялся по трапу. Верхний люк капсулы оказал его пальцам лишь символическое сопротивление — силы, объединившиеся против него, прежде чем сложить оружие, в последний раз дали о себе знать. Резкий свист, давление в кабине и переходной камере выравнялось — и вот круглая дверца откинулась и чьи-то руки помогли ему подняться в «подвал»... Сделав первый глоток спертого, зловонного воздуха, Морган удивился, как люди здесь могут быть еще живы; откажись он от своей миссии — и повторная попытка наверняка оказалась бы ненужной....

Голые, унылые стены «подвала» были освещены лампами дневного света: более десяти лет солнечные батареи накапливали и высвобождали энергию, пока наконец их долготерпение не пригодилось попавшим в беду. И Морган увидел сцену, словно скопированную со старых военных фильмов: несчастные, оборванные беглецы из разрушенного города сгрудились в бомбоубежище с теми немногими пожитками, какие им удалось спасти. Впрочем, пожитки военных времен не носили бы на себе надписей и этикеток «Служба запуска», «Корпорация лунных отелей», «Собственность Республики Марс» или повсеместно распространенного предупреждения «Не выносить в вакуум». И люди военных времен не радовались бы так, как эти семеро: даже те, кто лежал, сберегая кислород, улыбнулись Моргану и помахали ему рукой. Но едва он успел ответить на приветствие, ноги у него подкосились и все вокруг померкло... Никогда прежде он не падал в обморок, и, когда поток холодного кислорода вернул его к жизни, первым чувством Моргана было сильное смущение. Постепенно восстановилось зрение, и он увидел вокруг себя незнакомые лица в масках. На миг ему померещилось, что он в

больнице, потом восприятие действительности вернулось полностью. Конечно же, пока он лежал в беспамятстве, из капсулы извлекли ее драгоценный груз.

Маски, привезенные с Земли, представляли собой как бы молекулярные ситечки: закрывая рот и нос, они пропускали кислород, но задерживали поступающий извне углекислый газ. Внешне простенькие, хотя и очень сложные в изготовлении, эти маски позволяли людям выжить в атмосфере, которая иначе вызывала мгновенное отравление. Правда, дышать с маской на лице становилось труднее — но природа никогда ничего не преподносит даром, а такая цена была не столь уж высока...

Пошатываясь и все же отвергнув предложенную помощь, Морган поднялся на ноги и, пусть с запозданием, познакомился с мужчинами и женщинами, которых спас. Беспокоило его одно: не произнесла ли «охранительница», пока он был без сознания, какую-либо из своих поучительных речей? Не хотелось бы поднимать вопрос в открытую, а выяснить надо...

— Позвольте от нашего общего имени,— сказал профессор Сессюи искренне, но слегка неуклюже, как человек, которому редко доводилось задумываться над формулами вежливости,— поблагодарить вас за все, что вы для нас сделали. Мы несомненно обязаны вам жизнью...

Любой мыслимый ответ на подобную тираду отдавал бы заведомым лицемерием, так что Морган предпочел пробормотать нечто неразборчивое, сделав вид, что поправляет маску. Ему не терпелось приступить к осмотру привезенного снаряжения и удостовериться, что при разгрузке ничего не забыли, однако профессор вдруг добавил с комичной озабоченностью:

— Извините, что не можем предложить вам кресло. Вот единственное, что нам удалось придумать. Располагайтесь поудобнее и постарайтесь ни о чем не беспокоиться...

И Сессюи приглашающим жестом указал на коробки из-под инструментов, которые были уложены друг на друга.

Фраза прозвучала очень знакомо; значит, «охранительница» не промолчала. Наступила неловкая пауза — Морган принял этот факт к сведению, остальные без слов согласились, что им все известно, а он без слов показал им, что знает об этом,— своего рода безмолвный психологический сговор, неизбежный всякий раз, когда чей-то личный секрет становится общим достоянием и когда подразумевается, что каждый будет держать язык за зубами.

Сделав несколько глубоких вдохов,— поразительно, до чего же быстро можно привыкнуть к маске,— Морган сел на предложенное ему место. «Второго обморока не будет,— пообещал он себе с угрюмой решимостью.— Я должен был доставить груз, а теперь я должен выметаться отсюда как можно скорее, желательно до того, как "охранительница" очнется опять...»

— Этот состав,— произнес он, показывая на маленькую фляту,— ликвидирует утечку. Распылите его по всей длине дефектной прокладки — он затвердевает буквально за пять секунд. Кислород расходуйте бережно — он вам понадобится, когда придет время ложиться спать. Вот маски для каждого и несколько запасных. Вот пища и вода на три дня — этого хватит с лихвой, капсула со станции «десять» будет здесь завтра. Что же касается медикаментов, то, хочу надеяться, они вам не понадобятся...

Он остановился, чтобы перевести дыхание: разговаривать сквозь маску было все-таки нелегко, а он ощущал все более настоятельную необходимость беречь силы. Люди Сессюи отныне могут позаботиться о себе сами; ему же предстоит выполнить еще один свой долг, и чем скорее, тем лучше.

Морган повернулся к пилоту Чангу и сказал спокойно:

— Пожалуйста, помогите мне застегнуть скафандр. Я должен выйти и проверить состояние пути.

— Но ваш скафандр не рассчитан на автономный режим! Собственный запас кислорода в нем — всего на полчаса...

— А мне потребуется десять минут, от силы пятнадцать.

— Доктор Морган, я космический старожил, а вы нет. Категорически запрещено выходить в пространство в тридцатиминутном скафандре без запасных баллонов или без внешней подкачки воздуха. Кроме самых крайних аварийных ситуаций...

Морган ответил оппоненту усталой улыбкой. Чанг был прав: ссылка на крайнюю необходимость не выдерживала критики. Но если главный инженер считает ситуацию аварийной, значит, так оно и есть...

— Я должен осмотреть повреждения,— заявил он.— И проверить состояние пути. Будет досадно, если капсула со станции «десять» не доберется до вас только потому, что ее экипаж не получит предупреждения о возможных препятствиях.

Чангу все это пришлось явно не по вкусу (что там, черт возьми, наболтала эта сплетница, пока Морган был без сознания?), однако он без дальнейших возражений проводил инженера к северному шлюзу. Прежде чем опустить лицевую пластину, Морган осведомился:

— Профессор не доставлял новых хлопот?

Чанг покачал головой.

— По-видимому, углекислый газ его немного утихомирил. А если он опять примется за свое — нас тут шестеро против него одного. Хотя не уверен, что можно положиться на его ассистентов. Некоторые из них — такие же умалишенные, как и их шеф: вон, взгляните хотя бы на ту девушку, что забилась в угол и не переставая что-то строчит. Она убеждена, что Солнце не то вот-вот потухнет, не то взорвется — я не запомнил, что именно, но какая-то там напасть, что-то с ним произойдет, и она хочет предупредить об этом весь мир, прежде чем умрет. Очень миру нужно об этом знать! Я лично предпочел бы оставаться в неведении...

Хотя Морган и не сдержал улыбки, он готов был побиться об заклад, что сумасшедших среди ассистентов профессора нет и не может быть. Эксцентричные — да, пожалуй, но и одержимые, талантливые ребята; иначе они просто не ока-

зались бы рядом с Сессюи. Придет день — и он постарается узнать побольше о тех, кого сегодня спас, однако это случится не раньше чем все они вернутся на Землю, каждый своим путем.

— Я быстро обойду башню вокруг,— сказал Морган,— и опишу вам повреждения, а вы сообщите о них на промежуточную. Это займет не больше десяти минут. Если же я задержусь — ну что ж, не пытайтесь втащить меня обратно силой...

Ответ пилота Чанга, когда он закрывал шлюз изнутри, был предельно кратким, но выразительным:

— А как, черт побери, я мог бы это сделать?

56
ВИД С ГАЛЕРЕИ

Внешний люк северного шлюза отомкнулся без труда, открыв глазам прямоугольник полной темноты. Однако эту темноту перечеркивала поперек огненная линия — перила галереи пылали в луче прожектора, нацеленного сюда с вершины, которая осталась далеко-далеко внизу. Морган глубоко вздохнул, затем сделал несколько движений, проверяя скафандр на гибкость. Ничего не скажешь, костюм сидел удобно, как влитой. Морган помахал Чангу, следившему за ним сквозь смотровую щель, и выбрался из башни наружу.

Галерея, окружающая «подвал», представляла собой решетчатую дорожку двухметровой ширины; с внешней стороны к ней примыкала предохранительная сеть, раскинутая еще на тридцать метров. Насколько хватало глаз, за все годы, что сеть терпеливо ждала добычи, в нее не попалось ровным счетом ничего.

Он начал свое «кругосветное путешествие» вокруг башни, заслонившись ладонью от яростного света, бьющего из-под ног. В таком освещении был ясно виден каждый бугорок, каждая вмятинка на плоскости, которая поднималась над

Морганом, как дорога к звездам,— впрочем, именно такой дорогой она и была.

Как он в глубине души и надеялся, как и предвидел, взрыв на противоположной стороне башни сюда не достал: это по силам было бы атомному, а не электрохимическому заряду. Двойная рельсовая борозда, поджидающая ныне первого поезда, тянулась вверх и вверх в своем изначальном совершенстве. А в пятидесяти метрах под галереей — хотя смотреть туда мешал блеск прожектора — он мог различить контур буферной установки, готовой выполнить задачу, которую, быть может, и не придется выполнять.

Держась поближе к отвесной поверхности башни, Морган не торопясь шагал на запад, пока не приблизился к углу. Прежде чем свернуть на юг, он бросил взгляд на приотворенный люк воздушного шлюза, олицетворяющий собой известную — весьма относительную, если разобраться,— безопасность. Затем он бесстрашно двинулся дальше вдоль глухой стены.

Нет, конечно же, не бесстрашно; только к чувству страха примешивалось чувство приподнятости — такого ощущения Морган не испытывал с той поры, как научился плавать и впервые очутился на глубокой воде. Им владела уверенность, что опасности нет, и все же он сознавал, что она затаилась где-то вблизи. Он и хотел бы, да не мог забыть об «охранительнице», выжидающей своего часа; но не в его характере было оставить начатое дело на полпути, не доведя его до конца.

Западная сторона башни в точности повторяла северную, за исключением одной детали — здесь не было никакого шлюза. И она осталась так же невредима, хотя располагалась гораздо ближе к месту взрыва.

Борясь с желанием поторопиться — в конце концов, он истратил пока лишь три минуты из тридцати,— Морган двинулся к следующему углу. И, еще не дойдя до поворота, понял, что завершить намеченную «кругосветку» ему не сужде-

но. Галерея южной стороны отделилась от башни и свесилась в пространство искореженным металлическим языком. Предохранительная сеть исчезла совсем, очевидно сорванная падающей капсулой.

«Хватит испытывать судьбу»,— сказал себе Морган. Однако не устоял перед искушением и выглянул за угол, придерживаясь за край уцелевших перил.

Рельсовые борозды южного пути были забиты оплавленными обломками, а сама башня будто обесцвечена взрывом. Но насколько он мог судить, и здесь не случилось ничего такого, что бригада умелых техников со сварочной аппаратурой не сумела бы привести в порядок за два-три часа. Он самым подробным образом описал Чангу увиденное; тот обрадовался, что беда легко поправима, и попросил Моргана поскорее возвращаться назад.

— Не беспокойтесь,— ответил инженер.— У меня еще добрых десять минут в запасе, а пройти мне надо всего-то метров тридцать. Я бы добежал и на том воздухе, что в легких...

Но желания ставить подобный опыт у него не было. Пережитого и так вполне хватало на одну ночь. Если верить «охранительнице», хватало даже с лихвой; отныне он будет неукоснительно подчиняться ее приказам...

Приблизившись к приоткрытому шлюзу, Морган еще постоял секунд десять у перил, купаясь в потоках света, что взвивался ввысь со Шри Канды, затерянной в шестисоткилометровой бездне. Его фигура отбрасывала исполинскую тень вдоль орбитальной башни, навстречу звездам. Эта тень, должно быть, тянулась на тысячи километров, и Моргану пришло в голову, что она может даже достичь капсулы, которая стремительно летит вниз со станции «десять». Если бы он помахал руками, спасатели, возможно, заметили бы его сигналы; он мог бы поговорить с ними с помощью азбуки Морзе.

Эта смешная фантазия навела его на более серьезные размышления. Не разумнее ли было бы остаться здесь, в «подвале», вместе с новыми друзьями и не рисковать, возвращаясь

на Землю в одиночку? Но подъем на промежуточную станцию, где он только и может рассчитывать на квалифицированную медицинскую помощь, займет неделю. Разумеется, для него нет альтернативы — ведь «паучок» доставит его обратно на Шри Канду за какие-то три часа...

Время залезать в люк — кислород на исходе, да и смотреть, честно говоря, больше не на что. Ну не злая ли это насмешка, если учесть, какой поразительный вид должен был бы открываться отсюда и днем и ночью? Но сейчас и планета внизу, и небеса над нею были сметены ослепительным лучом — посланцем Шри Канды; Морган стал словно бы центром крохотной освещенной вселенной, окруженной со всех сторон непроницаемым мраком. Совершенно не верилось, что он в открытом космосе, не верилось хотя бы из-за ощущения собственного веса. Он чувствовал себя в полной безопасности, как если бы стоял на вершине скалы, а не на решетке над пустотой. Надо бы запомнить эту мысль и вернуться к ней на Земле...

Он ласково похлопал по гладкой, неподатливой поверхности башни — рядом с ней человек выглядел куда мизернее, чем амеба рядом со слоном. Однако никакая амеба не способна представить себе слона, тем более создать его.

— Встретимся на Земле через год,— прошептал Морган и медленно закрыл за собой люк воздушного шлюза.

57
ПОСЛЕДНИЙ РАССВЕТ

В «подвале» Морган провел не больше пяти минут: обстоятельства были явно не те, чтобы тратить время на обмен любезностями, да и не хотелось расходовать драгоценный кислород, который был доставлен сюда с таким трудом. Он пожал руки семерым затворникам и втиснулся в капсулу.

Как приятно было вновь дышать без маски! А еще приятнее — сознавать, что миссия увенчалась полным успехом и

что не пройдет и трех часов, как он будет на Земле. И тем не менее после всех усилий, затраченных по дороге сюда, новый старт, необходимость вновь отдаться во власть земного притяжения воспринимались с неохотой, хотя старт и означал дорогу домой.

Но вот Морган отпустил стыковочные замки и начал падать вниз, испытывая состояние невесомости. Как только индикатор скорости показал три сотни «щелчков», тормоза включились автоматически, и ощущение веса сразу же вернулось. Теперь жестоко обесточенная батарея должна была бы подзаряжаться, но она, вероятно, повреждена необратимо, так что по прибытии ее придется пустить на слом.

Напрашивалось неприятное сравнение: Морган поневоле задумался и о собственном переутомленном сердце, но упрямая гордость до сих пор удерживала его от просьбы вызвать к передатчику врача. Он заключил сам с собой соглашение, что обратится к врачу только в том случае, если «охранительница» заговорит снова.

Морган стремительно падал сквозь ночь — а она молчала. Он предоставил «паучку» самому заботиться о себе и полностью расслабился, любуясь картиной неба. Немногие космические корабли могли предложить своим пассажирам такую панораму, немногим людям когда-либо выпадало наблюдать звезды в столь совершенных условиях. Северное сияние отгорело и погасло, прожектор выключили, и спорить с созвездиями было нечему.

Не считая, разумеется, тех звезд, которые человек зажег собственными руками. Почти прямо над головой сиял ослепительный маяк станции «Ашока», навеки подвешенный над Индустаном; всего несколько сот километров отделяли «Ашоку» от орбитального строительного комплекса. На середине восточного небосклона был виден «Конфуций», еще ниже — «Камеамеа», а высоко в западном небе сверкали «Кинте» и «Имхотеп». Это были лишь самые яркие из бакенов, расставленных вдоль экватора; кроме них были и десятки других, и

каждый легко затмевал своим блеском Сириус. Как удивились бы астрономы древности, увидев это небесное ожерелье, и в какое замешательство пришли бы, заметив, что эти новые звезды остаются неподвижными, в то время как знакомые светила совершают по небосводу свой извечный путь!

Морган в полусне всматривался в алмазное колье, украсившее собой небеса, и дремлющее сознание медленно переходило от ювелирных сравнений к мечтам куда более величественным. Немного воображения — и рукотворные звезды стали фонарями на исполинском мосту... А затем пришли уже не мечты, а необузданные фантазии. Как называется мост во дворец Вальхалла, по которому герои норвежских легенд, покидая этот мир, переходили в мир иной? Название не вспоминалось, но мысль сама по себе была великолепная. Вероятно, многие существа задолго до человека пытались — и зачастую тщетно — возводить мосты в небеса их родных миров. Морган подумал об изящных кольцах Сатурна, о призрачных радугах над Ураном и Нептуном. Нет, он, конечно же, прекрасно знал, что эти миры никогда не ведали жизни, но не забавно ли представить себе, что кольца сложены из осколков поверженных мостов?..

Ему очень хотелось спать, однако воображение против воли вцепилось в эту идею и не выпускало ее, как пес, получивший свежую, еще не обглоданную кость. Идея вовсе не была абсурдной, более того, она высказывалась и раньше. Многие станции на синхронной орбите уже растянулись на километры, были связаны между собой кабелями внушительной протяженности. Соединить станции друг с другом, создав вокруг планеты искусственное кольцо,— с инженерной точки зрения такая задача была гораздо проще, чем сооружение башни, требовала куда меньше средств и материалов.

Но стоп, создавать надо не кольцо, а *колесо.* Башня, что вознесется над Тапробаном, будет лишь первой его спицей. За ней последуют другие (четыре, шесть, а может, десять?), размещенные равномерно по всему экватору. Когда они бу-

дут жестко сцеплены друг с другом высоко на орбите, проблема стабильности, жизненно важная для единственной башни, потеряет всякое значение. Африка, Южная Америка, острова Гилберта, Индонезия — все они, дайте срок, предоставят площадки для космических вокзалов. Отпадет надобность укрывать основания башен в горах — более совершенные материалы сделают орбитальные спицы неуязвимыми для самых яростных ураганов. Подожди Морган еще сотню лет, и, возможно, не пришлось бы беспокоить Маханаяке Тхеро...

Тем временем над западным горизонтом тихо поднялся тонкий серп убывающей Луны, очень яркий, как обычно перед рассветом. Этот пепельный серпик отражал столько света, что Морган различил внизу детали земного ландшафта. Он напряг глаза в надежде на прекрасное зрелище, неведомое прежним векам,— хотелось заметить хотя бы одну звездочку, горящую меж рогов полумесяца. Но звездочек — городов на Луне, ставшей вторым домом землян, сегодня не было видно...

Осталось двести километров, меньше часа пути. Морган не видел нужды в том, чтобы продолжать бороться со сном: «паучок», следуя автоматической посадочной программе, мягко коснется земли и без помощи водителя...

Его разбудила боль; «охранительница» отстала ровно на одну секунду.

— Не шевелитесь,— мягко распорядилась она.— Я вызвала врача. Карета скорой помощи уже выехала...

Что за нелепость! «Не смейся,— приказал себе Морган,— она старается, как может...» Он не чувствовал страха: боль за грудиной была сильной, но не настолько, чтобы парализовать все мысли и движения. Он постарался сосредоточиться на этой боли, и самый процесс концентрации воли принес ему облегчение. Еще давным-давно он обнаружил, что лучший способ справиться с болью — изучить ее объективно.

Морган понял, что его вызывает Уоррен Кингсли, однако слова звучали где-то далеко-далеко и не имели почти никакого смысла. Впрочем, он уловил в голосе друга тревогу и хотел было найти какой-нибудь утешительный ответ, но у него просто недостало сил справиться с этой задачей — как и с любой другой... Вот уже и слова слились, стали неслышными; все звуки стер глухой однотонный шум. Морган сознавал, что шум рождается где-то в мозгу, а может, в каналах ушных лабиринтов, но он слышал его так реально, что почти ощущал рядом исполинский водопад...

Шум начал слабеть, становился мягче, музыкальнее. И внезапно Морган узнал его. Как приятно было услышать в безмолвии ближних подступов к космосу рокот, который запал в память со дня первой встречи с Яккагалой!..

Невидимая рука земного притяжения тянула Моргана вниз, домой, точно так же, как столетиями она выгибала дуги Фонтанов рая. Однако он, Вэнневар Морган, создал нечто неподвластное притяжению: башня не согнется к земле до тех пор, пока человек не утратит мудрость и волю к звездным полетам.

Как заледенели ноги! Что случилось с системой жизнеобеспечения? Но ничего, скоро рассвет, а с рассветом придет тепло...

Звезды гасли, гасли гораздо скорее, чем им положено. Не странно ли: вот-вот наступит день, а вокруг все темнее и темнее. И фонтаны гнутся все ниже к земле, их голоса звучат все тише... тише... тише...

В кабину ворвался другой голос, но Вэнневар Морган уже не различал его. Издавая короткие пронзительные свистки, «охранительница» взывала к подступающему рассвету:

ТРЕВОГА! ПРОСЬБА КО ВСЕМ,
КТО СЛЫШИТ МЕНЯ, НЕМЕДЛЕННО
ПОДОЙТИ СЮДА!
ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ В ОПАСНОСТИ!
ТРЕВОГА! ПРОСЬБА КО ВСЕМ,
КТО СЛЫШИТ МЕНЯ...

Она продолжала звать на помощь и тогда, когда взошло солнце и первые его лучи коснулись вершины, бывшей некогда священной. Тень Шри Канды стремительно упала на облака внизу: что бы ни делали люди на горе, тень оставалась неизменной. Правда, на вершине уже не было паломников, которые наблюдали бы с благоговением, как символ вечности ложится на утреннюю землю. Зато в грядущие столетия этот символ увидят миллионы тех, кто будет с комфортом и в безопасности подниматься к звездам.

58

ЭПИЛОГ: ТРИУМФ КАЛИДАСЫ

В последние дни короткого лета, пока челюсти океанского льда еще не сомкнулись вокруг экватора, один из полномочных послов «Звездного острова» прибыл на Скалу демонов.

Мастер перевоплощения, он совсем недавно придал себе форму землянина. Сходство было бы совершенным, если бы не одна-единственная оплошность. Посла в его автокоптере постоянно сопровождали десять-двенадцать детей землян, и эта промашка посла действовала на них возбуждающе, а те, кто помладше, часто прыскали от смеха.

— Над чем вы смеетесь? — спрашивал «островитянин» на безукоризненно правильном наречии Солнечной системы.— Надеюсь, это не тайна?..

Но как объяснить существу, которое природа наделила только инфракрасным зрением, что цвет человеческой кожи — вовсе не зелено-, красно- и синяя мозаика? Даже когда посол пригрозил малышам обратиться в тираннозавра и съесть их всех до единого, они не сдались и не уступили его любопытству. Напротив, они тут же смекнули — посрамив того, кто промерил дороги длиной в сотни световых лет и накапливал знания в течение трех тысячелетий,— что массы всего-то в сто килограммов вряд ли достанет для изготовления приличного динозавра...

«Островитянин» не обиделся: он был терпелив, а дети Земли — бесконечно забавны как биологические и психологические объекты. Впрочем, забавны дети всех разумных — всех, у кого вообще бывают дети. Изучив девять таких видов на девяти планетах, «островитянин» почти постиг, что значит рас-

ти, взрослеть, а позже умирать,— почти постиг и все-таки не переставал удивляться.

Перед глазами землян и неземлянина простиралась пустыня — некогда плодородные поля и роскошные леса погибли под порывами ледяных ветров с севера и с юга. Изящные кокосовые пальмы давным-давно исчезли, а от пришедших им на смену темных сосен остались одни стволы — корни сковала вечная мерзлота. На поверхности Земли ныне не было никакой жизни, только в безднах океанов, где внутреннего тепла планеты еще хватало для заслона льдам, копошились, плавали и пожирали друг друга слепые, вечно голодные твари.

Однако послу, прибывшему из системы слабенького красного карлика, Солнце, пылающее в безоблачном небе, представлялось невыносимо ярким. Тысячу лет назад солнечную кору поразила тяжкая болезнь, и она не давала больше тепла, но ослепительные негреющие лучи высвечивали каждую складку выжженной холодами земли, играли огненными бликами на стенах подступающих к острову ледников.

Ну а детям, которые день за днем открывали в себе новые силы, дарованные разумом, нулевые температуры казались праздником. Детям очень нравилось танцевать нагими в снежных вихрях, поднимая босыми ногами тучи сухих сверкающих кристаллов; в таких случаях наставники предупреждали их: «Не забывайте о симптомах обморожения!..» Ибо дети были еще слишком малы для того, чтобы без посторонней помощи выращивать себе новые части тела взамен утраченных.

Старший из мальчиков решил покрасоваться и объявил холоду демонстративную войну, уверяя, что создан из огнерода. (Посол отложил незнакомый термин в памяти, чтобы позже выяснить точное его значение; кстати, расследование поставило инопланетянина в тупик.) Говоря по правде, смотреть было особенно не на что: размытый столб пламени и дыма плясал взад и вперед по древней кирпичной стене, и ребята отнеслись к столь примитивному зрелищу подчеркнуто пренебрежительно.

Однако «островитянина» это заставило в который раз задуматься над любопытным парадоксом. Почему все-таки люди, располагая достаточным могуществом для того, чтобы попросту не допустить морозы к себе домой (ведь их двоюродные братья на Марсе именно так и поступили), предпочли отступить и переселиться на более близкие к Солнцу планеты? На этот вопрос гость никак не мог найти удовлетворительного ответа. «Аристотель» — мыслящая структура, общаться с которой ему было проще всего, вместо четкого ответа провозгласил загадочно:

— Всему свое время. Эпоха борьбы с природой миновала, пришла пора подчиниться ей. Высшая мудрость в том, чтобы не ошибиться в выборе. Когда долгая зима отступит, человек возвратится на Землю, возрожденную и обновленную.

И в течение нескольких последних веков все земное население устремилось к экваториальным Башням и через них — к Солнцу, к юным океанам Венеры и плодородным долинам умеренной зоны Меркурия. Через пять столетий, когда Солнце оправится от недуга, эмигранты смогут вернуться. Меркурий, разумеется, будет заброшен, за исключением его приполярных областей, зато Венера, по-видимому, навсегда останется для человечества родным домом. Охлаждение Солнца дало стимул да и повод приручить наконец своенравную планету.

Однако при всей их важности эти проблемы представляли для посла лишь косвенный интерес: по-настоящему увлеченно он изучал более тонкие аспекты культуры и общественной организации землян. Каждый вид разумных уникален, полон неожиданностей, обладает единственными в своем роде особенностями психической структуры. В данном случае «островитяне» впервые в своей практике столкнулись с поразительным явлением негативной информации — местная терминология подразделяла ее на юмор, фантазию и миф.

Пытаясь разобраться в странных особенностях земного мышления, «островитяне» подчас в отчаянии говорили себе:

«Нет, мы никогда не поймем человека!» Поначалу посол приходил порой в такое уныние, что опасался, как бы не опуститься до непроизвольного перевоплощения — со всеми вытекающими отсюда опасными последствиями. Но теперь он несомненно кое-чего добился: еще не забылось чувство величайшего удовлетворения, когда ему впервые удалось пошутить — и дети весело расхохотались.

Работать с детьми — это была гениальная мысль, и посол был обязан ей «Аристотелю». «Старинное изречение гласит,— поучал всемирный мозг,— что дитя — отец мужчины. Хотя биологический смысл понятия "отец" равно чужд нам обоим, в данном контексте слово имеет двойное значение...» Инопланетянин послушался совета, надеясь, что дети помогут ему постичь поступки взрослых, в которых неизбежно со временем превратятся сами. Случалось, что дети говорили правду; случалось, что они шалили (еще одна непостижимая концепция) и выдавали негативную информацию, но посол малопомалу выявил для себя ее внешние признаки.

И все же бывали случаи, когда ни дети, ни взрослые, ни даже «Аристотель» не знали истины. Между чистой фантазией и твердыми историческими фактами простиралась обширнейшая переходная область со множеством зон и оттенков. Один конец спектра олицетворяли собой такие фигуры, как Ленин, Колумб, Леонардо, Эйнштейн, Ньютон, Вашингтон,— человечество бережно хранило их изображения и даже голоса. Полной противоположностью этим историческим личностям являлись Зевс, Алиса, Кинг-Конг, Гулливер, Зигфрид и Мерлин — в реальной жизни таких не было и быть не могло. Но куда прикажете отнести Робин Гуда, Тарзана, Иисуса Христа, Шерлока Холмса, Одиссея или Франкенштейна? Если отбросить кое-какие привнесенные преувеличения, они вполне могли оказаться живыми землянами, могли существовать...

Трон боевого слона стоял на том же месте, что и три тысячи лет назад, но за все три тысячелетия он не принимал еще

столь необычного гостя. Сидя на троне, «островитянин» смотрел на юг и сравнивал колонну полукилометровой толщины, которая вздымалась над недальней горной вершиной, с инженерными свершениями, виденными им в других мирах. Для столь молодой разумной расы достижение было действительно примечательным. Казалось, колонна вот-вот опрокинется, обрушится с неба — и тем не менее она высилась на этом месте уже пятнадцать веков.

Нет, конечно, возводилась она постепенно. Нижние сто километров башни ныне представляли собой вертикальный город, и иные его просторные уровни по-прежнему были населены. Сквозь все эти уровни проходили шестнадцать рельсовых путей — некогда они переносили на орбиту и обратно до миллиона пассажиров в день, сегодня из шестнадцати остались в действии только два. Пройдет еще несколько часов — и «островитянин» в сопровождении своего шумливого эскорта взмоет вверх по желобу, укрытому в недрах этой исполинской колонны, чтобы считаные часы спустя вернуться в Город-Кольцо, опоясывающий всю планету.

Посол выдвинул глаза, чтобы обрести телескопическое зрение, и неторопливо обвел взглядом зенит. Да, вот оно, кольцо: его нелегко увидеть днем, зато после заката оно горит в солнечных лучах до тех пор, пока не утонет в тени Земли. Тонкая лента, делящая небосвод пополам, сама представляла собой целый мир, где живут полмиллиарда землян, избравших невесомость своим повседневным уделом.

Где-то там, возле кольца, пришвартован корабль, который понесет посла и его сородичей дальше через межзвездные бездны. Корабль уже готовится к отправлению — без спешки, за несколько лет до старта, однако следующий отрезок пути займет шестьсот земных лет, и надо сделать все как следует. Для жителя «Звездного острова» шестьсот лет — это, разумеется, не срок, тем более что ни один здравомыслящий «островитянин» не станет воплощаться в какую бы то ни было форму до конца путешествия,— но что будет потом? Потом

посла ждет самое серьезное испытание во всей его карьере: впервые за тысячелетия полетов робот-разведчик вскоре после прибытия в новую солнечную систему был уничтожен — или по меньшей мере вынужден был прекратить передачи. Не исключено, что он наконец соприкоснулся с таинственными «существами зари», оставившими свои автографы на множестве миров и в своем происхождении необъяснимо близкими самому Началу Вселенной. Будь «островитянин» способен испытывать благоговейный трепет или страх, он, несомненно, предчувствуя свое недалекое будущее, познал бы и то и другое.

Но сегодня он сидел на заснеженной вершине Яккагалы, глядя на башню, что вывела человечество к звездам. Он подозвал к себе детей (удивительно, как безошибочно они угадывали те случаи, когда действительно нужно слушаться) и указал на гору, которая поднималась на юге.

— Всем вам известно,— гневно сказал он, и его гнев был притворным лишь отчасти,— что Космопорт номер один построен на две тысячи лет позже этого разрушенного дворца. Так почему же,— спросил «островитянин», не отрывая глаз от колонны, что, оттолкнувшись от вершины горы, уносилась в зенит,— почему же вы называете космопорт Башней Калидасы?..

ОТ АВТОРА

Автор исторических романов принимает на себя нешуточную ответственность, в особенности тогда, когда ведет читателя в стародавние времена и диковинные страны. Он не должен искажать факты и события, если они известны, а если они вымышлены, к чему нередко вынуждает его логика повествования, то его обязанность — провести разделительную черту между правдой и вымыслом.

Автор, избравший жанр научной фантастики, несет ответственность такого же рода, но возведенную в квадрат. Надеюсь, что пояснения, которые я сделаю ниже, не только помогут мне исполнить свой писательский долг, но и развлекут читателя и пойдут ему на пользу.

ТАПРОБАН И ШРИ-ЛАНКА

В интересах сюжета я позволил себе внести в географию острова Цейлон (ныне Шри-Ланка) три небольших изменения. Я передвинул остров на восемьсот километров южнее, с тем чтобы он оказался на экваторе — как то и было двадцать миллионов лет назад и, не исключено, когда-нибудь будет опять. В настоящее время Шри-Ланка лежит между шестым и десятым градусом северной широты.

В придачу к этому я дерзнул удвоить высоту священной горы и приблизить ее к Яккагале. Ибо и гора и скала существуют в действительности и очень похожи на те, что выведены в моем романе.

Шри Пада, или Пик Адама,— единственная в своем роде коническая вершина; ее почитают священной как буддисты, так и мусульмане, индуисты и христиане, и на ней действи-

тельно стоит маленький монастырь. Внутри монастырской ограды в самом деле есть каменная плита с углублением, которое, хоть оно и достигает двухметровой длины, выдают за отпечаток ступни Будды.

Каждый год, вот уже в течение многих столетий, тысячи паломников предпринимают долгий подъем к вершине (2240 метров над уровнем моря). Некогда восхождение было трудным и опасным — теперь к вершине ведут две лестницы, несомненно самые длинные в мире. Однажды я и сам вскарабкался на Шри Паду, поддавшись уговорам Джереми Бернстайна из журнала «Ньюйоркер», и потом лишился ног на несколько дней. Но впечатления стоили затраченных усилий: нам повезло, и мы наблюдали прекрасное, внушающее благоговейный трепет зрелище — тень на рассвете, совершенный в своей симметричности конус, накрывший облака под нами почти до горизонта и видимый лишь в первые минуты после восхода.

Позже я осматривал гору снова, с гораздо меньшей затратой сил, с борта вертолета воздушных сил Республики Шри-Ланка; мы подлетали к монастырю настолько близко, что различимы были безучастные лица монахов, успевших смириться и с такими шумными вторжениями в их обитель.

Крепость на скале Яккагала в действительности называется Сигирия (или Сигири, Львиная скала) — она так удивительна сама по себе, что мне не было нужды ее приукрашивать. Единственная вольность, какую я допустил, носит хронологический характер: дворец на скале, по свидетельству сингалезской хроники «Чулавамса», был построен королем-отцеубийцей Касапой I, царствовавшим в 478–495 годах нашей эры. Впрочем, сомнительно, что эти циклопические постройки были возведены всего за восемнадцать лет тираном, ожидавшим гибели в любой момент; много вероятнее, что реальная история Сигири берет свое начало на несколько веков ранее этих дат.

Специалисты яростно спорили о побуждениях, поступках и судьбе Касапы — не так давно этим спорам дала новую

пищу книга сингалезского ученого профессора Сенерата Паранавитаны «История Сигири» (S. Paranavitana. The Story of Sigiri. Colombo, Lake House, 1972), опубликованная после смерти автора. Я также многим обязан его монументальному исследованию надписей на Зеркальной стене «Автографы Сигири» (S. Paranavitana. Sigiri Graffiti. Oxford University Press, 1956). Некоторые из стихов, цитируемых в романе, приведены мною дословно, некоторые лишь слегка видоизменены.

Фрески, составляющие славу и гордость Сигирии, превосходно воспроизведены в изданном Нью-Йоркским обществом изобразительных искусств совместно с ЮНЕСКО альбоме «Цейлон: рисунки в храмах, молельнях и на скалах» (1957). В альбоме приводится и наиболее интересная из всех фресок, увы, уничтоженная в 60-х годах неведомыми вандалами. На ней отчетливо видно, как служанка прислушивается к загадочной коробочке с откинутой крышкой, которую держит в правой руке; археологи оказались не в состоянии установить, что это за коробочка, но к моему предположению, что это древнесингалезский транзистор, отнеслись несерьезно.

Легенда о Сигирии была даже экранизирована режиссером де Грюнвальдом в фильме «Король-бог»; в роли Касапы весьма впечатляюще выступил актер Ли Лоусон.

КОСМИЧЕСКИЙ ЛИФТ

Западный читатель впервые узнал об этой дерзкой идее из статьи «Постановка спутника Земли на мертвый якорь», написанной четырьмя учеными-океанографами: Джоном Д. Айзексом, Хью Брэднером, Джорджем Э. Бэкесом и Эллином С. Вайном — и опубликованной в журнале «Сайенс» в номере от 11 февраля 1966 года. Может показаться странным, что с подобной идеей выступили именно океанографы, но надо учесть, что они едва ли не единственные, кого (со времен аэростатов заграждения) волнует проблема сверхдлин-

ных кабелей, провисающих под собственной тяжестью. (Между прочим, именно имя доктора Эллина Вайна ныне увековечено в названии судна для подводных исследований — «Элвин».)

Позднее было установлено, что аналогичная идея выдвинута на шесть лет раньше — и со значительно большим размахом — ленинградским инженером Ю. Н. Арцутановым («Комсомольская правда» от 31 июля 1960 г.). Арцутанов описал (если использовать придуманный им очаровательный термин) «небесный фуникулер», поднимающий на синхронную орбиту не менее 12 тысяч тонн в сутки. Остается удивляться, что столь смелый проект привлек в то время так мало внимания: я не встречал упоминаний о нем нигде, кроме замечательного альбома рисунков Алексея Леонова и художника Соколова «Ждите нас, звезды» (Москва, 1967). Цветная репродукция (стр. 25) показывает «космический лифт» в действии, а подпись гласит: «...спутник как бы неподвижно будет висеть над головой, всегда в одной точке неба. Если со спутника опустить трос до поверхности Земли, то канатная дорога между Землей и небом готова. Можно построить грузопассажирский лифт Земля — спутник — Земля. Он будет двигаться без помощи ракетных двигателей».

Хотя генерал Леонов подарил мне экземпляр альбома, когда мы познакомились на венской конференции по мирному использованию космоса в 1968 году, я в то время попросту прошел мимо этой идеи, невзирая на тот поразительный факт, что космический лифт был нарисован над островом Шри-Ланка! Возможно, я решил, что космонавт Леонов, известный шутник*, устроил мне небольшой розыгрыш...

Совершенно ясно одно: идея космического лифта назрела, и это доказывается хотя бы тем, что за десять лет после

* И отменный дипломат. После показа в Вене фильма «2001: космическая одиссея» он заметил (более лестного отзыва я не слышал никогда): «Мне кажется, будто я побывал в космосе дважды». Теперь, после совместного полета «Союз» — «Аполлон», он, смею надеяться, сказал бы «трижды». *(Прим. автора.)*

опубликования статьи Айзекса и его соавторов та же мысль была высказана совершенно независимо еще три раза. Подробнейшим образом, со множеством новых деталей, ее изложил Джером Пирсон в статье «Орбитальная башня: устройство для космических запусков, использующее энергию вращения Земли», напечатанной в журнале «Акта Астронавтика» за сентябрь-октябрь 1975 года. Доктор Пирсон был немало удивлен, когда узнал о том, что у него есть предшественники; компьютер, которому был поручен подбор литературы, прозевал их работы, и Пирсон обнаружил это, лишь познакомившись с моим выступлением перед комиссией по использованию космоса палаты представителей Конгресса США (см. мою книгу «The View from Serendip» — «Вид с Серендипа»).

За шесть лет до Пирсона к тем же в принципе выводам пришли А. Р. Коллар и Дж. У. Флауэр в статье «Спутник с 24-часовым периодом обращения на (относительно) низкой орбите» («Журнал Британского межпланетного общества», т. 22, 1969, стр. 442–457). Авторы рассматривали вопрос, можно ли удержать синхронный спутник связи на высоте, гораздо меньшей, чем «законные» 36 тысяч километров, и не задумывались над тем, чтобы продлить трос до самой поверхности Земли,— но такая возможность прямо вытекает из логики их рассуждений.

А теперь разрешите скромно напомнить и о себе. Еще в 1963 году в очерке «Мир спутников связи», написанном по заказу ЮНЕСКО и помещенном в журнале «Астронавтика» в феврале следующего года, а недавно включенном мною в книгу «Голоса с неба», я писал: «Если же задуматься о более дальней перспективе, то надо упомянуть, что теоретически есть способы удержать спутник с 24-часовым периодом обращения и на меньшей высоте; но все эти способы основаны на технических решениях, вряд ли осуществимых в XX в. Предоставляю тем, кто заинтересуется проблемой, поразмыслить над ней самостоятельно».

Первым из таких «теоретических способов» был, конечно же, спутник на тросе, какой и предложили впоследствии

Коллар и Флауэр. Но проведенные мной на случайном клочке бумаги черновые расчеты, основанные на прочности существующих материалов, внушили мне столь скептическое отношение к идее в целом, что я не удосужился тогда рассмотреть ее внимательнее. Окажись я менее консервативным — или подвернись мне бумажка размером побольше,— я мог бы обогнать всех, за исключением самого Арцутанова...

Поскольку «Фонтаны рая», как я надеюсь,— роман, а не инженерный трактат, отсылаю всех желающих вникнуть в техническую сторону вопроса к специальной литературе, список которой удлиняется с каждым годом. Укажу, к примеру, на доклад Джерома Пирсона «Использование орбитальной башни для регулярного запуска в космос полезных грузов», сделанный на заседании 27-го конгресса Международной федерации астронавтики в октябре 1976 года, и интереснейшее сообщение Ганса Моравека «Якорь для несинхронных орбит», прочитанное на ежегодной конференции Американского общества астронавтики в Сан-Франциско 18–20 октября 1977 года.

Я глубоко благодарен моим друзьям — покойному А. В. Кливеру, профессору из Мюнхена Гарри О. Руппе и доктору Алану Бонду — за их ценные замечания относительно орбитальной башни. Если я не во всем согласился с ними, они ответственности за это не несут.

Уолтер Л. Морган (в родстве с Вэнневаром Морганом он, по моим сведениям, не состоит) и Гэри Гордон из лаборатории спутников связи, а также Л. Перек из отдела космических исследований ООН предоставили мне полезную информацию о стабильных районах синхронной орбиты; они указали, в частности, что естественные причины (прежде всего, притяжение Солнца и Луны) вызовут неизбежное смещение спутника с заданной позиции, особенно в широтном направлении. Таким образом, Тапробан может в действительности не располагать теми преимуществами, какие я ему приписал; и все равно для орбитальной башни он подойдет лучше, нежели любая другая точка планеты.

Предпочтительность высокогорья для размещения опорной площадки также остается под сомнением, и я признателен Сэму Брэнду из лаборатории изучения окружающей среды на военно-морской базе в Монтерее за сведения об экваториальных ветрах. Если окажется, что башню можно без особого риска опустить до уровня моря, тогда остров Ган в Мальдивском архипелаге (ранее там была расположена база британских военно-воздушных сил), быть может, станет самым ценным земельным участком XXII столетия.

И последнее: не странное ли — чтобы не сказать жуткое — совпадение, что еще задолго до того, как я хотя бы задумал этот роман, меня помимо воли притянуло (именно притянуло) к месту его действия. Выяснилось, что дом, который я десять лет назад приобрел на полюбившемся мне участке ланкийского побережья (см. «Сокровище Большого рифа» и «Вид с Серендипа»), расположен, если не считать мелких океанских островков, предельно близко к району наибольшей геосинхронной устойчивости.

И в грядущие годы, отойдя от дел, я смогу следить за обломками ранней космической эры, блуждающими в орбитальном Саргассовом море прямо над моей головой.

Коломбо. 1969–1978 гг.

А вот еще одно необычайное совпадение из тех, какие я привык принимать как подарки судьбы...

Я правил гранки «Фонтанов рая», когда получил от доктора Джерома Пирсона копию технического меморандума НАСА № 75174 со статьей Г. Полякова «Космическое ожерелье Земли». Это перевод одноименной статьи из журнала «Техника — молодежи» № 4 за 1977 год.

В своей короткой, но захватывающе смелой статье доктор Поляков из Астраханского педагогического института описывает до мельчайших технических деталей предсмертное

видение Моргана — сплошное кольцо вокруг нашей планеты. При этом он рассматривает кольцо как естественное развитие идеи космического лифта, который в его представлении в сущности ничем не отличается от описанного мною на этих страницах.

От души приветствую товарища* Полякова, и меня начинает тревожить вопрос: а не проявил ли я снова излишний консерватизм? Быть может, орбитальной башне суждено стать свершением не двадцать второго, а двадцать первого века?

И быть может, нашим внукам суждено доказать, что — иногда — и исполинские замыслы прекрасны.

Коломбо. 18 сентября 1978 г.

* Слово «товарищ» в оригинале транскрибировано латинскими буквами.

ДА НЕ НАСТАНЕТ НОЧЬ

Посвящается Джонни

ПРОЛОГ

Ни разу за целое поколение не менялся голос города. Он не смолкал ни днем ни ночью, и так столетие за столетием. Для миллиардов людей он был первым и последним звуком, который они слышали в своей жизни. Голос был неотъемлем от города; когда он умолкнет, Диаспар умрет, и пески пустыни заметут его широкие улицы.

Даже здесь, на километровой высоте, внезапная тишина не осталась незамеченной, побудив Конвара выйти на балкон. Далеко внизу, между огромными зданиями, по-прежнему скользили движущиеся дороги, но теперь они заполнились молчаливыми толпами. По какой-то причине тысячи сонных жителей покинули свои дома и медленно двинулись среди утесов из разноцветного металла. От Конвара не укрылось, что все бесчисленные лица обращены к небу.

На мгновение в его душу проник страх — неужели спустя многие столетия на Землю опять явились Пришельцы? Потом он тоже воззрился на небо, зачарованный чудом, которое видел давным-давно и с тех пор не надеялся увидеть вновь. Прошло немало минут, прежде чем он вернулся в комнату за маленьким сыном.

Сперва Элвин перепугался. Вздымающиеся городские шпили, ползущие внизу, в километре, точки — все это принадлежало к его миру, но подобного тому, что висело сейчас в небе, он не видел никогда. Превосходя размерами любое из зданий, оно было ослепительно белым, до рези в глазах. Хотя оно выглядело твердым, ветер непрестанно менял его очертания.

© Перевод К. Плешкова.

Элвин знал: очень давно небо полнилось дивными силуэтами. Из космоса прилетали огромные корабли, неся к огням диаспарского космопорта невиданные сокровища. Но это было полмиллиарда лет назад; еще в доисторические времена порт погребли под собой движущиеся пески.

Когда Конвар наконец обратился к сыну, в голосе звучала грусть.

— Смотри хорошенько, Элвин,— сказал он.— Возможно, это последний; возможно, мир больше никогда ими не полюбуется. До сих пор я видел лишь один корабль, а ведь когда-то их было много в небе Земли.

Они молча глядели вверх, а вместе с ними тысячи людей с улиц и из башен Диаспара, пока не скрылось из виду последнее облако, медленно испарившись в горячем сухом воздухе бескрайней пустыни.

1

ВЗАПЕРТИ

Урок закончился. Усыпляющий шепот гипнона неожиданно превратился в высокий писк и оборвался, завершившись трижды повторенной нотой-командой. Затем устройство расплылось и исчезло, но Элвин продолжал смотреть в пустоту, пока его разум возвращался к реальности сквозь многие столетия.

Джезерак заговорил первым; в голосе звучали беспокойство и легкая неуверенность.

— Это самые старые записи в мире, Элвин,— единственные, в которых показана Земля, какой она была до появления Пришельцев. И очень немногие люди просматривали их.

Мальчик медленно повернулся к наставнику. Чем-то его взгляд встревожил старика, и Джезерак пожалел о своем поступке. Он заговорил быстрее, будто пытаясь успокоить собственную совесть.

— Ты знаешь, что мы никогда не заводим речь о древних временах, и записи я показал лишь потому, что ты так настойчиво этого требовал. Пусть не приводят тебя в уныние картины былого; пока мы счастливы, разве важно, какую часть мира мы населяем? У людей, увиденных тобою, было гораздо больше жизненного пространства, но они не радовались жизни так, как мы.

«В самом ли деле?» — усомнился Элвин.

Из Диаспара — одинокого острова среди пустыни — его мысли перенеслись в мир, которым когда-то была Земля. Мальчик вновь увидел гигантские просторы воды и суши, увидел голубые волны, набегавшие на золотистые берега. В ушах все еще звенел шум прибоя, смолкший на планете миллиард лет назад. Он вспоминал леса, степи и удивительных зверей, когда-то деливших Землю с человеком.

Ничего этого больше нет. От океанов остались серые пустыни, словно саваном окутавшие планету. Соль и песок, от полюса до полюса, и лишь огни Диаспара горят среди безжизненных дебрей, которым предстоит однажды его поглотить.

И это самое меньшее из всего, что потеряло человечество, ибо над опустевшей Землей все так же сияют забытые звезды.

— Джезерак,— заговорил наконец Элвин,— однажды я поднялся на башню Лоранна, где давно никто не живет, и смог взглянуть сверху на пустыню. Было темно, и я не видел земли, но в небе было полно разноцветных огоньков. Я долго следил, но они не двигались с места. В конце концов я ушел. Скажи, ведь это звезды?

Джезерак встревожился. Элвин проник в башню Лоранна? Следует выяснить подробности... Увлечения мальчика становятся опасными.

— Это звезды,— коротко ответил он.— И что?

— Мы когда-то летали к ним, да?

Последовала долгая пауза.

— Да.

— А почему перестали? И кто такие Пришельцы?

Джезерак встал. Ответ был подобен эху слов всех учителей мира.

— Элвин, достаточно на сегодня. Вот подрастешь, я расскажу тебе больше. Но не сейчас. Ты и без того знаешь слишком много.

Элвин так и не повторил свой вопрос. Позже в том отпала необходимость, поскольку ответ стал ясен. К тому же в Диаспаре было столько интересного, занимавшего его мысли, что мальчик на многие месяцы забыл о своем странном желании, которое, очевидно, испытывал он один.

Диаспар был замкнутым миром. Здесь люди собрали все свои сокровища, все, что удалось вынести из руин прошлого. Каждый из когда-либо существовавших городов отдал что-то Диаспару. Еще до появления Пришельцев его имя гремело на планетах, которых затем лишилось человечество.

В строительство Диаспара были вложены все искусство и мастерство золотого века. Когда великие дни приблизились к своему концу, гениальные творцы полностью изменили город и снабдили машинами, сделавшими его бессмертным. Многое может уйти в забвение, но Диаспар должен жить, в целости и сохранности неся потомков человечества по реке времени.

Вероятно, диаспарцы были довольны жизнью и по-своему счастливы, как и любой другой народ из когда-либо существовавших на лике планеты. Они проводили свой долгий век среди красоты поистине непревзойденной, ибо тяжкий труд миллионов столетий был отдан во славу Диаспара.

Таков был мир Элвина, мир, век за веком погружавшийся в упадок. Мальчик этого пока что не осознавал, ведь в настоящем было так много чудесного, позволявшего с легкостью забыть о прошлом. Столько еще нужно сделать, столь многому научиться, прежде чем минуют долгие годы его юности.

Сперва Элвин увлекся музыкой и какое-то время экспериментировал с различными инструментами. Но это древнейшее из искусств успело до того усложниться, что на овладение всеми его секретами требовалась тысяча лет, и в конце концов он отказался от этой затеи. Элвин мог наслаждаться чудесными мелодиями, но не творить их.

Потом был мыслепреобразователь. Вот это вещь! На его экране мальчик создавал бесчисленные картины из фигур и красок, как правило — случайно или нет — подражая кисти древних мастеров. Все чаще и чаще он замечал, что рисует пейзажи далекой Эпохи Рассвета, и порой его мысли с тоской обращались к видеоматериалам, которые показал Джезерак. И тлел огонек беспокойства, хотя пока что лишь в глубинах подсознания.

Но проходили месяцы и годы, и беспокойство росло. Когда-то Элвина вполне устраивали развлечения, которые можно было найти в Диаспаре, но теперь он понимал: этого недостаточно. Горизонты сознания расширялись, делая невыносимой мысль о том, что вся его жизнь должна пройти в стенах города. Однако он прекрасно понимал: альтернативы нет, ибо весь остальной мир покрыт пустыней.

Пустыню он видел лишь несколько раз и не знал больше никого, кто хоть однажды посмел на нее взглянуть. Страх, который испытывал его народ перед внешним миром, был мальчику непонятен; ему самому этот мир внушал лишь предвкушение некой тайны. Когда Элвин уставал от Диаспара, пустыня звала его — так же, как сейчас.

Разноцветные сверкающие дороги уносили во все стороны спешивших по своим делам жителей. Они улыбались Элвину, пока тот добирался до центрального высокоскоростного узла. Иногда его приветствовали по имени; раньше мальчику льстило, что его знает весь Диаспар, но теперь это нисколько не радовало.

За считаные минуты экспресс-канал вынес его из многолюдного центра, и, когда дорожка плавно остановилась, он очутился напротив платформы из пестрого мрамора; вокруг не было видно почти никого. С младенческих лет привыкнув к движущимся дорогам, Элвин уже не мог себе представить никакого другого вида наземного транспорта. Инженер древнего мира сошел бы с ума, пытаясь понять, как твердая дорога может быть неподвижна по краям, в то время как ее середина движется со скоростью сто пятьдесят километров в

час. Когда-нибудь эта загадка могла бы заинтересовать и Элвина, но пока он так же некритично воспринимал все окружающее, как и остальные жители Диаспара.

Эта часть города была почти безлюдна. Хотя его население не менялось тысячелетиями, для семей были в порядке вещей частые переселения из дома в дом, из квартала в квартал. Рано или поздно здесь снова должна появиться жизнь — но вот уже сто тысяч лет циклопические башни пустуют.

Мраморная платформа заканчивалась у пронизанной ярко освещенными туннелями стены. Элвин, не колеблясь, выбрал один из них и шагнул. Его сразу же подхватило перистальтическое поле и понесло вперед. Путешествуя, он безмятежно лежал и поглядывал по сторонам.

Трудно было представить, что он находится в туннеле глубоко под землей. Здесь вступало в свои права искусство, чьим холстом служил весь Диаспар, и Элвину казалось, будто он видит над собой открытое всем ветрам небо. Вокруг сверкали в лучах солнца шпили. Это был не тот город, который он знал, а Диаспар намного более древний. Большинство зданий были ему знакомы, но хватало и едва заметных отличий, и это еще сильнее возбуждало интерес к ландшафту. Возник соблазн ненадолго задержаться, но мальчик не ведал способа прекратить или хотя бы замедлить свое движение по туннелю.

Вскоре он мягко опустился на пол большого овального помещения, полностью окруженного окнами, что ласкали взор картинами садов, усыпанных сверкающими цветами. В Диаспаре сохранились и настоящие парки, но эти своим существованием были обязаны не садовнику, а художнику-декоратору и специальной аппаратуре. В нынешнем мире такие краски просто не могут быть живыми.

Элвин шагнул в окно — и иллюзия разлетелась вдребезги. Он находился в коридоре, круто уходившем вверх, круглом в поперечном разрезе. Пол под ногами медленно пополз вперед, словно направляя его к цели. Мальчик прошел несколько шагов и остановился — скорость движения пола возросла достаточно, тратить силы не имело смысла.

Коридор продолжал вести вверх и метров через сто начал подниматься под прямым углом. Но об этом Элвину говорила лишь логика; судя же по ощущениям, он быстро двигался по вполне горизонтальному туннелю. Тот факт, что на самом деле он поднимается по вертикальной шахте длиной несколько километров, не вызывал чувства опасности, поскольку невозможно было представить, что поляризующее поле способно вдруг отказать.

Потом коридор клонился вниз, пока опять не повернул под прямым углом. Движение пола неощутимо замедлилось, и вот Элвин остановился в конце длинного зала с зеркалами по стенам. Он понял, что находится почти на самом верху башни Лоранна.

Какое-то время он стоял как зачарованный посреди зеркального зала. Да и как тут не восхищаться, если больше нигде во всем Диаспаре не найдешь подобного зрелища. По некой прихоти художника лишь несколько зеркал давали подлинные отражения; при этом, как было известно мальчику, правдивые зеркала то и дело менялись местами с обманчивыми. Последние тоже что-нибудь да отражали, но до чего же дивно видеть себя в непрестанно меняющейся и совершенно нереальной обстановке. Элвин не знал, как быть, если вдруг кто-то двинется ему навстречу в этом мире отражений; но ничего похожего, к счастью, не случилось.

Пять минут спустя он оказался в маленькой пустой комнате, постоянно продуваемой теплым ветром. Это был элемент вентиляционной системы башни; из комнаты воздух уходил наружу через широкие отверстия в стене. Они позволяли увидеть пустыню, лежавшую за пределами Диаспара.

Мальчик и мысли не допускал, что Диаспар строился с расчетом наглухо отгородить его жителей от всего внешнего. Но как тут не задаться вопросом, почему невозможно увидеть пустыню из любой другой точки? Внешние башни Диаспара обступили город плотным кольцом, повернувшись спи-

нами к враждебной округе, и Элвину частенько думалось о странном нежелании горожан говорить или даже размышлять о том, что лежит за пределами их крошечной вселенной.

Вдалеке солнечный свет прощался с пустыней. Почти горизонтальные лучи рисовали цветные пятна на восточной стене комнатки, а позади Элвина образовалась его широкая и высокая тень. Прикрыв ладонью глаза от яркого света, он посмотрел вниз, на землю, по которой в течение многих тысячелетий не ступала нога человека.

Он почти ничего не увидел. Лишь длинные тени барханов и низкую, неровную гряду гор против заходящего солнца. Неужели и правда из миллионов диаспарцев лишь он один созерцал подобные картины?

Сумерек не было; с заходом солнца на пустыню стремительным вихрем обрушилась ночь, а небо усеяли звезды. Высоко на юге сияло загадочное созвездие, уже не раз волновавшее разум Элвина,— идеальное кольцо из шести разноцветных звезд, с единственным белым гигантом в центре. Мало столь же ярких сыщется на небосклоне, ведь огромные солнца, в далекую пору не жалевшие пламени, успели состариться и теперь угасали.

Элвин долго сидел на корточках перед отверстием и разглядывал звезды на западе. Высоко над городом, в мерцающей тьме его разум, казалось, работал со сверхъестественной ясностью. В знаниях мальчика имелись громадные пробелы, но судьба Диаспара постепенно открывалась перед ним.

Человечество изменилось, сам же он остался прежним. Он отгорожен от всех своим любопытством, неуемным желанием узнать как можно больше. Но ведь когда-то эти качества были свойственны всем землянам. Давным-давно, миллионы лет назад, вероятно, что-то произошло, отчего люди стали совершенно другими. Где же искать ответ? Может быть, в обрывочных упоминаниях о таинственных Пришельцах?

Но пора возвращаться. Элвин встал, и тут родилась отчаянная мысль. Вентиляционное отверстие тянется почти горизонтально, длиной оно метра три. Мальчик считал, что

дальше ничего нет, только отвесная стена башни, но это было лишь предположением. Отчего не проверить? Строители запросто могли оставить под дырой какой-нибудь выступ, хотя бы из соображений безопасности. Нынче уже поздно для разведки, но он сможет прийти завтра... Жаль, что приходится лгать Джезераку, но, поскольку старик весьма неодобрительно относится к его странностям, скрывать правду кажется вполне разумным.

Элвин даже себе не смог бы ответить, что именно надеется обнаружить. Он прекрасно понимал: если и удастся каким-то образом покинуть Диаспар, вскоре ему придется вернуться. Но мальчишеская страсть к приключениям неумолимо брала верх.

Пробраться по туннелю оказалось совсем несложно, хотя вряд ли он мог бы с такой же легкостью проделать это год назад. Мысль о полуторакилометровой круче нисколько не беспокоила Элвина — человечество успело полностью утратить страх высоты. Да и всего лишь в метре под отверстием, как оказалось, мальчика поджидал довольно широкий балкон.

И вот Элвин снаружи. В ушах стучала кровь. Впереди, более не ограниченная узким каменным прямоугольником, простиралась пустыня. Над головой уходила на десятки метров в небо стена.

Справа и слева, на север и юг, протянулась шеренга башен, словно опоры титанического моста. Элвин с интересом отметил, что не только из башни Лоранна выходят в сторону пустыни вентиляционные отверстия. Несколько минут он любовался великолепным ландшафтом, потом решил присмотреться к своему балкону.

Платформа шириной метров шесть не имела ограждения.

Элвин, бесстрашно заглянув за край, прикинул, что песок лежит по меньшей мере в полутора километрах.

Зато сбоку обнаружилось кое-что поинтереснее, а именно лестница. Похоже, она вела к другой платформе, метров на сто ниже. Ступени были вырублены прямо в камне, и Элвин

подумал, нельзя ли по ним добраться до самой земли. От лихой затеи даже закружилась голова — хотя в эту голову не приходила мысль о том, чего будет стоить такой спуск.

Однако лестница протянулась не более чем на тридцать метров, неожиданно уперевшись в большую каменную глыбу. Тупик. Кто-то добрый позаботился о том, чтобы исключить риск для таких, как Элвин.

Разочарованный мальчик подошел к препятствию. Какая досада — забраться в такую даль лишь для того, чтобы потерпеть неудачу! О том, что не смог бы подняться по лестнице обратно, даже если бы удалось добраться до земли, он не думал.

Подступив к камню, Элвин увидел выбитые на нем слова. Буквы хоть и старинные, но распознать несложно. Три раза перечитав немудреный текст, он сел на массивную плиту и устремил взгляд вниз, к недостижимой земле.

ЕСТЬ И ДРУГОЙ ПУТЬ
ПРИВЕТ ОТ МЕНЯ ХРАНИТЕЛЮ ЗАПИСЕЙ
АЛЕН ЛИНДАР

2
ПОИСК НАЧИНАЕТСЯ

Завидев посетителя, Рорден, хранитель записей, скрыл удивление не без труда. Он сразу же узнал мальчика, и не успел тот войти, как его имя уже было набрано на клавиатуре информационной машины. Три секунды спустя на ладони Рордена лежала карточка с личными данными Элвина.

Джезерак не счел нужным объяснить, в чем состоят обязанности хранителя записей, и Элвин надеялся обнаружить его посреди бесчисленных шкафов, битком набитых папками. Опять же без всяких на то причин он рассчитывал увидеть такого же старика, как и Джезерак. И вот перед ним человек средних лет, в окружении десятка больших машин и заваленного какими-то бумагами стола.

Рорден рассеянно приветствовал Элвина, тайком изучая его карточку.

— Ален Линдар? — переспросил он.— Нет, я никогда о нем не слышал. Но скоро мы узнаем, кем он был.

Элвин с интересом наблюдал, как Рорден нажимает клавиши на аппарате. Почти тотчас замерцало синтезирующее поле и возник листок бумаги.

— Похоже, Ален — один из моих предшественников. Я думал, что знаю всех хранителей за последние сто миллионов лет, но он, вероятно, жил еще раньше, так давно, что в записях осталось лишь его имя, без каких-либо подробностей. А ты-то как о нем узнал?

— Прочел имя на башне Лоранна,— поколебавшись, ответил Элвин.

Хранитель нажал еще несколько клавиш, но на этот раз поле не проявилось и бумага не материализовалась.

— Что ты делаешь? — спросил Элвин.— Где все твои записи?

Рорден рассмеялся.

— Сколько раз я слышал этот вопрос. Видишь ли, мальчик, хранить всю необходимую информацию в письменном виде невозможно. Поэтому она существует в форме электрических импульсов и автоматически стирается спустя определенное время, если только нет особых причин ее беречь. Коли и вправду Ален оставил сообщение для потомства, мы его скоро найдем.

— Как?

— Не сыщется во всем мире человека, способного ответить на твой вопрос. Вот эта машина называется «ассоциатор». Если ввести в него набор фактов, он обыщет базу всех знаний человечества и найдет любую информацию, мало-мальски с этими фактами связанную.

— Но ведь на это нужно очень много времени?

— Да, случалось мне ждать ответа и двадцать лет. Так что можешь присесть,— добавил Рорден, и вокруг глаз появи-

лись веселые морщинки, нисколько не соответствовавшие серьезности голоса.

Хранитель записей не походил ни на кого из знакомых Элвину диаспарцев, и мальчик решил, что этот человек ему нравится. Хорошо, когда можно забыть, что ты юн; приятно, когда к тебе относятся как ко взрослому.

Снова замерцало синтезирующее поле, и Рорден поднес бумагу к глазам. Текст, видимо, был длинным, поскольку на чтение ушло несколько минут. Наконец хранитель записей сел на диван, и его проницательный взгляд впервые привел Элвина в замешательство.

— Что там написано?! — выпалил посетитель, не в силах сдерживать любопытство.

Рорден не ответил.

— Почему ты хочешь покинуть Диаспар? — спокойно поинтересовался он.

Если бы этот вопрос задал Джезерак или отец, Элвину пришлось бы барахтаться в болоте полуправды или даже бессовестной лжи. Почему же сейчас он скажет правду человеку, с которым знаком считаные минуты? Не потому ли, что не видит между ним и собой барьеров вроде тех, что всегда отделяли его от самых близких людей?

— Едва ли смогу объяснить,— поколебавшись, проговорил он.— Конечно, я знаю, что за стенами Диаспара ничего нет, но все равно хочется там побывать.

Он смущенно посмотрел на Рордена, словно ожидая поддержки, но взгляд хранителя был устремлен куда-то далеко. Когда он наконец снова повернулся к Элвину, мальчик не смог понять выражение его лица. Уловил только легкую печаль и смутное беспокойство.

Никто не должен был знать, что Рорден переживает величайший кризис в своей жизни. Тысячелетиями он работал переводчиком при машинах, и его обязанности не требовали особой инициативы или предприимчивости. Вдали от городской суеты, в стороне от коллег Рорден прожил безмятежную и счастливую жизнь. А теперь пришел этот мальчик, что-

бы разбудить призраков, проспавших миллионы лет, и лишить его драгоценного душевного спокойствия.

Чтобы ликвидировать угрозу, хватило бы нескольких слов, но взгляд, в котором сквозили грусть и тревожное ожидание, подсказывал Рордену, что мальчик не станет искать легких путей. Даже не будь послания от Алена, совесть не позволила бы хранителю записей ответить отказом.

— Элвин,— начал Рорден,— я знаю, что тебе многое непонятно. И прежде всего, почему мы живем здесь, в Диаспаре, хотя когда-то нам целой планеты было мало.

Элвин кивнул, похолодев: как же Рордену удалось столь точно прочесть его мысли?

— Что ж, вряд ли я смогу дать исчерпывающий ответ. Но не расстраивайся, я еще не закончил. Все началось, когда человечество сражалось с Пришельцами — кем бы или чем бы они ни были. До этого оно успело расширить свое жизненное пространство до самых звезд, но было вынуждено отступить обратно на Землю. Таков результат войн, о которых нам практически ничего не известно. Возможно, поражение изменило натуру человечества, и оно вполне удовлетворилось перспективой провести остаток своих дней на Земле. А может быть, Пришельцы пообещали оставить людей в покое, если мы больше не покинем свою планету. Как оно было на самом деле, сейчас можно лишь догадываться. Но одно нам известно точно: культура человечества приняла крайне централизованную форму, и этот процесс завершился созданием Диаспара.

Когда-то больших городов было много, но в конце концов Диаспар поглотил их все. Похоже, какая-то сила вынуждала людей собираться вместе — так же, как раньше толкала их к звездам. Мало кто осознает ее существование, но все мы боимся внешнего мира и стремимся сберечь то, что нам знакомо и понятно. Возможно, этот страх иррационален; возможно, он имеет под собой некие исторические основания. Как бы то ни было, это одна из самых мощных сил, влияющих на нашу жизнь.

— Тогда почему я ее не чувствую?

— Хочешь сказать, мысль о том, чтобы покинуть Диаспар, где ты живешь среди друзей и ни в чем не нуждаешься, не внушает тебе ужаса?

— Нет.

Хранитель криво улыбнулся.

— Боюсь, я не могу сказать того же. Но по крайней мере способен понять твою точку зрения, даже если и не разделяю ее. Едва ли я решился бы тебе помочь, если бы ты не принес весточку от Алена.

— Ты так и не сказал, что это за весточка!

Рорден рассмеялся.

— И не собираюсь; молод ты еще слишком. Но кое-что сказать все же могу. Ален предвидел, что будут рождаться люди вроде тебя и рано или поздно кто-нибудь попробует выбраться из Диаспара. Вот и решил помочь. Мне думается, каким бы путем ты ни пытался уйти из города, непременно уперся бы в тупик с надписью, направляющей к хранителю записей. Зная, что хранитель обратится к своим машинам, Ален оставил послание, надежно спрятав его среди миллионов записей. Его можно найти в одном-единственном случае: если поставить ассоциатору задачу на поиск. Привет от Алена — это просьба помочь желающему выбраться наружу, даже если хранитель не одобряет подобной затеи. Ален считал, что человечество движется к упадку, и хотел посодействовать любому, кто мог бы обратить этот процесс вспять. Понимаешь, о чем я?

Элвин с серьезным видом кивнул.

— Надеюсь, что он ошибался,— продолжал Рорден.— Я не верю, что человечество гибнет, оно просто изменилось. Прекрасно быть не таким, как все, но не стоит по этой причине идти у Алена на поводу. Так что не горячись, парень, а хорошенько поразмысли о том, что можешь потерять. Ведь как ни крути, а диаспарцы счастливы. Если мы чего-то и лишились, то просто не задумываемся об этом.

— Ален многое написал в своем послании,— перешел к самому важному хранитель записей,— но суть такова. Из Диаспара ведут три дороги. Он не говорит, куда именно, и не подсказывает, как их найти, хотя есть смутные намеки. Но даже если его слова правдивы, ты еще слишком молод, чтобы выходить из города. А сейчас оставь меня, мне нужно подумать о многом. Не волнуйся, я тебя не выдам.

Рордена несколько смутила признательность мальчика. Когда тот ушел, хранитель записей некоторое время сидел, размышляя, правильно ли поступил.

Несомненно, этот мальчик — атавизм, напоминание о великом прошлом. Через каждые несколько поколений на свет появлялись умы, равные гениям древности. Родившиеся не в свое время, они не оказывали особого влияния на мирно дремлющий Диаспар. Вялотекущий упадок человечества зашел чересчур далеко, чтобы его мог остановить одиночка, сколь бы выдающимся он ни был. Прожив век-другой в неясной тревоге, люди смирялись с судьбой и прекращали бороться. Поймет ли Элвин, что его единственная надежда на счастье в том, чтобы жить так же, как живет весь мир? Возможно, подумал Рорден, было бы лучше, если бы удалось отговорить его от авантюры. Но уже слишком поздно — об этом позаботился Ален.

Древний хранитель записей, вероятно, был неординарной личностью; он и сам скорее всего принадлежал к числу атавизмов. Сколько людей за многие столетия прочли его послание и поступили соответственно и каков был результат? Если такие случаи происходили, наверняка должны были остаться упоминания в записях.

Несколько минут Рорден напряженно думал, затем стал задавать машинам вопрос за вопросом, сперва не спеша, но все с большей уверенностью, пока каждый ассоциатор не заработал на полную мощность, перебирая миллиарды миллиардов фактов. Ничего не оставалось, как ждать...

В последующие годы Элвин часто удивлялся своему везению. Если бы хранитель записей не отнесся к нему дружелюбно, ничего бы и не случилось. Но Рорден, хоть и был во много раз старше, разделял его любопытство; правда, он желал лишь раскрыть тайну утраченного знания. Рорден никогда бы им не воспользовался; как и остальные жители Диаспара, он испытывал перед внешним миром ужас, казавшийся столь нелепым Элвину. Со временем они сделались близкими друзьями, но этот барьер между ними остался навсегда.

Жизнь Элвина теперь разделилась на две совершенно разные части. Он продолжал заниматься с Джезераком, набираясь всевозможных знаний о людях, местах и обычаях, без чего невозможно играть хоть какую-то роль в жизни города. Джезерак был добросовестным, но неторопливым наставником; понимая, что впереди у него еще немало столетий, он не спешил доводить свою задачу до конца. Собственно, он был даже рад, что Элвин подружился с Рорденом. Остальные жители Диаспара относились к хранителю записей с благоговейным трепетом, поскольку лишь он один имел прямой доступ ко всем знаниям прошлого.

Элвин постепенно осознавал, сколь огромны и вместе с тем неполны эти знания. Несмотря на специальные устройства, удалявшие любую информацию после того, как она устаревала, главные базы данных содержали как минимум сотни триллионов фактов. Рорден не знал, есть ли предел объему памяти машин; эти сведения были утрачены вместе с секретом их действия.

Ассоциаторы приводили Элвина в бескрайнее удивление; он мог проводить возле них часы, вводя с клавиатуры вопросы. Оказалось весьма занимательным, что люди, чьи имена начинались на С, в основном жили в восточной части города — хотя машины спешили добавить, что данный факт не имеет статистического значения. Элвин быстро набрал обширный запас столь же бесполезных сведений, которые использовал, чтобы произвести впечатление на друзей. Одновременно под руководством Рордена он изучал все, что было

известно об Эпохе Рассвета, поскольку хранитель записей убедил: потребуются годы подготовки, прежде чем Элвин сможет отправиться в путешествие. Мальчик вынужден был согласиться с этим, хоть и пытался порой бунтовать.

Однажды он остался один, когда Рорден отправился с редким визитом в административный центр города. Искушение оказалось чересчур сильным, и Элвин приказал ассоциаторам найти послание Алена.

Вернувшись, Рорден увидел перепуганного мальчишку, пытавшегося понять, почему все машины оказались парализованными. К огромному облегчению Элвина, Рорден лишь рассмеялся и набрал несколько комбинаций, устранив помеху. Затем он повернулся к виновнику и как можно строже произнес:

— Пусть это будет для тебя уроком! Я ожидал чего-то подобного и потому заблокировал все цепи, к которым не хотел давать тебе доступ. И эта блокировка останется, пока я не сочту, что ее можно безопасно снять.

Элвин смущенно улыбнулся и ничего не ответил. С тех пор он больше не пытался совершить экскурсию в запретные недра архива.

3
ГРОБНИЦА ЯРЛАНА ЗЕЯ

В течение почти трех лет Рорден лишь изредка заводил разговор на тему путешествия. Время шло достаточно быстро — предстояло еще очень многому научиться, и осознание того, что цель не является недостижимой, придавало Элвину терпения. Но однажды, когда они пытались согласовать две противоречивших друг другу карты древнего мира, вдруг раздался сигнал главного ассоциатора.

Рорден поспешил к машине и вернулся с длинным листом бумаги. Быстро пробежав глазами текст, он улыбнулся и посмотрел на Элвина.

— Скоро мы узнаем, открыт ли еще первый путь,— спокойно сказал хранитель записей.

От неожиданности Элвин подскочил, уронив карты, и радостно воскликнул:

— Где он находится?!

Рассмеявшись, Рорден толчком вернул его в кресло.

— Я не просто так заставлял тебя ждать все это время. Ты был слишком молод, чтобы покинуть Диаспар, даже если бы мы знали, как это устроить. Но есть и другая причина задержки. В тот день, когда ты пришел ко мне, я поручил машинам выяснить, не пытался ли кто-нибудь после Алена выбраться из города. Возможно, ты не первый, предположил я и оказался прав. Было много других; последний — около пятнадцати миллионов лет назад. Все они оказались достаточно осторожными, чтобы не оставить нам никакой информации, и в том явно чувствуется влияние Алена. В своем послании он подчеркивал: лишь тому, кто ищет самостоятельно, будет позволено найти дорогу, так что мне пришлось изучить множество тупиковых путей. Я знал, что секрет тщательно скрыт — но не настолько тщательно, чтобы его нельзя было найти.

Примерно год назад я начал размышлять о транспортных средствах. Диаспар наверняка имел немало связей с остальным миром, и, хотя его космопорт давным-давно погребен пустыней, я подумал: могут быть и другие способы передвижения. С самого начала я обнаружил, что ассоциаторы не отвечают на прямые вопросы — видимо, Ален заблокировал их, как в свое время это сделал я ради твоего блага. К сожалению, снять блокировку Алена я не могу, вот и пришлось прибегнуть к косвенным методам.

Если и имелась когда-то внешняя транспортная система, к нынешним временам от нее не осталось и следа. Можно предположить, что ее нарочно замаскировали. Я поручил ассоциаторам проанализировать все крупные инженерные мероприятия, проводившиеся в городе с тех пор, как ведутся записи. Это отчет о строительстве центрального парка — и Ален добавил к нему свое примечание. Как только машина

встретила его имя, она, естественно, поняла, что поиск завершен, и подала мне сигнал.

Рорден бросил взгляд на бумагу, словно перечитывая отрывок, затем продолжил:

— Мы всегда считали само собой разумеющимся, что все движущиеся дороги должны сходиться в центральном парке. Но в этом отчете утверждается, что парк был построен после основания города, много миллионов лет спустя. Таким образом, движущиеся дороги когда-то вели в другое место.

— Может, в аэропорт?

— Нет, полеты над любыми городами всегда были запрещены, за исключением очень древних времен, до постройки движущихся дорог. Даже Диаспар не настолько стар! Но послушай, что пишет в своем примечании Ален:

«Когда пустыня похоронила диаспарский космопорт, построенная на этот случай аварийная система смогла доставить к месту назначения оставшиеся транспортные средства. Ее окончательно отключил Ярлан Зей, строитель парка, поскольку она практически не использовалась со времен Миграции».

Элвин озадаченно посмотрел на собеседника и недовольно произнес:

— Мне это мало о чем говорит.

Рорден улыбнулся.

— Ты слишком часто позволял ассоциаторам думать за тебя,— мягко упрекнул он.— Как и все высказывания Алена, оно выглядит не вполне понятным, это чтобы посторонние ничего не могли узнать. Но, думаю, нам оно говорит достаточно. Для тебя что-нибудь значит имя Ярлан Зей?

— Кажется, я понял,— медленно проговорил Элвин.— Вы имеете в виду гробницу?

— Да, она находится точно в центре парка. Если продлить движущиеся дороги, все они сойдутся именно там. Возможно, когда-то и вправду сходились.

Элвин был уже на ногах.

— Пойдем, посмотрим! — воскликнул он.

Рорден отрицательно покачал головой.

— Ты видел гробницу Ярлана Зея десятки раз и не заметил ничего необычного. Прежде чем мы отправимся туда, не стоит ли еще раз задать вопрос машинам?

Элвин вынужден был согласиться и, коротая ожидание, прочитал уже отпечатанный ассоциатором отчет.

— Рорден,— наконец спросил он,— что имел в виду Ален, когда говорил про Миграцию?

— Этот термин часто использовался в самых старых записях,— ответил Рорден.— Он относится ко временам, когда другие города приходили в упадок и все человечество перебиралось поближе к Диаспару.

— Тогда эта «аварийная система», чем бы она ни была, ведет в те города?

— Почти наверняка.

Элвин немного подумал.

— Значит, ты считаешь, что даже если мы найдем эту систему, она приведет нас лишь на развалины?

— Вряд ли стоит надеяться хотя бы на это,— ответил Рорден.— Когда города опустели, машины были отключены, и пустыня давно погребла их под собой.

Элвин, однако, не сдавался.

— Но ведь Ален наверняка об этом знал! — возразил он.

Рорден пожал плечами.

— Мы можем лишь строить предположения,— сказал он,— а у ассоциатора на данный момент нет никакой информации. На поиск может уйти несколько часов, но, поскольку его тематика достаточно узка, еще до конца дня мы получим все имеющиеся на этот счет факты. А потом последуем твоему совету.

Защитные экраны города были отключены, и солнце ярко светило в небе, хотя человеку Эпохи Рассвета сияние могло показаться на удивление слабым. Элвин сотни раз совершал поездки по этому маршруту, но сейчас как будто переживал новое приключение. Когда они с хранителем записей оказа-

лись в конце движущейся дороги, мальчик наклонился и стал разглядывать поверхность, которая пронесла их через город. Впервые в жизни он задумался о ее чудесных свойствах. Здесь она была неподвижна, но в ста метрах мчалась быстрее бегущего человека.

Рорден наблюдал за ним, но он неверно истолковал любопытство мальчика.

— Когда был построен центральный парк,— сказал он,— вероятно, пришлось демонтировать последнюю секцию дороги. Вряд ли ты сможешь что-нибудь узнать.

— Я об этом не думал,— ответил Элвин.— Мне интересно, как она вообще работает.

Рорден был изумлен — подобная мысль никогда не приходила ему в голову. С тех пор как люди стали жить в городах, они принимали как должное всевозможную механику, находившуюся у них под ногами. И даже перестали ее замечать, когда города сделались полностью автоматическими.

— Не бери в голову,— сказал он.— Я могу предложить тысячи куда более интересных загадок. Вот ответь, например, каким образом мои записывающие устройства получают информацию?

Без всякой задней мысли Рорден выбросил из головы движущиеся дороги — одно из величайших достижений человеческого инженерного гения. Долгие годы исследований, потребовавшиеся для создания анизотропной материи, ничего для него не значили. Если бы ему сказали, что вещество может иметь свойства твердого тела в одном измерении и жидкости — в двух других, он бы даже не удивился.

Центральный парк был почти пяти километров в поперечнике, а поскольку все дорожки шли по кривой, они казались значительно длиннее, чем на самом деле. Элвин, когда был маленьким, проводил немало времени среди деревьев и кустов этого самого обширного в городе открытого пространства. Он изучил весь парк, в последние годы, увы, утративший почему-то большую часть своего очарования. Теперь мальчик понимал, в чем тут дело. Он увидел древние записи и узнал,

что парк — лишь бледная тень всей той красоты, которой лишился мир.

Пока они шли по усаженным бессмертными деревьями аллеям и по неувядающей траве, никогда не нуждавшейся в стрижке, им встретилось немало людей. Вскоре они устали от приветствий, поскольку все знали Элвина и почти все знали хранителя записей. В конце концов они свернули с аллеи и пошли по тихим тропинкам, почти полностью тонувшим в тени деревьев. Кое-где стволы так теснились, что огромные башни почти исчезали из виду, и какое-то время Элвину казалось, будто он очутился в древнем мире, о котором так часто мечтал.

Гробница Ярлана Зея была единственным строением в парке. Аллея вечных деревьев вела на невысокий холм, где сверкали в лучах солнца ее розовые колонны. Крыша была открыта небу, а пол единственного зала вымощен большими плитами из выглядевшего натуральным камня. Однако на протяжении геологических эпох по этому полу прошло бесчисленное множество человеческих ног, не оставив ни следа на невероятно прочном материале. Элвин и Рорден медленно вошли в зал и остановились перед статуей Ярлана Зея.

Создатель великого парка сидел, опустив глаза, словно изучал разложенные на коленях чертежи. На лице застыло выражение, озадачивавшее мир в течение многих поколений. Некоторые считали эту позу не более чем произволом художника, но другие верили, что Ярлан Зей улыбается какой-то таинственной шутке. Сейчас Элвин понял, что эти другие были правы.

Рорден неподвижно стоял перед статуей, словно видел ее впервые в жизни. Наконец он отошел на несколько метров и пригляделся к большим каменным плитам.

— Что ты делаешь? — спросил Элвин.

— Применяю логику и недюжинную интуицию,— ответил Рорден.

Больше он ничего не сказал, и взор Элвина вернулся к статуе. Внезапно раздавшийся позади слабый звук заставил

мальчика оглянуться. Рорден, улыбаясь, медленно погружался в пол. Увидев выражение лица своего юного спутника, он рассмеялся.

— Кажется, я знаю, как обратить процесс,— сказал он, исчезая.— Если сразу же не появлюсь, тебе придется вытаскивать меня с помощью гравитационного поляризатора. Но не думаю, что это потребуется.

Последние слова прозвучали приглушенно, и Элвин, подбежав к краю прямоугольной ямы, увидел, что его друг уже опустился на несколько метров. На его глазах шахта углублялась, пока Рорден не превратился в пятнышко, в котором невозможно было узнать человека. Затем, к облегчению Элвина, далекий прямоугольник света начал увеличиваться, а яма уменьшаться, и вскоре Рорден снова оказался рядом с ним.

Несколько секунд стояла полная тишина. Затем Рорден улыбнулся и заговорил.

— Логика,— сказал он,— может творить чудеса, если есть на что опереться. Это здание на вид такое простое, что не в состоянии ничего в себе скрывать, и единственный возможный тайный выход должен вести через его пол. Я предположил, что он каким-то образом отмечен, и действительно нашел плиту, отличавшуюся от остальных.

Элвин наклонился и всмотрелся в пол.

— Но она точно такая же, как и другие! — возразил он.

Рорден положил руки на плечи мальчика и развернул его кругом, так что тот оказался лицом к статуе. С минуту Элвин пристально на нее смотрел, затем медленно кивнул.

— Понял,— прошептал он.— Так вот каков секрет Ярлана Зея!

Взгляд статуи упирался в пол у его ног. Ошибиться было невозможно. Элвин переместился на соседнюю плиту и обнаружил, что Ярлан Зей больше не смотрит в его сторону.

— Один человек из тысячи сумел бы это заметить, если бы не искал специально,— сказал Рорден,— а заметив, ничего бы не понял. Я и сам сперва чувствовал себя довольно глупо, стоя на этой плите и пытаясь подавать различные комбина-

ции мысленных команд. К счастью, устройство здесь, видимо, достаточно простое, и паролем оказались слова «Ален Линдар». Сначала я мысленно произнес «Ярлан Зей», но это не подействовало, как и следовало ожидать. Иначе слишком многие могли бы привести машину в действие случайно.

— Все это выглядит элементарно,— согласился Элвин,— но сомневаюсь, что сумел бы найти проход и за тысячу лет. Вот, значит, как работают ассоциаторы — логика и недюжинная интуиция?

Рорден рассмеялся.

— Возможно,— сказал он.— Иногда я нахожу ответ раньше них, но они находят его всегда.— Он немного помолчал.— Нам придется оставить шахту открытой; вряд ли кто-нибудь в нее свалится.

По мере того как они плавно опускались под землю, прямоугольник неба сокращался, пока не стал совсем маленьким где-то далеко. Шахту освещало исходившее от стен сияние, и казалось, будто глубина ее не меньше трехсот метров. Стены были идеально гладкими, без признаков каких-либо механизмов.

Дверь внизу шахты открылась автоматически, как только они подошли. Сделав несколько шагов по короткому коридору, они оказались в большой круглой пещере, ее стены сходились изящным куполом в ста метрах над головами. Колонна, напротив которой они стояли, казалась слишком тонкой, чтобы поддерживать многометровую каменную толщу. Затем Элвин заметил, что столб вообще не выглядит составной частью помещения, он явно сооружен намного позже. Рорден пришел к тому же выводу.

— Эта колонна,— сказал он,— является всего лишь вместилищем для шахты, по которой мы спустились. Мы были правы насчет движущихся дорог — они все ведут именно сюда.

Элвин еще раньше заметил большие туннели, радиально пронизывавшие стены, но не понимал, для чего они нужны. Он видел, что они плавно уходят вверх, и теперь узнал знакомую серую поверхность движущихся путей. Здесь, глубоко

под центром города, сходилась воедино чудесная транспортная система, обеспечивавшая весь Диаспар. Но это были лишь бесполезные обрубки — удивительный материал, дававший дорогам жизнь, застыл.

Элвин направился в сторону ближайшего туннеля. Он прошел всего несколько шагов, прежде чем понял: что-то происходит с твердью под ногами. Она обретала прозрачность. Еще через несколько метров ему показалось, будто он висит в воздухе без какой-либо видимой опоры. Остановившись, он посмотрел вниз, в бездну.

— Рорден! — позвал он.— Иди, посмотри!

Тот приблизился, и они вместе стали разглядывать чудо. Едва видимая, на невероятной глубине простиралась огромная карта — сеть линий, сходившихся в точке под центральной шахтой. Сперва она казалась запутанным лабиринтом, но вскоре Элвин разобрал основные очертания. Как обычно, он едва начал анализировать увиденное, как Рорден уже закончил.

— Вероятно, когда-то весь пол был прозрачным,— сказал хранитель записей.— Но потом инженеры огородили этот зал и построили шахту и каким-то образом закрасили пол, кроме его периферии. Элвин, ты понимаешь, что это такое?

— Думаю, да,— ответил мальчик.— Это карта транспортной системы, а кружочки — наверное, другие города Земли. Я даже вижу рядом с ними названия, но они слишком нечеткие, не прочитать.

— Здесь должно быть какое-то внутреннее освещение,— рассеянно проговорил Рорден, разглядывая стены зала.— Так я и думал! — воскликнул он.— Видишь, все радиальные линии ведут к маленьким туннелям?

Элвин уже успел заметить, что кроме больших арок движущихся дорог из зала вели бесчисленные туннели поменьше, уходившие вниз, а не вверх.

— Это была отлично организованная система,— продолжал Рорден, не дожидаясь ответа.— Люди спускались сюда с

помощью движущихся дорог, выбирали место для посещения, а затем следовали соответствующей линии на карте.

— И что потом? — спросил Элвин.

Как обычно, Рорден не счел нужным вдаваться в рассуждения.

— У меня слишком мало информации. Если бы мы могли прочесть названия тех городов! — с сожалением добавил он, неожиданно сменив тему.

Элвин отошел в сторону, огибая центральную колонну. Вскоре до Рордена донесся его голос, приглушенный расстоянием и отражавшийся эхом от стен зала.

— Что такое? — крикнул Рорден, не желая двигаться с места, поскольку он уже почти расшифровал одну группу трудноразличимых символов. Но голос Элвина звучал настойчиво, и он пошел туда, где стоял мальчик.

Далеко внизу простиралась вторая половина огромной карты, линии расходились во все стороны света. Но на этот раз линия — правда, одна-единственная — была ярко освещена. Казалось, она никак не связана с системой, показывая, подобно сверкающей стрелке, на один из уходящих вниз тунелей. У конца линии застыл золотистый светящийся кружок, а рядом с ним — слово «Люс». И больше ничего.

Элвин и Рорден долго стояли, глядя на безмолвный символ. Для Рордена он означал не более чем еще один вопрос к его машинам, но для Элвина он был кладезем с безграничными надеждами. Мальчик попытался вообразить этот огромный зал, каким он был в древности, когда закончилась эра воздушного транспорта, но города Земли все еще вели торговлю друг с другом. Он подумал о бессчетных миллионах лет, в течение которых сообщение между городами постепенно сокращалось и огни на карте гасли один за другим, пока не осталась только эта линия. Он размышлял о том, как долго она светилась среди других, погасших, ожидая путника, который так никогда и не появился; и наконец Ярлан Зей перекрыл движущиеся дороги, отрезав Диаспар от остального мира.

С тех пор прошли сотни миллионов лет. Вероятно, уже тогда Люс потерял связь с Диаспаром. Казалось невозможным, что он мог выжить; скорее всего, карта теперь ничего не значит.

Но вот Рорден прервал его размышления. Вид у хранителя записей был слегка взволнованный; он явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— Пора возвращаться,— сказал он.— Не думаю, что нам стоит забираться дальше.

Элвин понял намек и не стал спорить с другом. Очень хотелось отправиться в неизвестность, но он понимал: без должной подготовки это не слишком разумно. Мальчик с некоторой неохотой снова повернул к центральной колонне. С каждым его шагом все гуще затуманивался пол под ногами, и сверкающая далеко внизу тайна постепенно исчезла из виду.

4
ПУТЬ ВНИЗ

Наконец-то путь открылся перед Элвином, но вдруг он с удивлением понял, что покидать привычный мир Диаспара не хочется. Оказывается, и ему не чужды страхи, которые он столь часто замечал в других и над которыми смеялся.

Пару раз Рорден пытался его отговорить, но не слишком старательно. Человеку Эпохи Рассвета показалось бы странным, что ни Элвин, ни Рорден не видели в своих действиях ничего опасного. Уже много миллионов лет мир не таил в себе никакой угрозы, и Элвин просто не мог вообразить ситуацию, когда бы его остановили силой, ограничив тем самым его свободу. Да и какой в том смысл? В худшем случае он просто ничего не найдет за стенами города, вернется с пустыми руками.

Три дня спустя они с Рорденом снова стояли в зале, где сходились движущиеся дороги. Под ногами светящаяся стрелка все так же показывала на Люс — и теперь они были готовы следовать этим курсом.

Шагнув в туннель, они ощутили знакомый рывок перистальтического поля, и мгновение спустя их уже уносило вглубь. Путешествие продолжалось всего полминуты, и когда закончилось, они оказались в длинном узком зале, имевшем форму полуцилиндра. От его дальнего торца уходили вдаль два тускло освещенных туннеля.

Человеку почти любой из цивилизаций, существовавших со времен Рассвета, обстановка показалась бы вполне знакомой, однако для Элвина и Рордена она словно принадлежала к другому миру. Предназначение длинной обтекаемой машины, застывшей в развилке туннелей подобно снаряду в казенной части пушки, было очевидным, но от этого она не казалась менее загадочной. Верхняя ее часть была прозрачной, и сквозь стенку Элвин разглядел ряды роскошных кресел, хотя никаких признаков входа обнаружить не удалось. Машина висела на полуметровой высоте над металлическим стержнем, который нырял в туннель и там исчезал из виду. В нескольких метрах от него, перед другим туннелем, тоже начинался стержень, но никакой машины над ним не было. Элвин не сомневался, что второе транспортное средство ждет где-то в неизвестном далеком Люсе, в таком же зале.

— Что ж,— слегка запинаясь, спросил Рорден,— ты готов?

Элвин кивнул.

— Надеюсь, ты вернешься,— сказал хранитель записей и тут же об этом пожалел, увидев беспокойство на лице мальчика.

Рорден был самым близким его другом, но даже он не мог преодолеть невидимый барьер, окружавший каждого человека в этом городе.

— Я вернусь через шесть часов,— пообещал Элвин, у которого вдруг перехватило горло.— Можешь не ждать. Если прибуду раньше, дам знать — тут наверняка есть какие-нибудь средства связи.

Элвин убеждал себя, что не происходит ничего особенного. И тем не менее он едва не подпрыгнул, когда стены машины исчезли и перед ним открылся ее превосходно сконструированный интерьер.

— Сложностей с управлением не будет,— отрывисто проговорил Рорден.— Видел, как она подчинилась моей мысленной команде? Советую побыстрее забраться внутрь — задержка может быть невелика.

Элвин проник в машину, положил вещи на ближайшее кресло и повернулся к Рордену, стоявшему в едва видимом контуре входа. Наступила напряженная тишина — каждый ждал, когда другой что-то скажет. Миг спустя решение было принято за них. В воздухе возникло легкое мерцание, и стены машины снова сомкнулись. Не успел Рорден помахать на прощание Элвину, как длинный цилиндр устремился вперед. Еще до того, как войти в свой туннель, он перемещался быстрее бегущего человека.

Рорден медленно вернулся в зал с движущимися дорогами и большой центральной колонной. Когда он поднимался на поверхность, в открытую шахту светило солнце. Вновь оказавшись в гробнице Ярлана Зея, он с некоторым неудовольствием, хотя и без удивления, обнаружил небольшую толпу любопытных.

— Вам не о чем беспокоиться,— с серьезным видом сказал он.— Кто-то должен это делать каждые несколько тысяч лет, хотя и кажется, будто нет никакой необходимости. Фундамент города абсолютно устойчив — он не сдвинулся и на микрон с тех пор, как был создан парк.

Он поспешно пошел прочь и, бросив взгляд назад, увидел, что зрители расходятся. Рорден хорошо знал своих сограждан и не сомневался: о случившемся они скоро забудут.

Элвин откинулся на спинку кресла, разглядывая внутренность машины. На приборной панели, встроенной в переднюю стену, высвечивалось короткое сообщение:

ЛЮС
35 МИНУТ

Тотчас пятерка сменилась на четверку. Пожалуй, это небесполезная информация, хотя ничего не говорит о протяженности дороги — ведь неизвестно, с какой скоростью движется машина. Стены туннеля представляли собой сплошной серый туман, и о движении говорила лишь легкая вибрация, которую он даже не заметил бы, если бы ее не ожидал.

Вероятно, от Диаспара Элвина теперь отделяли многие километры, и над ним простиралась пустыня с ее подвижными барханами. Возможно, сейчас он мчался под теми самыми неровными холмами, увиденными в детстве с башни Лоранна.

Мысли его вновь вернулись к Люсу, уже в который раз за последние дни. Существует ли еще город, подумал он и снова попытался убедить себя, что иначе бы машина туда не поехала. Что же это за место? Как ни напрягал мальчик воображение, отчего-то представлялась лишь копия Диаспара, только уменьшенная.

Неожиданно в вибрации машины что-то изменилось. Она сбрасывала скорость, и в том не было никакого сомнения. Похоже, время пролетело быстрее, чем он ожидал. Элвин с некоторым удивлением бросил взгляд на индикатор.

ЛЮС
23 МИНУТЫ

Весьма озадаченный и слегка обеспокоенный, он прижался лицом к борту машины. Стены туннеля все такие же серые и монотонные, однако теперь время от времени взгляд фиксировал какие-то отметки, они исчезали так же быстро, как и появлялись. И каждая новая метка все дольше находилась в поле зрения.

Затем без всякого предупреждения стены туннеля вдруг исчезли. Машина все с той же огромной скоростью мчалась через помещение, превосходившее размерами даже зал движущихся дорог.

Изумленно глядя сквозь прозрачные стены, Элвин видел внизу замысловатую сеть направляющих стержней, которые пересекались друг с другом, исчезая в лабиринте туннелей по обеим сторонам. Сверху помещение заливал светом длинный ряд искусственных солнц, позволяя различить очертания огромных транспортных машин. Свет был настолько ярким, что болели глаза, и Элвин понял: это место не для человека. Предназначение его стало ясным мгновение спустя, когда машина пронеслась мимо шеренги цилиндров, застывших над стержнями. Они были больше, чем тот, в котором путешествовал Элвин, и он решил, что это, видимо, грузовые транспортеры. Их окружали неподвижные и безмолвные машины непонятного назначения.

Огромный зал исчез позади почти столь же быстро, как и появился. Элвин впервые понял смысл огромной темной карты, расположенной под Диаспаром. В мире гораздо больше чудес, чем он способен себе представить.

Элвин снова посмотрел на индикатор. Цифры не изменились — чтобы пересечь огромную пещеру, понадобилось меньше минуты. Машина снова ускорялась, хотя мальчик по-прежнему не ощущал ее движения. Стены туннеля по обеим сторонам уносились назад с невообразимой скоростью.

Казалось, прошла вечность, прежде чем вновь изменилась вибрация. Теперь на индикаторе читалось:

ЛЮС
1 МИНУТА

И это была самая долгая минута в жизни Элвина. Машина двигалась все медленнее и наконец остановилась.

Длинный цилиндр плавно и беззвучно выскользнул из туннеля в пещеру, которая выглядела точной копией той, что находилась под Диаспаром. Несколько мгновений Элвин от волнения не мог ничего толком разглядеть. Мысли путались, и не получалось даже управлять выходом — тот несколько раз

открывался и закрывался, прежде чем мальчик наконец взял себя в руки. Выскочив из машины, он в последний раз бросил взгляд на индикатор. Слова и цифры на нем изменились, и теперь они внушали уверенность:

ДИАСПАР
35 МИНУТ

5
МИР ЛЮСА

Все оказалось очень просто. Никто не мог предполагать, что путешествие Элвина станет судьбоносным в истории человечества.

Начав искать выход из зала, он обнаружил первый признак того, что цивилизация, среди которой он оказался, сильно отличается от той, которую он покинул. Путь к поверхности вел через низкий широкий туннель, начинавшийся в конце пещеры; в нем поднималась прямо вверх лестница — вещь, почти неизвестная в Диаспаре. Машине лестница не друг, и везде, где менялся уровень пола, архитекторы строили пандусы или наклонные коридоры.

Возможно ли, чтобы в Люсе вообще не было машин? Элвин сразу отбросил это предположение как совершенно фантастическое.

Лестница оказалась очень короткой и заканчивалась у дверей, открывшихся при его приближении. Когда створки сдвинулись за спиной, он обнаружил, что находится в большом помещении кубической формы, из которого, похоже, не было другого пути. Несколько секунд он озадаченно стоял на месте, а затем вгляделся в противоположную стену. В это время двери, через которые он вошел, открылись снова. Ощущая легкую досаду, Элвин вышел из комнаты — и очутился в начале сводчатого коридора, плавно забиравшего вверх, к полукругу открытого неба. Он предположил, что поднялся на сто

или двести метров, хотя никакого движения не ощущал. Затем поспешил наверх, к залитому солнцем выходу.

Он стоял на кромке невысокого холма, и на миг показалось, будто он снова в центральном парке Диаспара. Однако если это и в самом деле был парк, то чересчур большой, даже не охватить взглядом. И города нигде не видно. Вокруг ничего, кроме леса и лугов.

Подняв взгляд к горизонту, Элвин обнаружил над деревьями протянувшуюся справа налево огромную дугу из каменных сооружений, с которыми не могли сравниться самые мощные гиганты Диаспара. Дуга была столь далеко, что невозможно различить детали, но чем-то ее очертания озадачили Элвина. Затем глаза наконец привыкли к масштабам колоссального ландшафта, и он понял: далекие стены созданы не руками человека.

Время не сумело одержать полную победу — на Земле сохранились горы, которыми она может гордиться.

Элвин долго стоял у выхода из туннеля, постепенно привыкая к дивному незнакомому миру. Нигде не видать следов человеческого присутствия. Однако дорога, ведущая вниз по склону, выглядела ухоженной, и ничего не оставалось, как пойти по ней.

У подножия холма дорога исчезала среди больших деревьев, почти скрывавших солнце. Элвин вошел в их тень и был встречен странной смесью запахов и звуков. Шорох листьев на ветру был знаком, но на его фоне слышались тысячи иных неясных голосов, ничего для мальчика не значивших. Элвина окутывали незнакомые ароматы, давно исчезнувшие даже в памяти его народа. Тепло, изобилие запахов и цветов, невидимое присутствие миллионов живых существ — все это поразило его до глубины души, причиняя почти физическую боль.

Он не заметил, как подошел к озеру. Деревья с правой стороны вдруг закончились, и перед ним возникла огромная водная гладь, испещренная крошечными островками. Элвин

никогда в жизни не видел такого изобилия бесценной влаги; подойдя к краю озера, он опустил в воду руку, чувствуя, как между пальцев просачиваются теплые струйки.

Большая серебристая рыба, внезапно появившаяся среди подводных тростников,— вот первое увиденное им живое существо, не принадлежащее к роду людскому. Глядя, как она висит в пустоте, слегка шевеля плавниками, Элвин удивленно подумал, почему эта картина кажется ему странно знакомой. Затем вспомнил записи, которые показывал ему в детстве Джезерак, и понял, где он видел раньше эти изящные очертания. Логика подсказывала, что сходство может быть случайным,— но логика ошибалась.

В течение многих веков художников вдохновляла красота огромных кораблей, путешествовавших между мирами. Когда-то существовали мастера, работавшие не с ржавеющим металлом или рассыпающимся камнем, но с самым неразрушимым из всех материалов — плотью, кровью и костью. Хотя и они, и весь их народ были давно и окончательно забыты, одна мечта этих искусников все же пережила руины городов и гибель континентов.

Наконец Элвин стряхнул с себя очарование озера и двинулся дальше по извилистой дороге. Лес снова сомкнулся вокруг, но ненадолго. Вскоре дорога закончилась большой поляной, примерно в километр шириной и вдвое длиннее. Теперь Элвин понял, почему до этого не замечал следов человеческого жилья.

На поляне стояло множество низких двухэтажных строений, выкрашенных в мягкие цвета; на них отдыхал глаз даже в ярком свете солнца. Многие выглядели достаточно просто, иные же были построены в замысловатом архитектурном стиле, включавшем рифленые колонны и изящную резьбу по камню. Здания эти были очень старыми, судя по невероятно древним готическим сводчатым аркам.

Медленно шагая в сторону поселка, Элвин все еще пытался осознать свое новое окружение. Все вокруг выглядело

совершенно незнакомым, даже воздух стал другим. И высокие золотоволосые люди, ходившие среди зданий, тоже весьма отличались от праздных жителей Диаспара.

Элвин уже почти подошел к поселку, когда увидел группу мужчин, целенаправленно шедших в его сторону. От волнения у него сильнее забилось сердце. Промелькнуло воспоминание о судьбоносных встречах человечества с другими расами и народами. Он остановился в нескольких метрах от незнакомцев.

Его появление их как будто удивило, хотя и не настолько, как он мог бы ожидать. Элвин почти сразу же понял почему. Шедший во главе группы протянул руку в древнем дружественном жесте.

— Мы решили, что лучше всего будет встретить тебя здесь,— сказал он.— Наш мир сильно отличается от Диаспара, и прогулка от вокзала дает гостям возможность... акклиматизироваться.

Элвин пожал руку, но от удивления на миг потерял дар речи.

— Вы знали обо мне? — наконец проговорил он.

— Мы всегда замечаем, когда транспорт приходит в движение. Но такого юного гостя мы не ждали. Как ты нашел дорогу?

— Думаю, Герейн, стоит поумерить наше любопытство. Серанис ждет.

Имени Серанис предшествовало незнакомое Элвину слово, выражавшее нечто среднее между глубоко дружеским чувством и уважением.

Герейн кивнул, и все вместе направились в поселок. По пути Элвин разглядывал лица золотоволосых людей, выглядевшие вполне доброжелательными и понимающими. В них не чувствовалось скуки, праздности и потускневшей красоты, которые были свойственны жителям его города. Казалось, будто они владеют всем тем, чего лишился его собственный народ. Они часто улыбались, демонстрируя белоснежные зу-

бы, эти жемчужины, потерянные, обретенные и вновь потерянные человечеством за долгую историю эволюции.

Жители поселка с нескрываемым любопытством наблюдали за Элвином, шедшим следом за провожатыми. К своему удивлению, он заметил немало таращившихся на него детей. Ничто другое не напоминало столь живо о том, как далеко он оказался от родного мира. Диаспар сполна заплатил за свое бессмертие.

Группа остановилась перед зданием — таких огромных Элвину еще не доводилось видеть. Оно стояло в центре поселка, и над круглой башенкой, возведенной на его крыше, развевалось на ветру зеленое знамя.

Когда он вошел в здание, все, кроме Герейна, остались позади. Внутри было тихо и прохладно; лучи солнца, проходившие сквозь полупрозрачные стены, заливали все вокруг мягким спокойным светом. Выложенный изящной мозаикой пол был гладким и упругим. На стенах талантливый художник изобразил несколько лесных сцен. Другие изображения ничего не говорили Элвину, но на них было приятно смотреть. В одну из стен было вмонтировано то, что он вряд ли ожидал увидеть — видеофон в красивом корпусе; на экране сменяли друг друга разноцветные узоры.

Они подошли к короткой винтовой лестнице, поднялись на плоскую крышу здания. С этой точки был виден весь поселок, и Элвин понял, что он состоит примерно из ста домов. Вдали за деревьями простирались широкие луга; кое-где паслись животные, но не настолько хорошо он знал биологию, чтобы определить их видовую принадлежность.

В тени башни за столом сидели двое, пристально глядя на него. Когда они поднялись навстречу, Элвин увидел, что одна из них — величественная красивая женщина с сединой в золотых кудрях. Он понял, что это и есть Серанис. В ее глазах мальчик читал мудрость и опыт, знакомые ему по общению с Рорденом и Джезераком.

Вторым был юноша, на вид чуть старше его самого, и Элвину хватило одного взгляда, чтобы понять: это сын Серанис.

Те же черты лица, хотя во взгляде — дружелюбие, а не пугающая мудрость поколений. Другими были и волосы — черные, а не золотые. Но безошибочно можно было сказать, что это мать и сын.

Чувствуя нечто похожее на благоговейный трепет, Элвин повернулся в поисках поддержки к своему провожатому, но Герейн уже куда-то исчез. Зато Серанис улыбнулась, и волнение сразу прошло.

— Добро пожаловать в Люс,— сказала она.— Я Серанис, а это мой сын Теон, который однажды займет мое место. Ты самый молодой из всех побывавших здесь диаспарцев. Расскажи, как ты нашел дорогу.

Сперва запинаясь, затем все увереннее Элвин поведал о своем путешествии. Теон слушал затаив дыхание; Диаспар, видимо, казался ему столь же чужим, каким Люс показался Элвину. Но Серанис, судя по ее лицу, не услышала ничего нового; пару раз она задавала вопросы, наводящие на мысль, что ей известно гораздо больше, чем гостю. Когда он закончил, некоторое время все молчали. Затем Серанис посмотрела на него и тихо спросила:

— Зачем ты приехал в Люс?

— Я решил посмотреть мир,— ответил он.— Все говорят, за городом нет ничего, кроме пустыни, но захотелось убедиться в этом самому.

Взгляд Серанис был полон сочувствия и даже грусти, когда она заговорила снова:

— И это единственная причина?

Элвин колебался. И наконец ответил не как исследователь, а как юноша, недавно расставшийся с детством.

— Нет,— медленно проговорил он,— это не единственная причина, хотя до сих пор я об этом не знал. Я был очень одинок.

— Одинок? В Диаспаре?

— Да,— сказал Элвин.— Я единственный ребенок, родившийся там за семь тысяч лет.

Она не сводила глаз, как будто в самую душу заглядывала, и к Элвину внезапно пришла уверенность, что Серанис может читать мысли. Едва он об этом подумал, на ее лице промелькнуло легкое удивление, подтвердившее его догадку. Когда-то и люди, и машины обладали этой способностью, и сохранившиеся в целости и сохранности роботы по-прежнему ловят мысленные приказы хозяев. Но в Диаспаре сами люди лишились дара, которым наделили своих рабов.

Его размышления прервали слова Серанис.

— Если ты искал жизнь,— сказала она,— твой поиск завершен. Кроме Диаспара и Люса, нет ничего. За нашими горами лежит лишь пустыня.

Как ни странно, Элвин, предпочитавший ничего с ходу не принимать на веру, не усомнился в услышанном. Он ощутил лишь грусть, когда все, чему его учили, оказалось столь близко к правде.

— Расскажи про Люс,— попросил он.— Почему вы столь долго были отрезаны от Диаспара? Когда вы о нас узнали?

Серанис улыбнулась.

— В нескольких словах ответить будет непросто, но я постараюсь.

Поскольку вся твоя жизнь прожита в Диаспаре, ты считаешь само собой разумеющимся, что люди — городские жители. Это не так, Элвин. С тех пор как машины дали нам свободу, не прекращалось соперничество между двумя различными типами цивилизации. В Эпоху Рассвета существовали тысячи городов, но немалая часть человечества жила в сообществах, подобных нашему.

Не сохранилось записей об основании Люса, но мы знаем, что нашим далеким предкам крайне не нравилась городская жизнь и они не хотели иметь с ней ничего общего. Несмотря на быстрый и общедоступный транспорт, они держались поодаль от остального мира и создали независимую культуру, которая достигла расцвета, какого прежде не знал мир.

В течение столетий, по мере того как мы развивались разными путями, пропасть между Люсом и городами становилась все шире. Через нее перебрасывался мост лишь во времена великих кризисов; мы знаем, когда Луна начала падать, она была уничтожена благодаря усилиям ученых Люса. Так же было и в битве за Шалмирейн, когда мы защитили Землю от Пришельцев.

Суровые испытания исчерпали силы человечества; один за другим города умирали, и их погребала пустыня. По мере того как население сокращалось, люди мигрировали, и в конце концов Диаспар остался последним и самым большим из всех городов.

Эти перемены прошли мимо нас, но нам тоже пришлось сражаться — с пустыней. Горы — естественный барьер, но его оказалось недостаточно, и понадобилось много тысячелетий, чтобы мы обезопасили нашу землю. Под Люсом работают машины, они будут снабжать нас водой до скончания веков, поскольку древние океаны все еще там, под земной корой, на огромной глубине.

Такова вкратце наша история. Как видишь, даже в Эпоху Рассвета мы имели мало общего с городами, хотя люди оттуда часто приходили к нам. Мы никогда им в этом не препятствовали, ибо многие из наших выдающихся деятелей родом из внешнего мира, но, узнав, что города начали умирать, мы не захотели разделить их участь. Когда пришел конец воздушному транспорту, остался лишь один путь в Люс — туннель из Диаспара. Четыреста миллионов лет назад он был закрыт по взаимному соглашению. Но мы всегда помнили о Диаспаре, и я не знаю, почему вы забыли о Люсе.

Серанис криво улыбнулась.

— Диаспар нас удивил. Мы ожидали, что он последует за всеми остальными городами, но там возникла устойчивая культура, которая может просуществовать столько же, сколько и сама Земля. Нельзя сказать, что мы восхищаемся этой культурой. Нас радует, что тем, кто захотел оттуда бежать, удалось это сделать. Так поступило гораздо больше людей, чем ты думаешь, и почти все они — выдающиеся представители своего народа.

«Откуда у Серанис такая уверенность в своих словах?» — подумал Элвин. Ее отношение к Диаспару ему не понравилось. Вряд ли можно сказать, что он бежал оттуда,— и все же это слово не назовешь полностью неверным.

Где-то грянул огромный колокол, и еще раз, и еще... Когда эхо шестого удара смолкло в неподвижном воздухе, Элвин понял, что солнце опустилось к самому горизонту и на восточном небосклоне уже сумерки.

— Я должен вернуться в Диаспар,— сказал он.— Меня ждет Рорден.

6

ПОСЛЕДНЯЯ НИАГАРА

Несколько секунд Серанис задумчиво смотрела на него, затем встала и подошла к лестнице.

— Погоди немного,— сказала она.— Мне нужно решить кое-какие дела, к тому же я знаю, что Теон хочет кое о чем тебя спросить.

Она ушла, и в течение нескольких минут Теон засыпал Элвина вопросами, не давая думать ни о чем другом. Теон слышал о Диаспаре и видел записи о городах, какими они были на вершине своей славы, но не мог представить, чем занимались их обитатели. Многие вопросы удивляли Элвина — пока он не подумал, что сам знает о Люсе еще меньше.

Серанис долго отсутствовала; когда же вернулась, ее лицо ничего не выражало.

— Мы говорили о тебе,— сказала она, не объяснив, кто такие «мы».— Если вернешься в Диаспар, весь город будет знать о нас. Что бы ты ни пообещал, тайну сохранить не удастся.

Элвина охватила легкая паника. Серанис, видимо, знала его мысли, поскольку затем ее слова прозвучали обнадеживающе.

— Мы вовсе не хотим держать тебя против воли, но, если решишь вернуться, все воспоминания о Люсе придется стереть.— Она секунду поколебалась.— Подобного никогда не случалось; все твои предшественники приходили сюда, чтобы остаться.

Элвин глубоко задумался.

— Что плохого,— спросил он,— если Диаспар и в самом деле о вас вспомнит? Разве для обоих наших народов так не будет лучше?

Серанис неодобрительно покачала головой.

— Мы так не считаем. Если открыть дверь, наш мир заполонят искатели приключений и просто любопытные. До сих пор к нам попадали только лучшие представители вашего народа.

Элвин чувствовал, как в нем нарастает раздражение, но понимал, что переубедить Серанис вряд ли удастся.

— Это неправда,— решительно заявил он.— Почти никто из наших не покидал Диаспар. Если позволишь мне вернуться, для Люса ничего не изменится.

— Решение зависит не от меня,— ответила Серанис.— Вот соберется через трое суток Совет, я поставлю вопрос перед ним. До тех пор побудь моим гостем, а Теон покажет тебе нашу страну.

— Я бы и рад,— вежливо отказался Элвин,— но меня ждет Рорден. Он знает, где я, и если не вернусь немедленно, может случиться что угодно.

Серанис еле заметно улыбнулась:

— Я уже в курсе. Над этим вопросом сейчас работают — посмотрим, что у них получится.

Элвин знал, что инженеры прошлого строили на века — его путешествие в Люс стало тому доказательством. Однако он испытал легкий шок, когда разноцветный туман на экране видеофона рассеялся и на нем появились знакомые очертания зала архива.

Сидевший за столом хранитель записей поднял голову, и глаза радостно вспыхнули, увидев Элвина.

— Не ждал тебя столь рано.— В шутливых словах чувствовалось облегчение.— Когда сможем встретиться?

Элвин не нашелся с ответом, но тут Серанис шагнула вперед, и Рорден впервые увидел ее. Глаза расширились, он наклонился, словно желая получше ее рассмотреть. Движение было столь же бесполезным, сколь и машинальным — человечество не лишилось своих рефлексов, хотя пользовалось видеофонами на протяжении тысячи миллионов лет.

Серанис положила руки на плечи Элвину и заговорила. Когда она закончила, Рорден некоторое время молчал.

— Сделаю, что смогу,— наконец сказал он.— Как я понимаю, выбор заключается в том, чтобы отправить Элвина к нам под некой разновидностью гипноза — или вернуть его как есть. Но, думаю, я могу обещать, что, даже узнав о вашем существовании, Диаспар по-прежнему не будет уделять вам никакого внимания.

— Мы обязаны учитывать все варианты,— ответила Серанис.

Рорден сразу же почувствовал в ее голосе вызов.

— А как насчет меня? — улыбнулся он.— Я теперь знаю столько же, сколько и Элвин.

— Элвин — всего лишь мальчик,— не медля ответила Серанис,— но ты занимаешь пост столь же древний, как и сам Диаспар. Люс уже не в первый раз общается с хранителями записей, и они пока не выдали нашу тайну.

Рорден ничего на это не ответил, лишь спросил:

— Как долго вы хотите продержать у себя Элвина?

— Самое большее пять дней. Совет соберется через три.

— Очень хорошо. Значит, в течение этих пяти дней Элвин будет занят историческими исследованиями вместе со мной. Не в первый раз. Это на случай, если ко мне обратится Джезерак.

Элвин рассмеялся.

— Бедный Джезерак! Вечно я от него что-нибудь скрываю.

— Далеко не так удачно, как тебе кажется,— загадочно ответил Рорден.— Впрочем, я никаких проблем не жду. Ладно, договорились. Но только пять дней, не дольше!

Когда изображение исчезло, Рорден какое-то время сидел, глядя на потемневший экран. Он всегда подозревал, что всемирная сеть связи существует по-прежнему, но ключи к ней утеряны и человечество никогда не сможет выявить миллиарды ее цепей. Странно было представить, что даже сейчас видеофоны могут напрасно звонить в заброшенных городах. Возможно, придет время, когда то же случится и с его аппаратом, и больше не будет хранителя записей, который мог бы ответить неизвестному абоненту...

Ему стало слегка страшно от осознания безмерности всего того, что произошло. До сих пор Рорден придавал мало значения последствиям своих поступков. Его собственные исторические интересы и его привязанность к Элвину были достаточными мотивами для того, что он сделал. Хотя он подбадривал и поощрял Элвина, ему никогда не верилось, что нечто подобное вообще может произойти.

Несмотря на разделявшие их столетия, воля мальчика всегда была сильнее его собственной. Теперь было уже слишком поздно что-либо предпринимать — Рорден чувствовал, что события несут его к развязке, на которую он никак не может повлиять.

— Зачем все это нужно,— спросил Элвин,— если мы намерены отсутствовать всего два или три дня? К тому же берем с собой синтезатор пищи.

— Может, и не нужно,— ответил Теон, бросая в багажник небольшой машины последнюю упаковку с едой.— Это покажется тебе странным, но некоторые продукты, самые деликатесные, мы никогда не синтезировали — предпочитаем наблюдать, как они растут. Кроме того, нам могут встретиться другие люди, обмен едой с ними считается данью вежливости. Почти в каждом районе своя особая пища, а Эйрли сла-

вится персиками. Вот почему я их столько взял — а вовсе не потому, что решил, будто ты сможешь все их съесть.

Элвин швырнул недоеденным персиком в Теона, тот ловко увернулся. В воздухе что-то мелькнуло, послышалось тихое жужжание невидимых крыльев, и опустившийся на плод Криф начал высасывать сок.

Элвин до сих пор не привык к нему. Трудно представить, что огромное насекомое, хотя и способное прилетать на зов и даже выполнять простые команды, почти ничего не соображает. Жизнь для Элвина всегда была синонимом разума, подчас намного превосходящего человеческий.

Когда Криф отдыхал, его шесть прозрачных крыльев были сложены вдоль тела, отчего существо уподоблялось украшенному драгоценными камнями скипетру. Он был представителем самой высокоразвитой и красивой разновидности насекомых, которую когда-либо знал мир,— последнее из созданий, выбранных человеком на роль спутников.

В Люсе хватало подобных чудес, и Элвин постоянно узнавал что-то новое.

Ничуть не меньше его удивила неприметная, но весьма эффективная транспортная система. Машина, на которой они собирались путешествовать, судя по всему, работала по тому же принципу, что и доставившая мальчика из Диаспара, поскольку она висела в воздухе в нескольких дюймах от земли. Хотя нигде не было видно рельсов, Теон сказал, что машины могут двигаться только по заранее определенным путям. Таким образом соединялись друг с другом все населенные пункты, но до отдаленных частей страны можно было добраться лишь пешком. Что казалось Элвину крайне необычным, но Теон, похоже, считал идею превосходной.

Судя по всему, Теон запланировал экспедицию уже довольно давно. Естествознание было его главным увлечением — Криф был лишь самым впечатляющим из многих его питомцев,— и он надеялся найти новые разновидности насекомых в необитаемой южной части Люса.

Узнав о его намерениях, Элвин не скрывал своего энтузиазма. Он рассчитывал узнать больше об этой чудесной стране, и хотя интересы Теона лежали в несколько иной области, чем его собственные, он испытывал к своему новому знакомому теплое, почти родственное чувство, какое не смог пробудить в нем даже Рорден.

Теон хотел продвинуться на юг, на предельное для машины расстояние — чуть больше часа езды от Эйрли,— а остальную часть пути проделать пешком. Элвин не возражал, хотя и не представлял себе всех возможных последствий этого решения.

Для Элвина путешествие через Люс было чем-то нереальным, похожим на сон. Безмолвная словно призрак машина скользила через равнины и леса, нигде не отклоняясь от своего невидимого курса. Она двигалась раз в десять быстрее идущего человека. Большая спешка никому в Люсе не требовалась.

Они не раз пересекали поселки, иные покрупнее, чем Эйрли, но в основном построенные по одному образцу. Элвин с интересом отмечал малозаметные, но существенные отличия во внешности жителей разных мест. Цивилизация Люса состояла из сотен различных культур, каждая делилась с остальными каким-то своим особым талантом.

Пару раз Теон останавливался, чтобы поговорить с друзьями, но задержки были короткими, и еще не наступил полдень, когда маленькая машина замерла у густо поросшего лесом склона. Гора была не слишком высока, но Элвину показалась громадиной, прежде он таких не видел.

— Отсюда пойдем пешком,— весело сообщил Теон, выгружая снаряжение из машины.— Дальше ехать нельзя.

Пока он возился с ремнями, превращавшими его во вьючное животное, Элвин с сомнением смотрел на каменистый склон.

— Долго обходить? — спросил он.

— Мы не пойдем в обход,— ответил Теон.— Я хочу добраться до вершины, пока не стемнело.

Элвин промолчал. Этого он и боялся.

— Отсюда,— попытался Теон перекричать шум водопада,— можно увидеть весь Люс.

Элвин легко поверил ему на слово. К северу на многие километры простирался лес; тут и там виднелись проплешины полей и ленты рек. Где-то посреди этой обширной панорамы скрывался Эйрли. Элвин как будто заметил блеск большого озера, но решил, что обманывают глаза. Дальше на север леса и поля сливались в пятнистый зеленый ковер, местами взгорбленный цепочками холмов. А еще дальше, у самого горизонта, тянулись скрытые в тумане горы, ограждавшие Люс от пустыни.

На востоке и западе пейзажи отличались мало чем, но на юге, казалось, до гор было всего несколько километров. Элвин видел их отчетливо; не вызывало сомнений, что они намного выше его горушки.

Но чудеснее всего был водопад. С крутизны в долину низвергался могучий поток воды, преодолевал несколько сот метров и разбивался о камни в сверкающие брызги, его громовой рев отдавался эхом от горных склонов. И в водяной пыли у нижней кромки водопада висела единственная оставшаяся на Земле радуга.

Мальчики долго лежали на краю обрыва, глядя на последнюю Ниагару и лежащую за ней незнакомую землю. Она очень отличалась от той, которую они покинули, поскольку выглядела пустой и обезлюдевшей. Люди не жили там уже много лет.

Теон ответил на молчаливый вопрос друга.

— Когда-то весь Люс был обитаем,— сказал он.— Сейчас в этом краю живут только звери.

Действительно, Элвин нигде не замечал признаков разумной жизни — ни полей, ни поселений по берегам рек. Лишь в одном месте виднелись древние следы жилья — вдалеке одиноко возвышалась над лесом полуразрушенная белая башня, похожая на сломанный клык. Повсюду вокруг нее джунгли вернулись в первозданное состояние.

7
ОБИТАТЕЛЬ КРАТЕРА

Когда Элвин проснулся, была ночь — пугающая и темная, какой только и может быть ночь в горах. Его что-то беспокоило — едва слышный посторонний звук, доносившийся сквозь глухой рокот водопада. Он сел, вглядываясь во тьму и затаив дыхание. Вокруг ничего не видать — звезды слишком слабы, им не осветить лежащую в сотнях метров внизу землю; лишь на южном горизонте неровная темная цепь горных вершин выделялась на фоне неба. Элвин сквозь шум водопада и шорох листвы услышал, как его друг перевернулся на спину и сел.

— Что такое? — донесся до Элвина его шепот.

— Кажется, я слышал какой-то звук.

— Что за звук?

— Не знаю. Может быть, просто приснилось.

Две пары глаз напряженно вглядывались в таинственную ночь. Неожиданно Теон схватил друга за руку.

— Смотри! — прошептал он.

Далеко на юге виднелась светящаяся точка, ярко-белая с фиолетовым оттенком. Не звезда — слишком низко висит над горизонтом. На глазах у мальчиков она разгоралась все ярче, и вот уже больно смотреть. Затем она взорвалась — и словно молния ударила за черту горизонта. На мгновение четко проступили очертания гор на фоне гигантской вспышки. Потом прилетело эхо мощного взрыва, и среди деревьев пронесся ветер. Он тут же утих, и одна за другой на небе вновь появились звезды.

Впервые в жизни Элвин познал страх перед неизвестностью, бывший проклятием древнего человека. Ощущение было столь необычным, что мальчик не сразу подобрал ему

название. А когда все же понял, что за чувство испытывает, оно тут же исчезло и он снова стал самим собой.

— Что это? — прошептал он.

Ответа не последовало, и он переспросил еще раз.

— Я пытаюсь вспомнить,— сказал Теон и добавил, немного помолчав: — Это, наверное, Шалмирейн.

— Шалмирейн? Разве он еще существует?

— Я почти забыл про него,— ответил Теон,— но теперь вспоминаю. Мама как-то рассказывала, что крепость находится как раз в тех горах. Конечно, она давно уже превратилась в руины, но, по слухам, в ней кто-то еще живет.

Шалмирейн! Для детей двух народов со столь разной историей и культурой это имя действительно звучало подобно магическому заклинанию. За всю долгую историю Земли не было эпопеи более великой, чем оборона Шалмирейна от захватчиков, покоривших Вселенную.

Вскоре из темноты вновь донесся голос Теона:

— Жители юга могут рассказать нам побольше. Расспросим их на обратном пути.

Элвин едва его слышал, погруженный в свои мысли. Он вспоминал услышанное когда-то от Рордена. Битва за Шалмирейн произошла на заре письменной истории; она отмечала конец легендарных завоеваний человечества и начало его долгого упадка. Если и можно где-то на Земле найти ответы на вопросы, столько лет мучившие Элвина, то именно в Шалмирейне. Но до южных гор очень далеко.

Теон, похоже, получил от матери ее способности, поскольку Элвин услышал его тихий голос:

— Если выйдем на рассвете, сможем добраться до крепости к ночи. Я никогда там не был, но, пожалуй, сумею найти дорогу.

Элвин задумался. Он устал, и от непривычной долгой ходьбы болели ноги. Весьма заманчивым казалось отложить поход до другого раза. Но другого раза может и не быть. Более того, нельзя исключать, что увиденная ими вспышка — сигнал о помощи.

Элвин долго боролся со своими колебаниями в тусклом свете далеких звезд и наконец принял решение. Ничто не изменилось — горы все так же стояли на часах, охраняя спящую землю. Но поворотный момент в истории человечества уже случился, и теперь оно шло навстречу неизвестному будущему.

Когда путешественники добрались до края чащи, солнце едва поднялось над восточной стеной Люса. Здесь природа вернулась к своему первозданному виду. Даже Теон, казалось, потерялся среди гигантских деревьев, чьи кроны застили солнечный свет, отбрасывая громадные тени на подстилку джунглей. К счастью, от водопада река текла на юг почти по прямой и, держась ее берега, можно было избежать густых зарослей. Немало времени и внимания Теон уделял ошалевшему на приволье Крифу, который то и дело исчезал в джунглях или быстро скользил над водой. Элвину по-прежнему многое было в новинку, в этом краю он чувствовал некое очарование, которого не испытывал в менее диких лесах северного Люса. Почти все деревья были не похожи друг на друга; одни пребывали на разных стадиях одичания, а другие за бесчисленные века вернулись к своему естественному виду. Многие явно имели неземное происхождение — возможно, их предков доставили даже из-за пределов Солнечной системы. Над ковром джунглей, словно часовые, возвышались гигантские секвойи высотой в сто—двести метров — древнейшие деревья на Земле, чуть старше самого человечества.

Река все ширилась, то и дело разливаясь озерцами с россыпями крошечных островков. Над водной гладью бесцельно носились ярко окрашенные насекомые. Однажды, несмотря на крики Теона, Криф метнулся прочь, желая присоединиться к своим отдаленным сородичам. Он тут же исчез в облаке сверкающих крыльев, и до мальчиков донеслось яростное жужжание. Мгновение спустя облако рассыпалось, и Криф словно молния устремился назад. С тех пор он держался рядом с Теоном и больше не пытался сбежать.

Ближе к вечеру впереди появились горы. Река, служившая столь верным проводником, теперь текла медленно и лениво, словно тоже приближалась к цели своего пути. Однако ясно было, что засветло до гор не добраться; еще задолго до заката в лесу так стемнело, что идти дальше стало невозможно. Вокруг толстых стволов лежали огромные тени, в листьях шумел холодный ветер. Элвин и Теон устроились на ночлег под гигантским красным деревом, чьи верхние ветви до сих пор освещала заря.

Наконец невидимое снизу солнце зашло, но его последние лучи еще долго играли с рябью на воде. Мальчики лежали в сгущающихся сумерках, глядя на реку и размышляя об увиденном за день. Элвин заснул с мыслью о том, кто в последний раз проходил этой дорогой и сколь давно это было.

Солнце стояло уже высоко, когда они вышли из леса и остановились перед горной стеной. Впереди склон круто уходил к небу уступами из голого камня. Река заканчивалась здесь так же величественно, как и начиналась,— земля разверзалась перед ней, и вода с ревом исчезала внизу.

Несколько мгновений Теон стоял, глядя на водоворот, затем показал на проход в горах.

— Шалмирейн в той стороне,— уверенно сказал он.

— Ты же говорил, что никогда здесь не был! — удивился Элвин.

— Я и в самом деле здесь не был.

— Тогда откуда ты знаешь?

Теон озадаченно посмотрел на него.

— Ниоткуда. Раньше я и не думал. Наверное, инстинкт — в Люсе каждый человек всегда знает, куда он идет.

Весьма скептически восприняв слова Теона, Элвин все же последовал за ним. Вскоре они прошли через кряж, и впереди открылось плато, плавно уходящее вверх. Немного поколебавшись, Теон начал подъем. Преисполненный сомнений Элвин двинулся следом, сочиняя на ходу небольшую речь. Если путешествие закончится ничем, Теон узнает, что Элвин думает по поводу его безошибочного инстинкта.

Когда они добрались почти до самой вершины, структура почвы резко изменилась. Нижние склоны состояли из пористого вулканического камня, перемежавшегося мощными слоями пепла. Здесь же поверхность была твердой и предательски гладкой, словно стекло,— как будто расплавленный камень когда-то стекал с горы. Край плато находился почти у самых ног. Теон добрался до него первым, а несколько секунд спустя Элвин остановился рядом, не в силах вымолвить ни слова. Вопреки ожиданиям, мальчики остановились не на краю плато, а на кромке гигантской чаши примерно километр глубиной и два с лишним в диаметре. Впереди земля круто уходила вниз, образуя пологую впадину, а затем снова круто поднималась к противоположному краю. И хотя на небе ярко сияло солнце, вся огромная котловина была черной как смоль. Из какого материала состоял кратер, мальчики могли только догадываться, но он был черным, словно камень с планеты, никогда не знавшей солнца. И это еще не все, поскольку под их ногами, окружая весь котлован, тянулась металлическая лента шириной в полторы сотни метров, потускневшая от невообразимого времени, но без единого пятнышка ржавчины.

Когда глаза привыкли к этому фантастическому зрелищу, Элвин и Теон поняли, что чернота кратера не столь уж и абсолютна. То тут, то там на мглистых стенах вспыхивал свет. Блики возникали случайным образом, исчезая так же быстро, как и появлялись, словно отражения звезд в бурном море.

— Потрясающе! — выдохнул Элвин.— Но что это?

— Похоже, какой-то отражатель.

— Такое черное вещество способно что-то отражать? Не могу поверить.

— Оно черное только для наших глаз, не забывай. Мы не знаем, какое излучение использовали предки.

— Но должно ведь быть и еще что-то! И где, собственно, крепость?

Теон показал на ровное дно кратера, где виднелось нечто, принятое Элвином за груду беспорядочно сваленных кам-

ней. Со второго взгляда удалось различить в их расположении почти стершийся план. Да, это были руины великих строений, разрушенных временем.

Первые несколько сот метров склон был слишком гладок и крут, чтобы спускаться шагом, а не ползком, но вскоре мальчики добрались до более пологого участка, позволявшего идти без особого труда. У дна кратера черная стекловидная порода переходила в тонкий слой земли, видимо нанесенной за века ветрами.

Метрах в трехстах громоздились титанические глыбы, словно брошенные игрушки младенца-великана. В одном месте можно было узнать часть массивной стены, в другом два резных обелиска отмечали то, что когда-то было величественными воротами. Все вокруг поросло мхом, цепкой травой и карликовыми деревьями. Даже ветра не было слышно.

Элвин и Теон стояли подле Шалмирейна. Если верить легенде, у его стен были наголову разбиты силы, способные превратить планету в пыль. Когда-то в этих небесах бушевал огонь, вырванный из сердец многих солнц, и горы корчились, словно живые существа, в грохоте и пламени.

Врагу так и не удалось захватить Шалмирейн. Но несокрушимая твердыня в конце концов пала, завоеванная терпеливыми усиками плюща и поколениями слепо роющих свои норы червей.

Охваченные благоговейным трепетом, мальчики молча подошли к грандиозным развалинам. Войдя в тень стены, они пересекли каньон, образованный двумя грудами камней.

Перед ними открылся большой амфитеатр, который пересекали длинные насыпи, вероятно, курганы над могилами машин. Когда-то все это огромное пространство было накрыто куполом, но крыша давно обрушилась. Однако где-то среди запустения наверняка сохранилась жизнь; Элвин понимал, что облик руин может быть обманчив. Большая часть крепости находилась глубоко под землей, недоступная влиянию времени.

— Нам нужно вернуться к полудню,— сказал Теон,— так что будет лучше, если разделимся. Беру на себя восточную половину, а ты осмотри эту сторону. Крикни, если найдешь что-нибудь интересное, но слишком далеко не заходи.

Элвин полез вверх по обломкам, обходя более крупные груды камней. Возле центра арены он наткнулся на круглую площадку диаметром метров десять-пятнадцать. Когда-то ее покрывала трава, но она почернела от чудовищного жара и при приближении мальчика рассыпалась в прах. В центре площадки стоял треножник, он поддерживал отшлифованную металлическую чашу, похожую на модель самого Шалмирейна. Она могла вращаться в вертикальной и горизонтальной плоскостях, а в самой ее середине находилась спираль из какого-то прозрачного вещества. Снизу к отражателю была прикреплена черная коробка, от которой уходил тонкий провод.

Элвину стало ясно, что эта машина — источник света, и он решил найти, куда ведет провод. Проследить его путь было нелегко, поскольку он то и дело нырял в расщелины и вновь появлялся в неожиданных местах. Окончательно его потеряв, Элвин позвал на помощь Теона.

Когда он залез под нависающий камень, перед ним возникла чья-то тень. Решив, что это подошел друг, Элвин выбрался из пещеры, повернулся — и утратил дар речи.

Перед ним висел в воздухе большой темный глаз, окруженный, словно спутниками, глазами поменьше. Так, по крайней мере, сперва показалось Элвину; затем он понял, что смотрит на сложную машину — а она смотрит на него.

Наконец Элвин нарушил напряженную тишину. Всю свою жизнь он отдавал приказы машинам и сейчас предположил, что это устройство разумно, хотя прежде не видел подобных ему.

— Назад!

Ничего не произошло.

— Иди. Ко мне. Вверх. Вниз. Вперед.

Ни одна из самых обычных команд не возымела действия. Машина оставалась неподвижной.

Элвин шагнул к ней, и глаза поспешно попятились. Их угол зрения, видимо, был ограничен, поскольку машина неожиданно налетела на Теона, который заинтересованно наблюдал за происходящим. Издав совершенно человеческий возглас, устройство взмыло на несколько метров, продемонстрировав несколько щупалец и суставчатых конечностей вокруг короткого цилиндрического тела.

— Спускайся, мы не причиним вреда! — крикнул Теон, потирая ушибленную грудь.

Послышался голос — не бесстрастная и неестественно правильная речь машины, но дрожащий голос очень старого и очень усталого человека.

— Кто вы? Что делаете в Шалмирейне?

— Меня зовут Теон, а это мой друг Элвин Лороней. Мы исследуем Южный Люс.

Последовала короткая пауза. Когда машина заговорила снова, в голосе чувствовались раздражение и досада.

— Почему бы не оставить меня в покое? Неужели не помните, сколько раз я об этом просил!

Теон, всегда спокойный и добродушный, явно рассердился.

— Мы из Эйрли, и мы ничего не знаем про Шалмирейн.

— К тому же,— укоризненно добавил Элвин,— мы заметили твой сигнал и решили, что требуется помощь.

Странно было слышать столь человеческий вздох от холодной безликой машины.

— Уже миллион раз я подавал сигнал и ничего не добился, кроме чрезмерного любопытства со стороны Люса. Но я вижу, что вы не желаете зла. Следуйте за мной.

Машина медленно поплыла прочь от разбитых камней, остановившись возле темного отверстия в стене амфитеатра. В тени пещеры что-то пошевелилось, и на солнечный свет вышел человек. Самый настоящий старик — Элвин такого еще ни разу в жизни не видел. Голова совершенно лысая, но

нижняя часть лица покрыта густыми белоснежными волосами. На плечи был небрежно накинут плащ из стеклянных нитей, по бокам висели в воздухе еще две многоглазые машины.

8
ИСТОРИЯ ШАЛМИРЕЙНА

Наступила короткая пауза — старик рассматривал юношей, те — старика. Затем обитатель крепости заговорил, и три машины эхом повторяли его слова, пока вдруг не отключились через несколько секунд.

— Значит, вы с севера, и ваш народ уже забыл о Шалмирейне.

— О нет! — поспешил возразить Теон.— Не забыл. Но мы не были уверены, что кто-то здесь живет, и уж точно не знали о его нежелании принимать гостей.

Старик не ответил. Двигаясь крайне медленно, так что даже больно было смотреть на него, проковылял в пещеру и скрылся с глаз. Три машины безмолвно последовали за ним. Элвин и Теон удивленно переглянулись — они и сами не очень-то хотели идти за стариком, но отказ их принять, если это действительно был отказ, выглядел уж слишком бесцеремонно. Они уже было заспорили, что делать дальше, как вдруг вернулась одна из машин.

— Чего вы ждете? Входите! — приказала она, после чего снова исчезла.

Элвин пожал плечами:

— Похоже, нас приглашают. Может, хозяин и несколько эксцентричен, но вид у него вполне дружелюбный.

За отверстием в стене вела вниз широкая винтовая лестница, она заканчивалась у маленькой круглой комнаты, из которой расходилось несколько коридоров. Однако ошибиться было невозможно, поскольку все они, кроме одного, были завалены мусором.

Пройдя всего несколько метров, Элвин и Теон оказались в большом помещении, уставленном разнообразными пред-

метами. Часть его была занята домашними машинами — синтезаторами, утилизаторами, уборочным оборудованием и так далее,— которые обычно прячут в стенах и полу. Вокруг них громоздились пирамидами, почти достигавшими потолка, коробки с мыслезаписями и устройствами для их воспроизведения. В помещении было крайне жарко из-за десятка разбросанных по полу вечных огней. Привлеченный теплом Криф подлетел к ближайшей металлической сфере, блаженно распростер над ней крылья и заснул.

Мальчики не сразу заметили старика и трех его роботов, поджидавших на небольшом открытом пространстве, которое напомнило Элвину поляну в джунглях. Там обнаружилась кое-какая мебель — стол и три удобных дивана. Один был старым и потертым, но два других выглядели столь подозрительно новыми, что Элвин не усомнился: они созданы в последние несколько минут. На его глазах вспыхнул над столом знакомый предупреждающий огонек синтезатора, и хозяин жестом пригласил гостей к столу.

Поблагодарив, они взялись за неожиданно появившиеся еду и напитки. Элвин понял, что ему успела надоесть однообразная продукция портативного синтезатора Теона, и перемена весьма обрадовала его.

Некоторое время они молча жевали, то и дело бросая взгляды на старика. Казалось, он был настолько погружен в собственные мысли, что полностью забыл о мальчиках,— но как только те покончили с едой, он поднял взгляд и приступил к расспросам. Когда Элвин объяснил, что он родом не из Люса, а из Диаспара, старик особо не удивился. Теон старался как мог, отвечая ему; похоже, старику очень хотелось узнать новости, сколь бы неприязненно он ни относился к гостям.

Но вот старик замолчал. Мальчики терпеливо ждали — хозяин так ничего и не рассказал о своем прошлом или о том, что он делает в Шалмирейне. Сигнал, который привлек их внимание, так и оставался загадкой, но они не решались прямо попросить объяснений. Лишь сидели в стесненной тишине, блуждая взглядом по удивительной комнате, каждый раз

находя в ней что-то новое и неожиданное. Наконец Элвин прервал размышления старика.

— Нам скоро уходить,— заметил он.

Морщинистое лицо повернулось к ним, но взгляд остался устремлен куда-то вдаль. Затем зазвучал усталый, невероятно старый голос. Он был столь тихим, что мальчики едва слышали; вскоре, однако, старик спохватился, и три машины снова начали повторять сказанное им.

Многое из того, что он сказал, им так и не удалось понять. Порой он употреблял незнакомые слова; иногда же словно повторял фразы или целые речи, написанные другими много лет назад. Но суть его рассказа была ясна, и Элвин мысленно вернулся в те времена, о которых мечтал с детства.

История началась, как и многие другие, среди хаоса Переходных Веков, когда Пришельцы улетели, но мир еще зализывал раны. В то время в Люсе появился человек, который позднее стал известен как Учитель. Его сопровождали три странные машины — те самые, что смотрели на мальчиков сейчас. Устройства были его слугами, но они обладали собственным разумом. Тайну своего происхождения он так и не раскрыл, и в конце концов стали считать, что он явился из космоса, каким-то образом преодолев блокаду Пришельцев. Возможно, далеко среди звезд до сих пор оставались островки человечества, не поглощенные войной.

Учитель и его машины обладали способностями, которые утратил мир. Собрав вокруг себя группу людей, он дал им многие знания. Вероятно, он был выдающейся личностью; Элвину смутно представлялась таинственная сила, привлекавшая к Учителю тысячи людей из умирающих городов. Они приходили в Люс, ища мира и покоя после десятков лет хаоса. Здесь, среди лесов и гор, слушая мудреца, они наконец обретали душевное спокойствие.

В конце своей долгой жизни Учитель попросил друзей вынести его на открытое пространство, чтобы он мог увидеть звезды. Чувствуя, как иссякают силы, он ждал восхождения Семи Солнц. Перед смертью решимость, с которой он хра-

нил свою тайну, видимо, несколько ослабла, и он едва слышным голосом поведал то, о чем впоследствии были написаны бесчисленные книги. Снова и снова он говорил о «Великих», которые покинули мир, но наверняка однажды вернутся, и наказывал своим последователям достойно их встретить. Это были его последние осмысленные слова. Он так больше и не пришел в себя, лишь перед самым концом произнес одну фразу, которая по крайней мере отчасти раскрывала его тайну. В течение многих веков эти слова преследовали всех, кто их слышал: «Как прекрасны разноцветные тени на планетах вечного света». А потом он умер.

Так возникла религия Великих. После смерти Учителя многие последователи отказались от его учения, но другие остались верны. Сперва эти адепты верили, что Великие, кем бы они ни были, скоро вернутся на Землю, но проходили столетия, и надежда угасала. Однако братство не исчезло; напротив, оно прирастало новыми членами из окрестных земель, и приумножались его сила и власть, и в конце концов оно стало господствовать во всем Южном Люсе.

Элвину было нелегко следить за рассказом старика. Слова звучали очень странно, и мальчик не мог понять, что в них правда, а что легенда — если в них вообще была хоть крупица правды. В его воображении возник лишь смутный образ фанатиков, из века в век, поколение за поколением ожидавших некоего грандиозного события, чьей сути они не понимали.

Великие так и не вернулись. Постепенно братство ослабло, утратило свою власть, и наконец жители Люса прогнали адептов в горы, и здесь, в Шалмирейне, они нашли убежище. Но не отказались от своей веры, поклявшись: сколько бы ни пришлось ждать, они будут готовы к приходу Великих. Много лет назад люди нашли способ противостоять времени, и знание это сохранилось, тогда как многое другое было утрачено навсегда. В Шалмирейне остались бодрствовать лишь несколько наблюдателей, прочие же погрузились в долгий сон без сновидений.

Число их постепенно сокращалось, по мере того как пробуждались спящие, чтобы заменить умерших. Но верность Учителю была нетленна. Из его предсмертных слов казалось очевидным, что Великие живут на планетах Семи Солнц, поэтому делались попытки послать сигнал в космос. Попытки эти давно стали не более чем бессмысленным ритуалом, и теперь история подходила к своему концу. В Шалмирейне вскоре должны остаться лишь три машины, они будут охранять кости людей, много столетий назад пришедших сюда по причине, понятной только им самим.

Старческий голос смолк, и мысли Элвина вернулись в знакомый мир. Как никогда прежде он осознавал, сколь многого до сих пор не знает. На миг перед ним высветился крошечный фрагмент прошлого, но теперь снова сомкнулась тьма.

История мира представляла собой уйму подобных нитей, на вид не связанных друг с другом, и кто может сказать, какие из них важны, а какие незначительны? Фантастическая история об Учителе и Великих, возможно, лишь одна из бесчисленных легенд, переживших цивилизации Рассвета. Однако три машины не походили ни на что из виденного Элвином раньше, и он не мог счесть рассказ старика самообманом больного воображения, как бы ему этого ни хотелось.

— Машинам наверняка задавали вопросы,— вдруг сказал он.— Если они появились на Земле вместе с Учителем, то им должны быть известны его тайны.

Старик устало улыбнулся.

— Они знают,— ответил он,— но никогда не расскажут. Об этом позаботился Учитель, прежде чем передал управление другим. Мы пытались много раз, но тщетно.

Элвин понял. Он подумал о диаспарском ассоциаторе и о печатях, которые на содержащиеся в нем знания наложил Ален. Мальчик верил, что даже эти печати удастся когда-нибудь сломать, а ведь ассоциатор явно сложнее во много раз, чем эти маленькие роботы-рабы. Интересно, смог бы Рорден, столь опытный в разгадках тайн прошлого, извлечь из машин

сведения? Но Рорден далеко, и он никогда не покинет Диаспар.

Внезапно в голове у Элвина сложился план. До подобного мог додуматься лишь тот, кто очень молод, и даже Элвину не хватало уверенности в своих силах. Но он принял решение и был готов идти до конца.

Элвин показал на машины.

— Они одинаковые? — спросил он.— В смысле, каждая может делать все, что угодно, или они специализированные?

Старик озадаченно посмотрел на него.

— Никогда об этом не думал... Когда мне что-нибудь нужно, я обращаюсь к той, что ближе. Вряд ли между ними есть разница.

— Как я понимаю, сейчас у них не слишком много работы,— с невинным видом продолжал мальчик. Теон удивленно посмотрел на него, но Элвин отвел глаза.

— Нет,— с грустью ответил старик.— Шалмирейн сильно изменился.

Элвин выдержал сочувственную паузу, затем быстро заговорил. Сперва старик, похоже, не понимал, что ему предлагают; когда же понял, Элвин не дал ему возможности вставить хоть слово. Он рассказывал об огромных хранилищах знаний в Диаспаре, о том, как их использует хранитель записей. До сих пор машины Учителя выдержали все допросы, но они могут не устоять перед методами Рордена. Возможно, другого шанса уже не будет.

Покраснев от собственного красноречия, Элвин закончил:

— Одолжи мне одну машину, ведь все они тебе не нужны. Прикажи, чтобы подчинялась моим командам, и я доставлю ее в Диаспар. Обещаю вернуть независимо от того, удастся эксперимент или нет.

Теон ошеломленно смотрел на него, а по лицу старика пробежала тень ужаса.

— Я не могу на это согласиться! — воскликнул он.

— Но почему? Подумай о том, что мы сможем узнать!

Старик решительно покачал головой.

— Это против желания Учителя.

Элвин почувствовал разочарование и досаду. Но он был юным и полным энергии, а его оппонент — старым и усталым. Мальчик выкладывал аргумент за аргументом, не сбавляя темпа и пользуясь всеми преимуществами. Впервые Теон увидел в друге личность; впрочем, Элвин и сам прежде ничего не знал об истинных чертах своего характера. Люди Эпохи Рассвета никогда не сдавались перед возникавшими на пути препятствиями; воля и решимость не исчезли на Земле. Еще ребенком Элвин противостоял силам, пытавшимся сформировать его по нравственным стандартам Диаспара. Теперь же ему, повзрослевшему, приходилось спорить не с величайшим городом мира, а всего лишь со стариком, которому не хотелось ничего, кроме покоя. И которому вскоре предстояло этот покой обрести.

9
ПОВЕЛИТЕЛЬ РОБОТА

Уже наступил вечер, когда машина бесшумно преодолела последний заслон деревьев и остановилась на большой поляне возле Эйрли. Спор, продолжавшийся большую часть пути, утих, и восстановился мир. До драки так и не дошло, возможно, потому, что слишком неравны были шансы. Теона мог поддержать лишь Криф, в то время как Элвину подчинялся одноглазый робот со щупальцами, на которого мальчик смотрел с нескрываемой любовью.

Элвин не знал, каким образом была совершена передача управления, но теперь только он мог командовать роботом, говорить его голосом и видеть его глазами. Машина не подчинилась бы больше никому в мире.

Серанис ждала их в удивительной комнате, как будто лишенной потолка, хотя Элвин знал, что над ней есть еще один этаж. Женщина выглядела обеспокоенной и еще более неуверенной, чем раньше, и он вспомнил о выборе, который,

возможно, предстоял ему в ближайшем будущем. А ведь он почти забыл об этом, полагая, что Совет каким-то образом решит его проблему. Теперь он понял, что решение может ему не понравиться.

Серанис заговорила, и по паузам в ее речи стало ясно, что она повторяет заранее отрепетированные слова.

— Элвин, есть многое, о чем я еще не рассказала. Но тебе следует это узнать, если хочешь понять мотивы наших поступков. Тебе известна одна из причин, по которым народы живут порознь. Это страх перед Пришельцами. Черная тень затаилась в глубинах каждого человеческого разума, обратив диаспарцев против всего мира, погрузив вас в свои собственные мечты. Здесь, в Люсе, страх этот никогда не был столь силен, хотя именно мы понесли основные потери. Мы прекрасно понимаем, что делаем, и у нас есть для этого основания.

Давным-давно люди стремились к бессмертию и в конце концов достигли его. Они лишь забыли, что в мире, где нет смерти, не должно быть и рождений. Возможность продлить жизнь до бесконечности принесла удовлетворение индивидууму, но обернулась застоем для всего народа. По твоим словам, ты единственный ребенок, родившийся в Диаспаре за семь тысяч лет. Но ты же видел, сколько детей здесь, в Эйрли. Много веков назад мы пожертвовали бессмертием, а Диаспар по-прежнему живет ложной мечтой. Вот почему наши пути разошлись — и вот почему они никогда больше не должны соединиться.

Хотя подобное и следовало предполагать, удар оказался неожиданным для Элвина. Однако он отказывался признать, что все его планы пошли прахом — даже еще не оформившись до конца,— и лишь часть его сознания слушала сейчас Серанис. Он понимал и осознавал все ее слова, но другая половина разума восстанавливала в памяти обратный путь в Диаспар, пытаясь представить себе любое препятствие, которое могло бы на нем возникнуть.

Вид у Серанис был подавленный. Голос ее звучал почти умоляюще, и Элвин понял, что она обращается не только к нему, но и к своему сыну. Во взгляде наблюдавшего за матерью Теона чувствовался неприкрытый упрек.

— У нас нет желания держать тебя в Люсе против воли, но ты должен понимать, что произойдет, если народы смешаются. Между нашей и вашей культурой лежит не меньшая пропасть, чем та, что отделяла Землю от ее древних колоний. Подумай, Элвин, хотя бы вот о чем. Вы с Теоном сейчас почти одного возраста, но и он, и я будем уже много столетий мертвы, а ты так и останешься мальчиком.

В комнате было очень тихо, настолько тихо, что Элвин мог слышать странные жалобные крики неизвестных животных в полях вокруг поселка. Наконец он почти шепотом спросил:

— Чего ты от меня хочешь?

— Я, как и обещала, поставила вопрос о тебе перед Советом, но закон изменить нельзя. Ты можешь остаться здесь и сделаться одним из нас, а можешь вернуться в Диаспар. В этом случае нам придется стереть информацию в твоем мозгу, чтобы не сохранилось никаких воспоминаний о Люсе и чтобы ты больше не пытался сюда попасть.

— А Рорден? Он все равно будет знать правду.

— Мы много раз говорили с Рорденом после того, как вы с Теоном уехали. И он прекрасно понимает: наши действия вполне разумны.

В это мрачное мгновение Элвину показалось, что весь мир обратился против него. Хотя в словах Серанис было немало правды, ему не хватало сил ее осознать. Он видел лишь крушение своих туманных планов, конец поисков знания, ставших теперь самым важным делом в его жизни.

Серанис, видимо, прочитала его мысли.

— Я ненадолго тебя оставлю,— сказала она.— Но помни: что бы ты ни выбрал, пути назад не будет.

Теон последовал за ней к двери, но Элвин крикнул ему вслед. Юный житель Люса вопросительно посмотрел на мать, и та, слегка поколебавшись, кивнула. Дверь беззвучно закры-

лась, и Элвин понял, что она больше не откроется без согласия Серанис.

Элвин подождал, пока мысли снова придут в порядок.

— Теон,— начал он,— ты ведь мне поможешь?

Тот кивнул, но ничего не сказал.

— Тогда скажи, как меня могут остановить.

— Это легко. Если попытаешься бежать, моя мать возьмет под контроль твой разум. А потом, когда станешь одним из нас, тебе и не захочется уходить.

— Понятно. А читает ли она мои мысли сейчас?

— Я не должен этого говорить,— с тревогой ответил Теон.

— Но ведь скажешь, правда?

Мальчики долго смотрели друг на друга. Затем Теон улыбнулся.

— Только не пробуй меня запугивать. Я твои мысли читать не могу, но мама тут же вмешается, если попробуешь что-нибудь сделать. Она намерена следить за тобой, пока все не будет решено.

— Знаю,— сказал Элвин.— Но известно ли ей, что я думаю сейчас?

Теон поколебался.

— Нет,— наконец ответил он.— Кажется, она специально ушла, чтобы ее мысли на тебя не влияли.

Такой ответ Элвина вполне устраивал. Впервые он осмелился подумать о плане, который давал хоть какую-то надежду. Он был чересчур упрям, чтобы согласиться на любой из предложенных Серанис вариантов.

Вскоре должна вернуться Серанис. Он ничего не сможет сделать, пока не окажется на открытой местности, но даже там Серанис способна сорвать попытку к бегству. Или самостоятельно, или с помощью жителей поселка.

Очень тщательно, со всеми подробностями, Элвин вспомнил единственный путь, который мог привести назад в Диаспар на тех условиях, которые его устраивали.

Теон предупредил о приближении Серанис, и Элвин быстро перевел свои мысли в безобидное русло. Ей всегда было

непросто понимать его, и теперь Серанис казалось, что мальчик витает далеко в космосе, глядя на затянутую облаками планету. Кое-где в облаках возникали на секунду просветы, и она успевала заметить то, что лежало под ними. Пытаясь выяснить, что скрывает Элвин, она проникла в мысли сына, но Теон ничего не знал о планах друга. Она вновь подумала о принятых мерах предосторожности и, словно человек, разминающий мышцы перед серьезным усилием, еще раз перебрала варианты принуждения. Но когда Серанис, стоя в дверях, улыбнулась Элвину, на ее лице не было и следа озабоченности.

— Ну,— спросила она,— ты решил?

Ответ Элвина прозвучал вполне честно.

— Да,— сказал он.— Я вернусь в Диаспар.

— Мне очень жаль, и я знаю, что Теону будет тебя не хватать. Но, возможно, это и к лучшему — здесь не твой мир, и тебе следует думать о своем народе.

Демонстрируя высшую степень доверия, она отошла в сторону, пропуская Элвина в проем.

— Люди, способные стереть воспоминания о Люсе, уже ждут; мы ожидали подобного решения.

Элвин с радостью увидел, что Серанис ведет его именно в ту сторону, куда он и хотел. Она не оглядывалась, чтобы проверить, идет ли он следом; каждое ее движение словно говорило: «Только попробуй сбежать — мой разум намного сильнее твоего». И он знал, что это истинная правда.

Они уже отошли далеко от домов, когда Элвин остановился и повернулся к товарищу.

— До свидания, Теон.— Он протянул руку.— Спасибо за все, что ты для меня сделал. Когда-нибудь я вернусь.

Серанис тоже остановилась в нескольких метрах, не сводя глаз с Элвина.

— Я знаю, ты поступаешь так против своей воли,— сказал он ей с улыбкой,— и не обижаюсь. Впрочем, то, как поступаю я, мне тоже не нравится.

Это неправда, подумал он, испытывая странную радость. Мальчик быстро огляделся вокруг; никто к ним не приближался, и Серанис не двигалась с места. Она все еще смотрела на него, вероятно пытаясь прочитать мысли. Он быстро заговорил, не давая оформиться даже контурам своего плана.

— Я не считаю, что ты права,— произнес он столь надменно, что Серанис не смогла сдержать улыбку.— Люс и Диаспар не должны оставаться разделенными навсегда; однажды они могут понадобиться друг другу, и даже очень. Так что я возвращаюсь домой со всем тем, что успел узнать,— и не думаю, что ты сумеешь меня остановить.

Он не стал больше ждать — что было и к лучшему. Серанис даже не пошевелилась, но он тут же ощутил, как тело перестает ему подчиняться. Он не ожидал встретить столь мощное противодействие — но теперь стало ясно, что Серанис помогает множество других скрытых разумов. Уже почти смирясь с поражением, он как зомби двинулся в направлении центра поселка.

Затем, подобно молнии, вспыхнули сталь и стекло, и мальчика оплели металлические руки. Его тело машинально боролось, но сопротивление было бесполезно. Земля унеслась вниз, и он еще успел увидеть Теона, застывшего с вытаращенными глазами и глупой улыбкой.

Робот нес его на высоте три метра намного быстрее, чем мог бежать человек. Серанис потребовался один миг, чтобы осознать происшедшее, и борьба тут же прекратилась — женщина ослабила контроль. Но она еще не признала поражения, и вскоре случилось то, чего Элвин больше всего боялся и чему изо всех сил пытался противостоять.

В его мозгу теперь боролись две разные личности, и одна из них умоляла робота опустить его на землю. Настоящий Элвин ждал, затаив дыхание и лишь слегка противясь силам, с которыми, он знал, бессмысленно сражаться. Он шел на риск, давая машине сложные команды и не ведая, способна ли она их понять. Робот ни при каких обстоятельствах не должен

подчиняться любым его последующим приказам, пока не доставит свою ношу в Диаспар. Если же подчинится — все пропало.

Но машина не колеблясь мчалась по маршруту, тщательно проложенному для нее на карте. Половина сознания страстно умоляла отпустить, но теперь Элвин знал: ему ничто более не угрожает. Вскоре и Серанис это поняла — силы у него в мозгу прекратили тягаться друг с другом. Он снова свободен, подобно привязанному к мачте корабля путешественнику, которого провожает затихающее над темным морем пение сирен.

10
КОПИЯ

— Как видишь,— закончил Элвин,— она выполняет любые мои распоряжения, даже самые сложные. Но стоит задать вопрос о ее происхождении, она просто замирает — вот так.

Машина неподвижно висела над главным ассоциатором, и ее хрустальные линзы поблескивали в серебристом свете, словно драгоценные камни. Навидавшийся на своем веку всякого, Рорден был почти уверен, что эта машина создана нечеловеческой цивилизацией. Неудивительно, что с подобными вечными слугами личность Учителя смогла пережить века.

Возвращение Элвина создало столько проблем, что Рорден боялся о них думать. Ему самому нелегко было признать существование Люса — а какова будет реакция Диаспара? Вероятно, огромная инерция города смягчит удар; возможно, пройдут годы, прежде чем все его жители до конца осознают тот факт, что они не одни на Земле.

Впрочем, при участии Элвина события могли бы развиваться намного быстрее. Порой Рорден сожалел, что план Серанис потерпел неудачу,— все было бы намного проще. Второй раз в жизни Рорден не понимал, что ему делать. И сколько еще раз Элвин поставит его перед подобной дилеммой? Он криво улыбнулся, подумав, что от его выбора ничего не

зависит — ведь Элвин всегда поступает, как считает правильным.

Пока что не более десятка людей, не считая семьи Элвина, знали правду. С родителями он теперь не виделся неделями, а когда виделся, не откровенничал; похоже, они ничего не ведали о его путешествии, считая, что сын просто находился в какой-то отдаленной части города. Единственным, кто реагировал весьма решительно, оказался Джезерак; как только миновал первый шок, он крепко поссорился с Рорденом и они больше друг с другом не разговаривали. О причинах Элвин мог лишь догадываться; к его разочарованию, оба участника конфликта не желали ничего объяснять.

Еще будет время выяснить, решил мальчик, сколь многое стало известно Диаспару; пока же его мало что интересовало, кроме робота. Он подозревал — и Рорден с этим соглашался,— что услышанный в Шалмирейне рассказ был лишь эпизодом весьма длинной и непростой истории. Сперва Рорден отнесся к нему скептически, он все еще считал, что Великие — один из бесчисленных религиозных мифов и не более того. Лишь робот знал правду, но надежно хранил ее миллионы веков.

— Проблема в том,— сказал Рорден,— что в мире больше не осталось инженеров.

Элвин озадаченно посмотрел на него; хотя общение с хранителем записей существенно расширило его словарный запас, многие древние слова оставались непонятны.

— Инженеры,— объяснил Рорден,— это люди, которые проектировали и строили машины. Мы ни одну эпоху не можем себе представить без роботов, но любая из ныне существующих машин когда-то кем-то изобретена, и для ухода за нею требовались люди, пока не были созданы высшие роботы, способные заботиться о себе. Можно лишь догадываться, как выглядела техника древних.

— Например, самолеты и ракеты,— вставил Элвин.

— Да,— согласился Рорден.— И огромные космические корабли, способные достичь звезд. Все они исчезли, когда в них отпала надобность.

Элвин задумчиво покивал.

— Мне почему-то кажется, что исчезновение космических кораблей невозможно объяснить столь просто. Но вернемся к нашей машине. Как думаешь, высшие роботы могли бы помочь?

— Помочь? Каким образом?

— Если бы знать,— вздохнул Элвин.— Я ведь отродясь не видел ни одного высшего робота. Понятия не имею, как они действуют. Но попробовать, думаю, стоит. Может, они как-нибудь заставят эту машину повиноваться всем нашим приказам. Других роботов они чинят, вот и этого пусть попробуют...

Рорден улыбнулся — идея мальчика показалась чересчур наивной, чтобы воспринимать ее всерьез. Однако сам он ничего лучшего придумать не мог, а потому решил: попытка не пытка.

Он подошел к ассоциатору, над которым с безучастным видом висел робот. Когда хранитель записей почти машинально набирал вопросы на большой клавиатуре, его вдруг осенила мысль столь неуместная, что он рассмеялся.

Мальчик удивленно посмотрел на друга. Рорден повернулся к нему.

— Элвин, боюсь, нам еще многое предстоит узнать о машинах.— Улыбаясь, он положил ладонь на гладкий металлический корпус робота.— Они не обладают многими человеческими чувствами, так что вовсе ни к чему обсуждать наши планы шепотом.

Элвин понял, что этот мир не предназначен для человека. В свете трихроматических ламп, ярком до рези в глазах, протянулись в бесконечность длинные широкие коридоры. В конце своей долгой жизни все роботы Диаспара уходили по этим

коридорам, но за миллионы лет в них ни разу не прозвучали человеческие шаги.

Не так уж сложно было найти карты подземного города — города машин, без которых Диаспар не мог бы существовать. В нескольких сотнях метров впереди коридор должен заканчиваться круглым залом диаметром более километра, там крыша опирается на огромные колонны, выдерживающие также невообразимый вес энергетического центра. Там, если верить картам, несут свою вахту высшие роботы Диаспара.

Зал был на месте, и он оказался даже больше, чем представлял себе Элвин,— но где машины? Он остановился, зачарованно глядя вниз, на огромную, но бессмысленную панораму. Коридор заканчивался высоко в стене зала — наверняка самой большой из созданных руками человека полостей,— и по обе стороны от выхода по стенам зала спускались к далекому полу пандусы. Все ярко освещенное пространство было покрыто сотнями белых сооружений; Элвину даже показалось, будто он смотрит на подземный город. Впечатление было удивительно ярким и незабываемым. Но нигде он не замечал того, что искал,— блеска металла, по которому с незапамятных времен человек узнает своих слуг.

Здесь завершилась эволюция почти такая же долгая, как и эволюция человечества. Начало ее терялось в тумане Эпохи Рассвета, когда люди обуздали энергию и населили мир своими грохочущими машинами.

Пар, вода, ветер — все это какое-то время использовалось, а потом забывалось. В течение веков миром правила энергия материи, пока ее тоже не сменила иная форма энергии, и с каждой подобной переменой старые машины уходили в забвение, уступая место новым. Никакая машина не должна содержать движущихся частей — вот он, идеал. Когда-то бывший мечтой, затем отдаленной перспективой и наконец ставший реальностью

И сейчас Элвин видел перед собой окончательное воплощение этого идеала. Чтобы его достичь, человечеству потре-

бовался, вероятно, миллиард лет, но в час торжества оно навсегда отвернулось от своих безупречных созданий.

Искомый механизм был не столь велик, как многие его сотоварищи, но Элвин и Рорден чувствовали себя перед ним карликами. Высотой в пять ярусов, он казался присевшим на задние лапы зверем. Переводя взгляд с него на своего робота, Элвин недоумевал, почему обоих называют одним и тем же словом.

Почти в метре от пола вдоль всего сооружения тянулась широкая прозрачная панель. Прижавшись лбом к гладкому и на диво теплому материалу, Элвин заглянул внутрь машины. Сперва ничего не увидел, затем, притенив глаза рукой, различил тысячи висящих в пустоте едва заметных искорок. Они были расположены упорядоченно, образуя трехмерную сетку, казавшуюся для него столь же бессмысленной, как и звезды — для древнего человека.

Рорден подошел к мальчику и тоже заглянул в чрево монстра. Разноцветные огоньки как будто не двигались с места, и яркость не менялась. Наконец Элвин оторвался от машины и повернулся к другу.

— Что это? — озадаченно спросил он.

— Если бы мы могли заглянуть в свой собственный разум,— сказал Рорден,— точно так же ничего бы не поняли. Роботы кажутся неподвижными, поскольку мы не можем видеть их мысли.

Впервые Элвин с некоторым пониманием посмотрел на длинную шеренгу исполинов. Сколько себя помнил, он принимал как данность существование синтезаторов, которые столетие за столетием бесперебойно производили все, в чем нуждался город. Тысячи раз он наблюдал подобный акт творения, но ни разу не подумал, с чего все началось и где хранится прототип.

Подобно человеческому разуму, способному какое-то время удерживать единственную мысль, этот гигантский мозг умел вечно хранить самые замысловатые идеи. В нем засты-

ли образы всех существовавших в мире вещей, и требовалось лишь прикосновение человека, чтобы сделать их реальностью.

Мир очень далеко ушел с тех пор, когда пещерные люди терпеливо вытесывали наконечники стрел и ножи из неподатливого камня.

— Наша задача,— сказал Рорден,— вступить в контакт с этим созданием. Если моя информация верна, где-то здесь должен быть переводчик, аппарат, преобразующий человеческие слова в команды, понятные высшим роботам. У переводчика мощный интеллект, но малая память, тогда как этот робот обладает гигантской памятью, но относительно низким интеллектом.

Элвин на мгновение задумался, затем показал на своего робота.

— Почему бы не воспользоваться его услугами? Роботы все понимают буквально. Надеюсь, он не откажется передать наши слова. Едва ли Учитель предусмотрел подобную ситуацию.

Рорден рассмеялся.

— Скорее всего, не предусмотрел. Но поскольку здесь есть машина, предназначенная специально для контактов с высшими роботами, лучше воспользоваться ею.

Переводчик оказался невелик: подкова вокруг экрана, который засветился при их приближении. В огромном зале только эта машина отреагировала на появление человека, хотя ее приветствие выглядело высокомерным. На экране появились слова:

СФОРМУЛИРУЙ СВОЮ ПРОБЛЕМУ
ДУМАЙ КАК СЛЕДУЕТ

Элвин, нисколько не обескураженный холодным приемом, начал свой рассказ. Он часто имел дело с роботами, командуя голосом или мысленно, но сейчас казалось, будто он обращается к чему-то большему, чем просто машина. Сколь безжизненным ни выглядело это создание, оно обладало ра-

зумом, возможно, превосходящим разум Элвина. Но и это предположение ничуть не встревожило мальчика — ведь какой смысл в разуме самом по себе?

Отзвучали его слова, и вернулась гнетущая тишина. На мгновение экран покрылся клубящимся туманом, затем дымка рассеялась и машина ответила:

ИСПРАВИТЬ НЕВОЗМОЖНО
РОБОТ НЕИЗВЕСТНОГО ТИПА

Элвин разочарованно повернулся к другу, но на экране тут же появилось второе сообщение:

КОПИРОВАНИЕ ЗАВЕРШЕНО
ПРОВЕРЬ И РАСПИШИСЬ

Одновременно замигала красная лампочка над горизонтальной панелью, которую Элвин до этого не замечал. Да и не мог заметить — раньше ее там попросту не было. Он уже было наклонился к панели, но возглас Рордена заставил его удивленно обернуться. Тот показывал в сторону гигантского робота, подле которого Элвин оставил свою машину.

Она не сдвинулась с места, но раздвоилась. В воздухе рядом с ней висела копия, столь точная, что Элвин не мог отличить ее от оригинала.

— Я все видел,— возбужденно проговорил Рорден.— Внезапно по обе стороны от твоего робота возникли миллионы «близнецов». Затем все, кроме этих двух, исчезли. Тот, что справа,— оригинал.

11
СОВЕТ

Постепенно Элвин сообразил, что произошло. Невозможно добиться от его робота неподчинения давным-давно полученным приказам, но можно создать копию с теми же знаниями, но со снятой блокировкой памяти. Великолепное ре-

шение — но лучше, пожалуй, сейчас не задумываться о разуме, способном его найти, и о силах, способных его осуществить.

Элвин позвал роботов, и они дружно двинулись к нему. Мысленно он повторил вопрос, который уже задавал много раз и во множестве вариантов:

— Можешь рассказать, как твой первый хозяин добрался до Шалмирейна?

Рордену оставалось лишь жалеть, что он не воспринимает беззвучные ответы машины. Впрочем, радостная улыбка, озарившая лицо Элвина, была вполне красноречива.

Мальчик торжествующе посмотрел на хранителя записей.

— Номер первый тот же, что и прежде,— сказал он,— но второй готов говорить.

— Лучше отложить допрос до возвращения,— предложил Рорден.— Нам потребуются ассоциаторы и регистраторы.

Элвин, хоть и сгорал от нетерпения, был вынужден признать его правоту.

— Ты ничего не забыл? — улыбаясь, спокойно спросил Рорден.

Красная лампочка на переводчике продолжала мигать, а с экрана не сходило требование:

ПРОВЕРЬ И РАСПИШИСЬ

Элвин подошел к машине, пригляделся к панели. В нее было встроено окошко из почти невидимого вещества, в котором утопал кончик стила. Острие упиралось в белый лист, рядом уже виднелось несколько подписей и дат. Последняя была пятидесятитысячелетней давности, и Элвин узнал имя одного из былых председателей Совета. Над ним стояло два имени, незнакомых ни мальчику, ни Рордену. В том ничего удивительного, поскольку они были написаны двадцать три и пятьдесят семь миллионов лет назад.

Элвин не видел в подобном ритуале смысла, но он понимал, что гадать о побудительных мотивах создателей этого

места — занятие неблагодарное. Испытывая легкое чувство нереальности происходящего, он взялся за стило и написал свое имя. Инструмент перемещался вправо свободно, поскольку в горизонтальной плоскости окошко оказывало не большее сопротивление, чем стенка мыльного пузыря. Однако никакая сила не заставила бы его двигаться по вертикали — мальчик это понял еще до того, как решил поэкспериментировать.

Аккуратно написав свое имя, он отпустил стило, которое медленно вернулось в исходное положение. Лампочка на панели погасла.

Уходя, Элвин думал о том, зачем его предшественники посещали этот зал и чего они требовали от машины. Несомненно, через тысячи или миллионы лет на эту панель будут смотреть другие, спрашивая себя: «Кто такой этот Элвин Лороней?» Но будут ли? Возможно, они просто воскликнут: «Смотри-ка, это же подпись Элвина!»

Мысль показалась довольно интересной, но он предпочел не делиться ею с другом.

У входа в коридор они еще раз оглядели пещеру. Под ними раскинулся иллюзорный город из загадочных белых зданий, залитый ослепительным светом, не предназначенным для человеческих глаз. Он выглядел мертвым, да он и не был никогда живым, но Элвин знал: однажды Диаспар умрет, но останутся эти машины, они будут действовать, и время не в силах оторвать их от мыслей, подаренных великими людьми прошлого.

Возвращаясь, они почти не разговаривали. Улицы Диаспара были залиты солнечным светом, но он казался тусклым в сравнении с блеском города машин. Оба думали о знаниях, которые вскоре им откроются, и не замечали красоты проплывавших мимо огромных башен и любопытства во взглядах сограждан.

Элвин не мог не дивиться, вспоминая пройденный путь. Он прекрасно понимал, что человек творит свою судьбу, но с тех пор, как мальчик встретился с Рорденом, события будто сами несли его к предначертанной цели. Послание Алена, Люс, Шалмирейн... На каждом этапе он мог отвернуться и ничего не увидеть, но какая-то сила влекла его вперед. Приятно верить, что судьба к тебе благоволит, но разум твердил Элвину иное. Этот маршрут мог быть пройден уже тысячи раз. Он просто первый, кому повезло.

Первый, кому повезло. Слова отдавались в ушах издевательским эхом.

В комнате Рордена молча ждал, сложив руки на коленях, человек в облачении, не похожем ни на что из виденного Элвином прежде. Мальчик вопросительно посмотрел на побледневшего Рордена и только тогда понял, что это за посетитель.

Когда они вошли, гость встал и холодно поклонился. Не говоря ни слова, протянул Рордену маленький цилиндр. Тот взял его и сорвал печать. Письменные сообщения были неслыханной редкостью, что делало безмолвную сцену еще более драматичной. Закончив читать, Рорден с легким поклоном вернул цилиндр. Несмотря на тревогу, Элвин не сдержал улыбку.

Похоже, Рорден достаточно быстро пришел в себя. Когда он заговорил, голос звучал вполне нормально.

— Элвин, с нами желает пообщаться Совет. Боюсь, мы заставили его ждать.

Об этом Элвин и сам догадывался. Кризис наступил раньше — намного раньше,— чем он рассчитывал. Он убеждал себя в том, что не боится Совета, но ожидание давалось нелегко. Мальчик невольно перевел взгляд на роботов.

— Придется оставить их здесь,— твердо сказал Рорден.

Элвин вздохнул и спокойно ответил:

— Хорошо.

По дороге в Зал Совета все молчали. Элвин выстраивал свои аргументы, которые так толком и не продумал, полагая,

что они не понадобятся еще много лет. Он испытывал скорее досаду, чем тревогу, злясь на себя за то, что оказался столь неподготовленным.

Они прождали в приемной несколько минут, но Элвину этого хватило, чтобы с удивлением отметить слабость в ногах. Ведь он же не боится предстоящей встречи! Наконец раздвинулись большие двери, и они вошли в зал, где двадцать членов Совета сидели вокруг своего знаменитого стола.

Это было первое заседание Совета в жизни Элвина, и он почувствовал себя польщенным, заметив, что в зале нет свободных мест. О том, что Джезерак — тоже член Совета, он не знал. Встретив его удивленный взгляд, старик беспокойно пошевелился в кресле и едва заметно улыбнулся, словно говоря: «Я тут ни при чем». Остальных Элвин ожидал увидеть; только двое были ему незнакомы.

Председатель дружеским тоном обратился к вызванным, и Элвин, оглядывая знакомые лица, недоумевал, что так встревожило Рордена. Может, он просто струсил? Но мальчик тотчас спохватился: несправедливо так думать о друге. Рорден не отличался смелостью, но ведь сейчас он не о себе беспокоится, а о должности, которую столь давно занимает. Еще не было случая, чтобы хранителя записей сняли с его поста, и Рордену очень не хотелось создать прецедент.

Несколько минут спустя планы Элвина существенно изменились. Речь, которую он столь тщательно подготовил, была забыта, изящные фразы, отрепетированные перед зеркалом, неохотно отвергнуты. В его поддержку выступил самый вероломный союзник — несерьезное отношение даже к самым важным событиям. Совет мог собираться раз в тысячу лет, управляя судьбой Диаспара,— но сидевшие перед мальчиком были всего лишь утомленными старцами. Элвин знал Джезерака и не верил, что остальные сильно от него отличаются. Испытывая непонятную жалость к ним, он вдруг вспомнил слова Серанис: «Много веков назад мы пожертвовали бессмертием, а Диаспар по-прежнему живет ложной мечтой». Мальчик не верил, что это принесло счастье его согражданам.

Поэтому, когда председатель предложил Элвину рассказать о своем путешествии, тот выглядел не более чем мальчишкой, который случайно обнаружил нечто, чему не придал особого значения. Какие там планы или заранее намеченные цели? Одно лишь любопытство заставило его покинуть Диаспар; собственно, такое может случиться с кем угодно. О Шалмирейне и роботах он и словом не обмолвился.

Получилось неплохо, хотя в полной мере оценить свое выступление мог лишь он один. Совет, похоже, его оправдания воспринимал благосклонно, только на лице Джезерака отражалась смесь облегчения и недоверия. На Рордена Элвин смотреть не решался.

Когда он закончил, последовала короткая пауза, затем взял слово председатель.

— Мы понимаем,— заговорил он, тщательно формулируя мысли,— что тобой двигали самые лучшие побуждения. Однако ты поставил нас в затруднительное положение. Уверен ли ты, что открытие сделано случайно и что никто на тебя не влиял? — Он многозначительно перевел взгляд на Рордена.

— Не совсем,— ответил после некоторого раздумья мальчик.

Члены Совета быстро переглянулись, и стоявший рядом Рорден беспокойно пошевелился. Невинно улыбнувшись, Элвин поспешил добавить:

— Я уверен, что многим обязан своему наставнику.

Услышав столь неожиданный и сомнительный комплимент, все повернулись к Джезераку, который густо покраснел и хотел было что-то сказать, но не решился. Наступила неловкая пауза, ее в конце концов нарушил председатель.

— Спасибо,— проворчал он.— А теперь оставайся здесь, жди, пока мы не обсудим твой рассказ.

Раздался облегченный вздох Рордена — а в следующий миг словно безмолвное покрывало опустилось на Элвина. Он видел, что члены Совета оживленно спорят, но ни одно сло-

во до него не долетало. Сперва это казалось забавным, но вскоре стало утомительным, и он был рад, когда тишина наконец прервалась.

— Мы пришли к выводу,— сказал председатель,— что имело место несчастное стечение обстоятельств, за которое никто не может нести ответственности. Хотя мы считаем, что хранителю записей следовало раньше сообщить нам о случившемся. Впрочем, может быть, оно и к лучшему, поскольку теперь мы осознаем угрозу и способны принять меры, чтобы подобные находки впредь не будоражили юные неокрепшие умы. Мы сами разберемся с обнаруженной тобою транспортной системой, а ты,— впервые обратился он к Рордену,— позаботишься, чтобы все упоминания о Люсе исчезли из записей.

Зазвучали аплодисменты, и на лицах советников появились удовлетворенные улыбки. Проблему удалось быстро решить, и обошлось без неприятной процедуры вынесения выговора Рордену. Главные граждане Диаспара имели все основания считать, что они достойно исполнили свой долг. При удачном стечении обстоятельств могут пройти века, прежде чем снова возникнет подобная необходимость.

Даже Рорден, несмотря на некоторое разочарование, радовался исходу. Все могло быть намного хуже...

— И когда именно вы намерены закрыть путь в Люс?

Советники застыли в своих креслах, и улыбки медленно исчезли с лиц. Прошло некоторое время, прежде чем Рорден, еще не до конца осознав катастрофу, понял, что слова эти произнес Элвин.

Успех, который принесла его хитрость, недолго радовал мальчика. Он все больше злился, слушая председателя и понимая, что Совет пытается разрушить его планы. Такие же точно чувства Элвин испытал в Люсе, когда Серанис предъявила ему ультиматум. Тот поединок он выиграл, и вкус победы был все еще сладок.

На этот раз рядом не было робота, способного помочь, и мальчик не знал, чем все закончится. Но он больше не испытывал страха перед этими старыми глупцами, считавшими себя правителями Диаспара. Он видел настоящих правителей города и говорил с ними в гробовой тишине их ярко освещенного подземного мира. Кипя гневом, Элвин сбросил маску, и теперь перед советниками был уже не тот простодушный малец, что униженно оправдывался какие-то минуты назад.

— Почему вы хотите закрыть путь в Люс?

В Зале Совета наступила тишина, лишь губы Джезерака искривились в едва заметной улыбке. Таким он Элвина еще не знал, но перемена ему явно понравилась.

А вот председатель, похоже, не сразу понял, сколь серьезен брошенный ему вызов.

— Вопросы высокой политики мы в этот раз обсуждать не станем,— высокопарно проговорил он.— Одно лишь скажу: ни в коем случае нельзя допустить, чтобы Диаспар заразился от других культур.

Он с притворной благожелательностью улыбнулся Элвину.

— Странно,— холодно произнес мальчик,— но в Люсе мне говорили то же самое про Диаспар.— Он с радостью увидел раздражение на лицах членов Совета, но не дал им возможности возразить.— Люс намного больше Диаспара, и его культура ничем не хуже. Там всегда знали о нас, но решили не вступать в контакт — не хотят, как ты сказал, заразиться. Разве не очевидно, что и мы не правы, и они?

Он испытующе вглядывался в лица и ни в одном не находил понимания. Неожиданно его злость на этих косных стариков с оловянными глазами достигла своего предела. Кровь застучала в висках, и хотя голос звучал теперь ровнее, в нем появились ледяные презрительные нотки, которых даже самый миролюбивый из членов Совета не мог не заметить.

— Наши предки построили империю, достигшую звезд,— напомнил Элвин.— Люди свободно путешествовали между

мирами, а теперь их потомки боятся высунуться за стены собственного города. Нужно ли объяснять почему?

Он сделал паузу. В большом зале никто не двинулся с места.

— Потому что мы боимся. Боимся чего-то случившегося в начале нашей истории. В Люсе мне открыли правду, хотя я и сам давно догадывался. Полмиллиарда лет назад Пришельцы оттеснили нас обратно на Землю. Но разве это достойная причина, чтобы мы до скончания века трусливо отсиживались в Диаспаре и притворялись, будто ничего другого не существует?

Элвин коснулся тайных страхов, которых сам никогда не понимал и не разделял. Пусть делают что хотят — он сказал правду.

Вся ярость исчезла, осталась лишь легкая тревога из-за только что совершенного. С независимым видом он повернулся к председателю.

— Я могу идти?

Тот не произнес ни слова, лишь коротко кивнул. Большие двери распахнулись перед мальчиком, и как только они закрылись, в Зале Совета разразилась буря.

Председатель дождался неизбежного затишья и повернулся к Джезераку.

— Мне кажется, что сперва следует выслушать тебя.

Джезерак помедлил, пытаясь найти в его словах подвох, и наконец ответил:

— Думаю, Диаспар может потерять один из своих самых выдающихся умов.

— Что ты имеешь в виду?

— Разве не очевидно? Сейчас юный Элвин на полпути к гробнице Ярлана Зея. Нет, вмешиваться нам не следует. Мне будет очень жаль его потерять, хотя он никогда меня особо не любил.— Старик вздохнул.— Впрочем, он никогда никого особо не любил, кроме Элвина Лоронеи.

12
КОРАБЛЬ

Лишь час спустя Рорден смог покинуть Зал Совета. Задержка сводила с ума. Добравшись наконец до своего архива, он понял, что уже слишком поздно. Хранитель записей остановился у входа, думая о том, оставил ли Элвин ему какое-нибудь сообщение, и печально вздыхая. Раньше не приходила мысль, сколь пустыми будут предстоящие долгие годы.

Сообщение действительно было, но содержание его оказалось неожиданным. Даже перечитав несколько раз, Рорден остался в полном замешательстве.

«Приходи немедленно в башню Лоранна».

Рорден лишь однажды побывал в башне Лоранна — много лет назад его затащил туда Элвин, чтобы показать закат. Остались незабываемые впечатления. Он так испугался опускающейся на пустыню ночи, что сбежал и поклялся никогда не возвращаться в...

И все же он снова здесь, в полутемном зале со стенами, пронизанными горизонтальными вентиляционными туннелями. Элвина нигде не видно, но мальчик сразу ответил на зов.

— Я на парапете. Поднимайся по центральной шахте.

Рорден поколебался, но вскоре уже стоял рядом с Элвином, спиной к городу, лицом — к бескрайней пустыне.

Некоторое время они молча смотрели друг на друга, затем Элвин, словно извиняясь, сказал:

— Надеюсь, что не доставил тебе слишком много проблем.

Слова его тронули Рордена, и все то, что он хотел сказать, так и осталось непроизнесенным. Вместо этого хранитель записей ответил:

— Совет чересчур занят спорами, ему не до меня.— Он усмехнулся.— Когда я уходил, Джезерак довольно энергично защищался. Боюсь, я его недооценил.

— Мне жаль, что так вышло с Джезераком.

— Ты сыграл со стариком не слишком удачную шутку, но думаю, он не в обиде. Ведь отчасти ты прав. Он первым показал тебе древний мир, а значит, случившееся и на его совести.

Элвин впервые за все время улыбнулся.

— Странно,— сказал он,— но я, пока не потерял самообладание, даже не представлял толком, что буду делать. Нравится им это или нет, я намерен разрушить стену между Диаспаром и Люсом. Но можно и подождать — теперь это уже не столь важно.

Рорден ощутил легкую тревогу.

— Что ты имеешь в виду? — спросил он, впервые заметив, что на парапете вместе с ними только один из роботов.— Где вторая машина?

Элвин медленно поднял руку, показывая в сторону неровных холмов и застывших словно волны барханов. Вдалеке под солнечными лучами блеснул металл.

— Мы ждали тебя,— тихо сказал Элвин.— Покинув Совет, я сразу же направился к роботам. Решил: что бы ни происходило, я должен узнать все, чему они могут меня научить. Времени на это ушло немного, ведь они не слишком умны, знают меньше, чем мне бы хотелось. Но я нашел секрет Учителя.— Немного помолчав, он снова показал на едва различимого робота.— Смотри!

Блестящая точка воспарила и повисла в нескольких сотнях метров над землей. Поначалу, не зная, чего ожидать, Рорден не замечал никаких других перемен. Затем, не веря собственным глазам, он увидел, что над пустыней медленно поднимается облако пыли.

Что может быть ужаснее, чем внезапное движение того, что не должно двигаться ни при каких обстоятельствах? Но Рорден не ощутил ни удивления, ни страха, когда огромные песчаные валы начали расходиться в стороны. Под поверхностью пустыни что-то шевелилось, словно пробуждающийся ото сна гигант, и вскоре до ушей донесся грохот падающей земли и скрежет раздвигаемых неумолимой силой скал. За-

тем на сотню метров вверх ударил песчаный гейзер, и земля скрылась из виду.

Мало-помалу пыль оседала в образовавшуюся среди пустыни дыру с рваными краями. Но взгляд Рордена и Элвина оставался прикован к небу, где еще несколько мгновений назад не было ничего, кроме ожидавшего робота. Рорден с трудом мог себе представить, о чем сейчас думает Элвин. Наконец он понял, что имел в виду мальчик, когда говорил, что все остальное сейчас не столь важно. Огромный город позади них и еще более огромная пустыня впереди, робость Совета и гордость Люса — все это казалось теперь совершенно незначительным.

Земля и камни могли сделать неясными, но не скрыть полностью гордые очертания корабля, поднимавшегося над разорванной пустыней. На глазах у Рордена он повернул в сторону Диаспара.

Элвин быстро заговорил, словно у него было мало времени.

— Я все еще не знаю, кто такой Учитель и зачем он появился на Земле. Но кое-что выпытать у робота удалось. По его словам, Учитель приземлился тайно и спрятал корабль там, где его легко было бы найти в случае необходимости. Во всем мире нет для этого более подходящего места, чем диаспарский космопорт. Наверняка он уже тогда был заброшен и занесен песком. Какое-то время Учитель мог прожить в Диаспаре, прежде чем отправился в Шалмирейн — в те времена путь туда был еще открыт. Но корабль ему так и не понадобился, на многие века оставшись под песчаной толщей.

Корабль двигался в сторону парапета, повинуясь командам робота. Вблизи он выглядел как заостренный с обоих концов цилиндр длиной метров тридцать. В нем не было ни окон, ни других отверстий, хотя они могли прятаться под толстой коркой земли.

Неожиданно их осыпало землей — отошла дверь люка, в корпусе образовался проем. Рорден увидел маленькое пустое помещение со второй дверью в его дальнем конце. Корабль

теперь висел всего в полуметре от парапета, осторожно приближаясь к нему, словно чуткое живое существо. Оробевший хранитель записей попятился — для него корабль символизировал все ужасы и тайны Вселенной, пробуждая древние страхи, столь надолго парализовавшие волю человечества. Глядя на друга, Элвин прекрасно понимал, что сейчас творится в его мыслях. Впервые он по-настоящему осознал: есть силы, над которыми не властен человеческий разум. И подумал, что Совет заслуживает скорее жалости, чем презрения.

В полной тишине корабль отдалялся от башни. Странно, подумал Рорден, что мне второй раз в жизни пришлось проститься с Элвином. Маленький замкнутый мир Диаспара знал лишь одно прощание — навсегда.

Корабль превратился в темную точку, а затем исчез. Рорден не успел заметить, как это произошло, но вскоре с неба прилетел самый впечатляющий из всех рукотворных звуков — долгий грохот воздуха, что стремительно заполнял, километр за километром, пробитый в небе туннель.

Даже когда последнее эхо смолкло в пустыне, Рорден не двинулся с места. Он думал об улетевшем мальчике, о его столь непохожем на другие, непостижимом разуме. Элвин так и не стал взрослым — для него вся Вселенная была игрой, загадкой, которую он пытался разгадать ради собственного развлечения. И теперь в его руках смертоносная игрушка, способная разрушить все, что осталось от человеческой цивилизации,— но каким бы ни был результат, для него это всего лишь забава.

Солнце опустилось к горизонту, из пустыни подул холодный ветер. Но Рорден терпеливо ждал, сражаясь с собственными страхами, и вскоре впервые в жизни посмотрел на звезды.

Даже в Диаспаре Элвин никогда не видел роскоши, подобной той, что открылась перед ним, когда отошла в сторону внутренняя дверь воздушного шлюза. Сперва он не понял, что это означает, а затем с некоторой тревогой подумал о том,

как долго сей крошечный мир мог путешествовать среди звезд. Вокруг не было ничего похожего на приборы, лишь овальный экран, большой, во всю противоположную стену, говорил о том, что это не обычная комната. Полукругом стояли три низких дивана; остальную часть кабины занимали два стола, несколько мягких кресел и множество устройств, чье назначение пока было Элвину непонятно.

Уютно устроившись перед экраном, он огляделся в поисках роботов. К его удивлению, они куда-то исчезли; затем он обнаружил, что роботы аккуратно разместились в нишах высоко под изогнутым потолком. Их поведение выглядело столь естественным, что Элвин сразу же сообразил, для чего они предназначались. Он вспомнил высших роботов; эти же два были переводчиками, без которых неподготовленный человек не мог управлять столь сложной машиной, как космический корабль. Они доставили Учителя на Землю, а потом в качестве слуг последовали за ним в Люс. Теперь, спустя бесчисленные столетия, они были готовы вернуться к прежним обязанностям.

В порядке эксперимента Элвин подал им команду, и большой экран ожил. Перед мальчиком находилась башня Лоранна, странно уменьшившаяся и словно лежащая на боку. Дальнейшие попытки позволили увидеть небо, город и огромные пространства пустыни. Картинка выглядела яркой и почти неестественно четкой. Элвин не знал, движется ли сам корабль, когда она менялась, но никак не мог это проверить. Некоторое время он экспериментировал, пока не смог получать любое желаемое изображение, затем решил, что готов стартовать.

«Доставь меня в Люс» — команда была простой, но как мог корабль ее выполнить, если даже сам Элвин не имел ни малейшего понятия о направлении? Когда эта мысль пришла ему в голову, машина уже летела с чудовищной скоростью над пустыней. Элвин лишь пожал плечами, с благодарностью принимая то, чего не мог понять.

Оценить масштаб мчащейся по экрану картинки было сложно, но, вероятно, каждую минуту корабль преодолевал многие километры. Недалеко от города цвет земли внезапно сменился на тускло-серый, и Элвин догадался, что летит над бывшим океанским дном. Когда-то, должно быть, Диаспар находился недалеко от побережья, хотя на это ничто не намекало даже в самых древних записях. Как бы ни был стар город, океаны, видимо, исчезли задолго до его постройки.

Еще через несколько сотен километров уровень земли резко повысился, и вновь появилась пустыня. Один раз Элвин остановил корабль над странным узором из пересекающихся линий, едва видневшихся на фоне песка. На мгновение увиденное его озадачило, затем он понял, что смотрит на руины давно забытого города. Долго он не задерживался; тяжко было представить, что миллиарды людей не оставили после себя никакого следа, кроме нескольких борозд на песке.

Наконец плавная кривая горизонта сменилась неровной линией гор, которые очутились под кораблем, едва мальчик успел их заметить. Машина замедлила полет, снижаясь по дуге длиной в сотни километров. А потом внизу появился Люс в окружении несравненной красоты лесов и нескончаемых рек. На востоке земля была погружена в тень, и на ней проступали темными пятнами большие озера. Но к западу вода танцевала и искрилась в солнечном свете, отбрасывая самые невероятные цвета.

Отыскать Эйрли оказалось совсем нетрудно — к счастью, поскольку дальше роботы вести корабль не могли. Элвин ожидал чего-то подобного и был рад, что ему удалось определить границы их возможностей. Немного поэкспериментировав, он посадил корабль на склоне холма, с которого впервые увидел Люс. Управлять машиной было довольно легко, требовалось лишь высказывать общие пожелания, а дальше роботы действовали самостоятельно. Вероятно, они проигнорировали бы любой опасный или невыполнимый приказ, но ставить подобные эксперименты у него не было никакого желания.

Элвин был уверен, что никто не видел его прибытия. Это было достаточно важно, ведь ему вовсе не хотелось вновь ввязываться в мысленный поединок с Серанис.

Каких-то определенных планов до сих пор не было, но он предпочитал не рисковать, пока не восстановит дружеские отношения.

Для него оказалось немалым шоком, когда выяснилось, что робот-оригинал больше ему не подчиняется. Когда Элвин приказал механическому помощнику покинуть свою нишу, тот не двинулся с места, бесстрастно глядя на него множеством глаз. К облегчению мальчика, копия сразу же повиновалась, но ничто не могло заставить прототип выполнить даже самое простейшее действие. Прошло некоторое время, прежде чем Элвин понял причину мятежа. Несмотря на все свои чудесные способности, роботы были не слишком умны, и события последнего часа, видимо, оказались чересчур сложными для несчастной машины, видевшей, как один за другим игнорируются приказы Учителя — приказы, которым она целеустремленно подчинялась в течение многих миллионов лет.

Теперь уже было слишком поздно сокрушаться, но Элвин пожалел о том, что сделал только одну копию — поскольку робот, которого он одолжил, сошел с ума.

На дороге, ведущей в Эйрли, Элвин никого не встретил. Казалось странным сидеть внутри корабля, в то время как его поле зрения плавно перемещалось по знакомому пути, а в ушах звучал шорох леса. Он все еще не мог полностью отождествить себя с роботом, и для управления им требовалось немалое напряжение сил.

Уже почти стемнело, когда он достиг Эйрли; домики были ярко освещены. Держась в тени, Элвин почти добрался до дома Серанис, прежде чем его обнаружили. Неожиданно послышалось сердитое пронзительное жужжание, и перед ним возникли огромные, энергично машущие крылья. Он невольно попятился и только потом понял, что произошло. Криф терпеть не мог все, что летало без помощи крыльев, и раньше лишь присутствие Теона не позволяло ему нападать в подоб-

ных случаях на робота. Не желая причинить вред красивому, но глупому созданию, мальчик остановил машину, пытавшуюся выдержать град ударов. Хотя сам Элвин сидел в удобном кресле за километр от происходящего, он не мог сдержать нервной дрожи и очень обрадовался, когда наконец появился Теон.

13
КРИЗИС

При виде приближающегося хозяина Криф улетел, все еще продолжая злобно жужжать. Теон немного постоял в тишине, разглядывая робота, затем улыбнулся.

— Рад твоему возвращению. Или ты все еще в Диаспаре?

Элвин в очередной раз позавидовал Теону, поняв, насколько тот сообразительнее его самого.

— Нет,— ответил он, думая о том, сколь четко робот воспроизводит его голос.— Я в Эйрли, недалеко от тебя. Но пока что останусь здесь.

Теон от всей души рассмеялся.

— Может, оно и к лучшему,— сказал он.— Мама тебя простила, но Центральный Совет — нет. В доме сейчас идет заседание, меня туда не пустили.

— О чем говорят?

— Посторонним этого знать не положено, но мне задали про тебя кучу вопросов. Пришлось рассказать о том, что случилось в Шалмирейне.

— Это не столь уж и важно,— ответил Элвин.— С тех пор много чего успело случиться. Мне бы хотелось поговорить с этим вашим Центральным Советом.

— Ну, всего Совета здесь, естественно, нет. Но трое его членов постоянно меня допрашивали после того, как ты сбежал.

Элвин улыбнулся. В это поверить нетрудно — куда бы он ни отправлялся, за ним, похоже, тянулся внушающий страх след.

Уют и безопасность корабля придавали ему почти незнакомую прежде уверенность, и он ощущал себя полным хозяином положения, когда последовал за Теоном в дом. Дверь комнаты, где заседали члены Совета, была заперта, и нескоро Теону удалось привлечь их внимание. Затем створки будто с неохотой раздвинулись, и Элвин быстро провел робота в комнату.

Комната была ему знакома — та самая, где он в последний раз разговаривал с Серанис. Над головой мерцали звезды, словно в доме не было ни потолка, ни верхнего этажа, и Элвин снова подумал о том, каким образом удалось достичь подобной иллюзии. Трое советников застыли в своих креслах, когда он подплыл к ним, но на лице Серанис промелькнуло лишь легкое удивление.

— Добрый вечер,— вежливо сказал мальчик, словно появление вместо него робота было самым обычным делом на свете.— Я решил вернуться.

Их реакция превзошла все его ожидания. Первым пришел в себя один из советников, молодой, но с седыми прядями в волосах.

— Как ты сюда попал? — воскликнул он.

Элвин счел нужным уклониться от ответа; вопрос вызвал определенные подозрения — не выведена ли из строя подземная транспортная система.

— Так же, как и в прошлый раз,— солгал он.

Двое советников пристально посмотрели на третьего, тот беспомощно развел руками. Затем молодой человек снова обратился к роботу.

— У тебя не возникло никаких... проблем?

— Никаких,— заявил Элвин, намереваясь сбить их с толку еще больше, и понял, что это ему удалось.— Я вернулся по собственной воле, но, учитывая наши прежние разногласия, пока что предпочитаю держаться подальше. Если я прибуду сам, обещаете больше не мешать мне?

Некоторое время все молчали, и Элвин мог лишь догадываться, какими мыслями они обмениваются между собой. Затем заговорила Серанис.

— Полагаю, в этом нет особого смысла. Диаспар наверняка уже все о нас знает.

Элвин слегка смутился, услышав упрек в ее голосе.

— Да, Диаспар знает,— ответил он.— И Диаспар не желает иметь ничего общего с низшей культурой.

С немалым удовольствием он наблюдал за поведением советников. Даже Серанис слегка покраснела. Элвин полагал, что если удастся вызвать неприязнь между Люсом и Диаспаром, его проблема будет решена более чем наполовину. Сам того не осознавая, он продолжал учиться забытому искусству политики.

— Но я не хочу оставаться здесь на всю ночь,— продолжал он.— Так вы обещаете?

Серанис вздохнула, и на ее губах появилась легкая улыбка.

— Да,— сказала она.— Мы тебе больше не помешаем. Хотя не думаю, что раньше нам это удавалось.

Дождавшись возвращения робота, Элвин дал машине все необходимые распоряжения и заставил их повторить. Затем вышел из корабля, и шлюз беззвучно закрылся у него за спиной.

Кроме легкого шума ветра, не слышалось никаких звуков. На мгновение звезды затмила тень, и корабль исчез. Только теперь Элвин осознал свою ошибку. Он забыл, что чувства робота сильно отличаются от его собственных, и ночь оказалась намного темнее, чем он ожидал. Порой он сбивался с пути, а несколько раз едва не налетел на дерево. Темнее всего было в лесу, а однажды рядом с ним в зарослях возникло какое-то крупное существо. Едва слышно хрустнули ветки, и на Элвина уставились два изумрудных глаза, примерно на уровне его пояса. В ответ на негромкий возглас мальчика его руки коснулся длинный шершавый язык. Мгновение спустя могучее тело дружески потерлось об него и беззвучно исчезло. Он так и не понял, кто это был.

Вскоре среди деревьев появились огни поселка, но Элвин уже не нуждался в них, поскольку тропинка под его ногами превратилась в тускло светящуюся голубую реку. Мох, по

которому он шел, фосфоресцировал, и ноги оставляли на нем темные пятна, медленно исчезавшие позади. Зрелище было прекрасным, захватывающим, и когда Элвин наклонился, чтобы сорвать пучок удивительного мха, тот еще несколько минут сиял в его ладонях.

Теон ждал рядом с домом, и мальчика во второй раз представили троим членам Совета. С некоторой досадой Элвин отметил едва скрываемое удивление на их лицах; он не любил, когда ему напоминали о юном возрасте, несмотря на все его преимущества.

Пока он подкреплялся, правители Люса почти ничего не говорили, и Элвину снова подумалось: интересно, какими мнениями они безмолвно обмениваются. Сам он старался гнать прочь любые мысли, пока не покончил с едой, а затем заговорил так, как не говорил никогда прежде.

Темой его речи был Диаспар. Он живописал город таким, каким видел его в последний раз,— спящим на груди пустыни, в окружении светящихся всеми цветами радуги на фоне неба башен. Из сокровищниц своей памяти он извлекал песни, сложенные поэтами древности во славу Диаспара, и рассказывал о миллионах и миллионах людей, положивших свои жизни на алтарь его красоты. Никто не смог бы познать и сотой части всех сокровищ города, сколько бы он ни прожил. Элвин описывал чудеса и диковины, созданные жителями Диаспара, и пытался в меру своих сил описать восхитительные творения Шервейна и Перилдора. И еще он рассказывал о Лорении, чью фамилию носил и чья музыка, возможно, была последней, которую слышали звезды и другие планеты.

Ему внимали, не перебивая и не задавая вопросов. Закончил он далеко за полночь, едва держась на ногах от усталости. Сказались напряжение и возбуждение долгого дня, и он сам не заметил, как заснул.

Элвин все еще чувствовал усталость, когда вскоре после рассвета в сопровождении Теона вышел из поселка. Несмотря на раннее утро, они оказались не первыми. Возле озера

мальчики нагнали троих советников, с которыми обменялись смущенными взглядами. Элвин прекрасно знал, куда направляется комитет по расследованию, и решил: эти люди заслуживают того, чтобы избавить их от лишних проблем. Когда дошли до подножия холма, он остановился и повернулся к спутникам.

— Боюсь, вчера вечером я ввел вас в заблуждение,— весело сказал он.— Я пришел в Люс вовсе не прежним путем, так что закрывать его было вовсе не обязательно.

На лицах советников отразилось облегчение, смешанное с растерянностью.

— Как же ты сюда попал? — спросил глава комитета.

Элвин понял: советник уже догадывался о том, как все было на самом деле. Не перехватил ли он команду, которую гость только что мысленно послал через горы? Но мальчик ничего не ответил, лишь показал на северное небо.

Слишком быстро для того, чтобы можно было уследить взглядом, над горами по дуге промчалась серебристая игла, оставляя длинный светящийся след. В шести километрах над Люсом она остановилась — не сбрасывая скорость и не тормозя, в одно мгновение, непостижимым для разума образом. С неба прилетел могучий грохот заполнявшего пробитую кораблем дыру воздуха. Чуть позже сам корабль, сверкая в лучах солнца, опустился на склон холма в нескольких сотнях метров.

Трудно сказать, кто удивился больше, но Элвин опомнился первым. Пока они шли — почти бежали — к кораблю, он подумал, приходилось ли тому совершать подобные маневры в обычных условиях. Помнится, в своем первом полете он не ощущал никакого движения. Однако куда больше его озадачивал тот факт, что еще вчера эта великолепная машина была погребена под толстым слоем твердого как железо камня. Лишь когда Элвин добрался до корабля и обжег пальцы, неосторожно коснувшись корпуса, он понял, в чем дело. На носовой части все еще виднелись следы земли, но она

оплавилась, превратившись в лаву. Все остальное же полностью исчезло, открыв прочный металл, который не могли разрушить ни время, ни силы природы.

Вместе с Теоном Элвин остановился в открытом люке и посмотрел на троих молчащих советников. Интересно, о чем они думают? Но выражения лиц ничего ему не говорили.

— Мне надо отдать кое-кому должок в Шалмирейне,— сказал он.— Пожалуйста, скажите Серанис, что мы вернемся к полудню.

Советники проводили взглядом корабль, который двигался на юг — на этот раз довольно медленно, поскольку лететь было недалеко. Затем возглавлявший их молодой человек философски пожал плечами.

— Вы всегда противостояли нашему желанию перемен,— сказал он,— и пока что побеждали. Но не думаю, что будущее принадлежит кому-то из нас. И Люс, и Диаспар подошли к концу своей эпохи, и мы должны этим воспользоваться наилучшим образом.

Некоторое время все молчали. Затем один из его спутников задумчиво прóговорил:

— Я совершенно не разбираюсь в археологии, но эта машина явно слишком велика для обычного летательного аппарата. Вам не кажется, что это может быть...

— Космический корабль? Если так — ситуация действительно критическая!

Третий тоже пребывал в глубокой задумчивости.

— Исчезновение как летательных аппаратов, так и космических кораблей — одна из величайших загадок Переходных Веков. Эта машина может быть чем угодно; пока что стоит предполагать худшее. Если это действительно космический корабль, мы должны любой ценой помешать мальчишке покинуть Землю. Есть опасность снова привлечь Пришельцев. И это будет конец.

Наступила угрюмая тишина. Затем главный заговорил:

— Эта машина прилетела из Диаспара. Там кто-нибудь должен знать правду. Пожалуй, стоит связаться с нашими собратьями — если они снизойдут до разговора с нами.

Семена, брошенные Элвином, дали всходы намного раньше, чем кто-либо мог ожидать.

Горы все еще окутывала мгла, когда мальчики достигли Шалмирейна. С этой высоты чаша крепости едва различалась; казалось невероятным, что когда-то судьба Земли зависела от этого крошечного черного диска.

Но вот Элвин посадил корабль среди руин, среди запустения, от которого веяло могильным холодом. Нигде не видать ни старика, ни его машин. С трудом удалось найти вход в тунель. Наверху лестницы Элвин крикнул, предупреждая о своем приходе, но ответа не последовало. Они двинулись вперед тихо, решив не будить старца, если он спит.

Он действительно спал, мирно сложив руки на груди. Глаза были открыты, невидящий взгляд устремлен на массивную крышу, словно пытаясь рассмотреть сквозь нее звезды. На губах застыла легкая улыбка — смерть явилась к нему не как враг.

14
ЗА ПРЕДЕЛЫ СОЛНЕЧНОЙ СИСТЕМЫ

Рядом с ним неподвижно висели в воздухе два робота. Когда Элвин шагнул к покойнику, они протянули щупальца, пытаясь остановить мальчика, и он счел благоразумным не подходить ближе. Сделать он все равно ничего уже не мог.

Стоя посреди комнаты, он молчал, чувствуя, как ледяной ветер проникает в душу. Впервые заглянув в бледное лицо смерти, он понял, что часть его детства закончилась навсегда.

Таков оказался конец этого странного братства, возможно, последнего в своем роде. Несмотря на все заблуждения этих людей, их жизнь не пропала впустую. Каким-то чудом

удалось сохранить знания прошлого, которые иначе были бы утрачены навсегда. Теперь же их орден последовал по пути миллионов других, когда-то считавших себя вечными.

Мальчики оставили старика в гробнице среди гор, где никто не потревожит его сон до скончания времен. Служившие ему при жизни машины будут надежно охранять тело, не покинут его никогда. Настроенные на мозг хозяина, они не дождутся от него новых команд и прекратят свое существование не раньше, чем рассыплются в прах сами горы. Вот так же в незапамятные времена служили человеку верой и правдой легендарные четвероногие создания.

Они молча вернулись к поджидавшему кораблю, и вскоре крепость вновь обернулась темным озерцом среди холмов. И вот под ними раскинулся весь Люс — огромный зеленый остров в оранжевом море. Еще ни разу Элвин не поднимался столь высоко; когда корабль наконец замер, внизу виднелся весь полумесяц Земли. Люс был теперь лишь темной точкой на серо-оранжевом фоне пустыни. Зато на изрядном расстоянии от него сверкало нечто похожее на многоцветный драгоценный камень. Теон впервые увидел Диаспар.

Они долго сидели и смотрели на медленно вращающуюся внизу Землю. Элвин жалел, что не может показать мир из космоса правителям Люса и Диаспара.

— Теон,— наконец сказал он,— как думаешь, я правильно поступаю?

Вопрос удивил Теона, ничего не знавшего о сомнениях, порой обуревавших его друга. Нелегко было и ответить беспристрастно: как и Рорден, Теон чувствовал, что его беспощадно затягивает в водоворот, который Элвин оставляет на своем жизненном пути.

— Думаю, ты прав,— медленно ответил Теон.— Слишком долго были разделены наши народы.

И это действительно так, подумал он, хотя знал, что немалую роль сыграли и его собственные чувства.

Но Элвина беспокоило кое-что еще:

— Есть одна проблема, о которой я до сих пор не думал. У нас разная продолжительность жизни.

Больше он ничего не сказал, но каждый понимал, о чем думает другой.

— Меня это тоже не радует,— признался Теон,— но, думаю, проблема решится, когда наши народы снова узнают друг друга. Оба не могут быть правы — возможно, наши жизни чересчур коротки, а ваши слишком длинны. Со временем удастся найти некий компромисс.

Элвин задумался. Да, в том единственная надежда, но переходные времена наверняка будут тяжелыми. Он снова вспомнил горькие слова Серанис: «И он, и я будем уже много столетий мертвы, а ты так и останешься мальчиком».

Что ж, он готов с этим смириться. Даже в Диаспаре эта же тень омрачала любую дружбу, и не имело значения, продолжалась она сто или миллион лет. Благосостояние народа требовало смешения двух культур, и счастье индивидуума не играло никакой роли. На мгновение Элвин представил себе человечество чем-то большим, нежели живой фон, на котором проходила его собственная жизнь, и без колебаний согласился с тем, что его выбор может принести ему беду.

Больше они этой темы не касались.

Внизу продолжала свое бесконечное вращение планета. Чувствуя настроение друга, Теон молчал, и наконец Элвин заговорил снова:

— Впервые покидая Диаспар, я совершенно не представлял себе, что найду. Обнаружив Люс, был на седьмом небе от счастья,— но теперь все на Земле кажется столь маленьким и незначительным. Каждое новое открытие вызывает все больше вопросов, и я не успокоюсь, пока не узнаю, кем был Учитель и почему он прилетел на нашу планету. Если я когда-нибудь это узнаю, наверное, начну интересоваться Великими и Пришельцами, и так далее.

Теон никогда не видел Элвина столь задумчивым и не хотел прерывать его монолог. За последние минуты он очень многое узнал о своем друге.

— Робот сказал,— продолжал Элвин,— что эта машина может достичь Семи Солнц меньше чем за полдня. Как думаешь, мне стоит туда полететь?

— Думаешь, я могу тебя остановить? — тихо произнес Теон.

Элвин улыбнулся.

— Если и можешь, это не ответ. Мы не знаем, что там, в космосе. Пришельцы, вероятно, покинули нашу Вселенную, но в ней могут оказаться и другие разумные расы, враждебные человечеству.

— Почему? — спросил Теон.— Это один из вопросов, веками заставляющих спорить наших философов. По-настоящему разумная раса вряд ли может быть недружелюбной.

— А Пришельцы?

Теон показал вниз, на бескрайнюю пустыню.

— Когда-то там была Империя. А теперь чем таким мы обладаем, чего нас можно лишить?

Элвина слегка удивила столь необычная точка зрения.

— У вас все так считают?

— Меньшинство. Рядового человека это вообще не волнует, но он, наверное, скажет, что если бы Пришельцы действительно хотели уничтожить Землю, они бы это сделали много веков назад. Лишь немногие, вроде моей матери, все еще их боятся.

— В Диаспаре все совсем по-другому,— сказал Элвин.— Мой народ — великий трус. Насчет твоей матери... как думаешь, она не отпустит тебя со мной?

— Наверняка не отпустит,— уверенно ответил Теон, даже не заметив, что Элвин и не ждал иного ответа.

Чуть подумав, Элвин проговорил:

— Она уже наверняка слышала про корабль и знает, что я собираюсь делать. Нам не следует возвращаться в Эйрли.

— Да, это небезопасно. Но у меня есть план получше.

Маленький поселок, в котором они приземлились, находился всего в пятнадцати километрах от Эйрли, но Элвин весьма удивился, увидев, насколько он отличается своей архитектурой и окружением. Дома в несколько этажей расположились вокруг озера, глядя на воду. Вдоль берега стояло множество ярко раскрашенных лодок; вид их зачаровал Элвина, который прежде ничего не знал о существовании и предназначении таких суденышек.

Теон ушел повидаться с друзьями, а Элвин остался ждать в корабле. Странно было видеть испуг и удивление на лицах собравшихся вокруг людей, не подозревавших, что за ними наблюдают изнутри машины. Теон отсутствовал считаные минуты, и ему не без труда удалось добраться до шлюза через толпу любопытных. Когда люк за его спиной закрылся, он облегченно вздохнул.

— Мама получит сообщение через две или три минуты. Я не сказал, куда мы полетим, но она скоро догадается. И еще я узнал кое-какие новости, они должны тебя заинтересовать.

— Говори.

— Центральный Совет намерен провести переговоры с Диаспаром.

— Что?

— Истинная правда, хотя об этом еще не объявляли. Подобное невозможно сохранить в тайне.

Элвин кивнул. По части сохранения тайн Люс всегда был слабоват.

— Что они обсуждают?

— Вероятно, как не допустить, чтобы мы улетели.

Элвин грустно улыбнулся:

— То есть ты думаешь, что там, где проиграли логика и убеждение, может победить страх?

— Вполне вероятно, хотя вчера вечером ты произвел на советников неплохое впечатление. Когда ты ушел спать, они еще долго разговаривали.

Элвин почувствовал себя польщенным. Диаспар и Люс реагировали запоздало, но события уже быстро приближались к своей кульминации. То, что кульминация может ему самому выйти боком, Элвина почти не волновало.

Уже на большой высоте они дали роботу последние инструкции. Корабль висел почти неподвижно, и Земля простиралась в полутора тысячах километров внизу, почти целиком заполняя небо. Небо выглядело весьма негостеприимно; интересно, подумал Элвин, сколько кораблей в прошлом ненадолго останавливались здесь, прежде чем продолжить путь?

Последовала ощутимая пауза, словно робот проверял приборы и цепи, бездействовавшие в течение целых геологических эпох. Затем раздался едва слышный голос машины. Гул понемногу рос, октава за октавой, пока не достиг порога слышимости. Каких-либо изменений Элвин не ощущал, но вдруг заметил, что по экрану плывут звезды. Снова появилась Земля, прокатилась мимо и возникла опять, в слегка ином ракурсе. Корабль поворачивался в пространстве, словно стрелка компаса в поисках севера. Несколько минут вокруг вращалось небо, пока наконец корабль не замер, словно огромный снаряд, нацеленный на звезды.

В центре экрана красовалось большое кольцо из семи светил. По-прежнему виднелась часть Земли — темный полумесяц в золотисто-красной кайме заката. Элвин понял: происходит нечто, чего он никогда прежде не испытывал. Он ждал, вцепившись в кресло и глядя на экран, где полыхали Семь Солнц.

Шли секунды. Он не услышал никаких новых звуков, лишь ощутил внезапный толчок, от которого все поплыло перед глазами,— но Земля исчезла, словно гигантская рука смахнула ее прочь. Мальчики были одни в космосе, в окружении чужих звезд и странно уменьшившегося Солнца. Земля пропала, будто ее никогда и не было.

Новый рывок сопровождался слабым гудением, словно генераторы корабля впервые стали вырабатывать энергию в

заметных количествах. Несколько секунд казалось, будто ничего не произошло, затем Элвин понял: Солнца больше нет, а звезды медленно ползут мимо корабля. Посмотрев назад, он ничего не увидел. Небо там исчезло, превратившись в черное полушарие. На его глазах звезды ныряли во тьму и гасли, словно падающие на воду искры. Корабль мчался намного быстрее света, и Элвин понял, что находится далеко за пределами знакомых ему окрестностей Земли и Солнца.

Когда случился третий головокружительный рывок, сердце мальчика почти перестало биться. На мгновение вся окружающая обстановка неузнаваемо изменилась. Затем неведомо откуда пришла твердая уверенность: искажение — не иллюзия, все по-настоящему. Вокруг менялся сам космос, и этот процесс каким-то образом отражался на сознании Элвина.

Внезапно гудение генераторов сменилось ревом, сотрясшим корабль. Звук был вдвойне страшным — Элвину еще не доводилось слышать, как протестует машина. Но миг спустя это закончилось, и от абсолютной тишины зазвенело в ушах. Генераторы сделали свое дело и отключились до конца путешествия.

Впереди мерцали бело-голубые звезды, таяли в ультрафиолетовых лучах. Однако благодаря то ли достижениям человеческой науки, то ли капризу природы Семь Солнц оставались видны, хотя теперь их положение и цвет немного изменились. Корабль мчался к ним по темному туннелю, вне границ пространства и времени, со скоростью столь громадной, что разум отказывался ее постичь. И если вовремя не остановится, то вскоре минует центр Галактики и канет в бескрайнюю бездну.

Ни Элвин, ни Теон не могли осознать истинной величины космоса. Великие саги о звездных рейсах полностью изменили представления человека о Вселенной, и даже теперь, миллионы столетий спустя, древние традиции еще жили. Легенды шептали о кораблях, бороздивших космос от края до

края, и миллиарды километров между светилами ничего не значили при подобных скоростях. Элвину же этот полет казался немногим более значительным, чем его первое путешествие в Люс, и, возможно, даже менее опасным.

— Элвин,— сказал Теон, глядя на светящиеся все ярче Семь Солнц,— вряд ли это естественное созвездие.

Тот кивнул.

— Я думал об этом много лет, но мне подобное до сих пор кажется фантастикой.

— Возможно, здесь обошлось без человека,— продолжал Теон,— но не обошлось без разума. Природа не может сотворить столь идеальный круг из звезд одинаковой яркости, но разных цветов, соответствующих семи основным участкам спектра. И во всей Вселенной нет ничего подобного центральному солнцу.

— По-твоему, для чего это было создано?

— Ну, можно предположить много причин. Допустим, это сигнал, чтобы любой чужой корабль, прибывший в нашу Вселенную, знал, где искать жизнь. Не исключено, что там находится центр галактического управления. А может быть — и почему-то мне кажется, это и есть настоящее объяснение — перед нами просто величайшее произведение искусства. Впрочем, что толку гадать? Скоро мы узнаем правду.

15
ВАНАМОНДЕ

С каждым часом расстояние между Семью Солнцами все увеличивалось, пока они не заполнили целиком черный туннель, по которому мчался корабль. Затем шесть внешних звезд поочередно исчезли во тьме, осталось одно центральное солнце. Лишь частично пребывая в надпространстве, оно продолжало сиять жемчужным светом, выделявшим его среди всех прочих звезд. С каждой минутой оно горело все ярче, пока не превратилось из точки в крошечный, но растущий прямо на глазах диск...

Последовало предупреждение — на миг кабину заполнил низкий, как при ударе колокола, вибрирующий звук. Элвин вцепился в подлокотники кресла, хотя понимал, что это ничем не поможет.

Снова ожили генераторы и появились ослепительные звезды. Корабль выскочил в привычное Элвину пространство, во Вселенную солнц и планет, в естественный мир, где ничто не может двигаться быстрее света.

Мальчики уже находились в системе Семи Солнц, на небе теперь господствовало огромное кольцо из разноцветных шаров. И небо это стало совершенно другим. От знакомых Элвину и Теону звезд и созвездий не осталось и следа. Млечный Путь больше не был едва различимой туманной полоской на краю неба — они находились в самом центре творения, и его огромный круг делил Вселенную надвое.

Корабль продолжал мчаться к центральному солнцу, остальные шесть звезд походили на расставленные в небе цветные маяки. Рядом с ближайшей виднелись крошечные искорки планет — наверняка громадных, судя по тому, что они были видны с такого расстояния. Зрелище было намного более величественным, чем любое творение Природы, и Элвин понял: Теон прав. Эта идеальная симметрия Семи Солнц бросала вызов беспорядочно рассеянным вокруг звездам.

Теперь стало ясно, почему центральное солнце сияло перламутром. Огромная звезда, наверняка одна из самых ярких во Вселенной, куталась в газовое облако, которое смягчало ее излучение и придавало ему характерный цвет. Туманность принимала постоянно ускользавшие от взгляда формы, но чем дольше мальчики смотрели, тем обширней она казалась.

Элвин терялся в догадках, куда ведет его робот. Следует ли он неким содержавшимся в древней памяти данным или получает направляющие сигналы из космоса? Вскоре мальчик заметил по курсу бледную искорку, почти затерявшуюся в лучах центрального солнца, окруженного совсем уж тусклыми точками других планет. Не имеющее себе равных путешествие близилось к концу.

От прекрасного мира, залитого лучами разноцветных звезд, их теперь отделяло лишь несколько миллионов километров. Планета никогда не знала ночи — по мере того как она поворачивалась под центральным солнцем, на ее небосклоне поочередно возникали другие светила. Теперь Элвин понял смысл предсмертных слов Учителя: «Как прекрасны разноцветные тени на планетах вечного света».

Вскоре мальчики смогли различить континенты, океаны и едва заметную дымку атмосферы. Однако очертания суши вызывали подспудное недоумение. В конце концов путешественники сообразили, в чем дело: границы суши и воды выглядели удивительно правильными. Не такими природа создает континенты — но вряд ли формирование этой планеты было сложной задачей для тех, кто сотворил ее солнца.

— Это вовсе не океаны! — воскликнул Теон.— Смотри!

Но Элвин не сразу понял, что имел в виду его друг. Когда планета приблизилась, вдоль границ континентов обозначились едва заметные полосы на фоне того, что он сперва принял за моря. Он хорошо знал, что означают подобные линии — видел их в пустыне, окружавшей Диаспар.

Стало быть, путешествие оказалось напрасным.

— Эта планета такая же сухая, как и Земля,— пробормотал он.— На ней больше нет воды. Эти полосы — залежи соли на месте испарившихся морей.

— Они бы никогда не позволили такому случиться,— ответил Теон.— И все-таки, похоже, мы опоздали.

Разочарование его было столь горьким, что Элвин не произнес больше ни слова, молча глядя на огромную планету. С впечатляющей медлительностью она поворачивалась под кораблем и все росла, росла... Теперь можно было разглядеть здания — крошечные белые вкрапления повсюду, кроме бывшего океанского дна.

Когда-то этот мир был центром Вселенной. Теперь он мертв, в его воздухе пусто и на земле ничто не говорит о присутствии жизни. Однако корабль продолжал целеустремленно скользить над застывшим каменным морем — морем, над которым когда-то вздымались громадные волны, бросавшие вызов небу.

Наконец корабль замер, словно робот в конце концов привел его к цели. Под ним из центра огромного мраморного амфитеатра поднималась белоснежная колонна. Элвин, не дождавшись новых движений от машины, велел ей приземлиться у подножия колонны.

До последнего момента он надеялся обнаружить на планете хоть какую-то жизнь. Но как только вышел из шлюза, надежда исчезла. Никогда прежде, даже среди запустения Шалмирейна, его не окружала столь абсолютная тишина. На Земле всегда слышались бормотание чьих-то голосов, издаваемый живыми существами шорох, шум ветра. Здесь же ничего подобного не было — и он знал, что никогда больше не будет.

Почему машина доставила их именно сюда, понять было невозможно; впрочем, особого значения это уже не имело. Столп из белого камня, раз в двадцать выше человеческого роста, стоял посреди металлического круга, слегка выступавшего над уровнем почвы. Колонна была лишена каких-либо черт, и мальчики нипочем бы не догадались, что когда-то она отмечала начальную точку всех астрономических измерений.

Вот и конец поискам, с грустью подумал Элвин. Он понимал, что посещать другие планеты Семи Солнц бесполезно. Даже если во Вселенной еще сохранился разум, где его искать? Он видел звезды, рассеянные словно пыль по небу, и знал, что оставшейся жизни не хватит облететь их все.

Его вдруг охватило небывалое чувство одиночества и подавленности. Теперь он понимал страх Диаспара перед огромными просторами Вселенной, ужас, заставивший его народ собраться в микрокосме города. Как ни тяжело это признать, сограждане Элвина все же были правы.

Он повернулся к Теону, ища поддержки, но тот стоял с остекленевшим взглядом, до судороги сжимая кулаки и хмуря лоб.

— Что случилось? — встревожился Элвин.

Теон продолжал смотреть вдаль.

— Сюда что-то приближается. Нам лучше вернуться в корабль.

Галактика много раз повернулась вокруг своей оси с тех пор, как Ванамонде впервые осознал себя. Он мало что помнил о тех временах и о существах, которые о нем заботились,— но не забыл чувство одиночества, возникшее, когда они в конце концов ушли, оставив его среди звезд. В течение последующих тысячелетий он путешествовал от солнца к солнцу, постепенно развиваясь и наращивая силы. Когда-то он мечтал найти тех, кто присутствовал при его рождении, и хотя мечта эта давно потускнела, она все же не умерла.

На бесчисленных мирах он находил останки былой жизни, но разум обнаружил лишь однажды — и в ужасе бежал от Черного Солнца. Однако Вселенная была очень велика, а поиск едва успел начаться.

Сколь бы ни был далек в пространстве и времени громадный выброс энергии из центра Галактики, он манил Ванамонде сквозь световые годы. Выброс этот был совершенно не похож на излучение звезд, он появился в поле сознания неожиданно, словно метеор в безоблачном небе.

Когда Ванамонде наконец обнаружил его источник, он понял, что это место ему знакомо — бывал тут уже, но никаких признаков жизни тогда не заметил. Теперь же там появился разум.

Он не знал, для чего предназначен лежавший на равнине длинный металлический предмет, поскольку вещь эта была столь же чужда его натуре, как и практически все принадлежавшее к физическому миру. Предмет еще окружала аура энергии, доставившая его сюда через Вселенную, но сейчас

она не интересовала Ванамонде. Осторожно, подобно готовому к бегству дикому зверю, он потянулся к двум разумам. И в следующий миг понял, что его долгий поиск завершен.

16
ДВЕ ВСТРЕЧИ

Еще несколько дней назад Рорден не мог бы вообразить подобной встречи. Хотя формально он все еще пребывал под подозрением, необходимость его присутствия была столь очевидной, что никто не предложил исключить хранителя записей из числа участников встречи. Шестеро гостей сидели перед Советом, а по обе стороны от них — Рорден и другие кооптированные члены правительства Диаспара. Это означало, что он не мог видеть посланников Люса, но выражения лиц расположившихся напротив земляков говорили ему достаточно.

Вне всякого сомнения, Элвин был прав, и Совет постепенно осознавал эту неприятную истину. Делегаты из Люса думали почти вдвое быстрее, чем лучшие умы Диаспара. И это было не единственным их преимуществом, поскольку они также демонстрировали удивительную согласованность действий, что, как предположил Рорден, могло быть следствием их телепатических способностей. Хранитель записей не знал, читают ли они мысли советников, но решил, что вряд ли гости нарушат свое торжественное обещание, без которого эта встреча была бы невозможна.

Впрочем, Рорден сомневался, что от нее будет существенный толк. Элвин улетел в космос, это уже свершившийся факт. Совет, еще не признавший окончательно существование Люса, кажется, до сих пор не понял, что произошло. Его члены напуганы, как и большая часть гостей. Сам Рорден уже не испытывал страха. Каким-то образом безрассудство Элвина — или смелость? — изменило его взгляды и расширило горизонты.

Вопрос председателя застал его врасплох, но он быстро опомнился.

— Полагаю,— сказал хранитель записей,— что подобная ситуация никогда прежде не возникала. И мы никак не смогли бы ее предотвратить, поскольку всегда плетемся в хвосте у событий.— Все поняли, что под «событиями» он подразумевает действия Элвина, но комментариев не последовало.— Нет никакого смысла спорить о прошлом — и Диаспар, и Люс совершили ошибку. Когда Элвин вернется, можете не допустить, чтобы он снова покинул Землю — если сумеете. Скорее всего, не сумеете, поскольку к тому времени он может мно́гому научиться. Но если случилось то, чего вы опасаетесь, никто из нас не в состоянии ничего исправить. Земля беспомощна вот уже миллионы веков.

Ронден замолчал и посмотрел на сидевших напротив. Его слова никого не обрадовали. Но он и не ставил перед собой задачи успокоить Совет.

— Однако,— продолжал он,— я не вижу причин для тревоги. Земле не угрожают новые опасности. Каким образом два мальчика, улетевших на космическом корабле, могут обратить против нас гнев Пришельцев? Не будем кривить душой, давайте признаем: Пришельцы могли уничтожить нас давным-давно.

Наступила тишина. Слова его были откровенной ересью, они глубоко шокировали собравшихся — но Ронден с интересом отметил, что двое гостей, похоже, восприняли их одобрительно.

Председатель нахмурился.

— Разве легенда не гласит, что Пришельцы пощадили Землю лишь с условием, что человечество никогда больше не выйдет в космос? И разве мы не нарушили это условие?

— Когда-то я тоже в это верил,— вздохнул Ронден.— Мы воспринимаем как должное многие догмы, и это одна из них. Но мои машины не хранят легенд, только истину — а о подобном соглашении нет никаких исторических записей. Я убежден: столь важное событие непременно было бы зафиксировано, как зафиксированы многие куда менее существенные.

Элвин мог бы мной гордиться, подумал Ронден. По крайней мере одна его мечта стала явью — отношения между Люсом и Диаспаром помаленьку выстраиваются, хотя противоречий еще предостаточно. Интересно, где сейчас Элвин?

Лишь когда за спиной Элвина закрылся шлюз, он повернулся к другу и спросил, переведя дух:

— Что это было?

— Не знаю. Что-то ужасное. Мне кажется, оно по-прежнему наблюдает за нами.

— Может, улететь отсюда?

— Нет. Я не думаю, что оно настроено враждебно. Похоже, просто... интересуется.

Элвин уже собирался ответить, как вдруг его охватило чувство, какого он прежде не испытывал. По всему телу распространилось нечто вроде теплого покалывания; когда же через несколько секунд это прошло, он уже не был Элвином Лороней. Что-то проникло в его мозг, наложилось на сознание, как один круг частично накладывается на другой. Он ощущал присутствие рядом Теона, также связанного с разумом неведомого существа. Ощущение было скорее странным, чем неприятным, и Элвин впервые получил представление об истинной телепатии — способности, настолько ослабевшей у его народа, что она могла применяться лишь для управления машинами.

В свое время Элвин изо всех сил мешал Серанис овладеть его разумом, но сейчас он покорно впустил чужака. Сопротивляться было бесполезно, к тому же он знал, что этот намного более высокоразвитый разум не враждебен. Он полностью расслабился, позволяя обследовать самые дальние закоулки своего мозга.

Ванамонде сразу понял, что один из разумов более дружелюбен и доступен, чем другой. Он с изумлением понял, что оба крайне удивлены его присутствием. Трудно поверить, что они могли обо всем забыть; забывчивость, как и смертность, были недоступны пониманию Ванамонде.

Общение давалось крайне тяжело — многие мысленные картины он едва мог понять, настолько диковинными они были. Его озадачил и слегка испугал повторяющийся образ страха перед Пришельцами, напомнивший о том, что он сам почувствовал, когда узнал о Черном Солнце.

Но эти двое ничего не знали о Черном Солнце, и в его разуме начали возникать их вопросы.

Кто ты?

Он дал единственно возможный ответ:

Я Ванамонде.

Последовала пауза (как же много нужно им времени, чтобы сформулировать мысль), и вопрос повторился. Они не поняли ответа — странно, поскольку Ванамонде сохранил память о том, что имя ему дали существа, подобные этим. Воспоминаний о рождении было крайне мало, и они, что опять же удивительно, приходились на один конкретный период времени, но зато нисколько не поблекли.

И снова в его сознании возникли слабые мысли:

Кем были Великие? Ты сам — один из них?

Этого Ванамонде не знал. Собеседники с трудом смогли ему поверить, и через отделявшую их пропасть донеслось разочарование. Но они оказались терпеливыми, а он искренне хотел помочь, ведь у них была общая цель, и к тому же он, сколько себя помнил, не имел друзей.

А у Элвина не укладывалось в голове, что он участвует в самой настоящей телепатической беседе. Добро бы наблюдать со стороны, как ведет переговоры Теон, чей разум для такого дела приспособлен куда лучше, но чтобы самому... Но и Теона ошеломил поток мыслей, выходящих за пределы его понимания. Бледный от изнеможения, он вскоре повернулся к другу:

— Элвин, происходит что-то странное. Я ничего не могу понять.

Эта новость нисколько не повысила самооценку Элвина, что явно отразилось на его лице. Коротко рассмеявшись, Теон продолжал:

— Не возьму в толк, что собой представляет этот... Ванамонде. Какое-то существо, обладающее огромными знаниями, но, похоже, не слишком разумное. Возможно,— добавил он,— его разум устроен столь необычным для нас образом, что мы просто не способны его постичь,— но почему-то я в этом сомневаюсь.

— И все же, что ты узнал? — не без раздражения спросил Элвин.— У него есть какие-нибудь сведения об этой планете?

Мысли Теона, казалось, блуждали где-то далеко.

— Этот город построен многими расами, включая нашу,— машинально проговорил он.— Ванамонде может сообщать подобные факты, но едва ли понимает их смысл. Кажется, он знает о событиях прошлого, но не в состоянии дать им объяснение. Как будто все факты свалены в одну кучу у него в мозгу.

Он задумчиво помолчал, затем лицо прояснилось:

— Мы можем сделать только одно — каким-то образом доставить Ванамонде на Землю, чтобы его изучили наши философы.

— Это не опасно? — спросил Элвин.

— Нет,— ответил Теон, отметив, сколь непривычно слышать из уст друга такой вопрос.— Ванамонде вполне дружелюбен. Более того, он чуть ли не привязался к нам.

Неожиданно у Элвина сформировалась четкая мысль, уже какое-то время сидевшая в подсознании. Он вспомнил Крифа и других мелких существ, которые постоянно убегали («Они больше не будут, мама!»), досаждая Серанис. И еще он вспомнил — как же давно, кажется, это было! — одну из причин путешествия в Шалмирейн.

Теон нашел себе нового питомца.

17
ЧЕРНОЕ СОЛНЦЕ

Они приземлились в полдень на поляне в Эйрли, на этот раз и не думая скрываться. Интересно, задал себе вопрос Элвин, доставлялся ли когда-нибудь на Землю подобный груз? И действительно ли Ванамонде находился в физическом пространстве машины? В пути ничто не говорило о его присутствии; Теон полагал, и тому были основания, что не сам Ванамонде занимает какое-то положение в пространстве, а лишь его сфера восприятия.

Когда они вышли из корабля, люк мягко закрылся, и неожиданно налетевший ветер затеял трепать одежду. Затем машина превратилась в серебристую точку в небе, возвращаясь в мир, к которому она принадлежала. И останется там, пока снова не понадобится Элвину.

Серанис уже ждала — о чем Теон знал, а Элвин догадывался. Некоторое время она молча смотрела на мальчиков, затем спокойно обратилась к Элвину:

— Надо сказать, ты изрядно осложняешь нам жизнь.

В ее словах не было злости, лишь признание случившегося и даже едва заметное одобрение.

Элвин сразу догадался:

— Значит, Ванамонде уже здесь?

— Да, появился несколько часов назад. С утра мы узнали о своем прошлом очень много нового.

Элвин озадаченно посмотрел на нее, затем понял. Нетрудно представить, какое влияние Ванамонде окажет на этих людей, с их тонкими чувствами и чудесной мысленной связью. Элвин живо представил себе слегка испуганного Ванамонде, окруженного пытливыми умами Люса.

— Удалось ли выяснить, кто он?

— Да,— ответила Серанис.— Это было просто, чего не скажешь о загадке его происхождения. Ванамонде — чистый разум, и знания его, похоже, безграничны. Но он ребенок, в буквальном смысле этого слова.

— Конечно! — воскликнул Теон.— Мне следовало догадаться!

Элвин растерянно захлопал глазами, и Серанис сжалилась над ним:

— Ванамонде обладает колоссальной, возможно, бездонной памятью, но как личность он незрел и неразвит. Он менее разумен, чем человек,— женщина криво улыбнулась,— хотя его мыслительные процессы проходят намного быстрее и он очень быстро учится. Также он обладает некоторыми способностями, пока еще нами не разгаданными. Похоже, ему открыто все прошлое — трудно объяснить, каким именно образом. Вероятно, он воспользовался этой способностью, чтобы последовать за вами на Землю.

Элвин молча стоял, борясь с нахлынувшими чувствами. Он понял, насколько правильно поступил Теон, призвав Ванамонде в Люс. И еще понял, как же ему повезло, что удалось перехитрить Серанис. Вряд ли он сумел бы это повторить.

— Ты хочешь сказать,— спросил он,— что Ванамонде родился совсем недавно?

— По его меркам — да. Реальный возраст очень велик, хотя, видимо, он все же уступает возрасту человечества. А вот самое удивительное: он утверждает, будто его создали мы, и нет сомнений, что его происхождение как-то связано с великими загадками прошлого.

— А чем он занимается сейчас? — слегка ревниво спросил Теон.

— Его расспрашивают историки из Греварна. Они пытаются составить приблизительную картину прошлого, но это работа не на один год. Ванамонде способен изложить историю во всех подробностях, но, поскольку он не понимает того, что видит, иметь с ним дело очень трудно.

Интересно, откуда Серанис все это знает, подумал Элвин. А затем догадался, что все жители Люса мысленно следили за ходом исследований.

— Здесь необходимо присутствие Рордена,— внезапно решил он.— Я отправляюсь за ним в Диаспар.

Он немного подумал и твердо добавил:

— И за Джезераком.

Рорден никогда не видел смерча, но если бы вдруг в него угодил, ощущения показались бы вполне знакомыми. Порой ему отказывало чувство реальности, и тогда чудилось, будто все происходит словно во сне. Именно так и было сейчас.

Закрыв глаза, он попытался вспомнить зал в Диаспаре, который когда-то был как смыслом его жизни, так и барьером, отгораживавшим от внешнего мира. Что бы он подумал, впервые встретившись с Элвином, если бы мог заглянуть в будущее и увидеть последствия этой встречи? Но в одном он был уверен и даже слегка этим гордился: все равно не отвернулся бы от мальчика.

Лодка медленно плыла по озеру, слегка качаясь, что Рордену даже нравилось. Можно было лишь догадываться, почему поселок Греварн построен на острове — хранителю записей это казалось весьма неудобным. Разноцветные дома на легких волнах создавали картину почти неземной красоты. Все это очень хорошо, подумал Рорден, но как можно провести всю жизнь, глядя на один и тот же пейзаж? Однако местные люди именно этим и занимаются.

Впрочем, хоть они и чудаки с точки зрения диаспарца, их незаурядный интеллект заслуживает уважения. Рордену мысли Ванамонде ничего не говорили, они звучали как тысяча голосов разом в огромной гулкой пещере. А вот жители Люса могли распутать их, записать и не спеша проанализировать. Уже проявлялась структура прошлого, совсем еще недавно считавшегося утраченным навсегда. И оно изобиловало странностями и неожиданностями; оно, казалось, не имело ничего общего с историей, в которую прежде верил Рорден.

Через несколько месяцев он должен представить свой первый отчет Совету Диаспара. И хотя пока слабо представлял

себе, о чем будет докладывать, одно не вызывало сомнений: с изоляцией его народа будет покончено. Барьер между Люсом и Диаспаром падет, когда станет ясным происхождение этих городов: две великие культуры, смешавшись, на тысячелетия обеспечат человечество новой энергией. Но даже это казалось всего лишь побочным продуктом начавшихся великих исследований. Если то, на что намекает Ванамонде, правда, горизонты человечества вскоре не только охватят Землю, но и достигнут звезд, распространятся на далекие галактики. Но об этом говорить еще слишком рано.

Калитракс, главный историк Люса, встретил его на небольшой пристани. Он был высок и слегка горбился, и Рордена удивляло, каким образом без помощи ассоциаторов он столько узнал за свою недолгую жизнь. Хранителю записей не приходило в голову, что само отсутствие подобных машин вынудило жителей Греварна развить свою память.

Они шли вдоль одного из многочисленных каналов, делавших жизнь в поселке столь рискованной для посторонних. Калитракс был погружен в свои мысли, и Рорден понял, что его разум все еще связан с Ванамонде.

— Ты уже придумал, как датировать события? — какое-то время спустя спросил он, сообразив, что на него не обращают внимания.

Калитракс вспомнил о долге гостеприимного хозяина и с явной неохотой разорвал контакт.

— Да,— ответил он.— Придется воспользоваться астрономическим методом. Мы считаем, что он даст точность до десяти тысяч лет, это относится даже к Рассвету. Возможно, получится и точнее, но и этого вполне достаточно, чтобы разделить основные эпохи.

— Как насчет Пришельцев? Бенсору удалось определить их время?

— Весьма расплывчато. Сейчас мы движемся к началу истории, а потом будем брать эпизоды, сопоставлять их друг с другом, датировать и объединять в периоды. И так до тех пор,

пока не добьемся максимально четкой картины. Эх, если бы Ванамонде мог объяснять то, что он видит! Нам бы не приходилось обрабатывать массу несущественного материала.

— Интересно, что он вообще обо всем этом думает. Для него это наверняка полная загадка.

— Да, пожалуй. Но он очень послушен и дружелюбен, и, полагаю, счастлив, если здесь уместно это слово. Так считает Теон. Похоже, эти двое странным образом привязались друг к другу. А вот и Бенсор с последними десятью миллионами лет истории. Передаю его в твое распоряжение.

Зал Совета мало изменился с тех пор, как Элвин побывал в нем последний раз. Проекционное оборудование использовалось очень редко и не бросалось в глаза, и его легко было не заметить. Два кресла за большим столом пустовали; одно из них принадлежало Джезераку. Но хотя Джезерак сейчас находился в Люсе, он тоже наблюдал за ходом собрания, как и почти весь мир.

Если Рорден и помнил о предыдущем визите мальчика в зал Совета, то не упомянул об этом даже словом. Но советники уж точно не забыли, Элвин это понял по их полным сомнений взглядам. Его очень интересовало, что они подумают, услышав рассказ Рордена. За несколько месяцев настоящее успело измениться до неузнаваемости — а теперь им предстояло лишиться прошлого.

Рорден заговорил. Движущиеся дороги Диаспара опустели, в городе наступила почти мертвая тишина — на памяти Элвина такое случалось лишь однажды. Город ждал, когда поднимется завеса прошлого и свет прольется на события, случившиеся, если прав Калитракс, более полутора миллиардов лет назад.

Рорден очень коротко прошелся по общепринятой истории человечества — истории, никогда не вызывавшей сомнений ни у жителей Диаспара, ни у жителей Люса. Он говорил о народах Эпохи Рассвета, не оставивших после себя ни-

чего, кроме нескольких великих имен и полузабытых легенд об Империи. С самого начала своего существования человечество стремилось к звездам и в конце концов добралось до них. На протяжении миллионов лет оно распространялось по Галактике, осваивая планету за планетой. Затем нанесли удар Пришельцы из тьмы за краем Вселенной, отобрав у человечества все его завоевания.

Горькое и мучительное отступление в Солнечную систему, вероятно, длилось много веков. Сама Земля едва уцелела в легендарных сражениях, бушевавших вокруг Шалмирейна. Когда все закончилось, человечество осталось наедине со своими воспоминаниями и планетой, которая была его родиной.

Рорден оглядел собравшихся и улыбнулся, встретив взгляд Элвина.

— Так утверждает история, в которую мы верили с незапамятных времен. Но сейчас я обязан сказать, что она ложна, вплоть до мельчайших деталей.

Он подождал, пока до слушателей дойдет смысл его слов. Затем осторожно, не спеша, но и стараясь не заглядывать в свои записи, поведал городу о том, что удалось извлечь из разума Ванамонде.

Даже то, что человечество покоряло Вселенную,— неправда. Вся его крошечная империя ограничивалась орбитой Персефоны, поскольку межзвездные расстояния оказались непреодолимым барьером. Вся его цивилизация ютилась в окрестностях Солнца и была все еще очень молода, когда звезды сами добрались до нее.

Случившееся стало для человечества сокрушительным ударом. Несмотря на все свои неудачи, люди не сомневались в том, что когда-нибудь завоюют глубины космоса. Они также были убеждены, что если во Вселенной и есть равные им, в ней нет никого, кто мог бы их превзойти. Теперь же человечество поняло, что ошибалось, что среди звезд существует разум намного более высокоразвитый, чем коллективный

разум людей. В течение многих столетий, сперва летая на кораблях других рас, а затем на аппаратах, построенных с помощью новообретенных знаний, человек исследовал Галактику. Повсюду он находил культуры, которые мог понять, но с которыми не мог сравниться, а временами встречал непостижимые разумные сообщества.

Потрясение было чудовищным, но оно явилось испытанием, лишь закалившим человечество. Став неизмеримо более мудрым, человек с грустью вернулся в Солнечную систему, чтобы привести в порядок, систематизировать новые знания. Человек принял брошенный ему вызов и постепенно разработал план, дававший надежду на будущее.

Когда-то ученых больше всего интересовала физика. Теперь же они с удвоенной энергией обратились к генетике и психологии, пытаясь любой ценой раздвинуть рамки, которыми эволюция ограничивала человеческий разум.

Для великого эксперимента потребовалась вся энергия расы в течение миллионов лет. Напряженные поиски, тяжкий труд и жертвы уложились всего в сотню слов в повествовании Рордена, но именно они принесли человечеству его величайшие победы. Человек победил болезни; он мог при желании жить вечно; более того, он овладел самой удивительной из способностей мозга — телепатией.

Человечество было готово вновь отправиться в просторы Галактики, полагаясь на свои собственные ресурсы. Ему предстояло на равных говорить с разумными обитателями планет, когда-то обойденными стороной,— и в полной мере сыграть свою роль в истории Вселенной.

Именно из той эпохи, возможно, самой длительной в истории, вели свое происхождение легенды об Империи. Это была Империя многих рас, но о том позабыли после финального события, слишком чудовищного для того, чтобы можно было назвать его трагедией.

Империя просуществовала самое меньшее миллиард лет. Она наверняка знала множество кризисов, возможно, даже войн, но все это казалось незначительным на фоне величе-

ственного движения многих рас к окончательному совершенству.

— Мы можем гордиться,— продолжал Рорден,— подвигами, которые совершили наши предки. Даже достигнув предела развития своей культуры, они не утратили инициативы. Сейчас мы имеем дело скорее с гипотезой, чем с доказанным фактом, но можно не сомневаться, что эксперименты, приведшие как к падению Империи, так и к ее славе, вдохновлялись и направлялись именно человечеством.

Лежащая в основе этих экспериментов философия примерно такова. Контакт с другими обитателями Вселенной продемонстрировал человечеству, сколь сильно представление каждой расы о мире зависит от ее физического тела и органов чувств. Утверждалось, что истинную картину Вселенной способен постичь, если это вообще возможно, лишь разум, свободный от физических ограничений,— разум в чистом виде. Эту идею отражают бесчисленные древние религии, и многие выдающиеся умы считали ее конечной целью эволюции.

На основе приобретенного за время своего собственного возрождения опыта человечество решило создать подобное существо, тем самым бросив величайший вызов разуму Вселенной. После многолетних дебатов идея была принята. Ради ее реализации объединили усилия все расы Галактики.

Потребовалось полмиллиарда лет, чтобы мечта стала реальностью. Цивилизации появлялись и исчезали, многолетний труд многих миров не раз пропадал впустую, но люди никогда не забывали о конечной цели. Возможно, однажды мы узнаем всю историю этих удивительных событий. Сейчас же нам известно только то, что они завершились катастрофой, едва не уничтожившей Галактику.

Об этом периоде Ванамонде отказывается что-либо сообщать. Есть небольшой промежуток времени, который для него закрыт, но мы считаем, что причина тому — лишь его собственный страх. В начале этого периода мы видим Империю на вершине ее славы, видим, как она с волнением ожидает

успеха. В конце же, всего несколько тысяч лет спустя, Империя разрушена, и даже сами звезды потускнели, словно истощилась их энергия. Вся Галактика объята страхом, и со страхом этим связывается имя Безумный Разум.

Нетрудно догадаться, что произошло за этот краткий отрезок времени. Чистый разум действительно был создан, но он оказался или безумным, или непримиримо враждебным ко всему живому, что выглядит более вероятным, если судить по другим источникам. В течение многих веков он опустошал Вселенную, пока его не обуздали некие неизвестные нам силы. Оружие, которое в крайней ситуации использовала Империя, истощило ресурсы звезд; из воспоминаний об этом конфликте ведут свое начало некоторые легенды о Пришельцах. Но об этом я расскажу чуть позже.

Безумный Разум невозможно было уничтожить, поскольку он оказался бессмертным. Его загнали на границу Галактики, заключив там в своего рода тюрьму — каким именно образом, мы пока понять не можем. Тюрьмой этой стала необычная искусственная звезда, известная как Черное Солнце, и там он содержится и поныне. Когда Черное Солнце умрет, он вырвется на свободу. Как скоро это произойдет, сказать невозможно.

18
ВОЗРОЖДЕНИЕ

Элвин быстро окинул взглядом объятый тишиной зал. Люди сидели в напряженных позах, неподвижно, словно в трансе, глядя на Рордена. Даже Элвин, для которого многое из услышанного не было новостью, испытывал необъяснимое волнение. Для советников же откровения хранителя записей стали ошеломляющим ударом.

Рорден снова негромко заговорил, описывая последние дни Империи. Элвин решил, что именно в те времена ему хотелось бы жить — во времена, полные приключений и бес-

страшия, способного вырвать победу из зубов надвигающейся катастрофы.

— Хотя Безумный Разум опустошил почти всю Галактику, Империя пока еще обладала огромными ресурсами и дух ее не был сломлен. С отвагой, о которой мы можем лишь мечтать, великий эксперимент был возобновлен и начались поиски ошибки, приведшей к катастрофе. Естественно, многие противились этому и пророчили катаклизмы, но они оказались в меньшинстве. Работа не прекращалась, и на этот раз, с учетом печального опыта, она увенчалась успехом.

Новорожденная раса обладала потенциально безграничным интеллектом. Однако она была совершенно инфантильной; мы не знаем, предполагали ли подобное ее создатели, но, вполне вероятно, они знали, что это неизбежно. Требовались миллионы лет для того, чтобы раса достигла зрелости, и ничто не могло ускорить этот процесс. Ванамонде стал первым таким разумом; где-то в Галактике наверняка есть и другие, но мы полагаем, что их очень мало, поскольку Ванамонде никогда не встречал своих сородичей.

Создание чистого разума стало величайшим достижением галактической цивилизации, в котором человечество играло главную, а может быть, и господствующую роль. Я ни разу не упомянул саму Землю, ведь ее история — лишь одна из нитей в огромном ковре. Поскольку ее всегда стремились покинуть самые отважные искатели приключений, наша планета неизбежно стала в какой-то степени консервативной, и в конце концов она выступила против ученых, создавших Ванамонде. В последнем же акте драмы она наверняка вообще не играла никакой роли.

Величайший труд Империи был завершен; человечество той эпохи посмотрело на опустошенные звезды и пришло к решению, которого следовало ожидать,— к решению оставить Вселенную Ванамонде.

Выбор был достаточно прост, поскольку Империя к тому времени установила первый контакт с очень могуществен-

ной и очень загадочной цивилизацией, найденной на краю космоса. Цивилизация эта — если сведения, которые нам удалось собрать, верны — развилась в чисто физическом отношении намного дальше, чем прежде считалось возможным. Похоже, проблема высшего разума имела больше одного решения. Но об этом мы можем лишь догадываться; все, что нам наверняка известно,— вскоре после этого наши предки и дружественные им расы отправились в путешествие, о цели которого мы не знаем ничего. Судя по всему, мысли Ванамонде ограничены пределами Галактики, но с их помощью мы наблюдали за началом этого великого приключения...

Словно призрак былой славы, висит в пустоте медленно вращающееся колесо Галактики. По всей его длине тянутся огромные прорехи, оставленные Безумным Разумом,— раны, которые за многие тысячелетия заполнят неторопливо дрейфующие звезды. Но прежнее великолепие не вернется уже никогда.

Человечество готово покинуть свою Вселенную, как когда-то оно покинуло свою планету. И не только человечество, но и тысячи других рас, создававших вместе с ним Империю. Они собрались вместе здесь, на краю Галактики, отделяющей их от цели, которой они достигнут лишь миллиарды лет спустя.

Длинная огненная черта пересекает Вселенную, от звезды к звезде. В одно мгновение умерли тысячи солнц, питая энергией огромный туманный силуэт, что промчался вдоль оси Галактики и теперь исчезает в космической бездне...

— Империя покинула Вселенную, чтобы где-то найти свою судьбу. Когда ее наследники, чистые разумы, достигнут зрелости, они снова вернутся — так мы, по крайней мере, полагаем. Но до этого дня еще очень и очень далеко.

Такова в общих чертах история галактической цивилизации. Наша собственная история, которую мы считали столь

важной,— не более чем запоздалый эпизод, все еще не изученный нами до конца. Но похоже, что многие расы, более старые и не столь деятельные, отказались покинуть свой дом, и среди них были наши прямые предки. Многие из этих рас пришли в упадок и вымерли; наш собственный мир едва избежал такой же участи. В Переходные Века — которые на самом деле длились миллионы лет — знания о прошлом были утеряны или преднамеренно уничтожены. Последнее выглядит более вероятным — мы считаем, что человечество погрузилось в суеверное варварство, во время которого исказило свою историю, чтобы избавиться от чувства бессилия и несостоятельности. Легенда о Пришельцах — наверняка ложь, а битва за Шалмирейн — миф. Да, Шалмирейн действительно существует, и в нем находилось величайшее оружие из всех, что когда-либо были созданы,— но оно не применялось против разумного врага. В далеком прошлом у Земли был гигантский спутник, Луна. Когда она начала падать, для ее уничтожения построили Шалмирейн. Вокруг событий того времени возникли всем вам известные легенды, и их очень много.

Рорден немного помолчал и грустно улыбнулся.

— Есть и другие, до сих пор не решенные парадоксы, но это скорее проблема для психолога, чем для историка. Даже моим записям нельзя полностью доверять, ибо они носят явные следы изменений, сделанных в очень далеком прошлом.

Лишь Диаспар и Люс пережили период упадка — Диаспар благодаря совершенству своих машин, а Люс в силу его частичной изоляции и необычных интеллектуальных способностей жителей. Но обе культуры, даже стремясь вернуться на прежний уровень, продолжали существовать под гнетом унаследованных от прошлого страхов и мифов.

Этим страхам вовсе незачем и дальше преследовать нас. Как мы только что узнали, во все времена жили люди, восставшие против них и поддерживавшие зыбкую связь меж-

ду Диаспаром и Люсом. Теперь мы можем отбросить последние барьеры, чтобы наши народы вместе двигались в будущее — каким бы оно ни было.

— Интересно, что обо всем этом подумал бы Ярлан Зей? — задумчиво сказал Рорден.— Сомневаюсь, что одобрил бы.

Парк в немалой степени изменился, причем вовсе не похорошел. Но каменный завал вскоре должен быть расчищен, дорога в Люс откроется для всех желающих.

— Не знаю,— ответил Элвин.— Он преградил движущиеся дороги, но не уничтожил их, что вполне мог сделать. Однажды мы узнаем всю историю парка... и Алена Линдара.

— Боюсь, что с этим придется подождать,— вздохнул Рорден,— пока не будут решены более важные проблемы. В любом случае, я достаточно хорошо представляю себе образ мыслей Алена; когда-то, вероятно, у нас с ним было немало общего.

Они молча прошли несколько сот метров в направлении большого котлована, на краю которого теперь находилась гробница Ярлана Зея. На дне самозабвенно трудились десятки роботов.

— Кстати,— вдруг заметил Элвин,— ты знаешь, что Джезерак остается в Люсе? Джезерак, кто бы мог себе представить! Ему там нравится, и он не хочет возвращаться. Естественно, в Совете появилось вакантное место.

— Значит, так тому и быть,— ответил Рорден, словно не придал словам Элвина никакого значения.

Еще недавно сама мысль о том, чтобы стать членом Совета, казалась ему невероятной; теперь же, скорее всего, это лишь вопрос времени. В ближайшем будущем последует немало новых отставок, подумал он. Некоторые из советников постарше не сумели достойно встретить обрушившиеся на них проблемы.

Они поднимались по склону к гробнице, идя длинной аллеей с вековыми деревьями. В конце ее стоял корабль Элвина,

выглядевший странно неуместным в столь знакомом окружении.

— Вот она, величайшая тайна,— внезапно сказал Рорден.— Кем был Учитель? Где он взял этот корабль и трех роботов?

— Я думал об этом,— ответил Элвин.— Мы знаем, что он прилетел с Семи Солнц, где, вероятно, существовала достаточно высокоразвитая культура еще в те времена, когда цивилизация на Земле только зарождалась. Сам корабль, судя по всему, творение Империи.

Мне думается, что Учитель бежал от своего народа. Возможно, соплеменники не соглашались с его идеями — ведь он был философом, и притом выдающимся. Обнаружив, что наши предки дружелюбны, но суеверны, он пытался их просветить, но они неверно поняли и исказили его учение. Великие были всего лишь людьми Империи — только они покинули не Землю, но саму Вселенную. Последователи Учителя этого не понимали или просто не верили, и все их мифы и традиции были основаны на ложной предпосылке. Я намерен когда-нибудь выяснить, почему Учитель скрывал свое прошлое. Думаю, это весьма интересная история.

— Мы за многое должны благодарить этого мудреца,— сказал Рорден, когда они вошли в корабль.— Без него мы никогда бы не узнали правду о прошлом.

— Не уверен,— ответил Элвин.— Раньше или позже Ванамонде все равно бы нас нашел. К тому же на Земле могут быть спрятаны и другие корабли. Однажды я их разыщу.

Город теперь находился слишком далеко, чтобы в нем можно было опознать творение человеческих рук. Появился закругленный край планеты. Вскоре они увидели и тысячекилометровую линию сумерек, наползающих на пустыню. Над Рорденом и Элвином сияли звезды.

Рорден долго смотрел на пустынную панораму, которую никогда не видел прежде. Внезапно его охватил гнев на людей прошлого, по собственной небрежности погубивших кра-

соту Земли. Если станет явью мечта Элвина, если выяснится, что огромные заводы по преобразованию материи существуют до сих пор, пройдет не так уж много столетий, прежде чем океаны вновь покатят по планете свои волны.

В предстоящие годы нужно сделать еще очень многое. Рорден понимал, что стоит на стыке двух эпох. Он чувствовал, как вновь убыстряется пульс человечества. Впереди великие задачи, и Диаспар должен с ними справиться. На восстановление истории могут потребоваться века, но с его завершением человечество вернет себе все, чего лишилось. И постоянным фоном всему оставалась загадка Ванамонде...

Если Калитракс прав, Ванамонде уже развивается быстрее, чем ожидали его создатели, и философы Люса не зря возлагают большие надежды на будущее сотрудничество. Они очень привязались к наивному сверхразуму; возможно, считают, что смогут сократить вечность, которой требует его естественная эволюция. Но Рорден знал: конечная цель Ванамонде — нечто такое, в чем человечество не играет никакой роли. Он верил, когда-нибудь на краю Вселенной, среди безжизненных звезд, встретятся Ванамонде и Безумный Разум.

Элвин прервал его размышления, и Рорден отвернулся от экрана.

— Я хотел, чтобы ты это увидел,— тихо сказал Элвин.— Возможно, пройдут многие столетия, прежде чем у тебя снова появится такая возможность.

— Ты не улетаешь с Земли?

— Нет. Даже если в этой Галактике есть другие цивилизации, вряд ли они стоят того, чтобы их искать. А здесь еще столько дел...

Элвин смотрел на огромные пустыни, но вместо них видел океаны, которые разольются здесь через тысячи лет. Человечество, вновь обретшее свой мир, вернет ему былую красоту, и пока люди будут жить на Земле, красота не увянет. А потом...

— Я хочу отправить этот корабль за пределы Галактики, по следам Империи. Поиск может занять тысячелетия, но роботу неведома усталость. Когда-нибудь наши собратья получат мое сообщение и узнают, что мы ждем их здесь, на Земле. Они вернутся, и надеюсь, что к тому времени мы будем их достойны, сколь бы великими они ни стали.

Элвин замолчал, глядя в будущее, до которого он мог не дожить. Пока человечество возрождает и обустраивает свой мир, корабль будет мчаться в межгалактической бездне и через многие тысячи лет вернется назад. Возможно, Элвин доживет до его прибытия — а если и нет, едва ли стоит об этом жалеть.

Они теперь находились над полюсом, планета выглядела почти идеальной полусферой. Глядя на полосу сумерек, Элвин вдруг понял, что одновременно видит восход и закат. Картина была столь величественной, столь символической, что запечатлелась в его памяти на всю жизнь.

В этой Вселенной наступала ночь — тени протягивались к востоку, который никогда не увидит нового рассвета. Но где-то звезды были еще молоды и брезжило утро. И однажды человечество вновь отправится в путь, по которому уже шло когда-то.

Содержание

ЗЕМНАЯ ИМПЕРИЯ

(Перевод И. Иванова)

Часть 1. ТИТАН

Глава 1. Крик в ночи . . . 7
Глава 2. Династия . . . 12
Глава 3. Приглашение на торжества . . . 18
Глава 4. Красная луна . . . 24
Глава 5. Политика пространства и времени . . . 28
Глава 6. У прекрасных берегов озера Лох-Хеллбрю . . . 33
Глава 7. Крест из титанита . . . 43
Глава 8. Дети подземелий . . . 51
Глава 9. Роковой дар . . . 58
Глава 10. Конец Света . . . 65

Часть 2. ПОЛЕТ

Глава 11. «Сириус» . . . 72
Глава 12. Последние слова . . . 80
Глава 13. Самое длинное путешествие . . . 84
Глава 14. Песни Империи . . . 93
Глава 15. Узел . . . 98
Глава 16. Порт Ван Аллен . . . 107

Часть 3. ТЕРРА

Глава 17. Вашингтон, округ Колумбия . . . 115
Глава 18. Посольство . . . 122
Глава 19. Маунт-Вернон . . . 128
Глава 20. Вкус меда . . . 136
Глава 21. Калинди . . . 143
Глава 22. Призраки пучины . . . 152
Глава 23. Эхнатон и Клеопатра . . . 159
Глава 24. Игры землян . . . 163

Глава 25. Соперники . . . 176
Глава 26. Остров доктора Мохаммеда . . . 184
Глава 27. Золотой риф . . . 192
Глава 28. Расследование . . . 201
Глава 29. Звездный день . . . 206
Глава 30. Послание с Титана . . . 212
Глава 31. «Око Аллаха» . . . 220
Глава 32. Встреча у «Циклопов» . . . 227
Глава 33. Слушатели . . . 237
Глава 34. Долг и страсть . . . 248
Глава 35. Аргус Всевидящий . . . 261
Глава 36. День независимости . . . 277
Глава 37. Зеркало моря . . . 285

Часть 4. ТИТАН

Глава 38. Возвращение домой . . . 294

Послесловие . . . 296
Послесловие к послесловию . . . 300

ФОНТАНЫ РАЯ

(Перевод О. Битова)

Предисловие . . . 303

I. ДВОРЕЦ

1. Калидаса . . . 304
2. Инженер . . . 309
3. Фонтаны . . . 317
4. Скала демонов . . . 319
5. Что видно в телескоп . . . 327
6. Художник . . . 332
7. В чертогах короля-бога . . . 335
8. Мальгара . . . 344
9. Невидимая нить . . . 346
10. Мост всех мостов . . . 350
11. Царственные молчальницы . . . 361

II. МОНАСТЫРЬ

12. «Звездоплан» . . . 369
13. Тень на рассвете . . . 372
14. «Звездоплан» учится . . . 379
15. Бодхидхарма . . . 382

16. «Звездоплан» беседует с человечеством . . . 388
17. Паракарма . . . 393
18. Золотые мотыльки . . . 400
19. У берегов озера Саладин . . . 402
20. Когда мосты танцуют . . . 409
21. Вердикт . . . 416

III. КОЛОКОЛ

22. Отступник . . . 421
23. Космический бульдозер . . . 423
24. Перст провидения . . . 433
25. Орбитальная рулетка . . . 435
26. В предпраздничную ночь . . . 437
27. Станция «Ашока» . . . 440
28. Пробный спуск . . . 445
29. Последние километры . . . 450
30. Армии короля . . . 455
31. Исход . . . 457

IV. БАШНЯ

32. Космический экспресс . . . 462
33. «Охранительница» . . . 468
34. Страх высоты . . . 470
35. «Звездоплан»: 80 лет спустя . . . 480
36. Безжалостное небо . . . 481
37. Алмаз весом в триллион тонн . . . 487

V. СВЕРШЕНИЕ

38. Край безмолвных ураганов . . . 492
39. Раненое солнце . . . 495
40. Рельсы ведут в тупик . . . 501
41. Метеор . . . 504
42. Смерть на орбите . . . 505
43. На автоматику надейся... . . . 507
44. Грот посреди неба . . . 511
45. Самый подходящий человек . . . 518
46. «Паучок» . . . 522
47. Сквозь северное сияние . . . 529
48. Ночь на вилле . . . 535
49. Рывок! Еще рывок!.. . . . 538
50. Светлячки . . . 542
51. Над бездной . . . 544
52. Строптивая пассажирка . . . 547

53. У самой цели . . . 551
54. Теория относительности . . . 556
55. Стыковка . . . 558
56. Вид с галереи . . . 564
57. Последний рассвет . . . 567
58. Эпилог: триумф Калидасы . . . 573

От автора . . . 579

ДА НЕ НАСТАНЕТ НОЧЬ

(Перевод К. Плешкова)

Пролог . . . 589

1. Взаперти . . . 590
2. Поиск начинается . . . 598
3. Гробница Ярлана Зея . . . 605
4. Путь вниз . . . 615
5. Мир Люса . . . 620
6. Последняя Ниагара . . . 628
7. Обитатель кратера . . . 635
8. История Шалмирейна . . . 643
9. Повелитель робота . . . 649
10. Копия . . . 655
11. Совет . . . 661
12. Корабль . . . 670
13. Кризис . . . 677
14. За пределы Солнечной системы . . . 683
15. Ванамонде . . . 690
16. Две встречи . . . 695
17. Черное Солнце . . . 700
18. Возрождение . . . 708